

Текст взят с психологического сайта <http://psylib.myword.ru>

На данный момент в библиотеке MyWord.ru опубликовано более 2500 книг по психологии.

Библиотека постоянно пополняется. Учитесь учиться.

Удачи! Да и пребудет с Вами.... :)

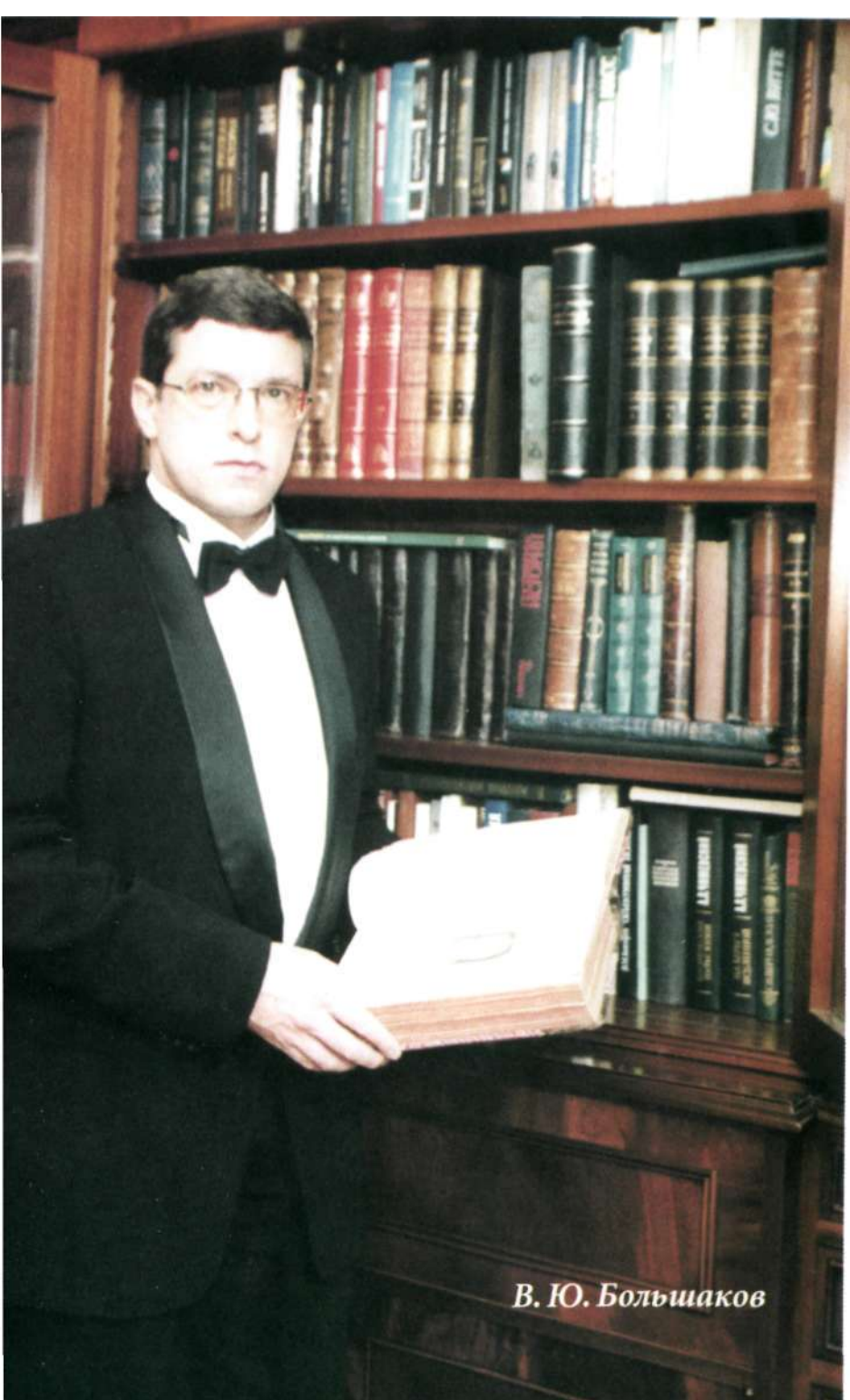
Сайт psylib.MyWord.ru является помещением библиотеки и, на основании Федерального закона Российской Федерации "Об авторском и смежных правах" (в ред. Федеральных законов от 19.07.1995 N 110-ФЗ, от 20.07.2004 N 72-ФЗ), копирование, сохранение на жестком диске или иной способ сохранения произведений размещенных в данной библиотеке, в архивированном виде, категорически запрещен.

Данный файл взят из открытых источников. Вы обязаны были получить разрешение на скачивание данного файла у правообладателей данного файла или их представителей. И, если вы не сделали этого, Вы несете всю ответственность, согласно действующему законодательству РФ. Администрация сайта не несет никакой ответственности за Ваши действия.

В. Ю. БОЛЬШАКОВ

ЭВОЛЮЦИОННАЯ ТЕОРИЯ ПОВЕДЕНИЯ

В. Ю. Большаков

Владимир Юрьевич Большаков

Родился 8 марта 1962 г. в Пензе.

Окончил факультет психологии Санкт-Петербургского государственного университета, Российскую академию государственной службы при Президенте России.

В 1998 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Методические основы применения тренинга в управлении социально-психологическими процессами».

В 2000 г. защитил докторскую диссертацию по специальностям «Общая педагогика» и «Педагогическая психология» на тему «Основы развития лидерской одаренности у старших школьников».

Автор ряда работ по психологии малых групп и психологии массовидного поведения.

Ответственный секретарь журнала «Известия Российской академии образования», заместитель главного редактора журналов «Прикладная психология» и «Иностранная психология».

Организатор и руководитель многих избирательных кампаний в Санкт-Петербурге и других регионах России, а также в странах ближнего зарубежья.

Директор ООО «Санкт-Петербургский социально-психологический центр»

Vladimir Yur'evich Bol'shakov

Was born in Penza, Russia, in March 8, 1962.

He graduated Saint-Petersburg University, the psychological faculty, and President Russian Academy of Public Service.

In 1998 he defended a master's thesis: "Methodical Foundations of the Use of a Training for the Social-Psychological Processes Control."

In 2000 he defended a thesis for degree of doctor by specialities "common pedagogics" and "pedagogical psychology:" "Fundamentals of Development of a Leader Talant of Seniors."

V.Yu.Bol'shakov is the author of a number of the works by psychology of small groups and a masslike behaviour.

He is a secretary-in-chief of the journal "Izvestiya Rossiiskoi Akademii Obrazovaniya" ("Proceedings of the Academy of Education") and associated editor of the journal "Priladnaya Psykhologiya" ("Foreign Psychology").

He is an organizer and instructor of many election compaigns in St.Petersburg and other Russian regions and that of the countries of SNG.

At present Bol'shakov, V.Yu. is a director of "St.Petersburg Social Psychological Centre," Ltd.

St. PETERSBURG STATE UNIVERSITY

V. Yu. Bolshakov
EVOLUTIONARY
THEORY OF BEHAVIOR

St. PETERSBURG
UNIVERSITY PRESS
2001

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В. Ю. Большаков
ЭВОЛЮЦИОННАЯ
ТЕОРИЯ ПОВЕДЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2001

ББК 88.5

Б79

*Рекомендовано к изданию Координационным советом
Санкт-Петербургского психологического общества*

Большаков В. Ю.

Б79 Эволюционная теория поведения. — СПб.: Издательство
С.-Петербургского университета, 2001. — 496 с.
ISBN 5-288-03020-0

Книга содержит анализ эволюции социума и его отдельных структур, проводимый на основе сопоставления групп поведенческих регуляторов, преобладающих в социальных образованиях в силу ряда причин, к которым можно отнести и исторические, и географические, и биологические.

Книга предназначена для социологов, психологов, педагогов, специализирующихся на изучении массовидного поведения, а также для практических работников, занятых в сфере управления; может быть использована в качестве учебного пособия для студентов и аспирантов соответствующих специальностей.

The book comprises the analysis of the society and its separate structures evolution that is made on the grounds of comparing groups of behavior regulators that prevail in social formations due to a number of reasons including historical, geographical, and biological.

Intend for members of staff of scientific or other learned body: sociologists, psychologists, teachers, specializing in mass behavior, and for practical workers, managers and staff of governmental service, dealing with management. This book can be used as a manual for high-school students and post-graduate students according specialization.

ББК 88.5

ISBN 5-288-03020-0

© В. Ю. Большаков, 2001

© Издательство С.-Петербургского
университета, 2001

Предисловие

Уважаемые читатели! Издание этой работы предоставляет мне приятную возможность обратиться к вам с рядом новых мыслей, результатов экспериментов и размышлений, объединенных в рамках создаваемой эволюционной теории поведения.

Идеи, положенные в основу исследования, приобрели первое звучание в 1994-1995 гг. во время проведения экспериментов по изучению массовидного поведения. Наш Санкт-Петербургский социально-психологический центр получил первые большие заказы на проведение избирательных кампаний, и предоставилась возможность в ходе работы отследить имеющие волновой характер изменения состояний социума.

Специалисты всегда с легкостью объясняли, почему, например, тенденция выбирать на руководящие посты демократов сменилась склонностью голосовать за крепких хозяйственников, а затем мэры областных центров победили на выборах губернаторов областей. Но не существовало методик, позволяющих предсказывать такие изменения. За несколько последующих лет психологи и социологи разработали механизмы, позволившие давать краткосрочные и среднесрочные прогнозы развития общества. Были предугаданы и провалы на думских выборах проправительственных партий, и волна возрождения патриотизма, и многие другие феномены окончания перестройки.

В ходе исследований выяснилось, что поведение социальных групп, масс, целых народов определяется иной конфигурацией мотиваций в сравнении с отдельно взятыми личностями; что те или иные побудительные причины имеют различающиеся весовые коэффициенты в зависимости от применяемого способа донесения информации до человека. Подобные наблюдения уже сделали ос-

новоположники науки о поведении масс, но одно дело читать Лебона и Тарда о вековой давности событий в Франции, другое — наблюдать все в деталях собственными глазами.

Созданию эволюционной теории поведения способствовало также то, что начиная с 90-х годов главным объектом наших исследований были малые группы. В процессе работы с ними мы часто обнаруживали, что наши испытуемые очень предсказуемо ведут себя во время тренинга, но их поведение становится полным сюрпризом, как только закрепленные на групповых занятиях навыки они пытаются применить в реальной жизни. Вот вам еще один набор коэффициентов побудительных мотивов в сложной формуле психики, определяющей наше поведение.

Экспериментально удалось установить, что эта гипотетическая формула, обуславливающая поведение людей, имеет три устойчивых состояния, три ниши, и перевод из одной в другую можно совершить лишь затратив определенные усилия.

Затем я попытался отыскать причины такого положения вещей, и многое прояснилось при чтении работ, посвященных биоэволюционным процессам. На этом этапе окончательно отпала, как неверная, идея о четвертом устойчивом состоянии формулы — о коллективе. Коллектив — нерядоположное понятие в шеренге личность — малая группа — толпа, и поведение людей в коллективе, равно как и закономерности развития коллектива, методически правильно объяснять с трех вышеупомянутых позиций, без введения лишних сущностей.

Многолетние эксперименты, наблюдения, рассуждения помогли создать систему научных подходов, позволяющих прогнозировать макросоциальные изменения в обществе, которая много раз помогала в решении прикладных задач и на выборах всех уровней, а также при проведении макросоциальных программ, таких, например, как программа работы с интеллектуально одаренными учащимися старших классов или программа работы с семьями, воспитывающими детей-инвалидов. В этой суровой проверке практикой (а суровой потому, что заказчики, будь то бюджет или частные лица, суть самый строгий ученый совет!) подходы, составившие в совокупности эволюционную теорию поведения, оправдали себя настолько, что я решил продемонстрировать эти достижения в печати.

Книга содержит анализ эволюции социума и его отдельных структур, проводимый на основе сопоставления групп поведенческих регуляторов, преобладающих в социальных образованиях в силу ряда причин, к которым можно отнести и исторические, и географические, и биологические.

Прочитав и просмотрев со студенческих времен множество литературы, посвященной исследованию толпы, я с удивлением убедился, что ни основоположники, ни их современные последователи и интерпретаторы не объяснили, каким образом запускается массовидное поведение, почему оно прекращается.

Законы подражания и заражения, опять же без объяснения механизмов действий, — вот все, что определенного сказано о массовидной поведенческой регуляции.

В ходе работы мне удалось выдвинуть и экспериментально обосновать гипотезу о механизмах включения массовидного поведения, удалось отследить поведенческие схемы, генерируемые в различных структурах социума индивидуальными, ролевыми и массовидными регуляторами поведения; описать примеры поведенческих деформаций, связанных с обусловленным внешними причинами несимметричным представительством групп регуляторов в конфигурации, определяющих поведение.

Основываясь на этих знаниях, я написал главы о системе образования, о выборах, о работе с властными структурами — три темы, которыми преимущественно занимается в прикладной области наш Социально-психологический центр.

Получившаяся книга мне самому нравится, и я приложу усилия по донесению ее до самой широкой читательской аудитории. Около 5 тыс. экземпляров книги будут разосланы по библиотекам России, остальные поступят в свободную продажу. В дальнейшем книга будет переведена на немецкий, английский и, возможно, на некоторые другие языки.

Предисловие, которое вы сейчас читаете, я пишу, когда макет книги уже лежит перед глазами, работа близка к завершению. Мне остается лишь поблагодарить всех тех, кто помогал в проведении исследований, — весь коллектив нашего Социально-психологического центра, а особенно Ирину Витальевну Андрейченко, которая очень помогла при написании литературного обзора работ специалистов в области психологии толпы (гл. 2) и, конечно же, мою жену Ирину Георгиевну Большакову — за ее самоотверженное участие в обсуждениях идей книги, затягивавшихся порой за полночь.

Отдельное спасибо замечательной группе работников издательства — редактору, корректору, художнику — всем тем, кто помогал мне в создании этой книги.

Preface

Dear readers! The publication of this work gives me a pleasant opportunity to address you with a number of new ideas, results of experiments and meditations, united within the framework of the created evolutionary theory of behavior.

The ideas that served as a basis of the research gained new a twist in 1994-1995 when some experiments on studying mass-like behavior were carried out. It was then that our St. Petersburg Social Psychology Center received its first big orders to hold electoral campaigns and in the course of work we had an opportunity to some trace changes in the state of the society that were undulatory in character.

Specialists always easily explained why, for example, a tendency to elect democrats to the leading positions was replaced by eagerness to vote for practical and well-established executives, and then mayors of regional centers won elections over regional governors. But there were no methods that could let us forecast such changes. In a number of subsequent years psychologists and sociologists worked out some mechanisms that enabled us to give short-term and medium-term prognoses of the society development. We foresaw the failure of the pro-governmental parties in Duma elections, the wave of patriotism revival, and many other phenomena of the end of perestroika.

In the course of the research it turned out that the behavior of social groups, masses, whole nations is determined by a configuration of motivations that differs from that of separately taken individuals; and that or those objectives have different weighting coefficients dependent on the applied way of information delivering to a person. Such observations were already made by the founders of the masses' behavior science, but one

thing is to read Lebon and Tarde about a century old events in France and the other — to be an eye witness.

The fact that beginning from the 90-ies small groups were the main object of our observation also contributed to the creation of the evolutionary theory of behavior. Working with them we often found out that our testees behaved very predictably during the training but their behavior was becoming a complete surprise when they tried to apply the skills they gained during group sessions in real life. Here you have one more set of objectives' coefficients in a complex formula of mind psychology that determines our behavior.

We managed to ascertain experimentally that the hypothetical formula that determines people's behavior has three settled conditions, three niches and the transition from one into other can be carried out only with certain efforts.

Then I tried to find reasons for such a state of affairs, and a lot cleared while reading works on bio-evolutionary processes. At this stage the idea of a fourth settled state of the formula — collective — was dropped away as a false one. Collective is an out-of-line concept in the "personality — small group — crowd" rank, and people's behavior in a collective as well as the pattern of a collective development, can be methodically true explained from the three above stated grounds without bringing in redundant substances.

Long-standing experiments, observations, speculations helped to create a system of scientific approaches allowing us to forecast macrosocial changes in the society, the system that has many a time helped in solving applied tasks and in elections of different levels, and also in realizing macrosocial programs such as, for example, a program of work with intellectually gifted senior students, or a program of work with families upbringing disabled children. In this rigorous check by practice (rigorous because the customers be it budget, or private individuals make the most rigorous scientific council) the approaches that all make up the evolutionary theory of behavior have justified themselves to such an extent that I decided to reveal these results in press.

The book comprises the analysis of the society and its separate structures evolution that is made on the grounds of comparing groups of behavior regulators that prevail in social formations due to a number of reasons including historical, geographical, and biological.

Since my student years I've read and looked through a lot of literature on crowd researches and I was surprised to find out that neither founders, nor their modern followers and interpreters have explained how a mass-like behavior starts working and why it stops.

Laws on copying and catching, again without any explanations of how they work — that's all definite that exists about mass-like behavior regulation.

In the course of work I managed to put forward and ground experimentally a hypothesis on the mechanisms of mass-like behavior cutting in, succeeded in tracing behavior patterns generated in different structures of the society by individual, role, and mass-like behavior regulators; describe the patterns of behavior deformations connected with the asymmetrical representation of the group of regulators (caused by internal reasons) in configurations that determine behavior.

Basing on this knowledge I wrote chapters on educational system, elections, work with power structures — the three applied subjects our Social Psychology Center mainly deals with.

I myself like the book that has emerged and I'll try to make it reach all the circles of readers. About five thousand copies will be sent to Russian libraries, the rest will appear in the outlets. In future the book will be translated into German, English, and probably into some other languages.

The preface you are reading now I write when the dummy copy of the book lies in front of me and the work is up to its ending. I only have to thank all those who've helped me in carrying out the research — all staff of our Social Psychology Center, and especially Andreichenko Irina Vitalievna, who's helped me greatly in writing literal review of the specialists' works on crowd psychology (chapter 2), and, of course, my wife, Bolshakova Irina Georgievna, for her selfless participation in the discussions of the book ideas that used to last till after midnight.

Special thank to a wonderful group of the publishing house employees — editor, proof-reader, designer — all those who've helped me in the creation of the book.

October 15, 2001

V. Yu. Bolshakov

Глава 1

Исторический обзор

Краткое описание развития науки о толпе. Определение места науки о толпе в ряду других областей знания. Этапы становления, цепочки последовательностей и трансформаций взглядов исследователей явлений в области психологии масс

Учения о государстве появились значительно раньше, чем учения о толпе. Мыслители античности спорили об оптимальном государственном устройстве, прежде всего обращая внимание на архитектуру управленческого аппарата и на характеристику вождей. Роль народных масс рассматривалась как явно второстепенная.

Пролетели два тысячелетия, в течение которых история многократно предоставляла нам примеры проявления могущественной силы толпы, но парадокс в том, что те времена и народы, которые особенно сильно испытали ее на себе, обычно характеризовались отсутствием ученых мужей, способных эту стихию описать и изучить. И наоборот, времена жизни авторов, способных по своему интеллектуальному уровню таковые волны увидеть, осмыслить и описать, приходится на те краткие моменты всемирной истории, которые буйством народных стихий не отличаются. Причина, увы, проста. Толпа сметает устоявшийся порядок вещей, а мыслители могут работать и благодаря своим трудам оставаться в веках лишь при покровительстве сильных мира сего, в условиях относительной стабильности. Во время буйств народных стихий условия для работы ученых не оптимальны. Лишь в конце второго тысячелетия нашей эры отношение к ученым мужам и условия их работы начинают изменяться.

Знаменитая команда, которую, по преданию, отдал Наполеон во время своей Африканской кампании: «Ослов и ученых — в середи-

ну!», — наглядно иллюстрирует начавшиеся позитивные сдвиги воззрений руководителей на соотношение интеллекта и тягловой силы в эпоху становления капитализма.

Главной причиной, сведшей лицом к лицу феномен массовидного поведения (термин наш. — В. Б.) и его исследователей, следует, по-видимому, считать увеличение численности населения, главным образом жителей городов. В силу большой плотности заселения городов феномен толпы проявляется так часто и ярко, что трудно его не заметить пытливому исследовательскому уму. Также нужно подчеркнуть, что только в условиях сильных городов увеличиваются шансы носителей этого пытливого ума сохранить головы на плечах в случае особенно яркого проявления феномена массовидного поведения — например, нашествия орд кочевников.

Но и после того как цивилизация создала ученым приемлемые условия для исследований, указанный феномен не сразу угодил на предметные стекла мыслителей. Эта задержка объясняется психологическим антагонизмом ученого и толпы. Личность и толпа стоят на противоположных концах шкалы социального поведения. Эти две стихии чужды друг другу во внешних проявлениях.

И лишь тогда исследователи обратили внимание на феномен массовидного поведения, когда он заявил о себе во всем своем грозном величии. Как водится, были гении, опередившие свое время (Н. Макиавелли, например), но подлинное начало изучению поведения толпы положила Великая Французская революция.

Революция ужаснула Г. Тарда, Г. Лебона, С. Сигеле. Преодолевая свой страх, они попытались изучить ставшее столь отличным от обыденного поведение людей, и отчасти им это удалось.

Были сформулированы гипотезы, которые сегодня уточняются и дополняются незначительными деталями, были описаны особенности поведения человека в толпе, составлен терминологический ряд.

В развитии науки о поведении масс можно выделить несколько волн. Любой современный ученый должен изучить работы авторов первой и второй волн исследований массовидного поведения очень внимательно, потому что эти мыслители, обладая высоким интеллектом и будучи подстегиваемы эмоциональным потрясением от происходящего, сказали о феномене все или почти все. Увы, ни возможностями вести экспериментальные работы, ни методологическим аппаратом для проведения подобных работ исследователи не располагали. Не было также социального заказа на проведение подобных исследований, а следовательно, денег и возмож-

ностей вести широкомасштабную работу, — а ведь сам феномен настолько грандиозен, что для его изучения нужны огромные усилия и затраты. Тем не менее разум не подвел, и чтение работ В. Вундта, М. Вебера, Ф. Энгельса, Н. Макиавелли, В. И. Вернадского, В. М. Бехтерева, Г. Юнга доставляет истинное наслаждение — иногда красотой изложения, иногда глубиной и парадоксальностью идей.

В то же время изучение трудов исследователей толпы должно быть максимально критичным, потому что, сложив фундамент науки о толпе из твердых фактов, исследователи часто пытались скрепить их не логикой рассуждений и экспериментальными подтверждениями, а эмоциями, ужасом перед новой стихией, что проявляется, в частности, в подавляющем преобладании негативной терминологии — все эти «ужасный», «бессмысленный», «преступный» и т. д.; попытками преодоления своих сформировавшихся в детстве и юношестве комплексов, что относится, конечно, в первую очередь к З. Фрейду, А. Адлеру, Г. Юнгу, Э. Фромму, Э. Эриксону, К. Хорни и другим фрейдистам и неофрейдистам; а также рассуждениями, базирующимися на последствиях раскола общественного мнения конца XIX — начала XX в. Глубокая трещина разделила мыслителей на зовущих к победе коллективизма и на защищающих индивидуализм.

Подобный раскол случился в истории человечества не впервые. Люди в своем эволюционировании упорно пробуют как личностно ориентированный (так называемый западный), так и коллективный (так называемый восточный) пути развития. Однако именно на стыке XIX—XX вв. рост численности населения практически впервые в истории дал возможность силе толпы на территории Европы противостоять силе индивидуумов, контролирующих эту толпу в государственном смысле. Как результат — Великая Французская революция, затем Великая Октябрьская социалистическая революция — потрясения, принципиально изменившие облик человечества.

Подавляющее большинство исследователей поведения масс первой и второй волн являются сторонниками индивидуализма, что вносит в их работы тенденциозность и излишнюю оценочность.

Более адекватным представляется подход таких исследователей, как И. М. Сеченов и В. М. Бехтерев, всерьез пытавшихся создать экспериментальную, естественнонаучную дисциплину о поведении масс. К сожалению, с поколением Орбели эта традиция в России была прервана на долгие десятилетия.

В начале XX в. от исследований И. П. Павлова отпочковался бихевиоризм. Вот уже скоро сто лет, как белые крысы под управлением

Э. Торндайка и Д. Уотсона успешно отражают яростные атаки всех создателей личностных теорий, не согласных с тем, что психология должна изучать поведение, а не сознание; тем временем параллельно работающий Н. Тинберген получил Нобелевскую премию за вдумчивые и кропотливые исследования социального поведения животных.

Сегодня в российской психологии, к сожалению, трудно найти такого масштаба фигуры, которые смогли бы продолжить тему. А. Н. Леонтьев, Б. Ф. Ломов, Б. Г. Ананьев — где их ученики? Авторы сегодняшнего дня, совершенно неверно определив для себя гуманизацию психологии как долгожданное разрешение не пользоваться математикой и не залезать в дебри рефлекторных дуг, где им явно неуютно, школу не продолжили. Прошли 70-е, прошли 80-е...

В начале 90-х практически одновременно во многих университетах России открылись кафедры политической психологии. Был принят ряд попыток продолжить и развить работы Бехтерева. Не касаясь содержательной части этих попыток, отметим знаком плюс сам факт их наличия. Свежим ветром снова повеяло в наших рядах!

Но вернемся к работам авторов первой волны. Великие революционные события, побудившие их обратиться к исследованиям поведения масс, затронули судьбы миллионов человек. И, как сказал бы А. Тойнби, вызов был принят. Эти миллионы людей ответили принятием мировоззрения психоаналитиков, а в дальнейшем — лично ориентированных психологов, декларирующих гуманистические ценности.

Но великие потрясения затронули судьбы и целых народов, классов, социальных групп, а также государств, их управленческих структур. Этот вызов был также принят, и ответом стал социальный дарвинизм. Именно здесь встретились озабоченность управленческих государственных структур возрастающим влиянием масс, угрозой со стороны масс стабильности их существования — и размышления о путях управления государствами и человечеством в целом, о возможности управлять движением и развитием масс.

Первый ответ, назовем его индивидуальным, в антропоцентристском преклонении перед личностью со временем достиг такой силы, что рассуждения Достоевского о слезе ребенка «бледнеют» в сравнении со взглядами ортодоксальных представителей гуманистической психологии.

Второй ответ, поименуем его социальным, в последнее столетие претерпел трансформацию. Первоначально мощно прозвучавший общественный призыв (см. работы Маркса, Энгельса, Ленина и других

создателей учения о победе коммунизма) подчинить личность классовым интересам привел в апофеозе к созданию таких блистательных документов, как, например, «Закон о революционном обобществлении женщин». Затем, покрыв побережье Северного Ледовитого океана миллионами безымянных могил и обеспечив победу в великой войне, совершив прорыв в ядерный мир и космос, после серии никаких работ о коллективизме 60-80-х годов как бы исчез — но на самом деле лишь затаился, но с начала 90-х вновь пробивается в публикациях по политической психологии, психологии выборов и т. д.

Можно сделать вывод, что ветви сошлись, и сегодня лидеры и в России, и других странах, прагматично отвергнув крайности в виде сверхценности личности и социальной сцинтильности, обозначили вопрос: «Как, каким образом следует руководить массами?» Массы же, со своей стороны, с удовольствием подчинились харизме лидеров, так как пассионарность многих народов ослаблена революциями, мировыми войнами и противостоянием систем коммунизма и империализма в холодной войне.

Лидеры государств и других социальных структур изучают вопрос: «Как руководить массами?» Сегодня им недостаточно знать, что толпа «имеет преступный характер», — они хотят знать, как оказать в ее главе.

Многие скажут, что недопустимо манипулировать общественным сознанием. Но эта фраза принесена нам именно манипуляторами общественным сознанием. Реалии таковы, что сегодня стало возможным претворять в жизнь гигантские социальные проекты. Созрели условия, позволяющие сделать попытку планирования социально-психологических процессов, протекающих и в отдельно взятых государствах, и в планетарном масштабе. Именно здесь, а вовсе не в физике или биохимии, создаются те самые сверхвысокие технологии. Если сегодня кому-то придет в голову идея колонизировать Марс или Луну, то для воплощения ее в жизнь сначала социальные технологи должны будут определенным образом отмотилизовать общественное мнение миллионов и миллионов обывателей, а уж потом за дело смогут взяться ракетчики. Авторы этих технологий пока еще не всегда могут удерживать в руках те колоссальные силы, которые они уже научились вызывать к жизни, пусть порой и неосознанно. Примеры — Великая Французская революция, Великая Октябрьская социалистическая революция, которые пожрали своих создателей. Вторая мировая война смела Хаусхофера (еще предстоит изучить роль и меру ответственности за нее работников созданного им в 1924 г. в Мюнхене института геополитики).

тики), и Розенберга, и Геббельса, и Гитлера. Но социальный механизм подавления авторов создания и воплощения планетарного социального проекта дал сбой, т.е. авторы в определенной мере уже научились управлению стихией масс.

Следующие попытки проходят еще более гладко, ведь при всем желании трудно отнести к механизмам социальной защиты уотергейтский скандал, болезнь Альцгеймера и нестиранные платья. Победа США в глобальном социальном эксперименте под названием «Холодная война» доказывает, что организаторы все лучше и лучше учатся управлять «джинном». Это умение приводит к глобальным потрясениям, и бомбардировки Югославии — это только начало...

Нравственно или безнравственно стремление научиться управлять массами — но факт существует. И следует изучать законы развития масс во всех формах их существования. Изучать и пытаться использовать.

На переломе тысячелетий знания о поведении больших групп людей существуют распределенно в нескольких науках, связь между которыми все интуитивно понимают, но попытки представить их как единое целое практически не предпринимаются. Между тем именно такой, междисциплинарный, подход может придать знанию прогностическую силу.

Перечислим эти направления и кратко охарактеризуем положение дел в них сегодня.

1. Психология. Личностная психология продолжает изучать личность во всем ее многообразии, социальная психология в России все больше и больше сводится к практическому использованию тренинговых методов, а за рубежом — к неубедительным экспериментам над студентами психологических вузов. Работы по психологии масс практически не ведутся. Начало перестройки в нашей стране ознаменовалось появлением ряда публикаций по кросскультурным исследованиям, но затем эти работы получили тенденцию к затуханию. Околонаучные же измышления на эту тему приобрели массовый характер. И какой-то болезненный. Зомбирование, массовый гипноз, микролептоны, пульсирующие биополя, светящаяся аура...

Практическое применение шире. Строительство финансовых пирамид, создание сект, проведение избирательных кампаний, манипулирование общественным мнением с помощью СМИ — вот далеко не полный перечень областей прикладного применения психологии масс. Некоторые работы в этой области являются закрытыми.

Общедоступные же публикации можно разделить на две подгруппы:

1) попытка продолжения традиций Г. Тарда, Г. Лебона, С. Сигеле. Ярчайшим представителем этого направления можно считать С. Московичи, работы которого еще более изобилуют «ужасной» терминологией, чем даже труды основоположников, но содержат при этом значительно меньше здравого смысла;

2) исследования, уточняющие отдельные незначительные детали теорий и работ классических авторов.

Обе подгруппы характеризуются практически полным отсутствием экспериментальной базы.

2. Геополитика. Призвана, по определению, изучать особенности международной жизни государств, а именно, тех ее аспектов, которые объясняются географическими свойствами. Сюда же, вероятно, следует отнести работы А. Л. Чижевского, посвященные влиянию Солнца на нашу планету. Если толковать название этой науки не от *география*, а от *Гея* — Земля, то сюда же можно будет отнести работы и П. Тьера де Шардена, и А. Л. Вернадского, и Л. Н. Гумилева. Геополитики занимаются созданием геостратегий. Возникла даже некая отрасль — геостратегия, как назвал ее В. И. Сорокин. Она характеризуется множеством созданных план-проектов достижения отдельными государствами планетарных преимуществ, и далеко не все эти планы оказались нереализованными. Все это очень серьезно влияет на развитие дел на планете Земля, и жаль, что наши сегодняшние политики либо самоустранились от вопросов геополитики, либо участвуют в чужих играх в качестве марионеток.

3. Социология. Имеет большое прикладное значение, развитой математический аппарат. Методы сбора первичной информации хорошо отработаны, но в последнее время практически не совершенствовались. Отсутствие новых методов и методик предполагает в будущем в социологии некоторый застой. Но и при существующем методологическом обеспечении социология вполне справляется с решением стоящих перед ней прикладных задач.

4. Экономика. Убеден, что сегодня макроэкономика теряет свой общепринятый смысл. Общественные отношения меняются, и макроэкономика все больше и больше приобретает черты экономической политики.

5. Антропология. Интереснейшая наука, совершенно несправедливо находящаяся сегодня на довольно скромном месте в иерархии научных дисциплин. И одной из самых интересных тем, на мой взгляд, является развитие человеческой психики в процессе биологического появления человека. Сегодня работ по этой теме крайне

мало (работы Ф. Энгельса, В. И. Вернадского, Ф. Кликса). Тема ждет своих исследователей.

6. История. Тысячелетиями накапливавшая свой потенциал наука разродилась в последнее столетие величайшими творениями. Работы В. Вундта, А. Тойнби, Ф. Ратцеля, Л. фон Ранке, О. Егера, К. Маркса, многих других авторов представляют собой шедевры по цельности замысла и масштабности исполнения.

Счетная единица психологии — человек. Если мы будем знать факторы, влияющие на поведение человека в самых разных ситуациях, то сможем найти и выстроить те формы общения и воздействия, которые приведут к искомой реакции.

Результаты исследований, которые я провел в 1990-1998 гг., позволяют предположить, что поведение человека обусловлено тремя основными эволюционно сложившимися способами регуляции. Первый способ возник как следствие биологической отдельности, исключительности человека; второй сложился благодаря эволюционно сформировавшейся привычке человека существовать в составе малых социальных групп, наконец, третий способ является результатом эволюционной попытки обеспечить выживание вида путем создания макрогрупп особей этого вида.

Каждый человек ведет себя как личность, как член малой группы и как член толпы. Эти способы регуляции поведения, дополняя и искажая друг друга, занимая порой доминирующие положения, а порой не проявляясь, обеспечивают все многообразие поведения человека; важно научиться в кажущемся порой немотивированным поведении людей находить эти три составляющие, и задача прогнозирования человеческого поведения упростится.

Этому, собственно, и посвящена данная книга. Я пытался рассмотреть два вопроса: во-первых, теоретическое обоснование и экспериментальное изучение феномена массовидного поведения, во-вторых, определение направлений и закономерностей развития общества с точки зрения комплексного подхода к вопросу регуляции поведения человека, выявление тех движущих сил общества, которые возникают в результате постоянно присутствующей динамической напряженности социальной структуры общества.

Об этом позже, а пока давайте вернемся к рассмотрению ситуации, которая сложилась в науке о поведении человека в составе макросоциальных групп.

Практика показывает, что интеллектуальные и технологические

прорывы происходят тогда, когда они бывают востребованы состоянием дел в обществе.

Потребовались пряности и колонии — наступила эпоха Великих географических открытий.

Ответом на перенаселенность Европы стала технологическая революция XIX—XX вв.

Вторая мировая война породила ядерный прорыв, и т.д.

Сегодня состоянием дел в обществе озвучен социальный заказ на исследования в области психологии толпы. Заказчиками должны выступить планетарные организации (ООН, ЮНЕСКО, крупнейшие финансовые и информационные институты, а также региональные организации и правительства крупнейших держав).

Если раньше неудачные шаги той или иной структуры компенсировались наличием пустых пространств на планете, инерционностью и медлительностью распространения информации, многоукладностью культур, то сейчас все эти факторы теряют свое значение. И каждый шаг возникших структур, считающих полем своей деятельности весь земной шар, вызывает сложную сеть последствий. Расчет всех возможных вариантов развития событий, предупреждение негативных последствий — вот область применения науки о поведении масс.

Исполнителями заказа станут и уже стали психологи, политики, социологи, дипломаты, журналисты, работники спецслужб. И сегодня, на переломе тысячелетий, в условиях стремительно меняющихся правил международных отношений, мы видим, что количество работ в этой области возрастает.

Но пока все исследования ведутся по старинке, без опоры на эксперимент. К примеру, наличие архетипов Юнга, самого, пожалуй, крупного открытия психоаналитиков, до сих пор экспериментально ни подтверждено, ни опровергнуто, а сам Юнг считал, что все это к науке не имеет никакого отношения. Что же это? Философия? Интеллектуальное эссе? Поэзия? А заказчики хотят иметь строгие научные данные, с возможностью практического их применения. «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется», — сказал поэт. Задача науки о поведении масс заключается в том, чтобы точно установить, как наше слово отзовется. И слово, и дело.

Авторы первой волны исследований сделали решающий вклад в изучение стереотипов массовидного поведения. Их подход был в основном естественнонаучным, несмотря на излишнюю эмоциональность некоторых авторов. Они пытались систематизировать свои догадки, все раскладывать по полочкам, и это не может не им-

понимать. Но столкнувшись с трудностями получения экспериментальных подтверждений, с невостребованностью результатов исследований, ученые первой волны уступили свое поле деятельности представителям следующего поколения.

Последователи качнулись в сторону общегуманитарного, философского подхода, выдвинув новые блестящие идеи и концепции (Юнг, Вернадский). Но эти идеи в значительной мере не поддавались экспериментальной проверке. В историю ученые второй волны вошли как мыслители, философы, создатели концепций. Широко использовавшийся в конце XIX — начале XX в. метод, позволивший создать такие шедевры, как эволюционная теория или, например, историческая концепция Тойнби, не оправдал себя в науке о поведении масс, и вторая волна представляет собой отход после первого могучего, но неудачного броска, укрепление тыла, перегруппировку армии и подвод новых сил. Сформировались школы, направления.

Третья волна — время крепких докторов наук, которые пытались свои школы развить, укрепить, лишить налета мистицизма, приспособить к практике. Увы, и им задача оказалась не под силу, и те самые социальные течения и фильтры, о которых и идет речь в этой книге, сыграли с их последователями — участниками четвертой волны — злую шутку. «Готовим за 1 неделю парикмахеров и психоаналитиков» — объявление на фонарном столбе в Санкт-Петербурге — одна из таких шуток.

Гуманизация психологии, т.е. отход от естественнонаучного начала и применения математических методов и иных новых технологий, создание огромного количества не теорий, а полуучений-полусект (например, дианетика, онтопсихология и т.д.) — вот результаты деятельности представителей четвертой волны.

Можно констатировать, что серьезных работ по психологии масс сегодня нет. Однако есть труды по геополитике, социологии, другим дисциплинам, имеющим отношение к рассматриваемой теме. Но именно психология должна дать ответ, как поведет себя человек, подвергшись тому или иному виду воздействия (экономическому, силовому, информационному, историческому, географическому и т.д.) или их сочетанию. А реакции его удобно прогнозировать, о чем я уже говорил, учитывая эволюционно сложившиеся типы регуляции поведения: а) личностный; б) возникший в результате социального объединения людей в малые группы; в) сформировавшийся вследствие существования людей в макросоциальных группах.

Можно было бы, собственно говоря, вести речь и о коллективе, но, поскольку коллектив не является результатом развития одной из эво-

люционных линий поведенческих регулянтов, представляется предпочтительным рассматривать его как одну из форм социальной общности, особенности существования которой удобно описывать, используя три указанных выше формы регуляции поведения.

Какой будет пятая волна? Рассмотрим два варианта — оптимистический и пессимистический. Если задача современным ученым окажется не по плечу, то тот разгон, который взяла наука о поведении масс, не пробьет брешь в тайнах природы. Тогда все отложится на какое-то время, к вящей радости сайентологов и мунистов.

Оптимистический вариант: современных знаний, методов и методик, финансов, уровня мотивации хватит для того, чтобы совершить прорыв и уверенно проструктурировать в формуле и прогнозе открывшиеся просторы.

Некоторую пикантность придает ситуации тот факт, что, заложив сегодня некоторые эксперименты, скажем, об особенностях передачи информации в поколениях или о наследовании жизненных сценариев, ответ мы получим лет через 100. Подобные временные размерности требуют создания исследовательских структур особой формы. Впрочем, более подробно об этом — в одной из глав книги. (Кстати, в недалеком будущем выйдет из печати еще одна моя книга, которая будет посвящена рассмотрению феномена создания и функционирования тайных обществ. Условия их существования во многом кажутся схожими с условиями существования той структуры, которую мы должны создать, если хотим исследовать социально-психологические процессы большой временной протяженности, охватывающие большие группы людей.)

Итак, мы уже отметили наличие четырех волн в науке о массовидных явлениях, определили ряд факторов, приведших к особенностям работ авторов той или иной волны (в том числе революции, мировые войны). Но нельзя сказать, что, к примеру, первая волна началась 1 января N года, а закончилась 31 декабря K года. Наука о поведении масс пронизана по вертикали направлениями, школами, поколения внутри которых удобно расставлять по четырем волновым полкам (рис. 1, вклейка).

Наиболее четко прослеживаются следующие направления науки о поведении масс.

1. Геополитическое. Источники — античные мудрецы, Н. Макиавелли. Цепочка: Х. Маккиндер, А. Мэхен — К. Хаусхофер — Н. Спайкмен, Р. Строусс — С. Хантингтон, З. Бжезинский. Для специалистов этой группы характерны попытки доказательств исключительной роли некоторых народов.

2. Естественнонаучное. В. Вундт — Г. Тард, Г. Лебон, С. Сигеле — Х. Ортега-и-Гассет, Э. Канетти — С. Московичи. Движение от попыток введения классификации изучаемого феномена к компилятивности и крайней эмоциональности оценок.

3. Психоаналитическое. З. Фрейд — А. Адлер, Г. Юнг — Г. Ласвелл — огромное количество последователей. Выводы делали, прежде всего, на основе анализа своих личностных проблем, коих было множество. Трудное детство, деревянные игрушки... Авторы некоторых замечательных, но умозрительных идей.

4. Русская традиция. И. М. Сеченов — В. М. Бехтерев, И. П. Павлов — Л. А. Орбели. Это направление развития не получило, так как при Сталине выяснилось, например, что замечательный ученый Орбели — «махист, авенариусовец, кои, в свою очередь, являются пережевывателями берклианства» (*Учение И. П. Павлова и философские вопросы психологии*. М.: Изд-во АН СССР, 1952).

5. Общефилософское. Ф. Энгельс — П. Тейяр де Шарден; В. И. Вернадский — Л. Н. Гумилев — современные геополитики.

6. Экономисты. А. Смит — К. Маркс, М. Вебер — В. Райх, К. Поппер — Дж. Сорос.

7. Физиологи. И. М. Сеченов — В. М. Бехтерев, И. П. Павлов — Л. А. Орбели, Н. Тинберген.

8. Символисты. Г. Юнг — В. В. Налимов — П. А. Сорокин.

Безусловно, список этот можно дополнять и совершенствовать. Даже для того чтобы изучить и осмыслить работы этих авторов, мне потребовалось несколько лет. Неназванными остались такие имена, как Курт Левин, например, или Илья Пригожий. Следует изучать, как ни неприятно, работы Геббельса, Розенберга, которые обильно издают сейчас наши бывшие прибалтийские товарищи, а также пробраться сквозь воспаленное воображение в работах Даниила Андреева, Блаватской и иже с ними, а эти авторы, как известно, меньше чем по 1000 страниц книг не писали!..

Конечно, я не упомянул многих серьезных авторов и ученых, занимавшихся изучением поведения масс. Вопрос требует более тщательной проработки, надеюсь, он обратит на себя внимание исследователей, работающих в области истории социальных наук. Мы же перейдем к более подробному разговору об авторах и идеях: авторах, создавших за последние 150 лет огромный объем работ, посвященных исследованиям поведения масс; идеях и гипотезах, призванных осветить этот очень непростой вопрос.

Глава 2

Литературный обзор

Изложение взглядов лидеров четырех волн исследований феномена толпы. Определение ключевых идей, принципов систематизации, сильных и слабых мест теорий, объясняющих массовидное поведение и его следствия

Первый исследователь поведения масс — Н. Макиавелли — прославился в истории как политик-практик, тонкий психолог и стратег. На основе анализа богатейшего фактического материала он в своих произведениях ставит важные теоретические проблемы в области политики, власти, государства, права, управления, военного дела. В «Государе» [91] Макиавелли анализирует, в чем причины процветания одних государств и упадка других; существуют ли в политике закономерности; что больше влияет на успех дела — личные качества государя или капризы судьбы. Объектом изучения в этом произведении выступает личность самого правителя. Автор рекомендует правителю выбрать реалистическую, решительную политику, требующую сплотиться вокруг того руководителя, который знает цель и не останавливается перед использованием для ее достижения необходимых средств. Если цель исторически прогрессивна, предусматривает порядок, при котором можно спокойно жить и работать основной массе населения, то народ «забывает» средства ее достижения. «Пусть князь заботится о победе и сохранении государства. Средства всегда будут считаться достойными, и каждым будут одобрены, потому что толпа идет за видимостью и успехом дела», — пишет Макиавелли. Он задолго до психоаналитиков уви-

дел бессознательные механизмы, которые управляют толпой; он учил князей, как пользоваться ими во благо себе и государству.

В другой своей работе, «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» [91], он писал о появлении и устройстве государства, о его расширении и укреплении, о способах сохранения государственной власти. Макиавелли считал, что Рим времен Тита Ливия — оптимальный пример устройства государства. Это не значит, что он хотел возратить политику к античному образцу. Макиавелли хотел взять лучшее, что есть в политическом опыте прошлого, и обогатить реалиями современного ему мира. Если Платон основу форм государства усматривал в профессиональных отличиях подданных, то Макиавелли — в имущественных. Аристотель соединял политику с моралью и видел ее как часть этики, а Макиавелли считал, что политика — это такая сфера, которая вырабатывает в себе и для себя самой собственные закономерности и собственные цели, использует приемлемые для себя самой средства. Ее нельзя оценивать какими-либо внешними критериями, основанными, в частности, на морали или этике.

Макиавелли стремился вывести законы политики из неизменной природы человека и из уроков истории. Объяснял он это так: «Дело в том, что люди почти всегда ходят по путям, уже проложенным другими, и совершают свои поступки из подражания. Однако, не имея возможности идти во всем по следам другого, не соревнуясь в доблести со своими образцами, человек мудрый всегда должен выбирать дороги, испытанные великими людьми, и подражать самым замечательным. Так что если он и не достигнет их величия, то воспримет хоть некоторый его блеск» [91].

Личность самого Макиавелли, его политическую деятельность и взгляды в различные периоды истории оценивали по-разному. Но его идеи о ценности государства как гаранта справедливости, основных благ для своих граждан разделяли такие выдающиеся мыслители Нового времени, как англичанин Т. Гоббс, француз Ж. Воден, голландец Г. Гроция. Многие вопросы, поднятые Макиавелли, нашли свое отражение в современных направлениях политики. Характеризуя психологию населения разных стран, он показывает, что для устройства политических систем большое значение имеют складывающиеся в народе традиции, представления, стереотипы. Макиавелли изучал наиболее устойчивые образцы политической ориентации масс, их отношение к различным политическим режимам, призывал учитывать связь между психологическим состоянием общества и методом осуществления государственной власти [91].

В современной социологии и политической психологии подобные проблемы называются проблемами «политической культуры», проблемами «психологии масс». Платон, Аристотель и другие античные мыслители прославляли убийц тиранов, т. е. исходили из оправданности насилия, используемого в определенных целях. Подобные взгляды разделял и Макиавелли, который писал, что умный политик должен быть одновременно и львом и лисой. В конкретных условиях для пользы дела он допускал акты насилия.

Платон и Аристотель отводили огромную роль психологическому состоянию масс. Они не предполагали, что Греция, раздробленная на независимые полисы, должна политически погибнуть. Оба считали полис вершиной политической мудрости. Когда Македония, а затем Рим завоевали Грецию, учение, основанное на превосходстве греков над варварами, оказалось устаревшим. Жители самоуправлявшегося города-государства превратились из активных граждан в пассивных подданных империи. В маленьком полисе общество не поглощало человека настолько, чтобы индивидуальность растворилась в нем совсем. С падением полиса вместо традиционных уз, связывающих граждан, появилась безличная государственная машина, которая стремилась гладко функционировать, благоденствие подданных ее не очень занимало. С болью бывший гражданин полиса обнаружил свое одиночество. Одновременно пришлось расширить свои горизонты и думать в терминах Мира. Бывший полис оказался крохотной точкой в новом масштабе, и личности следовало понять, что она лишь частичка пестрой империи, полной чужих и странных людей, нравов и мыслей [215].

Жизнь общества античные мудрецы предлагали исследовать как минимум с двух методологических позиций: статике структур и институтов власти и динамики политических процессов, определяемых обычно спонтанной активностью широких масс и пронизанных свободным полетом их политических настроений. Аристотель, обращаясь к понятию «политическое настроение», связывал его с мятежами, направленными на свержение власти, с политическими смутами и междоусобными войнами. Он учил: «Во-первых, нужно знать настроение лиц, поднимающих восстание, во-вторых, цель, к которой они при этом стремятся, и, в-третьих, чем собственно начинаются политические смуты и междоусобные распри» [115].

Во второй половине XIX в. было замечено принципиально новое явление в политике: все большую и большую, а иногда и решающую роль в ней начинают играть массы как самостоятельная

сила. Существовавшая до этого времени индивидуальная психология не могла объяснить эти феномены. Почти одновременно такие ученые, как Лебон, Сигеле, Тард, Вундт и др., стали говорить о необходимости образования новой отрасли психологии, которая бы с этой задачей справилась.

В. Вундт в конце XIX в. одним из первых стал отстаивать право на существование новой области психологии, которую назвал психологией народов. Он же определил область ее исследований: «...объектом этой будущей науки должны служить не только язык, мифы, религия и нравы, но также искусство и наука, развитие культуры в общем и в ее отдельных разветвлениях, даже исторические судьбы и гибель отдельных народов, равно как и история всего человечества» [32]. Социальный психолог С. Сигеле полагал, что «изучение психологии толпы будет изучением коллективной психологии при помощи явлений, лучше, чем всякие другие, позволяющих исследовать ее законы и обнаружить их действие» [161].

Первый период

Одним из первых серьезное внимание детальной и глубокой разработке этой темы уделил француз Г. Лебон. Перу этого выдающегося человека принадлежат «Психология народов и масс», «Психология толп» и «Психология социализма». За Лебоном последовала целая серия замечательных работ его современников. Почти в то же самое время другой француз — Г. Тард — публикует свои произведения «Социальная логика», «Личность и толпа», «Законы подражания», где многие разделы касаются непосредственно массовых и политических движений. Несколько позже появляется еще ряд его работ по психологии масс. В России, в Санкт-Петербурге, в 1882 г. выходит статья «Герои и толпа» Н.К. Михайловского. Почти одновременный выход в свет фундаментальных работ, впервые описавших новое социально-психологическое явление, ознаменовал собой признание появления на арене политических событий важной движущей силы — толпы.

В работах Лебона нашли свое выражение главные вопросы, связанные с мощным движением масс, которое он наблюдал в период революций, мятежей и восстаний. Картина активной деятельности широких народных масс, нарисованная Лебоном, отличалась небывалым размахом, была полной, красочной и хорошо продуманной. Захваченные мощным потоком революционного движения, многие аристократы были удивлены, напуганы и взволнованы. Лебон как очевидец имел возможность описать и героическое, и преступное, и негативное,

и возвышенное. Он одним из первых сумел понять, что представляет собой большое скопление людей в одно время и в одном месте. И он предсказал, что сулит окружающим простая сумма мелких интересов, инстинктов и намерений, соединенных в толпе воедино.

І По представлению Лебона, под словом «толпа» следует подразумевать в обычном смысле собрание индивидов, какова бы ни была их национальность, профессия или пол и каковы бы ни были случайности, вызвавшие это собрание [84]. Он подчеркивает, что при известных условиях — и притом только при этих условиях — собрание людей имеет совершенно новые черты, отличающиеся от тех, которые характеризуют отдельных индивидов, входящих в состав этого собрания. Сознательная личность исчезает, причем чувства и идеи всех отдельных единиц, образующих целое, именуемое толпой, принимают одно и то же направление.

Существуют такие идеи и чувства, которые возникают и превращаются в действия у индивидов, лишь объединенных в толпу. Одухотворенная толпа представляет собой временный организм, образовавшийся из разнородных элементов, на одно мгновение соединившихся вместе, подобно тому как соединяются клетки, входящие в состав живого тела и образующие посредством этого соединения новое существо, обладающее свойствами, отличными от тех, которыми обладает каждая клетка в отдельности. В агрегате, образующем толпу, нет ни суммы, ни среднего входящих в состав ее элементов. Но существует комбинация этих элементов и образование новых свойств, подобно тому как это происходит в химии при сочетании некоторых веществ, образующих новое тело, обладающее совершенно иными свойствами, чем те, которыми обладают составные части, послужившие для его образования.

Лебон разработал первый вариант классификации толпы. Исходной точкой для классификации, пишет Г. Лебон, может служить простое скопище. Низшая форма такого скопища может впоследствии под влиянием некоторых факторов превратиться в организованную или одухотворенную толпу. Он классифицирует их так.

! *А. Толпа разнородная:*

1. Анонимная (например, уличная толпа, «преступная» толпа).
2. Неанонимная (присяжные, парламентские собрания и т. д.).

Б. Толпа однородная:

1. Секты (политические, религиозные и т. п.).
2. Касты (военные, духовенство, рабочие и т. п.).
3. Классы (буржуазия, крестьянство и т. п.).

Толпу разнородную Лебон представляет как собрание индивидов, самых разнообразных по своему развитию, профессии, расе, национальности и другим признакам. Он считает выражение «преступная толпа», употребляемое некоторыми его современниками, совершенно не подходящим к такой толпе, которая после известного состояния возбуждения превратилась в простой бессознательный автомат, повинующийся внушению. Без сомнения, пишет он, некоторые действия толпы преступны, если их рассматривать сами по себе, но тогда и поступок тигра, пожирающего индуса, также надо назвать преступным. Преступления толпы всегда вызваны каким-нибудь очень могущественным влиянием, и индивиды, принявшие участие в совершении этого преступления, убеждены, что они исполнили свой долг, чего нельзя сказать об обыкновенном преступнике.

Рассматривая присяжные и уголовные суды, Лебон подчеркивает тождественность их поведения поведению толпы, несмотря на состав, время действия и сословие, из которого они вышли. Они легко подчиняются влиянию чувств, нередко бывают нестроги к одним преступлениям и, наоборот, непримиримы к другим, чем очень хорошо научились пользоваться адвокаты. Избирательная толпа так же легковерна, и любой обладающий обаянием проходимец может очаровать ее без труда. Парламентские собрания имеют общие черты в разных странах по поводу прений и голосований и причиняют правительствам одинаковые затруднения. Организаторы этой деятельности надеялись, что много людей, собравшихся вместе, скорее способны прийти к мудрому и независимому решению. Эта идея психологически неверна. У парламентских собраний мы встречаем черты, общие для всех видов толпы: односторонность идей, раздражительность, восприимчивость к внушению, преувеличение чувств, преобладающее влияние вожаков. Толпа же однородная более связана общностью верования, интересов, привычек, образа жизни, воспитания. Там люди вышли из одной среды и сферы общения.

Лебон дал подробное описание толпы как живого организма. Ему принадлежат более двух десятков ярких описаний характера толпы. Прежде всего, он считает, что любая толпа консервативна, несмотря на ее революционный образ действий. Она кончает реставрацией того, что в начале низвергала, ибо для нее, как и для всех находящихся в состоянии гипноза, прошлое гораздо более значимо, чем настоящее.

Он считает, что толпе знакомы только простые и крайние чувства; всякое мнение, идею или верование, внушенные ей, толпа при-

нимает или отвергает целиком и относится к ним или как к абсолютным истинам, или как к столь же абсолютным заблуждениям. Не испытывая никаких сомнений относительно того, что есть истина и что — заблуждение, толпа выражает такую же авторитарность в своих суждениях, как и нетерпимость. В публичных выступлениях малейшее прекословие со стороны оратора немедленно вызывает яростные крики и бурные ругательства в толпе, за которыми следуют действия, а затем и изгнание оратора, если он будет настаивать на своем. Если бы не присутствие агентов власти, то жизнь спорщика весьма часто подвергалась бы опасности.

Индивид в толпе приобретает, благодаря только ее численности, сознание непреодолимой силы, и это сознание позволяет ему поддаться таким инстинктам, которым он никогда не дает волю, когда бывает один. В толпе же он менее склонен обуздывать эти инстинкты, потому что толпа анонимна и не несет на себе ответственности, сдерживающей отдельных индивидов.

Нетерпимость и авторитарность суждений общи для всех категорий толпы, но выражаются все-таки в различной степени. Тут также выступают основные свойства расы, подавляющие все чувства и мысли людей. Авторитарность и нетерпимость представляют собой определенные чувства, которые легко понимаются и усваиваются толпой и легко применяются ею на практике, как только они будут ей навязаны. Массы уважают только силу, и доброта их мало трогает: они смотрят на нее как на одну из форм слабости. Симпатии толпы всегда на стороне тиранов, подчиняющих ее себе, а не на стороне добрых властителей, и самые высокие статуи толпа всегда воздвигает первым, а не последним.

Для толпы, не способной ни к размышлению, ни к рассуждению, не существует поэтому ничего невероятного, а ведь именно невероятное поражает всего сильнее. Вот почему толпа поражается больше всего чудесной и легендарной стороной события. Толпа, способная мыслить только образами, восприимчива только к образам. Только образы могут увлечь ее или породить в ней ужас и сделаться двигателями ее поступков. Кто владеет искусством производить впечатление на воображение толпы, тот и обладает искусством ею управлять.

Характеризуя чувства и нравственность толпы, Лебон перечисляет свойственные ей импульсивность, раздражительность, неспособность обдумывать, отсутствие критичности, преувеличенную чувствительность и т.п., которые наблюдаются у существ, принад-

лежащих к низшим формам эволюции, как-то: у женщин, дикарей и детей. Он считает, что толпа почти исключительно управляется бессознательным. Совершенные толпой поступки могут быть превосходны сами по себе, но так как ум не руководит ими, то индивид в толпе действует сообразно случайности. Толпа рабски покоряется импульсам. Толпой трудно руководить, особенно если часть общественной власти находится в ее руках.

Если толпа охотно топчет ногами поверженного деспота, то это происходит лишь оттого, что, потеряв свою силу, деспот этот уже попадает в категорию слабых, которых презирают, потому что их не боятся. Тип героя, дорогого сердцу толпы, всегда будет напоминать Цезаря, шлем которого прельщает толпу, власть внушает ей уважение, а меч заставляет бояться. Всегда готовая восстать против слабой силы, толпа раболепно преклоняется перед сильной властью. Если сила власти имеет перемежающийся характер, то толпа, повинующаяся всегда своим крайним чувствам, переходит попеременно от анархии к рабству и от рабства к анархии.

Верить в преобладание революционных инстинктов в толпе, пишет далее Лебон, — это значит не знать ее психологии. Нас вводит тут в заблуждение только стремительность этих инстинктов. Взрывы возмущения и стремление к разрушению всегда эфемерны в толпе. Толпа слишком управляется бессознательным и поэтому слишком подчиняется влиянию вековой наследственности, чтобы на самом деле не быть чрезвычайно консервативной. Предоставленная самой себе, толпа скоро утомляется своими собственными беспорядками и инстинктивно стремится к рабству. Она питает самое священное уважение к традициям и очень глубокий бессознательный ужас перед всякого рода новшествами, способными изменить реальные условия ее существования.

В отношении нравственности толпы Лебон отмечает следующее: нравственный уровень толпы очень низок. Инстинкты разрушительной свирепости, составляющие остаток первобытных времен, дремлют в глубине души каждого из нас, подчеркивает он. Поддаваться этим инстинктам опасно для изолированного индивида, но когда тот находится в неответственной толпе, где, следовательно, ему обеспечена безнаказанность, он может свободно следовать велению своих инстинктов. Не будучи в состоянии в обычное время удовлетворить эти свирепые инстинкты на своих ближних, мы ограничиваемся тем, что удовлетворяем их на животных. Общеизвестная страсть к охоте и свирепые действия толпы вытекают из одного и того же источника. В

изолированном положении он, быть может, был бы культурным человеком; в толпе — это варвар, т.е. существо инстинктивное. У него обнаруживается склонность к произволу, буйству, свирепости, но также к энтузиазму и героизму, свойственным первобытному человеку, и он совершает поступки, явно противоречащие и его интересам, и его привычкам. Индивид в толпе — это песчинка среди массы других песчинок, уносимых ветром.

Толпа не только импульсивна и изменчива, как и дикарь, она не допускает, чтобы что-нибудь становилось между ее желанием и реализацией этого желания. Всякое неожиданное препятствие будет толпой уничтожено со свойственной ей стремительностью, и если бы человеческий организм допускал возможность неослабевающего состояния ярости, то можно было бы сказать, что нормальное состояние толпы, наткнувшейся на препятствие, — это ярость.

Блуждая всегда на границе бессознательного, легко подчиняясь всяким внушениям и обладая буйными чувствами, свойственными тем существам, которые не могут подчиняться влиянию рассудка, толпа, лишенная всяких критических способностей, должна быть чрезвычайно легковерна. Невероятное для нее не существует, и это надо помнить, так как этим объясняется та необычная легкость, с которой создаются и распространяются легенды и самые неправдоподобные рассказы. Не обязательно толпа должна быть многочисленна, чтобы способность видеть правильно то, что происходит перед нею, была бы в ней уничтожена и чтобы место реальных фактов заняли галлюцинации, не имеющие с этими фактами никакой связи. Как только несколько индивидов собираются вместе — это толпа, даже в том случае, если они — выдающиеся ученые, и иногда они приобретают все свойства толпы по отношению ко всему, что выходит за пределы юс специальности. Способности наблюдения и критики, существующие у каждого из этих ученых в отдельности, тотчас же исчезают в толпе.

Но если толпа способна на убийство, поджоги и всякого рода преступления, то она способна также и на очень возвышенные проявления преданности, самопожертвования и бескорыстия, более возвышенные, чем те, на которые способен отдельный индивид. Действуя на индивида в толпе и вызывая у него чувство славы, чести, религии, патриотизма, легко можно заставить его пожертвовать даже самой жизнью. Толпа способна к проявлению величайшего бескорыстия и величайшей преданности. Личный интерес очень редко бывает могущественным двигателем в толпе, тогда как у отдельно-

го индивида он занимает первое место. Никак не интерес, конечно, руководил толпой во многих войнах, всего чаще недоступных ее пониманию, но она легко шла на смерть и так же легко принимала ее, как легко дают себя убить ласточки, загипнотизированные зеркалом охотника.

Обладая преувеличенными чувствами, толпа способна подчиниться влиянию только таких же преувеличенных чувств. Оратор, желающий увлечь ее, должен злоупотреблять сильными выражениями. Преувеличивать, утверждать, повторять и никогда не пробовать доказывать что-нибудь рассуждениями — вот способы аргументации, хорошо известные всем ораторам публичных собраний. Толпа желает видеть и в своих героях такое же преувеличение чувств; их кажущиеся качества и добродетели всегда должны быть увеличены в размерах. Справедливо замечено, что в театре толпа требует от героя пьесы такого мужества, нравственности и добродетели, какие никогда не практикуются в жизни.

Уже упоминалось, что на толпу нельзя влиять рассуждениями, так как ей доступны только грубые ассоциации идей. Поэтому-то ораторы, умеющие производить впечатление на толпу, всегда обращаются к ее чувствам, а не к ее рассудку. Законы логики не оказывают на нее никакого действия. Чтобы убедить толпу, надо сначала хорошенько ознакомиться с воодушевляющими ее чувствами, притвориться, что разделяешь их, затем попытаться их изменить, вызывая посредством первоначальных ассоциаций какие-нибудь прельщающие толпу образы, учит Лебон. Надо также уметь в случае нужды вернуться назад, и главное — уметь угадывать ежеминутно те чувства, которые порождаешь в толпе.

В отношении идей, которые овладевают толпой, Лебон пишет следующее: «Эти идеи можно разделить на два разряда. К первому мы причисляем временные и скоропреходящие идеи, зародившиеся под влиянием минуты; преклонением перед каким-нибудь индивидом или доктриной, например; ко второму — все основные идеи, которым среда, наследственность, общественное мнение дают очень большую устойчивость, таковы прежние религиозные верования и нынешние социальные и демократические идеи. Каковы бы ни были идеи, внушенные толпе, они могут сделаться преобладающими не иначе, как при условии быть облеченными в самую категорическую и простую форму. В таком случае эти идеи представляются в виде образов, и только в такой форме они доступны толпе. Такие идеи-образы не соединяются между собой никакой ло-

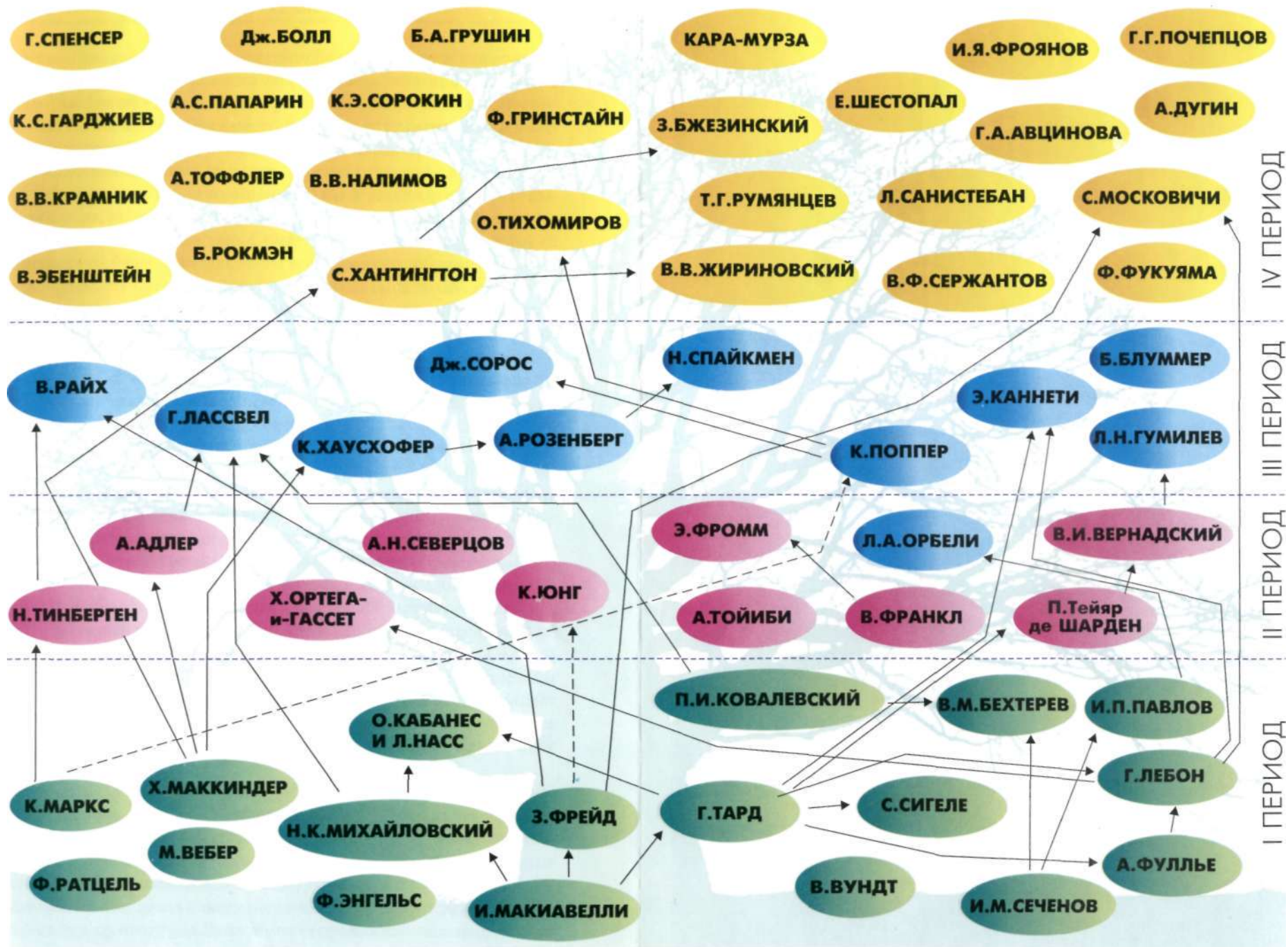

Рис. 1 (к с. 22).

Лебон считает, что для описания происходящего в толпе более всего пригодны утверждение, повторение и зараза. Действие этих способов медленное, но результаты, достигнутые ими, очень стойки. Простое утверждение, не подкрепленное никакими рассуждениями и никакими доказательствами, служит одним из самых верных средств для того, чтобы заставить какую-нибудь идею проникнуть в душу толпы. Чем более кратко утверждение, чем более оно лишено какой бы то ни было доказательности, тем более оно влияет на толпу.

Священные книги и кодексы всех веков всегда действовали посредством простого утверждения. Утверждение тогда лишь оказывает действие, когда оно повторяется часто и, если возможно, в одних и тех же выражениях. Кажется, пишет Лебон, Наполеон сказал, что существует только одна заслуживающая внимания фигура риторики — это повторение. С помощью повторения идея водворяется в умах до такой степени прочно, что в конце концов она уже принимается как доказанная истина. Это действие объясняется тем, что часто повторяемая идея оказывается в самых глубоких областях бессознательного, где именно и дорабатываются двигатели наших поступков. После большого количества повторений включается могущественный фактор — заражение. В толпе все эмоции обычно быстро становятся заразительными. Одним из проявлений заразы является подражание, которому приписывается крупная роль в социальных явлениях. Поэтому во всякую эпоху существует небольшое количество индивидов, внушающих толпе свои действия, и бессознательная масса подражает им. Но эти индивиды не должны слишком удаляться от преобладающих в толпе идей, иначе подражать будет трудно, и тогда все их влияние сведется к нулю. По этой-то причине люди, опередившие свою эпоху, не имеют вообще на нее никакого влияния. Они слишком отделены от нее.

Лебон считает, что прежде, чем индивид потеряет всякую независимость, в его идеях и чувствах должно произойти изменение, и притом настолько глубокое, что оно может превратить скупого в расточительного, скептика — в верующего, честного человека — в преступника, труса — в героя. Толпа в интеллектуальном отношении всегда стоит ниже изолированного индивида, но может быть лучше или хуже его, смотря по обстоятельствам. Все зависит от того, какому внушению повинуется толпа. Толпа часто бывает преступна — это правда, но она также бывает героична.

Но отчего же столь велика у индивида подражательная способность другим людям в толпе? На этот вопрос Лебон отвечает: «Заразительность, или зараза, способствует образованию в толпе специальных свойств и определяет их направление. В толпе всякое чувство, всякое действие заразительно, и притом в такой степени, что индивид очень легко приносит в жертву свои личные интересы интересу коллективному» [84]. Подобное поведение, однако, подчеркивает Лебон, противоречит человеческой природе, и потому человек способен на него лишь тогда, когда он составляет частицу толпы.

Другая причина, и притом самая главная, обуславливающая появление у индивида в толпе таких специальных свойств, которые могут не встречаться у них в изолированном положении, — это восприимчивость к внушению; зараза, о которой Лебон уже говорил, служит этой восприимчивости. Наблюдения же показывают, что индивид, пробыв какое-то время среди действующей толпы, под влиянием ли токов, исходящих от этой толпы, или каких-либо других причин — неизвестно, приходит скоро в такое состояние, которое очень напоминает состояние загипнотизированного субъекта. Такой субъект вследствие парализованности своей сознательной мозговой жизни становится рабом бессознательной деятельности своего спинного мозга, которым гипнотизер управляет по собственному произволу.

Сознательная личность у загипнотизированного совершенно исчезает, так же как воля и рассудок, а все чувства и мысли направляются волей гипнотизера. Люди, обладающие достаточно сильной индивидуальностью, чтобы противиться внушению, в толпе слишком малочисленны, и поэтому они не в состоянии бороться с течением. Таким образом, по Лебону, становясь частицей организованной толпы, человек спускается на несколько ступеней ниже по лестнице цивилизации.

Что касается вожakov толпы, то Лебон характеризует их как людей психически неуравновешенных, полупомешанных, находящихся на грани безумия. Как бы ни была нелепа идея, которую они защищают, и цель, к которой они стремятся, их убеждения нельзя поколебать никакими доводами рассудка. Презрение и преследование не производят на них впечатления или же только еще сильнее возбуждают их; личный интерес, семья — все ими приносится в жертву. Инстинкт самосохранения у них исчезает до такой степени, что единственная награда, к которой они стремятся, — это мученичество. Часто вожаками бывают хитрые ораторы, преследующие лишь

свои личные интересы и действующие путем поборки низким инстинктам толпы. Влияние, которым они пользуются, может быть и очень велико, но всегда эфемерно. Роль всех великих вожakov, главным образом, заключается в том, чтобы создать веру: все равно — религиозную ли, политическую, социальную или веру в какое-нибудь дело, человека или идею; вот почему их влияние бывало всегда очень велико. Дать человеку веру — значит удесятить его силы, считает Лебон.

Великие исторические события были совершены неизвестными верующими, вся сила которых заключалась в их вере. Во всех социальных сферах, от самых высших до низших, если только человек не находится в изолированном состоянии, он легко подпадает под влияние какого-нибудь вожакa. Большинство людей, особенно в народных массах, за пределами своей специальности не имеют почти ни о чем ясных и более или менее определенных понятий. Такие люди не в состоянии управлять собой, и вожак служит им руководителем. Власть вожakov очень деспотична, но именно этот деспотизм и заставляет толпу подчиняться им. Нетрудно убедиться, как легко они вынуждают рабочие классы, даже самые буйные, повиноваться себе, хотя для поддержания своей власти у них нет никаких средств. Они назначают количество рабочих часов, величину заработной платы, организуют стачки, начинают и прекращают их в определенный час. Тирания новых властелинов покоряет толпу и заставляет ее повиноваться им больше, чем она повинуеться какому-нибудь правительству.

Класс вожakov удобно подразделяется Лебоном на две определенные категории. К одной принадлежат люди энергичные, с сильной, но проявляющейся у них лишь на короткое время волей; к другой — вожаки, встречающиеся гораздо реже, обладающие сильной, но в то же время и стойкой волей. Первые — смелы, буйны, храбры; они особенно пригодны для внезапных дерзких предприятий, для того, чтобы привлечь массы, несмотря на опасность, и превратить в героев вчерашних рекрутов. Таковы были, например, Ней и Мюрат во времена Первой империи. В XIX в. таким был Гарибальди, не обладавший никакими особенными талантами, но очень энергичный, сумевший овладеть целым неаполитанским королевством, располагая лишь горстью людей, тогда как королевство имело дисциплинированную армию для своей защиты. Но энергия этих вожakov, хотя и очень могущественная, держится недолго и исчезает вместе с возбуждателем, вызвавшим ее появление.

Вторая категория вожаков, по Лебону, обладающая стойкой волей, не столь блестяща, но имеет гораздо большее значение. К этой категории и принадлежат истинные основатели религии и творцы великих дел: св. Павел, Магомет, Христофор Колумб, Лессепс. Их упорная воля представляет собой такое бесконечно редкое и бесконечно могущественное качество, которое заставляет все себе покоряться. Такой воле не противится никто — ни природа, ни боги, ни люди.

Идеи, распространяемые путем утверждения, повторения и заразы, обязаны своим могуществом, главным образом, таинственной силе, которую они приобретают, — обаянию. Наибольшим обаянием пользуются, например, умершие, следовательно — существа, которых мы не боимся: Александр, Цезарь, Магомет, Будда. В действительности обаяние — это род господства какой-нибудь идеи или какого-нибудь дела над умами индивида. Это господство парализует все критические способности индивида и наполняет его душу удивлением и почтением. Обаяние составляет самую могущественную причину всякого господства; боги, короли и женщины не могли бы никогда властвовать без него. Лебон различает две категории обаяния — личное и приобретенное. Приобретенное обаяние доставляется именем, богатством, репутацией и может совершенно не зависеть от личного обаяния. Личное же носит более индивидуальный характер и может существовать одновременно с репутацией, славой, богатством, но может обходиться и без них.

Приобретенное обаяние встречается чаще; военный в своем мундире, судья в своей мантии и т.п. Без мантии и парика судьи на три четверти лишились бы своего обаяния. Рядом с обаянием людей можно поставить также и обаяние мнений, литературных и художественных произведений, которые никто не смеет оспаривать, и в конце концов все повторяют их так, как выучили в школе.

Личное обаяние составляет достояние лишь некоторых лиц. Оно и сообщает им какое-то магнетическое очарование, действующее на окружающих. И это правомерно, несмотря даже на существующее между ними равенство в социальном отношении и на то, что они не обладают никакими средствами для утверждения своего господства. Они внушают свои идеи, чувства тем, кто их окружает, и те им повинуются — как повинуются, например, хищные звери своему укротителю, хотя они легко могли бы его разорвать. Великие вожаки толпы — Будда, Магомет, Жанна д'Арк, Наполеон — обладали в высшей степени именно такой формой обаяния и благодаря

ей подчиняли себе толпу. Боги, герои и догматы внушаются, но не оспариваются; они исчезают, как только их подвергают обсуждению. Великие люди без этого обаяния не могли бы сделаться знаменитыми.

Г. Лебон описывает блестящий пример такого обаяния. Наполеон, находясь в зените своей славы, обладал огромным обаянием благодаря своему могуществу. Но это же обаяние существовало у него и тогда, когда он не имел никакой власти и был совершенно неизвестен. Путем протекции он был назначен командовать армией, его как бы «посадили на шею» старым воинам-генералам. Но с первой же минуты, с первого свидания, без всяких фраз, угроз и жестов будущий великий человек покорил их. Один из них, сравнивая себя с товарищем, писал: «Если бы император сказал нам об этом: "Интересы моей политики требуют, чтобы я разрушил Париж, и притом так, чтобы никто не мог из него выйти и бежать", то Маре, без сомнения, сохранил бы эту тайну, я в этом уверен, но, тем не менее, не мог бы удержаться и вывел бы из Парижа свою семью и тем подверг бы тайну опасности. Ну а я из боязни, чтобы никто не догадался об этой тайне, оставил бы в Париже свою жену и детей» [84]. Как видно, можно сколь угодно плохо обращаться с людьми, а таких примеров в истории жизни Наполеона великое множество, убивать людей миллионами, вызывать нашествие за нашествием, но все будет прощено, если вы обладаете обаянием и талантом для его постоянного поддержания. Случай с Наполеоном проливает свет на происхождение великих религий, великих доктрин и великих империй, возникающих аналогично.

В генезисе обаяния огромную роль играет успех. Если дела человека имеют успех, то любая идея, даже глупая, не подлежит никакому оспариванию и принимается с первого предъявления. Вместе с исчезновением успеха идеи растворяются в воздухе без последствий, как будто их вовсе и не было. Герой, которого толпа превозносила накануне, может быть на другой же день осмеян ею, если его постигла неудача. Такова картина взаимовлияния людей друг на друга, если смотреть на нее глазами Лебона.

В другой своей работе — «Психология социализма», — также посвященной психологии масс, Г. Лебон писал: «Исследуя причины его успеха, приходишь к заключению, что социализм совсем не зависит от теорий. Подобно религиям, приемы которых социализм все больше и больше стремится освоить, он распространяется отнюдь не доводами разума, а совсем иначе. Являясь очень слабым,

когда пытается спорить и опираться на экономические соображения, он становится, напротив, очень сильным, когда остается в области уверенений, мечтаний и химерических обещаний» [85].

Благодаря его обещаниям, благодаря надежде, зажигаемой им у всех обездоленных, социализм начинает представлять собой более религиозное верование, чем доктрину. Современный век — это один из тех переходных периодов, когда старые верования потеряли силу, а те, которые должны были заменить их, не установились. Места старых богов занимают новые призраки. Лебон считает, что в жизни народов огромную роль играют не разумные доводы, а религиозные верования. «Не посредством разума был преобразован мир. Религии, основанные на вздорных представлениях, наложили свой неизгладимый отпечаток на все элементы цивилизации и продолжают подчинять огромное большинство людей своим законам; философские же системы, основанные на доводах разума, сыграли лишь незначительную роль в жизни народов и имели непродолжительное существование. Они на самом деле дают толпе только доводы, тогда как душа человеческая требует надежды. Эти-то надежды всегда и внушаются религиями, которые создавали, вместе с тем, идеал, способный обольщать и возвышать души. Также предлагает надежды и социализм, и это составляет его силу. Верования, которым он учит, очень фантастичны. Человек обладает чудесной способностью преобразовывать вещи по воле своих желаний, познавать вещи сквозь ту магическую призму мысли и чувств, которая представляет мир таким, как мы желаем его видеть» [85]. Явившись как раз тогда, когда власть старых богов значительно поблекла, социализм, дающий человеку мечту о счастье, стремится занять их место.

Другим крупным ученым конца XIX в., посвятившим свой талант изучению толпы, был С. Сигеле. Он существенно расширил круг вопросов, описанных Лебоном, заявив о криминальном составе толпы, о предрасположенности ее к убийствам, о примате жестокости над добротой, о панике и подражании. Он решительно поддержал попытку некоторых из современников прогнозировать криминогенность в определенное время года. Намного опередив современные исследования средств коммуникации, Сигеле дает глубокий анализ их влияния на сознание и поведение людей [161].

Для Сигеле толпа, так же как и для Лебона, представляет собой человеческий агрегат, разнородный по преимуществу, так как она

состоит из индивидов обоого пола, всех возрастов, классов, социальных состояний, всех степеней нравственности и культуры; и по преимуществу же неорганический, так как толпа образуется без предварительного соглашения.

Он находит, что в толпе всегда есть класс людей без определенной профессии, ленивых, с дурными наклонностями. К ним присоединяются завсегдаи кабаков и всевозможных притонов, одним словом, сомнительные личности всех родов. Эта масса пользующихся дурной славой людей неустанно увеличивается и во времена смятений пополняется авантюристами, людьми с запятнанной репутацией, потерявшими кредит доверия и доброе имя. И когда вся эта грязь приводится в движение политическими страстями, то к ним присоединяются также и люди с расстроенным воображением, чувствующие потребность в сильных ощущениях и находящих их в уличных драмах, в народных собраниях. Преступники, умалишенные, дети умалишенных, алкоголики, вообще социальная грязь, лишенная всякого нравственного чувства и развращенная преступлениями, составляют самую главную часть бунтовщиков и революционеров. Примешайте к легкомысленной и повинующейся всякому толчку толпе эти личности — они и сообщат ей жестокость и сумасшествие. Что же тогда удивительного в том, что поступки этой толпы жестоки?

Этим мы совсем не хотим сказать, пишет Сигеле, что толпа совершенно не способна ни к какому благородному и великому поступку, что она далека от великих мыслей и чувств. У нас очень много фактов, могущих опровергнуть это; главным образом все те, которые берут свое начало из любви к отечеству и которые (начиная от 300 спартанцев, умерших при Фермопилах, до последних мучеников за итальянскую независимость) образуют, так сказать, священный путь, доказывающий сам по себе, что толпа, так же как и один индивид, может подняться до самой высшей степени самопожертвования и героизма. И в то же время неужели не очевидно, что и среди толпы крик одного человека, слова оратора, поступок нескольких смельчаков являются внушением по отношению ко всем тем, кто слышит этот крик и эти слова или видит этот поступок, и что они доводят их, как покорное стадо, даже до преступных деяний.

Сигеле цитирует слова своего предшественника Барбаста, который пишет о том, что результатом исследования толпы является предположение о врожденной готовности ее к убийству, о каком-то инстинктивном бешенстве — печальных атрибутах человечества,

находящих могущественную поддержку в склонности к подражанию. Еще до Барбаста для объяснения преступлений толпы Лавернь прибегнул к предположению о природной склонности человека к убийству. Подражательный центр, писал он, находится в одном ряду с центром драчливости и жестокости. Во время анархии и революции все совершенные преступления являются результатом этих функций мозга, бесконтрольно властвующих над умом и рассудком. Человек, жестокий от рождения, засучает тогда рукава и делается поставщиком гильотины. Подражать ему явится толпа тех, кто ждал образца, ждал только толчка к тому, что, как они чувствовали, они способны сделать. Их жертвами станут слабые и недеятельные люди, вообще такие, которые благодаря хорошим образцам, хорошим примерам мудрости и рассудительности сделались гуманными и благочестивыми и у которых органы жестокости и подражания, хотя и имеют большую силу и значение, должны будут, однако, уступить *labori improbo* ума и чувства. Сигеле считает предположения Барбаста и Лаверня — истинными. Последующие авторы не всегда будут соглашаться с этой резкой и тенденциозной оценкой широких масс восставшего народа.

Сигеле разделяет также близкое к предыдущему мнение Шопенгауэра, который говорит, что в народных восстаниях преимущественно проявляются на сцене эгоизм и жестокость как основные качества человека. Он и сам считает, что если в толпе число людей, желающих вести ее на доброе дело, равно числу людей, стремящихся увлечь ее к дурному поступку, то последние в большей части случаев одержат верх. Злоба — качество гораздо более активное, чем добродушие. Ведь класс злых состоит из тех, кто старается нанести вред другим, тогда как класс добрых составляют люди, не делающие никогда другим зла, — люди пассивные и такие люди, которые не только никогда не причинили другим зла, но желают всегда делать добро и делают его. Легко понять, что пассивная доброта не может влиять на толпу и руководить ею; пассивно добрые люди становятся слепыми орудиями тех, кто сумел одержать верх.

Что касается активно добрых, то их влияние встречает массу затруднений, так как если они попытаются выступить против влияния злых и восстановить спокойствие в толпе, то в большинстве случаев наткнутся на превратное толкование своих мыслей, на обвинение в трусости или на что-нибудь еще, более худшее. Если они попробуют заступиться за несчастного, то их сразу же сочтут за предателей и накажут так же, как и того несчастного.

Подобно тому как животные меняют свою окраску, чтобы укрыться от глаз своих врагов, люди меняют нравственную окраску, избегая преследований и побоев. Поэтому они кричат все то, что хотят другие, и делают то, к чему влечет их общее течение.

Хорошо известен факт, что храбрость какого-нибудь животного увеличивается прямо пропорционально числу сотоварищей, которых он видит перед собой, и, наоборот, уменьшается при большей или меньшей степени его изолированности. Самое блестящее подтверждение этого закона было дано Форелем в его опыте с муравьями. Он унес из двух враждебных армий луговых муравьев 7 индивидов, участвовавших в сражениях (из одной армии 4, из другой 3), муравьев он тотчас же поместил в один сосуд. Все семь муравьев, которые только что были возбуждены и сражались в разных армиях, сделались друзьями. Не ясное ли это доказательство, делает вывод Сигеле, что только численность будит в толпе зверские инстинкты и страсть к битвам?

Размах движения в массах людей также играет важную роль, поскольку чем больше группа, тем сильнее в ней подражание и коллективная зависимость. «...Где большинство, там безопасность; то, как считает большинство, конечно же, верно; то, чего желает большинство, заслуживает того, чтобы за ним стремиться, оно необходимо и, следовательно, хорошо». Чем больше группа, тем меньше каждый отдельный член ее чувствует себя обремененным ответственностью за моральный дух и действия группы. «...Всякая большая компания, составленная из превосходных по отдельности личностей, обладает, как таковая, моральностью и интеллектом неповоротливого, тупого и агрессивного животного. Чем больше организация, тем неизбежнее ее спутниками выступают безнравственность и не желающая ничего видеть глупость» [161]. Интенсивность душевного движения возрастает прямо пропорционально числу лиц, разделяющих это движение в одно и то же время и в одном и том же месте. В этом заключается причина того неистовства, до которого доходит подчас энтузиазм или порицание в театрах или в каком-нибудь другом собрании.

Сигеле писал, соглашаясь с Нордау: «Соедините 20 или 30 Гете, Кантов, Ньютонов, Гельмгольцев и дайте им на обсуждение практические современные вопросы. Их споры будут, пожалуй, отличными от тех споров, которые ведутся на первых попавшихся собраниях, но что касается результатов, то они не будут отличаться. Почему же? Потому, что кроме личной оригинальности каждый

обладает и наследственными видовыми признаками, не отличающими его не только от соседа по собранию, но даже и от всех снующих по улице прохожих». И в наше время, считает Сигеле, в известных социальных группах лица, их составляющие, — честные люди, если рассмотреть их поодиночке, взятые же вместе они — плуты.

Для нескольких слагаемых необходимо, чтобы они были однородны. Спенсер приводит пример с кирпичами, иллюстрируя то, что свойства составных частей определяют свойства *целого*, это тот случай, когда из твердых, хорошо обожженных кирпичей можно без известки построить довольно высокую стену, между тем как невозможно достичь того же, если камни неправильны. Коль скоро однородности в массе достичь практически невозможно, она никогда не будет представлять собой нечто высокое и стойкое.

Перенеся это наблюдение на социальную почву, говорит Сигеле, мы сделаем вывод о том, что случайные, неорганические соединения людей, каковыми являются, например, суд присяжных, театральные зрители, толпа, не могут при проявлении своего характера воспроизвести характер составных единиц. Точно так же, как бесформенная и беспорядочная куча определенного вида кирпичей не может дать прямоугольной формы каждого отдельного кирпича.

Итак, не только однородность, но и органическая связь между единицами необходимы для того, чтобы составленный из них агрегат воспроизводил их характерные особенности. Принцип Спенсера — характер агрегата определяется характером единиц, его составляющих, — совершенно точен и может быть применен во всей своей полноте в том случае, когда речь идет об агрегатах, составленных из однородных и органически между собой соединенных частиц; но он перестает быть совершенно точным и может быть понимаем только в очень узком смысле, когда говорится об имеющих малую однородность и ничтожную органическую связь единицах.

Большое внимание ученый уделил вопросам подражания, и многие его последователи заимствуют до сих пор его точные и меткие наблюдения и обобщения в описании поведения толпы. Он разделял мнение Г. Тарда о том, что объяснить поведение индивида в толпе можно, если раскрыть его подражательную природу. Они полагали, что истоки этого свойства мы наследуем из недр своей видовой памяти. Наши далекие предки вели стадный образ жизни, где очень важным для выживания вида было именно свойство подражания. Сигеле отмечал подражательные свойства у животных:

«Как среди пчел и птиц, целая стая которых при малейшем ударе крыла охватывается непобедимой паникой, точно так же и среди людей какое-нибудь душевное движение распространяется, благодаря внушению, только на основании того, что они видят и слышат, и даже прежде, чем будут известны мотивы того душевного состояния, импульс происходит подчас даже от воображаемого факта, подобно тому, как мы не можем бросить взгляд на глубину пропасти без того, чтобы не почувствовать головокружения, влекущего нас туда» [161].

Объясняя физиологию стадного поведения людей и животных, Рабосон в своих «*Phenomenes nerveux*» допускает, что всякому психическому состоянию предшествует движение частичек мозга, проявляющееся наружу изменениями физиономии, осанки, жестами, координированными особым образом. Это движение не останавливается, но распространяется в пространстве и сообщается, не изменяясь, другому мозгу, производя то же явление. Смех, печаль распространяются согласно с этим законом. Это объяснит нам, почему если аплодирует один, то аплодируют все; если бежит один, то обращаются в бегство все; почему чувство гнева, испытываемое одним, отражается сейчас же на лицах всех. Но это не объясняет нам, почему гнев ведет к дурным поступкам.

Сигеле согласен с мнением Бордые о том, что каждый человек расположен к подражанию. И эта способность достигает максимума у взрослых людей, собранных вместе. И действительно, стремление человека к подражанию — одно из проявляемых свойств его природы, это — неоспоримая и неоспариваемая истина. Достаточно бросить взгляд вокруг себя, чтобы увидеть, что весь социальный мир представляет собою не что иное, как ряд сходств, произведенных разнообразными видами подражания: подражанием-модой или подражанием-привычкой, подражанием-образованием или подражанием-воспитанием, наконец, добровольными рефлексивными подражаниями.

Подобно тому как, говоря о нормальной жизни, мы можем от влияния (*suggestion*) одного индивида на другого, учителя на ученика, сильного на слабого, подняться до влияния одного лица на целую толпу, до влияния гения мысли или чувства на всех своих современников, точно так же, говоря о болезненном случае, можно от влияния одного сумасшедшего на другого сумасшедшего подняться до влияния сумасшедшего на всех окружающих. Последнее служит доказательством не только того, что патология управляется теми же законами, что и физиология, но и того, что внушение — универсально.

Даже весьма непрозорливый наблюдатель, по мнению Сигеле, не может отрицать того, что в наше время в народе существует нечто похожее на стремление к восстаниям. Ломброзо и Ляши занимались вопросом влияния климата на революции и мятежи. Приводя статистические данные возмущений по месяцам и временам года, они пришли к следующим выводам: летом число вспышек всегда более велико, чем зимой; число это достигает максимума в месяце, следующем за началом самой сильной жары, — в июле, и, напротив, оно делается минимальным в ноябре, когда начинаются холода.

Свое мнение о толпе высказывает Г. Тард: «Я не могу согласиться с влиятельным писателем Лебоном, что наше время — "эпоха толпы"» [177]. Публика, которой мы непосредственно занимаемся, представляет собой различную толпу. В ней влияние умов друг на друга превратилось в действие на расстоянии, причем на расстоянии все более значительном. Толпа, как группа естественная, зависит в большей степени от сил природы; она зависит от дождя, тепла и холода. Публика, как группировка высшего порядка, не подчинена таким переменам, даже в зависимости от климата. Толпа бывает менее однородна, чем публика.

Между толпой и публикой есть и другие различия: можно принадлежать ко многим видам публики, это все равно как принадлежать ко многим видам корпораций, сект, к толпе же можно принадлежать только к одной. Этим объясняется гораздо большая нетерпимость всякой толпы, а следовательно, всякой нации, среди которой преобладает дух толпы, потому что толпа захватывает в себя все существо человека и увлекает его с непреодолимой силой, не встречая себе никакого противовеса.

Еще одно отличие. Публика всегда проявляет свое представительство в печати, и тогда мы имеем дело с борьбой «публик», нередко сводящейся к дуэлям между их публицистами. Толпа же любит двигаться и развертываться как одно целое, показывая свою силу и подавляя ею побежденного. Обмануть толпу легче, чем публику, потому что оратор в толпе чаще всего не встречает себе возражений, тогда как разного направления газеты постоянно служат друг другу взаимным противодействием. В новейшие времена общественное мнение для публики то же, что душа для тела [178].

В толпе или корпорации все виды истинной ассоциации возникают и бывают более-менее руководимы каким-нибудь явным или скрытым вождем. Скрытым, когда дело идет о толпе, и всегда явно

бросающимся в глаза, когда дело идет о корпорации. Стой минуты, когда какое-нибудь собрание людей начинает чувствовать одну и ту же нервную дрожь, воодушевляется одним и тем же и идет к одной и той же цели, можно утверждать, что уже какой-нибудь вдохновитель или вожак или же целая группа вожаков и вдохновителей вдохнули в эту толпу свою душу. Она внезапно затем превращается в так разросшуюся, изменившуюся, обезобразившуюся до такой степени, что сам вдохновитель раньше всех других приходит в изумление и ужас.

Тард считает, что необходимо различать ведущих и ведомых. «Этим мы не хотим сказать, что воля каждого совершенно уничтожается перед волей одного; воля этого последнего — тоже внушенная и представляющая некоторое эхо внешних и внутренних голосов». Толпы без вожака не бывает. Он отмечает, что неважно, какие ценности имеют люди, составляющие данную ассоциацию, — она будет стоять столько, сколько стоит лицо, стоящее во главе нее. Все, что совершает толпа сколько-нибудь важного, внушено ей корпорацией. Она служит «бродилом» для толпы.

Тард, объяснявший всю социальную жизнь только законами подражания, высказывался так: «Известны законы Мальтуса и Дарвина относительно тенденции индивидов данного вида размножаться в геометрической прогрессии — истинные законы лучистого воспроизведения живых индивидов. Таким же образом местное наречие, употребляемое несколькими семействами, мало-помалу, благодаря подражанию, превращается в национальный язык. При возникновении первобытных обществ искусство тесать камни, приручать собак, делать луки, а несколько позже — печь хлебы, работать бронзу, извлекать железо и т. д. должно было распространиться путем заразного подражания, причем каждая стрела, каждый кусок хлеба, каждый бронзовый крючок, каждый отесанный камень составляли одновременно и копию, и модель» [176].

В связи с этим толпа, как определяет ее Тард, — «это груда разнообразных, незнакомых между собою элементов. Лишь только искра страсти, перескакивая от одного к другому, наэлектризует эту нестройную массу, последняя получит нечто вроде внезапной, самопроизвольно зарождающейся организации. Разрозненность переходит в связь. Шум обращается в нечто чудовищное, стремящееся к своей цели с неудержимым упорством. Большинство пришло сюда, движимое простым любопытством; но лихорадка, охватившая нескольких, внезапно завладевает сердцами всех, и все стремятся к раз-

рушению. Человек, прибежавший только с тем, чтобы воспрепятствовать смерти невинного, одним из первых заражается стремлением к человекоубийству и, что еще удивительнее, совершенно не удивляется этому» [161].

Тард двигался в классификации видов толпы по пути, открытому Лебоном. Он описал группы спонтанно сгруппированных людей, которые решают свои животрепещущие вопросы. Эти группы естественны, не структурированы, мало поддаются порядку и организации, лучшим проявлением их считают анархию. Тард полагает, что такие сообщества могут мало что решить и мало на что повлиять. Более результативны организованные, иерархически построенные искусственные толпы, представляющие собой политические партии, большие общественные движения, с их акциями «за» или «против».

По мнению Тарда, толпа формируется в единое целое только благодаря симпатии — «этому источнику подражательности, этому животворящему началу социальных тел». Для того чтобы только что возникшая волна народного движения могла быстро распространиться, необходимо, по мнению Тарда, чтобы умы были подготовлены «к этой предварительной, подчас даже бессознательной, но в общих чертах сходной работе мысли». Бурным и неодолимым всплеском подражательности, контагия, как пишет Тард, всегда предшествует медленнее распространяющийся контагий, тихая и безмолвная подражательность, безмолвно передающаяся от одного к другому. Общая вера, общая цель и общая страсть — вот характеристика толпы и та основа, которая создает вышеупомянутый двоякий контагий [177].

В полном согласии с Сигеле, Тард пишет, что социальное целое очень часто отличается от своих частей, а не является их суммой. Он подчеркивает, что это целое представляет собой как бы произведение, иногда же оно составляет род алгебраической суммы, когда элементы различны. В первом случае одинаковые чувства, которыми воодушевлена толпа, внезапно возвышаются до крайней степени, взаимно усиливаясь, как бы путем помножения. Вот почему коллективная преступность группы лиц, составляющих одно целое, все равно — в силу простой случайности или под влиянием взаимного психического родства, далеко превосходит среднюю величину преступности частных лиц. «Коллективный эгоизм, — пишет Тард, — в тысячу раз властнее и интенсивнее, чем частные составляющие его эгоизмы».

Во втором случае целое является как бы равнодействующей множества расходящихся в разные стороны, иногда даже противоположных стремлений. Они лишь временно соединяются вместе. Они единодушны потому, что обособлены от остального мира, от цивилизованных наций и групп, являясь организмом низшего порядка. Как следует из утверждений Тарда, единодушные толпы проистекает из самой элементарной и наименее высокой формы подражательности.

В работе «Законы подражания» Тард пишет: «Всеякие сборища людей, приводящие в конце концов к различным революциям и войнам, зарождались под могучим влиянием любопытства. Толпа расположена отдаться без малейшего сопротивления, раз ее любопытство возбуждено, во власть идей и желаний, популярных модными проповедниками, ораторами, драматургами и романистами» [176].

Российский ученый Н. К. Михайловский написал небольшие по объему, но достаточно содержательные статьи «Герои и толпа» и «Патологическая магия». В них он высказывает свое мнение по вопросам стадности, подражательности и гипнотизма, которые обнаруживаются у человека в толпе, и оно очень напоминает взгляды Тарда, Сигеле по этим вопросам. Значительное место Михайловский отводит проблеме бессознательного, автоматического подражания, которое особенно ярко проявляется по отношению к образу «героя». Интересно то, что он дает этому объяснение: такое преклонение перед образом героя есть сигнал ослабления или полного уничтожения индивидуальности.

Изучая процесс влияния героя на толпу, он не делает акцента на личных качествах героя, скорее, он интересуется психическим настроением толпы и ее высокой восприимчивостью к внушениям героя. Он обратил внимание на двоякость механизма подражания. С одной стороны, в толпе все подражают герою, а с другой — подражают друг другу. Михайловский находится под явным впечатлением от массовых движений большого количества людей и в унисон с Тардом считает подражательность чуть ли не единственной причиной этого. Он много раз подчеркивает, что толпа дорого платит за свое единство потерей индивидуальности [1].

Взгляды Тарда, Сигеле, Лебона разделяет еще один французский исследователь — А. Фулье. Изучая особенности национального харак-

тера французов, в своем труде «Психология французского народа» он утверждает, что особенности национального характера французов не сводятся к сумме их индивидуальных характеров. Фуллье пишет: «Согласно Сигеле, Лебону и Тарду, человек в толпе оказывается ниже в умственном отношении, чем каким он является как отдельная личность. Интеллигентные присяжные производят нелепые вердикты; комиссии, составленные из выдающихся ученых и артистов, отличаются "странными промахами"». В том, как Фуллье подходит к вопросу о нации, чувствуется влияние на него работ Тарда о подражании. Но Фуллье старается переосмыслить идеи Тарда и спорит с его утверждением, что «общественная жизнь — лишь особая форма сна... Иметь лишь одни внушенные идеи и считать их своими собственными — такова иллюзия, свойственная сомнамбулам так же, как человеку, живущему в обществе» [176]. Фуллье же считает, что нельзя идти так далеко и предполагать, чтобы между членами известной нации действительно происходило гипнотическое внушение и чтобы почти все в этой нации совершалось как бы в состоянии сна. Можно, однако, допустить, что между мозговыми центрами отдельных лиц происходит ряд взаимных влияний, приводящих к возникновению чувств и идей, источник которых лежит уже не в одном индивидууме и не в простой сумме индивидов, а во взаимной зависимости одних из них по отношению к другим, а также и по отношению к их предшественникам [200].

Огромный фактический материал о поведении масс и отдельных представителей во время Великой Французской революции собран О. Кабанесом и Л. Нассом в их монографии «Революционный невроз» [68].

Когда читаешь это произведение, постоянно возникают параллели с аналогичным трудом С. Сигеле — «Преступная толпа». Оба произведения очень живо описывают зверства толпы во время французской революции. Почти единодушно звучат оценки этих авторов. По мнению и Сигеле, и Кабанеса с Нассом, во время революций и других решительных выступлений толпы наблюдаются падение интеллектуального уровня поведения, эмоциональные крайности, высвобождение низменных потребностей и патологических влечений, садизм и массовая истерия. Эти симптомы Кабанес и Насс назвали «революционным неврозом».

Авторы считают, что революционный невроз действительно и несомненно существует и вносит самое беспорядочное смятение не только в души отдельных личностей, но и в души целых обществ.

Психологической основой революционного невроза, по их мнению, служит тотальный страх, охватывающий людей, которые в силу разных причин лишились прежней социальной организации, ценностных ориентации. Старое рушится, что будет на этом месте — пока еще неизвестно. «Во всех поступках, за которые единственным ответственным лицом является анонимная толпа, страх, несомненно, играет выдающуюся роль. Во времена войн, как внешних, так и внутренних, равно как во времена революций, это чувство страха сообщает нередко ходу событий самое непредвиденное, но вместе с тем и самое непредотвратимое направление, вводя эти события в такие русла, изменить которые затем уже никто не в силах. История всех войн и революций — это история панических страхов толпы», — пишут Кабанес и Насс.

В 1904 г. в Великобритании появилась монография сэра Х. Маккиндера «Географическая ось Европы», в которой была представлена одна из первых целостных геополитических теорий деления мира. Маккиндер считал, что мир делится как бы на части — «континентальную» (телурическую) и океаническую (талассократическую). Такой биполярный мир принципиально конфликтен и неустойчив [235].

Маккиндер предлагал в качестве основного закона геополитики принять принцип Большого пространства. Смысл принципа заключается в том, что суверенитет государства зависит не столько от его военной силы, технического и экономического потенциала, сколько от его величины и географического местоположения.

Маккиндер в своей монографии развил достаточно оригинальную геополитическую концепцию. Он полагал, что существует некая «сердцевинная земля» • — Хартленд. Роль этой «сердцевинной земли» Маккиндер считал одной из самых важных в вопросе разделения мира. Он писал: «Кто управляет восточной Европой, тот управляет сердцевинной областью. Кто управляет сердцевинной областью, тот командует Миром-островом (Евразия + Африка). Кто управляет Миром-островом, тот командует всем миром» [235].

Маккиндер также считал, что эра превосходства проокеанических держав, в основном Англии, подходит к концу. (Как видим, его прогноз сбился.) Транспортные технологии, особенно железные дороги, изменяют баланс в пользу сухопутных государств, и стержневая область — Хартленд — усиливается. Этот район определен условиями зоны, недоступной морской державе, и очерчен внутрен-

ним полумесяцем — на материковой Европе и Азии и внешним полумесяцем — островами и континентом за пределами Евразии. Маккиндер полагал, что многие межгосударственные конфликты будут происходить из-за борьбы именно за Хартленд.

Сочинение сэра Х. Маккиндера имело огромное влияние практически на всех самых видных ученых, занимающихся вопросами строения мира. Его концепцию не оставили без внимания З. Бжезинский, Н. Спайкмен и В.В. Жириновский.

Научному творчеству мастеров первого поколения социальной психологии в наши дни дает высокую оценку С. Московичи. Несомненно, пишет он, что описанием толпы, своей блестящей характеристикой «души масс» Лебон создал новую психологию. Анализом подражания и коммуникации Тард распространил ее на всю совокупность общества. И после этого Фрейд остался ответить лишь на вопросы «как» и «почему». Как считает Московичи, при одном и том же отношении к массам Лебон довольствуется тем, что описывает их, Тард дает анализ того, что они собой представляют, а Фрейд пытается объяснить, почему они таковы, каковы есть. Московичи относит Фрейда к первому поколению социальных психологов, хотя могут быть и другие взгляды на этот вопрос, так как долгая и плодотворная жизнь ученого позволила ему быть отнесенным, по крайней мере, к трем из четырех описываемых периодов развития науки.

Пытаясь найти место Фрейду в ряду гениев, Московичи делит последних на тех, которые принадлежат исключительно миру знания (Дюркгейм, Вебер, де Брогли), и тех, кто оставляет после себя школу последователей (Маркс, Дарвин, Эйнштейн, Леонардо да Винчи, Моисей). Фрейда он причисляет ко вторым. Гений ученого, давшего миру метод глубинного анализа человеческого бессознательного, на склоне лет обратился к понятию «толпа» и нашел пути преломления к коллективным процессам ранее описанных им феноменов агрессии, либидо, «первобытного отца», нарциссизма и др. Можно спорить о правомерности применения к толпе этих феноменов. Но нельзя отказать автору в оригинальности подхода: ведь до Фрейда никто из исследователей, описывающих массы, не брался ответить на вопрос «почему» [105].

Фрейд был свидетелем падения двух империй — Германии и Австро-Венгрии, а также цепи национальных и социальных революций, пишет о нем Московичи. Одна из них удалась — революция в России, остальные захлебнулись в крови. Фрейд ощутил глубокое разочарование, хотя война и революции с ослепительной ясностью

показали ему непобедимую силу масс, охваченных ненавистью. Едва замолкли пушки и восстановился мир, вспыхнули другие движения угнетенных масс. Они не приблизили народ к правительству, ожидаемое демократическое общество уступило место тоталитарным движениям. Миллионы людей оказались захваченными речами демагогов, их идеологиями. Те же, кто надеялся на триумф разума и здравого смысла, были жестоко уничтожены. Сила нарушила право. Свободные люди приняли рабство, навязанное насильем.

Много позже ученик Фрейда — В. Райх задает себе вопрос в русле логики своего учителя: «Как оказалось возможным, что какой-то Гитлер, какой-то Джугашвили могут царить над восьмьюстами миллионами человек?» Этот вопрос приводит его в психологию толпы вместе с Фроммом, Адорно и Брохом, чтобы понять Гитлера и нацистское движение. Позднее он напишет, что «фашизм должен рассматриваться как проблема, релевантная психологии масс, а не личности Гитлера или политике национал-социалистической партии».

Бессознательное, воплощенное в толпе, ужасает Фрейда так же, как и Лебона. Он считает, «что народ находится на одном уровне с нижними слоями психического». Между ним и человеческим бессознательным существуют отношения согласия, почти соперничества, которые подвергают опасности самые высокие ценности сознания и достижения индивидуальности». В цивилизациях, где толпа играет ведущую роль, человек ощущает себя своим в скоплении других людей и утрачивает чувство «Я». Психологическая нищета масс, как называет ее Фрейд, достигает всемирных масштабов. Она и составляет фон, на котором авторитарные лидеры, обладая призванием объединять, заново творят мощные общественные связи. Давая каждому человеку ощущение личной связи, вынуждая его разделить общую идею, одно и то же мировоззрение, лидер предлагает ему своего рода эрзац общности, видимость непосредственной связи человека с человеком. Выделяясь на фоне людской массы, вождь зачаровывает ее своим образом, обольщает словом. Подавляет, опутывает страхом. Он дает ей свое имя, свое лицо и свою активную волю. Такими способностями обладали и Наполеон, и Сталин. Эти способности позволяли им сплотить массы, втянуть их в борьбу и требовать от них необходимых жертв. Грандиозные церемонии, беспрестанные собрания, демонстрации силы или веры, проекты будущего, одобряемые всеми, и т. д. — всякое торжественное

выражение объединения сил и подчинения коллективной воле творит драматическую атмосферу экзальтации [194].

Наблюдая современные ему события, Фрейд пропускает их сквозь призму глубинной психологии. Знарок гипноза, Фрейд считал его «насилованным соблазнением», совершаемым против воли человека. На его фоне великие соблазнения Дон-Жуана или Казановы — это ничтожная добыча. Но и гипноз ничто по сравнению с истинными «соблазнительями», поднимающими целые толпы в порыве влюбленности, чтобы швыряться ими в своих интересах, как другие деньгами, — это вожди Наполеон, Сталин, Мао. Огромные массы собираются вместе, чтобы рукоплескать, теряют рассудок, слушая их. Стремятся быть на них похожими, убивают или дают себя убить ради них. Живые, они являются предметом обожания; мертвые, они продолжают вызывать страсти, оказывать губительное воздействие на эмоции и память каждого. Фрейд спрашивает: «Если это не украденная любовь, тогда что же?»

Повинуясь собственному стилю размышлений психоаналитика, Фрейд ставит перед собой три вопроса: что такое масса? как ей удастся влиять на индивида? в чем состоит психическое превращение, которому она подвергается? И сам себе отвечает, что в недрах толпы подавление бессознательных тенденций уменьшается. Моральные запреты исчезают, господствуют инстинкт и эмоциональность. Человек-масса действует как автомат, лишенный собственной воли. Но самое интересное, что масса — это каждый из нас. И, определяя природу связи, объединяющей нас с другими людьми в толпе, Фрейд называет слово либидо — любовь. Он подходит к этому систематически, делая из либидо объяснительный принцип коллективной психологии. Именно под воздействием импульса любви образуются связи между людьми. Они наиболее могущественны там, где мы их меньше всего осознаем. Фрейд считает, что либидо образует суть души толпы. Он подчеркивает: «Внушение не играет никакой роли, любовные отношения — это все. Пусть же спадают маски и прикрытия. Прекратим подвергать цензуре действительность, чтобы узнать ее немного лучше, чем прежде. То, что могло бы соответствовать любовным отношениям, скрыто у нас за ширмой внушения» [194].

На психоаналитической основе Фрейд объясняет феномены толпы, исходя из невротического преобразования энергии либидо, гипнотического воздействия индивидов друг на друга, влюбленности и нарциссизма. Именно под воздействием импульса любви, по Фрейду, люди привязываются друг к другу. Солдат и офицер, верующий

и священник, ученик и учитель испытывают друг к другу эмоции, действующие без их ведома.

Искусственная толпа представляется им как дисциплинированное сообщество, на одном конце которого — глава или группа предводителей, на другом — масса. Эти сообщества обнаруживают распределение, согласно иерархии, двух категорий любовных чувств: любви к себе и любви к другим. Предводитель — это человек, который не любит и не может любить никого, кроме себя самого, по причине бесконечной веры в свой талант, предвидения и ощущения ответственности. Он — само воплощение нарциссизма, хотя может умело имитировать любовь к другим. Он не ищет одобрения окружающих, груб и решителен, он одновременно и обожает себя и ненавидит, почти никогда не колеблется. Фрейд считает, что вожди и масса прямо противоположны: вожди, любя себя, не любят других, а люди — представители массы любят других, не имея возможности любить себя. Именно способность обходиться без других позволяет вождям достичь вершины пирамиды власти и там самоизолироваться, сохраняя дистанцию даже с близкими людьми. Барьер поддерживается жестким выражением лица, выражением презрения или раздражения, резкостью ответов. Этого требует собственный нарциссизм, и если его нет — нет и власти.

Фрейд подчеркивает, что на значимость роли вождя многие из исследователей обращали самое серьезное внимание. Но загадка суггестивного влияния индивидов друг на друга в толпе не была объяснена ничем, кроме как феноменом взаимного внушения. Действительно, индивид чувствует себя неполным, когда он один. И все-таки привязанность к вождю у представителей массы больше, чем друг к другу. В этой привязанности Фрейд усматривает тоску по властному самодержцу среди толпы равных между собою товарищей. Индивиды, составляющие массу, были так же связаны в прошлом, как и теперь, но отец первобытной орды всегда был свободен. Его интеллектуальные акты были сильны и независимы даже в своей обособленности, его воля не нуждалась в усилении другой волей. Массы нуждались в иллюзии, что все они в одинаковой мере любимы вождем, но сам вождь не должен любить никого, он должен принадлежать к породе властвующих, быть совершенно самостоятельным и самоуверенным. Первобытный отец является массовым идеалом, который владеет вместо «Я»-идеала человеческим «Я».

Когда в «Я» что-нибудь совпадает с «Я»-идеалом, то всегда возникает ощущение триумфа. Чувство вины и чувство малоценности

тоже могут быть поняты как разногласия между «Я» и «Я»-идеалом. В армии солдат не идентифицирует себя с личностью своего главнокомандующего, зато в церкви каждый молящийся любит Христа, идентифицируясь с ним и любя его как свой идеал.

В толпе каждый думает, что получает плату по заслугам. Но по этому вопросу у Фрейда другое мнение. «И сегодня людям, составляющим толпу, необходимо знать, что самому вождю нет нужды никого любить — он наделен природой властелина, его эгоизм абсолютен, но он полон уверенности в себе и независим. Мы знаем, что любовь сдерживает эгоизм, и нам было бы легко показать, что благодаря этому она способствует прогрессу цивилизации». Эмоциональная привязанность к кому-то — к отцу, другу, учителю — обозначается понятием идентификации. Она, по Фрейду, заменяет любовное желание по отношению к этому лицу. Но еще чаще это одновременно и отказ и не отказ от удовлетворения своих любовных желаний. Появляется желание идентифицироваться, и человек, который любит, становится как бы тем, кого он любит. Подражая ему, он овладевает им. Принесенная жертва позволяет властвовать над собой и властвовать над отношением с другим. Иногда она принимает форму настоящего присвоения другого человека. Процесс идентификации очень легко почувствовать в одинаковости лозунгов, речитативов, маршей, песен, шествий, танцев на площадях, чем так богатая любящая манифестация власти. Большие церемонии и пышные парады являются, по сути дела, сценами обольщения вождя массами.

В некоторых случаях идентификация приводит к абсолютной конформности: каждый любит только то, что любят другие, и никто не имеет права иметь своих отношений, вкусов и привязанностей. Все другое считается предательством и отступничеством. Создается толпа лиц, носящих одно и то же имя. Идентификация — это приманка, которая заставляет вождя попасть в ловушку. Таким образом, формирование социальных единиц Фрейд объясняет либидо, ограничивающим эгоизм, и идентификацией, укрепляющей эмоциональную связь.

Фрейд дает конкретное объяснение этого механизма на примере армии. В войсках обычно выражают свою любовь к главнокомандующему и поддерживают иллюзию, что любимы им. Но отношения резко меняются в случае поражения, которое само по себе не фатально влияет на исход кампании. Может возникнуть паника, если войско покидает вождь; так было в случае с Наполеоном. Страх охватывает

всех потому, что они понимают, что не любимы и что взаимной связи не было. Солдатами овладевает чувство брошенности, ненужности. Возникает агрессия по отношению как к вождю, так и к самому себе, а заодно и к бывшим единомышленникам. Когда социальные связи порваны, массы начинают разлагаться немедленно. Индивид снова остается с самим собой, со своими эгоистическими наклонностями, чуждый, глухой и слепой к нуждам других. Но при этом он еще начинает искать виновников, которые это допустили, и находит их во всесиили кого-то — будь то еврей, богатый, коммунист. Опять налицо перенос ответственности, такой привычный толпе.

Опасно какое-либо разоблачение образа вождя, ведь народ обидится на невзаимность и любовь к одним в ущерб другим. Любовь, либидозная связь — это цемент, без которого все рассыплется, и люди снова станут одинокими и никому не нужными. Любовь к вождю — одна для всех, она соединяет эти одинокие сердца и заполняет их пустоту. Церковь учитывает это, проповедуя любовь Христа к каждому человеку. Он и старший брат, и отец родной. В армии командир также представляет собой отца, который одинаково любит солдат. Это же относится и к лидерам политических партий.

Некоторые психологи, считавшие, в отличие от Фрейда, что в толпе человек попадает в антисоциальную атмосферу, получили от Фрейда объяснение и этого факта. Антиобщественную тенденцию, называемую нарциссизмом, он описал как привязанность к себе, исключительную любовь к собственному телу и к собственному «Я». Нарциссизм делает человека нечувствительным к желаниям других, нетерпимым ко всему, что не есть он сам. В этом случае человек хранит свое либидо для себя. Он отказывается делить его, переносить на другой объект. Самовосхищение не прекращается, а наоборот — постоянно увеличивается и раздувается. В переносном, социальном варианте это выливается, как это ни кошунственно звучит, и в патриотические по сути своей отвержения других идей, стран, команд и партий, и в непонимание инаковерующих, инакомыслящих, в чем бы оно ни заключалось. Так, греки считали «варварами» все народы, не относившиеся к эллинам. Во все времена тема белых, черных, желтых рас и евреев была краеугольным камнем разногласий и фактической иллюстрацией сказанного. Там, где любовь останавливается на себе, сейчас же появляется ненависть к другому [118].

Однако человек — сложная и противоречивая натура. С одной стороны, он обладает нарциссическим либидо, а с другой — постоянно находится в поиске другого человека, меняет объект, чтобы

самоудовлетвориться. Любовь оплачивается любовью, она переходит границы конкретного. Человек готов отдать жизнь за кого-то другого, пожертвовать собой ради руководителя, провозглашает и производит акт любви. Эта готовность может периодически менять объекты привязанности, она по сути своей есть любовное, сексуальное ядро, как считает Фрейд. Как только появляется желание присоединиться, происходит смена нарциссического либидо на либидо эротическое, тогда «эгоистические наклонности преобразуются в наклонности социальные. Незамедлительно устанавливается, что быть любимым — это преимущество, ради которого можно и нужно пожертвовать множеством других». Большинство человеческих существ требуют от подобных им того, чего они не умеют и не могут получить. Эта неспособность делает отношения между ними хрупкими. Способность жить в обществе создает необходимость преодолеть самих себя. В развитии человечества, как и в развитии одного индивида, именно любовь раскрылась как основной, если не единственный, фактор цивилизации, определяя переход от эгоизма к альтруизму. И это верно как для сексуальной любви к женщине, с вытекающей отсюда необходимостью заботиться о том, кто дорог, так и для любви несексуальной, гомосексуальной и сублимированной на других людях, рождающейся в процессе общего труда. Так же и в толпе мы наблюдаем ограничения нарциссического эгоизма, которые не проявляются вне толпы, и это настойчивое указание на то, пишет Фрейд, что сущность формирования массы заключается в либидозных связях нового типа между членами толпы.

Но ни одно чувство не существует само по себе, всегда в нем прячется другое, противоположное ему, как тень. Как утверждает психоанализ, каждая интимная эмоциональная связь между двумя лицами, имеющая большую или меньшую длительность (брак, дружба, родительское или детское чувство), оставляет осадок противоположных враждебных чувств. Он упраздняется лишь путем чувств и полного перехода этих чувств в действие — все это создает несомненную картину регрессии душевной деятельности до более ранней ступени, которую мы обычно находим у дикарей и у детей. Если считать, что агрессия — это проявление врожденных инстинктов, то соответственно и меры будут, скорее всего, связаны лишь с «истощением и отводом спонтанно проистекающей агрессивной энергии», что и предлагал в свое время З. Фрейд, а затем и К. Лоренц. Истоющая инстинктивную энергию в толпе, индивид получает и разрешение и прощение одновременно.

Многим из современников Фрейда такая интерпретация казалась излишней, ничего не проясняющей и ничего не добавляющей к результатам, полученным Тардом, Лебоном и Сигеле. Как и многое из творчества по глубинной психологии, материалы по массовой психологии Фрейда постоянно подвергались остракизму современников [105]. От души присоединюсь к их мнению.

Одним из величайших умов конца XIX — начала XX в. был русский ученый В. М. Бехтерев. Представитель классической науки — науки о деятельности мозга, он на рубеже веков почувствовал, что назрело новое, не имевшее места ранее явление политического давления широких народных масс на события в мире и что с этим явлением нельзя не считаться. Проанализировав имеющуюся по этому вопросу научную литературу, он остановил свое внимание на крайностях и недосмотрах некоторых вопросов, допущенных крупнейшими психологами того времени [11].

По мнению Бехтерева, Тард является талантливым социологом, но в своих «законах подражания» слишком преувеличил его роль, почти не уделив внимания инициативе отдельных лиц и общественному творчеству, умалил их значение и роль в общественной жизни. Оценивая вклад в данную проблему Мак-Дугалла, он решил, что последний необоснованно расширил понятие инстинктов до гипертрофических размеров, включив сюда еще инстинкты бегства, оттачивания, любопытства, самоуничижения и самоуверенности, страха, покорности и др.

Что же касается Вундта и его психологии народов, то в изучении языков, мифов и обычаев несомненно сделан большой шаг вперед; по мнению Бехтерева, представления Вундта о том, что язык, мифы и обычаи народа могут служить основанием для характерологии народа, неверны. Они не являются не только единственным, но даже и главным поводом для нее. Идущие из старины, они не могут характеризовать современное общество. Они могут характеризовать только разные стороны быта и привычек народа.

Бехтерев отдает должное Лебону, Сигеле, Болдуину, де ля Грасери, Росси и другим авторам романских народов, но считает, что основным недостатком их подхода является субъективный метод.

Мы полагаем, пишет ученый, что в обществах и собраниях можно говорить о взаимодействии и до известной степени о нивелировке продуктов соотносительной деятельности отдельных лиц, но не о единстве их в форме «единой коллективной души». Не в этой еди-

ной душе, в объединенном, но вполне многообразном психическом содержании, происходит ряд процессов, в результате которых и получается все большее уничтожение этого многообразия, т. е. единство. А правильнее говорить о собрании личностей и об их взаимодействии и нивелировке, что приводит к объединению продуктов деятельности, но не к единой психике коллектива.

Уже исстари было известно, пишет Бехтерев, что значит в войсках энтузиазм, который часто дает перевес над силой. «Не следует забывать, — цитирует он высказывание одного военного, — что моральные и интеллектуальные факторы всегда преобладают над другими, и в некоторых пределах, довольно, впрочем, непостоянных, они проявляются гораздо могущественней, чем факторы численности». Однако, как показывает опыт и теория, при чрезвычайном преобладании численности становится беспомощным даже и гений, так как масса как таковая, если она достаточно велика, может окончательно стереть и всякие превосходства интеллекта и морали.

Обильный материал для психолога дают те моменты истории народов, которые сопровождаются бурными общественными движениями, приводят к государственным переворотам. Во время революции страна в один месяц переживает то, что в других условиях она переживает в течение целых столетий. В такие периоды истории все вообще проявления соотносительной деятельности общества представляются более яркими и более выпуклыми. Вот почему Бехтеревым используются данные истории, которые связаны с русскими революциями 1905 и 1917 гг., пережитыми им вместе с интеллигенцией и другими гражданами страны. На этом материале путем анализа он раскрывает законы соотносительной деятельности, общие космические законы. Таковы законы сохранения энергии, тяготения, отталкивания, противодействия, равного действию, подобия, ритма, энтропии, дифференцировки, обобщения или синтеза, приспособленности, отбора, инерции и др.

Человек в толпе или собрании преобразуется до такой степени, что даже перестает походить на самого себя, т. е. на человека, каким он является, будучи предоставленным самому себе. Спокойные и даже несколько апатичные могут вдруг войти в такой пафос, какого они никогда в условиях индивидуальной жизни не проявили бы. Таким образом, можно изучать в качестве предмета коллективной рефлексологии поведение людей в разнообразных группах и собраниях, начиная с простой толпы, сходок, митингов и кончая собраниями в форме научных обществ и коллективных учреждений об-

публичного и правительственного характера, в форме так называемых советов, комитетов и т. п. Для коллективной рефлексологии не представляются существенными ни размеры той или иной группы, ни постоянный или временный ее характер. Но она может и должна принимать во внимание условия, объединяющие данную группу лиц в том или ином отношении, и ее прошлое, так как от того или другого зависят как характер, так и особенности коллективной соотносительной деятельности.

В соотносительной деятельности людей должно связывать нечто: настроение, сосредоточение, решение. Так, толпу соединяет общее настроение, посетителей театра, концерта, вообще зрелища и представления всякого рода — общее сосредоточение. Общее обсуждение вопросов, приводящее к появлению того или иного постановления, проводят участники советов, совещаний, конференций, комитетов, обществ, съездов. Данные рассуждения банальны и вопроса не проясняют.

Но перспективно, что Бехтерев предлагает использовать эксперимент в качестве основного метода изучения массовых явлений. Постановка его должна быть такой, чтобы давала возможность сравнить данные коллектива с данными такого же эксперимента, производимого над отдельными лицами этого же коллектива. Так же успешно можно изучить явление, организовав игры и занятия таким образом, чтобы коллектив в них участвовал как целое собрание лиц. По данной схеме во времена Бехтерева изучение еще не велось. Исследования касались лишь отдельных личностей, которые по той или иной причине интересовали ученых. Само собой разумеется, что нельзя рассчитывать на объективное понимание массовых психологических явлений, не рассматривая собрание людей как целое со всеми его подробностями, не проводя объективные, поддающиеся статистической обработке экспериментальные исследования.

Бехтерева интересовали главные фигуры массовых движений ничуть не менее тех ученых, о которых уже шла речь. Несомненно, писал он, что великие люди, являясь частичкой отражения своего народа, нарушают эволюционный ход его развития. Нельзя быть вождем народа, не воплощая его мечтаний. Моисей олицетворял собой в глазах евреев жажду освобождения от египетских бичей (имеются в виду не бичи-египтяне, а плетки и кнуты сих жителей священной земли. — *В.Б.*). Будда сумел понять и выразить в религии потребность в любви и жалости, которые в эпоху всеобщего

страдания начали проявляться в мире. Магомет объединением религий осуществил политическое объединение народа, разделенного на тысячи враждебных племен. Артиллерист Наполеон воплотил идеалы великой славы, блеска и революционной пропаганды, преследуя самые безумные цели.

Великий вождь только тогда вождь, когда он слился в своих устремлениях с войском. Точно так же правитель только тогда правитель, когда он является выразителем народных устремлений, отождествляет себя с народом.

Известен факт, когда солдаты Суворова при переходе через Альпы от утомления отказались двигаться. Когда об этом доложили Суворову, он приказал рыть себе могилу в горах, чтобы лечь в нее живым. Солдаты перестали думать об усталости, продолжили поход и победили.

Бехтерев рекомендует еще некоторые, наиболее эффективные способы руководства массами. Прежде всего, он подчеркивает значимость силы толпы, заключающуюся в ее «объединении и однородности, характеризующейся моноидеизмом, или одноценностью». Раскол в этом отношении губителен. Поэтому искусство управления толпой заключается в строгом поддержании моноидеизма во что бы то ни стало и любыми средствами. Говорить с толпой нужно не столько убеждая ее, сколько «рассчитывая разгорячить ее горячими словами». А когда это достигнуто, остается только повелевать и давать всем пример, ибо последний действует подобно внушению, чем обычно и пользуются знаменитые военачальники. Вообще, чем однороднее масса, тем легче происходит умственная передача, тем более она склонна к взрывам энтузиазма под влиянием фанатической проповеди.

Не менее значимой ценностью обладает организация толпы. Случайная толпа способна на порыв, но она не может проявить выдержку в более сложном действии. На это способны только организованные массы. Всякое войско держится своей сплоченностью. «Разъедините часть войск, дезорганизируйте их путем ослабления дисциплины, основанной на безусловном повиновении, и вы превратите войско в сброд людей, которые не способны не только к наступлению, но даже и к достойному поведению», — пишет Бехтерев.

Предшественником В. М. Бехтерева, во многом определившим его научное мировоззрение, был И. М. Сеченов. В середине XIX в., по возвращении в Россию после работы у Э. Дюбуа-Раймона и К. Людвиг, он провел серию экспериментов, доказывающих суще-

ствование в головном мозге физиологических механизмов, способных усиливать или тормозить рефлексy. В классической работе «Рефлексy головного мозга» ученый показывает, что деятельность и животных, и человека детерминируется раздражениями, получаемыми из внешней среды.

С этой точки зрения он пытался объяснить психическую деятельность человека, а психологию того времени критиковал за умозрительность, что не потеряло актуальности и в наши дни. Главной задачей психологии Сеченов считал исследование возникновения, развития, воспроизведения и сочетания взятых в целом психических актов [160].

Учение И. П. Павлова о высшей нервной деятельности в значительной мере базируется на предположениях, выдвинутых Сеченовым. Так был определен механизм возникновения условных рефлексов, заключающийся в установлении новых функциональных связей между различными отделами центральной нервной системы в результате одновременного возникновения двух или нескольких очагов возбуждения [189].

Взгляды Павлова на природу высшей нервной деятельности лежат в основе науки о поведении.

Впервые о том, что группа людей в сообществе — это единый организм, высказался Г. Спенсер. По О. Конту, человеческое общество представляет собой «личность всегда существовавшую», что роднит его взгляды со Спенсером. Бехтерев предлагает называть такие группы людей «собираательной личностью», хотя само это определение также грешит сведением психологии к биологии, в котором он обвиняет Спенсера и Конта. Тард вносит утилитарный признак в основу определения: сообщественниками он считает людей, которые имеют друг на друга известные права, установленные законом, обычаем или известными приличиями. Некоторые авторы обращают внимание на взаимодействие членов толпы. Такого мнения придерживаются Зиммель, Новиков, Роберти, Сорокин, Гиддингс, Драгическо, Бугрэ, Грассери и др. По их общему мнению, взаимодействие может определяться взаимной пользой, общей задачей, общим интересом, общим происхождением, общей связью их на почве подражания (Тард) или взаимной борьбой и преследованием.

Корректируя то, что было сказано о толпе Тардом, Сигеле, Михайловским и Лебоном, Бехтерев не считает возможным обозначать различные скопления людей общим названием «толпа». Также неудачным он считает деление Тардом толпы на мужскую и женскую, на юноше-

скую и старческую, а также — по ее отношению к окружающему — на ожидающую, любопытствующую, внимательную, очарованную, ненавидящую, праздную. Эти деления не выдерживают никакой критики, поскольку, за исключением пола и возраста, один и тот же коллектив может испытывать поочередно все виды состояний, описанных выше, не утратив главных основ своей организации.

В результате обозначения толпой всякого коллектива получается такая путаница, что парламентские собрания Тард считает «сложной, противоречивой толпой, какой бывают уроды с двумя головами». Академия определяется Тардом как «влияющие друг на друга индивиды», а театральная толпа — это «толпа наполовину из-за сидячего положения отдельных личностей, ее составляющих». Бехтерев называет Тарда «великим путаником в определениях», говорит о своем несогласии ни с Лебоном, ни с Сигеле. Он предлагает называть собственно толпой скопление лиц, вызванное каким-либо временно возникающим поводом. При этом он различает толпу без определенно организующей цели — уличную толпу, толпу, не организованную внутри себя, но организованную на определенную цель — в виде публики в театре, в молитвенных храмах — и организованные рабочие кооперативы. Это три разные по внутреннему содержанию формы собирательной личности. Фактически Бехтерев дает одну из первых классификаций групп, называя их коллективами: «толпа, публика, собрания, рабочие кооперативы, школа, организованные орды, родовые и кооперативные союзы, мир и государственный коллектив» [11].

Особенностью больших групп, по Бехтереву, является то, что все процессы соотносительной деятельности в них протекают медленно, ибо огромные массы лиц вообще более косны, к тому же способы объединения их более сложны.

Анализируя историю, он находит, что некоторые народы, проникнутые нравственными и религиозными стремлениями, по существу своему миролюбивы и если пускают в дело оружие, то с сожалением. Другие — в интересах своего религиозного или морального прозелитизма проявляют настоящий военный фанатизм. Или, что одно и то же, общество бывает поочередно воюющим или работающим, воинственным или промышленным. Египет, обыкновенно мистический или промышленный, становился время от времени, как при Рамзесах, воинственным и завоевательным, нисколько не теряя при этом своего мистицизма. Афиняне (нация по преимуществу эстетическая) долгое время любили войну.

По словам Лебона, психологи видели в толпе всего лишь «дикое животное, никогда не сытое грабежом и кровью». Но, разобравшись немного в этом вопросе, мы скоро найдем, пишет Бехтерев, что наилучшие выходки толпы часто имели своей исходной точкой благородные и бескорыстные идеи и что толпа — скорее жертва, чем палач. Книга под заглавием «Добродетельная толпа» была бы несравненно более доказательна, чем книга под заглавием «Преступная толпа». «Я обстоятельно доказывал, — пишет Бехтерев, — что одним из самых основных признаков, коренным образом отличающих индивида от толпы, является тот факт, что первый почти всегда руководствуется своими личными интересами, тогда как толпа не повинуетя непостоянным, эгоистическим, но всегда благородным общим интересам» [11].

Однако толпе самой по себе не присущи ни преступность, ни благотворительность, но то и другое может в ней возникнуть, смотря по тому, по каким поводам она собирается и какое направление придадут ее стремлениям ее вожаки; голодная толпа столь же эгоистична, как всякий индивид, требующий себе куска хлеба, политическая же толпа разит все, что стоит на дороге привитых ей общественных начал нового строя, и возвеличивает своих героев. Поэтому, считает Бехтерев, неправ Лебон, когда говорит, что «эгоизм, столь укоренившейся в отдельной личности, — чувство совершенно чуждое толпе именно потому, что она неспособна ни обдумывать, ни рассуждать».

Толпа не лишена инстинкта самосохранения, следовательно, она не лишена и эгоистических стремлений. Одно верно: когда мы имеем дело с преступной толпой, то часто совершаемое преступление имеет своими мотивами правильно или ложно понятое общественное благо; преступление же индивида сравнительно редко имеет общественные мотивы, гораздо чаще его побудителями являются своекорыстные стремления.

В этом отношении толпа оказывает как бы нивелирующее влияние на отдельных индивидов, которые, не будучи вожаками толпы, не имеют возможности проявлять в толпе свою индивидуальность иным способом, кроме, быть может, известной нумерации при подсчете голосов [11].

Нечего и говорить, повторяет Бехтерев Лебона и Сигеле, что высокие качества отдельной личности в толпе, не исключая ее вожаков, не могут найти благоприятных условий для своего проявления, вследствие чего толпа обычно представляет уровень значительно низший, нежели многие из составляющих ее лиц.

Что касается подражания, признается далее Бехтерев, то по этому предмету имеется уже довольно обширная литература. Она представлена работами Михайловского, Тарда, Росси, Лебона, Гарднера, Сигеле, Сидиса, Вигуру и Жукелье и др. Общий результат этих исследований сводится к тому, что собрание лиц в толпу располагает к развитию взаимной заразы, что и приводит к проявлению их деятельности. По Вигуру и Жукелье, уже один вид зевающего человека вызывает у других повторение того же акта. Рефлекс зевания наиболее заразительный. Нет основания сомневаться в особом значении подражания как выдающегося фактора социальной жизни, столь талантливо разъясненного Тардом в его книге, но нельзя забывать, что общество состоит не только из подражателей, но и из создателей.

Таким образом, дети подражают родителям, ученики учителям, младшие старшим и т. д. То же имеет значение по отношению к коллективной среде, где мода начинается всегда с руководящих слоев населения и передается к низшим слоям. Обратное заимствование, конечно, не исключается, но оно происходит всегда в меньшей мере и лишь в известные периоды и только при особых условиях достигает значительной степени выраженности. Заимствование путем подражания прямого или косвенного является вообще неизбежным для всякого вообще коллектива и для всякого народа, каким бы оригинальным творчеством он ни обладал. Собственно распространение мифов, сказок, легенд, определенных форм искусства, научных открытий и изобретений основано на заимствовании и подражании.

Итак, мы видим, что первый период развития психологии масс дал миру великие умы и великие идеи. Не последнюю роль играли в этом великие события, свидетелями которых в Европе были и Лебон, и Сигеле, и Тард, и Фрейд. В России массовые социально-психологические явления заставили взяться за перо Бехтерева, Смирнова, Блюменталья, Михайловского, Попова и других ученых. Имея возможность непосредственно наблюдать, переживать, обсуждать с единомышленниками происходящее, они создали достаточно солидные и системно-целостные концепции по психологии масс, по массовым общественно-политическим движениям. Они заложили основу-фундамент, на котором последующие исследователи могли продолжать строить здание будущей социальной науки. Они стали как бы мощными корнями гигантского дерева, имя которого — психология масс.

Второй период

Творческое наследие мастеров первого поколения было столь велико, что оно определило и методы, и подходы к исследованию, и характер освещения событий, и сочный, яркий язык описания. Эти и другие достоинства книг по психологии толпы вызвали к жизни серию новых исследований, которые можно условно отнести уже ко второму периоду. По времени написания они соответствуют периоду предреволюционному и непосредственно постреволюционному. По своему характеру работы стали несколько иными, чем предыдущие: в структуре вопроса авторы выделяют один — главный для них — признак и основательно его изучают и описывают. Видимо, это закономерно, потому что мастера первого поколения массированно охватили всю панораму действий, что сделало возможным выделение и изучение структурных элементов. Сквозь этот главный признак, как сквозь своеобразную призму, пришедшие на смену пропустили наиболее важные события, связанные с интересующим нас вопросом. Вклад в общее дело представителей второго поколения социальных психологов трудно переоценить — так он значителен. Взять хотя бы работы психоаналитиков Юнга, Фрома, Адлера, Хорни, которые впервые дали глубинный анализ сути происходящего в душе и сердце человека толпы, его базовых потребностей, разрешаемых при помощи другого человека. Значителен вклад Франкла. Нельзя не заметить исследования Канетти.

Второй период украсили своими работами Вернадский и Тейяр де Шарден — представители совершенно нового направления в науке.

Если продолжать аналогию с деревом, то все эти люди стали мощным стволом огромного дерева, которое современники называли психологией масс.

К. Г. Юнг считает, что и массовое психическое (a mass psyche), и массовый человек (a mass man) являются продуктами исторического развития, сформировавшего на протяжении последних четырех веков современную жизнь и сознание западного человека. Юнг связывает это с индустриальной революцией, которая отъединила ранее цельную и уравновешенную душу западного человека от его иррациональных и бессознательных сил. Реформация, Просвещение также стали причиной для непрерывно увеличивающегося разрыва между сознательным и бессознательным, составляющим существование человека. Противоречащие друг другу требования природы и культуры вызывают и все более обостряют присущий уже всему че-

ловечеству «невроз». Следствием этого стал разрыв западного человека со стихией общинной жизни, изоляция его и разрушение индивидуальности. В психологическом аспекте игнорирование и подавление инстинктов бессознательного привели к возникновению массовой и коллективной психической инфляции. Такую ситуацию Юнг считает опасной и чреватой возникновением разнообразных культов, помешательств, увлечений, что говорит о рождении массовой души с ее непреодолимым стремлением к катастрофе. Оказалось, что чем больше человек подчинял своей власти природу, чем больше он начинал ценить свои знания и мастерство, тем значительнее становилось его презрение ко всему иррациональному, бессознательному, природному и случайному. Юнг считает, что психическая эволюция человека не успевает идти в ногу с интеллектуальным развитием и что бурный рост сознания, связанный с развитием науки и технологии, оставил бессознательные и моральные силы далеко позади. Индустриальная революция внесла огромный вклад в возникновение массовой психики, оторвав от земли большие группы населения и скапливая их в огромных городах, где они существенно меняют образ жизни и утрачивают живой, здоровый инстинкт самосохранения. Они мстят за утрату бессознательного, становясь подверженными массовым эпидемиям, наиболее ядовитым и характерным проявлением которых являются политические движения [231].

Политические движения, по мысли Юнга, как раз и возникают в системе социальной изоляции и психического отчуждения как объединяющее начало, которое собрало бы разрозненных индивидов и дало возможность выразить их инстинктивные и бессознательные влечения. Хотя политические движения и могут смягчить некоторые наиболее острые проблемы, они их, по сути дела, не решают. Более того, они приносят с собой еще много неприятного тем, что соединяют силы коллективного бессознательного и тем самым усиливают вероятность катастрофического взрыва. Бессознательное современного человека постоянно подвергается вытеснению, осуждению и табуированию в обществе, поэтому примитивные, иррациональные и агрессивные элементы его содержания получают особенно сильное психическое выражение, если освобождаются с помощью политического движения.

Вторая мировая война привела в ужас народы всего мира, и лучшие умы человечества направили свое внимание на изучение массового психоза, поставившего мир на грань безумной катастрофы.

Развитие событий в Германии в первой половине столетия послужило моделью и драматической иллюстрацией того, к чему может привести человечество невежество в отношении психологии толпы и массовой психологии вообще. Юнг анализирует массовое сознание, подчеркивая его тесную связь с бессознательными инстинктами. Описывая современные ему общественные отношения, Юнг определяет их как примат диктатуры, где любое объединение атомизированных людей в группы сопряжено с потерей ими индивидуальности; пока индивиды не ждут от государства удовлетворения своих материальных, а возможно, и других потребностей, коммунизм невозможен. Современное коммунистическое государство он считает абсолютной монархией, в которой нет подданных, а есть только крепостные. Построение таких государств есть результат социального и психологического состояния масс. В этом государстве, построенном по принципу всеобщего благоденствия, есть только безликие человеческие существа с недоразвитым чувством ответственности за собственное самосохранение, отдавшие любому из своей среды, кому удастся приблизиться к рычагам власти и манипулировать государственной политикой, всю заботу о себе.

Юнговская концепция психического применительно к толпе отличается определенной сложностью: сознание и бессознательное содержат личный и коллективный элементы. Личное сознание состоит из непосредственного сознательного переживания внешних и внутренних раздражителей и их следов, хранящихся в памяти. Коллективное сознание — это господствующее мировоззрение или дух времени, складывающийся из общепринятых норм, установок, ценностных ориентации и др., принятых в данном обществе или группе. Личное бессознательное состоит из личного опыта, который забыт или вытеснен. Там есть следы внутренних и внешних раздражителей и комбинации представлений, которые никогда не достигали сознания или по причине их слабости, или потому, что были вытеснены. К этому следует добавить также все психические содержания, которые несовместимы с сознательной установкой и оказываются морально, эстетически или интеллектуально недопустимыми; потенциальные функции данной конкретной души, которые не получили сознательного развития. И наконец, коллективное бессознательное состоит из унаследованных инстинктов и форм восприятия и понимания, которые никогда не сознавались индивидом и не требовались ему на протяжении жизни, но которые являются характерной чертой для целой группы — будь то се-

мья, нация, раса или все человечество. Коллективно наследуемые формы восприятия и понимания Юнг называет архетипами. Архетипы — это психические корреляты инстинктов. Они входят в сознание только косвенно, через образы и символы.

«Мы пребываем в блаженном неведении о существовании у нас безликих сил, скрытых в нашем бессознательном, поскольку они никогда или почти никогда не проявляют себя в наших личных отношениях или при обычных обстоятельствах. Но стоит множеству людей образовать толпу, как высвобождается динамический потенциал коллективного человека — и на волю вырываются те чудовища и демоны, которые дремлют в любом человеке, пока он не стал частью толпы. В толпе сдержанное и рассудочное существо превращается в маньяка и дикаря».

Сразу по окончании второй мировой войны Юнг проанализировал, как немецкая нация могла довести себя до подобной катастрофы. «Налицо было расстройство коллективного бессознательного в каждом простом немецком случае. Система нравственного и политического воспитания, преобладавшая в Германии, уже сделала все возможное, чтобы пропитать каждого духом тупого послушания и уверенности, что каждая желаемая вещь придет свыше — от устанавливающих законы, от тех, чье индивидуальное чувство "на свой страх и риск" подчиняется господству особенного чувства долга. Неудивительно поэтому, что именно Германия пала добычей массовой психологии, хотя она была не единственной нацией, угрожающей опасными зародышами» [231].

У человека достаточно причин бояться безликих сил, скрытых в его бессознательном. Сразу после второй мировой войны Юнг написал: «Немцы хотели порядка, но совершили фатальную ошибку, выбрав своим лидером первую жертву беспорядка и безудержной алчности. Вместе с остальным миром они не поняли, что значение Гитлера именно в том, что он стал символом для каждого индивида: он был самой невероятной персонификацией всего наихудшего в человеке. Это был невероятно бездарный, неприспособленный, психопатический индивид, полный бессодержательных детских фантазий, но отмеченный живой интуицией крысы и хулигана. Он представлял "тень", наихудшую часть всякой личности в подавленной степени, и это другая причина, почему немцы пали перед ним. Но что бы они могли поделать? В Гитлере каждый немец смог увидеть свою личную тень, свою наихудшую опасность» [231]. Психопат стал идеалом и символом для великого народа, в процессе

достижения собственных честолюбивых и болезненных запросов он надолго разрушил мир на Земле и привел значительную часть населения Земли к безумным поступкам и полному краху, к смерти. Здесь налицо распространение личности за пределы, свойственные индивиду, заполнение пространства, которое он в нормальном состоянии не мог бы занимать. В результате такого расширения своей личности индивид ощущает себя «сверхчеловеком» или подобием Бога.

Именно ощущение собственной неполноценности и неуверенности в себе, пишет Юнг, является причиной той крикливой самоуверенности, заносчивости и бестактности, благодаря которой немцы, законопослушные у себя дома до пресмыкательства, завоевали себе дурную репутацию во время посещений заграницы. В отношении лидера нации — Гитлера — замечена его предрасположенность к истерии, и это тоже немаловажно в симптоматике истории. Видимо, это результат вытеснения тени, т. е. всего слабого и отталкивающего в личности, о чем истерик хочет забыть, чтобы помнить только свои добрые дела, снисхождения, вызывающие восторженные оценки зрителей и поклонников. Он решительно отрицает даже очевидные низменные черты своей личности, сердится на тех, кто на них показывает, и верит собственной лжи, поскольку «воображает, что его чувства и поступки облагораживает величие преследуемой им цели». Вытесненная тень имеет тенденцию распространяться на других; утверждает, что именно они и есть враждебные, не умеющие оценить его по достоинству, корыстные, злые и нехорошие люди. Утрата чувства перспективы приводит истерика к готовности быть настороже, все время предупреждать союзников быть готовыми к борьбе с инакомыслящими и даже к террору по отношению к ним. На языке клинических терминов такое поведение называется истерией со способностью больного верить в собственную ложь. Этот диагноз Гитлеру поставил Юнг, задолго до пожара второй мировой войны предупреждавший немцев о возможности национальной катастрофы.

После войны возник, как и полагается, вопрос о коллективной вине. «В психологическом плане коллективная вина подобна року. Она поражает без разбора и правого, и виноватого, поражает только потому, что человек жил в то время и в том месте, где совершалось злодеяние. Чтобы искупить свою вину перед человечеством, унять угрызения совести, немцам нужно понять, что родить такого "героя", как Гитлер, может только психология толпы — неразумной, спе-

сивой, падкой на обещания мирового господства или еще каких-то химер. Прежде всего следует понять, что личность Гитлера была необычайно сложной и стала такой под воздействием ситуации, в которой оказался он сам и возникновение которой он сам и спровоцировал» [231].

Ценно, что Юнг приводит полную картину предыстории становления личности Гитлера, куда входят интенсивные переживания эдипова комплекса, потрясения от ранней смерти родителей, бурный юношеский бунт, неоднозначное отношение к женщинам, к власти и господству, мазохизм, страх смерти, ипохондрия и склонность к истерии. Будучи плохо социально адаптированным, унылым, полубольным и неудачником, он прибег к безумной компенсации, испытав на себе вегетарианство, исключительную волю к власти, заикленность на мужестве, активности и агрессивности, антисемитизм, мистицизм, комплекс сверхчеловека, чем поставил себя на грань безумия. Но как это обычно и бывает в условиях такого большого недуга, он получил облегчение лишь тогда, когда сумел спроецировать на окружающих свои крайне непривлекательные черты. Испепеляющая психическая энергия, уходившая ранее на переживание своей неполноценности, теперь была направлена на борьбу с внешним по отношению к нему самому злом. Ему удалось «сублимировать» личные проблемы в общечеловеческие и направить на них весь пыл своего ораторского мастерства, дар лицедея, который может эксплуатировать свои истерические наклонности для инсценировки приступов ярости, способность действовать решительно и вызывать в других желание подражать ей. Его дар политического лидера только укрепился оттого, что он сумел связать свои недостатки с идеологией фашизма, где важны расовая чистота, мужество, сила и устранение непригодных. Окажись на месте Гитлера другой человек, события в Германии, по мнению Юнга, могли бы принять и иной оборот.

Когда случается, что обыкновенный, ничем особо не выдающийся человек идентифицирует себя с должностью или титулом, он нарушает естественный порядок вещей, узурпируя свойства личности, ему не принадлежащие. Юнг считает это психической инфляцией, атрофией личности, которая, усыхая все больше и больше за внушительной оболочкой, превращается в маленькое жалкое существо. Личность сливается с должностью, внушительность которой раздувает ее до невероятных размеров. А должность подобного рода тоже не безразлична к личности: она старается утопить инди-

видуальность, свойственную личности, в более масштабной должностной величественности. Это дает легкую компенсацию личных изъянов, считает Юнг.

В политической сфере лидер, увеличивший свою значимость через отождествление себя с занимаемым постом, чувствуя себя центром коллективного волеизъявления, начинает проявлять самоуверенность, зазнайство, барство и вседозволенность. С точки зрения Юнга, это говорит о том, что личность начинает испытывать трудности в своем развитии, приобретает чувство личной неполноценности, которое приводит к страху перед потерей власти и влияния, рождает паранойяльную подозрительность по отношению к возможным соперникам и бывшим друзьям по движению. Возникает необходимость в большем укреплении своей власти, в явных свидетельствах могущества и крепости, и тогда на сцену выходит политическая тирания, а порою и тоталитаризм.

Снова и снова возвращаясь к ощущению собственной неполноценности и неуверенности в себе, Юнг анализирует крайне типичную для психиатрии, яркую, кричащую, выразительную личность Адольфа Гитлера, свидетелем жизни которого Юнг сам являлся. Личность Гитлера была необычайно сложной и стала такой под воздействием самой немецкой ситуации, ситуации пробуждения к активности масс, выплескивающих из своих недр темные, страшные накопления. Все написанное Юнгом может и должно быть суровым предостережением современным политикам и массовым политическим движениям в отношении личности вождя, которому вверяется слишком многое[231].

По представлению Э. Фромма, основной подход к изучению человеческой личности должен состоять в понимании отношения человека к миру, к другим людям, к природе и к самому себе. Согласно его воззрениям, человек — изначально социальное существо. Будучи психоаналитиком и философом, Фромм совместил два эти направления, обеспечив новый виток в развитии каждого из них. Ему удалось создать галерею социальных типажей и характеров, он попытался осмыслить общественные, политические коллизии века. Вполне естественно, что это привело его к потребности выяснить гуманистический потенциал идей К. Маркса. Фромм показал огромную разницу между взглядами Маркса и воззрениями коммунистов тоталитарного толка, став первым исследователем тоталитаризма как политической практики и типа мышления [196].

О чем бы ни писал Фромм: о бытии, власти, государстве, деспотии, культуре, нации, — собственное рассуждение он начинает с человека. Но ни идеализации, ни обожествления человека у Фромма нет. Он показывает, что история нередко пытается вытравить в человеке истинно человеческое, вытравить его природу. «Великие инквизиторы и диктаторы, — писал он, — основывали свои системы власти как раз на утверждении, что люди — овцы. Именно мнение, согласно которому люди — овцы и потому нуждаются в вождах, принимающих за них решения, нередко придавало самим вождям твердую убежденность, что они выполняли вполне моральную, хотя подчас и весьма трагическую обязанность: брали на себя руководство и снимали с других груз ответственности и свободы, давая людям то, что те хотели». Фромм — последовательный аналитик зла, которое заключено в человеке. Его книги посвящены тоталитаризму («Бегство от свободы»), потребности человека в социальном общении, самореализации потенций, творческих возможностей («Иметь или быть?»), искусству любить и принимать любовь других («Искусство любить»). В них затрагивается широкий круг вопросов, имеющих прямое отношение к массовой психологии.

Исследуя наиболее тяжелые и патологические формы деструктивного поведения человека, Фромм описывает различные типы насилия, стараясь показать его корни, направление и энергию, которой оно заряжено. Все, о чем пишет Фромм, широко используется как отдельными личностями в толпе, так и вождями. Наиболее нормальной формой насилия он считает игровое насилие, которое мы видим там, где оно используется в целях демонстрации своей ловкости, а не в целях разрушения, там, где нет ненависти и деструктивноеTM. Военные игры примитивных племен, искусство борьбы на мечах в дзен-буддизме — здесь речь идет не об убийстве, а о ловкости и умении владеть собой.

Гораздо большее практическое значение имеет реактивное насилие, которое проявляется при защите жизни, свободы, достоинства или имущества. Его целью является сохранение, а не разрушение. Оно исходит из разумного расчета, а не из иррациональной страсти. Хотя применение силы для защиты себя самого по своей сути все же остается насилием. Очень часто, пишет Фромм, ощущение опасности и вытекающее из него реактивное насилие покоятся не на реальной данности, а на манипуляциях мышления; политические и религиозные вожди убеждают своих сторонников, что им угрожает некий враг, возбуждая, таким образом, субъективное чувство реактивной враждебности. На

этом базируется устанавливаемое капиталистическими и коммунистическими правительствами, а также римско-католической церковью различие между справедливыми и несправедливыми войнами, что в высшей степени сомнительно, поскольку обычно каждая из противоборствующих сторон способна представить свою позицию в качестве защиты от нападения. Едва ли имела место агрессивная война, которую нельзя было бы представить как войну оборонительную. Эта податливость чужому влиянию покоится прежде всего на недостатке независимого мышления и чувствования, а также на эмоциональной зависимости подавляющего большинства людей от своих политических вождей. Если эта зависимость существует, то почти все доводы, которые высказываются в достаточно требовательной и убедительной форме, принимаются за чистую монету. Психологические последствия, конечно, одинаковы, идет ли речь о мнимой или о подлинной опасности. Люди чувствуют угрозу себе, готовы убивать и разрушать для собственной защиты. Подобный механизм мы находим при параноидальной мании преследования [197].

Фромм описывает различные виды насилия по степени их приближения к патологии. Часто агрессия возникает из зависти и ревности. Зависть и ревность являются специфическими видами фрустрации. История о Каине, убившем своего брата, — классический пример ревности и зависти. Следующее — это насилие из мести. Слабак и калека, заключает Фромм, не имеют другой возможности восстановить разрушенное самоуважение, кроме как отомстить в соответствии с формулой: око за око, зуб за зуб. Продуктивно живущий человек совсем или почти совсем не имеет в этом нужды. Его способность творить проявляется сильнее, чем потребность мстить. Правильность этого анализа легко подтверждается с помощью эмпирических данных применительно как к отдельному индивиду, так и к общественной сфере. Психоаналитический материал показывает, что зрелый, продуктивный человек в меньшей мере способен испытывать жажду мести, чем невротик, которому тяжело вести полную, независимую жизнь и который часто склоняется к тому, чтобы поставить на карту все свое существование ради мести. При тяжелых психических заболеваниях месть становится господствующей целью жизни, поскольку без мести не только самоуважение, чувство собственного достоинства, но и переживание идентичности находится под угрозой разрушения. В отсталых группах, в среде мелкой буржуазии, которой в индустриальных обществах приходится хуже всех, создается, по мнению Фромма, рассадник чувства мести, расистских и националистических чувств.

В тесном родстве с мстительным насилием находится следующий вид деструктивного поведения — потрясение веры. Корни подобной деструкции личности уходят в далекое детство, когда ребенок под влиянием обстоятельств потерял веру в отца, мать, своих близких или Бога. Именно в этом случае, став взрослым, он хочет доказать всем и себе, что жизнь зла, люди злы и сам он зол. Разочарование в вере и любви к жизни делают человека циником и разрушителем; разочарование в жизни ведет к ненависти. То же самое относится и к общественной сфере, когда вождь, которому верят, оказывается плохим или неспособным. Тот, кто не реагирует на это с усиленной независимостью, часто впадает в цинизм и деструктивность.

Человек, который не в состоянии преобразовывать мир и самого себя в известных границах из-за слабости, страха, некомпетентности, чувствует себя импотентом и страдает. Это страдание от импотенции приводит к разрушению внутреннего равновесия, и человек не может принять состояние полной беспомощности без того, чтобы не попытаться восстановить свою способность к действию. Как же он это делает? Одна из возможностей заключается в том, чтобы подчинить себя некой личности (иди группе), которая располагает властью, и идентифицировать себя с ней. Посредством такой символической причастности к жизни другого человек обретает иллюзию самостоятельного действия, в то время как на самом деле он лишь подчиняет себя тем, кто действует, и становится их частью. Другая возможность — это когда человек использует свою способность разрушать.

Разрушение жизни требует только одного: применения насилия. Импотенту нужно лишь обладать револьвером, ножом или физической силой, и он может трансцендировать жизнь, разрушая ее в других или в самом себе. Таким образом, он мстит жизни за то, что она его обделила. Компенсаторное насилие есть не что иное, как коренящееся в импотентности и компенсирующее ее насилие. Человек, который не может создавать, хочет разрушать. Это насилие калеки, насилие человека, у которого жизнь отняла способность позитивно проявлять свои специфические человеческие силы. Часто это бывает связано с садизмом. В отличие от ранее описанных желаний причинить боль другому, Фромм не считает это существенным в садизме. Он видит в нем существенный импульс полностью подчинить другого своей власти, сделать его беспомощным объектом собственной воли, стать его богом и иметь возможность

делать с ним что угодно. Унизить его, поработить — лишь средства достижения этой цели, и самая радикальная цель — заставить его страдать, ибо нет большей власти над человеком, чем принуждать его терпеть страдания, и чтобы он не мог защититься против этого. Радость полного господства над другим человеком (или другой живой тварью), собственно, и есть суть садистского побуждения. Цель садизма заключается в том, чтобы сделать человека вещью, превратить живое в нечто неживое, поскольку живое через полное и абсолютное подчинение теряет существенное свойство жизни — свободу. Гитлер, Сталин, Талаат-паша не своими руками убили миллионы людей. Они располагали тысячами других людей, которые пытали и умерщвляли, делая это не просто с желанием, а даже с удовольствием. От большого размаха их удерживал только страх перед еще более сильным убийцей.

Компенсаторное насилие не является чем-то поверхностным: следствием негативных влияний, дурных привычек или чего-то подобного. Оно является силой в человеке, которая столь же интенсивна и могущественна, как и его желание жить. Она так велика именно потому, что является протестом жизни против увечья. Он должен попытаться разрушить жизнь, если он не может ее созидать. Римский Колизей, в котором тысячи импотентных людей с большим удовольствием наблюдали за схваткой диких животных, за тем, как люди убивали друг друга, является великим монументом садизму. Компенсаторное насилие является, по мысли Фромма, результатом непрожитой искаленной жизни, причем ее неизбежным результатом. Оно подавляется посредством страха и наказания или направляется в другое русло через разного рода представления и развлечения. Однако как потенциал оно продолжает существовать и становится очевидным, когда ослабевают подавляющие его силы. Единственное лекарство против этого — увеличение творческого потенциала, развитие способности человека продуктивно использовать свои силы. Только это может помочь человеку перестать быть калекой, садистом и разрушителем, и только отношения, способствующие приобретению человеком интереса к жизни, могут привести к исчезновению импульсов, из-за которых история человечества была столь постыдной вплоть до сегодняшнего дня. Компенсаторное насилие — патологическая замена жизни, оно указывает на увечье и пустоту жизни. Однако именно через свое отрицание жизни оно демонстрирует потребность человека быть живым и не быть калекой.

Последний тип насилия — архаическая жажда крови. Речь идет не о психопате, а о нормальном человеке. Для некоторых людей пролитие крови тождественно ощущению себя живым, сильным, неповторимым, превосходящим всех остальных. Такое поведение мы наблюдаем у некоего меньшинства людей во время гражданской или отечественной войны, когда отпадают нормальные социальные ограничения. Мы наблюдаем его в архаических обществах, где убийство является наиболее гордым и опьяняющим переживанием в жизни мужчины. Это кровная месть в областях Черногории и Корсики. Это жертвоприношение у ацтеков и у многих других народов. На регрессивном уровне кровь, очевидно, означает то же самое, что и мужское семя, хотя пролитие первой ведет к смерти, второго — дает жизнь и рост.

Разделяя людей на больных и здоровых, Фромм в качестве примера самоотчуждения от себя у больных приводит поведение человека, который считает, что его мысль — результат собственной мыслительной деятельности. На самом же деле он перенес свой рассудок на такие идола, как общественное мнение, газеты, правительство, или на политических лидеров. Он верит, что они выражают его мысли, тогда как в действительности он принимает их мысли за свои собственные, поскольку он избрал их своими идолами, божествами мудрости и знания. Из-за страха люди вытесняют осознание того, что при других обстоятельствах они бы осознали. Наиболее сильный мотив страха — боязнь изоляции. Возможность полного одиночества и обособленности приводит их к близости умопомешательства. Потребность быть вместе с другими является сильнейшей страстью, сильнее, чем даже желание жить. Боязнь изоляции заставляет людей вытеснять из сознания то, что является табу, так как его осознание означало бы, что человек не такой, как все. Поэтому индивид должен закрыть глаза на то, что группа, к которой он принадлежит, объявит несуществующим, или принять за истину то, что большинство считает истинным, даже если бы его собственные глаза убеждали его в обратном. Для индивида настолько важна стадность, что стадные взгляды, верования, чувства составляют для него большую реальность, чем то, что предсказывают ему собственные чувства и разум.

Пристальное внимание Фроммом было уделено личности вождя мирового пролетариата — Марксу. Ирония истории состояла в том, что, несмотря на доступность первоисточников, некоторые теории искажаются до невероятности. Такова судьба и теории Маркса.

Она является ярким примером того, что можно сделать за несколько десятилетий с самыми светлыми и передовыми мыслями. Самым распространенным заблуждением является идея так называемого «материализма», согласно которой Маркс якобы считал главным мотивом человеческой деятельности стремление к материальной (финансовой) выгоде, к удобствам, к максимальной прибыли для себя. На самом же деле цель Маркса состояла в духовной эмансипации человека, в освобождении его от уз экономической зависимости, в восстановлении его личной целостности, которая должна была помочь ему отыскать пути к единению с природой и другими людьми. Фромм решительно утверждает, что в теории Маркса нет такого положения, что главным мотивом человеческой деятельности является материальная выгода, что он печется об освобождении человека от экономической нужды, чтобы развиться в гармоническую личность. Фромм задается вопросом: как случилось, что теория была извращена до своей полной противоположности? [133].

Для этого есть несколько причин. И первая из них — чистое невежество. Материализм не изучался в университетах, но многие считали себя вправе говорить о Марксе, не прочитав ни единой строчки. Вторая причина состоит в том, что русские коммунисты присвоили себе марксистскую теорию и попытались убедить мир, что они в своей теории и практике являются последователями Маркса. На деле же все было наоборот. А поскольку на протяжении многих лет Советский Союз являлся для Запада абсолютным воплощением всякого зла, поэтому и идеи Маркса носили отпечаток дьявольщины. Считается, что Маркс был «певцом» насилия. Он видел, что никакая политическая сила не может вызвать к жизни ничего принципиально нового, если оно не подготовлено в недрах общественного и политического развития. И следовательно, насилие (если оно вообще необходимо) играет роль, так сказать, последнего толчка в развитии, которое в основном уже состоялось само собой. По этому поводу он говорит, что насилие — это повивальная бабка всякого старого общества, которое обременено новым. Большой заслугой Маркса, признаваемой им самим, является как раз то, что он перешагнул через традиционные буржуазные воззрения, — он не верил в творческую способность насилия, не брал на вооружение мысль, будто политическое насилие само по себе может обеспечить новый социальный строй.

О системах типа советского коммунизма Маркс высказывал свое суждение в словах «грубый коммунизм». Он считал, что это реализа-

ция обычной человеческой зависти, которая не допускает, чтобы другой был богаче, а поэтому призывает к уравниловке. Крайней меры такой уравниловки можно достигнуть, идя от культуры и цивилизации назад к общине, где все работают и все равны.

Маркс не мог предвидеть масштабов массового отчуждения, которое охватило большую часть человечества; тем более он не мог представить себе, что настанет день, когда огромная и всевозрастающая часть населения попадет в зависимость не от машин, как он думал, а станет предметом манипулирования со стороны других людей и их символов. Например, служащий, посредник, менеджер сегодня — это же люди еще более отчужденные, чем профессиональный рабочий. Социализм, по Марксу, должен был помочь рабочему человеку найти себя и взять мир в свои руки так, чтобы жить в гармонии с ним. И только фантастическая ложь Сталина, который выступал от имени Маркса, дала возможность воспринимать его как человека, враждебного свободе. Цель Маркса — развитие индивидуальной человеческой личности — в советской системе социализма отрицается еще больше, чем в современном капитализме.

Фромм считает, что единый мир нуждается в новом человеке, чтобы не подвергнуться саморазрушению. Этот человек должен преодолеть узкие рамки национального государства и признать любое человеческое существо соседом, а не варваром. В зависимости от того, удастся ли это, Фромм решал, проснется ли человек, придет ли в активное и осмысленное состояние или же погибнет от собственного тупого единодушия с толпой и ее идеологией [197].

А. Адлер часто представляется широкой публике как человек, взбунтовавшийся против своего учителя — Фрейда. Однако многое из положений его индивидуальной психологии совпадает со взглядами учителя. В частности, он развивает впервые высказанный Фрейдом вопрос о чувстве неполноценности и компенсации. Врачам давно известно, что, если, например, одна почка плохо функционирует, другая берет на себя ее функции и несет двойную нагрузку. Адлер указал на аналогичную особенность и в психической сфере, когда люди чувствуют себя неполноценными из-за ощущения собственного психологического или социального бессилия.

Он полагал, что чувство неполноценности берет свое начало в детстве. Появление его означает начало длительной борьбы за достижение превосходства над окружающими, а также стремление к совершенству и безупречности, что станет основной мотивирующей

силой в жизни человека. Отсюда следует, что почти все, что человек делает в жизни, имеет целью преодолеть свое ощущение неполноценности. Иногда оно становится чрезмерным — это и есть комплекс неполноценности. Чаще всего этому способствуют неполноценность органов, чрезмерная опека или отвержение со стороны родителей. В ряде случаев индивид в сознательном возрасте может развить у себя гиперкомпенсацию, стараясь преодолеть постоянное чувство неполноценности. Он начинает преувеличивать свои интеллектуальные, социальные или физические способности, рискуя выглядеть хвастливым, высокомерным, эгоцентричным. В его стремлении к превосходству часто появляется конкретная цель — власть. В ранних произведениях Адлер писал, что великой движущей силой поведения человека является агрессивность. Позднее он отказался от идеи агрессивных стремлений в пользу «стремления к власти». Быть могущественным, быть агрессивным и быть недостижимым — таков закон человеческой жизни, по Адлеру. Будучи неясной и в основном корящейся в бессознательном, эта цель мотивирует жизнь и направляет ее. Достаточно благородная сама по себе, она может приобрести нежелательное направление у людей, мечтающих преуспеть за счет других людей и на их плечах. А если учесть, что в детстве очень многие из людей чувствовали себя неполноценными, то компенсация и сверхкомпенсация — достаточно распространенные явления.

Адлер предлагает классификацию жизненного стиля людей по степени активности и социальному интересу. Он предупреждает, что ни одна классификация не может точно определить стремление к превосходству, совершенству и целостности личности. Все относительно. Первый — социально-полезный тип — есть воплощение зрелости, выражающееся в наличии социального интереса, чувства эмпатии к людям и готовности к сотрудничеству. Ему соответствует и высокая степень активности. Этому типу были противопоставлены сразу три типа: управляющий, берущий и избегающий. Для каждого из них характерна недостаточная выраженность социального интереса, при этом они различаются по степени активности.

Люди управляющего типа самоуверенны и напористы. Их активность направлена на удовлетворение собственных желаний, не считаясь ни с кем и ни с чем. При этом допускаются правонарушения и антисоциальность. Представители берущего типа малоактивны, но основная их забота — получить как можно больше за счет других. Социального интереса они не испытывают. Для людей

избегающего типа нет проблем, которые вызывали бы социальный интерес или желание действовать. Они панически боятся жизненных проблем, сулящих им неудачу. Если применить приведенную классификацию к оценке руководителей, вожаков и вождей, то результаты будут более чем выразительные.

Адлером была развита мысль и о том, что наши основные цели могут приобретать фиктивный характер, так как их соотносённость с реальностью невозможно ни проверить, ни подтвердить. И в качестве примера наиболее сильной деструктивной фикции он приводит убежденность нацистов в превосходстве арийской расы над всеми остальными. Эта идея Адольфа Гитлера витала в воздухе Германии и всего мира, побуждая действовать и побеждать. Однако реальной почвы она под собой не имела, что и сделало ее иллюзорной и фиктивной, в конце концов [178].

К. Хорни придерживается мнения, что при благоприятных условиях энергия людей идет на реализацию их собственного потенциала. Пути движения именно такого развития далеки от универсальности. В соответствии со своими способностями, намерениями, с неповторимым темпераментом человек может в дальнейшей жизни стать мягче или жестче, осторожнее или доверчивее, увереннее в себе или наоборот. Но в какую бы сторону он ни повернул, он будет избирать свои, именно свои способы поведения в той или иной обстановке.

Человек считается нормальным (каковыми мы по большей части и являемся), если в нем перемешаны сила и слабость, здоровье и невроз, если он принимает на себя ответственность не только за прекрасные стороны своего характера и темперамента, но и за отрицательные. Он и сам принимает себя таким, каков он есть, со всеми своими слабостями и недостатками. Он не стыдится себя, не требует от себя того, на что решительно не способен. Он старается простить себе промахи, ошибки, не перестает любить и уважать себя ни при каких обстоятельствах. Такой человек независим во взглядах, суждениях и поступках, он не ссылается на какой-либо авторитет, а сам является им.

Однако под действием внутреннего принуждения, имеющего множество разных причин, у человека может начаться отчуждение от собственной реальности. И тогда главная часть его сил и энергии смещается на выполнение очень сложной, почти невыполнимой задачи: превратить себя в абсолютное совершенство методом

системы внутренних предписаний. Для этого может стать необходимой игра определенной роли, которую он использует, пряча настоящее лицо под маску, тратя на это много сил и времени. Он ищет людей, которыми можно было бы манипулировать, и требует, чтобы они поступали в соответствии с его ожиданиями. В честные и откровенные отношения взаимной привязанности здесь лучше не вступать — опасно. Со всей очевидностью можно сказать, что такой человек начинает жить в воображаемом мире, являясь кем-то другим, но не самим собой. Умственные способности находятся под нагрузкой, но они не направлены на интеллектуальное совершенствование, а вырабатывают позицию по психологической защите рационального плана, т.е. пытаются приписать действиям благовидные предлоги. Большинству вождей это свойственно до чрезвычайности. Хорни эти описания не связывала с именами Гитлера, Муссолини, Сталина, Кастро и Хуссейна, а просто давала типажи, которые очень легко и прозрачно на них накладываются.

Невротический процесс представляет собой форму человеческого развития, чрезвычайно неудачную из-за растраты творческой энергии, на которую она обрекает человека. Он не только качественно отличается от здорового взросления и роста, но и, в большей степени, чем мы это понимаем, прямо противоположен ему во многих отношениях. Как психоаналитик, Хорни объясняла стремление к власти через проблему невротизации личности. Большое количество своих работ она посвятила рассмотрению потребностей людей, стремящихся к власти, поиску механизмов самовыражения. Хорни заметила, что они видят себя и других в кривом зеркале, не желая прозреть и всячески сопротивляясь этому прозрению.

По мнению Хорни, затянувшиеся на долгое время стратегии защиты обречены на провал, поскольку создают порочный круг; средство, которым мы хотим смягчить тревогу, напротив, усиливает ее. Например, фрустрация, создавшая непомерную потребность в любви, делает эту потребность ненасытной, а требовательность и ревнивость, вытекающие из ненасытности, делают все менее вероятным, что человек обретет когда-нибудь истинных друзей. Особенно у тех людей, которых в детстве не любили родители, развивается прочное чувство, что их больше никто и никогда не полюбит, и они отбрасывают любое свидетельство противоположного, а за любым проявлением симпатии ищут дурные намерения. Хорни сравнивает эту ситуацию с ситуацией «человека, который умирает от голода, но не осмеливается съесть что-либо из страха, что еда отравлена».

Невротическая потребность в любви абсолютно ненасытна. «Человек ощущает одновременно влечение властвовать над всеми и быть всеми любимым, его влечет уступать каждому и каждому же навязывать свою волю, уйти прочь от людей и умолять их о дружбе», — пишет Хорни. В результате его раздражают неразрешимые конфликты, которые часто и являются динамическим центром невроза. Люди, пытаясь справиться с базовой тревогой, вырабатывают не одну, а сразу несколько стратегий защиты. И ни одна из них не порождает ощущение безопасности, любви и признания. Личность справляется с ситуацией тем, что отказывается от своих истинных чувств и изобретает для себя искусственные стратегии защиты.

В отличие от Фрейда, считавшего, что детские воспоминания фатально определяют характер будущей взрослой жизни, Хорни утверждает, что последующие переживания тоже влияют на наше отношение к миру. Ранние переживания могут влиять сильнее, чем более поздние, поскольку именно они определяют направление развития, но характер взрослого — продукт всех предыдущих взаимодействий его психики и окружающей среды. Связь между нашим настоящим и ранним детством существует, но она многосложна, и ее трудно проследить. Более плодотворно было бы «сосредоточиться на силах, которые актуально движут человеком или препятствуют его движению. Есть достаточная вероятность, что мы сумеем их понять, даже не очень много зная о его детстве», исходя из желания найти пути наилучшего способа самореализации.

Бывший узник концентрационных лагерей смерти В. Франкл подверг глубокому анализу состояние человека, находящегося в человеческом стаде, приговоренном к мученической смерти. На большом количестве примеров он показывает, что жизнь человека, лишаящая его смысла и надежды, как нельзя более калечит и изматывает его. Существование личности в полной мере обретает смысл лишь в сообществе. И в этом смысле ценность человека зависит от сообщества. Но коль скоро сообщество само должно иметь смысл, оно вынуждено мириться с индивидуальными особенностями людей, его составляющих. Что же касается взаимоотношения людей в толпе, то здесь, напротив, особенности отдельной личности, ее непохожесть затираются, должны быть затерты, поскольку ярко выраженная индивидуальность представляет собой разрушительный фактор для любой толпы. Следовательно, по представлению Франкла, толпа подавляет индивидуальность составляющих ее людей, от-

раничивая их свободу ради равенства и подменяя братство стадным инстинктом. Об этом уже много раз было сказано. Человека нельзя ввести составным элементом ни в какую систему высшего порядка — ведь при этом он неизбежно теряет особое качество, которое отличает собственно человеческое бытие, — чувство достоинства. Наиболее ярко проявляется это в феномене массы или толпы. Толпа как таковая не имеет ни сознания, ни ответственности. Несмотря на то, что толпа может действовать и в этом смысле она «реальна», она не действует ни внутри себя, ни сама по себе [193].

Франкл, так же как и Г. Лебон, утверждает, что, скрываясь и растворяясь в толпе, человек утрачивает важнейшее из присущих ему качеств — ответственность. Если он берет на себя задачу, поставленную обществом, он добивается совсем иного — увеличения собственной ответственности. Бегство же «в толпу» — это способ скинуть с себя бремя ответственности. Как только кто-нибудь начинает вести себя так, как будто он всего лишь частица «высшего» целого и только это целое играет определенную роль, он начинает получать истинное наслаждение от того, что удалось «сбросить» с себя хотя бы часть ответственности. Эта тенденция к избеганию бремени ответственности оказывается мотивом для любых форм коллективизма. Истинное сообщество, в сущности, — это сообщество ответственных личностей; толпа — это просто множество обезличенных существ.

Франкл считает, что людям присуще чувство некоторой эмоциональной стадности; однако человеческое сообщество этим не ограничивается: перед ним стоит задача более общая, выходящая за пределы этой «стадности». Но не только личности необходимо сообщество, ибо лишь в нем ее существование обретает смысл; но и, наоборот, сообщество, чтобы иметь смысл, не может обойтись без отдельных личностей. Именно в этом существенное различие между сообществом и просто толпой. Толпа отнюдь не обеспечивает человеку такой формы отношений, в которой он мог бы развиваться как личность, толпа не терпит индивидуальности. Если отношения между человеком и сообществом можно сравнить с целым мозаичным рисунком, то взаимоотношения человека и толпы подобны серому булыжнику, которым выкладывают мостовую. Все камни имеют одинаковый цвет и форму, каждый из них может быть заменен любым другим; для хорошего качества мостовой совершенно не обязательно, чтобы ее мостили именно этим отдельно взятым булыжником. Мостовая сама по себе не является целост-

ным образованием, это всего лишь множество камней. Франкл считает, что толпа потопляет в себе достоинства и истинную ценность людей, извлекая из них чисто утилитарную пользу [193].

Х. Ортега-и-Гассет высказал интересную мысль о смене выдающихся, неординарной одаренности одиночек широкими массами серости, начавшей присваивать себе то, что во все времена было неотъемлемой принадлежностью немногих выдающихся людей. Он считает, что активность масс в нашу эпоху растет не только из-за увеличения численности населения, а еще потому, что массы стали заполнять те места, которые во все века предназначались для избранных, для меньшинства. В этом он усматривает и благо, и опасность. «...Массы решили двинуться на авансцену социальной жизни, занять там места, использовать достижения техники и наслаждаться всем тем, что раньше было предоставлено лишь немногим». Обобщая, автор «Восстания масс» делает тревожный прогноз на будущее: «Поэтому, я полагаю, предвосхищая то, что мы увидим далее, что политические события последних лет означают не что иное, как политическое господство масс» [118]. Ортега-и-Гассет видит благо в том, что средний уровень нашей жизни достиг высоты, которая раньше была доступна только лишь аристократии. Развитие техники позволило рядовому человеку знать то, что происходит за тысячи миль от него, тогда как раньше информацией обладали лишь избранные. Все вышеперечисленное преисполнило человека толпы сверхгордостью и иллюзией своего могущества. При этом человек не испытывает абсолютно никакой благодарности ко многим поколениям элиты, меньшинству, благодаря усилиям которых он сейчас обладает этими благами. В связи с этим у человека массы появилось новое поведение — желание захватить руководство обществом в свои руки, хотя необходимые для социального управления способности отсутствуют.

Ортега-и-Гассет считает, что всякое общество — это динамичное единство двух факторов: меньшинства и массы. Меньшинство — это личности или группы личностей особого, специального достоинства. Их группы нельзя назвать массой, сплоченность членов здесь основана на вкусах, идеях, идеалах, которые исключают массовое распространение. Масса — это множество людей без особых достоинств.

Анализ истории, по мнению автора, показывает, что во все эпохи, когда массы по тому или иному поводу выступали в обществен-

ной жизни, — это всегда было в форме «прямого действия», т. е. насилия. «Прямое действие» — единственный метод действия масс. Примеры такого правления, по мнению Ортеги-и-Гассета, — большевизм и фашизм. «Эти движения, типичные для человека массы, управляются, как всегда, людьми посредственными, несовершенными, без исторического чутья, с короткой памятью. И большевизм, и фашизм — ложные зори; они предвещают не новый день, а возврат к прошлому, давно пережитому, они первобытны».

Ортега-и-Гассет предупреждает о том, что государство может стать опасным в руках масс. Человек массы видит в государстве анонимную силу и, так как он чувствует себя тоже анонимом, считает государство как бы «своим». Если в жизни страны возникают затруднения, человек массы склонен требовать, чтобы государство немедленно вмешалось и разрешило проблему непосредственно, пустив в ход свои огромные, непреодолимые средства. Эта легкая возможность всегда представляет для масс сильное искушение. Человек массы действительно верит, что он — государство, и все больше стремится под всякими предлогами пустить в ход государственную машину, чтобы подавлять творческое меньшинство, которое ему мешает всюду, во всех областях жизни: в политике, в науке, в индустрии. Чувствуя себя заурядным, человек массы провозглашает права заурядности и отказывается признавать все высшее. Автор считает эту тенденцию пагубной: «Творческие стремления общества будут все больше подавляться вмешательством государства... Общество будет жить для государства, человек — для правительственной машины».

Подводя итог своим рассуждениям о различиях в типах людей в обществе, Х. Ортега-и-Гассет пишет: «Несомненно, самым глубоким и радикальным делением человечества было бы разделение их по двум основным типам: на тех, кто строг и требователен к себе самому («подвижники», а в понимании Хорни и других психоаналитиков — невротики и психопаты. — В. Б.), берет на себя труд и долг; и тех, кто снисходителен к себе, доволен собой, кто живет без усилий, не стараясь себя исправить или улучшить, кто плывет по течению» [118].

Бездумное существование людей на Земле уже породило множество экологических и геополитических проблем, но есть вероятность, что может породить еще большие, если продолжать жизнеустройство на уровне сознания «человека толпы». Размышления о

будущем Земли и существовании земной цивилизации все больше беспокоят как философов, так и биологов разных стран. В числе наиболее серьезных гипотез развития жизни на ближайшие столетия можно отметить гипотезы В. И. Вернадского и П. Тейяра де Шардена.

Академик В. И. Вернадский считает, что под влиянием научной мысли и человеческого труда биосфера переходит в новое состояние — в ноосферу. Впервые термин «ноосфера» был предложен французским математиком и философом Э. Леруа в 1927 г. Этим же термином начал пользоваться известный французский философ и антрополог П. Тейяр де Шарден. Но у этих двух философов наблюдается различие в понимании данного феномена. У Тейяра де Шардена идеи носили несколько идеалистический характер, близкий к теософии. А Вернадский наполнял термин вполне земным содержанием. Он считал, что неизбежно наступление времени, когда человечество будет видеть необходимость строить всю свою деятельность и свои взаимоотношения с природой на научной основе, а наука, призванная помочь человечеству овладеть теми процессами, которые до сих пор протекали стихийно, постепенно начнет пронизывать всю деятельность общества, включая его взаимоотношения с природой [27].

Вернадский считал, что в пределах живого вещества в последнее время вновь создается и быстро набирает значимость новая форма биогеохимической энергии, еще большая по своей сложности и интенсивности. Эта новая форма энергии, связанная с жизнедеятельностью человеческих обществ, рода Ното и других гоминид, близких к нему, сохраняя в себе проявление обычной биогеохимической энергии, вызывает в это же самое время нового рода миграции, по разнообразию и мощности далеко оставляющие за собой вызванные обычной биохимической энергией живого вещества планеты.

Эта новая форма биогеохимической энергии, которую можно назвать энергией человеческой культуры или культурной биохимической энергией, создает в настоящее время ноосферу.

Под влиянием окружающих ужасов жизни, наряду с небывалым расцветом научной мысли приходится слышать о приближении варварства, о крушении цивилизации, о самоистреблении человечества. Вернадский пишет, что ему эти настроения и эти суждения представляются следствием неглубокого проникновения в ок-

ружающее. В XIX и XX столетиях в истории Земли началась новая геологическая эра: человек стал геологической силой, которая нам представляется предельно стихийной. Биосфера в наш исторический момент быстро переходит в новое состояние, в котором должен проявиться разум и направляемая им работа человека как новая небывалая на планете геологическая сила.

Человек впервые заселил всю планету, и не осталось места, где бы он не бывал, где бы не мог жить. Это не было специально организовано и стоило много крови и сил. Но результат овладения человеком всей поверхностью планеты и ее заселения достигнут впервые в истории. В то же самое время все человечество превратилось в единое экономическое целое. Это тоже достигнуто бессознательно в течение столетий путем страдания, крови, насилия, и это есть огромной важности исторический факт. Сейчас пути сообщения, сношения людей и обмен товаров впервые в истории могут происходить со скоростью сотен километров в час, возможность общения людей оказалась вне зависимости от расстояния, благодаря радио общение может происходить почти мгновенно. Нет уединенных людей и людских обществ; человек победил расстояние. И в то же время социально и политически с середины прошлого века в истории человечества выступили на первое место народные массы как политическая сознательная сила — мощный фактор в истории человечества. Их интересы, а не интересы отдельных лиц, семейств, классов, организаций, все прочнее являются лозунгами реальной жизни, политической силой.

Мне кажется, пишет Вернадский по поводу Великой Отечественной, что эта война явится началом новой эры — в буре и грозе родится ноосфера. Подготавливавшееся в течение тысячелетий новое состояние жизни на нашей планете, о котором мечтали утописты, станет реальностью, когда войны, т.е. организованные убийства, голод и недоедание могут сравнительно быстро исчезнуть с нашей планеты. Это зависит в известной степени от каждого из нас. Мы должны это понимать и сознавать.

По мнению Вернадского, образование ноосферы из биосферы требует проявления человечества как единого целого. Для того чтобы взаимодействие природы и общества было организовано наиболее оптимально, ему виделось целесообразным образование единого по всей планете «всемирного государства». Чтобы ноосфера оправдала свое название «сферы разума», в ней действительно должна господствовать гуманистическая научная мысль, которая могла бы подавить неблагоприятные для человечества последствия тех-

нического прогресса и развить широкие перспективы для расцвета общественной жизни.

Проблема контроля, сдерживания и предотвращения агрессии всегда была актуальна, но особенного пика она достигла сейчас, когда создание мощнейших видов оружия привело к возможности самоуничтожения человеческой цивилизации. Ситуация осложняется еще и тяжелейшими изъятиями массовой психологии, такими как терроризм, непрерывные региональные конфликты на расовой и национальной почве. Суровое предостережение Вернадского, к сожалению, мало кем осознано в должной мере. Хотя написано и сказано об этом немало, события разворачиваются именно так, и очень опасно и чревато страшными последствиями разворачивать колесо истории в таком направлении.

С первым проблеском мысли на Земле, замечает П. Тейяр де Шарден, жизнь породила силу, способную критиковать ее саму и судить о ней. Ужасная опасность долго дремала, но вспыхнула с нашими первыми достижениями идей эволюции. Предшествующий век ознаменовался первыми системными забастовками на заводах. Будущий, безусловно, чреват угрозой забастовки в ноосфере. Способная гибко реагировать внутри организованных тел, жизнь, по-видимому, в состоянии также использовать для своих творческих комбинаций случайно возникающие в мире крупные реакции между материальными течениями и живыми массами. Коллективами и событиями она играет так же ловко, как и атомами [181].

Зло, по Тейяру, — это прежде всего человеческое страдание, но оно есть необходимый для человеческого рода стимул к совершенствованию; затем зло — это разобщенность, постепенно преодолеваемая всем механизмом эволюции, вплоть до будущих стадий человеческого развития. Это преодоление осуществляется через страдание. То, что Тейяр говорит о «дыбе становления», о «гибели во множестве» и об эволюции как «волочильне для индивида», напоминает муку, которую клал в основу эволюции Я. Беме. И как у Беме внутренняя расколотость переходит в качественную сторону, в «живость и деятельность», так у Тейяра зло, заключенное в страданиях отдельных живых существ, ложится в основу эволюции или жизни в целом как добра, высшей ценности и реальности.

Человек в том виде, каким его удастся воспроизвести науке, — животное, подобное другим. Из палеонтологии мы знаем, что животная форма никогда не выступает в одиночку, а вырисовывается в

недрах мутации соседних форм, среди которых она как бы ошупью начинает оформляться. Так же обстоит дело с человеком. Значит, с точки зрения науки, которая издали схватывает лишь целое, «первым человеком» является и может быть только множество людей, и его юность насчитывает тысячи и тысячи лет. Из этого напрашивается вывод, что для человека масса это та среда, которая одна способствует развитию и формированию животной особи человека, и одна будет оставаться таковою, пока человек живет.

Как считает Тейяр де Шарден, на Земле уже начался кризис, связанный с массовым сплочением человечества, когда народы и цивилизации достигли такой степени периферического контакта, или экономической взаимозависимости, или психологической общности, что дальше они могут расти лишь взаимопроникая друг в друга. При этом люди напрасно стремятся, не изменив своих привычек, урегулировать международные конфликты путем исправления границ. Судя по ходу вещей, они скоро сплющат друг друга, и что-то взорвется, если они будут упорствовать. Мирное завоевание, радостный труд ждут их по ту сторону всякой империи, противостоящей другим империям, во внутренней тотализации мира — в единодушном созидании Духа Земли.

Тейяр де Шарден сожалеет, что люди, несмотря на интенсивность сил сближения, все-таки продолжают оставаться враждебными или, по крайней мере, обособленными друг от друга. Свои множества люди, как никогда, стараются привести в порядок. Это уже не орды, а соединенный научно «людской миллион». Людской миллион в шеренгах, на парадных площадях, стандартизированный на заводе. И все это приводит лишь к самому ужасному порабощению. Кристалл вместо клетки. Муравейник вместо братства.

В настоящее время широкие слои человечества чарует другая, менее теоретическая и не столь односторонняя, но зато значительно более коварная доктрина «прогресса путем обособления» — доктрина селекции и избранности рас. Льстящий коллективному эгоизму, более живой, более благородный и еще более чувствительный, чем индивидуальное самолюбие, расизм для своего обоснования принимает и продолжает линии древа жизни строго такими, какие они есть, в их перспективах. В самом деле, что же нам показывает история живого мира, если не последовательность вееров, возникающих один за другим один над другим, вследствие успеха и доминирования привилегированной группы? Значит, еще и теперь, и даже между ними, идет борьба за жизнь, за выживание более приспособленного. Продолжается испытание си-

лой. Сверхчеловек должен расти, как всякий другой стебель, из одной почки человечества.

Последующее изложение покажет, в чем привлекательность или порочность этих циничных и грубых теорий, в которых, однако, зачастую бьется благородная страсть, и почему тот или иной из этих призывов к насилию находит отзвук иногда в глубине нас самих.

В момент возникновения и в процессе многовекового развития ничто не стесняло распространение человеческих валов по поверхности земного шара, и, возможно, именно в этом заключается одна из причин медлительности социальной эволюции человечества.

По мере того как в результате увеличения численности человеческие элементы благодаря своей психической проницаемости все больше проникали друг в друга, их сознание при сближении возбуждалось. И как бы расширяясь, каждый из них постепенно расширял радиус своей зоны влияния на Землю. Земля же тем самым как будто все более уменьшалась. В самом деле, что происходит при нынешнем пароксизме? Благодаря изобретению железной дороги, автомобиля, самолета физическое влияние каждого человека, некогда ограниченное несколькими километрами, теперь расширилось на сотни миль.

Теперь кроме хлеба, который символизировал в своей простоте пищу неолита, каждый человек требует ежедневно свою порцию железа, меди и хлопка, свою порцию электричества, нефти и радия, свою порцию открытий, кино и международных известий. Не правда ли, возникает, если можно так выразиться, великое тело со своими членами, своей нервной системой, своими воспринимающими центрами, своей памятью, тело того великого существа, которое должно было прийти, чтобы удовлетворить стремления, порожденные в мыслящем человеке недавно приобретенным сознанием своей солидарности и ответственности за целое, находящееся в состоянии эволюции?

Таким образом, не только вследствие непрерывного увеличения числа своих членов, но также и в силу постоянного расширения зоны их индивидуальной активности человечество вынуждено развиваться на замкнутой поверхности. Оно неумолимо подвержено ужасному давлению, напор которого постоянно возрастает благодаря самому своему действию, ибо каждая лишняя степень сжатия вызывает еще большее возбуждение экспансии каждого элемента.

Ложен и противоестествен эгоцентристский идеал будущего, якобы принадлежащего тем, кто, руководствуясь эгоизмом, доводит до крайнего выражения принцип «каждый сам за себя». Каждый элемент может развиваться и расти лишь в связи с другими элементами. Ложен и противоестествен также расистский идеал, когда одно ответвление захватывает для себя весь сок дерева и поднимается за счет омертвления других ветвей. Но чтобы пробиться к Солнцу, требуется комплексный рост всей кроны.

Выход для мира, двери для будущего откроются вперед и не для нескольких привилегированных лиц, не для одного избранного народа, учит Тейяр де Шарден. Они откроются лишь под напором всех вместе и в том направлении, в котором движутся все вместе. Любовь, которая приносит человеку радость и печаль, присуща не только человеку. Но лишь у него она берет и соединяет существа их сутью, способна (это подтверждает ежедневный опыт) завершить существа как таковые, объединив их.

Прогнозируя будущее земли, Тейяр де Шарден пишет: «Не говоря уже о подстерегающих нас космических неудачах, что произойдет к тому времени в живом слое Земли? По мере роста и усложнения в лоне биосферы и ноосферы умножаются внутренние угрозы. Нашествие микробов. Органические контрэволюции. Стерильность. Войны. Революции. Завтра Земля может задрожать и уйти из-под наших ног. Но как бы это ни было теоретически возможно, мы с полным основанием можем быть уверенными, что этого не случится». Сравнивая человечество с предшествующими зоологическими покровами, средняя продолжительность жизни которых по меньшей мере порядка 80 миллионов лет, автор делает вывод о посулах совершенно нового биологического цикла. Вероятно, между заключительным этапом существования Земли и нашим нынешним этапом простирается огромная деятельность, вершиной которой является человек.

Так называемый «человек толпы», существо безответственное, агрессивное и обуреваемое инстинктами разрушения, представляет огромную опасность как для каждого человека в отдельности, так и для цивилизации в целом. Однако по прогнозам большинства ученых именно массовые политические движения выходят на передний край политической жизни на рубеже XXI в. Кто возьмет на себя ответственность за судьбы мира в подобной ситуации? На этот вопрос пока нет ответа у Тейяра де Шардена.

Третий период

Характерной чертой третьего периода развития психологии масс является создание школ, пытающихся детализировать и углубленно рассмотреть и доработать отдельные направления в довольно обширном уже научном наследии. Появляются новые направления, во главе которых стоят К. Поппер, Э. Дюркгейм, Э. Канетти, Л. Гумилев, В. Райх и др. Анализируя уроки Второй мировой войны и послевоенного раздела мира, они подчеркивают роль широких народных масс в решении важнейших вопросов жизни и смерти человечества. Особый интерес их связан с перспективами сосуществования двух враждующих лагерей, владеющих сверхмощным потенциалом противостояния. Ветвистая крона дерева с мощными, направленными в разные стороны ветками — таким представляется это направление исследований.

Достойным продолжателем идей сэра Х. Маккиндера был Н. Спайкмен. Он вносил существенные корректировки в прогнозы Маккиндера, высказанные им в начале века [235]: ведь с того времени прогремели две мировые войны. Анализируя послевоенный раздел мира, Спайкмен указывал, что в число стратегических интересов Америки входит нейтрализация власти «сердцевинной области». Он спорил с Маккиндером и считал, что ключевым является «внутренний полумесяц» [239].

К концу войны определились границы Хартленда и мнение, что их можно приравнять к СССР. Предположение Маккиндера усилила победа России в войне с фашистской Германией. Сбывался его прогноз о возвышении «сердцевинной земли». С момента окончания войны постепенно складывалась новая общая картина мира, которую можно назвать «Хартленд — Римленд». В рамках этой модели намечалось противостояние материковой державы (СССР) против морской (США), разделенных зоной соприкосновения (Римленд).

Л. Н. Гумилев, возвращаясь снова к вопросу о причинах возникновения массовых социальных движений, много раз обсуждавшемуся до него мастерами психологии, высказывает оригинальную точку зрения. Самобытная теория советского ученого утверждает, что энергетические импульсы биосферы играют важную роль в эволюции вида *Homo sapiens*, в порождении этносов, основных мировых религий и т. д. Свой взгляд на общественные процессы, размышле-

ния о мировой истории, о судьбах ее героев он изложил в трактате «Этногенез и биосфера Земли» в 1979 г. Нас идеи Гумилева интересуют прежде всего тем, что в них изложено объяснение природы возникновения различных по масштабу исторических явлений, в которых были задействованы огромные людские массы, а также своеобразием взгляда на феномен «вожака толпы».

Проанализировав множество фактов всемирной истории, проследив жизненный путь многих исторических деятелей разных эпох, Гумилев счел, что ландшафтные, климатические и прочие ранее существовавшие объяснения этих событий не до конца раскрывают причины возникновения цивилизаций, великих войн, гибель и деградацию одних народов и расцвет других. Этим, по его мнению, трудно объяснить примеры героизма масс, возглавляемых великими вожаками, чьи имена донесли до нас история. В связи с этим он вводит новый термин — *пассионарность*. «Пассионарность — это способность и стремление к изменению окружения... Импульс пассионарности так силен, что носители этого признака — пассионарии — не могут заставить себя расчитать последствия своих поступков. Это очень важное обстоятельство, указывающее, что пассионарность — атрибут не сознания, а подсознания, важный признак, выражающийся в специфике конституции нервной деятельности. Степени пассионарности различны, но для того, чтобы она имела видимые и фиксируемые историей проявления, необходимо, чтобы пассионариев было много, т. е. это признак не только индивидуальный, но и популяционный», — пишет Л. Н. Гумилев. Итак, формирование нового этноса или начало какого-то глобального исторического, социального процесса всегда связано с наличием у некоторых индивидов необоримого внутреннего стремления к целенаправленной деятельности, всегда связанной с изменением окружения, общественного или природного, причем достижение намеченной цели, часто иллюзорной или губительной для самого субъекта, представляется ему ценнее даже собственной жизни. Такое, безусловно, редко встречающееся явление есть отклонение от видовой нормы поведения, потому что описанный импульс находится в оппозиции к инстинкту самосохранения и, следовательно, имеет обратный знак. Особи, обладающие этим признаком, при благоприятных условиях совершают (не могут не совершать) поступки, которые ломают инерцию традиции и иницируют новые этносы.

По мнению Гумилева, пассионариями были Наполеон, Александр Македонский, Люций Корнелий Сулла, Ян Гус, Жанна д'Арк, Суворов и многие другие великие полководцы и вожаки масс. Как правило, во время исторически важных дел вокруг вожака были сподвижники, также пассионарии, которые чувствовали и действовали в унисон с вожаком. Следовательно, считает Гумилев, не отдельные пассионарии делают великие дела, а тот общий настрой, который можно назвать уровнем пассионарного напряжения. Автор выводит закон: «Работа, выполняемая этническим коллективом, прямо пропорциональна уровню пассионарного напряжения», где «пассионарное напряжение этноса — это количество имеющейся в этнической системе пассионарности, поделенное на количество персон, составляющих этнос».

Л. Н. Гумилев считает, что пассионарность передается по наследству, чем больше пассионарии оставят потомства, тем медленнее будет затухать пассионарное напряжение. Пассионарность обладает еще одним важным свойством: она заразительна. Это значит, что люди, оказавшись в непосредственной близости от пассионариев, начинают вести себя так, как если бы они были пассионарны. Этим, по его мнению, объясняется воодушевление толпы, героизм армий.

Пассионарность отдельного человека сопрягается с любыми способностями: высокими, средними, малыми; она не зависит от внешних воздействий, являясь чертой конституции данного человека; она не имеет отношения к этическим нормам, одинаково легко порождая подвиги и преступления, творчество и разрушение. В своей статье «Бремя страстей» Гумилев отмечает, что пассионарность — это антипод инстинкта самосохранения. Пассионарий, увлеченный патриотической или же реформаторской деятельностью или наукой, искусством, мало значения придает семье, богатству, достатку, даже здоровью. Он жертвует собой и счастлив своей жертвой [46].

Большинство пассионариев находятся в составе «толпы», определяя ее потенциал и степень активности на тот или иной момент. Гумилев считает, что основная масса населения — носители нулевой пассионарности. Для того чтобы поднять эти массы на великие исторические дела, надо, чтобы среди них было достаточное количество пассионариев. Несмотря на то что пассионарии часто возглавляют народные движения, правильнее назвать их не «ведущими», а «толкающими», ибо без достаточного их числа, умерших в безвестности, было бы невозможно сломать традицию, т.е. инерцию массы.

Как же видит Гумилев роль открытого им феномена на протяжении жизни различных цивилизаций и сообществ?

Он считает, что «пусковой момент» — это внезапное появление в популяции некоторого числа пассионариев. Далее внутризатническая эволюция проходит через последовательно сменяющиеся стадии. Фаза подъема — быстрое увеличение числа пассионарных особей в результате размножения или инкорпорации; акматическая фаза — максимум числа пассионариев; фаза надлома — резкое уменьшение числа пассионарных особей; инерционная фаза — медленное уменьшение числа пассионариев; фаза обскурации — почти полная замена пассионариев особями с нулевой и отрицательной пассионарностью. Именно во время акматической фазы происходит «перегрев» системы. В периоды «перегревов» и вершатся наиболее масштабные захватнические войны, революционные преобразования и другие наиболее важные исторические события.

Причины утраты пассионарности Гумилев видит в следующем: гибель пассионариев и их генов; особенно это проявляется во время тяжелых войн, ибо пассионарные воины по большей части погибают молодыми, не используя полностью возможностей по передаче своих качеств потомству. Самое интересное, что не только во время войн снижается пассионарное напряжение. Это было бы легко объяснимо гибелью особей, слишком активно жертвующих своей жизнью ради торжества своего коллектива. Но пассионарность столь же неуклонно падает во время глубокого мира, причем даже быстрее, чем в жестокие времена. В тихие эпохи идеалом становится умеренный и аккуратный семьянин, а пассионарии не находят места в жизни.

Итак, пассионарность — это биологический признак, а первоначальный толчок, нарушающий инерцию покоя, — это появление поколения, включающего в себя некоторое количество пассионарных особей. Они самим фактом своего существования нарушают привычную обстановку, потому что не могут жить повседневными заботами, без увлекающей их цели. Необходимость сопротивляться окружению заставляет их объединяться и действовать согласно; так возникает первая консорция, быстро обретающая те или иные социальные формы, подсказанная уровнем общественного развития данной эпохи.

В объяснении природы пассионарности Л. Н. Гумилев опирается на учение о биосфере В.И. Вернадского (биогеохимический принцип). Преломляя его к своей теории, Гумилев утверждает, что наша

планета получает из космоса больше энергии, нежели необходимо для поддержания равновесия биосферы, что ведет к эксцессам, порождающим странные явления в поведении некоторых видов животных (набеги саранчи, лемминги бросаются в воды океана); а среди людей — пассионарные толчки. Применительно к людям автор предлагает две гипотезы. Либо пассионарная особь захватывает больше энергии, нежели нормальная, либо она при равном захвате направляет энергию концентрированно (разумеется, бессознательно) на достижение той или иной цели. В обоих случаях результат будет тот же: высшая нервная деятельность особи будет более активной, чем это характерно для средневидовой. Пассионарность приравнивается к устойчивым биологическим микромутациям.

Итак, по Гумилеву, пассионарность — это врожденная способность организма адсорбировать энергию внешней среды и выдавать ее в виде работы. У людей эта способность колеблется настолько сильно, что иногда ее импульсы ломают инстинкт самосохранения, как индивидуального, так и видового, вследствие чего некоторые люди, по данной терминологии пассионарии, совершают и не могут не совершать поступки, ведущие к изменению их окружения. Это изменение касается в равной степени природной среды и отношений внутри человеческих сообществ. Следовательно, пассионарность имеет энергетическую природу, а психика особи лишь трансформирует на своем уровне импульсы, стимулирующие повышенную активность носителей пассионарности, создающей и разрушающей народы и культуры [47].

Э. Канетти взял научное направление, достаточно разработанное до него, но внес в него более чем исчерпывающую детализацию. Наиболее скрупулезно подошел он к классификации видов толпы. Он описывает их, вводя понятие о массе открытой и закрытой, быстрой и медленной, видимой и невидимой, заморозившей и ритмической. Прежде чем классифицировать массу, Канетти считал нужным выделить четыре главные характеристики ее. Во-первых, масса всегда стремится расти. Ее росту по природе не положено границ, но если их пытаются ввести искусственно, то создается опасность извержения массы. Во-вторых, внутри массы господствует равенство. Ради него люди и превращаются в массу. Все теории равенства и требования справедливости они знают благодаря массовому чувству. В-третьих, масса любит плотность. Не должно быть чего-то в

промежутке между людьми, не должно вообще быть промежутков. В-четвертых, масса требует направления. Она находится в движении и двигается по направлению к чему-то. Направление, общее для всех участников, усиливает ощущение равенства. Разные классификации массы Канетти основывает на сочетании вышеотмеченных характеристик [70].

Естественная, спонтанная масса — это открытая масса. Росту такой массы вообще не положено предела. Она старается втянуть в себя каждого, кто находится в зоне ее досягаемости. Открытая масса существует, пока растет. Перестав расти, она начинает распадаться так же внезапно, как возникла. Открытость, обеспечивающая рост, — одновременно ее слабое место. В ней постоянно живет предчувствие распада. Она старается его избежать благодаря быстрому росту. Канетти считает, что ее можно было бы не принимать всерьез, если бы не быстрый рост городов, создающий в наш современный век все больше возможностей для ее образования. Закрытая масса отказывается от роста и делает упор на структуру. Она имеет границы. Те, кто по ту сторону границы, к ней не принадлежат. Граница препятствует неупорядоченному росту, но она же затрудняет распад закрытой массы. Она предохраняет массу от внешних воздействий, которые могут быть враждебными и опасными. Такова классификация массы по признаку роста.

Исходя из признаков равенства и плотности, Канетти проводит грань между ритмической и замерзшей массами. Он основывает различие на равенстве всех членов в ней и плотности контакта людей между собой. Замерзшая масса стоит в состоянии максимальной плотности, чтобы, предвкушая разрядку эмоций, подготовиться к этому мгновению. Можно было бы сказать, что она разогревает себя, оттягивая разрядку. Масса изливается в единстве плотности, о чем свидетельствует каждый общий крик, каждое общее движение.

В ритмической массе, наоборот, плотность и равенство с самого начала совпадают. Здесь все связано с движением. Жадно алкаемое телесное возбуждение реализуется в танце. Расхождения и новые сближения как бы сознательно провоцируют и искушают массу, испытывая ее плотность. Равенство демонстрирует себя в ритме. Эти инсценировки плотности и равенства искусственно вызывают массовые чувства. Ритмические структуры молниеносно возникают и изменяются, и только физическое изнеможение кладет этому конец.

Быстрая масса — это масса бегства, преследования, преступления. Главный общий признак ее — молниеносность, напор, стремительность — производит сильное впечатление на наблюдателя. Медленная масса имеет форму шествия, пишет Канетти. Оно может с самого начала включать в себя тех, кто составляет массу, как при исходе детей израилевых из Египта. Цель их — земля обетованная, и они остаются массой, пока верят в эту цель. Они испытывают голод и жажду, и когда начинают роптать — возникает угроза распада. Снова и снова их предводитель пытается восстановить веру. Снова и снова ему это удастся, а если не ему, то его врагам, со стороны которых чувствуется угроза.

Все приведенные примеры относятся к видимой массе. Но там, где селится человек, обязательно есть представление о невидимых мертвецах, которые живут вместе, как и люди, и их много. Чем их больше, тем масса их плотнее. У них есть совместная деятельность, не видимая обычному человеку, но для шамана, колдуна и экстрасенса увидеть ее не представляет особого труда. Кроме духов мертвых люди верят в чертей и демонов, которые также представляют собой массу, массу невидимую. Особой массой, не менее многочисленной, являются ангелы и святые. Стройными рядами они окружают трон Господа, голова к голове, и чем ближе к Господу, тем полнее их блаженство. Они никогда не покинут Господа, никогда не расстанутся друг с другом. Такими образами невидимых масс наполнено сознание верующих. Таким пассажем Канетти подводит черту под классификацией масс по формальным признакам. Далее он делит массы на пять видов по их аффективному содержанию: на преследующую, убегаящую, запретную, обращенную и празднующую. Он подчеркивает, что первые две есть и у животных.

Все перечисленные виды масс дают большое количество объединений — религиозных, военных, партийных, революционных, преступных. Религия, например, рассматривается Канетти как социальный институт, в котором универсальные притязания по открытому привлечению на свою сторону всех, кого только можно достичь и завоевать, по достижении цели быстро меняют акцент. Далее курс берется на единство и устойчивость. Что пастырям требуется, так это не масса, а ее противоположность — послушная паства. Они сравнивают верующих с овцами и хвалят за послушание. От важнейшего свойства массы, а именно — быстрого роста, религии полностью отказались, довольствуясь вместо этого фикцией равенства всех верующих, определенной степенью их близости. Ве-

рующие собираются в одних и тех же зданиях, к одному и тому же часу и подвергаются воздействию одних и тех же приемов. В результате верующие впадают в состояние массы, которое их возбуждает, не давая при этом перейти определенные границы. Ощущение единства отпускается им маленькими дозами. От правильности дозировки зависит устойчивость церкви.

История мировых религий богата событиями, которые показывают, что часто храмы, церкви, молитвенные дома бывают слишком тесны — так велика собравшаяся в них масса. Крестовые походы вели к образованию массы такой величины, что ее не могло бы вместить ни одно церковное здание тогдашнего мира. Иногда население целых городов стекалось на религиозные действия. Канетти анализирует технологическую сторону вопроса религиозных действий, подчеркивая специфичность воздействия их организаторов на чувствительные точки массового сознания собравшихся. Совместное стояние перед Богом — практика, принятая во многих религиях. Для нее характерны черты длительной задержки реакции, которые дают впоследствии внезапные и бурные разрядки. Самым впечатляющим является знаменитое стояние на Арафате, кульминация паломничества в Мекку. Там собираются 600–700 тысяч паломников, теснясь около «горы Милосердия» — лысого холма, расположенного посередине долины. Около двух часов пополудни, в самое жаркое время дня, паломники встают на ноги и стоят до самого захода солнца. Они стоят с обнаженными головами, в белых паломнических одеяниях, со страстным напряжением вслушиваясь в слова проповедника, обращающегося к ним с вершины горы. Речь его — непрерывная хвала Господу. Люди отвечают возгласами. Кто-то рыдает от возбуждения, кто-то бьет себя в грудь, некоторые падают в обморок от ужасной жары. Но главное — это выстоять долгие раскаленные часы на священной равнине. Лишь при закате солнца будет дан знак расходиться. Верующие не могут сделать это раньше. Они вместе сюда явились и вместе будут расходиться.

Весь смысл происходящего в религиозных обрядах, как считает Канетти, состоит в том, чтобы затянуть процесс, ведущий к разрядке, на возможно более долгий срок. Мировые религии преуспели в этом. Их главная цель — сохранить сердца завоеванных приверженцев. Если бы на собраниях происходили бурные разрядки, то они повторялись бы, каждый раз превосходя прежние по интенсивности, и стали бы сродни наркотику. Но поскольку контроль над верующими на больших пространствах затруднен, осуществлять его можно лишь путем

сознательного замедления массовых процессов. Делают это служители культов с помощью теории о потустороннем мире, где оттяжка реакции земной будет щедро вознаграждена. Масса верит в это и живет этим ожиданием, смиренно и единодушно.

Замереть можно по-разному, но высшая из вообще достижимых степеней пассивности навязывается массе насильственно извне. В битве друг на друга идут две массы, каждая из которых хочет быть сильнее, чем другая. Боевыми криками они хотят показать как врагам, так и самим себе, что они действительно сильнее. Цель битвы в том, чтобы принудить другую сторону к молчанию. Самая тихая масса — мертвые враги. Чем они опаснее, тем приятнее видеть их сваленными в одну кучу, беззащитными, всеми вместе. Это приятно еще и потому, что вместе они дрались, вместе сейчас лежат и вместе дождутся Воскресения и Страшного Суда.

Оригинальный взгляд высказывает Канетти и на причину объединения. Он вообще полон оригинальными взглядами. Он считает, что люди объединяются в массы потому, что имеют глубинный страх перед прикосновением. Особенно страшит людей прикосновение неизвестного. Для того чтобы оградить себя от прикосновений, люди укрываются в домах, носят одежды в жару, опасаются ходить в темноте. По мнению автора, только в массе человек может освободиться от страха перед прикосновением. Это единственная ситуация, где страх переходит в свою противоположность. Для этого нужна плотная масса, где тело прижато к телу, которая плотна также в своей душевной конституции, т. е. такая, где человеку безразлично, кто на него давит. Различия не считаются, даже половые. Кто бы на тебя ни напирал, он такой же, как ты сам. Его ощущаешь как самого себя, и все оказывается происходящим как будто бы внутри одного тела. Массе, следовательно, заключает Канетти, присуще обращение страха прикосновением. В массе этот страх переходит в свою противоположность. Кто отдал себя на волю массы, тот не боится ее прикосновений.

Автор считает, что люди объединяются в массы еще потому, что жаждают разрядки. В повседневной жизни людей разделяет множество различий: материальных, сословных, профессиональных и т. д. Человек закостеневаает в дистанциях и тоскует по освобождению от них. Только в массе, сразу и одновременно, люди могут ликвидировать эти дистанции. «При разрядке все разделяющее отбрасывается, и все чувствуют себя равными. В тесноте, где ничто не разделяет, где тело прижато к телу, каждый близок к другому, как к

самому себе. Это миг облегчения. Ради этого мига счастья, когда каждый не больше и не лучше, чем другой, люди соединяются в массу».

Канетти согласен с предшественниками (Сигеле, Лебоном и др.) в том, что массе свойственна мания разрушения. Охотней всего, по его мнению, масса разрушает дома и хрупкие предметы. Именно хрупкость предметов рождает в массе жажду разрушений. Грохот бьющейся посуды, звон осколков — важны с точки зрения восторга, порождаемого разрушением. Это доброе благословение для толпы на дальнейшие «подвиги». Дома толпа любит разрушать потому, что разрушение дома символизирует разрушение границ. И еще, в домах скрываются люди, не примкнувшие к массе, противопоставляющие себя массе, т. е. ее враги.

Едва ли можно согласиться с тем, что Канетти положил в основу классификации видов толпы столь оригинальные системообразующие признаки. Почти все построения Канетти страдают умозрительностью и субъективизмом. Очень многое в его описаниях уже звучало в свое время в произведениях других авторов. Исключение составляют замечания Канетти об обращении страха прикосновением, что может иметь смысл как вектор рассуждения.

Воздействие власти на массу многообразно, как подметил Канетти. Так, приказ соединяет в себе два элемента — массу и власть. Встает вопрос, почему мирные люди вдруг преобразуются в варваров и дикарей. Причину этого превращения Канетти видит в природе приказа. Виноватый видит себя жертвой приказа, действующего на уровне интуиции. Разум сопротивляется, чтобы оправдывать гибель миллионов и миллионов людей, но Канетти поднимается до вершин гуманизма, выводя из категории виновных простых людей, которые не в силах противиться инстинкту «повиновения приказу» [82].

Канетти считает, что душевная болезнь состоит в близком родстве с властью. Он много внимания уделяет паранойе и смотрит в корень болезни. Для параноика важную роль играет конспирация, тайный сговор. Он прозорлив и подозрителен — от него ничто и никто не укроется. Ему кажется, что вокруг него притаились и интригуют против него даже самые близкие друзья, они-то, может быть, и есть злейшие враги. В соответствии с самой природой власти властелин ведет себя так же и в субъективном ощущении своей позиции, мало чем отличаясь от параноика. Для Канетти «паранойя — это, в буквальном смысле слова, болезнь власти».

Основателя телесно-ориентированного психоанализа В. Райха также можно условно отнести к третьему периоду. Свою книгу «Психология масс и фашизм» он написал в период установления в Германии фашизма в качестве господствующего и правящего политического течения.

Его научные взгляды основывались на положениях учений Фрейда и Маркса. Стараясь понять психологию масс, он достаточно своеобразно сплетал взгляды этих мыслителей. Он считал, что изучением психологии масс должна заниматься сексуально-энергетическая психология, как он сам назвал ее. Она призвана привести глубинную психологию Фрейда в соответствие с экономической теорией Маркса. Инстинктивные и социально-экономические процессы определяют жизнь человека. В то же время необходимо отказаться от эклектических попыток произвольно объединять «инстинкт» и «экономику». Сексуально-энергетическая психология разрешает противоречие, которое побудило психоанализ предать забвению социальный фактор, а марксизм — происхождение человека от животного. В другом месте он отметил, что психоанализ является матерью социальной энергетики, а социология — ее отцом [143].

Сексуально-энергетическая психология, в основе которой лежат вышеупомянутые открытия, отнюдь не стремится дополнить, заменить или смешать Маркса и Фрейда. Объединяя интуитивные прозрения психоанализа, психология достигает более высокого уровня познания реальности и принципов формирования личности.

В дальнейшем Райх все дальше продвигался по пути, открытому Фрейдом. В своих лабораторных исследованиях он пришел к выводу о существовании фундаментальной жизненной энергии, присущей всем живым организмам. Он назвал ее оргоном и заявил, что именно оргон лежит в основе фрейдовской концепции либидо. Райх полагал, что причиной многих заболеваний, таких как рак, стенокардия и др., является нарушение свободного тока оргонной энергии в организме. В вопросах полового воспитания в обществе и в семье, причин возникновения неврозов и вопросах биоэнергетики Райх далеко опередил свое время, и его взгляды весьма современны. Эти же воззрения лежали в основе его подхода к изучению психологии масс. В своей книге «Психология масс и фашизм» он раскрывает, как подавление сексуальных влечений влияет на формирование «рабской» психологии масс. Он считал, что тоталитарное госу-

дарство подавляет естественные, прежде всего сексуальные, влечения человека, вытесняя их в бессознательное и превращая человека в существо, не способное к сопротивлению и готовое выполнить любой приказ. Райх считал, что «фашизм» представляет собой основное эмоциональное отношение «подавленного» человека к нашей авторитарной, машинной цивилизации и к ее механистически-мистическому пониманию жизни. Механистически-мистический характер современного человека порождает фашистские партии, а не наоборот.

Поскольку фашизм, независимо от времени и места его проявления, является движением народных масс, он обладает всеми особенностями и противоречиями, присущими характерологической структуре массового индивида. В отличие от общепринятого мнения, фашизм — это не чисто реакционное движение, оно представляет собой сплав мятежных эмоций и реакционных социальных идей. Мы можем подразумевать под этим любой тоталитарный режим.

«В чистом виде фашизм представляет собой совокупность всех иррациональных характерологических реакций обычного человека», — считает Райх. Фашизм порождается не столько экономическими и политическими обстоятельствами, сколько самой структурой характера масс, подготовленной к принятию идей тоталитарного вождя.

Психологические структуры характера масс имеют сходные черты при всех тоталитарных системах. Прежде всего, это нежелание и неумение брать на себя ответственность за свою жизнь, проявлять инициативу, уважать личность и мнение другого человека и др. Эти положения Райха перекликаются со взглядами Франкла, Лебона и Сигеле. Основными последствиями такой психологии является шовинизм и национализм, поиск виноватого в собственных бедах не в самих себе, а в других. Райх считал, что совершенно неверно полагают, будто бы фашизм является заклятым врагом религии. Фашизм служит высшим выражением религиозного мистицизма, который принимает определенную общественную форму. Фашизм поддерживает религиозность, которая возникает в результате сексуального извращения, и трансформирует мазохистский характер древней религии. По мнению Райха, любой тоталитарный режим, и в частности фашизм, служит выражением иррациональности характерологической структуры обычного человека, первичные биологические потребности которого подавлялись в течение тысячелетий.

В книге «Психология масс и фашизм» В. Райх задается вопросом: «Почему народ позволял, чтобы его эксплуатировали и подвергали нравственным унижениям, почему он подчинялся рабству в течение многих тысячелетий?» Как ему кажется, на эти и другие вопросы может ответить сексуально-энергетическая психология, берущая свое начало от соединения идей Маркса и Фрейда. Сексуально-энергетическая психология как наука развивается, опираясь на социологический фундамент, заложенный Марксом, на психический фундамент, заложенный Фрейдом. По сути своей она является массовой психологией и сексуальной социологией одновременно. Психоанализ вскрывает результаты и механизмы сексуального подавления и вытеснения, а также их патологические последствия в психике индивидуума. Сексуально-энергетическая социология идет дальше и задает вопрос: по каким социологическим причинам осуществляется подавление и вытеснение сексуальности в обществе?

Для понимания связи между сексуальным подавлением и эксплуатацией человека необходимо проникнуть в суть основной социальной организации, в которой переплетаются экономическая и социально энергетическая ситуация авторитарно-патриархального общества. Без анализа этой организации невозможно понять сексуальную энергетику и идеологический процесс, характерный для патриархального общества. Далее Райх делает вывод, что переплетение социально-экономической структуры с сексуальной структурой общества и структурное воспроизведение общества в человеческом характере происходят в первые 4-5 лет воспитания ребенка в авторитарной семье. Таким образом, авторитарная семья превращается в фабрику, на которой формируется идеология и структура государства. В такой семье в результате морального сдерживания естественной сексуальности ребенка, которая на последнем этапе приводит к существенному ослаблению его генитальной сексуальности, у ребенка развивается пугливость, робость, страх перед авторитетом, покорность, «доброта» и «послушание» в авторитарном смысле этих слов. Такое сдерживание парализует действие мятежных сил в человеке, так как каждый жизненный порыв теперь обременен страхом; поскольку секс стал запретной темой, критическая способность и мысль человека тоже становятся запретными. Короче говоря, задача морали заключается в формировании покорных личностей, которые, несмотря на нищету и унижение, должны соответствовать требованиям авторитарного строя.

Таким образом, семья представляет собой авторитарное государство в миниатюре, в котором ребенок должен научиться приспосабливаться к социальным условиям. Необходимо ясно понимать, что авторитарная структура личности в основном формируется путем погружения сексуальных запретов и страхов в живую субстанцию сексуальных импульсов [82]. Райх считал, что сексуальное торможение так изменяет структуру личности экономически подавленного человека, что он действует вопреки своим материальным интересам.

Райх придерживался мнения, что успех Гитлера объясняется тем, что его личная точка зрения, идеология и пропаганда резонируют со средней структурой широкой категории индивидуумов. Фюрер может творить историю только тогда, когда структура его личности соответствует личностным структурам широких групп. Постоянный или только временный характер воздействия фюрера на историю определяется лишь тем, соответствует его программа направлению прогрессивных социальных процессов или возникает на их основе. Следовательно, стремясь объяснить успех Гитлера демагогией национал-социалистов, «запутыванием масс», их «обманом» или применяя неопределенный термин «национальный психоз», исследователь встает на ложный путь, ибо проблема заключается в понимании того, почему массы поддались обману, запутыванию и психозу. Эту проблему невозможно решить без точного знания того, что происходит в массах.

Для решения этой задачи Райх производит сравнительный анализ характерологических особенностей Гитлера и психологии мелкой буржуазии. Найдя множество одинаковых черт, Райх делает выводы: с точки зрения опоры в массах фашизм действительно был движением среднего класса, т.е. своим успехом эта массовая организация обязана массам, а не Гитлеру. Ибо укорениться его пропаганда могла только благодаря авторитарной структуре личности, испытывающей страх перед свободой. Поэтому с социологической точки зрения своими достижениями Гитлер обязан не своей личности, а тому значению, которое придавали ему массы. В этих и других своих рассуждениях Райх во многом согласуется с Юнгом, повторяет и расширяет его оценки структуры фашизма.

На рубеже второго и третьего периодов проводились интересные исследования чикагским политическим психологом Г. Лассве-

лом. Лассвел создавал портреты известных американских политиков. Материалом для их создания послужили медицинские документы и биографические данные об этих людях. Свои результаты он описал в монографии «Психопатология и политика» [233]. В этой работе Г. Лассвела, безусловно, очень чувствуется влияние идей А. Адлера о чувстве неполноценности и его компенсации.

Производя анализ доступной ему информации о том или ином политическом лидере, Лассвел обращал внимание прежде всего на скрытые бессознательные мотивы поступков политических деятелей. Корни этих мотивов он искал в особенностях семейного воспитания, в условиях, в которых протекало физическое и психическое развитие будущего политика. Особое внимание в работе было уделено изучению психологических травм, полученных в детстве. В книге Лассвела просматривается вывод о том, что притягательность власти объясняется тем, что дает обширные возможности для компенсации именно этих травм, а также чувства неполноценности, вызванного другими причинами.

Материалы книги могут служить прекрасной иллюстрацией для подтверждения предположений, выдвигаемых адлеровской концепцией личности.

К. Поппер считается одним из модных современных философов. Он взял на себя труд проанализировать ту роль, которую в формировании идейной базы тоталитаризма сыграли философские труды Платона, Сократа, Гегеля и Маркса. В своей книге «Открытое общество и его враги» он проанализировал многообразие идей, постепенно накопившихся вокруг центральной историцистской доктрины, согласно которой история управляется особыми историческими законами, и открытие их дает возможность пророчествовать о predetermined человеку судьбе [133]. Поппер находит, что такой подход к изучению политики, как историцизм, является мало-результативным и непродуктивным. В своей книге он хочет исследовать, как этот подход возник и почему сумел прочно укорениться в современной цивилизации.

По мнению Поппера, историцизм рассматривает индивида как пешку, как не слишком важный инструмент общего поступательного движения человечества. Опираясь на факты, он обнаруживает, что по-настоящему значительными действующими лицами на сцене истории являются либо Великие нации и их Великие вожди, либо Великие классы, либо Великие идеи. Он пытается понять смысл пье-

сы, разыгрываемой на сцене истории, и осмыслить законы исторического развития.

Историцизм — науку, на которую опирался Поппер, можно проиллюстрировать на примере одной из простейших и древнейших ее форм — доктрины избранных. Суть ее в том, что Бог избрал один из народов в качестве исключительного элемента Его воли и что этот народ наследует землю. Ценность этой иллюстрации в том, что основные ее характеристики присущи двум наиболее важным современным версиям историцизма. Это — расистская и фашистская философия, с одной (правой) стороны, и марксистская философия истории, с другой (левой) стороны. На место избранного народа фашизм ставит избранную расу, а марксизм — избранный класс. Обе эти теории кладут в основание своих исторических предвидений такую интерпретацию истории, которая делает возможным открытие законов ее развития. Законы эти считаются своего рода естественными законами в случае расизма, где тезис о биологическом превосходстве крови избранной расы служит для объяснения хода истории — прошлого, настоящего и будущего — и для которого история есть не что иное, как борьба между расами за власть. В марксистской философии истории ее законы считаются экономическими, и здесь ставится задача интерпретировать всю историю как результат процесса классовой борьбы за экономическое превосходство.

Современные формы историцизма, по мнению Поппера, восходят непосредственно к гегелевской философии. А поскольку взгляды Гегеля во многом унаследованы от античных философов, таких как Гераклит, Платон, Аристотель, то в своем труде «Открытое общество и его враги» Поппер проследил, как идеи древних философов прослеживаются в трудах последователей вплоть до Маркса. Поппер предпринимает детальный анализ наследия вышеперечисленных философов, так как считает, что их произведения во многом послужили основой для формирования идейной базы тоталитаризма, национализма и фашизма.

Внимание Поппера приковывает к себе Гераклит, который был философом, открывшим идею изменчивости. Гераклит рассматривал мир не как сооружение, а как колоссальный процесс. Он считал мир целостностью всех событий, изменений или фактов. «Все сущее движется и ничто не остается на месте» и «Дважды тебе не войти в одну реку» — вот два центральных тезиса его философии. Последующие философские учения Демокрита, Платона и Аристотеля можно справедливо охарактеризовать как попытки решить проблемы

постоянно изменяющегося мира, который открыл Гераклит, — так считает К. Поппер. По его мнению, Гераклит, первый философ, исследовавший не только «природу», но даже в большей степени этико-политические проблемы, жил в эпоху социальной революции, оказавшей большое влияние на все последующее развитие человечества.

Пристальное внимание к изменениям, и в особенности к изменениям в общественной жизни, является важной чертой не только философии Гераклита, но и историцизма в целом. Мысль, что все вещи, даже цари, меняются, должна была оказать свое влияние на тех, кто воспринимал свое социальное окружение как нечто само собой разумеющееся. Но в учении Гераклита проявляется и менее привлекательная черта историцизма, а именно: чрезмерное внимание к изменчивости, дополняемое концепцией о неизменном и неумолимом законе предопределения. Историческая идея о неумолимой судьбе у Гераклита часто переплетается с элементами мистицизма.

Поппер подробнейшим образом анализирует наследие Платона, так как считает его основополагающим для последующих поколений философов — сторонников «закрытого» общества. Платон родился во время войны, а когда она закончилась, ему было 24 года. Он выдвинул закон исторического развития. Согласно этому закону всякое социальное изменение есть гниение, распад и вырождение. По мнению Платона, этот фундаментальный закон составляет часть космического закона — закона существования всех созданных и порожденных вещей. Все порожденные вещи текут и ждут своего распада.

Платон считал, что закон всеобщего вырождения включает в себя и моральное вырождение человечества. Политическое вырождение обусловлено моральным (и недостатком знания), а моральному вырождению во многом способствует расовое вырождение. Платон высказал идею о совершенном государстве. Такое государство свободно от пороков всех других государств; такое государство не вырождается, потому что вообще не изменяется. Это государство, находящееся в задержанном, остановленном состоянии. По Платону, наилучшим было государство мудрейших и богоподобных людей — Афины. Платоновское описание демократии в нем является живой, но глубоко враждебной и несправедливой пародией на политическую жизнь Афин и на демократические убеждения его жителей. Этот идеальный город-государство был настоль-

ко совершенен, что трудно было представить, как он мог вообще изменяться. И все же он изменился, согласно гераклитовской теории перемен. В нем, по Платону, сменили друг друга «тимархия» — государство благородных воинов, затем — «олигархия» — правление богатых семейств. На смену им пришли сначала демократия как царство свободы, следствием которой является беззаконие, а затем — тирания.

Видный ученый и издатель Дж. Адам так говорит о платоновском описании демократии: «Платоновское описание человека демократического является одним из выдающихся и величественных примеров политического памфлета, известных в истории литературы». Представляет интерес платоновское описание перехода демократии в тиранию. Он замечателен тем, что легко осуществим народным вождем, который знает, как использовать существующий в демократическом обществе классовый антагонизм между богатыми и бедными, и которому удастся собрать достаточное число телохранителей или собственную армию. Люди, которые сначала приветствовали его как борца за свободу, вскоре оказываются поработанными.

К. Поппер считал, что платоновскую политическую программу можно с полным правом назвать тоталитаристской. Вот основные ее элементы:

1. Строгое разделение на классы.
2. отождествление судьбы государства с судьбой правящего класса. Исключительный интерес к этому классу, его единство. Содействие этому единению, жесткие правила обращения этого класса и обучения молодежи. Коллективизация, обобществление, сходство интересов.

Из этих основных элементов могут быть выведены остальные, например: вся интеллектуальная собственность должна подвергаться цензуре. Непрерывно должна вестись пропаганда, формирующая сознание представителей класса по единому образцу. Все нововведения в образовании, законодательстве и религии следует предотвращать либо подавлять.

Даже те, кто критикует Платона, верят в то, что его политическое учение, чем-то напоминающее современный тоталитаризм, явно отличается от него своими целями: ведь Платон стремился к счастью граждан и к справедливости власти. Например, Р. Кроссман, критическая установка которого видна в замечании о том, что философия Платона — наиболее яростная и основательная из всех извест-

ных в истории нападков на либеральные идеи, по-видимому, все еще верит, что план Платона состоит в построении совершенного государства, каждый гражданин которого был бы действительно счастлив. Ч. Джоун, который довольно глубоко проанализировал сходство платоновской программы и фашизма, однако, утверждает, что между ними имеются фундаментальные различия: ведь в платоновском наилучшем государстве «обычный человек... достигает того счастья, которое соответствует его природе», кроме того, это государство построено на идеях «абсолютного блага и абсолютной справедливости».

Несмотря на подобные доводы, К. Поппер считает, что в нравственном отношении политическая программа Платона не выходит за рамки тоталитаризма и в своей основе тождественна ему. По мнению Поппера, некоторые черты философии Платона и Маркса достаточно похожи. Он имеет в виду не оставляющий камня на камне утопический размах, масштабность первоначальных общественных изменений. Этот размах проистекает из убеждения, что надо дойти до самых корней социального зла, перестроить все общество в целом. И Платон, и Маркс мечтают об апокалиптической революции, которая радикально преобразит мир.

Теорией, которая имела далеко идущие последствия, Поппер считает теорию Маркса о капитализме. Автор полагает, что мираж, созданный Марксом вокруг этого явления, оказался далеко не безобидным: «миллионам марксистов внушали — и они поверили в это, — что Марксов капитал существует в странах Запада». Намерение покончить с этой злонамеренной системой родило и желание опереться на внешние силы и ядерное оружие. Поппер характеризует Марксову идеологию как глубоко ошибочную, вредную, иллюзорную, являющуюся больше религией, наставляющую на ложный путь. Для большинства «верующих в нее» она явилась «удобной формой бегства от реальной действительности — бегства от ответственности в некий будущий рай». «Маркс смотрел на людей-актеров на сцене истории, включая больших актеров, как на простых марионеток, неумолимо подталкиваемых экономическими пружинами — историческими силами, над которыми у них нет власти».

Бесспорно, платоновский социологический диагноз превосходен, но предложенная им теория хуже, чем то зло, с которым он пытается бороться. Она не может принести счастья. Мы никогда не сможем вернуться к мнимой невинности и красоте закрытого об-

щества. И чем страстнее мы пытаемся вернуться к героическому веку племенного духа, тем вернее мы в действительности придем к инквизиции, секретной полиции и романтизированному гангстеризму. Начав с подавления разума и истины, нам придется закончить жестоким и насильственным разрушением всего человеческого. Нет пути к гармоническому государству природы. Если мы повернем назад, то нам придется пройти весь путь — мы будем вынуждены вернуться в животное состояние.

По мнению Поппера, величайший вклад в новую веру открытого общества, которая включает в себя веру в человека, в эгалитаристскую справедливость и в человеческий разум, внес Сократ, который ратовал за эту веру.

Поппер отмечает в учении Сократа его интеллектуализм, его эгалитарную теорию человеческого разума как универсального средства общения, подчеркивание примата интеллектуальной скромности и самокритичности; его убеждение, что лучше стать жертвой несправедливости, чем самому причинить ее другим. Сократу мы обязаны призывом к людям уважать друг друга и самих себя, так как нет ничего важнее в мире, чем другой индивид, человек.

Поппер полагает, что Сократ держался как можно дальше от метафизических теорий. Он вдохновлялся преимущественно моральными соображениями, а его теория индивидуальности (или «души») представляет собой моральную, а не метафизическую доктрину. Сравнивая теории и жизненный путь Сократа и Платона, Поппер делает выводы, один из которых таков: «Сократ отказался заключать компромиссы с собственной совестью. Платон же, со всем своим бескомпромиссным стремлением к чистке холста, был вынужден на каждом шаге пути, по которому он пошел, заключать компромиссы со своей совестью».

Социально-психологический анализ теорий древних и современных философских школ дал основание Попперу назвать собственную теорию теорией погрешимости. В ней он утверждает, что человеческое мышление является принципиально критическим и, следовательно, революционным. Поэтому мы и учимся на ошибках, а не посредством накопления данных. Объектом нашей критики являются традиции, потому что именно в них коренятся все источники нашего мышления. Учение о погрешимости позволяет оценить и перспективы традиции, и перспективы революционной мысли. Вера в разум — это вера не только в свой разум, но и в разум других.

Роль мышления, по Попперу, состоит в проведении революций путем критических споров, а не путем насилия и войн. Согласно его теории путь к объективности — «дружески враждебное сотрудничество многих ученых, свободный критицизм». «Я могу ошибаться, и ты можешь ошибаться, но совместными усилиями мы можем постепенно приближаться к истине».

Свободная критика и есть свобода мыслей. Научиться думать, что наши партнеры могут быть более правы, чем мы сами, — величайший шаг вперед. Однако в нем содержится опасность: человек может вообразить, что он и его партнер, придерживающиеся противоположных взглядов, одновременно правы. Интерперсональная теория разума, предложенная Поппером, отображает важные отношения между мышлением и общением.

Критическое мышление Поппер связывает с типами общества — открытым и закрытым. Закрытое общество характеризуется как магическое, племенное или коллективистское. Открытое общество отличается тем, что индивиды принимают личные решения. Закрытому обществу (племенному) свойственны магическое, или иррациональное, отношение к обычаям социальной жизни, жестокость этих обычаев. Главный элемент магического отношения — отсутствие разделения между обычными, или традиционными, закономерностями социальной жизни и закономерностями, находящимися в природе. Существует система табу. Для члена племени нет проблем, прежде всего моральных, поэтому нет смысла сомневаться в правильности содеянного.

Совершенно иначе обстоят дела в открытом обществе. Возможность принимать личные решения чревата мерой ответственности за их правильность. Определенная тяжесть лежит на личности в отношении последствий и сознательного предпочтения некоторых стратегий над другими. Освобождение мышления от навязчивости магических идей Поппер называл «Великой духовной революцией». Рациональная вера помогает заменить утраченную магическую веру, модифицировать привычку идти от теории мифа к постановке под сомнение теории и мифов. Новая вера общества, называемого открытым, — это вера в человека и его разум, ответственный за все.

Термины «открытое общество» и «закрытое общество» впервые были использованы А. Бергсоном в «Двух источниках морали религии» [225]. По Попперу, закрытое общество характеризуется верой в существование магических табу, а открытое — это такое общество, в

котором люди в значительной степени научились критически относиться к табу и основывать свои решения на совместном обсуждении и возможностях собственного интеллекта.

Переход от закрытого общества к открытому можно охарактеризовать как одну из глубочайших революций, через которые прошло человечество. Поппер оговаривается, что характеристика закрытого общества как магического и открытого общества как рационального, конечно, применялась им с известной долей идеализации общества. Магическая установка ни в коем случае не исчезает из нашей жизни даже в самых открытых построенных до сих пор обществах. Он сформулировал некоторый полезный критерий перехода от закрытого общества к открытому. Такой переход, по его мнению, осуществляется тогда, когда социальные институты впервые сознательно признают ценность человеческого творчества и когда их сознательное изменение обсуждается в терминах их пригодности для достижения человеческих целей и намерений. Следовательно, закрытое общество терпит крах, когда благоговение, с которым принимается общественный порядок, сменяется активным вмешательством в этот порядок и сознательным стремлением реализовать собственные или групповые интересы.

По мнению Поппера, в открытом обществе рождается новая вера в разум, свободу и братство всех людей.

Преодолевая подчинение племенной магии, искушение опереться на других и, таким образом, быть счастливым, мы должны двигаться в неизвестность, чтобы быть независимыми и свободными. Жизнь в открытом обществе будит стремление «быть рациональным, иметь воздержание от удовлетворения некоторых из наших эмоциональных потребностей, следить за своими поступками и брать на себя ответственность». За это человек дорого платит, платит сам. От него во многом зависит будущее планеты и людей. Продукты человеческой деятельности Поппер называет «третьим миром» после природы и общества. Результаты его размышлений, его действия и нежелательные побочные следствия этих действий часто не соответствуют плану создателя. Такие последствия — особая забота думающего человека открытого общества, в котором невозможна теория Маркса, так же как и любая другая утопия о всеобщем благоденствии.

Мышление, социальное мышление — один из центральных объектов исследования Поппера. Он различает критическое и догматическое мышление и поведение. Четко определяя свою позицию

рационалиста, Поппер формулирует следующую закономерность: «Тот, кто учит, что править должен не разум, а любовь, открывает дорогу тому, кто будет убежден, что править должна ненависть. Любовь не предполагает беспристрастности, она не способна устранять конфликты. Доминирование эмоций ведет к насилию, а разума — к беспристрастности, разумному компромиссу. Рационализм является критическим, а иррационализм склоняется к догматизму; когда нет аргументов, не остается ничего другого, кроме полнейшего признания или совершенного отрицания» [182].

Можно согласиться с отдельными идеями Поппера, однако нельзя не отметить, что любезный его сердцу либерализм вкупе с глобализацией не хуже, а может быть, и лучше платоновско-марксовского тоталитаризма привели и к секретной полиции, и к романтическому гангстерству, и к контролю воспитания человека.

Ситуацию лишь ухудшило то, что либеральные идеи открытого общества, нанеся удар по могуществу государств как систем, персонифицирующих ответственность, во многом лишили их возможности противостоять вполне тоталитарным действиям государств победившего либерализма, что породило терроризм и иные негативные следствия, связанные с разрушением системы классических ценностей.

Одна из принципиальных ошибок Поппера заключается в том, что, постоянно апеллируя к разуму, он ошибочно полагает его феноменом, присущим индивидууму, в то время как разум — феномен социальный.

Нечто подобное был вынужден признать ученик Поппера Сорос, для чего ему потребовалось немалое мужество.

В «Новом взгляде на открытое общество» Дж. Сорос продолжил обсуждение феномена мышления, начатого его учителем. Поппер показал, что тоталитарные идеологии — в частности, коммунизм и нацизм — отличаются общим свойством: они претендуют на владение абсолютной истиной. Поскольку абсолютная истина лежит вне пределов досягаемости человека, этим идеологиям, чтобы навязать свои представления обществу, приходится прибегать к угнетению. Тоталитарным идеологиям Поппер противопоставлял другую концепцию общества — общества, признающего, что ни у кого нет монополии на истину, что у разных людей — разные взгляды и разные интересы и что необходимы институты, которые позволяют всем им жить в мире. Институты эти охраняют права гражд-

дан и обеспечивают свободу выбора и свободу слова. Подобную форму социальной организации Поппер называл «открытым обществом». Тоталитарные идеологии являются врагами такого общества [168].

Смысл термина «открытое общество» был очевиден во времена «холодной войны»: он означал систему ценностей западной демократии в противоположность коммунизму. Но, хотя советская система прекратила свое существование, распад всемирного закрытого общества не привел к возникновению всемирного открытого общества. В бывшей Югославии этническая концепция гражданства возобладаала над общеправовой концепцией, а воцарившаяся в России система грабительского капитализма — это пародия на открытое общество. Отсюда необходимость в более конструктивном определении круга ценностей, которые отстаивает свободный мир.

Погружаясь в философию Поппера, Сорос искал ответ на вопрос: почему никто не может отыскать путь к абсолютной истине? И ответ, на его взгляд, прост. «Мы живем внутри вселенной, которую пытаемся понять, и наше мировосприятие может повлиять на события, в которых мы участвуем. Если бы наше мышление существовало в одной вселенной, а предмет изучения — в другой, то мы, возможно, и постигли бы истину. Мы могли бы формулировать суждения, соответствующие фактам, а факты служили бы надежным критерием истинности наших суждений».

Сорос считает, что открытое общество — это более передовая и сложная форма социальной организации, нежели общество закрытое, поскольку в закрытом обществе есть только одна схема, которая навязывается всем членам общества, тогда как в открытом обществе каждому гражданину не просто позволено — от него требуется думать за себя. Что касается жителей коммунистических стран, то они, возможно, и мечтали об открытом обществе, пока страдали от репрессий, однако сегодня, когда коммунистическая система распалась, они прежде всего заботятся о собственном выживании. Поражение коммунистов принесло всеобщее разочарование в универсальных идеях, а открытое общество — это универсальная идея.

Сорос считает, что идея открытого общества в новой сложившейся в мире обстановке нуждается в радикальном переосмыслении и в новой формулировке. Его уже нельзя определять в терминах коммунистической угрозы, оно нуждается в более позитивном содержании. «Поппер показал, что фашизм и коммунизм имеют много общего, хотя один из них был более правым, а дру-

гой — крайне левым, так как они оба предполагают мощное государство, которое подавляет свободу личности. Я хочу развить этот аргумент, — пишет Сорос. — Я утверждаю, что открытому обществу опасность грозит с другой стороны — от чрезмерного индивидуализма. Слишком большая конкуренция и слишком малое сотрудничество могут привести общество в тупик и лишит его ощущения цели и целостности».

Если в нашем сегодняшнем обществе и превалирует какая-нибудь вера, то это вера в магические свойства рынка. Доктрина "Laisses faire capitalism", т. е. доктрина бесконтрольного — без вмешательства государства — капитализма, гласит, что общественному благу наиболее продуктивно служит ничем не ограниченное преследование своекорыстных интересов. Если наша нынешняя система не будет скорректирована признанием общих интересов, которым следует отдавать предпочтение перед интересами частными, то система эта, при всех своих несовершенствах соответствующая требованиям открытого общества, рискует развалиться. Мы прекрасно живем в условиях подлинно глобальной рыночной экономики, но мы забываем о необходимости охранять ценности и институты открытого общества.

Попперу удалось показать, что марксизм и ему подобные теории нельзя квалифицировать как науку, однако Сорос утверждает, что идеология невмешательства в такой же мере является извращением научных истин, как и марксизм-ленинизм. Конкретные области, в которых идеи невмешательства могут таить угрозу для открытого общества, — это экономическая стабильность, социальная справедливость и международные отношения. Стабильность может быть сохранена при условии, что будет сделано сознательное усилие по ее сохранению. Даже в этом случае будут происходить крахи, поскольку общественная политика часто бывает ошибочной. И если крахи будут жестокими, то они могут привести к установлению тоталитарных режимов.

Наше открытое общество страдает от нехватки основополагающих ценностей. Ситуация усугубляется повышенной мобильностью и глобальными масштабами нашего открытого общества. А в глобально открытом обществе, с таким многообразием культур, религий и традиций, людям трудно найти общую почву. Принимая своекорыстный интерес в качестве главного принципа, идеология невмешательства игнорирует пороки и нестабильность, присущие всеобъемлющей рыночной ориентации.

Сорос считает, что нужно видеть в этом более глубокие опасности, чем внешний враг.

Неуверенные в собственных принципах люди во все большей степени полагаются на деньги как на критерий ценности, считая лучшим то, что дороже. Ценность произведений искусства определяется ценой, за них заплаченной. Предмет, который когда-то был средством обмена, узурпировал место основополагающих ценностей, диаметрально перевернув отношения, постулированные экономической теорией. Культ успеха вытеснил веру в принципы. Общество лишилось якоря.

Аргументация сторонников невмешательства против перераспределения доходов напоминает доктрину свободного отбора: выживает сильнейший. Довод этот обесценивается тем фактом, что богатство передается по наследству, а второе поколение редко бывает таким же сильным, как первое. Невмешательство отрицательно сказывается на международных отношениях, т. е. на геополитике. Руководствуясь принципом «выживает сильнейший», государства заботятся о своей конкурентоспособности и не хотят идти ни на какие жертвы ради общего блага.

Не нужно делать мрачных прорицаний о грядущем крахе нашей глобальной торговой системы, чтобы показать, что идеология невмешательства несовместима с открытым обществом, — достаточно вспомнить, как свободный мир не протянул руку помощи Восточной Европе и России после краха коммунизма. Система грабительского капитализма, установившаяся в Советском Союзе, столь чудовищна, что люди вполне могут пойти за каким-нибудь притягательным лидером, который пообещает им национальное возрождение ценой гражданских свобод [168].

Сорос делает вывод, что крах репрессивного режима сам по себе не ведет к появлению открытого общества, которое не только означает отсутствие государственного вмешательства и угнетения, но и предполагает сложную высокоразвитую структуру. Он представляет себе открытое общество как общество, открытое улучшениям, начинающееся с признания собственных погрешностей, распространяющихся не только на умственные построения, но и на наши общественные институты. Нечто несовершенное может быть улучшено методом проб и ошибок. Открытое общество не только допускает такой процесс, но и реально его поощряет, отстаивая свободу самовыражения и охраняя инакомыслие. В этом отношении оно сходно с научным методом.

Но концепция открытого общества нуждается в более прочном фундаменте, которым могут стать психологические обязательства по его защите. Стабильный миропорядок, связанный с холодной войной, распался, но на его месте не возник новый порядок. Мы вступаем в период беспорядка. Открытое общество, судя по всему, станет неисчерпаемым источником трудностей. Более того, понятно, что идеальное открытое общество недостижимо и проектирование его противоречило бы его сути. Но это не означает, что мы не должны к нему стремиться. Именно в поисках его мы достигли небывалого прогресса [168].

Открытое общество может рассматриваться как теоретическая модель, в которой все отношения имеют договорный характер. Оно не дает всем равных возможностей. Например, если капиталистический способ производства соединяется с частной собственностью, непременно возникает большое неравенство, которое, будучи предоставлено само себе, имеет тенденцию увеличиваться, а не уменьшаться. Оно не обязательно бесклассовое, но классы — это разные слои населения. При наличии высокого уровня социальной мобильности не может быть классового сознания того типа, о котором говорил К. Маркс. Его концепция верна только для закрытого общества [169].

Э. Дюркгейм, вместе с М. Вебером и А. Г. Зиммелем, начинал как социолог, стремясь объяснить социальный процесс, не обращаясь к существу социального. Но впоследствии в вопросе религии он вынужден был вернуться к этому существу, так же как и Вебер. Зиммель, в свою очередь, продемонстрировал социальное через растущую неосязаемость экономического обмена, его зависимости от социально-психологической ткани общества. Все трое стали авторами так называемой понимающей социологии, которая может быть рассмотрена как правонаследница взглядов виднейших просветителей прошлого — Аристотеля, Конфуция и др. Общие позиционные рамки устанавливают границы для поля наблюдения и освещения фактов. Это сходство ярко проглядывает в теории Вебера о господстве человека над человеком. Со знанием дела он выводит три категории: харизму, традицию и разум, — которые узаконивают власть человека над группой. Они позволяют сделать отношения между людьми наглядными в плане способа руководства и способа подчинения. Обширное сравнительное исследование Вебера доказывает существование этих форм господства и их универсальность [106].

Аналогичным путем идет и Дюркгейм. Он противопоставляет два вида солидарности — органическую и механическую, определяя, таким образом, черту, разделяющую современное и традиционное общество. Традиционное общество, в представлении Дюркгейма, состоит из схожих друг с другом людей, поддерживающих сплоченность членов с помощью очень сильного коллективного сознания. Современное же общество состоит из людей, взаимодополняющих друг друга, но разных по профессии и роду деятельности. Они зависимы друг от друга из-за разделения труда. Дюркгейм исчерпывающе показал, как подобие и различие, разделение труда и коллективное сознание упорядочивают религиозные, экономические и юридические аспекты всякого общества.

Принуждение в обществе существует, когда вы входите в класс или когда мы собираемся вместе, чтобы обсудить наболевший вопрос. Оно усиливается, если речь идет об отношениях с начальством и администрацией, способных постоянно оказывать давление на человека, навязывать ему выбор, подавлять волю и желание. Принуждение сопровождает многие другие системы человеческих контактов, в том числе — личные и семейные. Религия, по мысли Дюркгейма, — синоним этого давления. Она парадоксальна, поскольку состоит из чего-то, во что невозможно поверить: слова, жесты, камни, куски дерева и т. п. Или из чего-то, что должно представлять вещи, в которые нельзя верить: конец света, воскрешение мертвых, союз с небесами. Заставляя нас верить в абсурд, религия показывает нам мощь существующих между нами связей. Дюркгейм решительно делает выводы из того факта, что религия есть неотделимая составляющая образа жизни, присущая ему как таковому. В «Элементарных формах религиозной жизни» он исследует проблему происхождения религии и объясняет ее с помощью психологии масс. Эта книга — одна из наиболее полных работ по данному вопросу, раскрывающая уравнение между социальным фактом и моральной, даже психологической, властью. По мнению современников, эта книга — вершина социологии.

Рассматривая религию в любых широтах и в разные периоды истории, он видит в ней «нечто вечное, предназначенное пережить все частные символы, за которыми религиозная мысль последовательно скрывалась. Не бывало общества, которое не чувствовало бы потребности регулярно поддерживать и укреплять коллективные чувства и идеи, составляющие его единство и его индивидуальность». Религия является именно тем институтом, который, бла-

годаря представлениям и соответствующей им практике, устанавливает мировой порядок, поддерживает нормальное течение жизни людей. Она дает людям возможность жить сообща и сознавать себя обществом. Дюркгейм задает себе вопрос: откуда идет сила, отделяющая внутри общества религиозное начало от нерелигиозного? Он считает, что первое изолировано и защищено запретами и предписаниями. «Прежде всего, — это запреты контакта: это первичное табу, и все другие запреты являются лишь их частными случаями. Они базируются на принципе, что мирское не должно касаться священного». Объекты и представления, называемые священными, превалируют над мирским. Они оказывают значительно большее влияние, им приносят жертвы — от материальных благ до самой жизни человека. Если даже сделать вид, что смеешься над традицией или гневаешься на идолов, которые не помогли или причинили зло, — все равно это признание силы и необходимости веры и поклонения божествам. «Религиозная форма — лишь чувство, которое общность внушает своим членам, но спроецированное вне сознаний, которые его испытывают, и объективированное. Чтобы объективироваться, оно фиксируется на объекте, который становится священным».

Церковь включает в себя и крыло, которое оказывает принуждение на всех верующих независимо от их желания. «Религия есть внутренне связанная система верований и действий, относящихся к явлениям священным, так сказать, отдельным, запрещенным; верований и действий, объединяющих в одно моральное общество, называемое церковью, всех примкнувших к нему». Методом запрещения контакта с мирским она огораживает физическими и психологическими барьерами некую внутреннюю сущность, связность и святость которой сама гарантирует.

С древних времен существует традиция почитания тотема, который служит и эмблемой, и гербом, и объединительным знаком. Никто и ничто не сравнится с ним до сих пор по могуществу, никто не может не повиноваться ему, какова бы ни была его природа, реальная или символическая. Особенно австралийские верования вносят священность в предметы, людей, растения. Более поздние общества в Меланезии стали называть такое обожествление маной. Термин понравился и получил широкое распространение в мире. Мана представляет собой диффузную энергию, анонимную и безличную, которая одушевляет человеческую общность и психологическое влияние которой высвобождается и интенсифицируется в

ходе ритуалов. Личность, которая ею обладает, побеждает своих врагов, выращивает посевы, сберегает от непогоды поля и стада.

Религия, по мысли Дюркгейма, оказывает тираническое давление, но она оправдывает себя в глазах любого человека тем, что поддерживается высшими силами, которые господствуют над ней, и человек становится причастным к их всемогуществу. Она возбуждает энтузиазм, возвышенное рвение, она адресуется всем и каждому, она объединяет группы. Она исключает всех прочих, к которым можно чувствовать омерзение, которых можно ненавидеть, поскольку они не обладают тем же самым наследием верований и богов. Дюркгейм убежден, что изолированному индивиду явно недостает жизненной энергии, и только общество себе подобных стимулирует его, укрепляет его силы и побуждает ко всякого рода деятельности. Совокупность всех церковных церемониалов имеет одну-единственную цель — прославить сообщество и привязать к себе его членов переживанием определенного состояния души. «В самом деле, мы видели, — говорит Дюркгейм, — что коллективная жизнь, когда она достигает определенной степени интенсивности, пробуждает религиозное мышление именно потому, что она предопределяет состояние возбуждения, которое изменяет состояние психической активности. Ментальные силы распаляются, страсти оживают, ощущения усиливаются; такое происходит только в подобные моменты. Человек сам себя не узнает; он чувствует себя преобразенным, и тем самым он преобразает все вокруг себя».

Часто не важен даже знак эмоции. Сам по себе повод не играет значительной роли, ритуалы скорби и утраты, которые исполняются в случае смерти, — не исключение. Горе каждого человека в массе себе подобных преобразуется в своеобразную эйфорию, пьянящую разум. Дюркгейм утверждает: «Но когда эмоции обладают такой живостью, они могут даже быть горестными, но при этом не депрессивными; напротив, они вызывают состояние возбуждения, которое предполагает мобилизацию всех действующих сил и даже прилив сил извне».

Тщательное исследование социологии религии у Дюркгейма носит явные признаки психологии масс. Аналогия напрашивается легко, если обратить внимание на то, что люди, собирающиеся вместе, объединяющиеся и смешивающиеся с другими, видоизменяются. Приливы и отливы впечатлений и эмоций будоражат их вплоть до образования групп и массы. Человек приобретает новые качества и становится другим, он думает и действует иначе, чем если бы он

был в одиночестве. Он становится другим и не узнает себя. Он экзальтирован, и границы его существа размываются. Он сливается со всеми в гомогенную массу. Феномен регрессии, владеющий обычно массой, в данном случае может нарушаться, так как многие люди достигают, наоборот, внутренней ясности и более высокого, по сравнению с обычным, уровня сознания. Это объясняется стимулирующими свойствами любого экстатического воздействия. Происходит своего рода непреодолимое заражение словами, мыслями и эмоциями, которые канализируются в одном направлении — к самому тотему или служителю культа. Ритуал содержит некоторое раздвоение личности: каждый является одновременно самим собой и другим. Он живет в двух мирах: священном и профанном. Но он не утрачивает ощущения реальности, прекрасно знает, где он находится и что должен делать.

Дюркгейм предсказывает религии долговременное будущее. И для него, и для тех, кто следует за ним, общество представляется прежде всего совокупностью верований и обрядов, объединяющих людей и формирующих их общее сознание. Оно воплощается в установления и символы, которые заставляют себя признать и действуют принудительно. Дюркгейм сражался с Тардом и не позволял себе увлечься «Психологией толп» Лебона, но его разработка сделала правдоподобной идею упомянутых авторов. Некоторые из его учеников явно признавали то, что отправная точка его теории — психология толпы. Действительно, добросовестная работа ученого привела его к тому, что он усиленно отрицал, — к психологии масс в религии.

Основное свое внимание Дюркгейм уделил обществам нормальным, живущим по законам социума. Что касается Вебера, то в фокус его учения попали, скорее, данные об аномальных обществах. Согласно Дюркгейму, эволюция приводит к размыванию традиций и социального контроля по мере того, как коллективное сознание ослабевает и дифференцируется, предоставляя свободу для расколов среди индивидов. По Веберу, эволюция, вызванная инновациями и революциями, должна затем ограничиться и замедлиться, вплоть до приспособления каждого к преемственности и здравому смыслу. Вот почему то, что для Вебера является решением потерять себя в толпе или подчинить себе общество, для Дюркгейма представляет собой в крайнем выражении тяжелую проблему, аномалию, равную самоубийству. Вся система взглядов Вебера исходит из прин-

ципа: представления и мировоззрения распространяются иррациональным образом. Сюда же он, не смущаясь, относит и религию, и идеологию. При этом он подчеркивает и могущество идей. Понятие «харизмы», наиболее популярное изобретение последнего времени, Вебер придумал для наименования власти идей в политической и религиозных областях. Харизма пронизывает нас, когда мы подвергаемся гипнозу или усиленному влиянию какой-то личности, туманному или заумному, но при условии его единственности. Именно харизме общества обязаны своей стабильностью. Вебер отметил, что есть проблемы в обществе между традицией и инновацией, описал их как социальное явление. «Внутренняя психологическая ориентация на подобные регулярные явления (обычай и привычка) содержит в себе самой очень заметные явления торможения, направленные против "инноваций", и каждый может наблюдать этот факт в своем повседневном опыте, когда убеждения утверждаются тем самым в своем обязательном характере». На разных уровнях исторического процесса он прослеживает соперничество этих принципов. Его творчество постоянно соседствует со словом «революция», но другие авторы искали источники инноваций вне нас (средовые, технические, ресурсные). Вебер для наиболее глубоких, оставляющих серьезный след инноваций ищет внутренний источник. Без него невозможны победы над инерцией разума и конформизмом реальности. Книги о великих людях — убедительное тому свидетельство [106].

Наиболее полно свои воззрения М. Вебер высказал в книге «Протестантская этика и дух капитализма», первое издание которой было опубликовано в 1905 г. Анализируя природу сект, церквей, тайных протестантских собраний, он решает, что они оставили свой след в истории религии решительным крушением ценностей и правил, непререкаемых для любого христианина. Протестанты начинали с отвержения того, что предписано было делать, что само по себе очень сложно выполнить. Они ревизовали католические устои церкви, чем во многом подрывали ее. Они были решительно против идолопоклонничества и культа духовника. Протест обнаруживали и анабаптисты отказом от крещения новорожденных. Каждый протест был, по мысли его автора, поводом показать истинность религии и чистоту своей позиции. Рвение к новому открытию пульсирует в крови сектантов, позволяет долго выдерживать кризисы, допускает пророчества. Если обещанное не удалось реализовать, это никого не разочаровывает

и секта не разваливается, а совсем наоборот — еще более консолидируется. Протестантизм всюду пускает многочисленные ростки сект, номинаций, конгрегации, временных церквей, которые борются не только с чужими, но и друг с другом. Они активно включаются в экономическую деятельность, в бизнес, как и другие преследуемые меньшинства, поскольку у них мало средств к существованию. Протестантская этика, строгость традиций не помешали им присоединиться к новой религии — религии денег, чтобы гнаться за прибылями, заниматься ростовщичеством, хотя это любой религией признавалось греховным. Известно, что глубокое безразличие по отношению к ближнему, доходящее иногда до презрения, — таков закон экономического соперничества и пресупевания немногих. В бизнесе не стесняются отделиться от единоверцев вне стен секты и идти к своей цели без стеснения. Временно отвергается человеческий мир с его взаимоотношениями, общительностью, человеколюбием.

Согласно Веберу, внешними условиями рождения капитала являются социальные интересы класса капиталистов. Но его корни можно найти в логике религиозных представлений. Протестанты превратили работу из необходимости в призвание, а зарабатывание денег на хлеб — в зарабатывание спасения. А спасение приходит только через принятие жизненных правил инакомыслящего сообщества. Чем больше человек зависит от сообщества, тем более чувствует себя самим собой. Двадцатый век обнаруживает сожаление по утрате времен, когда герой был мерой всех вещей, был индивидуальностью. Этот путь привел Ницше к сверхчеловеку, а психологию масс — к вождю.

В политическом движении масс таким же образом чистоту своей позиции можно показать, например, назвавшись «большевиками» — в отличие от «меньшевиков», оппортунистов и предателей. Цель — показать всему мировому рабочему классу свою истинную революционность, верность социализму, высоким идеалам равенства и гуманизма. Вебер подчеркивает мысль о том, что аскетизм протестантов говорит об их исключительной приверженности цели, завораживающей и своих и чужих. Это наблюдалось в коммунистических и национальных меньшинствах, когда члены их предписывали себе режим строгих ограничений в отношении пищи, забав, удовлетворения некоторых потребностей. В современном обществе некоторые маргиналы (типа хиппи, панков и др.) ограничивают себя во многом ради чистоты помыслов.

Чистоту помыслов можно продемонстрировать отступничеством, т. е. избранием своим уделом жизни вне общества. Горстка людей, удалившись от общества, крепит свою связь с Всевышним, отказывается от мяса и других видов пищи, чтобы не совершать насилие. Ганди применил принцип ненасилия в политическом устройстве страны. Из религиозного предписания особой группе людей, обладающих выдающимися способностями, он создал образ действий и мыслей для всех, кто следовал религии махатмы. Религия всегда запрещала любое удовольствие, любое праздное использование своих сил и времени, будь то богатство, чувство или искусство [38].

Протестантские секты и конфессии, дети раскола (как жесточайшего религиозного преступления), требовали от своих членов более суровой жизни, чем в других религиях. Люди, становившиеся протестантами, подвергались инициации, они должны были вести бесцветно-добродетельную жизнь, чтобы не опорочить свое звание. Верность идеалам нужно было показывать во всех областях, вплоть до самых интимных. «В армии Кромвеля, — пишет Вебер, — святые принимали причастие только у тех, кто был религиозно квалифицирован; солдат отказывается идти в огонь по приказу офицера, если тот не принадлежит к тому же священному сообществу, что и он сам».

Много внимания М. Вебер уделяет вопросам специфики власти. Он признает ее неизбежность, видит в ней два аспекта. Извне власть — это принцип порядка, который указывает, каким образом большинство будет подчиняться командующему меньшинству. Изнутри власть — это принцип действия, на которое рассчитывает общество. Она диктует цель и средства ее достижения. Если этот принцип начинает ослабевать, то диктатура дает трещины и власть становится бессильной. Среди тех условий, на которые опирается господство, Вебер прежде всего называет военную силу или экономический интерес, с одной стороны, и право выборов или наследования — с другой. При этом он подчеркивает, что чем больше доверия и любви вызывает власть, тем больше возможности она имеет командовать и повелевать. Зерно сомнения, умноженное на миллионы людей, может привести к низложению даже самого могущественного тирана. Диктатуры противоречат не только правам человека, но и подлинной природе власти. Постоянное насилие рождает апатию, безразличие и враждебность. Следовательно, для господства нужно доверие. Выразить его можно и молчанием, и покорностью. Власть, которую оспаривают и противоречиво интер-

претируют,— уже не власть. Вебер внес существенное изменение в расстановку сил в обществе, поправив Маркса. Он считает, что не общественные отношения, связанные с производительными силами общества, как писал Маркс, а психологические мотивы правящих и управляемых лежат в основе руководства государством изнутри. Поэтому власть, требующая тяжелых жертв ради неопределенных результатов, заставляет признать себя лишь когда ей удастся присутствовать как бы физически, чтобы ее можно было видеть и слышать. «Харизматический принцип,— говорит Вебер,— интерпретируемый в первоначальном смысле как авторитарный, может быть интерпретируем противоположным образом — как антиавторитарный». Образ пророка завораживает, его слова и действия производят эффект, который позволяет проклинать, изгонять, приближать и ласкать. Но интересно, что до прихода к власти ему лучше быть из другой местности, другой национальности и культуры. Иногда положительное влияние имеет даже физический недостаток — болезнь, заикание, маленький рост. Пока харизматический лидер одерживает победы, ему будет прощено все. Но после его смерти или поражения наступает «дедемонизация» харизмы. Человек делал все, что приказывал ему харизматик, но, сняв с себя чары, он оказывается перед таким же, как он сам, человеком, во власть которого он был отдан. Наступает коллективное отрезвление — частое и болезненное явление действительности, способ приспособления к внешней реальности.

Психологический фундамент, на котором возвышается тип индивидуальности, присущий большим городам, по мнению А. Г. Зиммеля, другого сподвижника Э. Дюркгейма, — это интенсификация нервной жизни, которая вызывает внезапное и непрерывное изменение внешних и внутренних впечатлений. Город сразу превращает человека в существо без свойств, так как он лишается постоянных связей с группой, семьей, профессией, даже если раньше был к ним трепетно привязан. От него уже не ждут ни героических поступков, ни добродетели. Но деньги, которые растворяли его в безличных отношениях, одновременно объединяют его с другими в громадных массах, порожденных промышленностью и бюрократическими пирамидами. Все вместе ищут выход из кризиса, испытывая общие эмоции, вступая в личные контакты внутри коллектива. В уличных движениях, на гигантских концертах, в силовых спортивных состязаниях каждый выражает свою потребность

в самовыражении. В массе устанавливаются прерывистые отношения: никаких обязательств, никакой зависимости, «полевое» поведение, «мотыльковые связи». Каждый человек оценивается какменная стоимость, деньги освобождают от всех целей, превратившись в абсолютное средство, которое связано со всем.

Все предшествующие общества имели массы людей, но лишь наше общество само ею (массой) является. Главной точкой, вокруг которой строятся отношения и взаимосвязи, являются деньги, формирующие наш современный мир. При этом положении вещей индивид не является носителем качественной ценности. Его определение чисто количественное: один человек — один голос. Зиммель говорит о демократии количественной, демократии голосований и демократии мнений. Отсюда страсть к измерениям, взвешиваниям, подсчетам, которая свирепствует в наши дни. Все заменяется числовыми и знаковыми кодами, аббревиатурами. Познавательный идеал современного человека, согласно представлению Зиммеля, превратился в огромный математический свод понимания событий и качественных отличий вещей как системы чисел [106].

Деньги, которые разрушают фундамент отношений человека к человеку, сами же и восстанавливают его, согласно другой логике. Они создают иерархию, опирающуюся не на привязанность и признательность, а на науку о средствах и целях. Наше общество приложило наибольшие усилия к тому, чтобы стереть связи между моралью и характером, что называется рационализацией. «Цивилизованный житель больших городов возвращается в состояние дикаря, то есть состояние изоляции, потому что социальный механизм позволяет ему забыть потребности сообщества и утратить ощущение связи между индивидами, некогда постоянно пробуждающееся необходимостью». Этим рассуждением Зиммель отразил новую грань вопроса о психологии масс на современном этапе.

Четвертый период

Представление о развитии социальной психологии толпы в виде дерева требует своего завершения, и этим завершением будет крона, в которой много веток и веточек, листьев, почек, побегов. Мощные и слабые, они говорят, шумят, дополняя и перебивая друг друга. Иногда по несколько раз звучит одна и та же тема. То ли ее уже обсуждали, но что-то упустили из виду, то ли в контексте подхода некоторые вопросы еще не утратили актуальности, но принципиально новое у представителей четвертого (суперсовременного) эта-

па появляется все реже и реже. Практически работы последних лет пытаются представить в виде стройной теории то, что было сделано предшественниками. Достаточно редко встречаются оригинальные концепции, такие как концепция столкновения цивилизаций С.Хантингтона. А это может свидетельствовать только о том, что тема, в данной традиции ее освещения, полностью исчерпана.

Обратим внимание на работы С. Московичи. Несомненной ценностью их является систематизация накопленного по этому вопросу материала, но все мотивы — или почти все — уже звучали. Толпу и массу, не делая между ними различий, Московичи определял как «временную совокупность равных, анонимных и схожих между собой людей, в недрах которой идеи и эмоции каждого имеют тенденцию выражаться спонтанно. Толпа, масса — это социальное животное, сорвавшееся с цепи. Стираются различия между людьми, и люди выплескивают, зачастую в жестоких действиях, свои страсти и грезы: от низменных до героических, от иступленного восторга до мученичества. Беспрестанно кипящая масса в состоянии бурления — вот что такое толпа. Это неукротимая и слепая сила, которая в состоянии преодолеть любые препятствия, сдвинуть горы или уничтожить творения столетий» [105]. Об этом уже писали неоднократно.

«Массы можно было бы сравнить с шаткой грудой кирпичей, сложенной без специальной кладки и раствора, которая, будучи лишённой цементирующего вещества, может рухнуть от порыва ветра», — пишет он в другом месте. «Достаточно нескольких броских образов, одной или двух формул, ласкающих слух и доходящих до сердца, или напоминания о великой коллективной вере, — это и есть цемент, связывающий людей и поддерживающий целостность массового сооружения». Почти то же самое говорил В. Франкл.

Не соглашаясь с толкованием многими авторами феномена толпы как места средоточения темных сил, Московичи пишет: «Действительно, толпы, или массы (с психологической точки зрения оба слова имеют один и тот же смысл), являются независимой реальностью. Больше не возникает вопрос о том, плебейские они или буржуазные, преступные или героические, безумные или здравомыслящие. Они представляют собой коллективное устройство, коллективную форму жизни — и этим многое сказано».

Снова и снова констатируется факт, что в целях управления массами (партией, классом, нацией и т. д.) политика должна опираться

на какую-то высшую идею (революционную, патриотическую и т. д.), которую внедряют и взращивают в сознании людей. В результате такого внушения она превращается в коллективные образы и действия.

Московичи восклицает, что в начале нашего века можно было с уверенностью говорить о победе масс; в конце — мы полностью оказываемся в плену вождей. Социальные потрясения, всколыхнувшие почти все страны мира, открыли дорогу режимам, во главе которых встали вожди из числа авторитетов. Какие-нибудь Мао, Сталин, Муссолини, Тито, Неру или Кастро, а также изрядное число их соперников осуществили и осуществляют абсолютное господство над своими народами, и те, в свою очередь, преданно им поклоняются. Ведь поначалу, когда народ захватывает власть, она временно переходит в руки большинства, но только до того момента, пока один человек не отнимет ее у всех остальных. Этот исключительный человек теперь воплощает собой закон. Он обладает властью направлять массы людей на героические сражения, на гигантские стройки. А они открыто приносят ему в жертву свои интересы и нужды, вплоть до собственной жизни. Такая власть не может осуществляться, не лишив людей ответственности и свободы.

Такие лидеры слыт долгожданнами мессиями, пришедшими вести свой народ к земле обетованной. И, несмотря на предостережения некоторых светлых умов, масса видит себя в них, узнает и как бы обобщает в них себя. Она боготворит и прославляет их как сверхлюдей, наделенных всемогуществом и всеведением, которые умеют служить людям, владея над ними. Плененная и напуганная масса превращает этих новоявленных Заратустр в полубогов, все суждения которых непреложны, все действия справедливы, все речи истинны.

В цивилизациях, где толпа играет ведущую роль, человек ощущает себя чужим в скоплении других людей и утрачивает чувство «Я». Психологическая нищета масс, как называет ее Фрейд, достигает всемирных масштабов. Она и составляет фон, на котором авторитарные лидеры, обладая призванием объединять, заново творят мощные общественные связи. Давая каждому человеку ощущение личной связи, вынуждая его разделить общую идею, одно и то же мировоззрение, лидер предлагает ему своего рода эрзац общности, видимость непосредственной связи человека с человеком. Выделяясь на фоне людской массы, вождь зачаровывает ее своим образом, обольщает словом. Подавляет, опутывает страхом. Он дает ей

свое имя, свое лицо и свою активную волю. Такими способностями обладали и Наполеон, и Сталин. Эти способности позволяли им сплотить массы, втянуть их в борьбу и требовать от них необходимых жертв. Грандиозные церемонии, беспрестанные собрания, демонстрации силы или веры, проекты будущего, одобряемые всеми, и т. д. — всякое торжественное выражение объединения сил и подчинения коллективной воле творит драматическую атмосферу экзальтации.

Как старую сказку на новый лад можно читать и рассуждения о массах Г. Блуммера. В «Коллективном поведении» [18] он пытается сказать новое слово по вопросу организации больших масс людей, но принципиальные открытия уже трудно сделать после стольких всеобъемлющих трудов его предшественников. Следует, однако, отметить его работу как новую попытку различить массу и толпу, но вряд ли это принципиально важно. В ряде случаев Блуммер приводит такую классификацию видов толпы, с которой вряд ли можно согласиться, которая только затрудняет восприятие. Толпу, например, он рассматривает в одной из двух разновидностей — действующей и экспрессивной. Действующая толпа представляется ему как разрушающая социальные организации, личностные структуры и создающая новые формы поведения и личности. Таким образом, толпа есть то, что «создает развитие агрессивного поведения в направлении целенаправленного социального изменения». Экспрессивная толпа — это разрядка внутреннего напряжения в поведении, которое имеет тенденцию становиться священным, отмеченная глубоким внутренним чувством. Ее можно рассматривать как приводящую к возникновению религиозного строя поведения.

Для обозначения другого элементарного и спонтанного коллективного группирования мы выбираем, пишет Блуммер, термин «масса». Масса представлена людьми, участвующими в массовом поведении, такими, например, которые возбуждены каким-либо событием национального масштаба, или участвуют в земельном буме, или интересуются каким-либо судебным разбирательством по делу об убийстве, отчеты о котором публикуются в прессе, или участвуют в какой-то крупномасштабной миграции. Из этого явствует, что в массе нет никакой социальной организации, никакого корпуса обычаев и традиций, никакого устоявшегося набора правил или ритуалов, никакой организованной группы установок, никакой структуры статусных ролей и никакого упрочившегося умения. Она просто

состоит из некоего конгломерата индивидов, которые обособлены, изолированы, анонимны и, таким образом, однородны в той мере, в какой имеется в виду массовое поведение. Поведение массы спонтанно, самобытно и элементарно, и в этом отношении она сходна с толпой. Но есть и различие: масса не «толчется», не взаимодействует так, как это делает толпа. Наоборот, индивиды отделены друг от друга и неизвестны друг другу. Этот факт означает, что индивид в массе, вместо того чтобы лишаться своего самосознания, наоборот, способен довольно сильно обострить его. Форма массового поведения парадоксальным образом выстраивается из индивидуальных линий деятельности, а не из согласованного действия. Эти индивидуальные деятельности в первую очередь выступают в форме выборов — таких, например, как выбор новой зубной пасты, книги, пьесы, партийной платформы и др., — т. е. выборов, которые являются откликом на неясные порывы и эмоции, пробуждаемые объектом массового интереса. Из-за подобных сдвигов интересов и вкусов может потерпеть крах какая-нибудь политическая партия или же коммерческое предприятие — таково резюме Блуммера. Возможно, Блуммер и прав в своих рассуждениях, но стиль изложения таков, что скорее запутывает вполне очевидное на уровне здравого смысла положение вещей, чем вписывает его в рамки каркаса системного анализа.

Толпа — это скопление людей, действия которых направлены либо на изменение общественного строя, либо на изменение самих себя. А масса не ставит перед собой столь радикальных целей. Только простое совпадение целей может сделать массу могучей силой — вот это замечание Блуммера является важным с практической точки зрения. И в этом отношении очень важны пресса, радио, телевидение, которые формируют примитивные порывы, антипатии и традиционные фобии. Их воздействия направлены на некоторые социальные группировки, которые можно рассматривать в качестве элементарных, поскольку они возникают спонтанно и их деятельность не направляется и не определяется существующими культурными моделями.

Там, где групповая жизнь удовлетворительно поддерживается в согласии с правилами или культурными традициями, очевидно, нет никакого повода для возникновения каких-либо новых форм коллективного поведения. Желания, потребности удовлетворяются посредством обычной культурной деятельности этих групп. В случае какого-либо нарушения установленных образцов действия

или появления каких-то новых предрасположений, которые не могут быть удовлетворены существующими культурными традициями, возникновение элементарного коллективного поведения вполне вероятно, считает Блуммер.

Интересует его так называемое «социальное беспокойство», которое можно рассматривать как суровое испытание; в нем выплывают новые формы организованной деятельности, такие как социальные движения, реформы, революции, религиозные культы, духовное пробуждение. Социальное напряжение может различаться как по протяженности, так и по интенсивности. Оно может быть ограничено небольшой общиной, например небольшим шахтерским поселком в период стачки, но может также распространяться и на многочисленное, разбросанное на большом пространстве население, как, например, в случае современных волнений в исламском мире [18].

В различных видах цивилизации, в науках, искусстве, литературе и т. д. основным элементом всякого убеждения является обаяние. Сознательно или нет, но существо, идея или вещь, пользующиеся обаянием, тотчас же, путем заразы, вызывают подражание и внушают целому поколению известный способ чувствований и выражения своих мыслей. Подражание чаще всего бывает бессознательным, и именно это и обуславливает его совершенство.

Типичный член действующей толпы теряет обычно критическое восприятие и самоконтроль, как только он вступает в контакт с другими членами толпы и проникается тем коллективным возбуждением, которое господствует над ними. Он прямо и непосредственно откликается на замечания и действия других вместо того, чтобы истолковывать их, как он сделал бы в обычных случаях. Его неспособность анализировать действия других, прежде чем откликнуться на них, порождает его собственное стремление действовать. Именно это состояние и является признаком готовности к внушению.

Недостаток обычного критического отношения и пробуждение порывов и эмоций объясняют эксцентричное, неистовое и неожиданное поведение, которое столь часто можно наблюдать у членов настоящей толпы. Коллективное возбуждение возникает обычно там, где люди в результате воздействия какой-либо формы толчеи оказываются в состоянии коллективного возбуждения. Эта потеря подавления общественного контроля приобретает ярко выраженный характер, подготавливая почву для «инфекционного» поведения.

Подобные рассуждения приводились практически всеми без исключения авторами — специалистами в области психологии масс и сами стали уже той самой идеей, которая формирует толпу масковидных психологов. Впрочем, термина «социальное беспокойство» в работах предыдущих авторов я не встречал.

Под влиянием социального беспокойства люди становятся более «заведенными» в эмоциональном отношении и больше обычного склонны отдаваться всевозможным побуждениям и чувствам, а следовательно, делаются менее устойчивыми и более безответственными. При коллективном возбуждении личный характер индивидов ломается с большей легкостью и создаются условия для реорганизации и возникновения новых форм поведения. При коллективном возбуждении индивиды могут начать придерживаться таких линий поведения, о которых прежде они, вероятно, и не помышляли и которых не осмелились бы придерживаться. Блуммер указывает на беспорядочный характер действий людей в толпе. Они суматошно и бесцельно суетятся, словно стремясь найти что-то, но не имеют при этом никакого представления о том, что же именно они стараются найти или чего избежать. Люди находятся в состоянии напряжения и неловкости и чувствуют сильный позыв к действию. Этот позыв к действию протекает в отсутствие понимаемых целей.

Когда у людей есть желания или побуждения, которые не могут быть удовлетворены в данной форме существования, они оказываются в состоянии беспокойства. Они ощущают побуждение к действию, но одновременно и препятствие, мешающее его исполнению; в результате они испытывают дискомфорт, фрустрацию, неуверенность и, как правило, отчуждение и одиночество. Это внутреннее напряжение и отсутствие способов его снятия обычно выражается в беспорядочной некоординированной деятельности. Это и есть признак беспокойства.

Другой важный признак социального беспокойства, по Блуммеру, — возбужденные чувства, обычно в форме смутных предчувствий, тревоги, беспокойства, страхов, неуверенности, рвения и повышенной агрессивности. Такие возбужденные чувства способствуют распространению слухов и преувеличений. В состоянии социального беспокойства люди психологически неустойчивы, подвержены действию беспорядочных побуждений и эмоций. Их внимание становится изменчивым и непостоянным, лишается обычной последовательности. Подобное состояние делает людей более вос-

приимчивыми по отношению к другим, но менее постоянными и твердыми в образе действий.

Лишь когда чувство беспокойства вовлекается в круговую реакцию или становится инфекционным, налицо социальное беспокойство. Проявление беспокойства пробуждает некое схожее состояние беспокойства у других; по мере того как индивиды взаимодействуют друг с другом, возникает взаимное подкрепление этого состояния. Отсюда следует, что социальное беспокойство, вероятнее всего, присутствует там, где люди обладают повышенной чувствительностью друг к другу или же охотно вступают в контакт, чтобы вместе перенести разрушение своего заведенного жизненного уклада. Разрушение может быть мягким и иметь общий характер, например, в большинстве случаев современного морального беспокойства, или же может быть конкретным и острым, как в революционных волнениях, непосредственно предшествовавших революции 1917 г. в России.

Там, где коллективное возбуждение интенсивно и широко распространено, есть большая вероятность возникновения социальной инфекции того или иного рода. В ней ярко выражено углубление контакта и бездумной отзывчивости индивидов по отношению друг к другу. Наиболее интенсивным и захватывающим в социальной инфекции является то, что она привлекает и заражает и тех индивидов, которые первоначально были просто отрешенными от происходящего безразличными зрителями или наблюдателями. В своих крайних проявлениях она принимает характер социальной эпидемии, как, например, в случае тюльпанной лихорадки в Голландии в XVII в. или же танцевальной мании в средние века. В современную эпоху мы видим ее проявления в эволюции военной истерии или в процессе развития биржевой паники.

В толчее люди бесцельно и беспорядочно кружатся друг возле друга, подобно переплетающимся движениям овец, которые находятся в состоянии возбуждения. Первейшая цель толчеи состоит в том, чтобы сделать индивидов более восприимчивыми и отзывчивыми друг к другу и чтобы они все меньше реагировали на обычные объекты возбуждения. Люди в этом состоянии более расположены действовать сообща под влиянием общего побуждения или настроения, чем действовать порознь под влиянием эмоций, не являющихся для них общими. Коллективное возбуждение и социальная инфекция присутствуют в различной степени во всех проявлениях спонтанного группового поведения. Их

действие нацелено на объединение людей на самом примитивном уровне и, тем самым, на создание фундамента более прочных форм объединения.

Одни люди и сами не знают, что привело их в толпу, чего они хотят на самом деле. Другими движет непоколебимая уверенность в правильности своей стратегии в конфликте, убежденность в праве решать судьбы других, регулировать их жизнедеятельность; неспособность посмотреть на себя с позиции другого. Это можно назвать психологическим невежеством, социальным хамством и распушенностью. Такой человек рано или поздно приходит к краху своих жизненных целей, испортив и судьбы других [172].

На общем фоне современных исследований последнего периода достаточно оригинальной видится концепция профессора Гарвардского университета, директора Института стратегических исследований С. Хантингтона.

В начале 90-х годов стало ясно, что противостояние двух общественных систем развития завершилось безусловной победой Запада. Эта ситуация лишила мир сложившихся за многие годы холодной войны приоритетов и ориентиров. Встала необходимость пересмотреть многие теории и стереотипы и выработать новое видение современного мира и перспектив его развития. Именно в этот период, в 1993 г., Хантингтон выдвинул свою концепцию столкновения цивилизаций и изложил свое видение картины современно-го нам мира.

Хантингтона можно условно отнести к ветви, начатой еще в начале века Х. Маккиндером, продолженной Н. Спайкменом. Продолжая эту линию в современных условиях, он рисует новую парадигму мировой политики после завершения холодной войны. «С окончанием холодной войны, — пишет он, — завершается западная фаза мировой политики. Отныне ее центральной осью становится взаимодействие западной и незападных цивилизаций. Народы и правительства незападных цивилизаций перестают быть объектами истории и больше не являются лишь целью западного колониализма, а становятся вместе с Западом субъектами и творцами истории... Столкновение цивилизаций — вот что будет определять в перспективе мировую политику» [230].

По мнению Хантингтона, в современном мире выделяются западная, конфуцианская, японская, исламская, индуистская, православно-славянская, латиноамериканская и африканская цивилиза-

ции. Различия между этими восемью крупными цивилизациями порождены их многовековой культурой, историей и религией. Они более глубокие, чем различия политических идеологий.

Сама идея столкновения цивилизаций связывается Хантингтоном с экспансией Запада, которая приобрела в настоящий момент беспрецедентный характер [230]. Запад всеми возможными методами стремится распространить свои ценности, сохранить свое военное превосходство и утвердить экономические интересы. Хантингтон считает, что в современном мире поднимается мощная волна антизападных настроений, при этом главным водоразделом будет борьба между западной и незападными цивилизациями. Перед Западом стоит сложная и трудная задача — отстоять свои позиции и ценности, а также сохранить достойное место в плюралистическом мире [77].

Хантингтон предсказывает, что после развала коммунистической системы именно Запад в новом мире будет выступать главным источником междоцивилизационных трений и конфликтов, так как только Западу присущи претензии на универсализм и превосходство своей цивилизации над другими.

После развала социалистической системы на Западе наблюдаются признаки эйфории. Хантингтон предостерегает приверженцев западнического видения мира. «Было бы явной глупостью полагать, — пишет Хантингтон, — что Запад завоевал навечно весь мир» [229].

Хотя Хантингтон не приветствует экспансию Запада, он признает, что модернизация и экономическое развитие обладают неким гомогенизирующим эффектом и производят определенную общую современную культуру, весьма схожую с западной [77]. Однако, подчеркивает Хантингтон, «модернизация не тождественна вестернизации. Об этом свидетельствует опыт развития таких стран, как Япония, Сингапур и Саудовская Аравия. Единая цивилизация может быть только продуктом единой власти. Но европейская консолидация уже в прошлом. Американская гегемония слабеет... История не завершена, мир не един, цивилизации объединяют и разъединяют человечество» [229].

Хантингтон приводит Японию как пример удачного соединения экономического процесса и азиатской культуры. В Японии мы можем наблюдать адаптацию западной демократии к нормам и ценностям, принятым в конфуцианстве. Опыт развития Японии, Южной Кореи, Тайваня — это достаточно показательный прорыв незападных цивилизаций в современный мир.

Россию он относит, наряду с Турцией и Мексикой, к таким государствам, в которых общество разделено относительно своей цивилизационной принадлежности. Хантингтон назвал их «разрываемыми странами» — "torn countries".

Еще одним поводом к ликованию на Западе является триумфальное продвижение демократии по всему миру. Действительно, демократические партии приходят к власти в тех странах, где еще недавно это казалось невозможным. Хантингтон же призывает не обольщаться и считает, что не исключена возможность возврата авторитаризма в мире. И вот какие факторы, по его мнению, могут привести к этому.

1. Системные трудности функционирования демократических режимов, особенно в молодых демократиях, неспособность обеспечить благосостояние населения, социальную справедливость.
2. Мировой или региональный экономический кризис.
3. Разочарование элитарных групп в демократических ценностях.
4. Социальная и политическая напряженность, возникающая при осуществлении многих реформ в сжатое время.
5. Внешняя угроза.
6. Преступность и нарушение порядка, повстанческие движения, противоречивые или подрывные действия оппозиции и др. [231].

В настоящее время российских политиков и политологов также волнуют вопросы переустройства мира. В.В. Жириновский, обдумывая сложившееся в мире положение после Второй мировой войны, в своих работах продолжает в какой-то мере линию Х. Маккиндера и Н. Спайкмена в геополитике. Он пишет: «После Второй мировой войны СССР обладал стратегически лучшим геополитическим положением, контролируя Хартленд. СССР — Хартленд — был изолирован от мира системой военных блоков, причем в качестве главного изолятора выступило НАТО. Таким образом, именно НАТО выступало в Европе опорой геополитического мирового порядка холодной войны» [60].

Жириновский, анализируя сам термин «мировой порядок», выделяет две группы исследователей: группу «реалистов» и группу «либералов» в политике. К «реалистам» он относит Р. Никсона и Г. Киссинджера, которые рассматривают термин «мировой порядок» как взаимодействие уравнивающих друг друга по силе суверенных государств. Мировой порядок — результат стабильного распределения сил между ними.

К «либералам» он относит В. Вильсона и Дж. Картера, которые считают, что порядок возникает на основе широкого признания ценностей («демократии» и «прав человека»), а также международного права и таких организаций, как ООН.

«Реалисты» относят появление нового мирового порядка к осени 1989 г., когда произошли политические перевороты в Восточной Европе. Последовавший затем крах СССР положил конец старому биполярному миру.

Как и многие другие политологи, Жириновский отмечает, что старый порядок обеспечивал определенную стабильность. Холодная война обостряла некоторые конфликты в третьем мире, но экономические противоречия между США, Европой и Японией сглаживались общей конфронтацией с СССР. Советское присутствие в Восточной Европе не давало разгореться этническим распрям [60].

В современный период многие ученые озабочены вопросами, какая стратегия будет превалировать в посткоммунистический период во взаимоотношениях супердержав и какой новый мировой порядок установится вследствие этого. Изучением именно этих вопросов занимается известный геополитик З. Бжезинский. В своей работе «Большой провал» он анализирует причины краха системы социализма и пробует прогнозировать новые отношения в политическом мире [15]. Книга писалась с 1988 по 1989 г. Сам Бжезинский отмечал, что даже за время написания книги ситуация развала социалистической империи сильно продвинулась. События и дальше протекают с неумолимой скоростью. В 1994 г. Бжезинский выпускает новую работу «Преждевременное партнерство», в которой анализирует действия, предпринимаемые США для установления нового мирового порядка в самое последнее время.

Рассматривая действия США, Бжезинский считает, что нынешняя американская геополитика не является эффективной, поскольку она основана на ошибочных представлениях. Сложившуюся при президенте Клинтоне стратегию автор объясняет непониманием тех процессов, которые происходят в России. Бжезинский считает, что новый мировой порядок по-прежнему во многом будут определять отношения США с Россией. Существующая на сегодняшний момент точка зрения предполагает, что перспективы развития устойчивой русской демократии, основанной на рыночной экономике, благоприятны. На этом основании во всех американских средствах

массовой информации рассматривается возможность партнерства между Россией и США [226].

Но Бжезинский считает такое партнерство преждевременным. По его мнению, имеются серьезные аргументы утверждать, что российская демократия еще далека от стабильности. Его очень поражают факты авторитаризма, сильное влияние военных на внешнюю политику. Принцип компромисса не вошел в русскую политическую культуру в качестве основы для решения важных политических вопросов. Экономический кризис, низкий жизненный уровень населения также не способствуют принятию демократических процессов в странах с «молодой» демократией.

Очень беспокоит автора еще сохранившийся с прежних времен имперский импульс России, выражающийся в стремлении сохранить и возродить контроль над всей бывшей советской империей. Проводимые в последние годы социологические опросы показали, что большинство в России недовольно распадом СССР и потерей влияния на бывшие советские республики. Автор иллюстрирует свои высказывания перечислением «горячих» точек в Молдавии, Крыму, Осетии, Абхазии, Грузии, Таджикистане, где не обошлось без участия России.

Бжезинский отмечает, что политика России в отношении других государств — членов СНГ имеет две тенденции: ограничить их экономическую автономию и помешать созданию собственных вооруженных сил.

Значительная часть государственной бюрократии, особенно военной, продолжает руководствоваться имперскими импульсами и пользуется достаточной поддержкой определенной массы в российском обществе.

Эти силы не считают приемлемым, что Центральная Европа стремится к интеграции и вступлению в Евроатлантический союз. Этот район воспринимается ими как сфера российских интересов. Россия хотела бы ограничить интеграцию Европы преимущественно западной частью континента. Россия, используя российско-американское партнерство, может вновь стать сильнейшим государством Европы. Центральная Европа, для которой Россия добивается статуса зоны безопасности, в случае конфедерации бывших советских республик стала бы сферой влияния России.

Новое намечающееся партнерство Америки и России, особенно в военных и геополитических вопросах, может быть воспринято союзниками отрицательно. Германия и Франция могут усмот-

реть в этом предательство европейских интересов. Следовательно, такая политика может привести к потере Западом тех преимуществ, которые были получены в результате победы в «холодной войне».

Бжезинский рекомендует США придерживаться другой стратегии: «Главной целью реалистической и долговременной великой стратегии должна стать консолидация геополитического плюрализма в бывшем СССР».

По его мнению, геополитический плюрализм сделает из России доброго соседа для других государств, с которыми она сможет сотрудничать в «общем экономическом пространстве» и не сможет доминировать среди них политическим и военным путем.

Бжезинский настоятельно рекомендует США более сбалансированно распределять финансовую помощь между Россией и другими суверенными государствами, не делая крен в сторону России. Условием получения помощи должен стать отказ России от стремления какими-либо путями подчинять себе бывшие советские республики.

Автор советует убедить Россию в том, что расширение НАТО на восток не будет направленно против нее. Приближение НАТО к границам России не должно ее беспокоить. Он считает, что это продвижение будет способствовать более быстрой модернизации и расцвету России [226]. Окончательно все точки над *i* Бжезинский ставит в своей работе «Великая шахматная доска» [226]. Смысл этой работы — обоснование геополитического господства США и подавление опасных конкурентов США в этом нелегком деле.

Многим нашим прекраснодушным либералам следует снять розовые очки и перечитать эту работу американского профессора. То, что он писал в своих прежних книгах, непременно проводилось в жизнь администрацией США.

Так что высока вероятность овеществления именно его планов, а не тех душещипательных идей, которые была вынуждена высказывать Америка в годы, когда мы не боялись противопоставить силе силу.

В настоящее время исследователи психологии масс все чаще обращаются к теме терроризма, внушающего ужас своим размахом и многочисленными жертвами среди ни в чем не повинных людей.

Терроризм — это довольно страшное слово, вызывающее ассоциации со словом «терра» — земля. Терроризм можно определить как вид деятельности, сравнивающий живое с землей в результате

действий группы людей. По мнению специалистов, терроризм представляет собой специфическую форму вооруженного насилия. Терроризм, по мнению известного исследователя явления Б. Дженкинса, — это индивидуальные акты насилия или компания насилия, возбуждающие чувство страха у большого количества людей.

Автор выделяет в нем несколько аспектов: политический, военнотехнический, моральнопсихологический и юридический. Первый проявляется в провоцировании вооруженного мятежа, восстания или военного переворота или в шантаже, нагнетании страха, в политических убийствах, создании хаоса в функционировании систем связи, жизнеобеспечения и транспортных средств [80].

Военнотехнический аспект предполагает широкое применение заказных убийств с многочисленными жертвами, захват заложников и расправу с ними, взрывы в авиалайнерах, автобусах, на стоянках транспорта. Умело пользуясь новейшей современной техникой и технологией и ставя главной целью привлечение к себе внимания, террористы устраивают расправы громко и шокирующекроваво. Общечеловеческие ценности и нормы не существуют для терроризма. Он отрицает основное право человека — право на жизнь. Жертвами террористов часто становятся совершенно случайные люди, перед которыми убийцы появляются неожиданно, непредсказуемо. Террористы, как правило, продумывают сценарий своих действий, поэтому для них важным является момент психологического прессинга, включающий в себя манеру поведения, необычную одежду, маски или раскрашенные лица. Угроза применения насилия, по мнению Дженкинса, чревата напряжением, возбуждающим чувство страха у большого количества людей.

Наиболее сложным является юридический аспект терроризма. Сложность различия понятий «террорист» и «борец за свободу», обусловленность подхода к этому вопросу идеологическими позициями в течение ряда лет во многом блокировали антитеррористическую деятельность ООН и других международных организаций.

Сейчас уже многие задаются вопросом: не таит ли в себе терроризм угрозу цивилизации вообще, не станут ли следующим этапом террористического движения преступления против важнейших жизненных коммуникаций? Во всяком случае, очевидно одно: терроризм по своим масштабам превзошел экстремистские движения прошлого [80].

По поводу этого явления хочется добавить несколько строк.

Терроризм — это серьезнее, чем мы думаем. Диалектику модно было охаивать в последние десятилетия, но нельзя отменить ее законы. Противостояние США и СССР не исчезло с поражением СССР, оно перешло в другую форму. Претензии США на мировое господство вызывают диффузный ответ, т.е. не государства, чья значимость снижается в процессе глобализации, а более мелкие социальные структуры и отдельные люди будут вынуждены вооруженным путем отвечать на вызов эпохи. То, что западный мир будет называть терроризмом, на кухнях многих континентов станут называть борьбой за справедливость. А чем заканчиваются кухонные разговоры, мы хорошо знаем на собственном примере. Дай Американский бог США удержать свои либеральные ценности в неизбежно предстоящем столкновении с мировым терроризмом, но я считаю, что это невозможно, и мы еще увидим диктатуру а ля Америка.

«Глупым было бы считать,— пишет Хантингтон,— что США будет всегда первенствовать в мире». Так же глупо считать, что США отдадут свое реально существующее сегодня первенство без борьбы. То есть без войны.

Одним из наиболее ярких проявлений стадности можно считать состояние паники. Оно всегда сопровождается стрессовые явления, приводя к бесчисленным жертвам, намного превышающим жертвы от самого явления. Ярким тому подтверждением служат пожары, стихийные бедствия, паники на стадионах, появление полиции при разгоне демонстраций. Люди давят друг друга, хотя можно было бы разойтись без жертв.

В связи со скачками цен, нестабильностью власти и т. п. людей в наши дни непреодолимо тянет на улицу, в толпу, чтобы не оставаться один на один с мучительными проблемами, найти спасение от неуверенности в объединении. Однако это иллюзия, так как в толпе страх усиливается, множится. В период безумного скачка цен августа 1998 г. люди начали сметать с полок магазинов все что было можно. В магазине «Детский мир» в Москве одна покупательница укусила за руку продавца, который не давал ей купить столько игрушек, сколько она набрала в отделе. Таков был исход паники, охватившей всех и вся.

Возникновению паники способствуют четыре группы факторов, как считает Д. В. Ольшанский. К первой он относит повышенную восприимчивость к пугающей информации, ко второй — физиоло-

гические условия, связанные с недоеданием, усталостью, плохой работой транспорта. С третьей группой он связывает психологический стресс: шок, испуг, удивление, — который может протекать в условиях отсутствия хорошего управления, скверной идеологии, что составляет четвертую группу факторов.

Начало панике задает какой-нибудь шокирующий стимул (сирена, выстрел, взрыв). Реакцией на это становится всеобщее желание убежать быстрее и дальше всех. Люди превращаются в человеческое стадо, гонимое громкими ударами хлыста. Как показывает статистика, наибольшее количество жертв происходит в результате паники, которую можно рассмотреть как иррациональное поведение массы людей, бессознательность и стадность. Автор предлагает некоторые приемы воздействия на толпу людей в условиях экстремальности и стресса [116].

В современный период достаточно часто наблюдается такое явление, как преломление всемирно известных и признанных психологических теорий к определенным политическим желаниям и интересам. Примером такого подхода может служить работа В. Ф. Сержантова «Коллективное бессознательное и президентские выборы 1996 года». С использованием концепции К. Юнга в работе выписан политический и психологический портрет первого президента России Б. Ельцина. Президент характеризуется Сержантовым так: «Основными компонентами психологической структуры личности Ельцина является нарциссизм, агрессивность и авторитарный характер» [159].

Сущность такого характера, по мнению автора, состоит из властолюбия, инструментально-манипулятивного отношения к людям и стремления причинять им страдания (компоненты садомазохизма). Мазохизм президента иллюстрируется «стремлением угодить господам Колю, Бушу, Клинтону».

Анализируя личность президента, Сержантов связывает с ним процессы, происходившие в России в период его правления, неспособность власти удовлетворить потребности населения. А вот КПРФ и ее лидер Г. Зюганов представлены как вариант, в наибольшей степени адекватный основным психологическим чертам русского народа — «его коллективизму, антиэгоистическим установкам, его милосердию и жертвенности» [159]. Далее, присовокупив к авторитету Юнга свой, Сержантов достаточно настойчиво призывает русский народ объединиться под сенью КПРФ.

Из современных рускоязычных политических психологов можно назвать Е. Б. Шестопал, А. И. Юрьева, Г. Г. Почепцова, К. С. Гаджиева, О.С. Дейнека, И.А. Василенко, некоторых других. Особняком стоят сильные работы А. С. Панарина. В противовес этим серьезным исследователям появилось множество телеполитологов, несущих чепуху в прямом эфире, часто с уклоном в эзотерику и прочую трансцендентальность. Либо эти люди вынуждены говорить для воздействия на толпу лишь то, что предлагают им озвучивать хозяева телеканалов, либо — не знаю что и подумать. Очень жалко В. Познера — каково-то ему, умнице, все это выслушивать!

Но продолжим. К сожалению, анализ работ данных авторов не вошел в эту книгу, а вот политолог Г. Розмозер в статье «Пути либерализма в России» пишет, что в России перемены в государственном устройстве означают, по крайней мере, культурную революцию, поскольку сознание людей складывалось в условиях нищеты и коммунистической диктатуры. А либерализм предполагает наличие индивидов, которые вместе с остальными членами общества сознают, что хотят они лично и что выгодно всему обществу. Таких индивидов нет в сегодняшней России, и поэтому освобождение ее от тоталитарного коммунизма имеет своим следствием только хаос. В такой ситуации либерализм в России не поможет ограничить и свести к минимуму всемогущество государства. Поскольку цель либеральной концепции — это мир без власти, то в России либерализм непригоден ни как метод, ни как терапия.

Факторы социальной напряженности в России, как считают некоторые политологи, кроются в тоталитарном подавлении попыток социальных групп отстаивать свои права, в длительном латентном социальном напряжении. Это проявилось в недобросовестном отношении к труду и гражданским обязанностям, породило апатию основной массы работающего населения, воровство и пьянство. К тому же, ситуацию осложнили и непоследовательность, половинчатость и противоречивость проводимых преобразований. Основной массе трудно разобраться в политических баталиях, она верит, что каждый новый начальник или вождь сможет улучшить жизнь, но этого не происходит. Наступают разочарование и апатия [172].

Жизнь общества можно исследовать, как минимум, с двух методологических позиций: двигаясь от статистических структур и институтов власти — и от динамики политических процессов, определяемых обычно спонтанной активностью широких масс и пронизанных свободным полетом их политических настроений. Еще

Аристотель, обращаясь к понятию «политическое настроение», связывал его с мятежами, направленными на свержение власти, с политическими смутами и междоусобными войнами. Он учил: «Во-первых, нужно знать настроение лиц, поднимающих восстание, во-вторых, — цель, к которой они при этом стремятся, и в-третьих, чем собственно начинаются политические смуты и междоусобные распри» [115].

В целом массовые политические настроения — это субъективная оценка действительности, как бы пропущенная сквозь призму интересов, потребностей, притязаний и ожиданий того или иного множества людей, массы. Такие настроения быстро распространяются. Они крайне заразительны, и над ними затруднен прямой контроль со стороны сознания. Они легко и быстро объединяют людей, находящихся в сходном положении, формируя чувство «мы», как правило, направленного против неких «они».

Чаще всего, однако, современные исследователи человеческой агрессии изучают ее проявление на уровне межличностных отношений, сводя проблему к тому, чтобы показать отдельным индивидам, как вести себя в условиях прямого столкновения с потенциальным агрессором. Сегодня можно вполне определенно утверждать, что существует четыре основных варианта, или способа, физиологического контроля за агрессией: хирургическое удаление отдельных участков мозга, мозговая электростимуляция, изменение гормонального баланса организма и фармакотерапия. Но вряд ли можно всерьез сегодня говорить о массовом внедрении этих методов для борьбы с толпой в состоянии агрессии [153].

Субъектом массовых настроений является масса как совокупность людей, объединенных на основе общих действий и общих факторов, побуждающих к таким действиям. Эпоха сталинизма и период застоя создали предпосылки для массового недовольства системой. В одном случае это была боязнь завтрашнего дня, в другом — сильное ухудшение экономического положения. Притязание на очередное чудо времени перестройки тоже оказалось мифом, что приносит массам новые страдания. Это осознается быстро, и массы приходят к панике, разочарованию. Наша и мировая история пестрит случаями такого рода социальных ожиданий, которые чреватые потенциальными взрывами неуправляемых настроений масс [115].

Разумная политика в 1917 г. не имела никаких шансов; массы в восторге подхватили самые нелепые лозунги. Парадоксальность победы революции, называвшей себя пролетарской, в стране, где по-

что не было пролетариата, где еще не успели развиваться буржуазные противоречия, выход из которых обещал социализм, была очевидна. Однако в этом безумии была своя система, своя логика: логика воли к разрушению, которая нуждалась в великой иллюзии, чтобы оправдать себя. Иррациональность поведения масс очень хорошо наложилась на образ Ильича, который сочетал в себе фанатическую веру в идею и трезвый политический расчет.

Таким же иррациональным оказался крах большевизма и связанный с ним крах СССР. После Великой Отечественной войны официальная идеология была черно-красной похлебкой, смесью шовинизма с марксизмом. Эта мешанина становилась то краснее (при Хрущеве), то чернее (при Суслове), но всегда регулировалась сверху. Никакой внутренней системы в ней не было, и как только началась гласность, варево распалось на свои компоненты. Советский Союз — государство многих неоформленных наций, управлявшихся из Москвы. Во многих углах дремали подавленные местные страсти. Поиски «козла отпущения», на которого можно свалить все грехи революции, в России направлялись против «жидо-масонов». Но в нерусских республиках «козлом отпущения» становились русские, «москальи». Взрывы антиимперских страстей, сами по себе иррациональные, несли в себе частичку исторического разума [130].

Политическим мифом последних лет стал суверенитет. Один из самых удачных политических ходов Ельцина — использование этого мифа. Россия РСФСР победила Россию СССР. Незрелая свобода — это пропасть, в которой гибнет государственность. В августовские дни произошли сдвиги массового сознания. Ельцина поддерживали десятки тысяч людей, рванувшихся к Белому Дому, в порыве соединились все народы, все профессии, вселенская идея свободы впервые действовала на площади. Возникла направленная цепочка неожиданностей, по которым история карабкается с одного уровня на другой; люди борются с новыми трудностями и делают новые глупости.

Для существующих ныне концепций власти характерно разноеобразие. Для Т. Гоббса, например, власть — это средство достичь блага в будущем. Р. Даль считал, что власть дает возможность одному человеку заставить другого делать то, чего он по своей воле не сделал бы. Результаты этого могут быть как положительные, так и отрицательные — когда применяющий власть выигрывает, а объекту ее применение причиняет вред [19].

Можно спорить о числе верящих в идею и лидера, о глубине их веры или неверия. Но вся история деспотизма свидетельствует, что сам деспот нуждается в идеологическом оправдании своих действий; без людей, принимающих данную идеологию, послушных воле диктатора, более того, находящих оправдание террору, проведение в жизнь его «неистовства» было бы невозможно. Система уродует мировосприятие человека, и жертва находит оправдание тому, что происходит [69].

Как считает академик Н. И. Моисеев, коммунизм никуда не ушел, ибо он никогда и не появлялся, а всегда в той или иной форме присутствовал в спектре человеческих стремлений. В течение жизни двух-трех поколений у людей выработалась привычка и склонность жить в условиях гарантированной стабильности, минимума заработной платы, что в результате привело к не лучшей ситуации на рынке труда. Моисеев считает, что в ближайшие годы возможны два варианта развития событий. Он называет их вариантами «слабой» и «сильной» власти. Эти термины, конечно, условны, но всем понятно, что ныне (т. е. в 1993 г. — В. Б.) власть слабая, так как законы не уважаются. При таком развороте событий, как сейчас, напряженность будет расти. Уже сегодня стабильность весьма относительна. Ситуация будет усугубляться отсутствием лидеров, так как людей с общенациональным рейтингом в России сейчас просто нет, а значит, некому будет удерживать общество от срыва. Власть должна созреть. Если этот процесс возникнет, то он будет протекать в условиях российского безвластия. Власть постепенно может утвердиться лишь опираясь на какую-то общественную силу, на систему взглядов общества. Необходимо ясно сказать народу, чем он жертвует и ради чего. Только сильная власть, обладающая ясными целями, способна сплотить народ, вселить в его душу веру в будущее, остановить разрывывание национального достояния и падение производства, создать внутренний рынок — основу процветания экономики. По какому бы сценарию ни разворачивались события, люди будут опираться на сильную власть [103].

Тема политического лидерства привлекает внимание ученых разных мировоззрений и научных интересов на протяжении многих веков. В тайну этих феноменальных людей пытались заглянуть и Аристотель, и Монтескье, и Макиавелли, и Лебон, и Токвель, а также Моска, Михаэле, Парето, Лассвел и др.

Современные исследователи часто возвращаются к анализу представлений о лидерах, принадлежащих великим философам прошлого. Часто цитируется Макиавелли, который утверждал, что если цель исторически прогрессивна, приводит к установлению порядка, при котором можно спокойно жить и работать основной массе населения, то народ «забывает» средства ее достижения. «Пусть князь заботится о победе и сохранении государства — средства всегда будут считаться достойными и каждым будут одобрены, потому что толпа идет за видимостью и успехом дела», — пишет Макиавелли [91]. Он задолго до психоаналитиков увидел бессознательные механизмы, которые управляют толпой; учил князей, как ими пользоваться с пользой для себя и государства. Подчеркивается, что Платон, Аристотель и другие античные мыслители прославляли убийц-тиранов, т. е. исходили из оправданности насилия, используемого в подобных целях. В этом же отношении упоминается и Макиавелли, который писал, что умный политик должен быть одновременно и львом и лисой. При определенных условиях для пользы дела он допускал и акты насилия [61].

Идеологи якобинцев оправдывали ужасы террора крайними обстоятельствами, необходимостью спасения республики в условиях контрреволюционных мятежей, заговоров, убийств вождей революции (Марата, Шалье и др.). Для Маркса и Энгельса «насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым». За классиками последовал многочисленный отряд людей, столь же просто относящихся к насилию над массами, расстрелам, ГУЛАГам. Неоправданность подобных концепций становится все более и более очевидной с точки зрения авторов статей, приведенных ниже.

Ж.-Ж. Руссо и Д. Дидро — французские философы-просветители XVIII в. — отстаивали свободу, равенство и братство всех людей, считали, что народ имеет право на свержение тех правителей, которые нарушили его суверенитет.

Л. Н. Толстой писал: «Люди, христиане не должны ни содействовать убийству, ни готовиться к нему, ни убивать кого бы то ни было». Абсолютными противниками войн являются пацифисты (М. Ганди, М. Л. Кинг, Дж. Шарп), которые отвергают не только войны, но и все другие формы насилия. Однако на деле это в чистом виде оказалось невозможно. Символично, что иногда и сами эти люди подвергались насилию и даже насильственной смерти. Поэтому, по мнению И. Ю. Залысина, автора статьи, для

общества необходим наилучший баланс добра и зла, а не абсолютное отвержение насилия.

Политическое лидерство современными исследователями представляется как сложный, многогранный процесс, в котором можно выделить несколько аспектов: лидерство в экономике, культуре, спорте, военной области, преступной сфере и т. д. Особое место занимает политическое лидерство, так как в общественной жизни оно наиболее зримо, значимо влияет на ход и исход событий, затрагивающих интересы, планы, ориентации, судьбы значительного числа людей [1].

Политический лидер, выражая и реализуя интересы определенных социальных групп и слоев населения, воздействуя на умы и сердца людей, выступает одним из важнейших регуляторов социальной общности. Общенациональный лидер может придать деятельности масс созидательный или, напротив, разрушительный характер, повести страну по пути эффективных реформ, процветания или создать тупиковую ситуацию, чреватую застоем, деградацией, дестабилизацией общества.

Никакого общепризнанного определения политического лидера нет. Ж. Блондель подчеркивает, что по сути и по форме это есть феномен власти. Он рассматривает лидерство как способ ее организации, основанный на умении сплотить массы в совместной деятельности. Джексон и Розенберг сравнивают политического лидера с капитаном корабля, который осуществляет навигацию, управляя кораблем в его движении к заданной цели.

Такой разброс мнений, считает Г. А. Авцинова, свидетельствует о многомерности и многогранности этого феномена. В теории черт лидером является человек, обладающий совокупностью определенных качеств, которые и выделяют его из числа рядовых в толпе. В этом списке перечисляются сотни качеств, нередко взаимоисключающих друг друга. Такое обилие их возникает потому, что разные эпохи, общественно-политические силы наряду с общими требуют лидеров со специфическими качествами.

Концепция лидерства слабо отражает тот факт, что не только ситуация порождает лидера, но и сильная личность способна создать ситуацию. Иногда тайна лидерства кроется не в личности, а в запросах, ожиданиях последователей, ведомых, принимающих или отвергающих лидера. Им становится человек, наиболее успешно осуществляющий ориентацию на других. Фромм метко называет такого деятеля «флюгерным».

Фрейд и его последователи рассматривают лидерство как определенный вид помешательства, невроза. По свидетельству биографов, доверять которым, впрочем, можно далеко не всегда, известные политические деятели страдали теми или иными психическими отклонениями (Наполеон, Робеспьер, Линкольн, Рузвельт, Гитлер, Сталин и др.).

Каждый лидер обладает специфическими чертами характера, методами руководства, воздействия на массы, способами достижения поставленных целей. По масштабности различают лидеров общенациональных, определенного класса, тех или иных социальных слоев. Лидеров разделяли на львов и лис (Парето). Тип политика-лисы соединяет в себе такие качества, как умение лавировать, предугадывать ход событий, скрывать свои истинные цели, намерения, быть хитрым, осторожным, уметь не попасть в расставленные капканы, запутать свои следы и т. д. Политики-львы чаще всего действуют прямолинейно, методом силового давления и чаще всего попадают в капкан. Их основной принцип — сокрушить противника в решающий момент в открытом бою. Идеальный тип — политик, обладающий сокрушающей силой и твердостью льва, ловкостью и хитростью лисы. Явление это встречается весьма редко.

Г. А. Авцинова, ссылаясь на работу М. Г. Берис, разделяет лидеров на две категории: преобразователей и дельцов. Первые действуют в соответствии со своей концепцией общественного развития. Вторые сосредоточивают внимание на деталях, без формирования глобального взгляда на то, каким должно быть общество в конечном итоге.

Большое влияние на исследователей оказала типология, разработанная в свое время немецким философом и социологом М. Вебером. Он выделил традиционное лидерство, основанное на вере в святость и неизменность традиций; харизматическое лидерство, опирающееся на веру в исключительные способности вождя, который обладает харизмой, ниспосланной ему Богом; рационально-легальное лидерство, основанное на вере в законность существующего порядка, избрании и деловой компетенции индивида.

Польский политолог Е. Ветр по отношению к идеологии дополнительно выделяет типы лидера-идеолога и лидера-прагматика. Первый верен идеологии своего движения даже при угрозе потери власти и влияния, второй способен отказаться от идеологических принципов во имя сохранения власти. В зависимости от отношения к сторонникам лидер-харизматик формирует волю других, ли-

дер-представитель выражает волю тех, кто за ним стоит. По отношению к противникам Ветр выделяет типы лидера-соглашателя и лидера-фанатика, стремящегося к максимальному обострению конфликта, уничтожению противника любой ценой. В зависимости от степени, в которой политик способен пересмотреть ранее сформированные суждения, учитывать чужие мнения, воспринимать критику в свой адрес, Ветр выделяет открытого лидера и лидера-догматика. По отношению к власти можно выделить оппозиционного лидера и властвующего лидера. Оппозиционный тип, в свою очередь, подразделяется на два подтипа: конфронтационно-оппозиционный подтип, непримиримый противник данной власти, стремящийся свергнуть ее во что бы то ни стало, и конструктивно-оппозиционный подтип, критикующий данную власть, но не ориентированный на ее немедленное свержение. Властвующие лидеры условно разделяются на два подтипа: эгоцентрический и социоцентрический. Эгоцентрический ориентирует власть на себя, рассматривая ее как инструмент компенсации неполноценности, изначальных физических или психических недостатков личности, которые мобилизовали ее на большие достижения. Власть он может рассматривать также и как средство получения материальных и нематериальных благ или как способ господства над другими, получения удовольствия от чьей-то зависимости по отношению к себе. Социоцентрический лидер главный смысл деятельности видит в служении делу, Родине, выполнении общественного долга. Кроме того, эгоцентрические и социоцентрические мотивы не обязательно должны исключать друг друга. Можно одновременно испытывать желание служить Отчизне, народу и прославиться, разбогатеть [1].

По методам достижения поставленных целей можно выделить политика-реформатора, сторонника постепенных, плавных, эволюционных методов, и политика-революционера, приверженца крутых, радикальных методов; реалиста, учитывающего лишь возможные в данной ситуации средства достижения цели, и авантюриста, ориентированного лишь на иллюзорные средства, за которыми порой теряется и сама цель.

По отношению к деятельности можно выделить типы лидера: реалиста, фанатика и романтика. Реалист исходит из объективной реальности, какой бы хорошей или плохой она ни была, из соотношения сил. Фанатик руководствуется своими идеологическими устремлениями, навязывая их обществу, совершенно не считаясь с реальностью. Романтик на первых порах может воодушевить, увлечь

массы какой-либо яркой идеей, обещаниями скорейшего воплощения мечты в жизнь. Неизбежные трудности приводят романтика к растерянности, он действует порой необдуманно, поспешно. Такова типология политических лидеров масс, которую нельзя назвать полной. Реальная политическая практика всегда богаче, и она порождает чаще всего комбинированные типы лидеров и их различные модификации.

Как известно, личные качества отличают одного индивида от другого, и те воздействуют на политические события бесчисленными путями. Вот, например, что было бы, если бы в 1953 г. будущий президент Ф. Д. Рузвельт был убит? В этом случае его место занял бы консерватор Д. Н. Горнер, и результаты его правления изменили бы весь ход американской истории, приведя к крушению демократии. Есть и еще более выразительный пример. Исследователи истории XX в. склонны согласиться с Троцким, считавшим, что Октябрьская революция не могла бы осуществиться (во всяком случае, в то время, в какое она произошла) без лидерства Ленина в массах с характерными только для него специфическими качествами [44].

Несомненно, что великие люди, являясь частичкой отражения своего народа, нарушают эволюционный ход его развития. Нельзя быть вождем народа, не воплощая его мечтаний. Напомним, что Моисей олицетворял собой в глазах евреев жажду освобождения от египетского рабства. Будда сумел понять и выразить в религии потребность в любви и жалости, которые в эпоху всеобщего страдания начали проявляться в мире. Магомет осуществил объединением религий политическое объединение народа, разделенного на тысячи враждебных племен.

Итак, мы видим, что феномен толпы знаком истории с давних времен, хотя впервые он был введен в права гражданства чуть более ста лет назад французом, социальным психологом Г. Лебоном. После него этот социальный феномен начали изучать академически мыслящие социологи и психологи, анализируя экономические, социальные и политические факторы, лежащие, по мнению марксистских исследователей, в основе рождения масс. Психологией масс кроме социальных психологов занимались специалисты достаточно широкого круга профессий. Это философы Дюркгейм, Зиммель и Вебер, естествоиспытатели Вернадский, Гумилев и Тейяр де Шарден, психоаналитики Фрейд, Адлер, Фромм, Хорни и Юнг, медики Бехтерев и Ковалевский. Тему нашли для себя интересной и политики: Маркс, Энгельс, Сорос, Ганди, Маккиндер, Спайкмен, Хантинг-

тон, Бжезинский, Жириновский, политические психологи Лассвел, Солдатов и Гаджиев. Их позиция по отношению к массам широко варьировалась — от полного осуждения «преступной толпы» у Сигеле, «животного, сорвавшегося с цепи» у Московичи до подчеркивания героического начала действий и поступков у Лебона, Московичи (!) и Бехтерева. При этом Лебон уточнял все же, что по-настоящему толпа не может быть революционной, поскольку она управляется бессознательным. Московичи пишет, что толпа — это не сосредоточение темных сил, у революционных масс — высокие идеи. Но вожди берут их в плен. Народ хочет плена, он берет власть и отдает ее вождю.

Мнение ученых по некоторым вопросам функционирования толпы было достаточно единодушным. Так, все они считали, что приход человека в толпу означает для него отказ от ответственности и от индивидуальности. В толпе он проявляет свои бессознательные инстинкты, разряжая накопленное напряжение жизни, и снижение интеллекта. Размах движения прямо пропорционален величине групп. И чем больше собрание людей, чем шире масштабы происходящего, тем больше торжествует косность, инертность и консерватизм в движении масс.

В толпе человек ищет равенства всех со всеми, от окружающих он заражается определенным настроением, жадой подвигов или паническими страхами, называемыми «революционным неврозом». Он подражает себе подобным во всем — и в жестокости, и в легковерности.

По вопросу о причинах движения масс среди авторов нет такого единодушия. Фрейд и Эбинштейн, например, считают, что в толпу людей гонит одиночество. Юнг находит, что индустриальная революция, оторвав человека от природы, от естественных форм его существования, перекрыла пути для выхода иррациональных сил. И для того чтобы такой выход все-таки произошел, человек «выпускает пар» своих бессознательных инстинктов в толпе, где это может произойти безнаказанно. Там же он успешно переносит свои недостатки (тьма) на других людей и получает облегчение. Таковы противоречия природы и культуры.

По мнению Канетти, обычный человек боится прикосновений к нему другого человека. Понимая это как свой недостаток, он смешивается с такими же людьми в толпе, и, будучи стиснутым со всех сторон другими телами, он избавляется от страха прикосновения. «Что заставляет людей сбиваться в стаю, что побуждает их не выпа-

дать из массы и подчиняться власти? Смерть. Власть держится на смерти, на миллионе смертей. Человек ее боится, и одна из лазеек, через которую он может ускользнуть от нее и выжить, — это власть».

Ортега-и-Гассет усмотрел в движении масс желание «переделить» достижения цивилизации по-новому. Творческое меньшинство изобрело многие уникальные блага, способные украсить жизнь и облегчить ее. Из-за увеличения численности населения массы начали заполнять те благоустроенные пространства, которые раньше предназначались для избранных, аристократов, вытесняя их методом прямого насилия. Почувствовав вкус первых побед и свое могущество, широкие слои населения устремились к политическому господству. Автор видит опасную сторону такого шага и предупреждает об этом.

Тард считает, что в толпу человек идет из любопытства. Затем он заражается общим настроением, которое множится, если мнения в толпе совпадают, и алгебраически взаимно уничтожается, если расходятся. Настроение — это не сумма мнений толпы. Аристотель придерживается мнения, что туда толкает его политическая нестабильность, смуты и мятежи, и с этим совершенно согласен Ольшанский, наблюдавший в наши дни поведение людей во время экономических кризисов. Подавление социальных прав, половинчатость решений, нестабильность режима (Сперанский) ведут к волнениям, социальным бурям, к мятежам и всеобщей тревоге. Столь деструктивное поведение, по Фромму, может быть продиктовано недостаточной независимостью мышления, крушением веры, социальной импотентностью, склонностью к садизму.

Поппер пишет, что Аристотель, Платон и Гераклит своими философскими работами невольно подготовили идейную базу для расизма, фашизма и марксизма, для всех тоталитарных режимов. Социальные движения он считает проявлением гниения и распада. Более эффективными являются научные споры, а не войны. Тоталитарные режимы опираются на личности, которые воспитывались в авторитарных семьях (Райх), где подавлялись и изгонялись сексуальные побуждения ребенка. Привыкший к подчинению и рабству, такой человек ищет сильного покровителя в семье и обществе.

Отечественный исследователь Гумилев объясняет общественные движения переизбытком в народе пассионариев, которые нарушают инерцию толчками, собрав энергию внешней среды и выдав ее в виде работы. А по Тейяру де Шардену, на Земле наступил кри-

зис, связанный с ее перенаселением. В связи с этим происходит взаимопроникновение народов, притирание их друг к другу. Каждый хочет свою порцию меди и золота, других благ. Военные действия борьбы за передел ставят вопрос о необходимости врага. Человек — животное, и толпа — среда его развития. Зло становится стимулом к развитию. Сигеле находит, что доброта пассивна. А Поппер уверен, что доброта всегда открывает дорогу тирану. Человек становится геополитической силой и чувствует это (Вернадский). Наука и человеческий труд смогли изменить биосферу на ноосферу, которая дает большие возможности человеку, в этом Вернадский более оптимистичен, чем Шарден.

Также разнятся представления ученых и о лидерах толпы. Для осознания монолитности социального потока людям достаточно совпадения мнений по некоторым важным для них вопросам. Обеспечить это может наличие сильного лидера, который взял бы на себя ответственность за происходящее, и тогда они пойдут за ним везде, хоть на смерть, хоть на праздник. Они способны выполнить любой приказ — ведь ответственность с них снята им, лидером, отвечающим за все. Такой лидер появляется в периоды развития общества, отмеченные наибольшим количеством нарушений, сбоев, сложных проблем. Будучи достаточно «флюгерным», по выражению Фромма, он настраивает массы в русле их интересов, целей и мотивов. От нищеты духа люди толпы согласны на любые действия, лишь бы иметь гарантированный кусок хлеба. Они согласны жить по распределительному закону, не требуют многого, и вожак обещает им все необходимое дать. Сильный и даже жестокий, он за это требует полного подчинения, лишая свободы выбора — главного в жизни любого человека.

Именно такой подход характерен для государств, называемых тоталитарными. Постоянное увеличение контроля за гражданами — главная черта тоталитаризма. Он не оставляет для человека ни выбора, ни прав устраивать свою жизнь. К этим государствам относят социалистические, коммунистические, а также националистические (фашистские) режимы. В государствах подобного рода нет демократических свобод, нет равенства, нет справедливости. Зато в изобилии мифы о вожаке, в которых он представляется как наместник бога на земле, непререкаемый авторитет, каким бы жестоким и несправедливым он ни был на самом деле. Легенды и иллюзии — обязательное условие существования харизматического лидера. Под его руководством и при его участии создается определенный государственный строй и целая система символов власти,

призванная являть бесконечное уважение, любовь и почитание. Чего стоят только одни парады, церемонии, экзальтация масс от демонстрации силы строя и его властелина.

О коммунизме и фашизме многие высказывались как о государственных системах, построенных на принципах идеологии толпы (Поппер, Сорос, Райх, Юнг). Это — «абсолютная монархия» (Юнг), «враг открытого общества с монополией на истину» (Сорос). Еще у Лебона мы читаем, что люди в толпе рады покоряться, переходя от рабства к анархии. На принципах идеологии толпы построена и религия. Заражение энергией экстаза, тотема и «маны» происходит во время каждой встречи, каждого ритуального действия.

Совокупными усилиями ученые создают тезаурус тех приемов, которыми вожди добиваются успеха в управлении массами. Здесь нет места уважению личности, нет желания объяснять и советовать. Безапелляционно и категорически, грубо и властно вождь подчиняет себе аудиторию. Преувеличенные чувства его рожают подобные и у слушателей, которых он возбуждает и сплачивает. Любые попытки раскола или проявления плюрализма должны им пресекаться немедленно. Только «моноидеизм». Только безоговорочное подчинение, преклонение перед силой, которой вождь дает свое имя. Неясность употребляемых терминов, многочисленные мифы, иллюзии и утопии только усиливают производимое им впечатление. Он обольщает словом и подавляет страхом.

Вебер считает, что почти все харизматические лидеры имели серьезные уродства, физические или психические недостатки, были инородцами, обладали комплексами. Фрейд вообще считал стремление к власти особым видом помешательства, неврозом, а обаяние лидеров — особым родом их господства над людьми. Они внушают веру в себя так же, как это делается в церкви. Юнг замечал у них случаи психической инфляции в результате отождествления себя с занимаемым постом и позволением себе барства и вседозволенности. Он называл это атрофией личности.

Если внимательно проанализировать все то, что было написано и сказано о психологии толпы и движениях масс людей, об их характерных признаках, то обращает на себя внимание тот факт, что почти все высказывания умозрительны. Нет подхода, который позволил бы измерить хотя бы один из феноменов массового общественного движения. Почти все они окрашены личностными особенностями наблюдателя, поскольку в основе их лежит метод наблюдения. Очень талантливые, проникательные и добросовест-

ные ученые, они все-таки не смогли удержаться по эту сторону грани объективности при рассмотрении изучаемых явлений. Современники, знавшие Лебона, считали, что он — аристократ — просто боится активного движения широких народных масс. Аналогичные мнения высказывались и в адрес других авторов.

Неплохо бы снова вернуться к предложению Бехтерева использовать в качестве основного метода изучения массовых явлений эксперимент. Ученый неоднократно подчеркивал, что постановка его должна давать возможность сравнить данные коллектива с данными того же эксперимента, производимого над отдельными лицами того же самого коллектива. Так же успешно можно изучить явление, организовав игры и занятия таким образом, чтобы коллектив в них участвовал как целое собрание лиц.

Само собой разумеется, что, не рассматривая собрание людей как целое со всеми его подробностями, не проводя объективные, поддающиеся статистической обработке экспериментальные исследования, нельзя рассчитывать на объективное понимание массовых психологических явлений. К сожалению, в этом направлении наша социальная психология не продвинулась. Исключение составляют исследования Б. Ф. Ломова, Н. Н. Обозова, Б. Г. Ананьева, но они проведены в категориях деятельности и общения, а не масс и толпы. По мнению В. М. Бехтерева, вся звучная и цветистая терминология о поведении толпы должна быть заменена объективной терминологией. Такой замены, однако, не произошло, и социальная психология до сих пор изучает социальное сознание, настроение, чувства [11]. Безвременная смерть великого ученого оборвала те исследования, которые он уже начал проводить. Кроме того, его начинания и само его имя, по понятным причинам, тоже подверглись анафеме. Все это вместе на долгие десятилетия оборвало начинания в области исследования массовых социально-психологических явлений в России.

Серьезное изучение психологии масс требует, безусловно, очень больших денежных затрат, широкого штата квалифицированных исследователей, имеющих опыт работы с самыми разными людьми. В настоящее время практически отсутствуют методики, с помощью которых можно было бы изучать большие группы, следовательно, такие методики еще нужно создать. Внушает оптимизм то, что практически все специалисты едины в оценке степени важности подобных исследований. В этом плане мы можем наблюдать сплоченную и объединенную научно-прикладным энтузиазмом толпу.

* * *

С облегчением завершая литературный обзор темы, хочу просить прощения у читателей за многократные повторения, за стиль изложения и другие шероховатости, делающие прочтение главы делом нелегким и малоприятным. Но предлагаю часть ответственности за это возложить на авторов, чьи работы и идеи были упомянуты, ведь добрая половина текста главы — цитаты, а совокупный смысл рассмотренных работ так и выглядит — сыро и сумбурно, эмоционально, с надрывом и одновременным осознанием сияющих вершин и мрачных бездн.

Мышление человека в толпе совсем не то, что академическое мышление, и неудивительно, что многие авторы, которых привела к изучению толпы собственная предрасположенность к массовидному поведению, заразились изучаемым феноменом и вошли во время написания своих работ в сферу действия массовидных поведенческих регуляторов. Отсюда — эмоции, отсюда — аффект вместо привычного скучноватого языка профессиональной науки.

Тем не менее в изученном массиве знания можно выделить и рациональные идеи, и здравые мысли, и интересные наблюдения, которые должны войти составной частью в теорию поведения масс.

Вот некоторые из них.

1. Психология масс должна быть наукой экспериментальной. Отдадим авторство этой идеи ее активному проводнику Бехтереву, хотя подобную мысль высказывали и Вундт, и Вебер, и другие ученые.

2. Одной из форм эксперимента в психологии масс может быть прием, отработанный Кликсом в его «Пробуждающемся мышлении». По Кликсу, к известным историческим событиям следует подходить как к поставленному эксперименту.

3. Толпа, по определению авторов первой волны, «совокупность индивидов, собравшихся вместе». Затем начинается структуризация: как они собрались, зачем и для чего собрались и т. д.

4. Некоторые авторы вводят понятие толпы, если можно так выразиться, умозрительной: люди одного социального слоя, например, или сотрудники одного предприятия, — т. е. называют толпой любые социальные структуры.

Вообще, при рассмотрении совокупности работ о толпе удивительно четко прослеживается реализация законов логики. Как только Лебон пишет «Преступную толпу», сразу появляется некто (в данном случае Бехтерев), который заявляет, что следовало бы лучше написать «Добродетельную толпу». Как только появля-

ется сформулированный объект изучения — толпа, то сразу появляются желающие: а) расширить это понятие, включив в него все вообще социальные структуры; б) сжать это понятие, чтобы не потерять смысл; появляются попытки инвертировать постулаты теории, представить феномен массовидного поведения главенствующим в изучении некоторых областей знаний о Вселенной и, наоборот, интегрировать его в научный поток, расписать его феномены по другим дисциплинам.

Ударившись о невидимую преграду, не позволившую добиться реальных результатов, наука о толпе разбивается на тропинки, из которых одни ведут к мистицизму, другие — к отрицанию самого феномена, третьи — к имитации бурной деятельности по замене терминологии, четвертые — к попытке еще раз осмыслить опыт предшественников с тем, чтобы создать плацдарм для новой атаки.

5. Большинство авторов рассматривает толпу как единый организм, существо. Далее, как правило, следует описание, чего же лишено это существо. Подобный подход в науке хорошо известен. Еще Платон писал о человеке как о существе, лишенном перьев. Правда, с самого начала он дал и позитивную характеристику — двуногие, а под влиянием критики оппонентов вынужден был добавить: «...с широкими ногтями». Так вот, у нас есть только то, чего у толпы нет, но нет того, что у толпы есть. Правда, критика у нас есть, следовательно, должны появиться и широкие ногти. И они появились, разумеется.

6. Самый распространенный вывод заключается в том, что толпа безнравственна и ужасна, но еще ужасней вожаки толпы. Они являются полупомешанными, истеричными, но в то же время героическими, обаятельными. Совокупный перечень их качеств столь полон, что поневоле напрашивается вывод, что у лидеров все есть. Причем как наличие, так и отсутствие.

7. Социал-дарвинисты считают, что феномены массовидного поведения животных и человека имеют одинаковые причины, так сказать, филогенезиального свойства, а психоаналитики говорят о решающем значении онтогенеза.

При этом Юнг пишет о «развитии массовой души с непреодолимым стремлением к катастрофе», возникшей в результате разрыва между сознанием и бессознательным.

Бессознательное состоит из двух частей: личного (из забытого или вытесненного личного опыта) и коллективного бессознательного (из унаследованных инстинктов и форм понимания,

принадлежащих целой социальной группе). Подобные вещи Юнг назвал архетипами.

Архетипы — психологические корреляты инстинктов. Они входят в сознание только косвенно, через образы и символы. К слову, сам Юнг полагал, что его рассуждения экспериментальной проверке не подлежат и что вообще к науке все это не имеет никакого отношения.

Теперь — отдельные мнения, так как они представляются важными, но их трудно структурировать.

8. Ортега-и-Гассет говорит о претензиях масс на то, что еще недавно было привилегией выдающихся людей.

9. Вернадский вводит понятие ноосферы как следующей стадии развития биосферы.

10. Гумилев в основу науки об этносах и народах ставит понятие пассионарности.

11. Человека в толпу ведет любопытство (считает Тард), одиночество (считает Фрейд), страх перед прикосновением (Канетти).

Как говорится, у кого что болит...

12. Поппер считает, что Аристотель, Платон и Гераклит своими философскими работами подготовили базу расизма, фашизма и марксизма. Сам Поппер, в таком случае, готовит базу гегемонизма, тоталитаризма, опять же фашизма, а в перспективе — марксизма и т. д.

В заключение представлю две-три сентенции (чтобы просто душу успокоить). Оказывается, «главную силу толпы, главную силу бунтовщиков и революционеров, главную силу революций составляют преступники, умалишенные, дети умалишенных, вообще социальная грязь, лишенная всякого нравственного чувства и развращенная преступлениями» (Сигеле).

А вот становлению лидера способствуют такие его характеристики, как «интенсивно переживаемый эдипов комплекс, потрясения от ранней смерти родителей, неоднозначное отношение к женщинам, мазохизм, страх смерти, ипохондрия, склонность к истерии. Гитлер, например, будучи плохо социально адаптированным, унылым, полубольным неудачником, испытал на себе викторианство, мистицизм, заикленность на мужественности, антисемитизм, комплекс сверхчеловека, чем поставил себя на грань безумия» (Юнг).

Да, воистину,

«...и острый галльский смысл,

И сумрачный германский гений...»

Можно отметить, что эти качества Юнг как с себя списывал, и они действительно помогли ему стать вождем, хотя и совершенно другого рода. Да, Гитлер — величайший преступник, но уж никак не деревенский дурачок.

Несмотря на все эти ужасные описания толп и лидеров, хочется сказать, что мы живем в очень хорошем мире. И толпы, и лидеры таковы, каковы они есть. Каковы мы есть. Да, существует много такого, что следовало бы исправить. Так не ужасаться этому надо, а идти и исправлять! Иногда, исправляя и создавая, мы будем набивать шишки себе и другим. Так уж все устроено.

В Санкт-Петербурге весна, по Неве за окном ветер гонит белые барашки, и на тополе появились первые клейкие листья.

Глава 3

Типы регуляции поведения

Поведение человека как результат действия трех групп регуляторов поведения, сложившихся в ходе единой биосоциальной эволюции. Сознательный и бессознательный виды регуляции. Некоторые гипотезы и эксперименты

Что такое толпа. Трудно избежать разговора о терминах, если речь идет о создании новой науки или нового направления в науке.

«Толпа» в общепринятом смысле слова — скопище людей, сборище. Привлеку в союзники С. И. Ожегова, в чьем Толковом словаре сказано именно так.

Следовательно, будем считать, что скопище людей, их сборище есть феномен, именуемый толпой.

Феномен этот исследует ряд научных дисциплин.

Историки изучают роль толпы в разные эпохи становления и развития человеческой цивилизации. Толпа как объект исторического исследования — это бунты, восстания, революции. Это переселение народов, войны, нашествия и другие эксцессы с участием большого количества людей. В историческом смысле термин «толпа» чаще употребляется как антитеза личности. Личность и толпа — две крайние точки шкалы, и во взаимодействии этих двух начал многие историки видели (и совершенно справедливо) один из двигателей прогресса.

Социология занимается прогнозированием поведения толпы, используя для этого специфические методы сбора первичной информации и математические приемы ее обработки. При этом социология не учитывает различия между отдельными чле-

нами толпы, рассматривая их среднестатистически. Так как схожесть людей, объединенных в толпе, видна даже невооруженным глазом, то социологические прогнозы обладают достаточной точностью.

Психологи же должны выявить и объяснить те механизмы, которые приводят человека обыкновенного в состояние человека толпы со всеми присущими ему в этом состоянии психологическими особенностями; описать и объяснить эти особенности. Необходимо выявить психологические закономерности взаимодействия людей в толпе между собой и с объектами вне толпы, выявить механизмы психологического регулирования поведения человека в толпе, разработать методы их изучения, контроля и управления.

Подобное дробление объекта исследования, являясь данью интегративному подходу, создает исследователям значительные удобства. Изучив феномен по частям, мы приступим к исследованию соотношений и взаимодействий этих частей, с тем чтобы когда-нибудь в будущем понять и объяснить его в целом. Сегодня положение дел в науке о человеке таково, что вторая стадия — исследования соотношений и взаимодействий — прослеживается отчетливо. Психологические теории, к примеру, пытаются учитывать психологию не только современников, но и предков, близких и далеких, а также человекоподобных, вторгаясь в область антропологии, далее — вообще всего живого мира, превращая на этом участке познание в учение о высшей нервной деятельности, нервной деятельности вообще (зона нейрофизиологов, биологов), теряясь затем в общефилософских построениях, иные из которых (например, ноосфера Вернадского, архетипы Юнга), замыкая ряд философских трудов тематики, одновременно являются правофланговыми в работах по психологии массовидных явлений. Спираль переходит в новый виток. Диалектический подход торжествует.

Сталкиваясь и соприкасаясь на некоторых отрезках познания, дисциплины обмениваются методами. История, к примеру, может многое дать психологии. Такой известный специалист, как Ф. Клике, широко использовал археологические, антропологические, исторические исследования в качестве психологического эксперимента. Такой подход позволил ему многое установить в интереснейшем вопросе формирования мышления и сознания человека. Реальные события истории становятся для психолога экспериментом. Более

того, психологам следовало бы применять и мысленный эксперимент как один из способов изучения ряда психических феноменов, особенно тех из них, иные приемы изучения которых труднопредставимы.

Не случайно я все время пишу об истории, биологии. Общую науку о человеке пытался создать Б. Г. Ананьев. А. Н. Асмолов высказывался о необходимости создания теории психологической эволюции. Проблема объяснения истории человечества в свете теории психологической эволюции является одной из самых сложных и интересных. Сегодня мы говорим о более узкой проблеме — психологии толпы, но она является частью этой более общей задачи. В следующих книгах я обязательно вернусь к этой теме.

Но вновь о толпе. Естественно, для изучения следует выбрать самую классическую, самую ясную и понятную толпу; а уж затем, изучив и выявив все ее особенности, попробуем увидеть следы масковидных явлений в иных, менее явных случаях.

Изучение начнем с рассмотрения некоторых вопросов и выдвижения гипотез.

Поведение человека в толпе значимо отличается от поведения человека вне толпы. Иными словами, необходимо экспериментально подтвердить наличие самого феномена. ^{*s}

Все не так очевидно, как кажется на первый взгляд. Да, поведение человека в толпе специфично. Но оно также специфично, когда, например, человек пишет книгу, или празднует Новый год, или влюбляется. Мы должны показать, что специфика специфике рознь. Следует проверить предположение, что толпа не просто является некоей особым образом организованной ситуацией, которая требует от человека не вполне привычных поведенческих реакций, а запускает специфические механизмы психологической регуляции поведения, меняет приоритеты факторов мотивации, выставляет новые коэффициенты параметров психики человека, заставляет ее действовать по-иному.

Проверить это теоретически проще простого. Нужно выписать в столбик ряд параметров мышления, ощущения, восприятия, эмоциональной, волевой сферы, памяти и посмотреть в ходе экспериментов, как все это происходит у человека, когда он находится в одиночестве, в малой группе, в толпе. Ответ мы можем получить в одной из трех форм:

- 1) нет никаких различий;
- 2) все различается коренным образом.

Ни один из двух вариантов не представляется возможным, так как ситуации экспериментов содержат очень много общего. Верной представляется третья версия:

3) часть параметров и соотношений останется неизменной, а часть будет значимо отличаться.

Некоторые подобные эксперименты уже проведены в нашем Социально-психологическом центре, большинство еще предстоит провести. Теоретическая простота в данном вопросе соседствует со сложностью проведения практических исследований.

Если методы измерения психологических параметров отдельного человека, помещенного в лабораторные условия, отработаны, то для толпы подобных методов просто нет. Их приходится разрабатывать впервые. Методы личностной психологии тут не работают потому еще, что, вырывая, к примеру, человека из толпы и предлагая ему заполнить опросник, мы просто переводим его таким образом из состояния человека толпы в состояние личности, и эксперимент срывается. Если же измерение удастся провести, то возникает проблема сопоставления результатов, полученных разными способами. Все это необычайно интересно, но представляет определенные сложности.

И, конечно же, нельзя проводить эксперименты просто так. Следует проводить их для проверки какой-нибудь гипотезы.

Предлагаю вашему вниманию гипотезу, в рамках проверки которой и проводятся эксперименты: поведение человека определяют три отчетливо выделяющихся узла психологических коррелятов поведения, сформировавшихся в ходе биосоциальной эволюции.

1. Личностный блок. Сформировался в результате исключительности, обособленности, самодостаточности каждого организма. Для того чтобы выжить, особь на первое место должна была выдвигать потребности в питании, дыхании, самосохранении и т. д. В случае с человеком удобно пользоваться шкалой потребностей Маслоу, где описано множество потребностей личности, вплоть до потребности в созидании. Низшие потребности, очевидно, базируются на необходимости выживания данной конкретной особи, высшие же сформировались в результате сложнейшего переплетения биологических, социальных, исторических и иных факторов. (Кстати, следовало бы провести экспериментальную проверку наличия высших потребностей у человека. Тема это очень интересная и хранит в себе немало сюрпризов.)

2. Блок ролевого поведения. Начал свое формирование в результате возникновения двуполости. Развивался и получал современные формы в результате успешности эволюционно сложившегося способа выживания особей в составе малых групп (стай, семей и т. п.). Психологически феномен поведения, следующий из включенности особи в малую группу, проявляется в ролевом поведении. Прослеживаемая схожесть ролей, одинаковость ролевых ниш у животных и человека говорит в пользу наличия этого эволюционно сформировавшегося способа поведенческой регуляции.

3. Блок коррелятов поведения, обеспечивающий выживание в условиях скопления большого количества особей. Возник как попытка сохранения вида путем увеличения численности особей вида. Схожесть поведения особи животного мира в массовидном образовании (стае, стаде и т. п.) и поведения человека в толпе также присутствует.

Психологи, заняв изначально выигрышную позицию в том смысле, что нет ни одной области познания, которая не могла бы быть объявленной зоной интересов этой науки, рассмотрели результаты работы биологов, эволюционистов, историков и представителей многих других наук и увидели некие существующие с точки зрения здравого смысла аналогии. В частности, сходство массовидного поведения животных и человека. При помощи здравого смысла же мы попытались протянуть нить поведенческой эволюции от раздражимости до высших проявлений психики и сделали предположение о наличии у человека трех блоков психических коррелятов поведения. Правда, существует проблема, и заключается она в том, что наш здравый смысл, будучи полученным в ходе приобретения житейского опыта и записанным в виде базовых законов мышления, может быть распространен на область познания закономерностей мышления лишь с известной натяжкой.

Отметим этот факт и двинемся дальше, отталкиваясь от мышления, ведь ничего другого для того, чтобы делать науку, у нас нет.

Попробуем описать пути эволюционного формирования существующих у человека этих трех способов регуляции поведения.

Нарисуем и рассмотрим несколько графиков, чтобы у нас получилась не просто книжка, а книжка с картинками.

За начало отсчета (рис. 2) принимаем эпоху зарождения жизни, тогда как справа — все разнообразие коррелятов (психических и непсихических) поведения. Под коррелятами поведения я понимаю все те психические и непсихические механизмы вну-

Рис. 2. Регуляторы поведения, обеспечивающие выживание.

три нас, которые и обуславливают все наши действия, т. е. содержимое «черного ящика». Правда, под это определение не попадают архетипы и ноосфера, но если ввести и их, то придется вводить и весь внешний мир: уж он ли не влияет на поведение! Так что архетипы и ноосфера — дело особое, пусть пока побудут снаружи, а там рассмотрим.

При максимально широком взгляде очевидно, что все три группы коррелятов поведения в настоящее время присутствуют в том или ином виде в каждом живом существе, ведь все живые существа, существующие сегодня, являются вершиной эволюции (а не только человек, кстати!), а эволюция, двигаясь от пункта t_1 в пункт t_2 , обеспечила умением вести себя всех своих питомцев (за исключением пьяных английских фанов и президентов России и США). Следовательно, попытка обнаружить у каждого живого существа проявления этих трех групп коррелятов имеет шансы на успех, особенно там, где принят половой путь размножения (эрго: минус вирусы, проکاریоты und so weiter).

Отдав дань объективному подходу, констатируем все же, что человек является венцом творения природы, ибо только у него есть сознание, абстрактное мышление и другие психические эволюционные новшества.

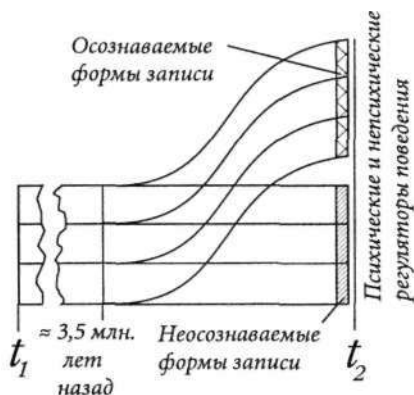

Рис. 3. Осознаваемые и неосознаваемые формы регуляции поведения.

Следует предположить, что человек, безусловно, несет в себе не только непсихические группы регуляторов поведения, но и их психические аналоги, психические продолжения.

В какой-то момент регуляция поведения человека становится все более осмысленной (рис. 3). Этот момент находится на промежутке 3,5 млн. лет назад — 100 тыс. лет назад (плейстоцен). И эволюция коррелятов поведения у *Homo sapiens* делает решающий рывок — оформляется на уровне сознания.

Теоретически у каждой из трех групп коррелятов поведения должен был сложиться сознательный аналог. Тема эта неисчерпаемая, исследователям предстоит выполнить огромный объем работ, чтобы установить все особенности зарождения мышления человека. Глубокие мысли по этому поводу содержатся в книге Ф. Кликса «Пробуждающееся мышление». Тема исследований вообще интереснейшая. Попытаться понять, как возникло первое слово. Каким образом было сделано первое логическое умозаключение. Где-то в джунглях Юго-Восточной Африки, быть может в Кении или Зимбабве, замерцали первые проблески человеческого мышления. Олдувай, Гейдельберг или, например, пещера Чжоукоудянь — названия районов раскопок звучат как песня!

Мы же, подавив в себе на какой-то срок естественное желание немедленно оказаться на лессовых плоскогорьях Кении и Танзании, отметим, что процесс формирования сознательных аналогов каждой из трех групп коррелятов поведения мало того что сам шел не-

просто, но и породил массу сопутствующих процессов и ситуаций. Эволюция по своей миллиардолетней практике все нововведения продублировала многократно, и сегодня мы при помощи, как уже было выше сказано, мышления стараемся понять то, что было окончательно запутано на стадии формирования этого самого мышления. Формировались законы мышления. Люди учились думать. За этой одной фразой стоит сложнейшая проблема. Л.С. Выготский, к примеру, считает, что принципиальная разница между интеллектом как продуктом биоэволюции и интеллектом человека, являющимся результатом социальных отношений, лежит в использовании последнего слова в функциональном смысле. Пиаже говорил об интеллекте как единстве процесса генерации когнитивных схем и аккомодации их в зависимости от объективной реальности. И это далеко не все точки зрения! В процессе становления сознания людьми были подвергнуты осмыслению причины, побуждающие их поступать так или иначе. Все закрутилось колесом.

Группы коррелятов поведения способствовали становлению сознания, отпечатались в нем, сформировавшееся сознание исследовало причины, побуждающие своего носителя поступать определенным образом. Эти исследования привели к открытию безусловных рефлексов и прочей электробиохимии, с одной стороны, нравственного закона внутри нас — с другой.

Естественно, каждая возможность, каждый вариант были описаны, но и сегодня мало кто из ученых откажет себе в удовольствии поломать голову над этой проблемой. Мы с вами, уважаемый читатель, занимаемся этим прямо сейчас.

Вернемся к рис. 3. Так, как нарисовано на нем, дело должно обстоять теоретически, но на практике наличествует некая деформация, что делает картину не такой симметричной и еще более интересной.

Активно в перезаписи на сознательный уровень и одновременно в формировании самого сознания принимают участие лишь две из трех линий коррелятов поведения: личностная и ролевая. Эти две линии легли на благодатную почву: первобытный человек вел образ жизни индивидуально-групповой. То есть он часто действовал в одиночку, часто — в составе малой группы, но практически никогда — в составе макрогруппы. Поэтому осознание групп коррелятов личностного и ролевого поведения произошло намного раньше, нежели массовидного. И лишь исторически совсем недавно, при формировании родоплеменных объединений довелось че-

ловеку побывать в составе толпы. А настоящая толпа людей смогла возникнуть только в связи со значительным увеличением численности населения, развитием городов. И феномен массовидного поведения послушно проявился. Но эта группа коррелятов не была в период становления сознания записана в законах протекания мыслительных процессов, и поэтому действия толпы первым исследователям показались «дикими», «ужасными», «преступными». Именно поэтому люди говорят, что сами не помнят и не понимают, что делали, находясь в состоянии доминирующего действия группы коррелятов поведения, отвечающих за оптимальное поведение в условиях толпы.

К этой мысли я пытался подвести.

На какое-то время перейдем к рассмотрению еще одного интересного вопроса, а именно: каким образом мы сохранили механизмы, обеспечивающие при необходимости наше массовидное поведение, если с условиями, когда появилась та самая «большая группа людей, собранная в одном месте», люди практически не сталкивались добрых 3 миллиона лет, а до этого наши эволюционные предки, будучи довольно крупными приматами, также не сталкивались 30-40 миллионов лет? Почему механизм сохранился, а не сошел на нет? Вот вопрос.

Для его объяснения предложу следующие гипотезы.

1. Механизм не сохранился, а просто наше поведение, обусловленное личностными и ролевыми регуляторами, в условиях толпы дает сбой и приводит к тем поступкам, которые мы именуем феноменами массовидного поведения.

2. Феномен массовидного поведения записан в самой структуре нервной системы человека, которая сформировалась у наших эволюционных предков в условиях, в том числе, большой численности особей одного вида, следовательно, именно в генетически передаваемой структуре нашей центральной и периферической нервной системы кроется группа данных регуляторов. Наш рисунок в действительности должен иметь вид, приведенный ниже (рис. 4).

3. Феномен регуляции поведения общ для всего живого мира, и ординарный в эволюции факт сбора в одном месте в одно время большого числа особей одного вида запускает традиционную же форму регуляции поведения.

4. Может быть, скопления древних людей и эволюционных предшественников людей все же происходили достаточно часто, и за-

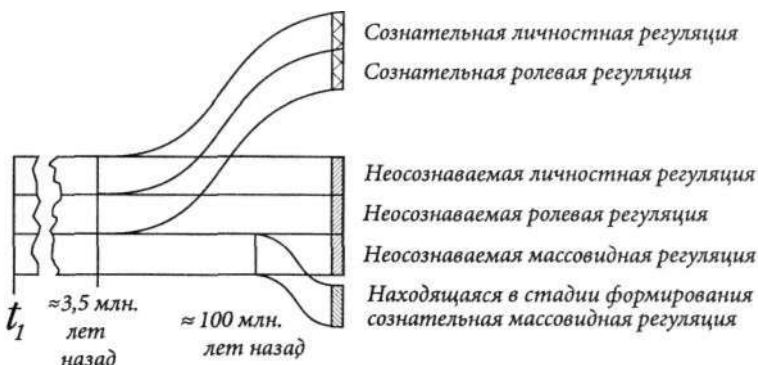

Рис. 4. Развитие неосознаваемой и сознательной регуляции поведения.

пись массовидного типа регуляции поведения в сознании все же произошла. Возможно, массовидное поведение есть феномен вне-видовой. Так, к примеру, при лесном пожаре, наводнении паника охватывает все виды животных, и спасающаяся масса носит поли-видовой характер. Может быть, участие предков людей в подобных аналогах толпы было достаточным для сохранения механизмов массовидной регуляции вплоть до момента значительного увеличения численности вида.

5. Верны какие-либо другие версии или же действуют все предположения с определенными весовыми коэффициентами одновременно.

Истину помогут установить исследования, предполагающие быть необыкновенно масштабными, но кое-какие следствия данных гипотез можно проверить экспериментально уже сейчас.

Первая гипотеза. Действительно, индивидуальная и ролевая регуляция в толпе — не лучший способ обеспечить оптимальное поведение особи. Ролевое поведение не может развиваться, так как его механизмы не могут пройти первую стадию — знакомство. Человек оказывается в толпе, в рамках ролевого поведения пытается отфиксировать кандидатов в малую группу, но сталкивается со сложностями. Значимые для первичной стадии формирования ролевых отношений ассоциативные особенности предполагаемых партнеров по ролевым отношениям оказываются незначительными по сравнению с некими общими для всех членов толпы параметрами: внимание на общий объект (повод сбора толпы), одинаковость поз и пространственной ориентации и т.д. Кроме того, первичные пред-

посылки ролевых отношений закладываются при взаимодействии членов потенциально малой группы. В толпе нет фактора взаимодействия отдельных участников. Все контакты в толпе векториальны. Так, к примеру, в политической толпе (митинг) участник видит лишь затылки и единственное лицо — лицо оратора. И слышит он также лишь оратора. Оратор же видит тысячи лиц, но никого не слышит в отдельности. Таким образом, в смысле формирования малой группы в толпе мы имеем дело с крайним случаем — малая группа не формируется, так как первая стадия ее формирования — знакомство — проходит настолько специфически, что ролевые механизмы регуляции поведения не запускаются.

Мы провели несколько экспериментов, позволяющих проверить наличие ролевых отношений в условиях толпы. Они дали интересные результаты.

Описание эксперимента. Были сформированы четыре малые группы численностью 12 человек каждая. Две из них состояли из людей демократической ориентации в возрасте от 30 до 55 лет, по 7 мужчин и 5 женщин в каждой, а две другие состояли из представителей молодежи 14-16 лет той же численности и тех же соотношений полов. Во всех этих группах был проведен социально-психологический тренинг общения. Наше внимание было сфокусировано на стадии знакомства. (Участники тренингов прежде никогда не встречали друг друга.) После окончания первой стадии развития малой группы (стадия знакомства) всем участникам было предложено пройти некое обследование и заполнить анкету.

Аналогичные анкеты было предложено заполнить и другим участникам эксперимента: 24 человека были отобраны во время демократического митинга в Санкт-Петербурге в 1996 г., а еще 24 участника эксперимента были найдены во время концерта группы ДДТ на открытой площадке. Тренинговые группы и люди с митинга и концерта соответственно были синхронизированы по возрасту и полу.

Затем материалы опросов были сопоставлены.

Участники тренингов дали подробное описание внешности, имен, характеров, элементарных анкетных данных участников, тренеров; описания сидевших вне круга супервизоров (по 6 человек в каждой группе) были менее полными и сводились к попытке описания внешности одного-двух из них, сидевших в зоне видимости участника тренинга. В проведенной социометрии супервизоры практически не рассматривались участниками тренинга в качестве ролевых партнеров.

Обследуемые, отобранные в толпе, столкнулись со значительными сложностями в заполнении анкеты, некоторые пункты которой большинство из них возмущали, например, пункт: назовите, по возможности, имя, фамилию, возраст и профессию участников митинга (концерта). Итоги их работы можно сформулировать так. Участниками этой части опыта было описано от 4 до 16 участников митинга (в среднем 7,5 человек). В описание вошли находившиеся на сцене ораторы и певцы, а также те участники толпы, которые почему-либо выделялись по внешним признакам: размахивали флагами, вели фото- и киносъемку в толпе. Практически все обследуемые описали нашего сотрудника, подошедшего к ним и пригласившего их принять участие в эксперименте. Интересно отметить, что люди низкого роста описывали значительно меньше участников митинга, чем высокие. Практически они описывали лишь своих знакомых, вместе с которыми пришли на митинг, да выступающих. Больше они ничего просто не видели. Можно сделать вывод, что запоминаются в толпе и привлекают внимание те участники митингов и концертов, которые выделяются внешностью или поведением из толпы, т. е. те, которые проявляют себя как личности, не являющиеся частью толпы. Члены же толпы, не выделяющиеся поведенчески или зрительно, в сферу внимания других персонажей толпы не попадают. И, наоборот, в условиях тренинга в сферу внимания участников не попадают супервизоры, ведущие себя пассивно. По определению, яркие личности толпе чужды. У толпы может быть лишь один персонаж, проявляющийся ярко, — лидер, оратор, трибун. Сделаем первый вывод. По анализу количества и качества выполненных описаний можно сказать, что в условиях толпы практически отсутствуют отношения между членами этой толпы, которые могли бы привести к возникновению ролевых отношений. В свою очередь, в условиях формирования малой группы люди, ведущие себя как члены толпы, не принимаются участниками тренинга в качестве партнеров по ролевому взаимодействию.

Отдельного рассмотрения заслуживает форма описания лидеров. В качестве таковых в тренинговых группах редко называют тренеров, а обычно уже на стадии знакомства участники группы выделяют в качестве потенциальных лидеров 2-3 человек из состава группы. Из состава, подчеркнем. В толпе же лидера в подавляющем большинстве случаев выбирают из числа стоящих на трибуне,

и лишь в двух случаях в подростковых группах лидером называли своего, подросткового вожака. Перед концертом ДЦТ в толпы были розданы два вида фотографий Шевчука (руководителя и вокалиста группы). Причем с одной стороны толпы людям были выданы фотографии певца по пояс в майке, а с другой — портреты (одно лицо). Одна группа обследуемых приглашалась из одной зоны распространения, а другая, естественно, из другой. Любопытно, что, описывая лидера на сцене, испытуемые старательно подчеркивали факт наличия майки, что соответствовало реальности, а испытуемые, снабженные иными фото, уделили одежде в два с половиной раза меньше внимания, обращая внимание на напряженное лицо и капли пота на лбу, хотя, естественно, с такого большого расстояния видеть их не могли.

Сделаем второй вывод. Ролевое поведение обеспечивает выделение лидеров из числа участников сферы ролевого поведения, т. е. членов малой группы, а массовидное поведение в качестве лидеров принимает ораторов, чьи образы сильно украшены воображением.

Нужно оговориться, что вопрос лидера и толпы — очень сложный вопрос. Именно в отношениях этих двух начал можно найти объяснение поведения толпы. Возвращаясь к описанному случаю, необходимо отметить, что О. Савельев, например, сделал очень ценное наблюдение в среде шахтеров во время забастовки, когда толпа именно из своих рядов делегировала лидеров на выполнение разовых поручений.

Проведенный опыт дает основание предположить, что толпа — это не то место, где может быть использована ролевая группа регуляторов поведения. По всей видимости, то же можно сказать об индивидуальных коррелятах. В любом случае все наши многочисленные эксперименты нуждаются в проверках и перепроверках, потому что очень трудно в изучаемой области поставить чистый эксперимент. Однако сегодня я уверенно склоняюсь к мнению, что ни ролевые, ни личностные регуляторы в толпе не работают или работают иначе, чем в обычных условиях.

Вероятно, сбои в работе этих групп регуляторов могут привести к возникновению, назовем его условно, поведенческого диссонанса, результатом проявления которого является, например, феномен паники. Такая идея представляется правдоподобной. В самом деле, если сенсорный голод приводит к психологическим срывам и — в крайнем случае — к угасанию сознания, то почему неостребованность, невозможность задействования индивидуальных и ролевых

групп регуляторов не может привести к дестабилизации и фрагментизации сознания? В таком случае мы можем следовать принципу «не вводи лишние сущности» и вообще забыть о массовидной регуляции. Однако подобный подход представляется спорным. Массовидная регуляция должна рассматриваться в эволюционном смысле. Массовидная регуляция подтверждается квалифицированными наблюдателями. Наконец, ее наличие подтверждают опыты. Следовательно, в момент неостребованности индивидуальных и ролевых регуляторов вступают в действие массовидные регуляторы, которые и определяют форму протекания поведенческого диссонанса. Наблюдатели воспринимают это как феномен массовидного поведения человека.

Для того чтобы подтвердить или опровергнуть последние рассуждения, следует:

а) еще раз перепроверить экспериментально факт существования когнитивного диссонанса в его крайних формах;

б) теоретически и экспериментально исследовать феномен сознания;

в) перепроверить эксперименты, подтверждающие своеобразность и невозможность использования личностных и ролевых коррелятов поведения в толпе, перепроверить факт их погашения;

г) экспериментально подтвердить наличие группы коррелятов массовидного поведения — например, пронаблюдать выделение медиаторов в организме человека в условиях затухания индивидуальных и ролевых групп регуляторов.

Буду признателен коллегам за письма и сообщения об экспериментах, проведенных их научными коллективами в описываемой области. В свою очередь, мы также продолжаем исследования, и результаты по мере накопления будут публиковаться в журнале «Прикладная психология» и в иных психологических журналах.

Вторая гипотеза. Действительно, общая геометрия нервной системы, принципы биохимии и энергетики, наличие безусловных рефлексов перешли к нам по наследству от очень далеких эволюционных предшественников. Именно наличие всей этой структуры позволило на определенном этапе сформироваться сознательным аналогам неосознаваемых коррелятов поведения. И действительно, работы биологов в этой области очень и очень значимы. К сожалению, сегодня я еще не готов ставить перед нейрофизиологами четкие вопросы по предложенной теме, а они, в свою очередь, не занимаются психикой как возникшей на определенном

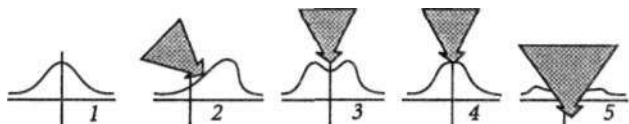
этапе эволюции параллельной ветвью управлением поведением существ. Но, во всяком случае, сегодня можно утверждать, что биология в гораздо большей степени определяет сознание, чем считалось во времена написания классических трудов по психологии масс.

Третья гипотеза схожа со второй. Единство поведенческой организации живого мира обусловлено одинаковостью возникающих перед живыми существами значимых проблем, геометрией и биохимией нервной системы, которая не претерпела серьезных изменений с далекой эпохи укрупнения — централизации нервных узлов. Весь вопрос тут в запуске механизмов массовидного поведения. Необходимо поставить эксперимент, дающий ответ на вопрос, с помощью какого или каких сигналов можно перевести человека из обычного состояния в состояние человека толпы. Мы такие исследования провели, выделили ряд параметров и действий, приводящих к искомому результату. Очень интересной представляется идея о символическом смысле сигналов-запускателей групп регуляторов массовидного поведения. Любопытно было бы провести подобные исследования в странах с иероглифическим письмом и сравнить с исследованиями, проведенными у нас в России. Это также стоит на повестке дня.

Четвертая гипотеза частично может быть отнесена к области внимания антропологии, а наличие сознаваемых аналогов групп коррелятов неосознаваемого массовидного поведения следует подтвердить психологам. Мне кажется, что следствия долгих взаимоотношений и работы с толпой оставляют видимый отпечаток на психике человека.

В пользу **пятой гипотезы** говорит прежде всего то, что природа всегда использует несколько вариантов развития эволюционных событий и все непосредственно не востребованное оставляет про запас. Строго говоря, это надо было бы сформулировать иначе. А то у меня все время встречается: природа выбирает, эволюция направляет... может сложиться мнение о некоей сознательной сущности эволюции. Конечно же, подобный слог я использую лишь для простоты. В действительности многовариантность путей приспособления особи и вида в целом к изменяющимся условиям обусловлены самой структурой взаимодействия препятствия, преграды с процессом существования особей.

Любой вид представляет собой совокупность особей, по подавляющему большинству биполярных характеристик описываемых

1. Нормальное распределение.
2. Воздействие сдвинуло признак к одному из концов шкалы.
3. Воздействие привело к сохранению крайних проявлений в шкале.
4. Воздействие слабо, вид не эволюционирует.
5. Вид уничтожен.

Рис. 5. Влияние внешних условий на развитие видов живых существ.

графиком нормального распределения. Размеры — от больших до маленьких, а в основном средний. Продолжительность жизни — от короткой до длинной, а в основном средней величины. И так далее. По любой из шкал, подвергшихся давлению в результате изменения условий, может пойти изменение, равно как и по совокупности ряда шкал. Шкалы у всех живых существ приблизительно одни и те же. Само препятствие может деформировать шкалу, с которой препятствие взаимодействует, одним из следующих видов (рис. 5).

Можно рассмотреть несколько более сложных случаев, но все равно вывод будет следующий: количество типов последствий при изменении внешних условий для вида ограничено и сравнительно невелико.

Поэтому и способы эволюционирования раз от разу повторяются.

Можно было бы выдвинуть и рассмотреть ряд версий, связанных с гипотетическим наличием подсознательных образований (ноосферы, архетипов), но прежде чем встраивать подобные позиции в рассуждения, следует проверить их наличие. Если бы это удалось — это было бы необыкновенно интересно. Во всяком случае, в области понимания архетипов и в вопросе объединения сознаний эксперименты идут очень интересно.

И последнее, на чем хотелось бы остановиться в данной главе, — это краткое рассмотрение соотношений сознательных форм записи индивидуальных, ролевых и массовидных регуляторов поведения. В психологии существует принимаемая большинством структура психики человека. Каждый процесс, каждое состояние,

детский период; Я — подростковый; В — взрослый период жизни человека. Каждый сектор пересечения — тема исследования. Некоторые секторы уже заполнены (прежде всего, личностная вертикаль; малые группы также отчасти изучены). Толпа экспериментальными практически не затронута. И подобная целинность вопроса позволяет тешить душу масштабами опытов и не обращать внимание на мелкие детали, предоставив это ученикам своих учеников.

Глава 4

Эволюционная теория повеления

Подходы к вопросам эволюционирования психики. Единство и особенности биологической и поведенческой эволюции. Единицы, движущие силы поведенческой эволюции; факторы, обеспечивающие ее течение. Индивидуальные, ролевые и массовидные способы регулирования поведения

В предыдущей главе мы говорили об эволюционных трансформациях групп поведенческих регуляторов, обеспечивающих феномен массовидного поведения. Вопрос этот следует рассматривать в рамках более общей концепции эволюции психики. Привлекательность этой темы столь велика, что все возможные подходы, вероятно, нашли уже своих авторов в диапазоне мнений от «все имеет душу, включая вещи» до «никакой души нет вовсе — одна химия». До перестройки у нас в России принято было произносить осторожную фразу, что мысль — это особое свойство высокоорганизованной материи, сегодня же, дрогнув под натиском различного рода трансперсональных психологов и проповедников, общественное мнение качнулось в сторону признания идеальности мышления, и даже самые естественные естествоиспытатели вынуждены в последних абзацах своих насквозь материалистических трудов оговариваться, что есть все же что-то такое в психике, что ученым не понять никогда.

Последняя попытка штурмом взять тайну сознания, тайну мышления с плацдарма кибернетики полным успехом не увенчалась, хотя трещины в обороне природы обнаружились преизрядные. Отсутствие однозначных успехов в попытках объяснения кон-

кретных психических феноменов вместе с притормаживанием темпов НТР перенесло направление главного удара в область философских баталий, в ходе которых лидеры научных психологических школ доказывают друг другу взаимную методологическую несостоятельность. Такое положение дел порождает двойственное отношение: с одной стороны, в спорах рождается истина, с другой стороны, споры подобного рода отвлекают ученых от собственно исследований. А бывало и хуже. В подобных философско-психологических дискуссиях родилось мнение о принципиальной, якобы, непреодолимости пропасти между сигналом и образом. Между тем вне философии буквально ничто, кроме, естественно, сложности вопроса, не мешает естествоиспытателю переходить эту грань. И таких примеров можно привести множество.

У истоков попытки создания единой теории психических процессов стоял выдающийся ученый И.М. Сеченов. Сеченов, В.М. Бехтерев, И.П. Павлов — они не играли терминами и не заламывали руки в бессилии. Они работали, и многое становилось ясным.

Павлов делил регуляторы поведения на гомеостатические (низшая нервная деятельность) и психические, в свою очередь подразделяющиеся на первичную сигнальную систему (образы, представления) и вторичную сигнальную систему (речемыслительные процессы). Л.А. Орбели различал чувствительность и раздражимость, относя первое к психическому, а второе — к биологическому.

Л.С. Выготский утверждал, что высшие психические функции под влиянием социокультурных факторов в ходе онтогенеза человека надстраиваются над первичносигнальным уровнем, взаимодействуя с ним и в какой-то мере его преобразуя. И никаких непреодолимых барьеров, как у Э. Дюбуа-Реймона: «Не знаем и никогда не узнаем».

А.Н. Леонтьев в своей работе «Проблемы развития психики» возникновение чувствительности связывал с усложнением жизнедеятельности. Все началось с раздражимости по отношению к сигнальным функциям. Это и есть, по Леонтьеву, первая стадия психики — стадия элементарной сенсорной психики. У позвоночных развитие психики достигло второго уровня: стадии перцептивной психики. Отныне в деятельности принимаются в расчет специальные условия ее протекания. И, наконец, третья стадия — интеллектуальное поведение — наблюдается, к примеру, у обезьян. Они способны решить задачу по извлечению банана из труднодоступного места разными способами. Это явное отличие от инстинктивных действий, которые не предусматривают множественности вариантов развития событий.

По Ф. Энгельсу, труд и развивавшаяся в процессе общего труда речь создали из обезьяны человека. Сознание возникает в совместной трудовой деятельности. При совместном решении задачи последняя дробится, и каждый участник выполняет свою часть. Появляется необходимость фиксировать целостность задачи, что приводит к развитию памяти; координировать действия участников, что приводит к развитию речи. К увеличению словарного запаса приводит дробление задачи на части: ведь теперь, чтобы выстроить взаимодействие и обеспечить решение, нужно знать названия частей.

Умение совместно решать сложные многоходовые задачи — принципиальное отличие стадии сознательного поведения от предшествующих способов регуляции поведения, по Леонтьеву. Вот муравьи, например, тянут палочку тоже как бы все вместе, но это только на первый взгляд. На самом деле палочка движется в результате суммы усилий, а не совместных усилий. Каждый муравей тянет груз как бы в одиночку. Другая стадия!..

Возможно, наше чисто человеческое умение обдумывать проблему со всех сторон ведет происхождение прямо от интеллектуальных завоеваний гоминид, выталкивающих банан из клетки движением от себя, а затем преспокойно обходящих клетку и подбирающих добычу. Воспользуемся опытом и обойдем вопрос с другой стороны.

И Леонтьев, и Выготский, и Энгельс придавали огромное значение социальным отношениям на пути формирования высшей психики. Но они ограничивали область воздействия социальных факторов человечеством, в крайнем случае распространяя ее на высших обезьян. Между тем социальные процессы прослеживаются на более ранних этапах эволюции.

Не только человек возник как биосоциальное существо. Жизнь на самых ранних стадиях возникновения приобретает биосоциальный характер. В качестве единицы эволюционного процесса лишь очень непродолжительное время признавалась особь. Уже у Дарвина в заголовок вынесено: «Эволюция видов...». Сегодня научное мнение склоняется к тому, что возможны и общеродовые эволюционные механизмы, и общеприродные. Таким образом, единицей биоэволюции выступает особь, популяция, вид, род, может быть, природа в целом, хотя сегодня это не может быть показано строго. Но уже популяция — это социум. И наряду с эволюцией особей, ее составляющих, начинается и эволюция отношений между особями. Это все достаточно элементарно.

К.Н. Корнилов говорил (привожу по Леонтьеву — «Проблемы развития психики»), что следовало бы идти не от индивидуальной психологии к социальной, а обратно. В своих новациях он был благополучно заклеен реакционером, что само по себе непонятно.

Зоопсихологи (Бегл, Бор, Икскуль) выдвинули тезис (привожу вновь по Леонтьеву): «Научная зоопсихология вовсе не есть наука о психике животных и никогда не может ею стать». А Циглер писал, что «понятие "ощущение" совершенно лишено смысла в зоопсихологии».

Если пойти по Корнилову (образца 1924 г.), то все становится ясным: мышление сформировалось, проявилось сознание, оглянулось — и на весь комплекс психических явлений, включая и ощущения, и образ, наложило инварианты. Пока нет сознания, нет и осознания внутренних психических феноменов. Совершенно непонятно, что в таком подходе содержится реакционного? Такая диалектика!..

Диалектика в сознании советского человека находится где-то рядом с классовой борьбой и «Как нам реорганизовать Рабкрин». Там же записан и принцип: критикуешь — предлагай. И хотя я и не критикую вовсе, а наоборот, с большим уважением отношусь к трудам названных в этой главе создателей мощных научных направлений, но предлагать все же стану.

Давайте попробуем учесть одновременно несколько позиций, определим узлы связей. Речь пойдет, конечно же, об эволюции трех групп регуляторов поведения: личностных, ролевых и массовидных, — о сопоставлении их с биологической эволюцией.

Восстановим в памяти шкалу геологического времени, широко используемую для описания эволюционных процессов (рис. 7, см. вклейку).

Возникновение жизни на Земле все еще является загадкой. Но гипотезы, объясняющие ее появление, выдвинуты весьма убедительные. Многие исследователи разделяют точку зрения А.И. Опарина о самозарождении жизни в ходе химической эволюции.

Информация о тех далеких (около 3,8 млрд. лет назад) временах скудна, и большинство ее носит косвенный характер.

Вероятно, первые живые существа получали энергию за счет химических реакций, протекающих без участия кислорода. Около 3,5 млрд. лет назад возникло и распространилось явление фотосинтеза. Обнаружены остатки фотосинтезирующих существ в виде строматолитов, слоистых известковых образований. Следующая ступень — появление гетеротрофности. Некоторые одноклеточные (а многоклеточных еще, естественно, не было) перешли с питания

минеральными веществами на питание органическими остатками. Так возникли первые примитивные биоценозы.

Особняком стоит расцвет и упадок 2,7-2,5 млрд. лет назад ферробактерий, которые оставили после себя огромные месторождения железных руд.

Приблизительно 1,5 млрд. лет назад возникли первые многоклеточные. От них сохранились так называемые вермикулитесы (остатки ила, который многоклеточные пропускали через себя).

Тогда же появились эукариотичные существа. Их ядра несли ДНК.

За 1 млрд. лет до нашего времени пережили свой закат синезеленые водоросли.

В Австралии Дж. Шопф в так называемой формации Биттер-Спрингз обнаружил микрофлору и установил наличие митоза и мейоза, возникновение полового размножения. Данная культура датируется 0,9-0,8 млрд. лет назад.

В вендский период, т. е. 700-600 млн. лет назад, в окаменевшем иле остались отпечатки разнообразных многоклеточных: кольчатых червей, кишечнополостных, членистоногих. Скелетов или панцирей у них не было, но многоклеточность, гетеротрофность, половое размножение наличествовали. Появились хищники, и в этот же период происходит формирование панциря, скелета.

До этого момента все находки представляли собой лишь отпечатки существ в окаменевшем иле да отходы их жизнедеятельности. Из-за метаморфизации пород эти находки являются большой редкостью. С момента появления скелетов и панцирей ископаемые остатки стали многочисленными.

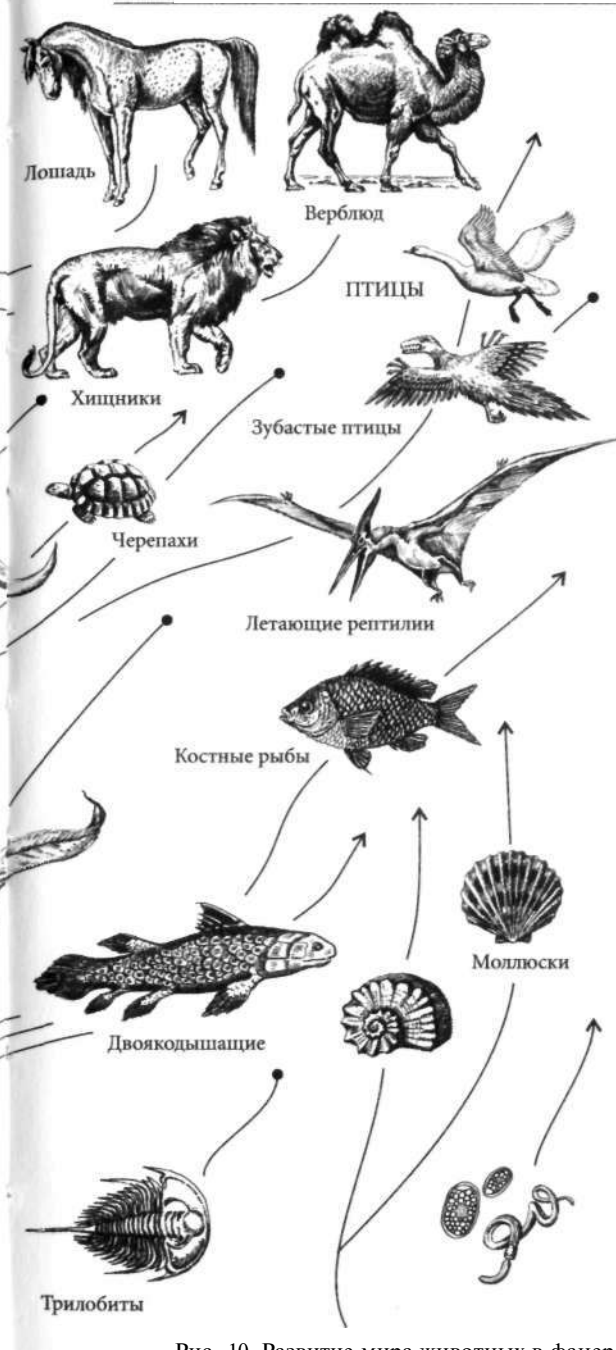
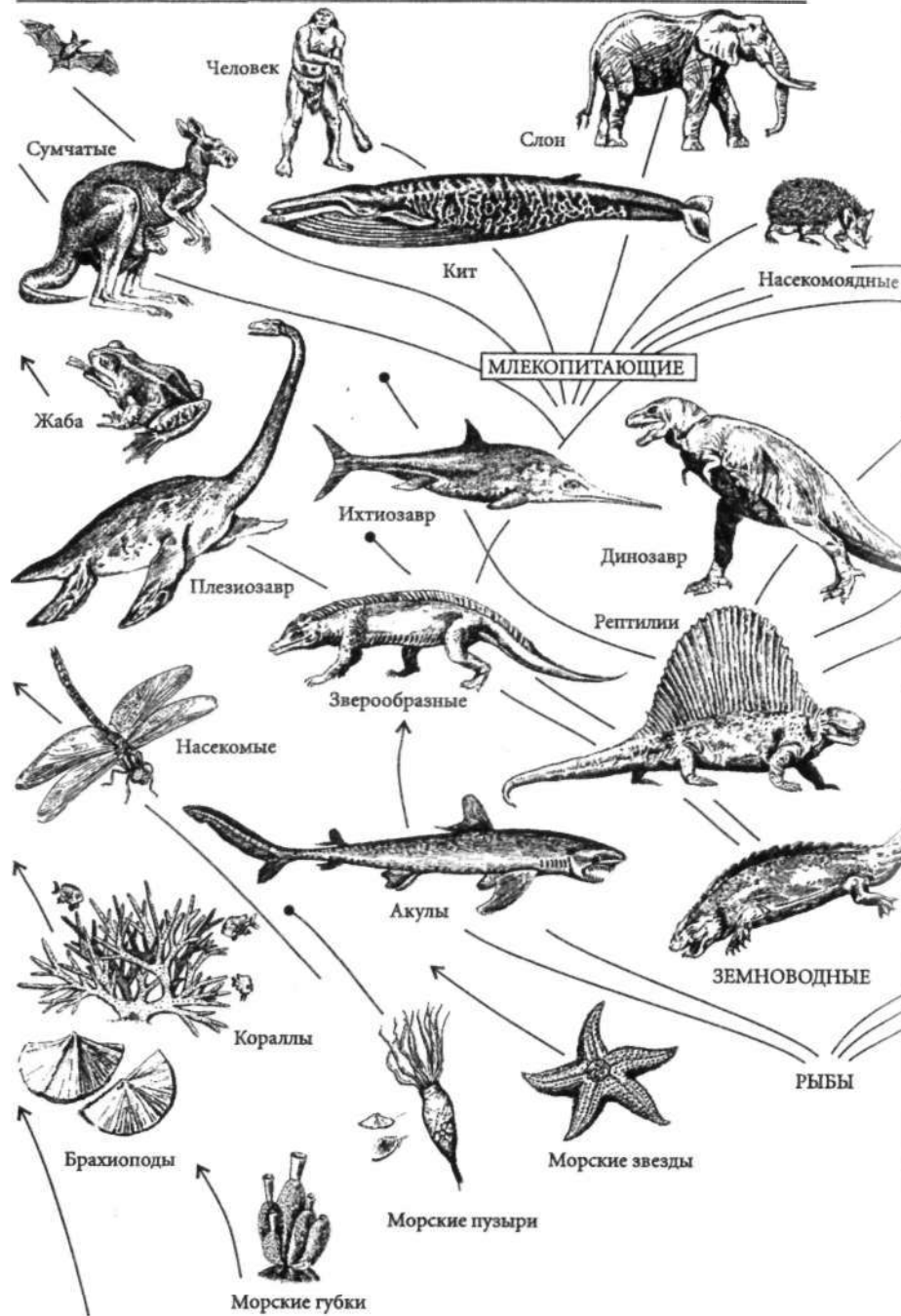
В начале кембрия мы фиксируем возникновение практически всех типов беспозвоночных животных. Палеонтологи отмечают всплеск развития жизни приблизительно 600 млн. лет назад.

Позднейший период развития жизни (фанерозой) описан исследователями гораздо более уверенно. Уменьшается разброс дат, относящихся к тому или иному эволюционному шагу, прорисовывается местами еще штрихпунктирное, но с уже четко определившейся кроной эволюционное дерево.

Д. Ламберт изображает его следующим образом (рис. 8, см. вкл.).

Моор в 1949 г. рисовал так, как показано на рис. 9 (см вкл.).

Келвин в 1971 г. изображал развитие мира животных в фанерозое в виде рисунка, где точками обозначены вымершие группы (рис. 10).

ЧЕТВЕРТИЧНЫЙ	КАИНЗОИ
ТРЕТИЧНЫЙ	
МЕЛ	МЕЗОЗОИ
ЮРА	
ТРИАС	ПАЛЕОЗОИ
ПЕРМЬ	
КАРБОН	
ДЕВОН	
СИЛУР	
ОРДОВИК	
КЕМБРИЙ	

Рис. 10. Развитие мира животных в фанерозое по Кельвину, 1971 г.

Как видите, значительных расхождений нет. Добавлю, что и во многих работах других авторов наличествует сходство взглядов по эволюционному вопросу.

Подробное описание эволюции не входит в мою задачу, поэтому отмечу некоторые представляющиеся принципиальными моменты общей эволюции, а затем более подробно рассмотрим линию, ведущую к человеку.

Отметим следующее.

К е м б р и й . Множество видов существ, создание биоценозов. Распространение отношений «хищник — жертва». 530 млн. лет назад — существование пикайи, первого известного хордового. Окончание периода с оледенением и гибелью многих видов.

О р д о в и к . Распространение прикрепленных к грунту животных. На сушу, в добавление к бактериям и водорослям, червям и многоножкам, выходят скорпионы и пауки.

Вновь похолодание и гибель видов.

С и л у р . На сушу выходят настоящие растения.

Д е в о н . Растения осваивают всю сушу. Образуется почва. Выход на сушу позвоночных, возникновение земноводных. Последние продолжают откладывать икринки в воде, и из них появляются рыбоподобные мальки.

К а р б о н . Освоение воздуха (стрекозы). Образование лесов, общее увеличение биомассы на суше, появление рептилий. Размножение яйцами с твердой оболочкой и запасами питательных веществ.

П е р м ь . Некоторые рептилии становятся теплокровными (циподонты).

Великое вымирание. Погибло по различным оценкам от 60 до 90% видов.

Т р и а с . Появление первых млекопитающих.

Ю р а . Появление первоптиц (археоптерикс).

Возникновение множества видов мелких млекопитающих.

М е л . Возникновение цветковых растений, опыление их насекомыми.

Окончание мезозойской эры, вымирание динозавров и огромного количества иных существ.

В кайнозое, в третичном периоде, на смену динозаврам приходят млекопитающие, мир принимает более-менее современный вид.

Как же выглядит эволюционная цепь, протянувшаяся от простейших к млекопитающим?

Вероятно так:

химическая эволюция — простейшие — эукариоты — хордовые (пикайя) — кистеперые рыбы — земноводные — рептилии (циподонт) — млекопитающие (тупайя).

Вот они, предки млекопитающих, а значит, и наши с вами, уважаемый читатель, предки: пикайя, циподонт да тупайя. М-да-а... Ну да что уж теперь. Дальше просто: тупайя родил обезьян Нового и Старого Света, последние родили человекообразных (египтопитек, дриопитек), от которых и произошел, в конечном счете, человек.

Вот как представлял себе схему эволюционного развития человека от древесных насекомоядных Стейнц (1974 г.) (рис. 11).

Еще одна схема Стейнца и Кликса, более подробная (рис. 12, см. вклейку).

И, наконец, еще два рисунка. На рис. 13 представлены фазы, стадии и ответвления процесса филогенетического становления человека (Стейнц, 1974 г.).

Там же Стейнц предлагает общую схему развития гоминид (рис. 14, см. вклейку).

Практически специалисты сходятся в мысли, что к появлению человека привела следующая последовательность предков на завершающей стадии: австралопитек — человек умелый — человек прямоходящий — человек разумный. Все эти проблемы замечательно освещены в труде Ф. Кликса «Пробуждающееся мышление».

Я привожу эти таблицы с тем, чтобы они были перед глазами и настраивали нас на определенную линию рассуждений.

Такова или приблизительно такова тернистая дорога эволюции человека. И на каждом этапе этого почти четырехмиллиардолетнего пути предки человека непрерывно вступали во взаимодействия с окружающим миром.

Рассмотрим характер этих взаимодействий.

1. Живое существо и неживая природа.

1.1. Долговременные постоянные воздействия природы на живое существо: изменения состава атмосферы; изменения состава океанов; глобальные потепления и похолодания; опускания и подъем суши, горообразовательные процессы.

1.2. Быстродействующие воздействия. Извержения вулканов, штормы и ураганы, удары молний, падения метеоритов и т.п.

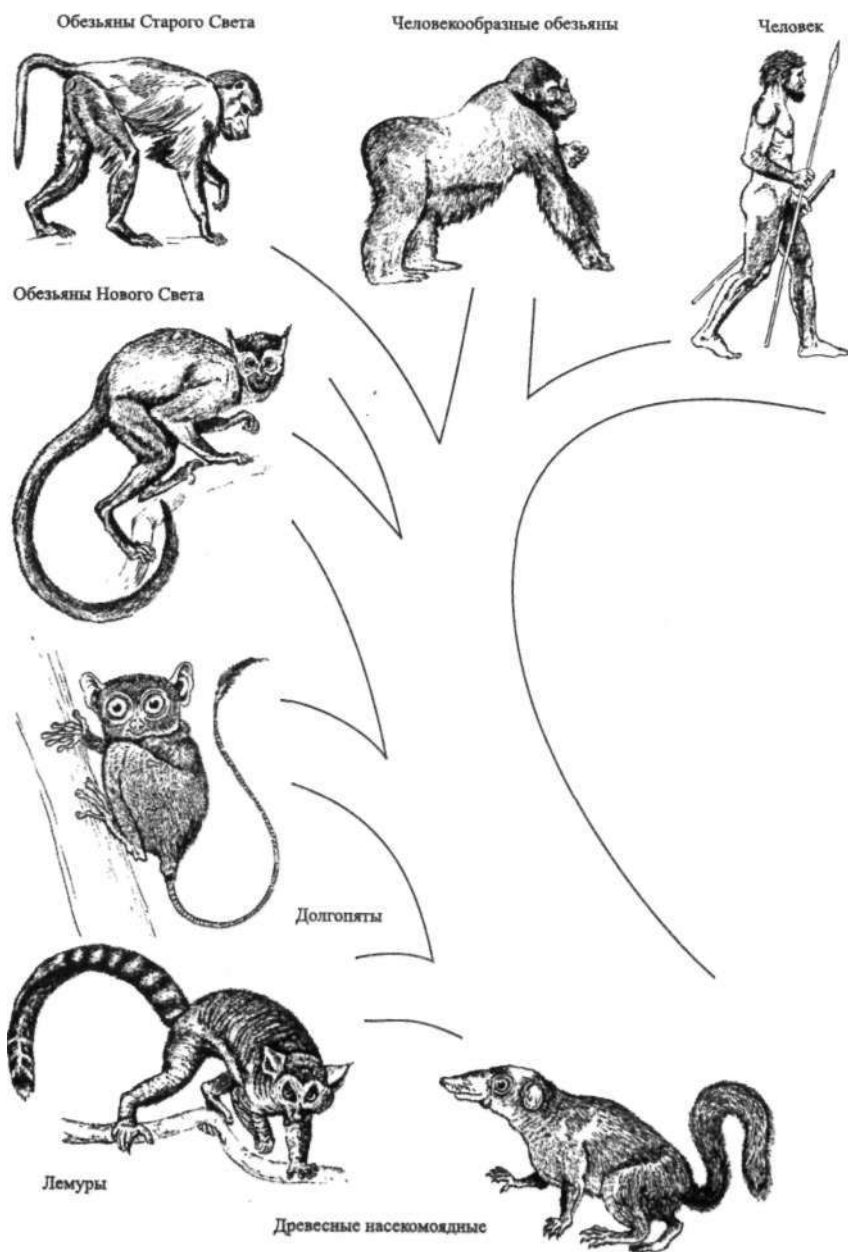

Рис. 11. Упрощенная схема эволюционно-исторического развития от древесных насекомоядных до человека.

Приводится по: Кликке Ф. Пробуждающееся мышление. М.: Прогресс, 1983.

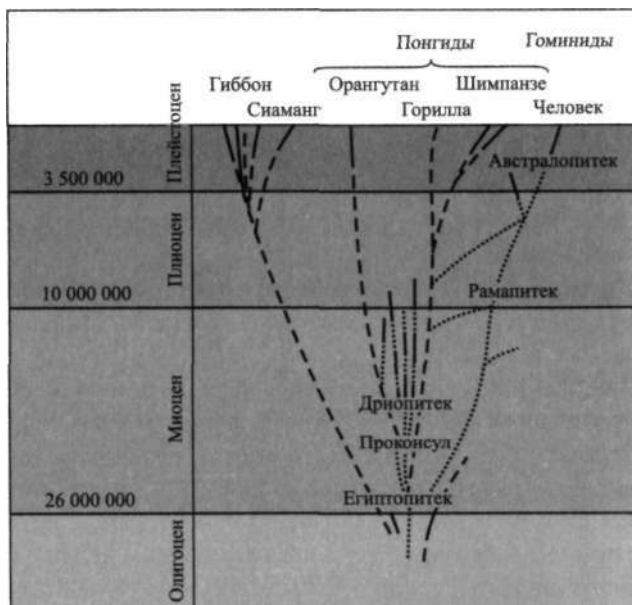

Рис. 13. Некоторые ответвления филогенетического «дерева» приматов.
Приводится по: Кликс Ф. Пробуждающееся мышление.

1.3. Циклические. Смена времен года; смена времени суток; изменение состояния гравитационного и магнитного полей; приливы и отливы и т.п.

Эти и другие формы воздействия неживой природы на живую создавали огромное количество сочетаний факторов и многочисленных следствий. Живые существа реагировали следующими способами:

а) вымирали различными эволюционными единицами (особями, популяциями, экологическими цепочками и т.д.). Это обеспечивало разные формы протекания эволюции, от более плавной (в случае гибели особи) к более ступенчатой (в случае гибели, как, например, на границе палеозоя и мезозоя, 90% видов живых существ). Здесь мы наблюдаем биологическую эволюцию;

б) меняли поведение. На первых стадиях существования жизни на Земле трудно отличить эволюцию биологическую от эволюции поведенческой, так как химические изменения в организ-

ме приводили к изменению порогов раздражимости, например. На более поздних стадиях менялось поведение на уровне всех структурных единиц поведенческой эволюции (особи, малой группы, массы);

в) противостояли силам воздействия в рамках существующих биоструктур и поведенческих особенностей, контролируя действия этих сил и не позволяя им приводить к биологическим и поведенческим изменениям.

2. Следующая форма взаимодействия, с которой встречается любое живое существо, — это столкновение с силами биологической природы.

2.1. Отношения с существами своего вида (популяция).

2.2. Отношения с существами других видов в рамках биоценоза.

2.3. Отношения в рамках общего понятия жизни.

Результаты и последствия взаимодействий живых существ с живыми существами во многом схожи с результатами воздействия с неживой природой. Но есть и важные различия. Если в первом случае мы, скорее, должны говорить о воздействии, то во втором — о взаимодействии. В первом случае контакт имеет обычно вид «стимул — реакция», а во втором случае вероятны возникновения цепочек: «стимул — реакция — ответ на реакцию — ответ на ответ на реакцию и т.д.». Это усложняет контакт, увеличивает количество переключений, создает связки рефлексорных ответов и тем самым — предпосылки к появлению инстинктов.

Необходимо отметить, что если действие неживого на живое ведет, скорее, к биологическому эволюционированию, то взаимодействие живого и живого приводит чаще к поведенческим изменениям.

Мы имеем начальную точку эволюции — простейшие. Они обладают простым устройством и простым поведением. Несмотря на большое количество воздействий, взаимодействий, их сочетаний, существуют лишь три группы следствий:

- 1) биологические изменения;
- 2) поведенческие изменения;
- 3) изменения воздействующих сил.

Именно к этому жизнь и идет диалектически. Так вот, простейшие могут менять окружающую среду лишь бессознательно, в ходе смены множества поколений. А конечная цель эволюционирования — подавить те природные факторы, которые вызывают эволюционирование. Конечная точка биоэволюции — по-

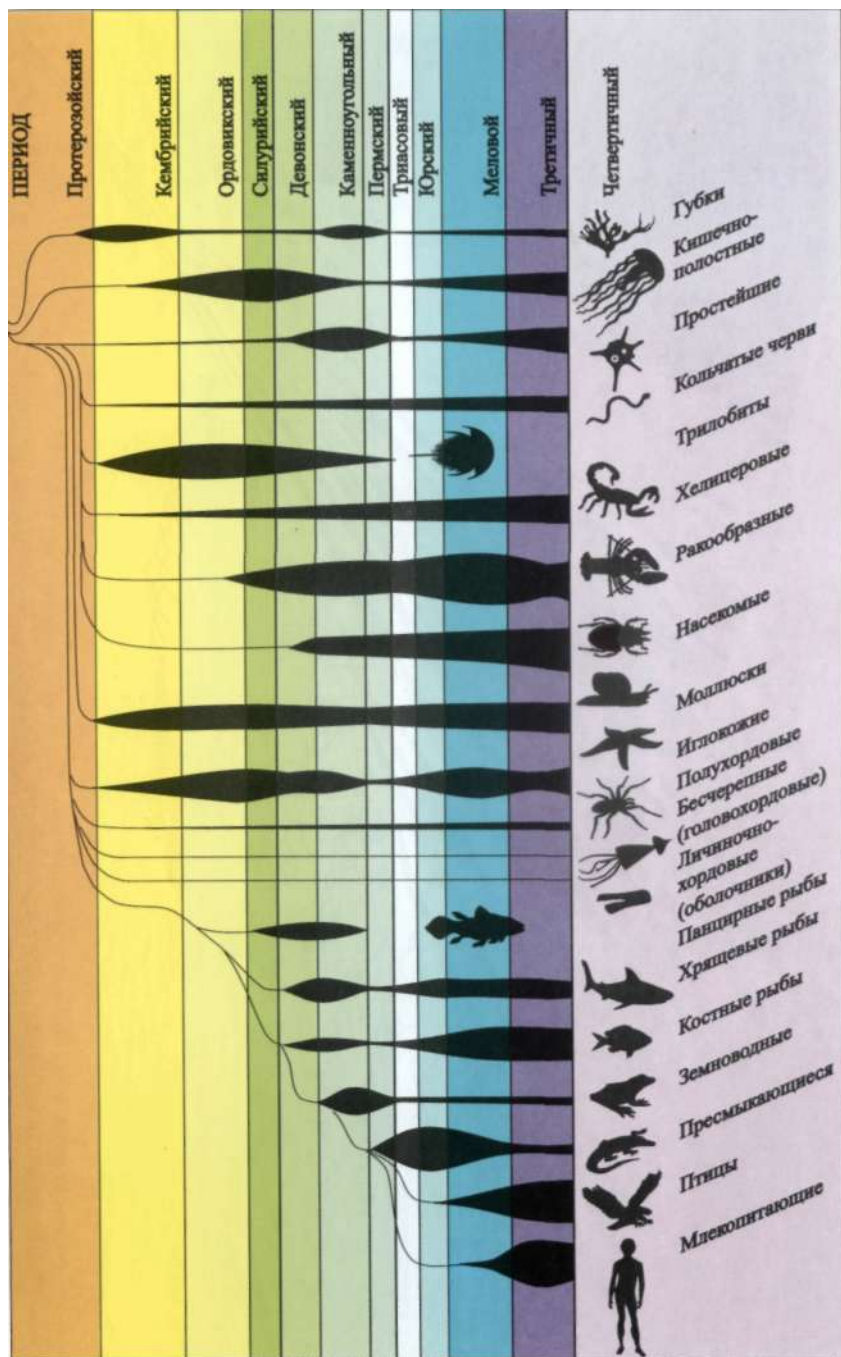
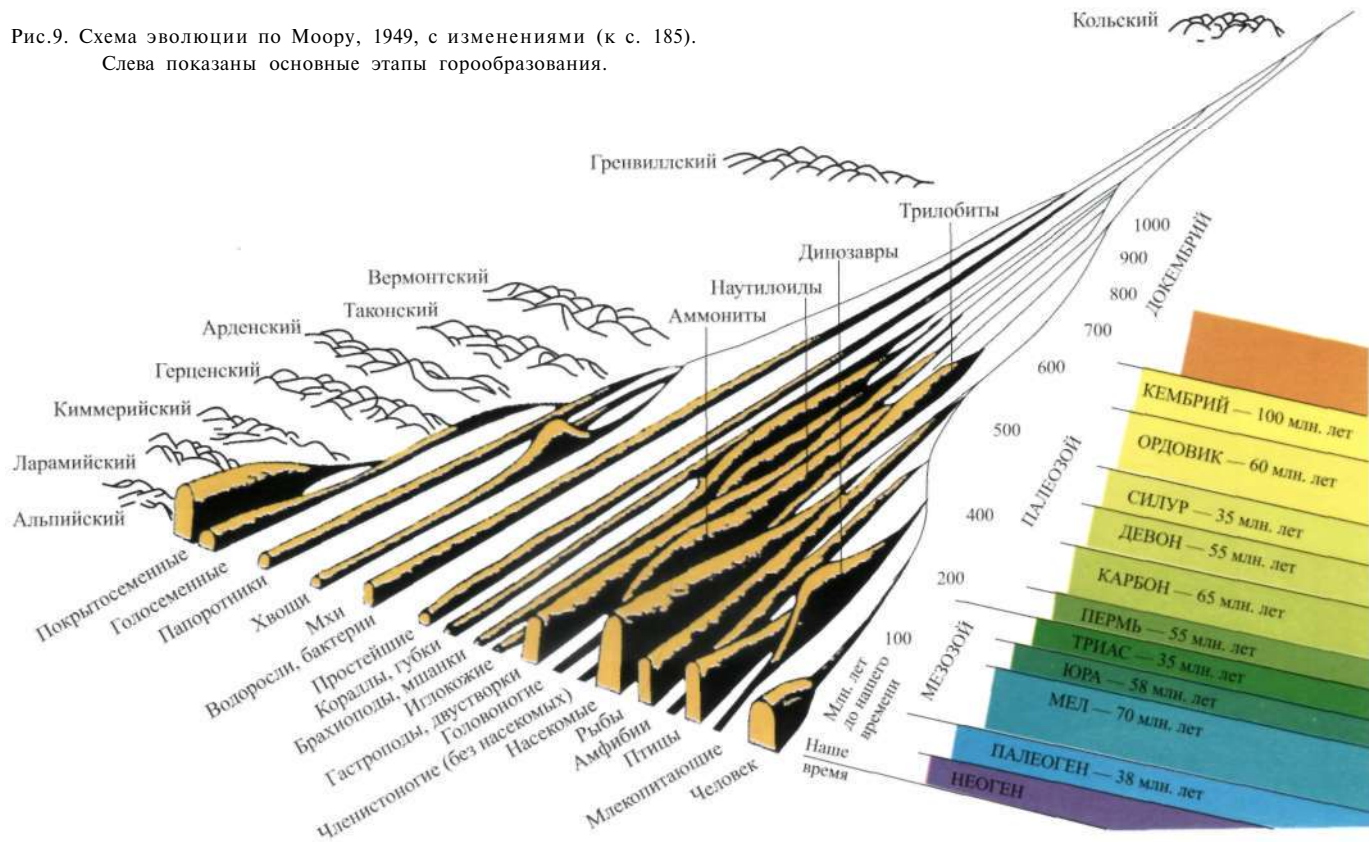

Рис. 8. Схема эволюции по Ламурoux (к с. 185).

Приводится по: Ламурoux Д. Доисторический человек. Л.: Недра, 1991.

Рис.9. Схема эволюции по Моору, 1949, с изменениями (к с. 185).

Слева показаны основные этапы горообразования.

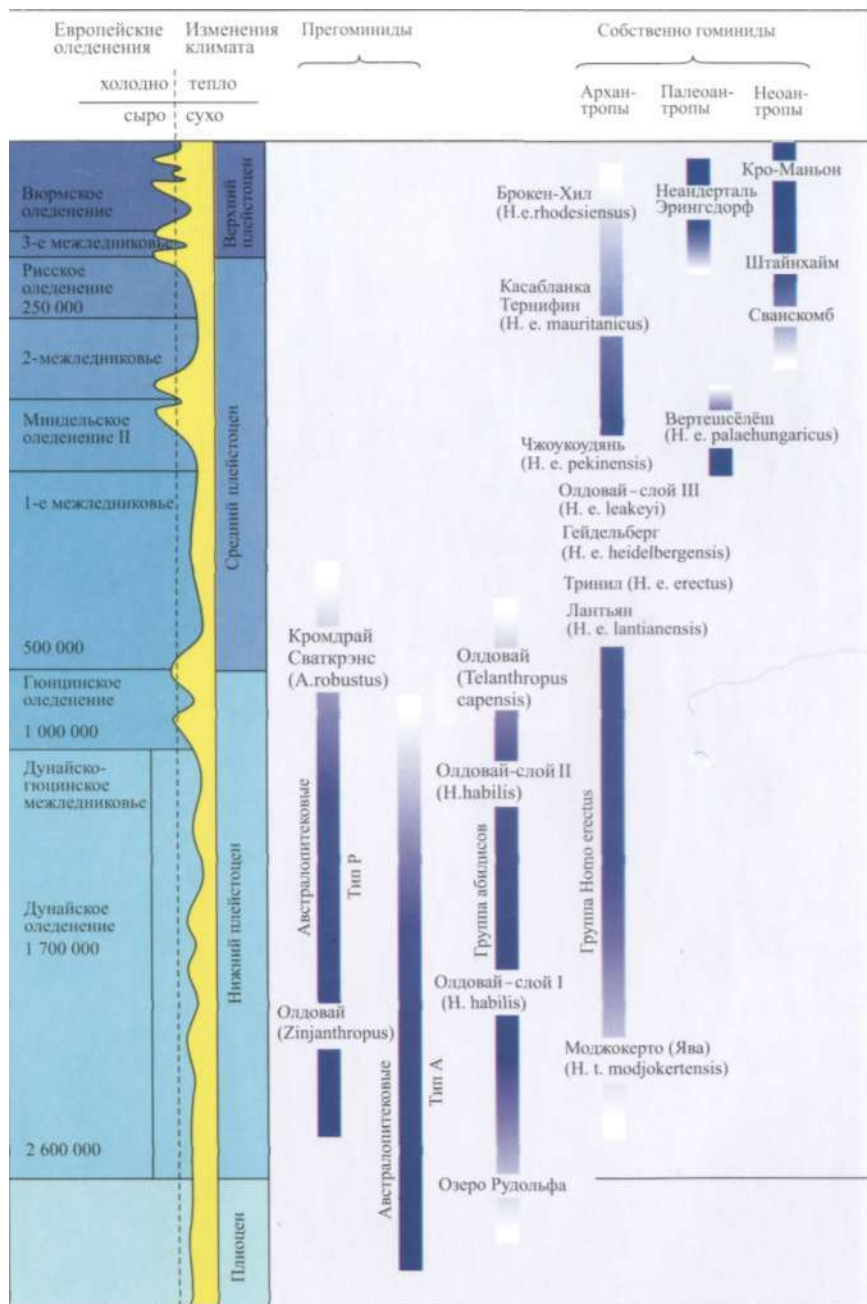

Рис. 12. Фазы, стадии и ответвления процесса филогенетического становления человека (к с. 189).

Приводится по: Кликс Ф. Пробуждающееся мышление.

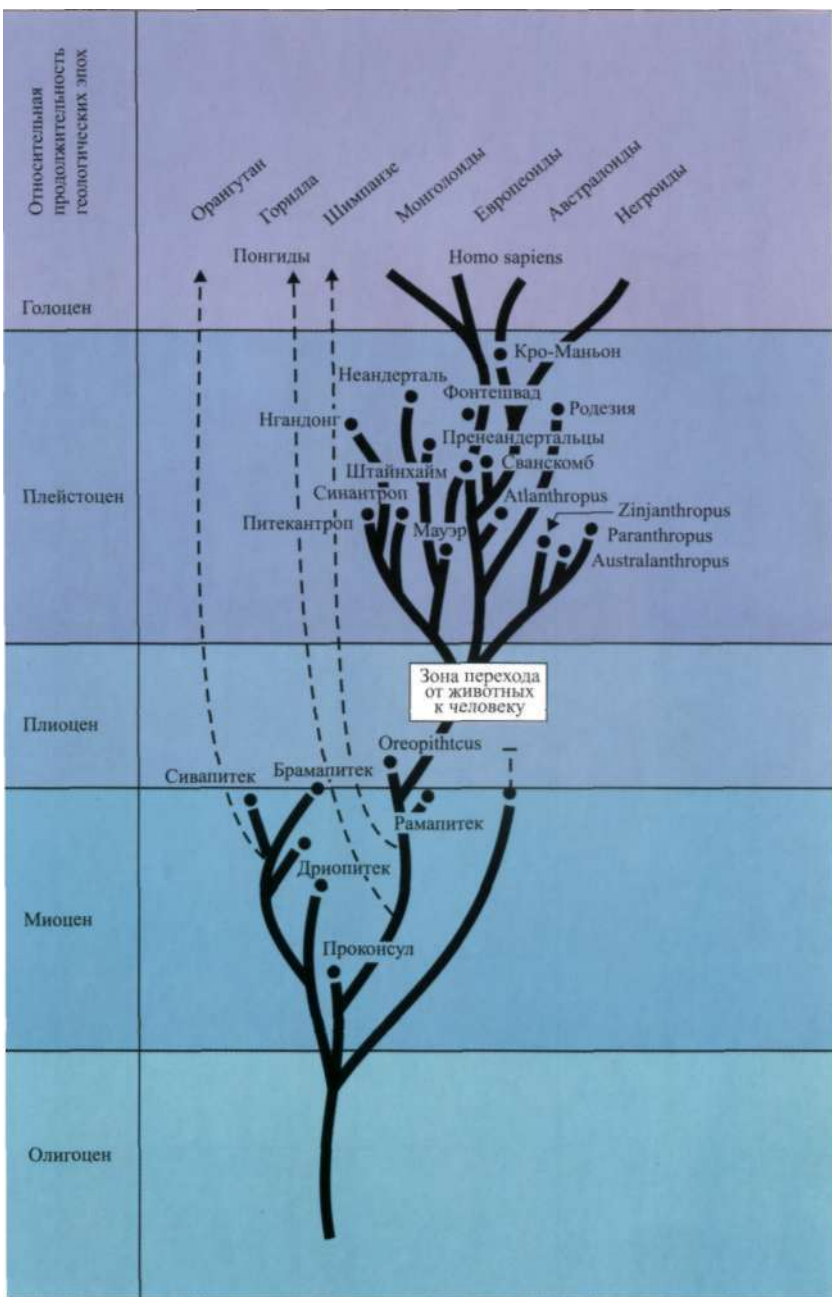

Рис. 14. Общая схема развития гоминид (к с. 189).
Приводится по: Кликс Ф. Пробуждающееся мышление.

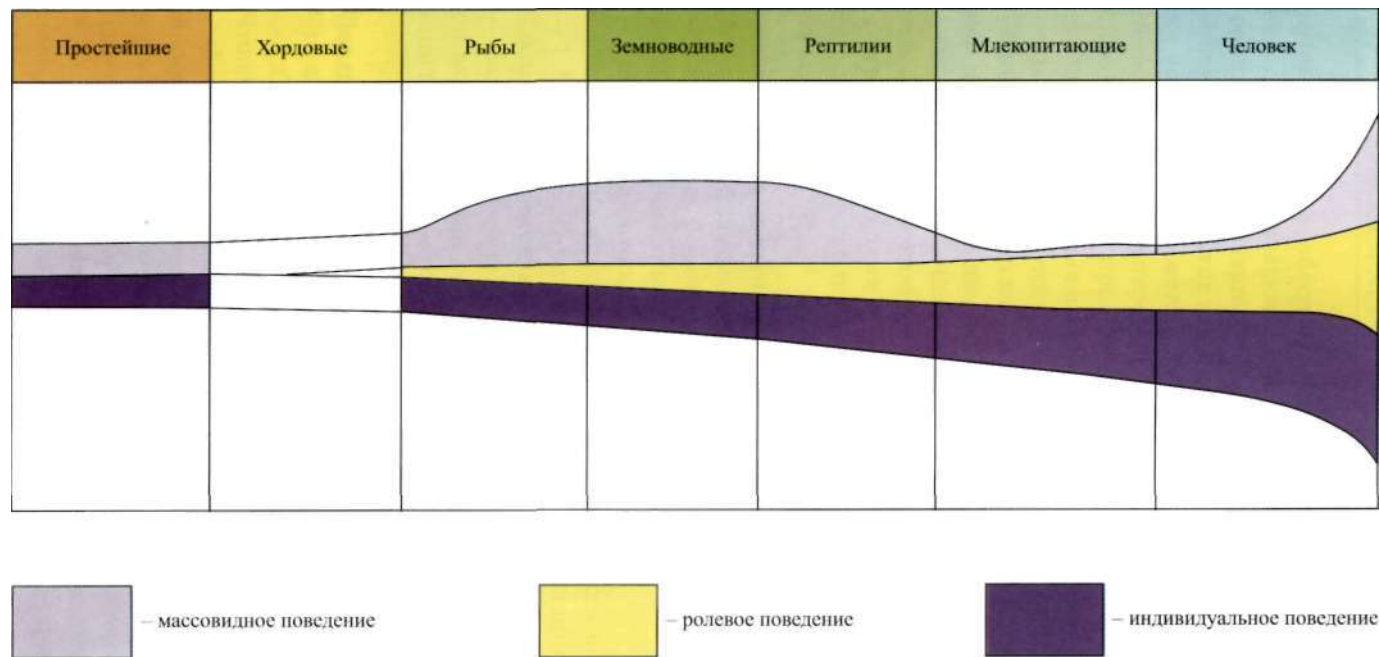

Рис. 16. Поведенческая эволюция человека (к с. 196).

строение организмов, обеспечивающих бесконфликтное проживание во всех экологических нишах. Конечная цель поведенческой эволюции — устоявшаяся система поведения существ Земли. Конечно, и то и другое недостижимо, ибо прекращение движения вперед есть движение назад, в область наличия противоречий, а движение вперед обуславливается лишь наличием этих противоречий. От простейших мы доэволюционировали до сегодняшнего положения дел, принципиальное отличие которого — в возникновении человека с его сознанием и мышлением. Последние позволяют во многом решить проблему контроля над силами неживой природы, но запускают принципиально иной механизм, пробуждающий изменения: мир культуры, мир цивилизации, мир познания — мир, созданный в мышлении людей, со своими правилами и законами.

Разведем более четко понятия биологической и поведенческой эволюции.

Биологическая эволюция.

Что является единицами биоэволюционного процесса?

— 1. Популяция. 2. Биоценоз. 3. Живая природа в целом.

Что является движущей силой эволюции?

— Естественный отбор случайных мутаций.

Каковы факторы, обуславливающие возможность эволюции?

— 1. Мутации. 2. Популяционные волны. 3. Изоляция.

Каким образом передается информация в ходе эволюции?

— Записывается в генах и передается: 1) при размножении; 2) при взаимоусвоении веществ партнеров по биоценозу; 3) при помощи посредников — переносчиков генетической информации, например вирусов.

Поведенческая эволюция.

Что является единицами поведенческой эволюции?

— 1. Особь. 2. Малая группа. 3. Макрогруппа.

Что является движущей силой поведенческой эволюции?

— Естественный поведенческий отбор. Отличается от естественного отбора тем, что критерием успешности в данном случае является передача потомству поведенческих особенностей.

Каковы факторы, обуславливающие эволюцию поведения?

— Ситуативная вариативность поведения, необходимость реагировать на задачи ранее не встречавшегося типа; увеличение количества возможных выборов поведенческих актов.

Каким образом передается поведение особи потомству?

— Записывается в виде анатомических, морфологических форм, передающихся по наследству в биоэволюции; передается в форме генетической памяти(?); в процессе воспитания потомства.

В биологической и поведенческой частях общего эволюционного процесса, зачастую соприкасающихся и дополняющих друг друга, есть и различия. Биоэволюцию мы отслеживаем по строению живых существ, а поведенческую эволюцию — по формам взаимоотношений существ с внешней средой.

Поведенческая эволюция есть усложнение поведенческого акта от раздражимости до деятельности. Цепочка поведенческой эволюции выглядит так: *раздражимость — безусловный рефлекс — условный рефлекс — инстинкт — деятельность*. Каждое нижестоящее звено присутствует в вышестоящем, а каждое последующее — в предшествующих в форме обратной связи.

Поведенческая эволюция возникла как выражение интересов особи и массы, а затем и иных социальных структур, возникавших в процессе общей эволюции. В силу ряда причин промежуточным звеном между особью и массой стала малая группа.

Для обеспечения успешности эволюционного процесса в целом поведенческая эволюция должна была обеспечить интересы каждой из этих трех форм: особи, малой группы и макрогруппы (массы), — выработать у каждой особи умение вести себя в личном столкновении с тяготами существования, в специфических условиях малой группы, в условиях существования в толпе себе подобных особей.

Мы не знаем, зародилась ли жизнь в виде одного-единственного существа, но уже 3,5 млрд. лет назад океаны были заполнены простейшими. Сложно сказать, что и как происходило в первые три миллиарда лет существования жизни. Следы летописи в камне, как сказали бы классики психологии толпы, уничтожила злобная метаморфизация горных пород, и лишь появившиеся 700-600 млн. лет назад твердые скелеты и панцири, устлав дно древних океанов и сохранившись в веках, передали нам более полную картину тех времен.

Рассматривая поведение как феномен, соотношение его трех составляющих можно изобразить графически (рис. 15).

Поведение со времен с вендского периода существует в ин-

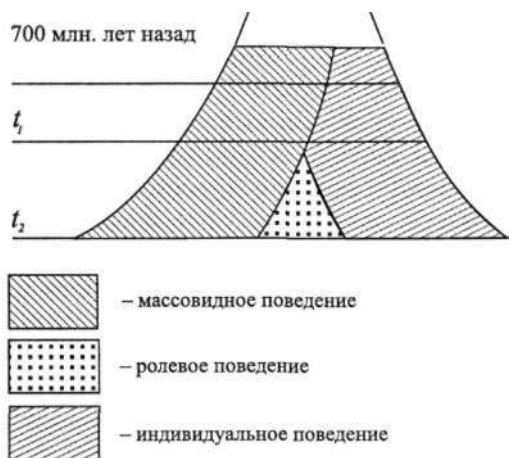

Рис. 15. Соотношение трех составляющих поведения.

дивидуальной и массовидной формах; в какой-то момент времени (t_1) выделяется в самостоятельную группу ролевое поведение, и в настоящее время (t) существуют в различных сочетаниях и пропорциях у разных видов живых существ все три поведенческие составляющие.

Первоначально поведение каждой особи обеспечивалось ее внутренним биоустройством и внешними условиями. Провести грань между поведением, обеспечивающим выживание особи и выживание вида, очень сложно.

Эволюция выбраковывала те существа, которые вели себя не как все, а иногда бывало и наоборот: гибли все, кроме одного, которое вело себя иначе. В первом случае вырабатывались механизмы, обеспечивающие массовидное поведение, а во втором создавались предпосылки к возникновению новых видов. Здесь мы наблюдаем начальную стадию расхождения линий поведенческих регуляторов, обеспечивающих массовидное и индивидуальное поведение.

Ролевое поведение, следовательно, и механизмы, его обеспечивающие, формируются при достаточном усложнении биологической структуры и условий существования особей. Может быть, возникновение ролевого поведения связано с половым способом раз-

множения, может быть, обусловлено сенсорными возможностями особи, другими причинами — ответы на эти вопросы еще предстоит получить.

Каждая эволюционная линия поведения развивалась и совершенствовалась до настоящего времени, находясь в тесной зависимости и связи с линией биологической эволюции. Сегодня любая особь находится в зоне действия всех трех групп коррелятов поведения. Иначе говоря, каждая особь, каждый вид обладают своим, только им присущим биологическим строением и своим сочетанием трех групп коррелятов поведения.

Поведенческая эволюция линии человека может быть изображена графически (рис. 16, см. вклейку). Взаиморасположение линий носит, конечно, качественный характер. Количественные исследования тут неуместны.

Доля феноменов массовидного поведения снижается у млекопитающих предков человека. Они были насекомоядными, вели ночной образ жизни, и маловероятно, что они часто собирались в стаи. Обезьяноподобные наши предки жили также группами небольшой численности, и лишь со времени начала цивилизации (около 5 тыс. лет назад) рост численности людей, их скопление в городах привели к повышению роли группы регуляторов, обеспечивающих массовидную форму поведения человека.

Каким образом, затухая у рептилий и почти не проявляясь у насекомоядных млекопитающих, механизмы, обеспечивающие массовидный способ поведения, сохранились и были вновь востребованы на последних стадиях развития человеческого общества? Маловероятно, чтобы сохранение это шло единственным способом. Скорее, способов было несколько, они дублировали друг друга.

Существует множество эволюционных линий, которые удобно рассматривать в рамках общей эволюции. Три поведенческие, несколько биологических. Если одна ветвь какое-то время остается невостребованной, то информация сохраняется в других линиях, а отдыхающая ветвь вновь может быть задействована в случае возникновения новых условий.

Существует также информационный обмен между живыми существами разных видов путем вирусного переноса генетических записей и, судя по результатам некоторых опытов, переноса ДНК с пищей. Есть вероятность (экспериментально пока не подтвержденная) сохранения информации^сех линий эволюции в

ноосфере, общем биополе, сверхсознании — называют все по-разному.

Наконец, информация передается уже на уровне сознания в виде устной традиции, феноменов культуры, письменно.

Совокупность этих факторов привела к тому, что при возникновении соответствующих условий поведенческая линия массовидной регуляции вновь проявилась у человека и сегодня играет важную роль в протекании общественных процессов.

Из мглы веков перенесемся ближе к настоящему.

Приблизительно 3 млн. лет назад специалисты обнаружили проблески сознания у эволюционных предков человека. Какие причины привели к появлению сознания, как все происходило в подробностях, можно прочесть, к примеру, в очень хорошей и умной книге Ф. Кликса «Пробуждающееся мышление». А я отмечу значимый феномен, что все три ветви эволюционного развития групп поведенческих регуляторов с возникновением сознания должны были быть осознаны, с возникновением мышления должны были быть осмыслены.

Индивидуальное поведение в значительной мере подконтрольно сознанию. Контроль ролевого поведения часто дает сбой. Массовидное поведение мало контролируется разумом, здесь уместнее осторожно говорить о менталитете, общественном сознании.

Три типа поведенческой регуляции являются факторами, обуславливающими возможность социального эволюционирования человеческого общества.

Существует множество работ, посвященных рассмотрению поведенческих особенностей человека, находящегося под влиянием регуляторов индивидуального поведения. На мой взгляд, вопрос проработан достаточно полно, и почти все сведения об этом можно почерпнуть из литературы.

Хотелось бы остановиться более подробно на поведении человека, находящегося в сфере влияния групп ролевых и массовидных коррелятов.

Малые группы, в развитии которых ролевое поведение проявляется особенно ярко, были в достаточной степени изучены, особенно в последние годы, на которые выпал пик тренингового движения. Я также приложил к этому руку, опубликовав результаты исследований и размышлений в 1996 г. в виде книги «Психотренинг. Социодинамика, упражнения, игры». Но значи-

тельно меньше исследований проявления ролевого поведения во внелабораторных условиях: в реальных коллективах, социальных институтах и других социальных структурах. Также практически отсутствуют современные исследования массовидного поведения человека в классической толпе и иных социальных формированиях.

Глава 5

Поведенческие деформации

Особенности поведения людей, находящихся в условиях устойчивого доминирования определенных сочетаний групп поведенческих регуляторов. Особенности работы анализаторов в группах людей различной численности.

Алгоритмы, запускающие массовидное поведение

Если существуют три группы регуляторов поведения, а также механизмы, обуславливающие в определенный момент доминирование одной из них, то следует предположить, что у некоторых людей могла сложиться и закрепиться привычка вести себя в рамках какой-либо одной группы регуляторов поведения. Кроме того, могут сформироваться и поведенческие стереотипы в виде последовательного превалирования разных групп регуляторов в процессе обеспечения деятельности.

Знание основ комбинаторики позволяет составить перечень возможных сочетаний групп регуляторов.

I. Самый распространенный вариант — когда все три группы регуляторов обеспечивают поведение человека на паритетных началах.

II. Превалирует индивидуальный тип поведения.

III. Преимущественно используются ролевые регуляторы.

IV. Чаще действуют механизмы, обеспечивающие массовидное поведение.

V. Поведение человека определяется индивидуальной и ролевой группами регуляторов при отсутствии массовидной.

VI. Не используется ролевая группа регуляторов, а поведение обусловлено индивидуальными и массовидными механизмами.

VII. Отсутствует индивидуальная регуляция поведения при наличии ролевой и массовидной.

VIII. Увы, случай, когда отсутствует и индивидуальное, и ролевое, и массовидное поведение. При таком положении дела совсем плохо. И не будем об этом. А рассмотрим первые семь вариантов.

I. Когда мы говорим об **участии в должной пропорции в регулировании поведения человека всех трех групп регуляторов**, то подразумеваем, что в каждом конкретном случае некие механизмы включают ту или иную группу регуляторов. Что же это за механизмы? Ответ на этот фундаментальный вопрос позволит нам более эффективно и на научной основе регулировать поведение людей, что без всякой психологии проделывают сегодня руководители тоталитарных сект, фашисты, агрессивные военные блоки, т. е. как раз те, в чьих руках манипулятивные возможности представляются особо опасными. Знать механизмы, управляющие поведением людей, — значит уметь противостоять и некомпетентному, и злонамеренному их использованию. Может быть, многим этот пассаж покажется сомнительным, но это так и есть.

Итак, обыкновенный человек, каких подавляющее большинство, отправляется на футбольный матч. И, что в «мирной» жизни за ним никогда не замечалось, начинает скандировать вместе со всеми кричалки, на порядок уступающие по своим литературным качествам тем, что сочинял медведь с опилками в голове. Оказавшись на следующий день на своем рабочем месте, скажем в НИИ, он погружается в пучину ролевых отношений; наконец, принимая участие в кругосветных гонках яхт-одиночек, человек попадет в сферу доминирования индивидуальных регуляторов поведения.

Бесспорно, что поведение в каждом из этих трех случаев различается самым коренным образом.

Что же эти различия обуславливает? Попробуем описать, а затем и систематизировать причины.

Количество людей, присутствующих на матче, даже когда играют «Россельмаш» и «Шинник», все же составляет несколько тысяч человек. В отделе работает 15 человек, а на яхте капитан, по условиям гонки, руководит лишь самим собой.

10 000, 15 и 1 — пока это просто числа, показывающие количество людей, которое нас окружает в каждом из трех случаев. Оговорим, что информация об окружающих приходит к нам посредством наших органов чувств и никак иначе. Тогда мы узнаем в поведении окружающих зрительно, по слуху, тактильно, по

запаху и вкусу, хотя на первый взгляд последняя позиция может показаться сомнительной.

Кроме этого птицы, возможно, воспринимают окружающее анализаторами магнитных полей, рыбы — боковой линией, реагирующей на колебания воды, а змеи — термодатчиками. Это я просто не отошел еще от предыдущей главы, вернемся к обсуждаемому вопросу.

Рассмотрим анализаторы.

а) Зрительный. Наше зрение так устроено, что глаз сканирует границы света и тени, цветовых тонов, реагирует на движение. На стадионе, в толпе зрителей глаз вынужден совершать гораздо больше сканирующих движений, что приводит к утомлению и самого рецептора, и той части мозга, которая отвечает за анализ групп зрительных образов. При этом значимость получаемой информации не подтверждается. Ну, машут все руками — и машут, нас это не касается. И постепенно болельщики из фигур переходят для нас в состояние фона. Мозг начинает настраивать зрение на фиксацию лишь таких действий, которые отличаются от хаотических. Не просто взмахи рук, а упорядоченные взмахи. Не просто вставание, а одновременное общее вставание. На стадионе такие синхронные движения связаны с ситуацией на поле. Забит гол — и все вскакивают. И наши зрительные анализаторы реагируют на синхронно действующие тысячи людей, которые, взятые каждый в отдельности, на каком-то этапе стали фоном, как на фигуру.

б) Ситуация со слухом очень похожа. Все болельщики что-то говорят на трибунах, но слышан лишь шум. Это как в театре: когда нужно изобразить шум толпы, несколько артистов начинают не в такт говорить слово «ребарбора». Со стороны очень похоже на отзвук бушующих масс. Наши слуховые анализаторы вместо смысловых сигналов получают сплошную ребарбору и прекращают попытки фильтровать весь этот акустический сор. В своих экспериментах мы отмечали феномен, когда первоначально в толпе два собеседника не слышат друг друга, а затем вдруг понимание налаживается. Происходит это в момент, когда слуховые анализаторы прекращают бесплодные попытки выделить смысловую составляющую в белом шуме и отстраиваются от него. В каком-то смысле звуковой образ толпы — как шум моря. Это для романтики.

Кстати, оказывается, отключению от шума толпы и умению лучше улавливать смысловой сигнал можно научиться. Актеры на занятиях по сценической речи разбиваются на пары, а затем все одновре-

менно говорят что-то друг другу. И со временем учатся говорить и слышать так, что понимают друг друга на большом расстоянии в условиях сильных акустических помех. В общем фоновом шуме толпы мы ищем сигнал. Кроме того, в толпе мы скорее услышим тот сигнал, который ожидаем (феномен установки). Если мы ожидаем, что толпа крикнет: «Гол!», — то мы уже настроены любой ее крик воспринимать как гол. Мы проводили эксперименты, когда демонстрировали толпу издалека, на экране, причем если мы говорим, что это толпа футбольных болельщиков, то слышалось «Гол!», а если — что это штурм Берлина, то «Ура!». Для того чтобы быть услышанным, сигнал должен быть сильным. Такой может сформироваться, если болельщики одновременно крикнут «Гол!». Момент этого крика опять-таки определяется ситуацией на поле.

в) Тактильные анализаторы. В толпе нас слегка задевают так часто, что мы перестаем обращать на это внимание. Личностное пространство либо значительно сокращается, либо как психическая реальность вообще перестает существовать. В то же время в толпе всех нас одинаково греет солнце, всех студит ветер и мочит дождь. Каждый участник толпы принимает сходные тактильные сигналы.

г) Обоняние. Не хотелось бы говорить так о людях, но от многих пахнет весьма специфично. И люди опытные, как, например, ротмистр Кениг из «Швейка», по одному выдоху способен определить: «Ага! Ром, контовушка, "черт" рябиновка, ореховка, вишневка и ванильная». Каждая толпа имеет свой запах. Стадион пахнет травой, пластмассовыми сиденьями, пивом, потом, если жарко. Театр пахнет духами и пылью. Но мы быстро перестаем ощущать этот парфюм и замечаем отклонения в букете лишь в том случае, если они достаточно сильны. Например, запах «черемухи» во время разгона футбольных фанов.

Скорее всего, и тактильные и обонятельные органы чувств заслуживают более серьезного отношения при рассмотрении механизмов запуска регуляторов массовидного поведения. Во всяком случае, у социальных насекомых влияние этих групп сигналов на регуляцию поведения очень высоко.

д) Вкус. Затрудняюсь в подобном случае говорить в вкусе, ведь рассуждение, что на стадионе у всех одинаково першит в горле и лишь такой сильный сигнал доходит до сознания, как желание пива, легко уязвимо и открыто для критики. Но именно с позиции вкуса можно провести следующую линию рассуждений.

Человек, впервые посетивший футбольный матч, смотрит на

происходящее с недоумением. Он не знает, что делать. Ни индивидуальные, ни ролевые группы регуляторов ему ничего путного не подсказывают. Но надо же как-то себя вести! Он смотрит на соседей, на всех болельщиков. Все кричат — и он кричит. Все пошли пить пиво (о великий Ерофеев!) — и он идет. Так формируется знание, что должно делать на стадионе. И вовсе не шуткой воспринимается распространенная фраза: «Пойдем на футбол пиво пить!» Человек, посещающий стадион вторично, уже знает, что именно ему предстоит там делать. Если выполнить программу по какой-либо причине не удастся, он испытывает дискомфорт. Дискомфорт от несбывшихся поведенческих ожиданий. И в соответствии с программой начинает стоя аплодировать в конце театрального спектакля, даже если постановка была весьма средней. Он делает это не только для артистов. Он делает это для себя.

Попробую выстроить последовательность событий, приводящих к доминированию группы регуляторов массовидного поведения.

1. Количество сигналов, приходящих по сенсорным каналам, в значительной степени превышает обычное.

2. Значимость этих сигналов, возможность их расшифровки низки, и скоро они начинают восприниматься как фон, на который не следует обращать внимания.

3. В возникающем состоянии сенсорного голода сознание ищет значимые сигналы. Таковыми сигналами являются те, которые можно отделить от фона: громкие, четкие, ясные.

4. Таковыми, в значимой мере отличающимися от фоновых, сигналами являются те, которые подает синхронно большое количество людей. Синхронно люди могут реагировать в том случае, когда их реакция обусловлена едиными для всех событиями (например, ситуацией на футбольном поле) или резким изменением параметров окружающей среды (пожар в темноте во время киносеанса).

5. Синхронными с большой вероятностью могут быть простые реакции, простые крики, простые движения. Более сложные действия отдельных людей остаются деянием одиночек и окружающими не воспринимаются, потому что они — шум, фон.

6. Повышению вероятности одинакового реагирования многих членов толпы служат: предварительный настрой членов толпы на выполнение определенных действий; ситуативная ограниченность возможных действий; наличие действия, за которым толпа внимательно наблюдает, не будучи сама его прямым участником; схожий сенсорный фон у всех членов толпы.

Такая серия причин, включающих массовидную группу регуляторов у человека.

Рольевые отношения начинают формироваться в том случае, если для решения какой-либо задачи собралась группа людей в количестве, позволяющем каждому участнику группы удерживать остальных в сфере своего восприятия. Участники группы должны иметь возможность общаться между собой. В этом — одно из принципиальных отличий малой группы от толпы: в последней контакты носят лишь односторонний характер: «лидер — член толпы», а в малой группе общение обоюдное, существует обратная связь.

Если данные условия соблюдаются, автоматически начинают работать механизмы, обеспечивающие рольевое поведение.

Достаточно подробно я писал об этом в книге «Психотренинг. Социодинамика, игры, упражнения». Книга разошлась большим тиражом, да еще были какие-то пиратские издания, так что при необходимости ее можно легко найти, а сейчас не буду повторяться, отмечу лишь, что в исследованиях, проведенных уже после выхода из печати «Психотренинга», были получены интересные результаты. Очень обещающим в прогностическом аспекте представляется способ рассмотрения некоторых политических организаций и тайных обществ как коллективных лидеров. Такой подход позволяет объяснить многие особенности деятельности подобных структур. Об этом — в следующей книге. Также любопытным представляется рассмотрение государства как макрокопии структуры малой группы, в которой рольевое поведение обеспечивается не непосредственно в парах общающихся, а через цепочки посредников. Об этом мы будем говорить в одной из следующих глав.

Почему численность малой группы, т. е. людей, связанных рольевыми отношениями, колеблется в пределах 12-15 участников? Вероятно, это связано:

а) с особенностями нашей психики, способной удержать в памяти, охватить мышлением, включить в сферу эмоциональных отношений именно такое количество участников. Значимо и то, что лидер способен непосредственно контролировать, как показывает практика, приблизительно такое количество членов группы. При увеличении численности требуется еще один лидер, и группа распадается надвое, и т. д.;

б) с особенностями стоящих перед нами задач. Эта тема относится скорее к философии, чем к психологии. Почему задачи, которые природа ставила перед нашими предками, оптимально реша-

лись именно малыми группами со свойственными им ролевыми отношениями? Тут же вечный некорректный вопрос: что первично — наша психика, которая дробит воздействие на нас мира именно на такие задачи, или подобные задачи являются некими элементарными воздействиями и именно под них сформировалась психика? Вопрос, как говорится, конечно, интересный...

Осталось рассмотреть, в каких случаях включаются механизмы, обеспечивающие индивидуальное поведение. Вероятно, правильным будет такой ответ: они никогда не выключаются. Никакие специальные механизмы для их включения не нужны. Наше желание жить, продолжать род, питаться и т.д., вплоть до потребности познавать мир, всегда с нами. При включении ролевых и массовидных регуляторов удельный вес индивидуальных уменьшается. В более чистом виде индивидуальное поведение проявляется, когда вокруг нет никого: ни малой группы, ни толпы. Правда, по мнению большинства исследователей, наше сознание — продукт социальных отношений; и тогда, памятуя об особенностях поведения людей, воспитанных вне человеческого общества, можно было бы сказать, что истинно индивидуальное поведение есть поведение животного. Но говорить о таких случаях мы не будем, так как подобная постановка вопроса кажется некорректной. Да и не так уж подобные случаи часты.

Благодаря тому что с появлением сознания все три группы регуляторов были записаны и на уровне рассудка — может быть, кроме массовидных; благодаря наличию индивидуальной памяти, которая расширяет момент нашего существования в прошлое, и апперцепции — в будущее; благодаря огромному числу связей, вписывающих каждого из нас в культуру человечества, процесс переключения групп регуляторов нашего поведения очень сложен. Но уже сегодня можно говорить об успешности экспериментов по искусственному запуску той или иной группы регуляторов поведения.

Наш образ жизни, наше воспитание, задачи, которые мы ставим перед собой, профессия зачастую вырабатывают у нас привычку пользоваться чаще какой-либо одной группой регуляторов или их сочетанием.

И. Превалирование группы регуляторов индивидуального поведения. Классическим случаем этой ситуации можно считать детей, воспитанных животными. Дети, попав в человеческое общество, так и не научились говорить, писать, следить за собой. Они рычали, когда у них пытались отобрать пищу, забивались в угол,

если на них замахивались, ну и так далее. Впрочем, несколькими строчками выше я обещал на эту тему не говорить. Значительно интереснее рассматривать ситуацию, когда человек с нормальным поведением попадает в условия, где его ролевые и массовидные регулянты не востребуются. И опять история и литература предлагает нам замечательный пример: приключение Робинзона Крузо. Нереализованные потребности ролевого общения и, в менее осознаваемой степени, массовидного поведения тяжело переживались потерпевшим кораблекрушение мореплавателем. Правда, по книге все окончилось хорошо. В жизни все бывает по-другому. Известны описания поведения людей, долгие годы проведенных в одиночном заключении. Известен случай с солдатом, который много лет провел на складе, засыпанном взрывом в годы второй мировой войны. Эти люди так и не смогли в полной мере вернуться к жизни в обществе. Одних индивидуальных регуляторов оказалось явно недостаточно для того, чтобы обеспечить им нормальное общение с другими людьми, а ролевые и массовидные во многом атрофировались. В малых группах эти люди выбирали поведенческий репертуар избегания контактов, при любой возможности уединялись. Скопление большого числа людей вызывало у них немотивированный ужас. Вероятно, группы поведенческих ролевых и массовидных регуляторов без подкрепления затухают. Иногда это восстановимо, иногда нет, если дело зашло слишком далеко.

Подобные особенности поведения наблюдаются у многих философов, религиозных фанатиков (столпников, отшельников, затворников и т. д.). Многие психологи, авторы фундаментальных трудов о поведении толпы, панически боялись их. Те из них, кто обладал развитыми регуляторами ролевого поведения, создавали группы единомышленников-учеников, стараясь оградить их и самих себя от внешних контактов; испытывавшие затруднение в ролевом общении оставались совсем одинокими.

Сегодня многие профессии предлагают людям, их избравшим, требования, содержащие опасность подавления или невостребованности ролевого и массовидного поведения, и именно психологи должны заниматься предотвращением подобных последствий.

В настоящее время в результате строительства «капитализма с человеческим лицом» сократились ассигнования, выделяемые на освоение Севера, Антарктиды, обслуживание метеостанций и т.д. Участились случаи одиночных зимовок, когда люди по месяцу и более проводят в изоляции, часто в условиях полярной ночи. Исследова-

ния фиксируют значительные изменения в психике людей, подвергшихся подобным испытаниям. Это и возврат детских страхов, и возникновение ощущения взгляда в спину, и привычка разговаривать с самим собой и неодушевленными предметами, и увеличение количества ярких сновидений. В некоторых случаях фиксируются слуховые и зрительные галлюцинации. Все это приводит к созданию обширнейшего фольклора, даже мифологии, если хотите, зимовщиков, альпинистов, спелеологов. В свое время я был знаком с одним рыбаком-помором, который мог много часов подряд рассказывать совершенно оригинальные байки, притчи, истории. Этот человек работал вралем, т.е. наряду с выполнением обязанностей рыбака в артели должен был своими разговорами заполнять вакуум общения, возникающий во время промысла, когда несколько рыбаков оказываются оторванными от берега на долгое время. К сожалению, это было давно, и записать эти крайне любопытные рассказы не было возможности.

Альпинисты, в одиночку взбирающиеся на Эверест, яхтсмены, участвующие в одиночных кругосветных гонках, путешественники, в одиночку покоряющие полюса, — все эти люди не используют регуляторы ролевого и массовидного поведения в силу тривиального одиночества. Мысленные разговоры, прокручивание в памяти реальных и воображаемых ситуаций лишь отчасти позволяют задействовать эти их поведенческие регуляторы. Особая тема — космические полеты. К сожалению, мне до сих пор не доводилось принимать участие в подготовке космонавтов к полетам, разработке самих космических программ, тем более в самих полетах, так что информацией из первых рук я не располагаю. Но некоторые опубликованные исследования, истории, доходящие через третьи руки, скандальные публикации в прессе и телепередачи задают тему для рассуждений. Информации, безусловно, мало для того, чтобы давать ответы, но ровно столько, сколько необходимо для того, чтобы ставить вопросы.

1. Как поведет себя человек, оказавшись в условиях максимально возможной сенсорной изоляции? Еще в докосмическую эру человека погружали в темноте в бассейн, наполненный водой, подогретый до температуры тела, одевали на кисти рук специальные цилиндры, делающие невозможным прикосновение пальцами к какому-либо предметам, старались при этом не шуметь. Через очень небольшой промежуток времени (полчаса-час) начинали фиксироваться феномены мерцания и отключения сознания, которое в

случае дальнейшего продолжения эксперимента впоследствии не восстанавливалось. Опыты проводились в фашистской Германии; к счастью, с их авторами уже не поговорить, благодаря решению Нюрнбергского трибунала, но описания остались. Не случится ли подобное в космосе с пилотом, совершающим полет в абсолютно непригодной для жизни среде и непривычных условиях? Что произойдет, если, к примеру, у космонавта, вышедшего в скафандре в открытый космос, сломается система связи? Не захлестнет ли его паника? Не отключится ли сознание?

2. В трудах многих авторов встречается введенное В.И. Вернадским понятие «ноосфера». В психологическом искаженном переложении это часто трактуется как мыслительное поле, опутывающее нашу планету. Мышление каждого отдельного человека — это результат взаимодействия его с этим общим полем разума. Вопрос: сможет ли человек мыслить, вылетев из этого гипотетического поля на пути, скажем, к Марсу? Если описываемая ситуация реальна, то это приведет к гибели экспедиции. Если ничего подобного наблюдаться не будет, то это приведет к гибели множества теорий, что, впрочем, меня расстроит гораздо меньше. В любом случае, ответ на этот и другие вопросы хорошо бы получить заранее, а не в ходе самого полета. Какими бы нелепыми эти вопросы ни казались.

Можно задать множество вопросов, и, по всей вероятности, они не будут надуманными. Если проанализировать космический и околокосмический фольклор, трудно не обратить внимание на обилие баек об НЛО, инопланетянах, стучавших в иллюминаторы, якобы виденных космонавтами необычайных оптических феноменов. Что это? Попытки сознания заполнить сенсорную пустоту? Плод воображения журналистов и писателей?

Так или иначе, в случае с космонавтикой мы имеем дело с тем, когда до того не встречавшимися условиями существования человека, с совершенно особым видом одиночества. И информация, поступающая к космонавтам по системам связи в Землей, играет очень важную роль в условиях отсутствия обычного сенсорного фона. Сила воздействия этой информации на группы регуляторов поведения, равно как и специфичность способов ее донесения, возрастает в отсутствие стабилизирующих фоновых сенсорных воздействий. Попросту говоря, нужно подумать, что и как говорить космонавтам, чтобы они невзначай не переключились, скажем, на масковидную форму поведения и не стали швырять на головы воображаемых омововцев оторванные сиденья кресел прямо через иллю-

минаторы. Можно сделать вывод, что индивидуальное поведение в более чистом виде проявляется в тех областях, на которые человечество либо не успело наложить свои социальные структуры в полной мере (пограничные области познания, социальные новообразования, пограничные зоны территориальной экспансии), либо в «белых пятнах», влияние социальных институтов человечества в которых почему-либо оказалось сниженным.

От величайшего достижения человечества — выхода в космос — в поисках областей превалирования групп регуляторов индивидуального поведения мы переходим к одной из главных проблем современности — наркомании. В силу определенных причин социальная реальность для некоторых членов социума оказывается неприемлемой, и они стремятся заменить ее реальностью вымышленной, смоделированной в симбиозе неконтролируемого потока сознания и химических соединений. Индивидуальное поведение, не ограниченное социальными рамками, так как эти рамки наркоманы формулируют для себя сами в соответствии со своими индивидуальными предпочтениями, довольно быстро приводит их к печальному концу. Попытка излечения наркоманов путем включения их в состав малых групп базируется на схеме расширения их индивидуального поведенческого репертуара и оптимизации его при помощи групп ролевых регуляторов. Иногда подобная практика может привести к излечению — но редко, очень редко.

Подводя промежуточные итоги, можно сказать, что доминирование групп регуляторов индивидуального поведения обуславливается профессиональными или иными причинами, ограничивающими действие ролевых и массовидных групп регуляторов. На поведенческом уровне в первой стадии это проявляется как возрастающее стремление к контактам, затем оно гаснет и в крайних случаях не восстанавливается, перейдя в свою противоположность. Наиболее сложными в клиническом смысле являются случаи подавления ролевых и массовидных регуляторов в период ранних стадий развития человека.

III. Следующая ячейка, которую мы должны заполнить, — **доминирование ролевых групп регуляторов поведения**. По роду своей профессиональной деятельности, по образу жизни огромное число людей оказывается вовлеченным в так называемые малые группы, членство в которых есть задействование эволюционно сложившихся ролевых регуляторов поведения. Около 10 лет мы занимались экспериментальным изучением существования и развития

малых групп всех видов и конфигураций. Сегодня можно с уверенностью говорить, что при помощи знания некоторых психологических закономерностей можно искусственно управлять процессами, протекающими в такой группе.

Принято считать, и это справедливо, что в своем развитии любящая малая группа проходит четыре стадии:

- 1) стадия знакомства;
- 2) стадия агрессии (фрустрационная);
- 3) стадия устойчивой работоспособности;
- 4) распад группы.

Стадия знакомства заключается в обмене информацией о каждом участнике между членами группы. По активности каждого участника в предоставлении информации о себе и в желании получить ее о других можно судить о заинтересованности данного участника в развитии ролевых отношений, следовательно, об относительной силе его группы регуляторов ролевого поведения.

Стадия агрессии состоит из двух этапов: заявок и турнирных боев. Члены группы в различных формах высказывают претензии на ту или иную роль, и, если несколько членов группы претендуют на одну и ту же нишу, проходит турнирный бой, в ходе которого определяется, кому кем быть.

Стадия устойчивой работоспособности подразумевает завершение турнирных боев и заполнение существующих ролевых ниш.

Наконец, распад группы происходит вследствие любой из многочисленных причин, естественной из которых считается выполнение группой задачи, ради решения которой члены группы и собрались вместе.

В лабораторных условиях нам удавалось выстроить самые причудливые комбинации стадий развития группы, менять их порядок, несколько раз возвращаться к какой-либо одной из них. Однако в естественных условиях стадии обычно чередуются в указанной последовательности, и обуславливается это наличием группобразующего фактора, наличием задачи.

Задачи удобно подразделять на привнесенные и генерируемые самой группой. Часто наличествуют одновременно и те и другие. Кроме того, постоянно присутствует эволюционно сложившаяся задача-самоцель: объединиться в малую группу, установить ролевые отношения.

Наиболее ярко это проявляется у подростков, чья способность к переключению с одного типа поведения на другой, не ограничен-

ная привычками, традициями, установившимся порядком, особенно высока.

Наконец, третьей позицией, которую следует контролировать при решении задачи по управлению развитием малой группы, являются ролевые ниши. Обычно говорят о следующих ролевых нишах: лидера, поддерживающих лидера, эксперта, оппозиционера, отвергаемого. Эти ролевые ниши расположены по трем векторам, трем шкалам: «лидер — отвергаемый», «лидер — эксперт», «лидер — оппозиционер».

Лидером становится тот участник, который, по мнению членов группы, лучше других способен руководить группой в выполнении той работы, которую группа считает основной.

Эксперт — это человек, который должен решать задачу, новую для группы, возникшую, скажем, при смене задачи группы.

Оппозиция — это эволюционно сложившийся способ защитить группу от ошибок лидера, механизм, заставляющий лидера работать в полную силу.

Обычная лабораторная малая группа распадается по мере решения основной задачи. Задача, как правило, ставится таким образом, чтобы группа могла решить ее за не слишком долгое время, ведь трудно вести слишком продолжительный эксперимент. Сделаем допущение. Предположим, что задача, ради которой собралась группа, требует для решения промежутков времени, сравнимый с длительностью человеческой жизни, т. е. значительно превышающий время индивидуального планирования каждого члена группы. Что происходит в этом случае? Задача удерживает группу от распада формальными способами, например, работой в одном отделе какого-либо НИИ. Задача в психике членов группы распадается на ряд подзадач, замещается иной, именуемой неформальной. Наконец, потребность в ролевом поведении становится такой значимой, что поддержание ситуации, обеспечивающей реализацию такой потребности, и становится основной задачей. Рассмотрим два характерных случая, когда потребность в ролевом общении определяет поведение человека в ущерб индивидуальной и массовой регуляции.

Каждому психологу, ведущему методические тренинги, знакома ситуация, когда во время стадии знакомства кто-то из членов группы, обычно это бывает девушка-студентка психологического факультета, с гордостью сообщает, что уже посетила пять, десять и т.д. тренингов. Она объясняет, что таким путем хочет приобрести

знания и навыки самостоятельного ведения тренингов. На деле оказывается, что ей важен процесс. Потребность ролевых отношений столь велика, что через какое-то время она вновь записывается в группу — к другому тренеру, третьему... Остановить этот процесс может лишь отсутствие денег, если занятия платные. Характерными чертами поведения таких участников тренинга является примат интересов, побуждаемых собственно инстинктами ролевого поведения, перед целями, формируемыми наличием задачи тренинга. Отсюда — неконструктивность, сумбурность и непоследовательность высказываний, эмпатия, персонификация позитивных и негативных эмоций. В прикладном аспекте представляется важным выявление таких людей на стадии формирования группы, собираемой для решения какой-либо значимой задачи. В экстремальных условиях наличие таких участников может привести к трагичным последствиям. Подобные поведенческие aberrации на стадии формирования группы легко выявить обычным тестированием, а опытный психолог определит такого человек с первого взгляда.

Ролевые отношения в преобладающей степени присущи многим работникам малых коллективов, являющихся составными частями какой-либо разветвленной организации: отделов НИИ, управляющих структур среднего звена, сферы торговли. И все дело здесь в трансформации целей. Наличие конкретной цели, возможность наглядного подведения итогов подавляют собственно ролевое поведение, востребуя его лишь в той мере, которая необходима для решения поставленной перед группой задачи. В НИИ цели достаточно аморфны: каждый отдел разрабатывает какой-либо узел, сам по себе не воспринимаемый значимым объектом, причем время его разработки зачастую превосходит время личного планирования членов отдела. А другие события проходят значительно чаще (например, выдача зарплаты, правда не в наше время строительства «капитализма с человеческим лицом»), и, главное, они гораздо более значимы для работников. Затем выясняется, что ритмичность получения зарплаты и ее размеры ни в коем случае не зависят от успешности разработки узла, и задача, ради которой сформирован отдел, заместившись задачей обеспечения личного финансового благополучия, окончательно уходит на второй план. На первый же план выходят на долгие годы ролевые отношения. Каждый работавший в НИИ знает, что самые сильные эмоции вызывает не факт получения, скажем, всеми премии, а случай, если, не дай бог, кто-то один получит премию больше, чем другие. Это нарушает устано-

вившиеся ролевые отношения, смещает акценты. Появляется тема для рассуждений на долгие недели и месяцы. В подобных группах отмечается повышенное внимание людей друг к другу, важное значение придается малозначимым деталям, при отсутствии новостей они с легкостью измышляются. Работники таких отделов часто рассказывают о сослуживцах в семье и удивляются, что эти рассказы не вызывают заслуженного, по их мнению, внимания. Возникает психологическая зависимость от группы. Те работники, которые вынуждены покинуть группу, испытывают сильный дискомфорт. Формирование таких групп еще более возможно в управленческих структурах, причем не в высших, где все же более ярко виден результат управленческой деятельности на уровне задачи в целом, и не в низших, где присутствует обратная связь, а в структурах среднего уровня, где критерием положительной оценки работы является отсутствие событий, меняющих устоявшееся течение дел.

Перечитал страницу, и создалось ощущение, что я высказал негативное отношение к перечисленным группам людей. Конечно же, это не так. Не одним решением задач жив человек. Именно ролевые отношения делают нас людьми, а не узлами технологической линии. Но каждого человек, хочет или нет, должен выбрать свою сторону, свой берег. Перед практикующим психологом же часто ставят именно вопросы повышения интенсивности труда людей при решении какой-либо задачи. Излишнее развитие ролевых отношений препятствует работе на результат. Отсутствие ролевых отношений делает невозможным совместную работу. Роль психолога в том, чтобы выстроить адекватный баланс отношений. Американская школа менеджмента предписывает смену и перетасовку персонала каждые пять-шесть лет с тем, чтобы обновить задачи, сломать стереотипы отношений. И Штаты развивались до недавнего времени динамично. Японцы же придерживаются противоположной точки зрения и на застой также долгое время не жаловались. Видимо, вопрос не так прост.

Крайней формой доминирования ролевых групп регуляторов поведения можно считать, к примеру, крестьянскую общину времен крепостничества, «мир». Особенно сильны регуляторы, обеспечивающие ролевое поведение, у подростков, которые практически всегда объединяются в компании, главной целью которых является быть вместе. Ролевое поведение проявляется в группах во время турпоходов, в спортивных командах, в рабочих бригадах, в экипажах кораблей и т. д. Именно работа группы регуляторов ро-

левого поведения дает людям дружбу, товарищество. Проявление героизма, самопожертвования, реализация принципов «все за одного, один за всех», «сам погибай, а товарища выручай» — это все зона ответственности регуляторов ролевого поведения.

Начав тему за упокой, а окончив во здравие, перейду к описанию форм проявления массовидных феноменов.

IV. Рассмотрим поведенческие деформации, связанные с доминированием регуляторов массовидного поведения.

Тема толпы — это прежде всего тема взаимоотношений лидера и толпы. В мире животных управление толпой идет двумя способами: сигналы, приводящие к синхронным совместным действиям, может подавать как лидер, на которого устремлены все взгляды и внимание других органов чувств, так и изменяющиеся условия внешней среды, причем такие изменения, которые одновременно затрагивают практически всех участников массы. Например, изменение освещенности (солнце заходит за тучу) заставляет стаю рыб совершать синхронный маневр.

У людей, на первый взгляд, значимость фактора изменения условий внешней среды снижена, а роль лидера-человека велика. Но на деле это выглядит иначе, и все гораздо сложнее.

В классическом виде толпу было удобно наблюдать в конце XIX — начале XX в. Процессы урбанизации привели в города большое количество крестьян, для которых подобное изменение среды обитания стало сильнейшим шоком. Необходимо было выработать новые правила поведения, и в соответствии с привычкой «быть как все», не отличаться от «мира», от общины, городские крестьяне брали пример друг с друга и копировали поведение друг друга. Высокая скученность проживания обеспечивала возможность очень частого заимствования фрагментов поведения у соседей, а общие для всех тяжелые материальные условия проживания придавали поведению определенную направленность. В условиях сельского проживания недовольство условиями проживания разрешалось бунтом. В городских условиях это привело к революциям. Иными словами, ситуация, т. е. внешнее стихийное воздействие, призвала городских крестьян к действиям; традиционным для крестьян ответом на внешнее воздействие был бунт, а революционеры научили крестьян, как следует бунтовать в изменившихся условиях проживания — в форме революции.

Время господства классической толпы, такой удобной для изучения, прошло. Но не стоит отчаиваться! Современность, современ-

ная общественно-политическая жизнь предоставляет нам для изучения и классическую толпу, и толпу во всех производных (толпа с виртуальным лидером, например).

И сегодня регуляторы массовидного поведения контролируют жизнь огромного количества людей; и сегодня поведенческие деформации, вызванные доминированием у определенных групп людей массовидных регуляторов, приводят к хорошо всем известным результатам.

Людей, находящихся в области действия регуляторов массовидного поведения, следует искать среди сектантов и подростков. Сектанты представляют собой интереснейшее явление современной жизни общества, изучению законов существования которого исследователи уделяют явно недостаточно внимания. А ведь сектантство является попыткой эволюции найти пути дальнейшего развития нашего общества в эпоху, когда процессы глобализации привели к необходимости создания надгосударственных структур. И таких путей сегодня три:

1) попытки логически продолжить линию государственного мироустройства планеты в форме создания блоков государств (НАТО, ООН, почивший ныне Варшавский Договор и т.д.);

2) создание транснациональных корпораций, пытающихся создать планетарные структуры управления, во главу угла помещая принципы управления производством и финансовыми потоками;

3) образование сект и информационных империй, в основе действия которых лежит использование психологических механизмов, обеспечивающих существование людей, причем прежде всего в форме массовидного поведения.

Все эти три эволюционных направления — темы будущих отдельных книг, а сейчас вернемся к сектам. Сила этих организаций подтверждается количеством людей, в них вовлеченных (по различным оценкам, от десятков до сотен миллионов (4) в всем мире); суммами, находящимися в полном распоряжении их лидеров (десятки миллиардов долларов); но прежде всего — степенью управляемости рядовых членов сект. Зачастую слова лидера секты могут побудить сектанта совершить поступок, противоречащий и общественным взглядам, и законам страны проживания. Каким же образом достигается такой контроль поведения неофитов? Вытеснением при помощи определенных психологических методов индивидуальных и ролевых групп регуляторов поведения и внедрением доминирующих массовидных регуляторов. Вот, скажем, хороший

прием: поместить большое количество людей (человек 20-30) в сравнительно небольшое изолированное помещение. Заставить многократно повторять одну и ту же культовую фразу; не давать спать; ограничить в потреблении пищи и питья. Это делается для снижения количества возможных реакций мозга; реципиент должен думать лишь о базовых биологических потребностях: есть и спать. Практикуются также открытые туалеты, чтобы известные процедуры и мужчины и женщины проводили на виду. Это очень хорошо снимает многие моральные запреты.

А затем следует запретить неофитам разговаривать друг с другом о чем бы то ни было, а на все обращения к руководителю последний обязан отвечать одной и той же культовой фразой. Несколько дней такой обработки — и подопытные (прошедшие, кстати, на начальной стадии строгий отбор, отсеявший людей с сильной психикой, способных дольше других выдерживать психологический натиск) становятся послушным орудием в руках лидера секты.

Итак, метод установления психологического контроля в форме секты заключается в упразднении индивидуальных и ролевых групп регуляторов поведения и во внедрении групп массовидных регуляторов, обеспечивающих девиантное поведение. Манипулирование со сном, пищей и зачастую сексом подавляют индивидуальное поведение; запрещение контактов приводит к отключению ролевых регуляторов, и общий психологический дискомфорт, заставляющий человека что-то делать, ориентирует сектанта на руководителя, который утверждает в роли лидера толпы, что еще более усиливает действие группы регуляторов массовидного поведения.

Чем отличаются люди, ставшие рядовыми членами секты? Прежде всего, утратой критического восприятия действительности. Причем процесс этот необратим. Не случайно любимым аргументом руководителей сект является примерно следующее упрощение: «Как вы можете говорить, что наша секта — это плохо? Вы должны попробовать — и тогда решить, подходит это вам или нет». Вот здесь и заключается ловушка. Попробовать — это значит лишиться возможности критически оценивать ситуацию, лишиться возможности мыслить в категориях «понравилось — не понравилось». Попробовали — там и останетесь, потому что «нравится — не нравится» — категория индивидуальных регуляторов, которые будут подавлены, а дружеских советов вы не услышите, как и советов родственников и вообще всего ближайшего социального окружения, — потому что это область действия ролевых регулято-

ров, которые вам также отключат в рамках описанной выше процедуры знакомства. В условиях секты феномен поведенческой деформации, связанный с доминированием регуляторов массовидного поведения, особенно силен, так как он вызывается искусственно, целенаправленно и таким образом, чтобы исключить возможность возвращения сектанта в предыдущее психологическое состояние.

Менее опасным, но так же легко различимым является массовидное поведение подростков. Проявляется оно в форме существования хулиганских районных и уличных групп 70-80-х и начала 90-х годов, которые затем во многом переродились в движение спортивных фанов, в форме движения хиппи, панков и т. д., а сегодня в России в большей степени существуют в виде движения поклонников тех или иных эстрадных кумиров.

Подростковые поведенческие деформации, связанные с временным доминированием групп регуляторов массовидного поведения, не имеют искусственного характера, но представляют собой естественный биологический и психологический феномен взросления. Мне представляется, что социальные механизмы передачи форм поведения от поколения к поколению играют здесь второстепенную роль, а на первый план выходят физиологические механизмы обеспечения наследования поведения. Следует провести серию экспериментов, направленных на выяснение, насколько биологические потрясения организма в пубертатный период способны обуславливать поведение подростка. Конечно, безграмотным было бы говорить, что в подростковый период выделяются гормоны, приводящие к массовидному поведению; но верным представляется наличие некоторых гормонов и ферментов, работа которых так меняет биологические параметры организма подростка, что это вызывает у последнего предрасположенность к массовидному поведению. И когда обычные обстоятельства, о которых я уже писал, воздействуют на подростка, то он значительно чаще использует группу массовидных регуляторов, нежели бы это сделал взрослый человек.

Главным аргументом в поддержку, скорее, биологического характера феномена доминирования у подростков группы регуляторов массовидного поведения является его отчетливо выраженный возрастной характер. Став старше, подавляющее число участников молодежных движений безболезненно расстается с прежним образом жизни и объектами поклонения. Перестройка организма заканчивается, очень значимая в эволюционном плане отработка на-

выков индивидуального, ролевого и массовидного поведения проведена, и человек вступает во взрослую жизнь, владея всем набором поведенческих реакций, позволяющих ему успешно существовать в условиях, которые в эволюционном плане должны сегодня быть в обществе. Но на самом деле темпы эволюции последних столетий отстают от темпов изменений в обществе, и поэтому адаптационные механизмы запаздывают. Отсюда — многочисленные проблемы, описанные Фрейдом, Юнгом и их последователями.

Итак, подростковая форма доминирования регуляторов массовидного поведения носит естественный характер (т.е. не представляется чьим-либо злокозненным умыслом), представляет собой эволюционно закрепившуюся привычку передачи по наследству ролевых и массовидных способов поведения, что обеспечивается прежде всего на биологическом (механизмы предстоит прояснить!) уровне.

Отставание темпов эволюционирования от преобразований в обществе приводит к тому, что количество людей, «застрявших» в описываемой фазе эволюционирования, оказывается большим, нежели это было бы, если бы таковые неудачи объяснялись обычными статистическими погрешностями и отклонениями, существующими всегда в случае огромного числа испытуемых.

Чем ближе молодежная группа, возникающая в результате действия массовидных регуляторов, к секте (с ее лидерами, образом существования, постоянством воздействия факторов, подавляющих ролевые и индивидуальные регуляторы), тем больше опасность для подростка застрять, остановиться на описываемой стадии развития.

До сих пор еще не диво встретить хиппи, чей рассвет был в 60-х годах. И сегодня, в 50-60 лет, некоторые все еще хиппуют. Относительно стабильны группы футбольных фанов, так как «Спартак» — чемпион уже много-много лет. А поклонники, скажем, «Алисы» или Цоя менее последовательны, и большинство из них, к счастью, бросает своих рок- и поп-апостолов. Хотя, конечно, и алисоманы, и цоисты, ласковомайцисты встречаются.

Отдельная тема — религиозный фанатизм. Именно эта область проявления доминирования массовидных регуляторов поведения многим исследователям, а также лидерам общества представляется наиболее опасной. Если секты лишь в сравнительно небольшой степени могут влиять на государство, которое обеспечивает нашу защиту от их экстремизма, то религиозный фанатизм сам определяет формы существования ряда государств, прежде всего мусульман-

ских. И люди, для которых (в силу достаточного уровня интеллектуального развития) фанатизм неприемлем, оказываются под его ударом без защиты государственных структур. Фанатика, как и любого другого человека, чье поведение деформировано из-за доминирования групп массовидных регуляторов, невозможно ни в чем убедить, потому что доводы разума для него вторичны. Часто приводят фразу из Достоевского: «А если Бога нет — значит, все дозволено!..» Принято ужасаться этому. Но вот выясняется, что для религиозных фанатов — «Бог есть — и, значит, все дозволено!..» И не знаешь, что страшнее. Может быть, дело в том, чтобы за проблемой наличия или отсутствия Бога помнить и о человеке? Но это к слову. Секты, религиозный фанатизм и подростковые движения представляют собой, безусловно, очень важный, сильно влияющий на нашу жизнь феномен, но он столь многократно описан в литературе, что рассмотрение его в координатах эволюционной теории поведения не представляется слишком интересным. Другое дело — появление огромных социальных агломераций, внешне никак не проявляющих себя в виде толпы (т.е. не выворачивающих булыжники, не захватывающих общеизвестную триаду мосты — телефон — телеграф, не выкрикивающих знаменитое «Засуньте себе в ... свой красно-белый флаг»), но обладающих всеми свойствами и параметрами толпы в потенциале. И, конечно же, существуют такие действия, которые, будучи выполненными членами этой потенциальной толпы, являются типичным примером деформации поведения, вызванной смещением коэффициентов в пользу массовидной группы регуляторов. Просто на первый взгляд их сложно отнести к работе толпы, ведь толпа у нас в данном случае особая, рассеянная. Но есть способы перевести ее из рассеянного состояния в классическое. Конечно же, я говорю о воздействии на людей средств массовой информации, особенно тех, что объединены в информационные империи.

Об этом стоит поговорить подробнее, поэтому тему СМИ я выделил в особую главу. Здесь же просто еще раз подчеркну, что подвергающиеся воздействию СМИ слушатели, читатели и зрители попадают в зону воздействия, снижающего весовые коэффициенты личностной и ролевой группы регуляторов и повышающего весовой коэффициент массовидной.

Несколько слов о пользователях «Всемирной паутины». Интернет представляет собой, с точки зрения эволюционной теории поведения, глобальный механизм получения доступа к информации, обладающий рядом положительных и отрицательных эволюцион-

ных качеств. Сама по себе возможность получения доступа к различным источникам не выходя из дома, безусловно, хороша. Но не следует забывать и мудрость наших руководителей, говоривавших: «Хотелось как лучше, а получилось как всегда». Действительно, негативен сам процесс усреднения, выравнивания, к которому ведут любые процессы глобализации, так как это сокращает общее количество вариантов поведения и, следовательно, уменьшает количество эволюционного материала. Плохо, что Интернет оказался фактически вне контроля государственных институтов, которые сложились в эпоху, когда его еще не было, и, следовательно, оказались в данном случае неэффективными. В результате Интернет стал рассадником порнографии. Именно порносайты, а вовсе не библиотеки, как хотелось бы, и составляют главные узловые станции «паутины». Ну и, конечно же, анонимность. «Меня никто не знает — и, значит, все дозволено!..» Делай что хочешь — останешься безнаказным. И делают. Наконец, Интернет — мощное потенциальное оружие в эпоху грядущего передела мира.

В психологическом плане Интернет потенциально представляет собой механизм, обеспечивающий доминирование массовидных регуляторов, но в настоящее время люди, по многу часов проводящие у компьютера, скорее, ограничивают свое поведение группой регуляторов индивидуальной деятельности. Кофе, сигареты и мерцающий экран, свитер с вытертыми локтями и затворнический образ жизни — вот краткая характеристика компьютероманов. Очевидно, что Интернет — очередная шишка, которую мы себе обязательно должны набить в своем эволюционировании. Мы — это не каждый из нас, а общество, естественно.

Прежде чем перейти к описанию поведенческих деформаций, связанных с отсутствием или сниженной ролью какой-либо одной группы регуляторов и доминированием двух других, еще раз проговорю, что формирование областей преимущественного действия регуляторов массовидного поведения связано с проблемами экспансивного роста человечества, процессами глобализации. Аналогом данного процесса в животном мире служит переход копытных с ростом численности к стадному образу жизни. Сам по себе образ жизни «людей толпы» не соответствует многим социальным нормам лишь потому, что они (нормы) сложились в период сравнительно меньшего присутствия массовидных групп регуляторов в нашей жизни. И если многие результаты глобализации кажутся нам неприятными, то следует утешать себя тем, что уже поднялись про-

тивододействующие глобализации и, следовательно, массовидному поведению силы; а вообще-то относиться ко всему этому следует как к природному феномену, который следует изучать, но которым глупо ужасаться или восторгаться.

Тем более, что если мы подавим в себе массовидные регуляторы поведения, то свалимся еще в одну крайность. Узок будет наш круг. Страшно далеки мы будем от народа! Мы уподобимся не только декабристам, но и авторам первой волны науки о толпе, у которых зачастую эмоциональное, почти мистическое неприятие толпы заслоняло попытки научного ее изучения.

V. Деформации поведения, связанные с отсутствием практики применения регуляторов массовидного поведения, удобнее всего наблюдать в истории на примере первых исследователей масс.

Классические ученые своей эпохи, существовавшие в своем мире, тщательно огражденном от мирского, вращавшиеся в собственном узком кругу, куда вход непосвященному был закрыт; ощущение избранности, ощущение касты — все это результат системы подготовки научных кадров конца XIX — начала XX в. Многие часы наедине с книгами — это формирует индивидуальные регуляторы. Многие часы в общении с небольшими группами коллег — это вводит в привычку использование ролевых групп. И никаких молодежных фестивалей, никаких Игр Доброй Воли, никаких митингов и демонстраций — лишь искусственно суженный круг общения с себе подобными. Тем больше заслуга основоположников науки о толпе — Тарда, Лебона, Сигеле: обнаружив вдруг возникшее явление, потрясшее Европу, изменившее судьбы стран и народов, они не игнорировали его, не сделали вид, что ничего подобного не существует, а добросовестно, педантично, в классическом индивидуально-ролевом поведенческом стиле попытались его описать и классифицировать. Так как любая научная работа есть компромисс реального положения дел и внутреннего состояния ученого, в их книги вошли и «ужасающая» терминология, и оценочность суждений. Но я очень хотел бы знать, во-первых, что же такое лишнее вошло вот в эту книгу, а во-вторых — какие великие грозные социально-психологические феномены поднимаются вокруг нас, исследователей с четко контролируемыми эмоциями и пропорционально представленными тремя группами регуляторов поведения.

Чего мы не видим сегодня? Что мы осознанно или неосознанно отторгаем? К достоинству основоположников, они смогли увидеть и не отторгли.

Однако если история повторяется в виде фарса, то глупо участвовать в нем в качестве главного комического персонажа. Излишняя клановая замкнутость, излишнее следование догмам, сложившимся в научном мире, опасны для самого ученого. Рано или поздно резко снижается количество вариантов поведения, причем это касается не только житейской сферы, но и области мыслительных процессов. Очевидно, какую огромную опасность это представляет для ученого. Кроме того, в отсутствие действия регуляторов массовидного поведения снижается эмоциональная составляющая поведения, что приводит к снижению количества контактов, и процесс этот становится саморазгоняющимся.

Не следует оценивать негативно ситуацию с доминированием у человека ролевой и индивидуальной групп регуляторов при отсутствии массовидной.

Может быть, при современных условиях это осложняет жизнь одного отдельно взятого человека; а может быть, это обедняет его жизнь лишь с точки зрения стороннего наблюдателя. Но необходимо руководствоваться не только интересами личности, как это делают психологи так называемого гуманистического направления, но и интересами социума, которые требуют наличия носителей самого разнопланового поведения. Это увеличивает набор поведенческих реакций, следовательно, хорошо для эволюционного процесса. Собственно говоря, излишний разброс поведенческих реакций в обществе тоже плох, так как приводит к хаотичности ситуации, но сегодня реалии общественно-политической жизни развитых стран таковы, что, скорее, приходится говорить от опасности процессов глобализации и связанных с ней процессов стандартизации.

Одним из наиболее болезненно влияющих на эволюционный процесс человечества факторов является отсутствие аристократов, уменьшение удельного веса выделяющихся из массы личностей в деле руководства социумом, в деле развития цивилизации. В результате большинство населения стран Запада, а в последние годы и России негативно или безразлично относится к таким понятиям, как патриотизм, любовь к Родине; уже как о глупости говорят о благородстве, самоуважении и т.п. Гораздо более предпочтительными представляются современному обывателю действия, скрывающиеся за словами «выгода», «облапошить», «держаться по ветру» и т.п. Это позволяет выжить в сегодняшнем мире. Это помогает быть успешным в сегодняшнем мире. Но это представляет большую опасность для нашего завтра и послезавтра. Западные идеи демократии,

либерализма, пацифизма привели к победе западную модель общества, привели к власти политиков, лишенных ярких личных качеств, лишенных способности на Поступок. Шредер после Коля, Блер после Тетчер выглядят мелко и суетливо. Для нормального развития цивилизации необходимы диспропорции, одной из которых является диспропорция «личность и толпа». Для развития цивилизации необходимы аристократы. Опасения, связанные с увеличением степени однородности человечества, высказывали и Канетти, и Ортега-и-Гассет, и многие другие авторы. Я же хочу добавить с позиции теории эволюции поведения, что исчезновение социальных слоев населения, чье поведение складывалось в условиях доминирования личностной и ролевой групп регуляторов, приводит к снижению темпов и вариативности социальной эволюции, лишенной эволюционных лидеров, причем именно тех, которые руководствовались в своем поведении морально-этическим базисом. Если западная цивилизация, к которой последние годы мы стремимся себя причислить, не предпримет меры для изменения в положительную сторону ситуации, связанной с подавлением аристократизма в угоду толпе, то будущее ее представляется проблематичным.

Итак, в отсутствие или при снижении удельного веса массовидных и при доминировании индивидуальных и ролевых групп регуляторов поведение человека характеризуется рассогласованием со многими социальными процессами современного общества, направленными на удовлетворение массовидных потребностей человечества. Это рассогласование решается человеком в рамках одного из пяти способов, описанных в конфликтологии: соперничество, сотрудничество, компромисс, избегание или приспособление. Ситуация, в которой человек оказывается в явно проигрышном положении: ему одному приходится конфликтовать с толпой, которая последовательно может выставить неограниченное количество игроков. Поэтому большинство аристократов выбирает стратегию избегания конфликта, будь то аристократы по рождению или аристократы по духу. И тогда появляются великие и ужасные личности, такие как Байрон, Лермонтов, Бродский. Но человечеству в целом выгоднее иметь более бурно протекающие конфликты, и иногда действия группы аристократов влияют на массу в очень большой степени, с далеко идущими последствиями. Возьмем, например, всем известных декабристов или, чтобы быть ближе к современности, Римский клуб или, скажем, членов масонских лож.

Еще несколько лет назад в России можно было наблюдать интересный процесс: в условиях резкого снижения уровня идеологи-

ческого воздействия большая часть населения вышла из зоны действия регуляторов массовидного поведения и осталась в рамках ролевого и индивидуального. Людей с такого типа регуляцией поведения очень удобно было наблюдать в средней полосе России в сельских областях. И эти испытуемые были полной противоположностью аристократам в своих внешних поведенческих проявлениях. Но значимо, что воздействия (а исследования проводились в ходе избирательных кампаний), призванные повысить популярность кандидата, ни к чему не вели, если были выполнены в технике работы с массами. Зато к успеху приводили индивидуально-ролевые технологии. И в этом — сходство групп пьяных механизаторов и работников научных заведений. Но сегодня СМИ и вся так называемая массовая культура заполнили в сельских областях идеологический вакуум, население вновь почувствовало себя частью человечества, и массовидные способы воздействия вновь приобрели былую силу.

VI. Вероятно, больше всего времени история уделяет описанию деяний людей, **не руководствующихся ролевыми, но находящимися в зоне действия личностных и массовидных регуляторов.** И водоворот мнений захватывает не только лишь специалистов, но и каждого члена общества. Одни считают их великими благодетелями человечества; другие — величайшими же преступниками. Но одна историческая тенденция прослеживается отчетливо: при жизни их беспредельно восхваляют, после смерти пытаются втоптать в землю, но с прошествием времени отношение к ним значительно улучшается. Обычно за каждым из них стоит целая эпоха, которая кончается с уходом находящегося в сфере действия личностных и массовидных регуляторов деятеля, превращаясь на следующем этапе во что-то противоположное.

Назовем лишь два имени — Наполеон и Сталин, у которых описываемый феномен, на мой взгляд, проявился особенно ярко. Хотя, конечно же, к этой категории людей следует отнести почти всех харизматических лидеров. Причем массовидная поведенческая составляющая обеспечивает поведение каждого из них не как члена толпы, а как лидера, а эти два явления имеют большое различие, хотя они и составляют неразрывные части единого феномена.

Сложно описать все механизмы, вытесняющие людей из зоны действия регуляторов ролевого поведения. Безусловно, не все люди, чье поведение определяется лишь личностными и массовидными регуляторами, становятся известными настолько, чтобы биографы

в подробностях изучили все перипетии их судеб, а психологи смогли провести сравнительный анализ их биографий, выделить закономерности и т.д. Но некоторые элементарные наблюдения уже неоднократно были сделаны. Логика подсказывает, что глубокая неуспешность в ролевых отношениях должна у части людей порождать желание совсем не участвовать в них. Систематические неудачи в попытке занять желаемую ролевую нишу, переживаемые людьми с завышенной самооценкой очень болезненно, приводят в действие могучие механизмы психологической защиты. Предположим, человек пойдет путем принижения в собственных глазах необходимости вообще вступать в ролевые отношения. Тогда он отбрасывает для себя возможность участвовать в таких свойственных человеку формах поведения, как дружба, маловероятным становится ожидать от него проявлений самопожертвования или даже просто отступления от своих интересов.

Ролевые отношения, особенно в подростковом возрасте и в молодости, отнимают очень много времени. Да вот простой пример: вместе того чтобы мне писать, а вам читать эту книгу, мы могли бы сходить с друзьями в баню или устроить поездку на рыбалку, на лыжах пробежаться, посидеть за преферансным столом! Человеку, находящемуся вне зоны действия ролевых регуляторов, все это не нужно, или он убедил себя, что это ему не нужно. Но у него много свободного времени. Это время он может потратить на наблюдение за поведением окружающих со стороны. И это дает ему знание механизмов, управляющих людьми. Вытесненные и глубоко упакованные переживания, связанные с неуспешностью ролевого поведения, приводят к формированию сильной постоянной мотивации к достижению своей цели. В обмен, в плату за отчуждение, за неприятие в игру человек получает ряд преимуществ. У окружающих же может развиться чувство вины за то, что хорошего, целеустремленного, умного человека они не принимают в компанию. А внушение людям чувства вины перед кем-то или чем-то есть составная часть механизма, запускающего массовидное поведение. Вспомните — нас церковники постоянно призывают к покаянию. Нас идеологи перестройки призывают к покаянию. Раскаянье в психологическом плане — механизм сродни позам подчинения у животных. Раскаялся — следовательно, ты признаешь себя находящимся в сфере влияния того, перед кем принял позу подчинения. Логично, что после этого ты начинаешь беспрекословно и не анализируя выполнять распоряжения того, перед кем виноват. Что же

получается? С одной стороны, в нашем моделируемом случае появился человек, вытеснивший свои ролевые потребности или иным психологическим способом расправившийся с ними, получивший благодаря этому хорошие знания механизмов управления людьми, эрудицию, глубокую мотивацию. Одновременно окружающие получили комплекс вины и, следовательно, стремление к искуплению оной. Вот вам начало отношений «личность и толпа», а дальше уж как сложится. Конечно, такое стечение обстоятельств маловероятно, и срыв с рассмотренного пути может произойти на любом этапе. Ну, к примеру, вместо того чтобы тратить свободное время на получение знаний, для подавляющего большинства отвергаемых в ролевом смысле более естественным представляется тратить его на пьянство или иные способы деградации. Но мне интересно выстроить цепочку к появлению диктатора, который представляет собой идеальный пример человека с отсутствующими ролевыми и активно действующими личностными и массовидными регуляторами.

Предположим, что человек, стремившийся занять ролевое место лидера, а вместо этого прошедший по вышеописанной лестнице, сумел использовать ситуацию и занял место лидера в системе «личность — толпа». Он обнаруживает, что эта ниша достаточно комфортна. Различия между ролью лидера малой группы и лидерством в массовидном поведении велики, и главное из них в том, что ролевой лидер связан в жизнь некоторым количеством парных отношений, причем эти отношения двухсторонние. Массовидный лидер ничего похожего не имеет. Отношения ролевого лидера паритетны, отношения массовидного — виртуальны. Забавная ситуация: ролевого лидера можно зачастую обвинить в том, что он за деревьями не видит леса, а массовидному можно поставить в упрек, что он за лесом не видит отдельных деревьев. А раз не видит деревьев, то, следовательно, не испытывает перед ними ответственности, тем более что раз весь лес принял позу подчинения — следовательно, виноват!

Тут старый вытесненный комплекс — подавленная обида — говорит: «Ага! Сами признали, что виноваты! Значит, я прав!» К человеку приходит ощущение правоты, внутренняя убежденность в безупречности своих действий. И это шаг, укрепляющий установление отношений «лидер — толпа»: окружение чувствует себя виноватым, а лидер уверен в своей правоте. Далее — по ситуации. Рассмотрим лишь конечный этап, конечную фазу складывающихся от-

ношений. Харизматический лидер, гармонично вписавшись в диаду «вожди — толпа», приобретает все качества вождя, причем за высокое социальное положение он платит отсутствием друзей, глубоким одиночеством, неискренностью отношения окружающих, которым он отвечает тем же. Вспомните, как Борис Николаевич последовательно предавал всех, с кем пришел во власть и сотрудничал на разных этапах. Но сам он вряд ли сильно переживает по этому поводу, потому что руководствовался как личностными интересами, так и глобальными интересами всего народа — в любом порядке. Окружающие прекрасно понимали это качество вождя, знали, что в любой момент их могут просто перестать пускать в Кремль, и это знание, конечно, не добавляло искренности в их отношения с вождем.

Тем не менее, мне не кажется, что массовидные лидеры — такие несчастные люди, особенно в зрелые годы и в старости, как это обычно любят изображать позднейшие исследователи. Во всяком случае, они не более несчастны, чем те их товарищи по поведенческой конфигурации, которые застряли на самой ранней стадии.

Толпа же, загоняющая сама себя на вершину любви к вождю, наделяя его качеством непогрешимости (ведь как иначе объяснить и оправдать поступки последнего, являющиеся недопустимыми с ролевой точки зрения), в момент исчезновения вождя переживает шок. Правда, это явление временное и быстро проходит. Впоследствии приближенные вождя при поддержке лично от него пострадавших и группы людей, которых условно, не вдаваясь в подробности, назовем «правозащитниками», начинают развенчивать культ вождя, но если это делается в условиях отсутствия нового харизматического лидера, возглавляющего контрдвижение, то на народ это не производит особого впечатления. На картинке это можно было бы изобразить так, как показано на рис. 17.

Подавляющее большинство социальных процессов, происходящих в эпоху появления и ухода вождя, следует расписывать по предлагаемой схеме, если мы хотим получить более-менее объективные результаты в исследовании.

Общество состоит из двух неравных частей: одной, гораздо более многочисленной, реагирующей на события более спокойно, медленно, глубоко, и второй — довольно узкого слоя, быстро вспыхивающего и так же быстро погасающего. Такой механизм безусловно хорош в эволюционном смысле, так как эта группа быстро вспыхивающих людей представляет собой, по сути, коллективного

1. Первоначальное состояние общества.
2. Деформации, вызванные действиями вождя.
3. Ситуация после исчезновения вождя: общество остается изменяемым, хотя и в меньшей степени; некоторая часть общества, уступающая в численности, участвует в противоволне (пунктирная линия).
4. По прошествии времени изменения остаются, а противоволна спадает.

Рис. 17. Поведение толпы под воздействием харизматического лидера-вождя.

лидера, существование которого есть страховка эволюционного процесса на тот случай, если взаимоотношения вождя и толпы завели ситуацию совсем не туда в эволюционном смысле. Наличие коллективного гуманитарного лидера дает обществу шанс отступить на исходные позиции, превращает ситуацию в обратимую. А это важно.

Переключимся теперь на другие, гораздо более часто встречающиеся нам в повседневной жизни, чем вожди и коллективные лидеры, группы людей, руководствующихся в поведении индивидуальными и массовидными регуляторами. Поговорим об учителях. Многие из них попадают в ситуацию, когда ведение ролевой жизни затруднено. Все свободное время отнимает работа. Тридцать человек в классе полностью и даже с лихвой обеспечивают потребность в общении, но правила игры не позволяют развиваться ролевым отношениям: учитель должен держать дистанцию, возрастной барьер — это приводит, скорее, к отношениям типа «лидер — масса», хотя, конечно, в данном случае со своей спецификой. Если речь идет, вдобавок ко всему, об учителе литературы, то к бесконечным тетрадкам и дневникам следует добавить еще периодически рассматриваемый со все новыми и новыми поколениями учеников вопрос о том, «зачем Герасим утопил Муму», и о «пингвине в утесах», и о чеховских трех сестрах в вишневом саду. Все это оттесняет реальный мир на второй план. Возникают сложности в отношениях с

окружающими неучителями, которые строят свое поведение, исходя не из литературных опосредствований.

Ролевое общение затрудняется. Впрочем, наших героических учителей (без малейшей иронии!), на своих, преимущественно женских, плечах удерживающих почти в одиночку и перспективы России, и ее надежды, подстерегает так много трудностей (начиная с материальных), что процесс вытеснения группы ролевых регуляторов в ходе профессиональной деятельности выглядит на их фоне вполне безобидно. То же можно сказать об артистах, вынужденных жить в общении с залом, о военных руководителях, о руководителях небольших и средних фирм — этих трижды осмеянных новых русских, которые работают круглосуточно и постепенно вытягивают экономику страны.

Везде, где возникают несимметричные отношения, везде, где задача столь значима для исполнителей, что ее непосредственное решение отнимает все силы, — там мы наблюдаем депрессию групп регуляторов ролевого поведения. Вспомним разговоры об одиночестве человека в современном обществе. Это и есть подавление ролевых отношений. И конечно же, этот побочный феномен жизни по западным образцам больше всего ударит по нам, россиянам, с нашими «сам погибай, а товарища выручай» и «без друзей меня чутьчуть, а с друзьями — много». Уж такой у нас менталитет.

VII. Последнее из возможных отношений — это **подавление индивидуальных регуляторов при наличии ролевых и массовидных**. Изучение особенностей поведения, определяемого подобным сочетанием регуляторов, в наши дни особенно актуально. Терроризм, мусульманский и иные виды фанатизма — опасность серьезная, с которой каждому государству приходится сталкиваться все чаще и чаще. Настоящий фанатик, хорошо подготовленный и обученный, подавляет в себе индивидуальные регуляторы. Для него существуют лишь окружающие его боевики (объект для ролевых отношений) и вождь или/и идея, представляющая также руководящую силу (массовидные отношения). Благодаря такому сочетанию управляющих поведением регуляторов фанатик способен превратиться в живую бомбу (гибель Ганди, например) или камикадзе (Япония, чеченские террористы).

Для того чтобы вести борьбу с подобными террористическими структурами, а также чтобы самим иметь возможность выполнять силовые акции, государства готовят собственные боевые подразделения, обладающие сходным набором поведенческих регуляторов.

Наша «Альфа», их «Зеленые береты» — список любой может продолжить самостоятельно, используя широчайший ассортимент боевиков в печатном и видеоформатах, заполнивших прилавки наших магазинов.

Для того чтобы добиться подавления группы регуляторов личностного поведения, создать тем самым условия для более полного восприятия испытуемыми норм и ценностей спецподразделений, существуют определенные методики, сочетающие психологические, физические и иные методы воздействия. Подробные описания этого процесса опять же можно прочесть в художественной литературе. Благодаря тщательному отбору на этапе подготовки личного состава удастся свести отсеб и брак к допустимому минимуму.

Все эти методы и приемы, применяемые, правда, с меньшей интенсивностью и меньшем объеме, большинство мужчин, проходивших срочную службу в армии, испытали на себе. И бесконечные построения, и стандартизация во всем, и большие физические нагрузки, и отсутствие личного времени — в этой части подготовка новобранцев очень похожа на обработку неофитов во многих сектах. Разница состоит в том, что в сектах подавляются и ролевые регуляторы, а в армии они, наоборот, поддерживаются и поощряются.

Процесс подавления личностных регуляторов многими участниками переносится весьма болезненно, и перегибы, а также безграмотное проведение военной подготовки чреваты последствиями. Многие истории с расстрелом своих сослуживцев, о которых так любит писать наша пресса, являются следствиями бунта подавляемых личностных регуляторов. Но и грамотно подготовленного бойца спецподразделения может подстеречь нервный срыв, потому что даже сознательное полное подчинение личности социуму даром не проходит.

Социализация представляет собой процесс установления баланса интересов личности и социальных структур. Крайний случай такой социализации и представляет собой искусственное формирование описываемой конфигурации поведенческих регуляторов. Но необходимо оговориться, что полное подавление личностных регуляторов, как, впрочем, и иных, практически невозможно. Аналог подобного — социальные насекомые. Высокая степень подавления — знаменитые антиутопии Оруэлла, Замятина, Брэдбери.

Отдавая должное своему желанию избежать оценочности суждений, добавлю, что ни одна из описываемых конфигураций поведенческих регуляторов не является плохой или хорошей. Просто у

разных людей в различных ситуациях естественным или искусственным путем психика приводится в состояние, оптимальное для решения тех или иных задач. Огромная сложность человечества допускает широкую вариативность поведения. Неприемлемы лишь крайности, но и они имеют свой глубокий эволюционный смысл.

Умышленно не останавливаясь на методах подготовки военно-служащих спецподразделений, чтобы не выдать врагам нашу главную военную тайну, перейду к описанию иных проявлений поведенческих деформаций, связанных с доминированием ролевых и массовидных регуляторов в ущерб личностным. Кстати, возможно, стоит говорить не о деформациях, а об особенностях поведения.

Еще несколько лет назад особенности подобного поведения удобно было наблюдать среди учащихся ПТУ. Многие авторы отмечали особенности работы с правонарушителями-пэтушниками: говоришь с ним один на один — нормальный человек; стоит ему попасть в компанию или толпу себе подобных — совершенно немотивированные поступки, граничащие, а зачастую и переходящие грань преступления. В этом случае легкость перехода в ролевое и массовидное состояние кроме обычных причин обусловлена еще и возрастной предрасположенностью к подобным типам регуляции поведения.

Интересным представляется наблюдение за шахтерами, автором которого был О. Г. Савельев. Факт снижения роли личностных регуляторов в обеспечении поведения шахтеров он объясняет наличием постоянной опасности для жизни и взаимозависимости людей в условиях этой опасности. Крайне интересным представляется феномен отсутствия лидеров во время шахтерских забастовок, лидеров в общепринятом смысле этого слова — как ролевых, так и массовидных. Во время переговоров шахтеры тут же делегировали кому-то право говорить от своего имени по данному вопросу, а на следующий вопрос от имени всех мог отвечать уже другой человек. Решив часть общей проблемы, эти лидеры вновь растворялись в толпе, ничем особенно себя не проявляя, не выказывая никаких претензий на постоянное лидерство. Лидеры в описываемом случае выдвигались как будто сами по себе. Подобный механизм саморегуляции толпы, саморегуляции в отсутствие вождя, представляет собой в научном плане значительный интерес. Но изучение бастующих шахтеров — дело неоднозначное, знаете ли. Неправильно могут понять. Так что загадка ждет своего исследователя.

Описанные поведенческие деформации или особенности поведения можно использовать при проведении крупномасштабных со-

циальных проектов. Причины, их вызывающие, следует знать, чтобы иметь возможность исправить вызванные ими негативные последствия. Для того чтобы активно использовать специфичность сочетания существующих регуляторов поведения, необходимо экспериментально изучить и отработать методы усиления и ослабления каждой из групп регуляторов в каждом конкретном случае.

Глава 6

Современная толпа

Феномен массовидного поведения в современных условиях. Возникновение социальных структур, предрасположенных к массовидному поведению. Потребность в механизмах массовидной регуляции поведения, обуславливаемая процессом глобализации

Массовидное поведение, толпу удобнее изучать в классических случаях: на митингах, во время спортивных соревнований, на концертах культовых рок-групп и т.д. Однако сегодня все эти феномены социальной жизни общества не играют той значимой роли, которая отводилась их аналогам во времена Великих Французской и Октябрьской социалистической революций.

За прошедшие два столетия, а в особенности за два последние десятилетия этого периода специалисты достигли значительных успехов в управлении всеми составляющими феномена массовидного поведения, научились видеть схемы, включающие его в структуру социальных институтов современности.

Давайте еще раз сформулируем, что же приводит человека в зону действия регуляторов массовидного поведения и чем массовидное поведение отличается от иных его форм.

К массовидной форме поведения людей приводят следующие условия и обстоятельства.

1. Осознание необходимости действовать или невозможности бездействовать.

2. Количество информации, получаемое каждым отдельным человеком, должно быть недостаточным для принятия решения с по-

зий, относящихся к области действия индивидуальных и ролевых регуляторов.

3. Анализаторы органов чувств переполняются незначимой информацией и начинают реагировать на действия любого носителя информации, ранее воспринимавшиеся как сигнал, как на фон.

4. Создается ситуация, приводящая к сенсорному голоду, и человек усиленно начинает искать значимые сигналы в хаосе фонового шума.

5. Создается ситуация, когда на возможные внешние сигналы толпа может отреагировать очень ограниченным числом способов, и это наиболее простые способы.

6. Приходит мощный сигнал, синхронно достигающий членов возникающей толпы, воспринимаемый как знак к действию.

Массовидное поведение отличается от личностной и ролевой форм прежде всего отсутствием критического восприятия действительности. И объясняется это исторической предназначенностью эволюционно сложившейся формы его, направленной на сохранение не особи, но вида. Поэтому все созданные цивилизацией нормы и правила существования особи в обществе приобретают тенденцию к отключению. Снижается значимость мыслительных процессов при принятии решений, но повышается эмоциональная составляющая. Изменяются пороги чувствительности, некоторые показатели внимания, памятные процессы и, судя по всему, многие другие параметры тонкой настройки психики.

Чтобы управлять толпой, следует найти социальную структуру или конфигурацию структур, удовлетворяющих вышеописанным правилам и условиям, и создать систему донесения до нее адекватных задаче сигналов.

В своем развитии наша цивилизация пришла к условиям, в которых практически любой человек в любой момент может попасть или при помощи определенных воздействий и процедур быть приведенным в зону действия массовидных регуляторов поведения. Безусловно, и ранее, до момента создания современных типов обществ в виде демократий или диктатур той или иной разновидности, происходили стечения обстоятельств, запускающих массовидное поведение. Но в последние полтора-два столетия в развитии цивилизации вероятность такого развития событий возросла, причем в очень значительной степени — настолько, что люди, вовлеченные в сферу действия регуляторов массовидного поведения, стали играть решающую роль. Точную временную границу, обозначающую

начало доминирования толпы, назвать, естественно, невозможно, так как эволюционные процессы — процессы постепенные, протекающие с разной скоростью в разных государствах, разных социальных структурах и областях человеческой деятельности. Поэтому точность датировки, скажем, в десятилетие может считаться высочайшей. Эволюции до точности датировок нет дела — веком раньше, веком позже... Вероятно, в качестве исторических вех становления массовидного общества следует назвать и Великую Французскую революцию, и окончание Викторианской эпохи, и Великую Октябрьскую социалистическую революцию, и Вторую мировую войну, обеспечившую планетарное распределение обязанностей и привилегий между государствами и народами и последующую волну выравнивания сложившихся диспропорций. Но все это лишь отметки на поверхности равномерно и мощно несущегося потока.

Что дает этому потоку силу?

1. Общее увеличение численности людей на планете при сохранившейся площади проживания. Плотность населения возрастает, общество вынуждено упорядочить поведение каждого отдельного человека для того, чтобы избежать хаоса и анархии. Государство упорядочивает деятельность своих граждан путем создания структур, воздействующих на их поведение, регламентирующих их жизнь. Это и создание могучих правоохранительных систем, и единое для большинства планирование рабочего дня, и вообще единообразное структурирование времени, и т.д. Список этот велик, и каждый может продолжить его сам. В аморфное множество, в броуновское состояние общества вводятся дополнительные векторы, вокруг которых начинается процесс уплотнения. В структуре общества формируются новые и упрочняются структуры старых социальных институтов, социальных потоков. Область разреженного пространства между центрами стягивания все более увеличивается и начинает представлять собой аналог потенциального барьера при попытке особи покинуть одну зону концентрации и перейти в другую. Математическим инструментом, описывающим этот процесс, является хорошо известный каждому психологу факторный анализ, чаще применяемый при изучении психологических качеств личности или при изучении ролевых процессов, протекающих в малых группах.

Каждый человек в ходе этого процесса оказывается вписанным в определенную социальную группу. Принадлежность к той или иной группе определяется во взаимодействии его собственного поведения и деятельности окружающих его лиц и социальных струк-

тур, т.е. внешних воздействий, обеспечивающих структурирование социума по основным ортам. Процесс усложняется тем, что орты являются многомерными, где в качестве каждого измерения выступает та или иная характеристика личной или общественной жизни. При решении некоторых прикладных задач удобнее исследовать некоторое число элементарных процессов структурирования аморфной структуры по одномерным ортам, каждый из которых описывает распределение одного свойства. Тогда процесс выделения социальных потоков и институтов будет описываться системой элементарных факторных анализов. Если структурирование происходит по большому числу характеристик, то различия между образовавшимися социальными структурами увеличиваются; если многие параметры, которыми описывается подвергаемая анализу матрица, процессом не охвачены, то прежняя общественная конфигурация сохраняет определенную устойчивость. Вновь создававшиеся структуры, социальные институты и потоки активно начинают процесс генерации импульсов самонастройки, что приводит к созданию оригинальных норм и правил поведения, присущих данному конкретному новообразованию.

Постепенно начинают работать механизмы, регулирующие границы описываемого социального потока, регламентирующие вход и выход, обеспечивающие пропускной режим. Такие механизмы могут быть формализованными (к примеру, система вступительных экзаменов в вузах, фильтрующая абитуриентов на способных и не способных к высшему образованию); или не носящими четко прописанного характера (присущий человеку набор ценностных ориентации и норм морали, сложившаяся система видения мира, позволяющая ему претендовать на определенную позицию в социуме).

Социальные потоки, течения, а также механизмы, определяющие их развитие (социальные фильтры, вектора и т. д.), — удобная для работы терминология, отражающая реально существующие процессы, особенно если ведется работа над задачей изучения эволюционирования современного общества. Исследования в рамках именно такого набора понятий, именно такого уровня обобщений позволяют получать значимые результаты и давать обоснованные прогнозы развития России — во всей ее включенности в мировую структуру. Метод исследования в данном случае определяется поставленной проблемой.

Продолжим линию рассуждений, отметив, что работа описанного механизма привела к созданию условий, при которых в более аморфной структуре прежнего общества выделились объединения

людей (рис. 18). (Определенные аспекты и случаи этого процесса описаны, к примеру, К. Марксом.) Люди, входящие в эти новые объединения, имеют больше шансов реагировать синхронно на некоторые импульсы информационного или иного воздействия.

Одно из условий перевода социального потока на массовидную форму регуляции поведения выполнено.

2. Процессы глобализации, протекающие сегодня в структурах человечества, ведут к выполнению остальных условий. Трудно представить себе массовидные выступления, скажем, преподавателей средней школы где-нибудь в Лихтенштейне. И самих преподавателей там немного, и многие из них, объединенные в социальную группу учителей, оказываются разнесенными по иным социальным группам по возрасту, полу, стажу, взглядам и т. д. Массовидные регуляторы не включаются: и численность мала, и вероятность синхронного реагирования невелика. Глобализация ведет к ослаблению барьеров между аналогичными социальными потоками в различных странах, барьеров, обусловленных самим принципом государственного устройства нашей цивилизации.

Рис. 18. Структурирование общества в процессе его эволюционирования.

Единое экономическое поле. Единая система политического управления в виде ООН. Единая система управления культурой в виде ЮНЕСКО. Единые финансы, единая наука и т.д. Конечно, все эти системы сегодня имеют ряд видимых невооруженным взглядом недостатков. Но вопрос в другом: целесообразным ли будет в дальнейшем наличие всех этих структур даже в том случае, если они будут работать идеально, без двойных стандартов, по принципу честной игры? Разнообразие возможных поведенческих реакций людей, включенных в эти огромные социальные движения и потоки, лишенные в процессе глобализации особенностей, которые вносили в каждую их часть суверенные государства, явно уменьшается, и с точки зрения теории эволюции поведения это плохо. В то же время процесс этот неизбежен. Он только, может быть, преждевременен. Вспомним, что к коммунистическому обществу, становление которого — вопрос лишь времени, мы идем со времен «Города Солнца» и других утопий уже тысячи лет. Итоги нашей российской попытки ускорить наступление этой формы взаимоотношений между людьми, увы, показали, что путем революций, равно как до этого путем крестьянских войн или восстания рабов, такие вещи не делаются. Глобализация в современных условиях — попытка создания общества с коммунистическими принципами, действуя с другой стороны. Скорее всего, она будет неудачной, как и все предшествующие попытки в истории человечества. То есть попыток достижения мирового господства и путем войн, и путем культурной экспансии, и путем насаждения веры предпринято в истории с избытком, и не все они оканчивались полной неудачей. Глобализация — это просто попытка достижения мирового господства не сразу по всему спектру деятельности человечества, а частями.

Но на пути победного шествия массовидных регуляторов встает преграда: каким образом можно одновременно донести информацию до такого огромного количества людей, как, например, социальный поток учителей планеты? Старые способы доведения информации уже не годятся. Рассмотрим это на примере системы профсоюзов. Каждый преподаватель знал своего профсоюзного руководителя, которые были включены в иерархическую пирамиду, обеспечивавшую прохождение информации сверху вниз и какую-никакую обратную связь, причем все это обеспечивалось классическими индивидуальными и ролевыми поведенческими матрицами. И поэтому если действия учителей под управлением профсоюзов (я уже не говорю о партийных и комсомольских организациях)

изредка напоминали действия толпы (демонстрации, митинги), то это только видимость массовидного поведения. Любая первомайская демонстрация — мероприятие высокого уровня организации. Очень часто назначались не только старшие колонн, что было обязательным, но и старшие шеренг, т. е. управление огромными скоплениями народа проходило в строго ролевом стиле. Другое дело, что если такое количество народа собирается вместе с единой, хорошо известной каждому целью, это создает условия для подавления индивидуальных и ролевых поведенческих регуляторов и введения массовидных. Но сохраняющаяся сильная ролевая структура с индивидуальной ответственностью формальных лидеров затрудняла действия факторов, провоцирующих массовидное поведение. Затем во время прохождения перед трибунами по главной площади включались механизмы массовидного поведения. Микрофоны доводили до каждого одновременно информацию: «Да здравствует..!» И все синхронно реагировали одним из немногих доступных способов: «Ура!» Как только колонны выходили с площади, управление людьми вновь переходило в руки ролевых лидеров, и возможности беспорядков сводились к минимуму. При регулярном (два раза в год) переводе людей на массовидное поведение с одними и теми же управляющими темами руководители государства добивались канализирования общественного мнения в заданном русле, и в случае несанкционированного перехода общества в массовидное состояние управляющие темы, из года в год предлагавшиеся населению, имели значительно больше шансов на завоевание идеологического лидерства в сравнении с любыми другими. Это придало системе запас устойчивости.

Способ доведения информации посредством создания властной вертикали на основе ролевого поведения, даже и деформированного (см. книгу «Психотренинг. Социодинамика, упражнения, игры») государственными структурами, оказывается малоприменимым для формирования массовидного поведения. И разница в действиях псевдотолпы, созданной при воздействии ролевых и индивидуальных регуляторов, и толпы настоящей, где бушует, как сказали бы основоположники марксизма, стихия массовидных регуляторов, принципиальна: в псевдотолпе участники ее прогнозируют, хотя и в искаженном виде, последствия своих действий, а в толпе настоящей последствия никем просто не рассматриваются.

Нужен другой способ донесения информации до участников социального потока — способ, лишенный посредников; способ, ко-

торый позволяет доносить нужную манипулятору информацию до каждого члена социального потока по возможности одновременно и без искажений. Причем информация должна отвечать ряду требований, быть определенным образом подготовленной. Во время одного из тренингов испытуемый привел пример, который всем понравился. Он провел аналогию с автомобилем. Автомобилю для работы требуется топливо. Так вот: не просто топливо, а именно бензин, и не просто бензин, а с определенным октановым числом. Иначе автомобиль не поедет, или взорвется, или отравит все вокруг выхлопными газами. Общество — устройство гораздо более сложное, чем автомашина. И прежде чем совершить попытку манипулирования социальными потоками при помощи введения регуляторов массовидного поведения, следует научиться готовить информацию с нужным в данном конкретном случае «октановым числом».

Информация должна быть представлена на носителях, которые удовлетворяют сформулированным в начале данной главы требованиям. Такими носителями прежде всего являются СМИ. Кроме СМИ существуют такие глобальные системы, как Интернет, в нашей стране формально, т.е. юридически, СМИ не являющийся; системы мобильной сотовой и спутниковой связи. В этих условиях существование телеграфа и система рассылки писем не играет той роли, как во времена Великой Октябрьской революции.

В некоторых социальных потоках применяются иные способы донесения информации и синхронизации действий. В молодежной среде, например, это воздействие осуществляется посредством культовых групп и исполнителей; в научной — посредством школ, подходов, концепций.

Посмотрите, какой изящный парадокс! Увеличение потока информации, усилия по донесению ее до каждого конкретного человека приводят к появлению массовидных явлений, т.е. явлений, приводящих к прекращению интеллектуальной деятельности и выходу за рамки культурного поля. Определенная аналогия с компьютером: если его память загрузить полностью, не оставив ни байта свободного пространства, он не сможет работать.

Перед человечеством встает задача, прямо противоположная задачам предыдущих тысячелетий (эту главу я пишу в 3-м тысячелетии): не просветительская деятельность, а ограничение информации, доводимой до каждого отдельного человека. Если этого не сделать — рухнет система получения научных знаний и под ударом

окажется сам процесс познания. Если делать — открывается такой простор для злоупотреблений! Вот такая задача.

Помимо информационных технологий существуют и другие методы создания условий запуска массовидных регуляторов. Рассмотрим их. К желанию действовать или к осознанию невозможности бездействия испытуемого можно привести посредством экономического влияния. Можно, например, как это делалось у нас в России, не выплачивать зарплаты государственным служащим и пенсии пожилым людям, и тогда, под угрозой голода, из-за боязни остаться раздетыми-разутыми, они, побуждаемые регуляторами индивидуального поведения, будут предрасположены к действиям. Если при этом развалить иерархические структуры, способные канализировать эту потребность действия в индивидуальных и ролевых опосредствованиях, или препятствовать их созданию, то возникнут условия, запускающие массовидное поведение в самой ярко выраженной форме.

Конечно же, массовидные регуляторы включаются в те периоды, для которых их и создала эволюция: в случаях мощного воздействия стихийных сил природы. А так как человек уже сравнялся со стихиями по силе некоторых своих проявлений, то массовидное поведение стало наблюдаться значительно чаще.

Участники Великой Отечественной войны рассказывали мне, как иногда, особенно на первом этапе, этапе отступления, к панике приводило пронесшееся по позициям слово «обошли». А отступавшие вместе с Красной Армией жители, не желавшие оставаться на захваченных территориях, в условиях отсутствия информации о местоположении врага, в поисках направления движения руководствовались какими-то слухами, обрывками разговоров, услышанных от таких же беженцев. «Вдруг прошел слух, что впереди — немцы, и мы все повернули в сторону». Откуда слух, имел ли он под собой реальную почву — никто не проверял. Налицо невозможность бездействия, налицо недостаточность информации для принятия опосредованного индивидуальными и ролевыми регуляторами решения. Все условия для проявления массовидного поведения налицо. И при крике «воздух!» все разбегались в панике, теряя вещи, теряя друг друга, теряя детей...

Специалисты из МЧС и психологи, исследующие поведение людей в экстремальных ситуациях, знают об особенностях поведения людей в городах, разрушенных землетрясениями. Ситуация удовлетворяет всем параметрам, запускающим массовидное поведение,

а индивидуальные и ролевые отношения отключаются или совсем исчезают в результате постигшего людей горя. И люди, не будучи объединенными в толпу, сидящие на развалинах или бредущие по улицам поодиночке, тем не менее ведут себя в соответствии с правилами массовидной регуляции.

Вероятность запуска массовидного поведения увеличивают и феномены космического масштаба. Правда, их воздействие пока изучено слабо. Б.Ф. Поршнев, А.Л. Чижевский, В.И. Вернадский писали об активности Солнца, Л.Н. Гумилев ставил во главу угла связанное и его активностью понятие пассионарности. Все описываемые феномены предстоит исследовать экспериментально. Как влияет на поведенческие регуляторы полярная ночь? Какова специфика поведения петербуржцев в связи с длительным периодом осенней слякоти и непогоды? И все рассуждения о «холодных» нордических народах и «вспыльчивых» южанах (с «горячими» эстонскими парнями в виде исключения) требуют не только психологического или исторического подтверждения, но и, к примеру, биологического исследования. Как усиление активности Солнца влияет на протекание биохимических реакций? Как увеличение или ослабление магнитного поля воздействует на электрические процессы мозга? Мы живем буквально пронизанные радиоволнами, акустическими волнами, излучениями светового диапазона, радиацией от мониторов компьютеров и телевизоров и прочее, и прочее. Это, безусловно, на поведении сказывается. Вопрос — в какой степени?

На рубеже XVIII—XIX столетий в силу ряда исторических причин произошло значимое увеличение удельного веса регуляторов массовидного поведения в обществе. Государственные структуры, не имея опыта управления в сложившихся условиях, на первом этапе действия феномена не смогли адекватно отреагировать на новые формы действия людей в ответ на традиционные формы действия власти. В результате произошли такие масштабные события, как Великая Французская и Великая Октябрьская социалистическая революции.

В следующем адаптационном периоде к новым условиям государству (т. е. структуре, созданной на основе принципов действия ролевых и индивидуальных регуляторов) удалось частично приспособиться к новым условиям, частично приспособить их к себе. Формами приспособления государства стал парламентаризм, демократия, либерализация (реализация стратегий сотрудничества и комформизма в отношениях между государством и населением) или диктатура (стратегия соперничества, подчинения).

На современном этапе государство в значительной мере научилось использовать возросшую силу регуляторов массовидного поведения при помощи ряда вновь созданных структур, среди которых главное место занимают СМИ. Управление гражданами стало проводиться с использованием механизмов включения массовидного поведения и управления им. Государство как структура и отдельные личности научились искусственно переводить людей из зоны действия одних регуляторов в другие и манипулировать участниками процесса, добиваясь поставленных целей.

В условиях концентрации населения в городах, происходившей в XVII в., ухудшение материального уровня жизни, с этим связанное, привело к делению общества на классы в зависимости от отношения к собственности и от формы присвоения, как писал Маркс. В дальнейшем экономический уровень жизни повысился (дилемма «жить — умереть с голоду» перешла в «жить плохо — жить хорошо», а это далеко не одно и то же!), и экономические факторы перестали быть столь значимыми для людей. Идея классовой борьбы, которая охватила массы, привела их в движение, перекроившее карту мира, вошла в стадию затухания. Люди в меньшей степени стали отождествлять себя с классами, а в большей степени — с другими социальными образованиями.

Сегодня каждый человек причисляет себя к самым разным социальным потокам одновременно и меняет свое поведение в зависимости от того, нормы и ценности какого из них главенствуют в его сознании в момент принятия решения или в момент действия.

Таким образом, для того чтобы манипулировать людьми в современном обществе, необходимо при помощи ряда приемов вызывать у них ощущение причастности к определенному социальному потоку, затем подавить индивидуальные и ролевые регуляторы и создать условия, вызывающие массовидное поведение; таким путем добиваются синхронизации поведенческих актов участников социального потока. Затем производят воздействие (например, через СМИ или экономику) и получают запланированную реакцию.

Вырисовывается следующая схема.

1-й этап. Феномен массовидного поведения обнаруживает себя.

2-й этап. Не готовое к такому развитию государство (форма управления, основанная на доминировании производных индивидуальных и ролевых поведенческих регуляторов) на данном этапе оказывается не в состоянии выполнить свои функции в той или иной степени.

3-й этап. Государство видоизменяется, приспособливается к новым условиям.

4-й этап. Государство включает умение манипулировать обществом при помощи регуляторов массовидного поведения в арсенал приемов управления.

Для манипулирования государство создает структуры, обеспечивающие подавление индивидуальных и ролевых коррелятов поведения и введение массовидных. Прежде всего это СМИ и другие проявления глобализации. Экономические детерминанты уступают место психологическим: важно не то, что ты ешь, а что ты по этому поводу думаешь. Можно приложить усилия к тому, чтобы люди были материально обеспечены, а можно сделать так, чтобы они думали, что материально обеспечены. Второе проще и дешевле. И, как показывает практика, людей вполне устраивает.

Если есть люди — объекты манипулирования, то есть и люди-манипуляторы. В сущности, это и есть новая аристократия, пришедшая на смену старой, об исчезновении которой писал Х. Ортега-и-Гассет. Отметим, что, если старая аристократия декларировала свои высокие моральные качества, манипуляционной аристократии приходится быть намного более гибкой в этом вопросе. На смену нерушимому слову приходит политика двойных стандартов.

Среди социальных движений и потоков, среди механизмов, обеспечивающих их развитие и трансформации, меня особенно интересуют четыре темы:

1. Структура государственной власти в свете теории эволюции поведения.

2. Структура людей, вовлеченных в педагогические отношения.

3. Средства массовой информации как механизм введения матриц массовидного поведения и управления массовидным поведением.

4. Избирательные кампании как область применения знаний методов управления социумом при помощи манипулирования соотношениями регуляторов индивидуального, ролевого и массовидного поведения.

По каждой из данных тем в последние несколько лет проведена серьезная экспериментальная работа, результаты и выводы которой я приведу в последующих главах.

Глава 7

Классификация толпы

Виды толпы, собираемой по потребностям различного уровня. Толпа, собранная по низшим иотребностям. Совместная толпа людей и животных. Использование методов провоцирования массовидного поведения для формирования коллективного бессознательного. Феномен обратной связи поведенческой и биологической эволюции

Поведение человека определяется сочетанием индивидуальных, ролевых и массовидных регуляторов. Специфичность их действия обусловливается включенностью человека в определенный набор социальных групп. Социальные группы описываются набором элементарных параметров. В классическом учебнике Г. Андреевой, например, речь идет о композиции группы или ее составе; о структуре групп; о групповых процессах, групповых нормах и ценностях, системе санкций.

Подобный перечень составлен в результате рассмотрения внутреннего устройства группы и ее внешнего окружения, а также особенностей соприкосновения группы и окружающего мира. В работе психолога, имеющего дело с малыми группами, социальными конфигурациями, важно разграничивать элементарные параметры, определяющие существование человека в группе, и параметры самой группы. Вещи эти теснейшим образом взаимосвязанные, но не одно и то же. Если речь идет о члене групп, то можно говорить о:

- 1) статусе индивида;
- 2)роли;
- 3) взглядах индивида относительно групповых ожиданий;

4) взглядах индивида относительно групповых норм и систем и санкций.

Если же говорить о группе, то следует выделить:

1) степень согласованности внутригрупповых ролевых оценок, высокий уровень которого свидетельствует о стабильности социально-ролевой структуры;

2) синтонность групповых реакций; высокий ее уровень позволяет сделать вывод о способности группы к слаженным действиям;

3) степень предпочтительности своей группы для ее членов.

Для более подробного анализа можно использовать подходы и перечни шкал характеристик групп, приведенные в книге «Диагностика социально-психологических характеристик мелких групп с внешним статусом», авторы: С. А. Багрецов, К. М. Оганян, В. М. Львов, В. В. Наумов.

Различие подходов заключается в том, что Г. Андреева говорит прежде всего о социальных группах, С. А. Багрецов с коллегами о малых группах, а я пытаюсь рассматривать область пересечения двух феноменов. Кроме того, следует разделять ролевое поведение и поведение, обусловленное включенностью человека в социальную группу. Первое является результатом действия одного из трех видов эволюционно сложившихся поведенческих регуляторов, а второе представляет собой определенным образом трансформированное проявление сочетания трех групп регуляторов.

Если два первых пункта классификации Андреевой относятся, скорее, к сфере влияния индивидуальных и ролевых регуляторов, то остальное в большей степени определяется массовидными. Подавляющее большинство связей общества носит взаимообуславливающий характер. Связи, обеспечивающие однонаправленное прохождение информации, не свойственны обществу настолько, что в случае появления такого феномена (например, телеведущий и зрители) мы в большинстве случаев наблюдаем личностные, ролевые и массовидные деформации участников данной коммуникации. Можно предположить, что социальные группы не только описываются в терминах групп регуляторов поведения, но и возникают в соответствии с их воздействиями. Причем чем масштабнее социальное образование, тем больший удельный вес при его формировании отводился массовидным регуляторам. Представляется интересным предположение, что коллективное бессознательное есть результат проявления массовидных регуляторов в социальных группах таких масштабов, что индивидуальные регуляторы малозначи-

мо влияют на закономерности существования. Если это так, то можно воздействовать на коллективное бессознательное, на менталитет, на архетипы, т. е. на все гипотетические макроспихосоциальные феномены, путем введения специальным образом подготовленных регуляторов массовидного поведения. Некоторые события, происходящие в общественной и политической жизни самых разных стран, можно рассматривать как исторический эксперимент в данной области. Об этом, а также о наших наработках в этой области чуть ниже.

Итак, социальные группы образуются в результате действия трех групп поведенческих регуляторов. Поведение человека направлено на реализацию потребностей, которые сформировались в соответствии с тремя эволюционными задачами: сохранение особи; сохранение вида путем социализации и оптимизации деятельности; сохранение вида путем стандартизации поведения особей.

Вспомним еще раз алгоритм образования масс или толпы (мы будем пока разводить эти два понятия), т. е. групп людей с доминированием массовидных регуляторов поведения.

1. Потребность действия или ощущение невозможности бездействия.
2. Недостаток информации, что делает невозможным рациональное решение задачи.
3. Анализаторы переполняются незначимой информацией, мозг реагирует на их сигналы как на фон.
4. Возникает сенсорный голод, человек начинает искать значимые сигналы.
5. Ситуация такова, что на возможные внешние сигналы толпа может отреагировать ограниченным числом наиболее простых способов.
6. Приходит мощный сигнал, синхронно достигающий членов возникающей толпы.

Социальная группа возникает как механизм реализации подобных потребностей у ряда индивидов. Можно сформировать или обнаружить социальную группу, сформированную по любой из описываемых потребностей или по их сочетанию. Если в этой социальной группе в силу реализации вышеприведенного алгоритма начинают доминировать массовидные регуляторы, мы получаем толпу, сформированную по той или иной потребности. Теперь, потренировавшись в подходах, определениях, прямых и обратных связях, рассмотрим группы, собранные по потребностям различного уровня и находящиеся в сфере действия массовидных регуляторов.

Социальная группа, в которой начинают доминировать массовидные регуляторы вследствие неудовлетворенной потребности членов групп в продуктах питания, безопасности и т. п., превратится в толпу. Если же не удовлетворяются потребности более высокого уровня, а механизм запуска массовидного поведения все же срабатывает, то принято говорить о социальных движениях, об общественном мнении, о менталитете и т. д. Единого устоявшегося термина тут нет. Теоретически возможно доминирование массовидных регуляторов в любой социальной группе, собравшейся по любой потребности. Но на практике в силу ряда причин многие сочетания не встречаются. Однако феномен не ограничивается одной лишь толпой, а ее превалирование в качестве объекта исследования объясняется дистанцией между наблюдателями, испытывающими в большинстве своем потребности более высокого уровня, и толпой, реагирующей чуждым наблюдателям образом на неудовлетворенность потребностей низшего уровня.

Толпа — социальная группа, перешедшая в область действия массовидных регуляторов. Так как социальные группы могут отличаться друг от друга по всему набору параметров, приведенных выше, то, естественно, существует несколько различных видов толпы. До сих пор квалификация толпы основоположниками ее изучения проводилось по анализу результатов ее деятельности, по анализу ее поведения: «разрушающая толпа», «пассивная толпа» и т. д. Это сродни попытке квалифицировать телевизоры, исходя из содержания передач, наблюдаемых на экране. Очевидно, более адекватной может стать квалификация, основанная на знании принципов возникновения толпы и законов ее существования и распада. Удобным для изучения и прикладной деятельности представляется квалификация видов толпы согласно ее потребностям. Для удобства чуть трансформируем иерархическую модель потребностей, выделив низший уровень, мотивации на котором определяют потребность в пище, жажда, сексуальность и потребность в безопасности; и высший уровень, к которому отнесем потребность в социальных связях, а также в достижении, реализации собственных возможностей; потребность в понимании и осмыслении.

Отметим, что шкала потребностей создана с позиции психологии личности, но, изучая массовидные деяния, следует в некоторой степени изменить смысл понятия мотивации применительно к группам, так как строительным материалом толпы являются как индивид, так и социальная группа. В экспериментах, проводимых

нами в области изучения массовидного поведения, удавалось отфиксировать проявление последствий ролевого поведения в толпе даже в крайних этапах ее существования: агрессии и панике. Можно сделать вывод о неполных подавлениях индивидуальных и ролевых коррелятов поведения в толпе. Отсюда недалеко до разработки методов управления толпой путем активизации этих групп регуляторов. Индивидуальные и ролевые регуляторы в толпе не определяют поведения людей на сознательном уровне. Однако на бессознательном это проявляется, например, в пространственной локализации знакомых людей в толпе, что было проверено во время забастовки шахтеров, проведения рок-концертов, на празднике «Алые паруса» в Санкт-Петербурге (последний звонок).

Так же как существуют механизмы, переводящие отдельных людей и социальные группы (вернее, отдельных людей через социальные группы) в толпу, существует и обратная реакция. Некоторые закономерности установлены эмпирическим путем и неоднократно использовались на практике во время проведения избирательных кампаний. К примеру, в Красноярске удалось предотвратить столкновение во время празднования Дня Победы между группами поддержки А. Лебеда и В. Зубова. Многотысячные толпы одновременно подошли к месту празднования, но по распоряжению действовавшего на тот момент губернатора Зубкова либо его помощников группу поддержки Лебеда стали оттеснять военные. Это возмутило ветеранов, шедших в группе поддержки Лебеда. Был момент, когда столкновение казалось неизбежным, и две бабушки уже бросились на прорыв, увлекая за собой толпу. Предотвратить столкновение удалось очень просто. «Марья Ивановна, у вас внуки! Вера Петровна, стыдно! Такой праздник!» — крикнул я, выбегая на пространство, разделявшее стороны. От неожиданности бабушки остановились. Одна улыбнулась. Агрессия толпы исчезла на глазах: все забыли о несправедливости и вспомнили о внуках. Умный командир роты солдат быстро увел свое подразделение. Когда солдаты уходили, им совали гвоздики, бутылки с лимонадом, называли внучками. Колонны объединились, лидеры напомнили о Дне Победы, находящиеся в той и другой толпе агенты влияния заговорили о том, что День Победы важнее борьбы за пост губернатора, и ситуация закончилась практически благополучно. Конечно, мы попытались извлечь из нее все возможное для победы нашего кандидата А. И. Лебеда, но речь не об этом. Удалось предотвратить столкновение, вызвав к действию сильные личностные мотивы, разру-

шившие действие массовидных регуляторов. Во-первых, то, что были названы имена. Во-вторых, апеллирование к внукам, которые отождествлялись с солдатами срочной службы. В-третьих, инициирование нормативности поведения, высокой у людей военного поколения. И, наконец, напоминание о празднике. Здесь более точной была бы фраза не «такой праздник», а «такой день». Она заставила бы людей сделать умозаключение «какой день? — праздник». Сама процедура умозаключения переводит людей из массовидного состояния в индивидуальное. И, конечно, важна была форма донесения информации. Крикнуть пришлось громко, выскочив на свободное пространство и сделав резкие жесты, чтобы быть замеченным. Получилось все удачно в прикладном плане и информативно в научном, но до сих пор не знаю, почему выбрал именно эти имена. Первые, что пришли в голову. Потом с одной из бабушек, которую я счел необходимым увести из толпы, опасаясь рецидивов агрессивного поведения, мы сфотографировались, поговорили обо всем. Звали ее по-другому.

Несколько слов о мотивах, движущих участниками данного события. Две группы демонстрантов были собраны в разных местах города. Два основных мотива: 1) традиционно отпраздновать День Победы; 2) выразить поддержку своему кандидату в губернаторы (каждая группа — своему. Нужно отметить, что избирательная кампания к тому времени достигла высокого накала). Далее все прошло по схеме: группа демонстрантов, поддерживавшая Лебеда, была остановлена на подступах к месту церемонии. В течение десятков минут никто в колонне не знал, что происходит: кто не пускает, почему, пустят ли. Налицо ситуация неопределенности. Но ежегодный ритуал празднования Дня Победы требовал от участников определенных действий. Налицо потребность в действии, но недостаток информации для принятия решения. И наконец, прозвучавшая по громкоговорителям над площадью фраза, что на мероприятие группу демонстрантов, поддерживающих Лебеда, не пустят, а ему самому не предоставят слова, связало в одно целое возмущение от того, что власти не дают праздновать День Победы, и возмущение от обиды за не получившего слова претендента на пост губернатора. Возникли условия для канализирования эмоций масс в агрессивном стиле. Психология победителей не могла дать канализирование в виде, скажем, панической реакции. И когда нить солдат стала разделять группы на чистых и нечистых, в общем фоне броуновского движения членов толпы их упорядоченные и упорядочиваю-

щие действия были восприняты как значимый сигнал, и накапливавшаяся агрессия получила объект применения.

Многократное повторение перехода из зоны действия индивидуальных и ролевых регуляторов в массовидную, а именно это ежегодно проводилось в Советском Союзе и на Первомай, и на Октябрьские праздники, и на День Победы, упрощает процессы перехода. И перевод социальной группы в толпу легче осуществить по некоторому мотиву, по некоторой потребности, если подключить эту потребность к неоднократно использованной ранее. Прием часто используется и в политической рекламе, и в экономической.

В данном случае удалось разрушить массовидное поведение, обратившись к индивидуальному. Можно привести примеры и перехода от массовидного поведения к ролевому. Многие помнят эпизод из фильма, когда детдомовские ведут большую драку с пионерами, и отчаявшаяся и разгневанная воспитательница оглушительно свистит и кричит: «Становись!» По этой команде детдомовские мгновенно прекращают драку, выстраиваясь по воле своего лидера. Мы наблюдали такие чистые случаи и непосредственно в жизни. Например, подростковые драки, в которых участвует несколько малых групп, разделившихся на две конфликтующие стороны. При сигнале, подаваемом лидером одной из малых групп, члены этой группы выходят из боя, хотя в целом драка продолжается, т. е. из массовидного мероприятия одновременно выходит группа людей, подчинившись ролевым законам. Подобное я наблюдал во время срочной службы в армии, когда комвзвода сохраняет управление, построенное на ролевых принципах, во время масштабных беспорядков, имеющих явно выраженный массовидный характер (драка между курсантами одного из училищ и военными строителями расквартированного неподалеку военно-строительного отряда).

Успешность действия ролевых лидеров по выводу членов своей ролевой группы из области действия массовидных регуляторов также во многом зависит от силы ролевых связей, от опыта подобных процедур. Это имело огромное прикладное значение во время войн с применением холодного оружия. Сегодня это значимо в предотвращении кризисных ситуаций или последствий кризисов — природных катаклизмов, действий террористов, а также при проведении массовых народных гуляний. Принцип прост: необходимо иметь интегрированную в толпу структуру, члены которой являются инструментом донесения информации до участников толпы. Члены структуры должны быть изолированными от массовидных

регуляторов и иметь прямую связь с руководителем, который наблюдает за развитием толпы извне. В некоторых случаях структура может быть заменена техническими средствами донесения информации: мощными громкоговорителями, а также водометами, оружием с пластиковыми пулями, газовыми гранатами и т. п. И если интегрированная структура и отчасти громкоговорители позволяют перевести людей из массовидного состояния в ролевое и индивидуальное, то водометы и т. п. чаще меняют агрессивную реакцию толпы на паническую реакцию толпы же. В данном варианте участники толпы могут нанести себе телесные повреждения.

Так как массовидное поведение призвано в эволюционном смысле способствовать максимальному сохранению данного вида, интересным представляется рассмотрение массовидного поведения существ разных видов, оказавшихся в сходной ситуации. Особенно интересно наблюдать совместную толпу людей и животных. Подобные феномены наблюдаются во время лесных пожаров, наводнений, землетрясений. Яркими случаями являются коррида, охота с борзыми, скачки и т. д., когда ситуация требует от живых существ массовидного реагирования.

Существует принципиальная разница между механизмом перевода в массовидное поведение животных и человека. Заключается она в том, что у животных не произошло перезаписи коррелятов поведения на сознательном уровне. У человека же это произошло на индивидуальном и ролевом уровнях, но не на массовидном, следовательно, существование человека в сфере влияния массовидных регуляторов возможно только в случае подавления разумной деятельности. У животных же разумная деятельность в человеческом смысле отсутствует, следовательно, нет необходимости в ее подавлении при переходе к массовидному поведению. Оговорюсь, что случаи полного перехода к массовидному поведению, требующие подавления разума, крайне редки, и в подавляющем большинстве случаев следует говорить о пропорциональном угасании разума и росте проявлений массовидного поведения.

Второе принципиальное отличие — отсутствие у животных высших потребностей. Это делает невозможным возникновение совместной человеко-животной толпы по мотивациям высшего уровня. Сам факт создания смешанной толпы встречается крайне редко. Еще реже случаи создания таких образований человеком сознательно. Коррида, скажем, представляется не совсем удачным примером —

скорее, мы имеем здесь дело с человеческой толпой, а бык и его отношения с матадором — часть ситуации, обеспечивающей перевод людей к массовидному поведению. Совместная толпа возникает тогда, когда у людей и животных начинает доминировать одинаковая очень сильная мотивация, при этом непременно мотивация низшего уровня. Скажем, наступление конной лавы подходит под это определение, но отношения между людьми и лошадьми симметричными не назовешь. К счастью, мне не довелось видеть теоретически возможной совместной толпы, сформировавшейся по потребностям в пище и питье. Все описываемые в литературе (художественной) случаи сводятся к результатам воздействия пожаров и наводнений. В старшем школьном возрасте я наблюдал такое во время турпохода, когда речка вышла из берегов и стала затоплять пойму. Паническая реакция была налицо; многие члены тургруппы либо делали попытки бежать, либо впадали в оцепенение, и приходилось подталкивать их, чтобы они начали движение. Аналогично вели себя животные: заяц пронесся между палаток, задевая ноги людей, а наутро, когда гроза кончилась и на небольшом острове в окружении воды оказались и люди и звери, зайцы сидели неподвижно, и некоторые из них позволяли трогать себя. Лисица выглядела более адекватно, не позволяя к себе приближаться, но и она не делала попыток охотиться на зайцев, мышей, ежей, змей и других существ, в изобилии заполнивших островок. В свою очередь, ее никто из них не боялся. Несколько моих знакомых, хорошо знавших таежную жизнь, рассказывали о лесных пожарах. Информация сводилась к тому, что все бегут в одном направлении, не нападая друг на друга. Конечно, приведенные случаи из жизни представляют собой скорее байки на охоте, нежели сколь-нибудь научнообразные наблюдения, тем паче эксперименты. Однако возможны варианты, когда экспериментаторам придется моделировать подобную совместную толпу. Это может понадобиться, например, при исследовании вопроса перезаписи инстинктов на уровне сознания, разума; или может иметь прикладное значение при лечении некоторых психических расстройств. Мне бы хотелось зафиксировать мысль: при экстремальном природном воздействии, угрожающем сфере, определяющей низшими потребностями, равноправными единицами возникающей толпы являются существа разных видов. Мы наблюдаем случай одинакового поведения членов различных ступеней биоценоза. Может быть, в эволюционном плане массовидное поведение существует как механизм сохранения не только

вида, но и более крупных таксонов, иных структурно-биологических образований.

Более интересной и значительно менее разработанной представляется ситуация с толпой, сформировавшейся по высшим уровням шкалы потребностей. Ситуация для исследователя представляется более сложной.

Толпа низшего уровня в большинстве случаев локализована в пространстве, ее существование длится не более нескольких часов, проявления действия массовидных групп регуляторов просты, легко фиксируемы. Не так обстоит дело с массовидным поведением, провоцируемым высшими потребностями. Группы, охваченные потребностью высшего уровня, значительно слабее оконтурены, обособлены, менее пространственно локализованы. Так как высшие потребности не носят сиюминутного характера, то и действия факторов, вызывающих массовидное поведение у этих социальных групп, должны быть более протяженными во времени. Кроме того, развитие высших потребностей обычно положительно коррелирует с развитием интеллекта, разума, т. е. именно того, что должно быть подавлено для индигирования массовидного поведения.

Ситуация дополнительно осложняется тем, что исследователь зачастую сам находится внутри такой социальной группы, является ее частью. Тем не менее в ходе практической работы и исследований удалось зафиксировать несколько интересных особенностей, свойственных механизмам возникновения, существования и распада толпы, созданной по мотивациям, вызванным высшими потребностями.

Прежде всего тут нужно говорить о больших группах людей, занятых сходной деятельностью, имеющих сходные условия существования и, что более важно, одинаковые тенденции, свойственные всей большой социальной группе. Эти тенденции обеспечиваются либо макроэкономическими воздействиями, либо культурными, либо идеологическими, либо религиозными, либо клановыми, кастовыми принципами. Изменения взглядов, норм, ценностей, вызываемые в социальных группах подобными воздействиями, мы называем электоральным дрейфом. Понятие, а также скрываемый за ним феномен часто и успешно мы использовали в проведении избирательных кампаний. Заключается он в том, что социальная группа способна накапливать потенциал массовидного поведения и задействовать его в момент, необходимый манипулятору, или, если предоставить событиям возможность развиваться стихийно, в мо-

мент превышения потенциалом определенного уровня. Подобный накопленный потенциал есть коллективное бессознательное. Исторический анализ позволяет предположить, что этот потенциал может вести себя несколькими способами.

1. Может побудить социальную группу (например, класс) к массовидному поведению, что в истории именуется революцией. В этом случае потенциал исчерпывается, особенно при достижении поставленной цели. В литературе такая форма потенциала именуется классовым самосознанием.

2. Потенциал может не привести к массовидным проявлениям в случае отсутствия механизма запуска массовидного поведения (в первом случае это была партия с ее специфическими инструментами — агитаторами, газетой «Искра» и т. д.), в случае ослабления механизмов, обеспечивающих накопление этого потенциала. Также при исследовании механизмов перевода людей в состояние толпы важны следующие моменты:

а) насколько люди, охваченные дефицитом потребности, первоначально были структурированы в социальную группу;

б) насколько эта социальная группа обучена и имеет успешный опыт решать свои вопросы на путях массовидного поведения;

в) каковы параметры этой социальной группы (состав, структура, групповые процессы и т. д.). Может быть, потенциал массовидного поведения группы и определяется высоким уровнем выраженности данных параметров.

3. Наконец, возможно долговременное существование нереализуемого в массовидной форме поведения потенциала, который оказывает постоянное воздействие на индивидуальные и ролевые поступки членов социальной группы и соответственно малых социальных структур. Подобное положение вещей свойственно большим социальным группам, например народам, этносам. Возможно, именно это имел в виду Г. Юнг, когда говорил об архетипах, т. е. архетип тогда — это накопленный потенциал регуляторов массовидного поведения, свойственный большим социальным группам; так как им для реализации этого потенциала нужны очень мощные механизмы запуска, то они встречаются в истории крайне редко. Склонность социальной группы менять свои взгляды, особенности этих взглядов, приобретаемые группой вследствие постоянного воздействия потенциала массовидного поведения, есть менталитет.

В случае если массовидное поведение провоцируют и высшие, и низшие потребности, велика вероятность развития событий по пер-

вому сценарию. Если же в процесс вовлечены лишь высшие строки шкалы потребностей, возрастает вероятность третьего варианта. В истории хорошо известны все описанные случаи. Первый — наша Великая Октябрьская социалистическая революция; второй — революционные выступления коммунистов в Германии, которые, однако, не привели к их победе, или, скажем, расовые волнения в Лос-Анжелесе 1976 г. Третий случай — распад Британской империи, где был естественным путем исчерпан потенциал Англии как сюзерена, и архетип белого человека с его превосходством и миссией сменился на пассивный архетип демократического поведения. Тут мы наблюдаем интереснейший феномен, когда в качестве единиц, попавших в зону действия регуляторов массовидного поведения, выступают целые народы. Сложно объяснить охватившее народы бывших республик СССР стремление к суверенитету лишь кознями ЦРУ и амбициями местных правящих элит. Паралич власти, предательство интересов державы Горбачевым со товарищи породило стремление спастись кто как может. Путь подсказали Прибалтийские республики, далее — как при лесном пожаре — все бегут в одном направлении бок о бок. Распад других империй проходил по тому же сценарию, так что мы имеем дело с устойчиво фиксируемым феноменом массовидного поведения народов.

Наше время дает примеры попыток искусственного формирования отдельными людьми или группами лиц потенциала массовидного поведения социальных групп. Типичным примером такого манипулирования, выполненного на высоком профессиональном уровне, была избирательная кампания по выборам президента РФ В. В. Путина, которая закончилась полным успехом. В США подобные способы используются уже давно, и к чему они приводят со временем, хорошо проиллюстрировали ставшие посмешищем для всего мира выборы сегодняшнего президента Буша. Однако и сегодняшнее доминирующее положение США в мире возникло при активном участии людей, оперирующих манипулятивными технологиями.

Давайте рассмотрим случаи попыток формирования менталитета, разделив их на две группы: неосознанные комплексы воздействий и целенаправленные сознательные попытки.

К неосознанным комплексам относятся такие отчетливо проявляющиеся в России начала 3-го тысячелетия феномены, как стремление активной группы населения уехать на работу за рубеж и весьма опасное для государства падение уровня рождаемости. И

первый и второй феномены свойственны распадающимся империям. В первом случае мы фиксируем стремление молодых специалистов высокой квалификации сменить страну проживания на более, с их точки зрения, перспективную. В качестве причин, побуждающих к эмиграции, обычно приводятся две: возможность заработать много денег и возможность работать по специальности. Однако достаточно ли этих двух причин, а также иных причин аналогичного вида для того, чтобы объяснить силу данного социального течения? Наряду со специалистами действительно высокого уровня, уезжающими по контрактной договоренности с зарубежными представителями на определенное место работы и определенные условия проживания, уезжают и специалисты сравнительно низкого уровня, не имеющие гарантий трудоустройства. Зачастую они оказываются за рубежом в трудном экономическом положении и бывают вынуждены работать не по профессии. Каждый, кто совершает зарубежные поездки, встречается с нашими бывшими соотечественниками за рубежом, вынужденными работать в сфере обслуживания российских туристов в качестве таксистов, экскурсоводов, переводчиков, официантов, горничных и т. д. Истории, рассказываемые этими людьми, весьма поучительны. Как правило, в рассказе присутствуют следующие темы:

- резко негативные высказывания относительно своей прежней Родины (обвинения в совковости и т. д.);
- стремление рассказать, как хорошо они устроились на новом месте;
- нежелание говорить о своей должности и профессии во время жизни в России.

Это позволяет с высокой долей уверенности предположить, что ни одна из двух декларируемых большинством эмигрантов целей зачастую не оказывается достигнутой. Истории эти становятся известными в России, в том числе и среди отъезжающих, но поток их не уменьшается. Напрашивается предположение, что люди эмигрируют не только по рациональным, осознаваемым причинам, но и влекомые неосознанными побуждениями. Менталитет эмигранта, сформировавшийся у значительной части молодых ученых и специалистов, возникает в процессе трансформации потребностей высшей части шкалы — таких как потребность в социальной востребованности, потребность в цели, в идее. В ходе разрушения СССР, в ходе отказа от идеологии строительства коммунизма были утрачены пассионарные амбиции государства, и сформировавшаяся со-

циальная группа высокообразованных молодых специалистов, пассионарных и в силу возраста, и в силу успешного прохождения сложного отбора во время получения образования, попала в зону действия массовидных регуляторов. Во-первых, в условиях исчезновения цели пассионарии испытывают дискомфорт, связанный с отсутствием возможности приложения энергии. Во-вторых, количество возможных реакций на сложившуюся ситуацию крайне ограничено. В этих условиях выезд за рубеж — одна из немногих синхронных реакций, наряду с уходом из науки в бизнес, к примеру. А информация об отъезде специалистов, одновременно доносимая до участников социальной группы и через СМИ, и посредством разговоров и слухов, лишь служит спусковым крючком запуска массовидного поведения.

Если процесс выезда за рубеж молодых специалистов не несет в себе ничего страшного для России, особенно сегодня, когда просматриваются явные тенденции уменьшения количества уезжающих на постоянное место жительства и рост уезжающих на время работы по контракту, то второе явление, о котором пойдет речь ниже, представляется гораздо более опасным для государства.

Падение рождаемости наблюдается во всех странах, приобретающих западную структуру. В нашей экономически ориентированной цивилизации общепринято мнение, что рождаемость падает с ухудшением уровня жизни населения. Отсюда делается вывод: станет у людей больше денег — и увеличится количество детей. К подобной гипотезе нельзя относиться всерьез. Простой взгляд по стопонам позволит нам заметить огромное количество примеров, опровергающих данную точку зрения. Не следует рассматривать экономику, особенно если под экономикой понимать не систему производства материальных ценностей, а систему функционирования их финансовых эквивалентов, в качестве причины, определяющей существование базовых биосоциальных закономерностей. Это означает подмену причины следствием.

В ходе биологической эволюции выяснились преимущества полового размножения, обеспечиваемые передачей наследуемых признаков от двух особей. В становлении эволюции поведенческой произошло разделение ролей этих особей на мужскую и женскую. В современном мире все представители животного мира, в том числе и человек, при воспроизведении распределяют обязанности между женскими и мужскими особями приблизительно одинаково: женщины отвечают за внутренний круг, мужчины за внешний. В тече-

ние последних тысячелетий сложились две социальные группы — мужская и женская, со свойственными каждой из них взглядами, правилами, ценностями и нормами, ожиданиями — всеми теми параметрами, которые описывают социальную группу.

Один из принципов, используемый при исследовании развития социума, гласит, что мотивация, генерируемая потребностями социальной группы, включающей в свой состав иные группы в качестве подмножеств, доминирует, если ее рассматривать на больших временных отрезках, при этом она сдвигается к нижней строке шкалы; поведение же с большей вероятностью определяется массовидными коррелятами. Потребности групп-подмножеств определяют поведение на коротких временных промежутках, в большей степени задействуя мотивации, генерируемые верхними строками шкалы потребностей. Подгруппы мужчин и женщин имеют одно родовое множество — люди, и поэтому именно самые базовые общечеловеческие мотивы способствуют синхронному изменению поведения подгрупп. Поведенческие особенности женщин и мужчин всегда определялись во многом физической силой последних. Заполнению социальных ниш, проходившему с учетом физических возможностей особей и групп особей, противостояла тенденция к равенству, которая сегодня и одержала верх благодаря созданию правовых механизмов демократического мира, исходящих из декларирования равенства перед законом всех членов общества. С исчезновением этого мощного дифференцирующего фактора действие идей равенства и справедливости распределения было направлено на окончательное закрепление успеха путем искоренения фактора силы в отдельно взятых регионах, искоренения некоторых механизмов, которые в меньшей мере, но все же участвовали в половой (ролевой и поведенческой) дифференциации. Эта сила постаралась свести к минимуму различие социальных ролей мужчин и женщин, определяемых физиологией деторождения. Ключевой момент здесь — падение империй и переход от авторитаризма к демократии. Мы наблюдаем один и тот же исторический процесс, который заключается в следующем.

1. Все увеличивающаяся плотность конкуренции вызывает изменения в поведении, которые проявляются в том числе и в виде появления новых социальных конфигураций, и в росте научных знаний, развитии технологий.

2. Старые типы отношений, мешающие этим нововведениям, меняются на иные: империи рушатся, демократия торжествует.

3. С ростом технологии оптимизируется комплекс медицинской помощи и улучшаются условия жизни. Это ведет к демографическому взрыву, так как рождаемость сохраняется на высоком уровне, а детская смертность резко снижается.

4. Изменение численности населения (резкий рост) способствует урбанизации населения, которое таким образом попадает в условия, повышающие вероятность массовидного поведения. (Механизм мы рассматривали в одной из глав этой книги.)

5. Массовидное поведение проявляется в возникновении фобий, проявлении агрессии (Первая мировая), революций (Великая Октябрьская социалистическая революция), а также в дальнейшем выравнивании особенностей поведения женщин и мужчин.

6. Сближение социальных ролей в условиях изначального доминирования мужчин ведет к стремлению женщин получить возможность мужского поведения и к отказу от специфически женских социальных ролей. Рождаемость резко падает.

Демографическая проблема в России стоит сегодня очень остро. И принципиальных путей выхода из ситуации сегодня три:

- 1) вернуться к патриархальному устройству общества;
- 2) изменить все константы общества с учетом складывающейся демографической ситуации;
- 3) обеспечить рост мотивации женщин и мужчин к рождению большего количества детей.

Первое технически невозможно, это движение вспять эволюционного процесса.

Второе — то, чем мы занимаемся и будем заниматься от безвыходности.

Третье — объект рассмотрения государственных и ученых мужей. Внося лепту в дискуссию, отмечу, что повышение уровня жизни, обеспеченное экономическим подъемом, который, согласно газетным публикациям, вот-вот наступит в России, не приведет, вопреки распространенному мнению, к росту рождаемости. К росту рождаемости могут привести механизмы, обеспечивающие высокое материальное и социальное положение женщин в зависимости от количества рожденных детей. Причем это высокое положение должно быть не абсолютно, а относительно в сравнении с мужским. Иллюстрация — ситуация в США в негритянских районах, где женщины рожают столько, сколько могут, потому что им за это полагаются большие пособия в течение трех лет. Рождение детей дает финансовую независимость и независимость от мужа, поэтому се-

мья как таковая в данном случае встречается все реже и реже. В России ситуация имеет некоторые аналоги. Снижение рождаемости как доминирующего процесса дополняется отъездом женщин на постоянное место жительства за рубеж. Там женщина надеется попасть в условия, о которых здесь она может лишь мечтать: в семье, доходы которой обеспечивает муж (отголоски патриархальных взглядов), вырастить одного-двух детей (веяния нового времени). В России в большом числе случаев мужчины не готовы играть такую роль и в силу своего качества (пьем много, товарищи!), и в силу сложившейся политико-экономической ситуации.

Решение демографической ситуации третьим из теоретически возможных способов влечет за собой необходимость коренного изменения отношений между мужчинами и женщинами, изменения поведенческих и социально-ролевых особенностей этих групп населения в направлении, именуемом в литературе матриархатом. Вероятность его наступления по ряду причин в ближайшее время мала. Ситуация усугубляется тем, что проблемы, связанные с ухудшающейся демографической ситуацией, относятся к традиционной сфере деятельности мужчин: межгосударственным отношениям, проблеме безопасности, долгосрочному планированию и т. д. Женщин, добившихся равноправия в политике, эти вопросы традиционно волнуют значительно меньше, т. е. являются меньшим стимулом для совершения попыток изменения ситуации. В целом последовательность трансформаций доминирующих стереотипов, определяющих правила игры, такова.

1. Высока доля мужских норм и ценностей и в межгосударственных отношениях, и во внутриролевых отношениях.

2. Межгосударственный уровень — сфера влияния мужских архетипов, уровень быта — женских.

3. Женские нормы и ценности входят в зону государственных отношений, изменяя нравы в сторону смягчения и снижения остроты конкурентной борьбы.

Системы ценностей женского менталитета, направленного на обеспечение стабильности, подавляют мужские архетипы, обеспечивающие эволюцию и развитие. Стабилизируются, помимо всего прочего, и те различия, которые существовали между государствами на момент увеличения роли женского менталитета. В частности, это способствует фиксации экономических различий и различий в уровне жизни между Россией и США, т. е. того, против чего так резко выступали именно женщины, отвечающие за сохранность

очага. В этих условиях решать проблемы повышения уровня жизни предлагается индивидуально, что и проявляется в миграции и ученых и женщин за рубеж.

Для России в целом, с ее огромными неосвоенными территориями, с ее незавидной ситуацией, сложившейся в результате поражения в холодной войне, это, безусловно, плохо. Однако ситуация далеко не безнадежная. Другие народы и страны уже бывали в подобных ситуациях — и неплохо справились. Римляне, например, похитили сабинянок и основали империю, много веков господствовавшую в мире.

Если мы будем мало пить и много работать, то к нам сами придут, скажем, узбеки и таджики, а еще, чего доброго, и китайки, которые по инерции еще согласны рожать по 10 детей. Проблема лишь в том, кем станут эти дети — китайцами или русскими? Чья культура возьмет верх — великая российская или великая китайская?

Впрочем, если мы, мужчины, так исправимся, что сможем обеспечить женщинам уровень жизни, сравнимый с демонстрируемым в голливудских боевиках, наши русские женщины также не станут уезжать за рубеж и останутся здесь. Впрочем, как я уже писал, улучшение материальных условий жизни не увеличит рождаемость. Так что все надежды на китайянок. Все это было бы очень весело, если бы не было так грустно.

Чтобы научиться решать столь сложные проблемы, необходимо научиться искусственно регулировать коллективное бессознательное. В политическом смысле это означает создание управленческой структуры, манипулирующей процессами, протекающими в демократических обществах, причем люди, занимающиеся манипулированием, вовсе не избираются путем голосования или иных демократических процедур. Тенденция делегирования властных полномочий возможно большему числу людей, продемонстрировав свою эволюционную эффективность на определенном этапе, стала давать сбои, которые призваны компенсировать структуры управления демократическими процессами.

Попытки искусственного формирования или воздействия на коллективное бессознательное широко распространены и в России, и в других странах демократии. Сюда можно отнести всю рекламу товаров и услуг, всю социальную рекламу, все избирательные кампании. Проанализируем несколько попыток формирования коллективного бессознательного, сделанных людьми, пытавшимися выстроить долгосрочную схему, обуславливающую поведение росси-

ян. О методах работы поговорим в следующих главах, теперь же — несколько слов о попытках формирования взглядов при помощи книг, художественной литературы, что в России, с ее традициями любви к книге, представляется перспективным.

В последний год-два невооруженным глазом отслеживаются две программы, направленные на внесение во взгляды общественности целенаправленных воздействий. Первая попытка — серия книг Р. Калашникова «Сломанный меч Империи», «Битва за небеса», «Россия, которую мы потеряли». Прочсть их может каждый сам, купив на любом книжном лотке. Смысл же серии заключается в попытке: 1) освобождения читателей от чувства вины за развал страны путем возложения ответственности на конкретных лиц; 2) уничтожения комплекса поражения при помощи мысли о том, что нас победили нечестным путем, нас предали тогда, когда мы были в шаге от победы. Эта мысль очень созвучна российскому архетипу. Обращение к образу героя-богатыря, которого побеждают только предательским ударом в спину, в России имеет все шансы на успех.

Вторая серия — шесть книг Д. Черкасова, развернутых и позиционированных более грамотно. Чего стоит обращение редакции к читателям, приведенное на обложке книги, содержащее просьбу все, что кому-либо известно об авторе, сообщать в редакцию, так как автор законспирирован и лицо его скрывает черная маска. Социологический смысл сериала — создание героя, который в одиночку постоял за Отечество, за гордость и доблесть русских. Призван снять чувство вины за поведение России во время агрессии США в Югославии. Находится в одном ряду с попыткой государства сохранить лицо путем ввода десантников в Приштину.

И первая и вторая книжные серии, по замыслу авторов и заказчиков, если только они не одно лицо, направлены на подъем духа нации, призывают к более достойному поведению. Эти попытки — струя того потока, что и переход от политики Козырева к политике Примакова, а затем Путина.

Телевизионные проекты получились менее яркими, хотя сериал «Менты», например, — находка блестящая и гениальная. Герои сериала точно попали в несколько любимых народом образов, и часть их привлекательности перешла к работникам органов. В «Агенте национальной безопасности» такого попадания не произошло. Главный герой подобного киновоздействия должен быть похожим на Штирлица, а небритых амбалов в кожаных куртках в качестве идеала сотрудника спецслужб российская душа не приемлет.

Еще в советские времена вышла замечательная киносерия «В зоне особого внимания», есть еще какое-то продолжение, названия не вспомню. Великолепное попадание в ожидаемые образы! Десантник — молодой, норовистый, правду-матку режет, горы свернет — человек действия! А морской пехотинец — тоже всех может победить, но берет выправкой, серьезностью. Первый — реализация архетипа «ништо нам нипочем» и «шапками закидаем». Второй — воплощение мысли о военных начальниках, которые по ночам не спят и все у них предусмотрено. Прапорщик Валентир, если не ошибаюсь, — стар, но мудр. Этакий в перспективе дед Шукарь, адаптированный к условиям современных боевых условий. Подобные фильмы успешно противостояли американским Рэмбо и прочим, и наше поражение в области формирования стереотипов, коллективного бессознательного, было вызвано не качеством единиц продукции, а значительно меньшим их количеством и ведением борьбы только на нашей территории. Население Советского Союза смотрело и усваивало «их» фильмы, в которых проститутка выходит замуж за миллионера, а «они» так и не доросли до понимания отношений директора комбината и слесаря высокого разряда Гоши.

В настоящее время вновь наблюдаются попытки выстраивания идеологического противостояния при помощи кино- и телефильмов. Пока их удачными не назовешь, но это вопрос времени. Отмечу «Русскую глубину» — трилогию о подводниках, которую в рекламе подавали как фильм о невидимой подводной борьбе супертехнологий и суперлюдей, а получилась довольно скучная историография. Еще более неудачной оказалась наша последняя попытка (наша — имеется в виду Социально-психологического центра Санкт-Петербурга) — четыре короткоформатных фильма, показанных по РТР под рубрикой «Белая ворона». Будучи задуманными как сюжеты о людях героических профессий, направленные на восстановление идеалов романтики, землепроходчества, тяги к перемене мест и преодоления, т. е. на реставрацию идеалов молодежи 60-х в современной обработке, мы получили фильм о чудиках, которые, гляди-ка, не исчезли еще! Задумывали «а я еду за туманом», а получилось «за туманом едут только дураки!». И зачем я целый месяц копал шурфы для вулканологии в Камчатском полуострове! Право же, ситуация как у ОТенри, помните: «— Где Камчатка? — Где-то на Севере... — Так и думал, Камчатка — где холодно. Гватемала — где жарко. Я был в Гватемале...» Там герой несколько месяцев ковырял киркой землю Гватемалы, здесь — Камчатки. ОТенри уви-

дел бы здесь продолжение своей истории и завершение гештальта. Но, будучи столь привлекательной как литературный сюжет, попытка телевоздействия на ментальность молодежи, задуманная как крупный социальный эксперимент, не удалась.

Но удались другие. И сегодня и мы, и другие структуры в России технологически готовы проводить точечные воздействия при помощи произведений искусства и культуры по целенаправленному формированию менталитета и россиян, и жителей других государств.

При осуществлении воздействий на социум, проводящихся с целью манипулирования стереотипами, формирования элементов коллективного бессознательного, следует учитывать ряд законов и правил.

Манипулирование большими социальными группами, запланированное на больших временных отрезках, следует проводить с формированием мотиваций, связанных с низшими уровнями шкалы потребностей. И наоборот, на малых временных отрезках можно устойчиво получать запланированное поведение, апеллируя к существующим в потенции архетипам, фрагментам коллективного бессознательного при помощи произведений искусства и культуры, действующих мотивации, формируемые потребностями верхних уровней шкалы. В данном случае они могут служить спусковым крючком, стартовой площадкой психосоциального механизма, запускающего поведение, обусловленное все же прежде всего базовыми потребностями. Это не удивительно, ведь все наше искусство есть окультуривание, оцивилизовывание проявлений базовых потребностей. Но сам факт возможности высвобождения больших психосоциальных сил при сравнительно небольшом воздействии позволяет значительно повысить эффективность психосоциального манипулирования.

Развитие этой линии рассуждений приводит нас к необходимости рассмотрения взаимного влияния биологических и поведенческих аспектов эволюционного процесса.

Эволюция биологическая является первичной по отношению к поведенческой, но со временем поведенческие аспекты стали во все увеличивающейся степени влиять на ход эволюционного процесса в целом. Теоретически возможно и ожидаемо возникновение значительной обратной связи, формирование механизмов влияния поведения на биологию.

Рассуждать на эту тему в России считается не совсем приличным после трудов академика Лысенко, когда сорта пшеницы улуч-

шались путем тренировки, — во времена, когда обеспечивавшие идеологию научного процесса социальные структуры проводили селекцию в зависимости от степени принадлежности естествоиспытателей к когорте вейсманистов-морганистов... Но проходит время, стороны пересматривают условия социального договора, и проблема вновь заявляет о себе.

Роль поведения в эволюционировании человека возрастает, а биологическая составляющая процесса стремится к нулю, но мы уже изучили особенности психосоциальных процессов, не спорим против утверждения их волнового, циклического характера, признаем их инерционность. Следовательно, верным может оказаться предположение, что процессы перейдут через нуль, и в дальнейшем поведение в определенной степени будет определять эволюцию биологическую. Может быть, эти процессы будут волнообразно затухать, может быть, нарастать. От многих параметров может зависеть амплитуда колебаний, их частота.

Разумным кажется предположение, что нулевая точка биоэволюции человека уже пройдена, и мы находимся в фазе разрастания процесса. Обусловлено это многими причинами, к которым следует отнести и изменение комплексов внешних воздействий на человека, и социальные перемены; важными тут являются: возрастание количества поведенческих актов в деятельности каждого человека; социальные течения, обеспечивающие синхронность поведения больших групп людей; причины, разводящие людей по разным социальным нишам и, следовательно, обеспечивающие расхождение их поведенческих наборов путем формирования в каждой нише эндемичных конфигураций групп регуляторов.

Отсюда следует, что одним из фактов, подтверждающих реальность перехода процессов эволюции через нуль, является наличие биологических различий у групп людей, проживающих в сходных условиях, но занимающих социальные ниши с разными наборами поведенческих регуляторов. Причем чем большую динамику биоизменений мы отмечаем, тем очевиднее подтверждается наша гипотеза.

Конечно, очень интересным было бы обнаружение биологических изменений конкретного индивида вследствие его личного поведения. Эти изменения, безусловно, существуют, но они так привычны нашему глазу, так повседневны, что трудно отнести их к великому процессу эволюционирования. Но, тем не менее, — несколько примеров. Привычка читать и сидеть за компьютером приво-

дит к ухудшению зрения. Малоподвижный образ жизни способствует появлению складок на животе. К тем, кто не чистит зубы, по ночам приходит кариес, и т. д. Но странным бы было ожидать, что у одной особи в течение жизни изменения будут столь сильными и заметными, как, скажем, стало бы возникновение жабр или исчезновение второго круга кровообращения. Согласно взглядам эволюционистов, видовые изменения происходят в результате преимуществ в оставлении потомства, получаемых некоторыми особями вида в силу микромутаций. Только ли в процессе мутаций можно получить эти преимущества? Передаются ли приобретенные в результате особенностей поведения признаки по наследству? Объясняется ли повышенная вероятность ухудшения зрения у детей родителей, носящих очки, тем, что этот биопризнак они получили по наследству, или тем, что ребенок с большей вероятностью попадает в такую социальную нишу, существование в которой увеличивает возможность ухудшения зрения? Это все вопросы, на которые пока ответов нет. Генетикам, может быть, еще предстоит открыть те механизмы, которые обеспечивают запись наследственной особенности поведения в генах.

Другая составляющая влияния особенностей поведения на биоэволюционирование не вызывает сомнений. Существует множество социальных механизмов, приводящих в определенную социальную группу людей для определенного поведения (например, для занятий баскетболом, или артистической деятельности, или службы в армии и т. д.). Стремление добиться успеха в своей деятельности побуждает людей выбирать профессию, род занятий с учетом собственных возможностей, и получается, что высокие атлетичные негры идут в баскетбол и бег на сто метров, а сухощавые маленькие кенийцы бегают на дальние дистанции. Артистами становятся люди с особенностями нервной системы: пластичностью психики, эмпатией.

Люди, находящиеся в одной социальной нише, могут оставить потомство, и в совокупном генофонде детей данной социальной группы будет преобладать ген, присущий группе их родителей. Происходит накопление признака в поколениях, и это способствует обособлению членов данной группы, созданию предпосылок образования нового вида.

Стремление к достижению успеха в условиях повышения плотности конкурентной борьбы, ведущейся на поведенческом уровне, увеличивает возможность видообразования на основе обособления социальных групп вида *Homo sapiens*.

В настоящее время видеообразованию препятствуют проникаемость социальных перегородок групп, но в истории уже были случаи, когда перегородки оказывались достаточно крепкими, и тогда возникали, к примеру, человеческие расы. Возможно это и в будущем, при освоении космоса и колонизации планет, к примеру. Это очевидно. Интересный вопрос другой: могут ли такие расхождения произойти на основе расхождения социальных групп, сформированных по признаку, являющемуся следствием эволюции поведенческой? В литературе подобные вещи описаны, и морлоки и злои Уэллса накладывают отпечаток неприглядности на весь гипотетический процесс. Однако каждый из нас, глядя на человека, с высокой долей вероятности может определить по внешнему виду его профессиональную принадлежность, принадлежность к какой-либо социальной группе, не очень рискуя ошибиться. Следовательно, существуют различия, видимые невооруженным глазом. И не всегда это различия в поведении или культуре. Иногда нам помогают это сделать параметры, относящиеся к чисто биологическим.

При исследовании данной проблемы следует рассматривать и химический, и физиологический, и социально-биологический уровни биоэволюции, следовательно, предстоит провести три (а может быть, и более) уровня исследований: химия поведения, физиология поведения, биология поведения. И поведение, и упомянутые биологические кластеры, в свою очередь, делятся на подгруппы, формируя масштабное поле исследования.

Разумеется, поведение в его активной и потенциальной формах включает в себе все составляющие психических процессов. И сопоставление фрагментов психики с уровнями регуляции позволяет нам получить еще более подробную картину.

Существование обратной связи биологической и поведенческой ветвей эволюции в настоящее время представляет собой чисто научный интерес, но проблема, рассмотренная в первой части главы, имеет огромное прикладное значение. Формирование стереотипов, архетипов, ментальности групп населения, разработка методов защиты от подобных попыток со стороны других государств и иных структур в настоящее время является частью искусства управления, частью нашей повседневной жизни. Овладение данными методами даст весомое преимущество в условиях психологических и информационных войн.

Глава 8

Методы изучения толпы

Концептуальные основы изучения феномена. Описание экспериментов, позволяющих изучить особенности протекания памятийных, эволюционно-волевых и других процессов в толпе. Саморазгон целенаправленности поведения в толпе. Социальные последствия развития виртуальных структур. Методы исследования толпы

Если мы ставим задачу исследовать что-либо, то подходить к делу надо методически правильно. Попробуем нарисовать схему, связанную с реализацией потенциала эволюционной теории поведения.

При прочтении работ некоторых авторов у меня возникает странное чувство, что приводимые выкладки противоречат друг другу, системное видение объекта не складывается. Иногда это свидетельствует о высокой сложности изучаемого вопроса, подходы к решению которого еще находятся в стадии формирования. Примером может являться рассмотрение вопросов о грани между психическим и непсихическим, о грани между сигналом и ощущением.

Многие авторы пишут в своих исследованиях или подразумевают, что психика есть нечто носящее ноуменальный характер и что она принципиально отличается от других природных явлений или проявлений. Слово «принципиально» здесь употребляется с позиции двойных стандартов: с одной стороны, отражая действительные отличия протекания психических процессов от иных, с другой — провозглашая психику столь непохо-

жей на все другие сущностью, что ей нет места в линии естественных наук и, может быть, науке в целом. Полностью согласен с первой частью формулировки и совершенно не согласен со второй.

В «Психотренинге» я уже рассуждал о материальности психики, и хотя в рассуждениях было много сырости, определенный смысл в них присутствовал. Сейчас хочу сформулировать еще раз, что либо психика — это что-то божественное и данное нам свыше, следовательно, умонепостигаемое (сам я не являюсь сторонником подобной точки зрения, а психологам, ее придерживающимся, могу посоветовать обратиться к теологии), либо психика — это специфическое, присущее человеку свойство взаимодействовать с внешним миром: это алгоритм работы механизма, обеспечивающего включенность человека в реальность, предусматривающего возможность воспринимать информацию во многих формах и генерировать поведение опять же во многих формах. Процесс этот (от приема первой информации до генерации последнего поведенческого акта) весьма сложен, растянут во времени, изобилует многоканальными прямыми и обратными связями и именуется человеческой жизнью.

Несколько положений требуют пояснения, так как расходятся с существующими взглядами на предмет".

Во-первых, представляется правильным определить психическое как локализуемый феномен, следовательно, оно должно быть оконтурено системой входов-выходов. В ряде случаев местом локализации психики удобно считать человека, и тогда просто и естественно считать входами органы чувств, а выходами — поведенческие акты. Но в ряде случаев носителями психики как алгоритма, определяющего работу механизмов, генерирующих поведение, выступают не личность, а группы личностей или массы. В этом случае алгоритм приобретает дополнения и изменения, вносимые закономерностями функционирования структур социума.

Затем мы должны дать определение поведения, которое удобно обозначить как действия, которые в состоянии зафиксировать другой наблюдатель, т.е. другой носитель психики. Не все проявления психики доходят до поведенческого акта, некоторые так и остаются внутри человека и оказываются направленными на изменения в алгоритмах работы аппарата, генерирующего психику, отвечающих за функционирование психических механизмов: один вид реаги-

Информация из внешнего мира, обуславливающая структуру механизмов, функционирующих согласно алгоритмам, поступает по многим каналам. Информация атомарного плана (относится к сфере изучения физики), информация, влияющая на молекулярный состав (химия), затем на уровень биологии. Информация этого уровня проходит по путям, изучаемым генетикой, в процессе, наименованном биоэволюцией (описывается множеством естественнонаучных дисциплин). Некоторые наблюдения и опыты позволяют сделать вывод о наследуемости поведения. Возможно, механизмом, обеспечивающим передачу особенностей поведения в поколениях, являются некие элементарные алгоритмы, записанные на физическом, химическом, биологическом уровнях. Один такой алгоритм нам хорошо известен — это рефлекторная дуга. Существуют и другие — биохимические циклы, к примеру, принцип гуморальной регуляции и т.д. Подобные элементарные алгоритмы являются зоной пересечения вышеупомянутых механизмов передачи информации и механизмов, обеспечивающих сигналы, получаемые носителем психики с помощью органов чувств.

Пять из них мы изучали в школе: зрение, слух, обоняние, осязание, вкус. Существуют и другие системы, и другие рецепторы. Мы получаем и анализируем информацию и о нашем пространственном положении, и о температуре, и о химическом составе, и о перепадах давления. Некоторые живые существа чувствуют магнитные и электромагнитные поля. Мир полон процессов и проявлений, и мы при помощи своих органов чувств фиксируем лишь некоторые из них. Однако (отвлечемся на минуту) мы научились при помощи приборов переводить эти внешние проявления в доступные для восприятия органами чувств. Например, мы переводим радиоволны в звуки — воспринимаемые, естественно, на слух. Менее удачный пример — радиация. Но тут интересно другое. Мы можем обнаружить ее с помощью прибора, перезаписывающего информацию о радиации в зрительную информацию — поведение стрелки. Но мы и без приборов можем почувствовать ее: если на нас воздействует большая доза, то болезненное проявление через несколько часов или дней можно рассматривать как чувство радиации. Я привожу этот пример, чтобы показать, что внешние проявления могут фиксироваться носителем психики или более быстрым и точным образом — в случае попадания в воспринимаемой общеизвестными органами чувств диапазон, или, в случае иных форм проявле-

ния, — неточно, вне уровня сознания, с другими возможными отклонениями.

Далее, в течение жизни носителя психики возможны информационные поступления в процессе вещественного обмена с внешним миром: с едой и питьем, в результате обмена вирусами и микробами и т.д.

Здесь следует отметить многократно упомянутую исследователями разницу между сигналом и знаком, или символом. Конечно, взгляд на линии на бумаге и взгляд на слово, написанное на бумаге, в разной степени будут влиять на поведение носителя психики. Но говорить о принципиальной, в смысле непреодолимой, разнице нельзя и тут, просто можно допустить существование фильтра, который, не распознав в сигнале символа, посылает его в самое начало цепочки преобразования по психологическим алгоритмам; распознав, направляет его значительно ближе к месту, где формируются сигналы на определенное поведение. Можно предположить и другие механизмы — психика есть вещь в высшей степени непростая, в высшей степени сложный алгоритм. В этом алгоритме есть несколько блоков, определенных поколениями биологов, психологов и просто думающих людей. Вношу в схему, изображенную на рис. 19, изменения с учетом материалов, приведенных в «Атласе по психологии» М.В. Гамезо и И.А. Домашенко (рис. 20).

Правильно считать, что информация, поступающая к носителю психики, проходит по условно выделенным блокам причудливыми путями, многократно перерабатываясь, меняя способы записи, с многочисленными обратными связями. Поведение тут — внешний акт носителя психики: но есть и внутренняя часть деятельности: команды, выдаваемые психикой, могут быть направлены и на изменение самой структуры и алгоритма психики, могут быть отложены на какое-то время, могут быть и вовсе подавлены в этой битве электрических потенциалов и биохимических трансформаций. Поведение меняет мир, мир выдает новые сигналы, улавливаемые механизмами получения, те, в свою очередь, могут и изменять механизмы психики, и служить основаниями для новых поведенческих актов. И все эти процессы проходят многоканально, одновременно, постоянно меняя состояние динамической системы «носитель психики — мир внешних воздействий». Все это делает картину в высшей степени слож-

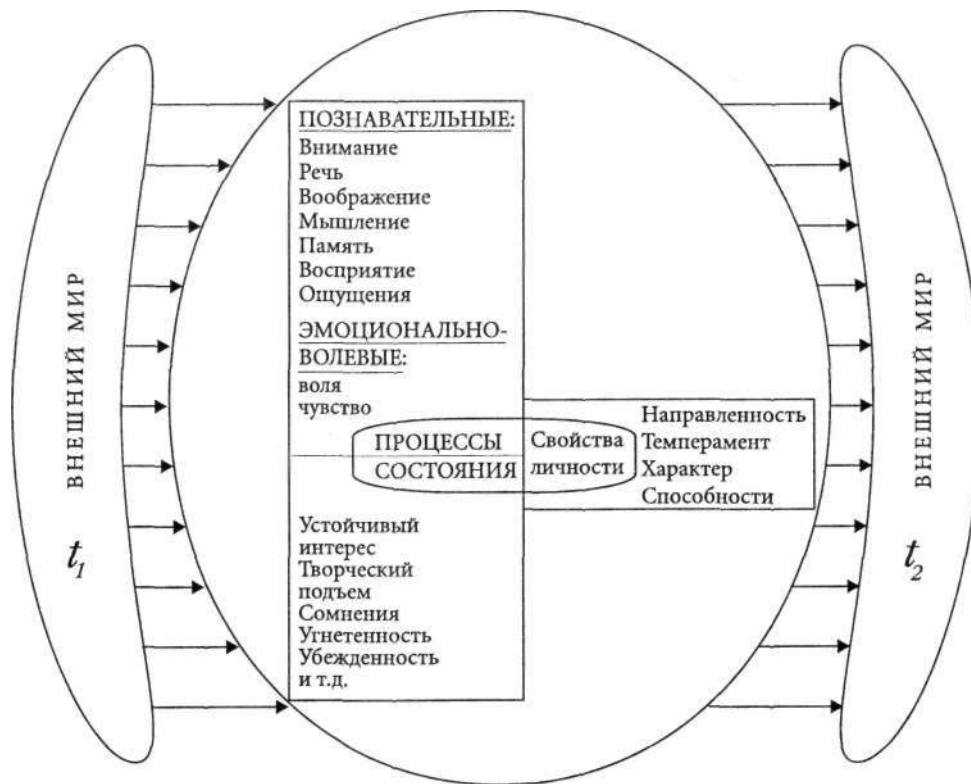

Рис. 20. Преобразование внешнего мира под воздействием психики человека.

ной, но не принципиально необъяснимой. Психологи изучают механизмы действия отдельных структур, изучают отдельные фрагменты алгоритмов и подалгоритмов психики. Мы еще в начале пути, цельная картина не вырисовывается. Есть множество незаполненных мест, и поэтому в наличии множество гипотез, причем многие из них вовсе не являются взаимоисключающими, и поэтому так распространена точка зрения о принципиальной непознаваемости психики. Как я уже писал, следует не вдаваться в дискуссии по поводу познаваемости-непознаваемости, а идти и работать. И хотя бы какая-то часть будет познана.

Все приведенные выше рассуждения довольно банальны и весьма очевидны. В схему рис. 20 я вношу одно усложнение: настройки психики меняются определенным образом в зависимости от того, какие выключатели срабатывают и какая доминантная задача стоит перед носителем психики в данный момент: сохранение особи, сохранение малой группы особей, сохранение вида. В первом случае коэффициенты формулы, по которой определяется поведение носителя психики, выставлены в позицию «индивидуальное поведение»; во втором случае — «ролевое поведение»; в третьем — «массовидное». И окончательно схема приобретает вид, показанный на рис. 21.

Тема книги — рассмотрение особенностей массовидного поведения и механизмов перевода психики, т.е. перенастройки ее алгоритмов, с одного эволюционно сложившегося стиля поведения на другой. И рассуждения и практика показывают, что аспекты поведения человека в массовидном состоянии, специфичность работы его психики в этом состоянии сложно или невозможно изучать приемами и методами психологии, разработанными в подавляющем большинстве случаев для ситуации доминирования индивидуальных поведенческих матриц. Тестирование, скажем, — чисто индивидуальная процедура, и если мы заставим-таки человека, охваченного паникой, сесть за стол и заполнить листы опросника, то мы получим опрос человека, чья психика уже настроена на индивидуальное поведение. Толпа — зафиксированный много лет назад феномен, и очень слабое изучение его объясняется во многом тем обстоятельством, что психологами не были разработаны специфические методы ее исследования.

Что же должно быть подвергнуто изучению, когда речь идет о толпе? Очевидно, что изучать следует как саму толпу в ее проявлениях, так и составную часть толпы — в данном случае человека,

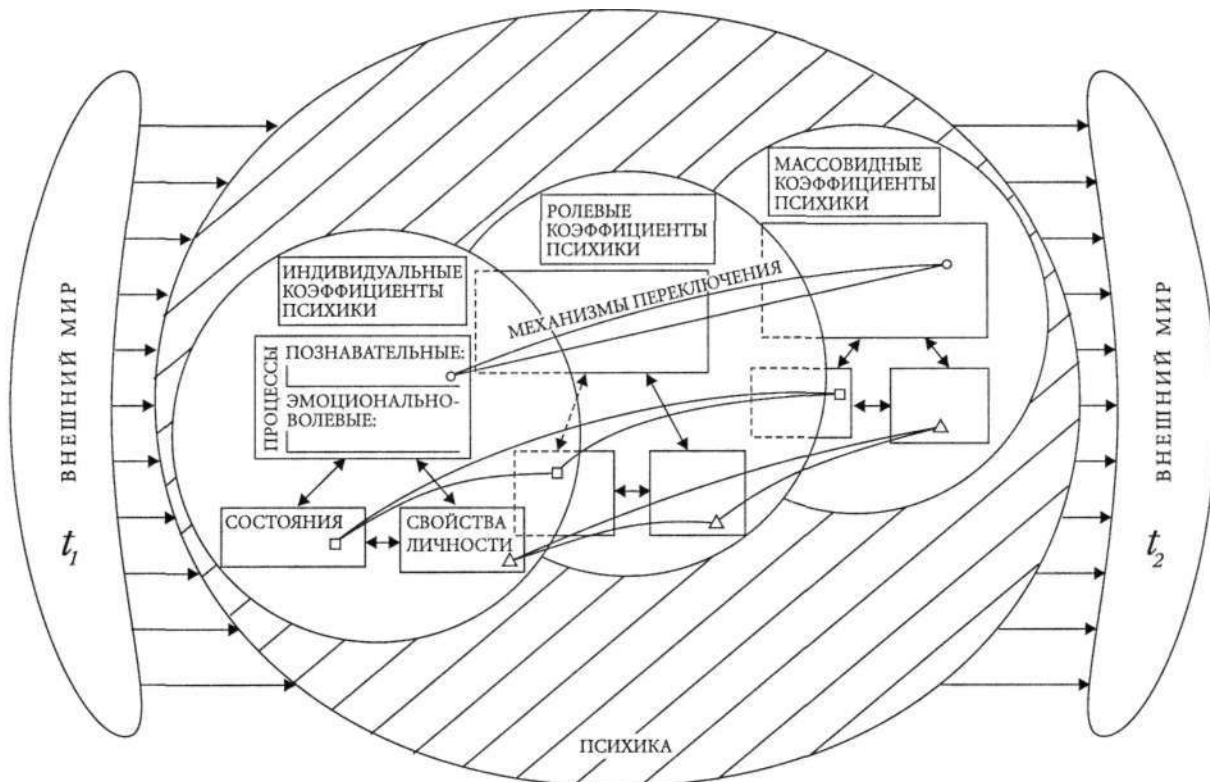

Рис. 21. Система воздействия, обусловленная существованием трех эволюционно сложившихся конфигураций коэффициентов психики.

являющегося носителем специфически организованных психологических характеристик, следствием функционирования которых является массовидное состояние.

Посмотрим еще раз на схему рис. 21. Прямоугольниками изображены все феномены психики, которые следует препарировать и рассмотреть на предмет внутренних принципов устройства и функционирования. Они обведены кружком — необходимо установить и изучить взаимосвязь отдельных феноменов в структурных образованиях, показать принципы цельного функционирования психики. Для личностных и ролевых ипостасей это во многом уже сделано, для массовидной еще предстоит. Затем мы должны изучить все то, что в схеме показано стрелками и линиями, а именно связи, сходства и различия, формы прохождения информации, различия в трех психических состояниях между тремя эволюционно сложившимися способами регуляции поведения, а также между их феноменами, переходящими из одного способа в другие. Наконец, важно узнать, как наша психика, существующая в трех формах, в каждой из которых отдельные феномены протекают специфически, вписывает нас, ее носителей, во внешний мир. Мир воздействует на нас, психика реагирует внутренними изменениями с выдачей сигналов на поведенческую реакцию. Результаты наших поведенческих актов меняют мир. Это и следует изучать.

И. М. Сеченов и И. П. Павлов признавали отличие чисто рефлекторных актов от поведения, дополнительно обусловливаемого внутренним психическим состоянием субъекта. Если расширить период времени поступления сигналов раздражителей до времени жизни изучаемой особи, а под психикой понимать совокупность алгоритмов, управляющих поведением и формирующихся на протяжении всей жизни субъекта, то со спокойной совестью можно признать правильным расширенное сеченовско-павловское толкование поведенческого акта.

А. М. Леонтьев дифференцировал деятельность человека по нескольким слоям: уровень особых деятельностей, уровень действий, уровень операций, уровень психофизических функций. Как видим, ничто не мешает нам рассматривать в рамках одной базовой категории весь спектр проявлений поведения — от коленного рефлекса до рассуждений о смысле бытия. Конечно, бытие определяет сознание, но глупо отрицать, что и сознание определяет бытие. Даже у телевизора схема содержит множество обратных связей, неужто мы устроены проще?! Бытие определяет сознание — К. Маркс го-

ворил так применительно к социальным группам, подразумевая ролевое и массовидное поведение. За обратное отвечает психика индивидов, отдельно взятых особей, и в этом случае сознание определяет бытие.

Причиной многих знаменитых споров в психологии, таких как психофизическая проблема и т.п., является попытка разделить непреодолимыми границами две стороны единого процесса или поиск ответа на вопрос, что было раньше, что первичнее. Вообще все разговоры в стремлении определить, что именно является предметом рассмотрения психологии, равно как и попытки решения психофилософских проблем, определенное рациональное зерно в себе содержат. Но та реальная польза, которую дали эти тянувшиеся столетиями дискуссии, приводившие к появлению некоторых новых идей как побочного продукта споров, значительно меньше тех интеллектуальных сил, которые были потрачены на рассмотрение этих схоластических вопросов. В случае если интересующая исследователя проблема лежит вне психического или включает в себя психическое как составную часть, следует всего лишь изучить те области знания, которые специальным образом ориентированы на решение данных проблем. Психологу приличествует расширять свои знания, а не прилагать усилия для самоизоляции в мире психического. Таков вызов времени. Мы долго искали истину, расчленив объект изучения, наступает время для попытки собрать дольки воедино.

Подведем черту под общими соображениями и перейдем к рассмотрению тех приемов и методов, которыми можно изучать специфические действия толпы, механизм функционирования психики человека в толпе и другие вопросы, позволяющие исследовать феномен массовидного поведения во всей его включенности в реальность.

Как я уже писал, следует изучать как толпу — единое целое, так и людей, формирующих толпу. В любом исследовании прежде всего встает вопрос о методах получения первичной информации об изучаемом феномене.

Толпа в целом характеризуется такими параметрами, как время действия регуляторов массовидного поведения; количество участников толпы; коммуникативные особенности толпы; степень пространственной и временной диффузности толпы. Обособленно стоят проблемы, связанные с дихотомией лидер — толпа.

Аналогично малой группе следует выделить и изучить ста-

дии развития толпы, а также такие аспекты, как разброс личностных и ролевых параметров участников толпы; степень их самоидентификации; уровень синтонности реакций, обусловленный условиями создания и существования толпы и особенностями ее участников. Также для успешного прогнозирования развития событий следует учитывать культурно-исторические, возрастные, ситуативные и другие параметры формирования, существования и распада толпы.

Временные показатели толпы классического типа легко хронометрируются посторонним наблюдателем. Наблюдения вообще один из универсальных способов сбора первичной информации в любой отрасли человеческого знания, однако толпа требует от наблюдателя некоторых специфических навыков, например, распределения внимания. Практика показывает, что несколько наблюдателей могут толковать наблюдаемые явления в весьма широком диапазоне, поэтому процесс наблюдения следует максимально формализовать. Охарактеризуем некоторые методы, помогающие изучению реакции толпы.

1. Несколько незнакомых друг с другом наблюдателей должны каждые 30 секунд хронометрировать действия толпы. Каждый из них имеет бланк, в графах которого проставляется время с 30-секундным интервалом. Наблюдатели кратко записывают все увиденное и услышанное в своем секторе наблюдения. Затем, анализируя временные срезы по совокупности отчетов наблюдателей, можно отбросить артефакты, проявляющиеся лишь в каком-либо одном из секторов наблюдения, и составить общую картину массовидного поведения. Используя этот метод, мы получили интересные результаты. Например, выяснилось, что даже в условиях одновременного донесения звуковых сигналов, инициирующих механизм запуска массовидного поведения, толпа образуется не сразу на всей территории нахождения людей (эксперименты проводились во время митингов на Дворцовой площади в Санкт-Петербурге и в ряде других городов), а превалирование регуляторов массовидного поведения распространяется волнообразно от передних рядов стоящих на площади людей к периферии; скорость распространения этих волн зависит от многих причин, но во всех наблюдаемых случаях (более 20) время охвата всей территории регуляторами массовидного поведения было не менее 5 минут, а обычно составляло 8-12 минут. Важный прикладной вывод: если мы стремимся к запуску массовидной регуляции в условиях классического митинга,

то следует в начале мероприятия предоставлять ораторам для выступления не менее 12-15 минут, иначе начинающиеся процессы замещения индивидуального и ролевого поведения массовидным могут оказаться прерванными. И наоборот, если мы ставим своей задачей не допустить превращения группы людей в толпу, мы должны проводить точечные воздействия не реже, чем через каждые 5 минут, а лучше 2-3 раза за время выступления оратора.

Применение данного способа может создать наблюдателям определенные сложности, так как человек, все время что-то записывающий, может подвергнуться агрессии со стороны сформировавшейся толпы. Усовершенствованный способ связан с применением диктофонов и видеокамер. Существуют специальные алгоритмы, позволяющие анализировать аудио- и видеозаписи, систематизировать их, выделять какие-либо элементы и т. д. Так, в случае с аудиоматериалом можно обратить внимание на изменение тембра звуков, исходящих из толпы, разброс модуляций, наличие обертонов, синхронизацию параметров речи оратора и шума толпы, ритмов и т.д. В случае применения видеокамер можно фиксировать интенсивность движений участников толпы, их синхронность, вовлеченность участников в движение и другие параметры. В полевых условиях такой способ более предпочтителен, так как создает меньше проблем наблюдателям, которым удобнее всего маскироваться под тележурналистов. Подобная легенда на практике снижает вероятность нежелательных эксцессов в виде физических воздействий со стороны участников толпы.

2. Для решения прикладных задач, с которыми часто сталкивается практикующий психолог в области политики, в области работы с большими группами людей, часто бывает необходимо найти различия в функционировании отдельных психических механизмов человека в том случае, если он находится в сфере действия массовидных или индивидуальных регуляторов поведения. Способы достаточно просты при условии, конечно, наличия слаженной группы экспериментаторов, имеющих соответствующие навыки.

При проведении исследований необходимо выбрать две группы испытуемых: основную и контрольную. Для получения достоверных результатов численность каждой группы должна составлять от 25 до 50 человек. Подобная численность испытуемых позволяет получать при использовании стандартных математическо-статистических процедур допустимые погрешности. Члены группы должны быть подобраны в ходе процедуры стандартизации, исходя из

определенных параметров. Процедура более проста по сравнению с описанной в «Психотренинге», так как нет необходимости синхронизировать испытуемых по характеристикам проявления ролевых поведенческих особенностей — ведь ролевое поведение в данном случае не присутствует. Просто возьмите стандартный набор тестовых методик, задайте допустимые отклонения, опишите несколько интересующих вас моделей психических конфигураций и определите каждому человеку из основной группы в соответствие человека в контрольную группу.

Особое внимание следует обратить на сходство тех психических параметров людей, которые и являются объектом вашего изучения. При задаче, например, определить различия действий механизмов памяти в массовидном и индивидуальном состояниях следует предварительно протестировать кандидатов в испытуемые на предмет обладания различными типами памяти, особенностей параметров протекания памятных процессов.

Затем участники основной группы отправляются на митинг, или в театр, или на стадион, или в иное место, где они попадают в сферу действия массовидных регуляторов. Участники же контрольной группы получают сходную информацию в форме, не допускающей запуска массовидных регуляций. Форма эксперимента зависит от задач эксперимента; это может быть, например, просмотр видеозаписи мероприятия, или индивидуальное общение с коммуникатором, рассказывающим испытуемому о происходящем на массовом мероприятии, в котором принимают участие члены основной группы, и т. д. По окончании воздействия на основную и контрольную группы, находящиеся в массовидном и индивидуальном регулятивном поле соответственно, участники подвергаются вторичному опросу, в ходе которого им предлагается воспроизвести по памяти события, свидетелями которых они были или о которых им рассказывали. Вопросы могут быть как достаточно простыми, например:

Н) Назовите фамилии тех, кто выступал на митинге, в порядке очередности;

К) Приведите краткое содержание выступлений,
— так и более сложными, со вторым дном:

М) Какой одной фразой можно определить содержание каждого выступления?

Q) Как, по вашему мнению, отнеслись к выступлению участники митинга? Как отнеслись вы?

Анализ ответов на вопрос М позволяет определить степень смещения испытуемых к оценочным или смысловым суждениям в зависимости от того, в поле действия каких регуляторов находились испытуемые. В наших экспериментах мы в значительном количестве случаев наблюдали значимое превышение оценочных ответов на данный вопрос в сравнении со смысловыми и значимое превышение оценочных ответов в основной группе в сравнении с контрольной. При анализе ответов на вопрос Q можно сделать вывод об уровне вовлеченности данных испытуемых в общее действие массовидных регуляторов поведения. Подобный метод проведения исследований, заключающийся в сравнении остаточных явлений воздействия массовидных регуляторов со следствиями индивидуальных воздействий, позволяет легко изучать памятные процессы. Но изучение, скажем, интеллекта подобным способом затруднено, если не сказать невозможно. Не обязательно выстраивать именно такую конфигурацию эксперимента, есть и другие варианты. Предлагаемый эксперимент схематично можно изобразить так, как показано на рис. 22.

Кроме тех данных, которые мы получаем посредством использования опросников, мы в данном эксперименте определяем динамику памятных процессов во время информационно идентичного воздействия, проведенного в одном случае во время нахождения испытуемых в массовидном состоянии, в другом — в индивидуальном. Однако и в том и другом случае в момент съема итоговой информации мы фиксируем результаты протекания памятных процессов у людей, находящихся, подчеркнем это, в индивидуальном регулятивном поле. Подобный способ исследования не дает ответа на вопрос, каким образом функционирует память в момент нахождения человека в сфере действия регуляторов массовидного поведения. При прогнозировании и конструировании масштабных долговременных социальных процессов важно научиться переходить от индивидуально-центрического взгляда на психическое к полицентрическому, включающему в себя также ролевое и массовидное. Если рассмотреть ситуацию с этой точки зрения, необходимо исследовать памятные процессы, протекающие в основной группе, не выводя ее из зоны действия массовидных регуляторов, а контрольную группу, предварительно обследованную, ввести в состояние толпы. Задача усложняется, так как неясно, каким способом в данном случае можно удержать человека в зоне действия массовидных регуляторов в лабораторных условиях и при

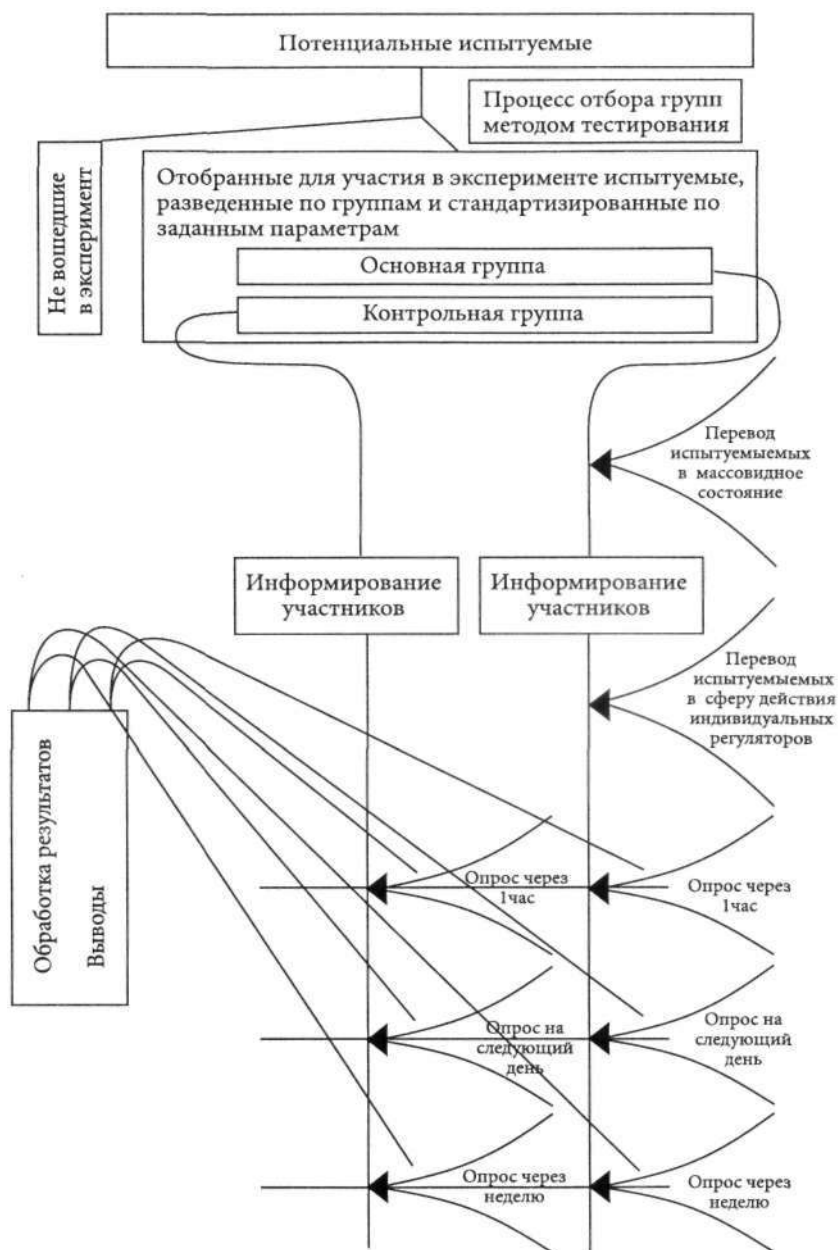

Рис. 22. Схема проведения эксперимента по изучению поведения толпы.

этом провести замеры параметров психики традиционными методами, провоцирующими переход на индивидуальную регуляцию поведения.

Использование же сложных многоходовых экспериментов не дает достаточной точности для получения выводов за пределами математических погрешностей, не дает возможности проведения повторных экспериментов с целью подтверждения повторяемости полученных результатов из-за технологической невозможности повторения всех значимых условий эксперимента. С подобными сложностями мы встречаемся даже при исследовании памяти, а что уж говорить о таких психических феноменах, как восприятие или волевой акт. Первое невозможно фиксировать после перехода с одной схемы регуляции на другую в силу кратковременности самого акта, второе пока не формализовано и не поддается численному анализу.

Для изучения подобных психических феноменов в условиях нахождения самой психики в одном из трех эволюционно сложившихся состояний есть свои приемы. О них чуть позже, а пока отмечу, что попутно мы получили интересные результаты: у некоторых категорий людей, условно обозначенных нами как пассионарии, при неоднократном участии в экспериментах, связанных с переводом психики в массовидное состояние и обратно, наблюдается эффект научения и общий сдвиг поведенческих реакций в сторону массовидно-обусловленных. Это проявляется, в частности, в росте количества оценочных суждений от эксперимента к эксперименту, в увеличении эмоциональных реакций. У испытуемых, относимых к субпассионариям в гумилевском трактовании, наблюдается обратный процесс. Напрашивается следующая гипотеза. 1. Врожденное свойство психики работать в варианте массовидной регуляции в процессе тренировки способно развиваться и усиливаться. 2. Возможно, пассионарность есть феномен, определяющийся соотношением количества особей, биологически склонных к массовидному поведению, и особей, склонных к регуляции поведения индивидуальным способом, причем первые — те, что в числителе, — способны наращивать степень проявления поведенческих особенностей, являющихся последствиями действия регуляторов массовидного поведения, в процессе многократных переходов в состояние толпы и обратно; в случае увеличения количества таких переходов пассионарность всего социума нарастает.

Экспериментальное подтверждение некоторых положений

Л. Н. Гумилева может сделать более серьезным несколько легко-мысленное отношение многих ученых к выводам и умозаключениям этого выдающегося человека. В данном случае мне гораздо более импонирует позиция руководителей социума, которые обязаны реагировать даже на гипотетическую опасность, чем научная, которая предварительно требует всеобъемлющих доказательств. Я говорю об опасности, концентрированно обозначенной Гумилевым в книге «Этногенез и биосфера Земли» на предпоследней странице в форме таблицы «Фазы этногенеза». Если положения Гумилева, которые всегда выглядели достаточно убедительно, экспериментально подтверждаются, то следует приложить все усилия для вывода общества из мемориальной фазы, за которой, по Гумилеву, следует распад этноса. К счастью, кроме ландшафтно-географических для этого есть и другие, более применимые способы.

Теперь о том, как можно обходить основную проблему исследований в области массовидной психологии, когда речь идет о восприятии, интеллекте, волевых актах и других феноменах психики, менее удобных для изучения, чем память. Эта основная проблема заключается в том, чтобы снять противоречие между особенностями работы психики в массовидной фазе и исследованием, которое является актом индивидуальной психической регуляции.

Особый интерес представляют исследования своеобразия проявления элементов эмоционально-волевой сферы психического относительно каждой из трех поведенческих конфигураций. Некоторые сформулированные мной гипотезы говорят о ведущей роли волевых актов в принципах существования толпы, в проявлениях массовидной регуляции поведения. Однако сложность исследования эмоционально-волевых качеств столь велика, что проведение экспериментов представляется в значительной мере затрудненным.

Особый интерес представляют исследования целенаправленности деятельности, целеустремленности личности как характеристики, определяющей в прямолинейной зависимости уровень достижений. Эксперименты показали большую значимость эмоций при массовидной поведении, нежели при индивидуальном; эмоционально-волевая сфера, следовательно, также может иметь при массовидной регуляции поведения большее значение. Волевая составляющая системы эмоционально-волевого контроля, по мнению большинства исследователей (И. М. Сеченов, С. Л. Рубинштейн), состоит из чисто волевой и морально-волевой частей. Ряд фактов,

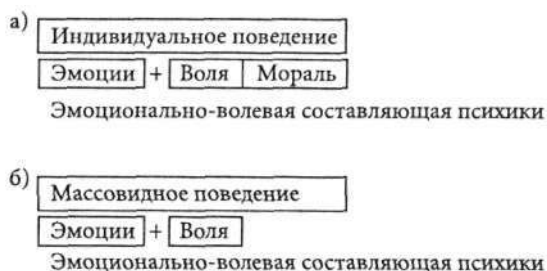

Рис. 23. Эмоционально-волевая составляющая психики.

выявленных в ходе изучения толпы, позволяет утверждать (и тут уместно сослаться на исследования Г. Тарда, Г. Лебона, С. Сигеле), что морально-волевая составляющая в толпе не является фактором, контролирующим и обуславливающим деятельность. Правдоподобным кажется предположение, что мораль скорее представляет собой антитезу воли, нежели является ее составной частью. Мораль — это то, что ограничивает нашу свободу, сдерживает наши действия, выходящие за рамки социально-культурной обусловленности. Эмоции и воля — свойственные толпе виды регуляции, часть массовидной формы регуляции поведения. Начертим небольшую схему (рис. 23).

Перезапись регуляторов массовидного поведения на уровне сознания не произошла, и поэтому в толпе эмоционально-волевая сфера изображается усеченно, ведь мораль есть продукт перезаписи ролевых и отчасти индивидуальных принципов регуляции поведения на сознательный уровень.

Итак, толпа лишена морали, об этом и раньше многие писали, но я хочу показать механизм, этот факт объясняющий. Вернемся немного назад: важно, что удельный вес собственно волевых компонентов в толпе возрастает. Одним из немногих компонентов воли, в существовании которого сходятся во мнении все современные исследователи этой части психики, является целенаправленность. При индивидуальном поведении роль целенаправленности как части воли удельно снижена из-за наличия моральной составляющей. В толпе целенаправленность с этой стороны не ограничена, чем значительно повышается ее весовой коэффициент.

Целенаправленность же способна подвинуть толпу на большие дела. Попробуем проверить гипотезу о том, что совокупная деятельность толпы, ее количественный аспект положительно

коррелирует с суммарной целенаправленностью участников толпы. Причем так как удельно вес целенаправленности при массовидном поведении возрастает, то и деятельность будет больше проявляться у тех народов или социальных групп, которые чаще используют регуляторы массовидного поведения. Пассионарность тогда — степень долевого участия регуляторов массовидного поведения в обусловливании деятельности народа. Это в полной мере подтверждается устоявшейся точкой зрения, что культурные народы (т. е. исповедующие мораль как критерий деятельности) менее пассионарны. Они не демонстрируют экспансии ни в территориальном, ни в демографическом смысле. Отказ политиков от использования морали в своей работе, о чем писал еще Макиавелли, является приемом, повышающим вероятность успешности деятельности и политика, и руководимого им государства, потому что это повышает степень пассионарности в деятельности нации. Пассионарность тут не исходит от рядовых участников процесса, а является поведением, навязанным обществу в виде системы виртуальных реальностей (законы, финансы, СМИ). Подобная пассионарность, навязываемая искусственно, встречает сопротивление со стороны жителей, и в редких случаях начинается процесс генерации пассионарности самими людьми, но значительно чаще, особенно в условиях демократической системы воспроизводства власти, искусственная пассионарность бывает захлестнута потоками субпассионариев и людей с отрицательной пассионарностью, столь нелюбимых Гумилевым «бродяг, ландскнехтов и вырожденцев».

В гипотезе мы пытаемся увязать воедино пассионарность, в определенной степени определяя ее как проявления большого удельного веса массовидных регуляторов в обеспечении поведения населения, целенаправленность как присущий массовидному поведению в удельно большей степени в сравнении с индивидуальным фрагмент феномена эмоционально-волевой составляющей психики и моральные качества, являющиеся препятствием развития массовидных отношений.

Подтверждением существования такой зависимости стало бы повышение частоты случаев перехода на массовидные регуляторы в результате повышения целенаправленности действий группы испытуемых. В эксперименте это получило полное и безусловное подтверждение. Собственно, это довольно очевидно: появление цели у рабочего класса (я имею в виду свержение гнета эксплуататоров,

ярма капитализма) приводило и приводит к революционному развитию ситуации. Откуда же появляется целенаправленность деятельности? Ответ: целенаправленность — результат вербализации и вообще проявления в сознании (чтобы не вести спор о вербальном и невербальном) накопленных в подсознании потенциалов массовидного поведения. Крут замкнулся.

Сама жизнь ставит и ставит перед нами эксперименты. У жителей некоторых домов, которые подлежат расселению в процессе строительства кольцевой автодороги в Санкт-Петербурге, наблюдается склонность решать свои проблемы в форме митингов и акций массового протеста, в ходе которых участники демонстрируют многие составляющие массовидного поведения. Цель обманутых вкладчиков — получение денег — объединяет их до сих пор (!) в огромные толпы. Огромные толпы людей во время так называемых пивных фестивалей в родном Санкт-Петербурге, охваченных стремлением к единой цели, устраивают совместные женско-мужские туалеты под открытым небом (во дворах Адмиралтейской набережной, а то и на Сенатской площади — площади Декабристов) — и это ли не наглядное подтверждение гипотезы!

Однако нас интересует не качественная сторона вопроса, а количественная: действительно ли в результате формирования целенаправленной личности начинается процесс разгона целенаправленности, сопровождаемый и обусловливающийся ростом востребованности массовидных коррелятов поведения, и приводит ли это к увеличению суммы актов деятельности? Если это так, то повышение интенсивности деятельности, столь нужной нам при решении ряда прикладных задач, может быть достигнуто с помощью формирования мотивации к достижению этого. Можно создать условия, формирующие у человека мотивацию к достижению успеха или, скажем, к избеганию неудач; затем канализировать ее, т.е. обеспечить целенаправленность, целеустремленность личности, затем обеспечить саморазгон этого процесса путем расширения сферы действия массовидных регуляторов поведения — и мы получим большой объем результатов деятельности, т.е. повысим эффективность деятельности (по аналогии с производительностью труда). Именно таким методом повышается работоспособность агитаторов во время затяжных избирательных кампаний, требующих от работников больших эмоционально-волевых затрат. Именно такой способ применяется сегодня в попытке ускорить развитие России. Важно

лишь, чтобы эти волны пассионарности не были искусственно генерируемыми одним человеком, так как это лишь снизит, в конечном счете, имманентную пассионарность этноса, но чтобы они инициировались в русле естественноисторического процесса, т. е. в направлении, обусловливаемом биолого-эволюционными механизмами. Вот почему такое значение имеет покорение океана, освоение космоса; вот почему такое значение имеет интеллектуальная и культурная экспансия, которая может быть и перекачкой мозгов, и культурным обменом.

Рассмотрение феноменов проявления эмоционально-волевых качеств людей в толпе и вне ее позволяет сделать несколько предположений и выводов, дающих возможность определить роли и задачи толпы в рамках концепции эволюционной теории поведения. Роль толпы в современном социуме заключается в подавлении регулятивных механизмов социума, созданных как продукт деятельности индивидуальных и ролевых механизмов регуляции поведения — таких как законодательство, денежная система, система перераспределения знаний. Толпа, собирающаяся по низшим уровням шкалы потребностей, собирающаяся в результате формирования мотивации, связанной с неудовлетворением базовых потребностей, уничтожает виртуальные конструкты физически; толпа, составленная по высшим уровням, уничтожает их путем изменения систем взглядов, систем определяющих подсознание ценностей. Неудовлетворенность потребности формируют у определенной социальной структуры мотивацию; мотивация включает в себя целенаправленность, являющуюся составной частью волевой регуляции; повышающийся удельный вес воли в паре воля — мораль, в которой мораль является не свойственным толпе компонентом, способствует запуску механизмов, генерирующих массовидное поведение, и лишенная сдерживающих механизмов в виде морали толпа разрешает накопившееся в виртуальном мире, созданном вследствие работы индивидуальных и ролевых регуляторов, противоречие.

Наличие целей направляет регуляцию поведения к массовидной области, а отсутствие целей ведет к индивидуализму. Первое чревато социальными взрывами, второе — застоєм. При демократической форме управления государством нашли выход: в качестве цели было провозглашено индивидуальное благополучие, когда общество демонстрирует единение в индивидуализме. Это позволило сделать впечатляющий рывок в развитии. В такой ситуации мае-

совидное поведение, сметающее накопившиеся противоречия, отсутствует, так как действия массовидных регулянтов искусственно направлены как раз на развитие индивидуализма. Таким изящным путем в странах Запада нейтрализовали проблему противоречия массовидных проявлений поведения больших социальных групп идеологии капитализма, не только нейтрализовали, но и сделали механизмы, ее вызывающие, главными механизмами управления социумом.

Однако в перспективе видны сложности и трудности, связанные с бесконтрольным развитием виртуальных структур. Так как процесс накопления потенциала бессознательного в процессе действия массовидных регуляторов не ограничивается в данном случае действиями индивидуальных регуляторов, приведенных в согласие с массовидными, а также ролевых, традиционно слабых в США, он становится саморазгоняющимся, и народы Запада во всевозрастающей степени становятся подверженными контролю поведения со стороны людей, генерирующих массовидное поведение, людей, которые занимают ведущее положение в структурах виртуальной сферы прежде всего.

Сбои установившегося в течение тысячелетий существования нашей цивилизации баланса группы регуляторов проявлялись в 60-70-х годах XX в. в таких бессмысленных социальных явлениях, как движения хиппи, затем панков; сегодня это проявляется в антиглобализме, в терроре.

Описываемые процессы идут слишком медленно для того, чтобы быть замеченными невооруженным глазом; они слишком масштабны, чтобы люди, даже узнав о них и поверив в их существование, предприняли бы какие-то усилия для оптимизации положения, ведь для запуска механизмов индивидуальной и ролевой регуляции опасность должна иметь более непосредственный характер. Однако оперирование процессами подобной глубины и протяженности может дать большой политический выигрыш структурам, которые смогут создать долговременно существующие организации целенаправленного воздействия на социум. Подобные попытки мы отмечаем в истории неоднократно.

В процессе их люди, их практикующие, будь то масоны, или либералы, или коминтерновцы, часто стоят перед проблемой, каким образом можно манипулировать толпой. Многие вожди и лидеры обладали блестящими способностями в этой области, причем в последние годы возможности, предоставляемые массовид-

ным лидерам их ораторским мастерством, все больше подкрепляются и дополняются совершенствованием способов донесения информации от лидера толпе и определенными приемами подготовки людей к переводу в массовидное состояние.

В прикладном аспекте удобно рассматривать толпу как некий механизм, подавая на вход которого определенный набор импульсов, мы на выходе получим запланированную поведенческую реакцию. При таких взглядах первоочередное значение приобретают исследования механизмов восприятия толпы — механизмов восприятия людей, находящихся в сфере действия массовидных регуляторов.

Эксперименты показывают, что многие параметры восприятия человека, находящегося в массовидном состоянии, отличаются от его же параметров восприятия в состоянии ролевом или индивидуальном. Это касается и порогов чувствительности, и особенностей распределения внимания, что мы изучили в ходе проведенных несколько лет назад экспериментов, и, вероятно, иных параметров, что еще только предстоит проверить экспериментально. Знание особенностей механизмов восприятия в толпе широко используется и во время проведения партийных съездов (в начале все встают, слушают гимн, аплодируют), проведения спортивных мероприятий (например, олимпиада в Сиднее: темнота, огромные факелы, лучи света концентрируются на певице) и т. д. Однако эти примеры общеизвестны, они являются сравнительно безобидными. Более новые результаты получены при исследовании особенностей восприятия у толпы, сформированной на высшем уровне шкалы потребностей. Для перевода научных работников, участвовавших в эксперименте, о чем они не знали, в массовидное состояние был использован довольно простой метод: им была предложена некая философская концепция, доктрина, в определенной мере противоречащая существующей. Ученые при анализе ситуации привыкли полагаться на силу разума, но доктрины, особенно в философии, в социально-психологической сфере, — вещь столь далекая от экспериментальной проверки, что принимаются или отвергаются они во многом в результате случайных причин, в результате эмоциональной регуляции, но не в результате аналитической деятельности.

Предложение сделать выбор при невозможности его разумного обоснования фрустрирует ученого, что вызывает потребность

разрешения проблемы. При этом включается массовидное поведение, выражающееся в эмоциональном реагировании на предложение рассмотреть проблему, в отказе от ее рассмотрения и т.д. Фиксируются случаи эмоционально-агрессивного реагирования ученого на концепции и работы других исследователей, которые, по мнению испытуемого, придерживаются иной доктрины, чем он сам. То есть одной из особенностей восприятия является наложение эмоциональной составляющей на подаваемую на вход информацию, воздействие же этой эмоциональной составляющей столь сильно, что оно не только искажает информацию, но и зачастую вообще препятствует ее изучению и рассмотрению.

При проведении подобных экспериментов с учеными и политиками было сделано несколько любопытных наблюдений. Испытуемые довольно легко соглашались рассмотреть новую доктрину, новый подход, будучи готовыми отказаться от старых, так как ученые должны быть доктринально нетвердыми, к тому же в это время, в начале 90-х годов, в российской политике витал дух либерализма, воспринимавшегося как чрезвычайная легкость мыслей. После рассмотрения вопроса, которая из двух предлагаемых доктрин является истиной, и выбора в пользу одной из них испытуемый приобретал устойчивость в своих приверженностях, так как от еще одной смены концепции его удерживала и предписываемая сообществам ученых и политикам последовательность в суждениях и их постоянство, и принадлежность к образовавшейся социальной группе приверженцев этой концепции. Исследования показали, что первое изменение взглядов происходит у испытуемого в среднем через 8-9 месяцев, но при попытке повторного изменения концептуального видения у испытуемых протяженность процесса увеличивается до 15-30 месяцев. Эти числа следует помнить государственным руководителям при проведении макросоциальных изменений взглядов. К примеру, если мы ставим задачу повысить доверие населения к российским банкам, нужно заранее рассчитать, сколько лет потребуются на утверждение этого взгляда в условиях многократного разрушения самой жизнью этой концепции. Правда, существуют способы ускорить или замедлить этот процесс.

Но вернемся к особенностям протекания процессов восприятия в толпе. Легче всего его исследовать с применением определенных технических устройств. Всем участники эксперимента прикрепляются датчики приборов, фиксирующих ЭКГ, пульс,

температуру отдельных частей тела — все возможные параметры. После формирования толпы мы проводим определенные световые, шумовые, обонятельные воздействия и смотрим, насколько изменятся данные параметры. Сложность здесь заключена в дороговизне технических средств и в огромном поле исследования. Кроме того, структуры, проводящие подобные исследования в ходе психосоциального воздействия, не заинтересованы в публикации результатов.

Избегая искушения углубиться в дебри проведенных и планируемых экспериментов, вернемся, хотя бы в самом конце главы, к рассмотрению темы, выписанной в ее заглавии: методы изучения толпы. Для данной книги я их отобрал 12.

1. Способ наружного наблюдения. Подразумевает наличие специально подготовленных наблюдателей, исповедующих принцип невключенности, или использование специальных устройств: датчиков, видеокамер и т. п.

2. Способ технического фиксирования биофизических параметров толпы. Очень перспективное направление, позволяющее в перспективе перейти к технологическому управлению краткосрочными реакциями толпы.

3. Способ анализа остаточных явлений. Основан на подтвердившемся предположении об опережающем или отстающем переходе различных психологических параметров из массовидного состояния в индивидуальное и наоборот.

4. Способ внесения пробных импульсов. Воздействуем на толпу различными способами, фиксируем результаты.

5. Частный случай п. 4 — способ анализа прохождения семиотических групп.

6. Мысленный эксперимент. Исторический эксперимент. В ряде случаев лишь такой подход может дать нам почву для дальнейших исследований. Кроме того, мне вообще представляется неверным слишком превозносить эксперимент в ущерб собственно желанию и умению думать.

7. Работа и наблюдение в толпах животных, социальных насекомых.

8. Лабораторные исследования испытуемых, находящихся в искусственно сформированном массовидном состоянии. Искусственным путем массовидное состояние достигается при помощи специфической организации процесса восприятия. В массовидное состояние люди приходят, например, в результате доп-

роса-конвейера, когда на протяжении многих часов задается один и тот же вопрос («Как ваше имя? Какого полка?»), или в конце рабочего дня брокеров, подвергающихся тысяче телефонных звонков.

9. Экспериментальные методы (макросоциальные эксперименты, формирование толпы, сопровождение ее развития и т.д.).

10. Исследование толпы, собранной по высшим потребностям. Изучение рекламы, политизбирательных технологий и др.

11. Использование проективных методик, изучение подсознания, ментальности, архетипов.

12. Анализ трансформации произведений культуры; особенности восприятия кинофильмов, музыкальных произведений.

Исследование закономерностей существования толпы очень сложно и интересно, а прикладное знание подобных исследований огромно.

Глава 9

Связи общества

Информационные и пространственно-временные связи. Элементарные коммуникативные структуры общества. Экспериментальные попытки исследования прохождения информационных потоков

Психология как наука находится в заведомо менее выгодных условиях, чем, скажем, физика или химия. Психологу объективно сложнее рассматривать предмет изучения, не внося в эксперимент значимые искажения, а в точных и естественных науках искажения могут быть сведены к минимуму.

За изучение внешнего мира методами точных наук несет ответственность наш интеллект, а исследование в психологии зачастую представляет собой интеракт, в котором интеллект обеспечивает точность и адекватность, эмоции вносят искажения, обусловленные внутренним состоянием исследователя и испытуемого, а коммуникативные механизмы вносят искажения с учетом существования как объекта исследования, так и окружающего мира, определяющего условия прохождения акта. Физики стремятся поставить эксперимент в чистом виде, свести все внешние воздействия к нулю, а психолог большей частью учитывает возможные вводные, и цель многих исследований — определить эти вводные, их механизм воздействия на объект исследования.

И все же психологу также хочется посмотреть на объект исследования со стороны. Для этого нам приходится идти на различные ухищрения. Одно из направлений поиска лежит, как все-

гда, на пути структурирования и дробления общества. В этом случае в ходе эксперимента мы выделяем себе место в отделенном социальном ряду, и потенциальные барьеры, определяющие само существование социальных групп, минимизируют вносимые нами искажения. Другой способ — увеличение масштабов изучаемого общества, и тогда вносимые личностью исследователя погрешности видятся удельно меньшими. Мы пытаемся обеспечить объективность наблюдаемой картины путем формализации получаемой информации; стремимся уменьшить погрешность эксперимента, контролируя собственные эмоции, а также призывая в помощь такие качества, как долженствующая определять поведение экспериментатора научная добросовестность, любовь к истине и личная скромность. Но все эти приемы и ухищрения решают проблему лишь частично, и главная причина этого сформулирована в принципах единства мира, целостности познания.

Диапазон психологических исследований широк. В качестве объектов выступают социальные структуры самого разного масштаба. На одном конце шкалы — все человечество, представляющееся в эпоху глобализации все более единым, на другом — особь, личность, индивидуальность, представляющая структуру сама в себе. Мы изучаем одно через другое, иногда пытаюсь делать это непосредственно, иногда через конфигурации структур той или иной степени сложности.

Задача психологии — рассмотреть все возможные структуры во всех возможных их сочетаниях в процессе всех возможных видов взаимодействия. И против этой громады психолог выходит с тестом Люшера наперевес. Оптимизм при такой постановке вопроса может вызвать только мысль, что работы хватит и нам, и нашим потомкам.

Все единицы изучения психологии, от человека до общества в целом, сложны. В течение двух миллионов лет существования непосредственно человека и его прямых предков и до этого — около миллиарда (или 3-4, по мнению ряда авторов) лет — биологической эволюцией отрабатывались и закреплялись механизмы, обеспечивавшие выживание всех биологических таксонов. Сложнейшая система сдержек и противовесов была создана в результате многократного дублирования всех структур, возникновения механизмов прямой и обратной связи, систем кодирования и перекодирования информации, устройств, стабилизирующих и вводящих систему в различной конфигурации искажения.

Не буду и пытаться рисовать полную структурную схему связей общества. Но некоторые составляющие рассмотрим более подробно.

Данная книга посвящена введению в познавательный аппарат психологии способа объяснения поведения людей эволюционно сложившейся способностью действовать, находясь в сфере индивидуальных, ролевых или массовидных регуляторов поведения. Это означает, что та или иная жизненная ситуация способна привести коэффициенты формул, описывающих работу нашей психики, к одному из трех устойчивых состояний, или, если хотите, свернуть пространство поведенческих возможностей по одной из трех орт. В контексте же разговора о связях общества три группы поведенческих коррелятов представляют собой механизм, обеспечивающий сонастройку особей и структур и дающий им возможность говорить на одном психологическом языке. Если же происходит встреча, контакт людей, находящихся в сфере действия различных регуляторов, то высокая вероятность конфликта, зачастую в самой деструктивной форме (скажем, многократно описанные в литературе примеры контактов «личность и толпа», когда личность не является ее лидером). Адекватизации поведения способствуют также механизмы обратной связи. Психологические деформации, вызванные ее отсутствием у людей, находящихся в зоне действия массовидных регуляторов, также описаны в одной из глав этой книги. Термин «обратная связь» обуславливает переход к понятию «прохождение информации».

Рассуждения в этих терминах относятся к области когнитивной психологии, представляющей собой сегодня непротиворечивую и относительно полную систему знания, поэтому я буду говорить лишь о тех проблемах, которые не были рассмотрены в силу отсутствия возможности проведения достаточно масштабных исследований.

В рамках интересующей меня темы стратегического планирования важно изучить механизмы, обеспечивающие единство социума на больших пространственных и временных отрезках. Изучение этих вопросов требует экспериментального подхода, так как наши умозрительные представления оказываются в данном вопросе неточными. Так, скажем, известные исследования С. Милграма заставляют сделать вывод о гораздо более высокой степени информационного единства общества (даже без учета СМИ), нежели

это представляется на первый взгляд. Прикладное значение следствий экспериментов проекта «Коммуникация» огромно: принцип сетевого маркетинга, принцип создания хорошо знакомых всем россиянам финансовых пирамид определен в ходе именно этих исследований, даже если создатели «МММ» и «Хопра» об этом ничего не знали. Умелое применение, или, наоборот, ошибки в моделировании схем прохождения информации в случае долгосрочного планирования могут привести к еще более серьезным последствиям. Причем последствия эти обывателями будут уже восприниматься не как воздействие чьей-то воли, а как стихийный исторический процесс.

В этой книге я уже писал о значимости пространственно-временной конфигурации общества как фактора, обуславливающего особенности взаимоотношений как отдельных людей, так и различных социальных структур; особенности поведения.

Традиционно пространства считаются областью изучения географов, а времена — историков. Именно на стыке этих двух подходов были созданы выдающиеся работы, раскрывающие закономерности существования и развития человечества. С точки зрения психолога недостатком этих трудов является попытка непосредственного сопоставления внешних факторов и социальных последствий, тогда как обязательно следует в середину поставить механизм психики. Психика же, являясь эволюционно сформовавшимся механизмом, обеспечивающим существование и воспроизведение в потомстве особей и вида «человек разумный», предусматривает высокую вариативность поведения. В различных ситуациях разные люди и составленные из различных людей социальные структуры даже при сходных вносимых стимулах могут демонстрировать коренным образом различающееся поведение. Мы должны знать механизмы, обуславливающие подобное многообразие, и уметь управлять ими.

В рамках данной задачи рассмотрим вопрос об информационных исторических связях общества. Отчетливо выделяются три способа сохранения и передачи информации:

- 1) непосредственно от носителя к получателю;
- 2) в письменных источниках;
- 3) в остатках материальной культуры.

Полученная современниками информация перерабатывается и активно используется в политических целях. Часто результаты археологических исследований использовались для обоснования тер-

риториальных претензий или расового превосходства, что приводило к перемещениям народов, войнам, так что антропологи и археологи играют в зачастую не менее опасные игрушки, чем, скажем, физики-ядерщики. В политике с одинаковой успешностью используются все предоставляемые возможности.

Письменные источники имеют тенденцию сильно искажать реальные события. Это обусловливается и стремлением авторов представить события в выгодном свете, и последовательной селекционной работой, проводимой руководителями, для которых значимо их место в истории. Более объективной является информация, получаемая из первых рук. Книги, летописи, раскопки — это всего лишь несколько линий среди всего прочего, которые можно контролировать, но миллиарды контактов между людьми старших и младших поколений сильно затрудняют такую возможность. Информация искажается и в этом случае, но такие искажения в меньшей степени носят намеренный характер, они во многом обуславливаются законами развития психики людей. Вот об этом поговорим подробнее.

Исходя из средней продолжительности жизни людей около 70 лет, можно говорить о трех поколениях, имеющих возможность непосредственного общения. В русском языке нет слов, которые бы обозначали данную триаду. По-немецки это *GroBeltern, Eltern und Kindern* — старшие родители, родители и дети. Очевидно, что выделяются три вида парных контактов: деды — отцы, отцы — дети, деды и внуки, — да простят меня феминистки за использование терминов мужского рода. Каждая пара связана специфическими отношениями, связанными и с протеканием филогенеза, и с продвижением человека по шкале потребностей от низших к высшим (а зачастую и иначе), и с изменениями окружающего мира, которые за исследуемый временной промежуток могут быть весьма значительными.

Проблемы стратегического планирования делают наиболее интересной тему использования отношений в парах «дети — внуки», так как здесь присутствует возможность передачи информации как можно дальше по оси времени.

Обдумывать эти темы следует после прочтения работ Э. Берна, рассуждения которого настраивают на нужный лад, а также содержат много интересных наблюдений в рамках триады «взрослые — родители — ребенок». Но, конечно, нельзя ограничиться лишь этим. Очень значимыми являются сдвиги баланса в пользу

одного из трех поколений в динамическом поле истории. Причинами таких сдвигов могут быть войны, бедствия, равно как и годы мира и благополучия. Причин множество. К примеру, развитие медицины последних десятилетий значительно повысило протяженность жизни людей и увеличило удельный вес контактов «дети — внуки» в сравнении с двумя другими. Человечество постарело. И это означает не только изменения в экономике, но и очень значимые изменения во взглядах человека, в его психике. Может быть, плавное перетекание власти в руки более старшего поколения, склонного к поискам компромисса и неспособного к принятию радикальных решений, в не меньшей степени обеспечивало относительный мир на планете в последние 50 лет, чем наличие ядерного оружия, гарантирующего ответный удар. Есть интересный пример и на уровне среднего поколения. В России было проведено исследование, в ходе которого испытуемые должны были дать ответ на вопрос, как они видят себе будущее России. Выяснилось, что среди молодежи в три раза больше людей, которые видят Россию сверхдержавой, чем среди старшего поколения, которое выразило удовлетворение существовании России на 8-10-й ролях, в средней части мирового рейтинга. Безусловно, этот результат позволяет прогнозировать изменения внутренней и внешней политики в случае прихода к власти молодых. Собственно говоря, мы и сегодня видим это в поступках Путина и премьера с его командой, руководителей более юных, если такое выражение уместно, в сравнении с Борисом Николаевичем, Леонидом Ильичом и Константином Устиновичем.

Динамическое поле поведения в его долговременном аспекте — вещь очень чувствительная, реагирующая на малые изменения принципов включенности, вовлеченности своих структурных единиц порой резко и непредсказуемо. Задача человека, пытающегося создать структуру, обеспечивающую долгосрочное социальное планирование, состоит в том, чтобы снизить уровень этой непредсказуемости. Для этого удобно использовать метод последовательного планирования. Важно, чтобы на протяжении продолжительного срока, превышающего время жизни экспериментатора, структура сохранила первоначальную цель — при том, что даже сам создатель структуры, продвигаясь по шкале потребностей и подвергаясь другим воздействиям времени, рано или поздно может эту цель поменять. Цель может быть определена в любом из трех возрастов:

Рис. 24. Стадии в деятельности руководителя долгосрочной социальной структуры.

молодом, зрелом, пожилom. Не имеет особого значения, какой возраст мы возьмем за стартовый в наших рассуждениях, потому что все равно руководители структуры будут проходить одни и те же стадии (рис. 24).

Сохранность раз и навсегда установленной цели можно обеспечить путем разработки сценария изменения типа руководителя, манипулируя группами индивидуальных, ролевых и массовидных регуляторов заранее рассчитанным образом.

Следует провести некий прогностический лонгэтюд, последовательно планируя социальную конструкцию структуры стратегического управления, определяя соответствующие ролевые и массовидные социальные ниши участникам мероприятия, обладающим определенным образом подобранными индивидуальными качествами.

Существует несколько механизмов, обеспечивающих существование современного общества в целостном виде. Рассмотрим их.

Государство в процессе обеспечения существования общества использует все виды управления с применением всех трех видов поведенческих регуляторов.

К каналам прохождения информации, являющимся органами массового управления, прежде всего относятся СМИ и слухи, а также феномены культуры.

Почему в России в период становления государственности так часто и мощно в сравнении со странами средневековой Европы проходили слухи о лжецарях, лже-Дмитриях и лже-Петрах? Одна из причин, безусловно, заключается в наших расстояниях, территориях, несоизмеримых с площадями, к примеру, Фландрии. Наличие огромных территорий способствует становлению массовидного поведения. Алгоритм прост:

- низкий уровень жизни вследствие неурожая;
- отсутствие государственного вмешательства в складывающуюся ситуацию;
- ощущение, что так жить нельзя;
- информационный вакуум: ожидание спасения извне;
- помощь извне ассоциируется с фигурой царя; эта мысль, в соответствии с российскими многовековыми традициями, имеет шанс прийти одновременно во многие головы;
- создается ситуация ожидания царя-спасителя;
- как только появляется претендент на пост, об этом проносятся слух — и подготовленная в умах ниша заполняется лжесамодержцем.

На Западе информация доводилась до населения лучше, так как в самый отдаленный угол можно было доскакать за сутки. Поэтому там в качестве лидера толпы выступал соловей, а у нас в России в качестве массовидного лидера и источника провоцирующей массовидное поведение информации выступал архетип, чье воздействие усиливалось наличием установки на всеобщее ожидание.

Еще один момент: в странах Запада, с их меньшими территориями и большой плотностью населения, необходимость в притирке поведения возникла раньше, чем в России. Демократия сложилась как результирующая тонкой настройки механизмов совместного проживания в условиях взаимопроникновения интересов. Попытки навязать нам свой образ и способ проживания вряд ли продиктованы злым умыслом, во многом они являются следствием большого количества контактов представителей Запада и России, в которых западники ждали от нас реагирования в рамках своей системы отношений, но получали нечто иное, свойственное нашей системе. И тогда механизмы, обеспечивающие их совместное проживание на маленькой территории, в условиях соблюдения тонких моментов поведения, точной настройки, реагировали на наше несоблюдение последних очень сильно, в форме категоричного не-

приятия и отторжения. Поэтому слоган «Империя Зла» так легко был принят западниками.

В свою очередь, мы часто пытались перенять их систему тонкой настройки механизмов совместного проживания, начиная с Петра I и далее периодически. Это всегда вызывало некоторый энтузиазм в городах, где плотность населения была достаточно высока, но встречало полное непонимание и отторжение на бескрайних просторах страны. В самом деле, зачем россиянину толерантность, когда он может уйти в Сибирь, где он сам себе господин на окрестности в сотню миль. Эту мысль каждый может развить легко, не буду детализировать. Скажу лишь, что диспропорция между принимающими демократию и отвергающими ее в России сегодня — продолжение спора между западниками и славянофилами, имеющими корни в двойственности русской цивилизации. Эта диспропорция вводила нас в автоколебания, в ходе которых мы двигались от демократии (точка Д) к монархии (точка М) через анархию. Находясь в точке Д, улучшали отношения с Западом, принимая их правила игры. Правила эти приводили к нашему проигрышу, так как у них по этим правилам играло все население, а у нас лишь его часть. Затем мы через смуту дрейфовали к авторитаризму, что приводило к жертвам, росту уровня жизни части общества, накоплению диспропорций, которые решались на пути демократизации, чему способствовал нажим Запада, так как в точке М мы внушали ему ужас: ведь наши действия расходились с их пониманием диапазона приемлемости, обусловленного долгим совместным проживанием в тесном пространстве.

Утилитарно, но представляет собой каркас для рассуждений.

Итак, информация, скрепляющая общество, обеспечивающая его существование, проходит по каналам СМИ и в форме слухов, что определяет форму и смысл протекающих массовидных поведенческих актов.

Ролеевое поведение, в столь значимой мере обуславливающее жизнь России, обеспечивается прохождением информации по официальным иерархическим структурам общества. К ним можно отнести следующие.

1. Система государственной исполнительной, административной власти. В России именно исполнительная власть чаще была главенствующей. Власть законодательная, т. е. парламенты, депутаты, законодательные собрания и т. д., крайне редко и крайне непродол-

жительное время играли в России самостоятельную роль. В данный момент в России в полном соответствии с вышесказанным статус парламентариев снижается.

2. Армия. Структура, сформированная в ролевых принципах, скрепленных естественными архетипами и искусственно созданными и поддерживаемыми мифами. Наверное, слово «миф» не совсем удачно для обозначения таких категорий, как непобедимость и легендарность, «Красная Армия всех сильней», тем более, что все это наша армия неоднократно подтверждала и масштабами побед, и примерами героизма отдельных военнослужащих. Это просто психологический термин.

3. Система образования.

4. Система здравоохранения.

5. МВД, КГБ и подобные структуры.

6. Отраслевые министерства, производственные комплексы и многое другое.

Часто можно говорить о структурах, которые, находясь внутри государства, сами построены на ролевых принципах, но в структуру государства вписаны как механизм, призванный в случае необходимости сыграть роль массовидного лидера — ведь безразлично, является лидер толпы личностью или организацией. Я говорю о партиях, религиозных организациях, сектах и т. д.

Наконец, есть способы проведения информации, призванные обеспечить единство общества путем использования индивидуальных поведенческих регуляторов. Прежде всего это собственные размышления человека, во многом определяемые его личностными особенностями, личным опытом. Принципиально в данном случае то, что человек сам выбирает информацию в процессе своей деятельности, а не получает ее от других в определенном образом подготовленной форме.

Для того чтобы получить возможность рассчитывать прохождение информации в обществе, необходимо: а) определить структурные единицы общества; б) знать правила поведения информации внутри структурных единиц, включая и отдельных людей; в) учитывать динамику системы, т. е. те трансформации, которые происходят в структурах в силу внутренних и внешних причин.

Зная все это, мы сможем, определив пути прохождения информации, а также ее свойства и методы введения в общество, определить: а) формы искажения этой информации на каждом этапе пе-

реключения и, следовательно, ее вид на выходе; б) изменения, вносимые этой информацией в структуры; изменения в конфигурациях структур.

Оба эти пункта имеют очень большое прикладное значение. Умение учитывать искажения информации в управлении сложными структурами с многоступенчатой формой информационного обмена между руководителями и подчиненными позволяет оптимизировать процесс управления. Изменения структур под воздействием определенным образом внесенной информации позволяет формировать социальные течения, обеспечивать переход больших групп населения из одних электоральных ниш в другие, что мы используем, например, в ходе проведения избирательных кампаний. В настоящее время наш социально-психологический центр разрабатывает макросоциальные проекты, направленные на увеличение интереса населения России к космическим исследованиям, некоторые другие проекты, носящие более закрытый характер. Аналогичные исследования и макросоциальные программы, насколько мне известно, разрабатываются специалистами многих других стран.

Разложим все по порядку. Общество состоит из структурных подразделений. Размеры структур различны — от гигантских до самых маленьких. Крайним случаем является отдельный человек, структура сама в себе. Можно говорить о расах (если градуировать по территориальным и биологическим параметрам); о народах, что обычно связывают с государственным устройством нашей цивилизации; о культурах, определяемых в терминах образа жизни, искусства и речи; об этносах и цивилизациях, синтонно реагирующих на вызовы истории и характеризующихся циклическим характером развития; о классах, характеризующих распределение людей в обществе относительно формы присвоения. В несколько другой плоскости следует упомянуть государство, чье существование может быть определено сложным комплексом причин; иерархические структуры, призванные упорядочивать стихию спонтанных отношений; коллективы, формирующиеся в результате необходимости решать сложные производственные, управленческие и научные задачи. Наверняка этот список можно продолжать и продолжать. Задача практикующего психолога — знать механизм возникновения, существования и распада каждой из значимых для данного конкретного случая структур.

Элементарными кирпичами, атомами, из которых складывается структура общества, являются эволюционно сложившиеся группы поведенческих регуляторов: индивидуальные, ролевые и массовидные. Иногда эти регуляторы или их сочетания в чистом виде являются причиной формирования структур — малых групп или толпы, но чаще всего эти группы регуляторов вкупе с индивидуально обусловленным поведением присутствуют во всех структурах общества, в значительной мере определяя их формы существования и динамику развития своими формами и динамикой. Таким образом, научиться предсказывать динамику социальных структур можно, исследовав и изучив принципы индивидуального, ролевого и массовидного поведения.

Малые группы и толпа состоят из отдельных людей, т. е. индивидуальные поведенческие регуляторы во многом определяют протекание ролевых и массовидных процессов. Впрочем, обратное также верно.

Невозможно предсказывать поведение структур, исходя лишь из знания действия эволюционно сложившихся групп регуляторов. Все социальные структуры складываются в результате необходимости действия, деятельности. Далее рассуждение можно составлять из психологических кирпичей и кирпичиков. Парадигма деятельности, бихевиоризм и пришедшая на помощь когнитивная психология, подходы Ж. Пиаже и Л. С. Выготского, установки, архетипы — все найдет свое применение при решении сложнейших задач проведения макросоциальной программы исследований и макросоциальных воздействий. Умение переводить структуры, подвергаемые воздействию, в зону действия одного из психологических подходов, конструирование когнитивных моделей для всех структурных единиц, использование математических методов и возможностей компьютерного моделирования позволяют системно описывать картину интересующих нас процессов.

Данная картина, особенно с учетом ее непрерывных динамических изменений, взаимопроникновения структур, одновременности прохождения претерпевающих различные трансформации потоков информации, сложна. Настолько, что приходит в голову тезис о невозможности понять целое, будучи частью его. Так это или нет — спор бессмысленный, однако бесспорно, что нам, тем не менее, удастся постигать все большие и большие области структуры, частью которых мы являемся. Один из пу-

тей совершенствования механизмов нашего сознания заключается в использовании математики. В свое время некоторыми сотрудниками нашего центра были разработаны математические методы, ускоряющие, упрощающие расчеты величин социологических исследований, были запатентованы некоторые изобретения и схемы. Часть работ в русле развития цепей Маркова, рядов Ли и др. была опубликована М. Л. Киреевым в вышедшей недавно книге «Общество и политика» (под ред. В. Ю. Большакова. СПб., 2000); несомненный интерес и прикладную ценность представляет работа Б. П. Ивченко, Л. А. Мартышенко, А. В. Земскова. Специалисты смогли бы назвать очень большое количество работ в области математического моделирования социально-психологических и политических процессов. Проблема лишь в том, что в этих работах достаточно элементарные психологические и социальные соображения предстают в виде компьютерных программ и формул в сложном нагромождении математических символов. Конечно, это вопрос времени, и недалеко то время, когда представляющиеся перспективными исследования в области искусственного интеллекта смогут обеспечить возможность количественного расчета сложных макросоциальных явлений. Фрагменты таких расчетов делаются уже сегодня.

Вторая сложность применения математики в макросоциальных расчетах заключается в отсутствии у психологов специфических метрических единиц. Большую часть информации в психологии, представленной численно, получают в ходе тестирования во всех многочисленных формах. Разработаны процессы стандартизации получаемых значений на основе методов математической статистики. Результаты социологических исследований также подвергаются статистическому анализу. Как только удалось отладить эти схемы, психологи с удовольствием стали пользоваться методами математической статистики, не мысля получения результатов исследований без их использования.

Но, скажем, применение математического аппарата в социометрии затруднено в связи с неразработанностью способов стандартизации получаемых численных значений; я уже не говорю об измерениях в массовидных процессах или, скажем, в эмоционально-волевых.

Несколько лет назад нам пришлось решать задачи, которые мы сформулировали следующим образом. 1. Моделирование структурных изменений политических партий демократической ориента-

ции с учетом психологических качеств их участников. 2. Определение оптимальной численности округов по выборам районных советов народных депутатов и муниципальных органов самоуправления в Санкт-Петербурге с учетом ролевых ожиданий граждан и уровня притязаний депутатов.

Полученные модели до сих пор оправдывают наши прагматические ожидания и имеют большую прикладную ценность для проведения избирательных кампаний. Для формализации процесса моделирования была сделана попытка введения универсальной структурной единицы моделей, которая получила название «Унитарный эксперимент» (УЭ).

УЭ представляет собой описанный во всех подробностях опыт элементарного социально-психологического взаимодействия. Самокритично отмечу, что решить эту задачу удалось только для данного частного случая и частично. Сама идея, реализация которой отложена на неопределенный срок, навеяна изучением характеристик транзисторов, а также придуманными А. и Б. Стругацкими психическими индексами — инструментами и счетными единицами науки ксенопсихологии. У Стругацких вообще много хороших идей, которыми могут поживиться исследователи с отблеском благородного безумия в глазах.

УЭ состоит из трех человек, из которых, как из мозаики, набирается изучаемая социальная конфигурация. Или другая аналогия: из четырех видов аминокислот набирается молекула ДНК. Природа не предусматривает слишком сложной схемы включения человека в систему социальных отношений, что внушает определенную надежду на успешность данного подхода.

Эти три человека исследуются всеми доступными в психологии способами, для чего проходят процедуру тестирования. В нашем случае использовались тесты, определяющие интеллектуальный уровень испытуемых, фрустрационный тест Розенцвейга; тесты, определяющие локус контроля и стратегию поведения в конфликтной ситуации. Личностные параметры определялись по 16 PF Кетелла. С использованием методов факторного анализа, включенного наблюдения и экспертной оценки проводилась процедура свертывания данных и получения родовых параметров методом, описанным в книге «Введение в экспериментальную психологию» В.М. Мельникова и Л.Т. Ямпольского. Затем рассматривались все возможные варианты взаимоотношений людей с полученными характеристиками в парах

и тройках. Было рассмотрено около 600 вариантов сочетаний, часть из которых удалось проверить экспериментально, но большинство так и остались чисто теоретическими из-за невозможности объединения испытуемых в конфигурации УЭ и проведения дополнительного исследования.

Те же УЭ, которые оказались доступны исследованию той или иной степени полноты, были подвергнуты воздействию информации различного вида. Мы структурировали информацию по значимости, темам, объему, сложности, по ряду других параметров, затем вводили ее в УЭ и пытались отметить, в какой форме она будет передана другим участникам структуры объекта изучения, причем подсчитывалась вероятность контактов членов УЭ с членами социальных структур. На этом этапе в силу очевидной сложности эксперимент потерял полноту. В итоге мы смогли изучить особенности прохождения информации и принятия решений в данном конкретном случае, что тоже немало важно, но не смогли создать инструментарий, при помощи которого удавалось бы моделировать поведение любой изучаемой структуры, когда достаточно бы было лишь определить, из каких именно УЭ, какого номинала, если говорить в терминах радиотехники, была собрано данная структура.

Сегодня понятно, что УЭ должен состоять не из трех человек, а из трех составляющих, которыми могут являться и человек, и малая группа, и толпа — в любом сочетании, что еще более усложняет задачу.

Были учтены возражения, высказанные рядом специалистов по поводу самой идеи. Представители точных наук давали число всех возможных вариантов со многими нулями, что, по их мнению, сводило эксперимент к подмене одной сложности другой, и только. Мне представляется все же, что число значимых вариантов сочетаний не столь велико и поддается рассмотрению на практике.

Второе основное возражение против подхода — общетеоретическое. Принципиально невозможно учесть все параметры, определяющие поведение человека. Попытки подобного рода механистичны и обречены на провал. В пользу данного аргумента говорит то, что до сих пор этого никому сделать не удавалось. Не удалось бихевиористам, не удалось когнитивным психологам.

Поэтому приверженцы гуманистического направления считают это невозможным. Но есть ряд аргументов и примеров, свиде-

тельствующих о том, что вся проблема лишь в сложности вопроса, но не в нерешаемости. Кибернетика все дальше и дальше продвигается по пути создания искусственного интеллекта, компьютер уже победил чемпиона мира по шахматам, и границ развитию подобных систем не видно. Во всяком случае, следует продолжать все усложняющиеся трудоемкие и ресурсозатратные попытки разработки и введения счетных единиц в психологию и социологию. Мы не знаем, какие интеллектуальные и материальные затраты потребуются, какая кропотливая работа позволит преодолеть эту высоту. Может быть, планка уже рядом.

Глава 10

Органы государственного управления

Государственные структуры в свете эволюционной теории поведения. Взаимодействие ветвей власти; уровни власти. Закономерности эволюционирования властных структур в эпоху перестройки

Вопросы государственного строительства с точки зрения эволюционной теории поведения удобно рассматривать в двух аспектах:

1) задачи, которые государство вынуждено ставить и решать в процессе своего существования и развития;

2) психологические и физические возможности человека, которые изменяются в зависимости от того, в какой социальной структуре в данный момент времени человек пребывает и какие группы поведенческих регуляторов или их сочетаний доминируют.

Задачи определяются потребностями, которые, естественно, сформировались в процессе их удовлетворения. На определенном этапе эволюция развела наши реакции по трем каналам: личностному, ролевому и массовидному. В процессе социализации каждая группа регуляторов обеспечила возникновение соответствующих социальных структур. Государство является способом совместного существования этих структур, но группы поведенческих регуляторов представлены в нем неодинаково. Управленческая вертикаль государства представляет собой образование, построенное прежде всего в категориях ролевых отношений.

В макросоциальных процессах, как и в иных процессах, обусловленных ходом эволюции, достаточно очень небольшого отклонения от равновесия, чтобы в действие пришли могучие силы. Преимуще-

ства, обусловливаемые малозаметными невооруженным глазом отклонениями в сторону использования одного из трех видов регуляторов, накапливаясь с годами, являются причиной возникновения мощных социальных течений, меняющих политическую карту мира.

Государство не могло бы существовать, будь у него только один фактор, обеспечивающий стабильность и развитие. В первом приближении мы должны предположить наличие как минимум трех управляющих структур, регулирующих поведение элементарных частиц государства.

Корреляты индивидуального поведения обеспечивают самоконтроль.

На основе ролевого поведения строится управленческая вертикаль, которая часто и именуется государством.

На базе массовидного поведения появляются СМИ и иные структуры, главной отличительной чертой которых является способность одновременно доводить информацию до большого количества людей с минимумом промежуточных переключений. До эпохи СМИ их функции выполняли механизмы, которые также обеспечивали синхронное действие огромных масс людей. Это и климатические условия, и смена времен года, и сформировавшиеся привычки и традиции, в том числе и религиозные, и возрастные физиологические изменения поведения людей, и многое другое. Сегодня механизмы СМИ удачно дополнили их совместное действие (рис. 25).

Рядовой гражданин получает информацию из внешнего мира, в том числе и от структуры государства (а); он встроен в одну или несколько ролевых структур (б); он получает информацию от руководителей посредством СМИ (в).

Это лишь принципиальная схема. Ее следовало бы дополнить иными управленческими вертикалями, которые существуют параллельно с государственными и порой переплетаются на самых разных уровнях. Между всеми уровнями существуют дополнительные связи. Попробуем несколько уточнить схему. Простой подсчет, проведенный исходя из определения численности малой группы в 10-15 человек, показал бы при 150 млн. жителей России наличие 8 уровней власти, это 12-15 млн. человек, входящих в управленческую вертикаль, т. е. чиновников. В реальности мы фиксируем в России 5 уровней исполнительной власти, 4 уровня представительной и уж не знаю сколько судебной, так как в нашей стране она не играет в настоящее время самостоятельной роли (рис. 26).

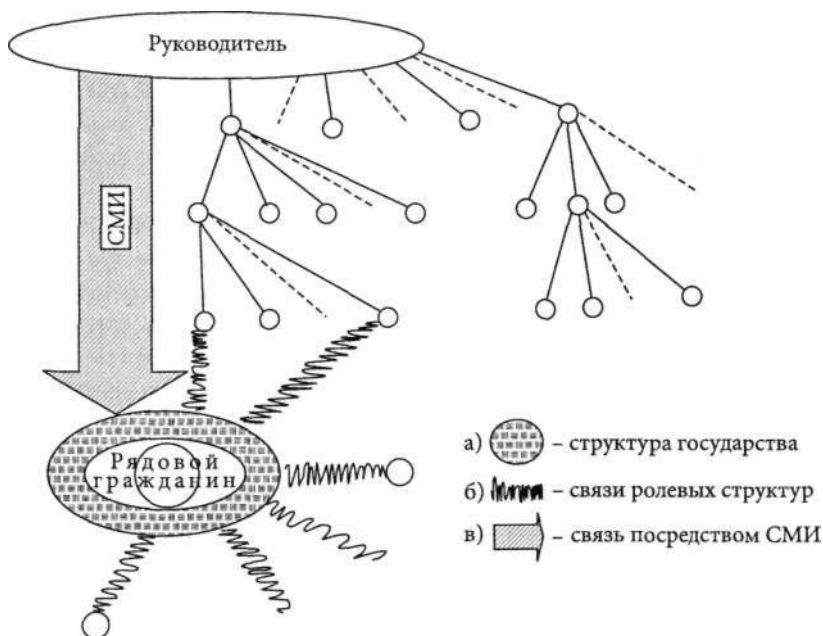

Рис. 24. СМИ как посредник в доведении информации от государственных структур до рядовых граждан.

Функционально неясно местоположение в схеме органов муниципального самоуправления: где-то между гражданами, районной администрацией и городским законодательным собранием. Президент занимает высшую точку, причем в России — фактически в обеих ветвях власти, а институт представителей президента являет собой реализацию идеи заполнения разрыва между президентом и избирателями: приведения схемы 1-89 (количество регионов) к 1-7-89, что оптимально с точки зрения построения управленческой вертикали на ролевых принципах. Численность чиновников, несмотря на все кампании по ее снижению, возрастает, что имеет характер прямо-таки мистический. Но эволюция подгоняет это число, в соответствии с принципами построения ролевых структур, к 12-15 миллионам.

Во всех попытках реформирования государства присутствует стремление довести численность и соотношение количества чиновников каждого уровня до идеального состояния. Президент и его окружение видят в иерархической структуре места разрыва, места,

Рис. 26. Уровни государственной власти.

где информация при передаче не проходит, где волевой акт управления зависает в воздухе, и стремятся их заполнить новыми управленческими звеньями.

Сегодня в России остается пустующим одно промежуточное звено, однако именно то, которое является особенно важным: звено между гражданами и районными администрациями. Именно здесь происходит столкновение волевых актов, передаваемых сверху по инстанции, и ответной реакции граждан, которым некому переадресовать это давление по цепочке, так как цепочка на них и кончается. Ни у нас, ни на Западе государство в настоящее время не способно заполнить этот вакуум. Причина проста. Информация приходит сверху по ступеням структур власти, построенной на ролевых принципах. В наш экзистенциальный век граждане находятся преимущественно в сфере действия индивидуальных поведенчес-

ких коррелятов. Муниципальный работник должен уметь переводить послания власти с ролевого языка на индивидуальный, с понятий долга, совести и благородства на понятия выгоды и личных интересов. Это требует от него очень высокой квалификации, которая более высокопоставленным чиновникам уже не нужна. Естественно, возникает сильное желание либо подняться на этот более высокий уровень власти, либо перестать выражать интересы государства, а начать выражать интересы граждан. В первом случае муниципал уходит вверх по иерархической лестнице исполнительной структуры, а во втором переносит зону столкновения личного и общественного на ступень выше, что позволяет ему впоследствии также уйти на повышение, но уже по представительской линии: народ с удовольствием изберет своего защитника в депутаты более высокого уровня.

Этот конфликт и в России, и за рубежом сегодня принято нивелировать при помощи СМИ, которые должны приводить индивидуальные поведенческие реакции в соответствие с ролевыми требованиями. Сами же СМИ обладают диодной проводимостью, и социальное давление через их посредство снизу вверх не передается.

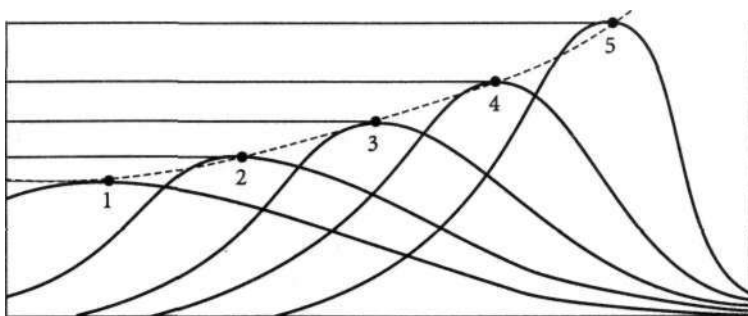
Оговоримся еще раз, что рис. 26 представляет собой лишь принципиальную схему включенности личности в социум. В действительности мы имеем дело с целым перечнем государственных иерархических структур (налоговых органов, МВД, ФСБ и т. д.). Есть вертикально построенные государственные структуры, непосредственно ко многим из нас отношения не имеющие, например армия. (Кстати, в армии ниша между рядовыми и офицерами заполнена сержантами.) Существуют также негосударственные вертикали, построенные на ролевых принципах, но мы говорим сегодня именно о государстве.

Попытки объяснения поведения мотивационными детерминантами в значительной степени обусловлены влиянием на умы эволюционной теории Дарвина. Впоследствии, когда вместе с усилением мнений, которые в 1940-1950-х годах привели к созданию экзистенциалистической гуманистической психологии, слово «инстинкт» стало все труднее использовать в психологических дискуссиях, У. Мак-Дугалл стал писать о склонностях, а Г. Мюррей — об отношениях «индивид — среда». Мак-Дугалл выделил 12 склонностей (инстинктов), каждому из которых пытался поставить в соответствие эмоцию, но для пяти из них комплементарной эмоции не нашлось. Г. Мюррей 30

годами позже заменил слово «инстинкт» на понятия «влечение» и «потребности». Его список из 27 потребностей, 20 из которых он исследовал, представлял в его работах набор базовых точек для интеракционного анализа. Опираясь на эти мотивационные или потребностно-ориентированные классификации, основатель гуманистической психологии А. Маслоу, по определению негативно относившийся к подобного рода перечням, создал свой, наиболее удобный, и опубликовал его в 1954 г. в книге «Мотивация и личность». Основной догмат дидактичен: прежде чем актуализируются и начнут определять поведение человека потребности более высокого уровня, должны быть удовлетворены потребности низшего уровня. Трудно увязать это с воззрениями гуманистической психологии, и юмор в том, что Маслоу выступил с чисто эволюционистическими заявлениями, будучи антидарвинистом и предпочитая говорить, как и все его последователи, о ценностных ориентациях и о смысле жизни.

Этот и другие вопросы подробно изложены в книге Х. Хеккаузена «Мотивация и деятельность». Привожу по этой книге схему А. Маслоу, в которой, в свою очередь, рисунок приведен по *Krech D., Cruthfield R., Ballarey E.*, 1962 (рис. 27).

Следующая таблица, или схема,— классификация мотивов по А. Маслоу согласно иерархической модели (привожу по кн. Х. Хеккаузена «Мотивация и деятельность») (рис. 28).

1. Физиологические потребители
2. Безопасность
3. Социальные контакты
4. Самооценка
5. Самоактуализация

Рис. 27. Иерархии групп массивов относительно приоритета удовлетворения потребностей.

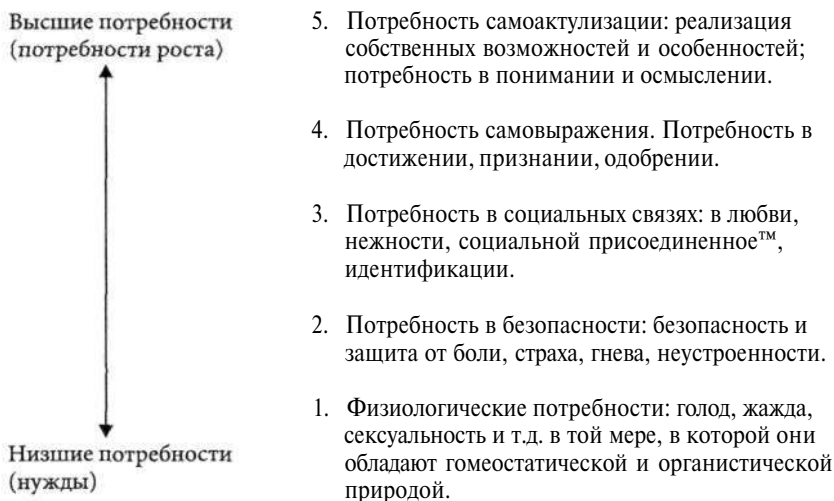

Рис. 28. Классификация мотивов по А. Маслоу согласно иерархической модели.

Для описания задач, стоящих перед человеком, предложенных названными авторами шкал потребностей вполне достаточно. Сам факт, что я предпочитаю говорить о задачах, свидетельствует, на первый взгляд, о телеологических взглядах автора, но дух книги, подкрепленный моим честным словом, иллюстрирует приверженность бихевиоральным ценностям. Поведение можно объяснить исходя из существования рефлекторного дуг и раздражимости, с одной стороны, и возможности сличения действий с опережающими отражением когнитивными схемами — с другой. Подобная дихотомия должна устроить всех: и дарвинистов, и телеологов, и даже гуманистических психологов, высшую ценность в прикладном смысле ищущих на путях самоактуализации в попытке всеобъемлющего компромисса.

Государство представляет собой механизм, обеспечивающий совместную деятельность людей, направленную на оптимизацию процесса удовлетворения потребностей. Причем в понятие удовлетворение потребностей человека включено и удовлетворение потребностей государства и иных социальных образований. И этот процесс удовлетворения потребностей происходит с учетом наличия трех эволюционно сложившихся групп поведенческих регуляторов, обеспечивающих выполнение трех эволюционных функций: 1) со-

хранения особи; 2) размножения и передачи навыков по наследству; 3) выживания вида.

Если же государство потеряло настройку, возникающие диспропорции заставляют отдельных людей, малые группы и массы воздействовать на него. При этом его структура и функции могут меняться, но само существование остается неизменным. Даже в случае столь сильных диспропорций, что государство оказывается разрушенным, государственные структуры вновь воссоздаются в той или иной форме. Пока альтернативы государственному способу управления нет, хотя эволюция постоянно ищет ее в виде, к примеру, сект или планетарных структур.

Приятно было бы писать о постоянном восхождении государств по перечню мотивов иерархической схемы А. Маслоу, но это означало бы в чем-то погрешить против истины. Ведь личностные, ролевые и массовидные регуляторы поведения, обеспечивающие эволюционно-поведенческий компонент государства и его структур, не всегда побуждают человека к прохождению всей шкалы потребностей до конца. Не сразу можно достичь пятого уровня, но к нему предстоит двигаться постепенно, обогащая по пути свою память «знанием всех тех богатств, которые выработало человечество». Следовательно, большая часть человечества, просто в силу юного возраста, находится в нижней и средней частях таблицы. Государство должно учитывать этот факт, иначе до стадии самоактуализации дело может и не дойти.

Любопытно было бы посмотреть, каково соответствие уровня пассионарности государства и динамики демографических процессов. Возможно, пассионарность и есть сдвиг деятельности государства в зону низших потребностей — в силу наличия большого количества людей молодого возраста. Отчасти обратную этому ситуацию можно наблюдать у нас в России: молодежь практически не рассматривается в схеме выборов, государство ориентируется на пожилую часть населения и является проводником и выразителем ее непассионарных взглядов. В результате — потеря территорий, потеря авторитета на мировой арене. Может быть, подобный механизм вообще универсален. Любая империя в момент перехода к демократии предоставляет непассионариям равные права в деле формирования политики. Молодежь, не дошедшая еще до стадии потребности самосозерцания, выходит из политики, выпуская пассионарный пар в студенческих бунтах и фанатских движениях. Государство еще более склоняется к сверке политических часов по стар-

шему, непассионарному поколению. Пассионарность снижается, центробежные процессы разрывают империю изнутри. Это просто идея, которая попутно пришла в голову. Может быть, ее уже рассмотрели исследователи соответствующего профиля, не знаю.

Мы же, проанализировав индивидуальные, ролевые и массовидные способы вовлечения человека в государство, выделив мотивационно-потребностные составляющие, поговорим о психологических и физических возможностях человека, прежде чем перейти к рассмотрению прикладных задач психологии в обеспечении государственного процесса. На этой стадии хотелось бы развести группы поведенческих регуляторов, представляющих собой устоявшиеся алгоритмы поведения, и психические и физические качества носителя, которые суть базовые характеристики. Начнем с физических. И индивидуальное, и ролевое, и массовидное поведение человека на всем протяжении цивилизации во многом определялось физическими качествами человека. Вся история человечества есть борьба за расширение физических возможностей при помощи орудий труда. Усложнение орудия труда, рост производительности приводили к изменению формы присвоения, как говорили классики марксизма, что вело к смене социально-экономических формаций. В целом они были, безусловно, правы, с небольшой поправкой на их среду и время обитания. Сам век разгара капитализма вынуждал их говорить более с позиции экономики, которая в истории не всегда была во главе угла, да и сегодня постепенно уступает свои позиции политической экономии, и далее — через эпоху создания информационного общества к иным способам управления и контроля. Но вопрос соотношения уровня технологии и преобладающей системы мотивации важен. Именно в связи с повышением технологии мы проиграли холодную войну. Наши методы мотивирования труда в категориях ролевых отношений хорошо работали при необходимости построить БАМ, Братскую ГЭС, т. е. в тех случаях, когда нужна была тяжелая малоквалифицированная работа коллектива. Но для обеспечения качества при производстве компьютеров прежнее соотношение кнута и пряника, а также сфер действия индивидуальных и ролевых поведенческих матриц уже стало менее оптимальным. И американцы получили преимущество. Разбередив больные точки, перейдем от технологии к психическим возможностям человека. Об этом говорить проще, ведь это наша профессия! Очевидно, что все наше социальное мироустройство существует в соответствии с нашими, так сказать, психологическими габарита-

ми и в определенной зависимости от них. Здесь можно упомянуть всю психофизиологию с ее порогами, все естественные ограничения интеллектуальной сферы, все следствия, вытекающие из одноканальности нашего мышления, от специфики функционирования психики во времени и так далее, и так далее. Все это, естественно, эволюция учла при отлаживании механизмов государственной деятельности. И не потому, что она такая умная, а потому, что эволюция и есть механизм притирания, подгонки всех существующих параметров и позиций.

Все это имеет большое прикладное значение. Некоторые психологические параметры, как и физические (при помощи развития технологий), люди уже научились изменять и улучшать: улучшать память при помощи письменности; убыстрять некоторые параметры мышления благодаря компьютерам. Впрочем, есть и негативные примеры: медикаментозный гипноз или системное воздействие посредством наркотиков на население целых регионов. Несомненно, нас ожидают большие открытия в области изменения параметров психики посредством химических, физических, биологических и иных воздействий. И психологи будут принимать участие как в разработке методов воздействия, так и в поиске средств защиты.

* **

Полистал на днях перечни публикаций по психологии. Невооруженным глазом видно, что все работы сводятся к обеспечению 5-6 тем. Психиатрия, дети во всех аспектах, особенно одаренные; методология; политическая психология. Те области, на которые сегодня существует спрос. Те области, которые интересны обществу. Особенно той его части, которая может платить деньги. Фундаментальных исследований пока не видно. Но ситуация явно изменилась за последние 6-8 лет. На фоне воспоминаний о пустых полках в отделах психологической литературы книжных магазинов середины 90-х годов сегодняшнее изобилие публикаций вызывает шок, сравнимый с шоком от того, как пустые полки продуктовых магазинов в мгновение ока заполнились продуктами тысяч наименований. Сначала это были безвкусные суррогаты в красивых упаковках, затем появились и качественные отечественные продукты. Книги по психологии сегодня — в большинстве суррогаты. Но среди них уже встречаются добротные исследования.

Наш Социально-психологический центр уже более 10 лет большую часть времени уделяет исследованиям и работе с государствен-

ными структурами, вопросам использования процессов, протекающих в базирующейся на ролевых отношениях пирамиде власти, использования массовидных регуляторов в управленческой деятельности.

Тщательно проработаны вопросы изменения взглядов работников государственных структур, отработаны механизмы повышения эффективности выполнения принятых решений, механизмы выявления и снижения стрессов государственных служащих, рассмотрены вопросы оптимизации управленческих структур, разработаны механизмы создания альтернативных долговременных управленческих структур и т. д. Большая работа проведена в области политической психологии, геополитики, политической экономии. Объектами внимания стали процессы глобализации, специфика межгосударственных отношений, последствия распада СССР и перспективы развития России и стран-союзников.

Накоплена уникальная практика формирования отношений управленческих структур, государства и рядовых граждан. Достигнуты значительные успехи в проведении в жизнь макросоциальных программ.

Многое из перечисленного войдет в книгу, которая выйдет в печати через 3-4 месяца после того, как на суд читателей будет вынесена эта работа. Предварительное ее название — «Россия. Планетарные процессы». А здесь я хочу остановиться на тех областях нашей работы, в которых использование следствий эволюционной теории поведения и знаний механизмов ролевой и массовидной регуляции привело к наиболее ярко видимым результатам.

Одной из актуальных в политической жизни общества тем сегодня является оптимизация взаимодействия исполнительной и представительской властей, их отношения с народом. Сотрудниками нашего центра накоплен большой фактический материал, полученный во время проведения избирательных кампаний во многих регионах России.

Феномен государственного управления включает в себя одну управляемую структуру (народ) и три управленческие (исполнительная власть, представительская и судебная). Так обстоит дело официально, что закреплено в Конституции и других документах. На деле, как это всегда и бывает, акценты несколько смещены. В России в последние годы виден процесс перетекания власти от депутатских структур к исполнительной вертикали. Особенно наглядно это проявляется со времени вступления в должность президен-

та В. В. Путина. Судебная власть фактически обеспечивает интересы исполнительной, а СМИ постепенно дискредитируют себя, и сегодня во мнении народа это инструмент, но никак не полноправный субъект процесса управления.

Однако процессы эти идут не линейно. Я бы упомянул о двух зонах рассогласования. 1. При Ельцине в большинстве регионов губернаторы чувствовали себя уверенно, и роль законодательной власти в этих регионах была снижена. 2. Затем президент Путин при помощи ряда мероприятий ослабил губернаторов, т. е. переместил центр тяжести исполнительной власти ближе к Кремлю. В результате законодательная власть в центре в значительной степени ослабла, и Дума в настоящий момент все больше и больше превращается в не имеющий собственного мнения орган исполнения воли президента. Но в регионах местные законодательные собрания оказались в лучшем положении: в сравнении с ослабленными губернаторами они получили преимущества.

Важно учесть то, как в предлагаемых условиях поведет себя электорат. Кроме структур власти на него оказывают воздействие многие пирамиды и сети, представляющие собой, помимо всего прочего, инструменты донесения до народа воли отдельных лиц. С началом перестройки многие активные люди смогли начать свое дело, смогли приобрести власть, лишь в незначительной степени зависящую от государственных структур. На первом этапе перестройки активные люди смогли стать олигархами и далее по нисходящей. Олигархи во многом формировали вертикаль президентской власти. В какой-то момент правила игры изменились: новый президент решил искоренить олигархов или полностью подчинить государству. Но все же многие крупные предприниматели удержались. Сохранились лидеры общественных движений, мелких политических партий. Продолжают рождаться активные люди, они взрослеют и вступают в политическую жизнь. Количество центров влияния на электорат практически не уменьшилось. Кроме того, рассогласования, порой переводящие отношения между губернатором, законодательным собранием и гражданами из конструктивного конфликта в деструктивный, берут свое начало в работе механизмов, приводящих в исполнительную и законодательную власть людей определенного профиля личности, людей с характерным устоявшимся сочетанием групп поведенческих регуляторов.

Избиратели не склонны делить власть на ветви. Для них власть есть власть — что депутат, что чиновник. Особняком стоит прези-

дент, который по определению хорош до поры, а остальные все плохие. Но при этом избранные губернаторы и депутаты областных законодательных собраний разительно отличаются по своим психологическим качествам и поведенческим особенностям друг от друга. Рассмотрим механизм, это различие обеспечивающий.

1. В стране происходит постепенное падение доверия к власти. Первыми под это попадают чиновники и депутаты низшего уровня, которые, по мнению народа, персонально ответственны за все плохое, что они делали и не делали. Что же касается более высокопоставленных руководителей, то избиратели не имеют возможности видеть их работу непосредственно, следовательно, и не предъявляют к ним претензий персонально. В какой-то момент все большее и большее число избирателей начинает понимать, что, кого ни избери районным депутатом, все равно лучше не будет. И возможностей у них нет, и все равно они ничего не делают. Интерес к выборам низшего уровня падает, явка снижается в значительной степени. Не случайно в большинстве регионов России выборы губернатора считаются состоявшимися при явке 50%, а местных законодательных собраний — 25%, иначе бы эти органы просто никогда не были бы избраны. Зависимость прослеживается очень четко: на выборах депутатов муниципальных округов явка порой не превышает 10-15%, на выборах депутатов законодательных собраний города, области — 25-35%, губернатора — около 50%. Исследования показывают, что отказываются принимать участие в голосовании с понижением статуса выборов не пропорционально участники всех электоратных групп, а последовательно социальная группа за группой. В естественной форме этот процесс приводит к участию в выборах законодательных собраний областей в основном групп избирателей, оппозиционно настроенных к действиям местных исполнительных властей. Однако отработаны способы привлечения к голосованию также и групп населения, поддерживающих губернаторов. Там, где подобные способы применяются, получены прогубернаторские законодательные собрания. Там, где не применяются или применяются неправильно, получаем оппозицию. Пример первого случая — Москва. Пример второго — Санкт-Петербург. Лужкову удалось войти в XXI век с «карманным» городским парламентом, а Яковлеву, не имеющему возможности проведения выборов по московскому сценарию в силу большей демократичности взглядов питерского электората, все время приходится бороться с депутатским корпусом.

2. Пост губернатора является привлекательным для целого ряда людей в каждом регионе. Поэтому избрание кого-то одного остальные воспринимают как личную неудачу. Дорогу к обеспечению своих интересов во власти они ищут через законодательные структуры, внося в законодательные собрания дух оппозиционности. Многие малые и средние лидеры регионов, реально оценивая свои силы, не претендуют на пост губернатора, но считают себя вполне достойными стать депутатами. Этот пост позволяет успешно лоббировать свои интересы во власти, отодвигая чужие. Это еще один фактор, обеспечивающий противостояние законодателей и губернаторов в условиях демократии.

3. Мы провели исследования сроков планирования своей жизни у людей различных социальных групп. Выявлена все та же зависимость: средние сроки планирования своей жизни у людей, принимающих участие в голосованиях различного уровня, возрастают с повышением уровня выборов. Можно сделать вывод, что от участия в выборах низшего уровня отказываются люди с более системным и аналитическим мышлением, более целно и адекватно понимающие свои интересы. На выборы же местных депутатов муниципальных образований приходят либо личные знакомые кандидатов, либо люди, легко поддающиеся убеждению и агитации. Естественно, эта категория людей требует от своих избранников совсем иных качеств. В 1995-1997 гг. по всей России было отмечено изменение ориентации избирателей с приверженцев перестройки, ораторов горбачевского типа, на так называемых хозяйственников. Исследования показывают, что в плане голосования этот процесс обеспечили три течения: а) разочарование либерально настроенной части населения итогами перестройки и ее отказом от голосования; б) изменение взглядов части населения; в) возвращение к активной политической деятельности ряда социальных групп, деморализованных перестройкой. Причем в большей степени эту волну обеспечили не люди, изменившие взгляды, а именно группы населения, отказавшиеся принять участие в голосовании или, наоборот, решившие принять в нем участие. Помните кавээновскую шутку: «Что ты хочешь, комсомол?» — «Партия, дай порулить!» У руля в годы перестройки стали меняться социальные группы. Одна порулит — нет результата, ее место тут же занимает другая, а предыдущая впадает в депрессию, отстраняясь на время от участия в активной политической жизни.

Действие этих механизмов привело в ряде регионов к противостоянию исполнительной и законодательной власти. В данный мо-

мент можно говорить о Красноярском крае и об Иркутской области. В силу ряда особенностей протекания политических процессов законодательные собрания этих территорий оказались достаточно сильными, и результаты их борьбы с губернаторами пока не ясны. В Санкт-Петербурге же и, к примеру, в Белоруссии парламенты продолжают активную борьбу, но, кроме смеха, у большинства жителей она ничего не вызывает. В ряде же регионов законодательные собрания полностью подконтрольны губернаторам. К каким последствиям приводят эти три типа взаимоотношений законодательной и исполнительной власти в регионах? И как выглядит та идеальная схема отношений губернатора и депутатов, к которой следует стремиться?

Оставим возможность поиска ответа на этот вопрос гуманистическим психологам и посмотрим, что происходит в реальной жизни.

В большинстве случаев политтехнологи поддерживают ту сторону власти, которая разместит у них заказ на обслуживание. В том же случае, когда политтехнолог остается без заказа, он начинает выражать интересы народа, проявляя таким образом свою обиду на ветви власти. По пальцам одной руки можно пересчитать в России специалистов, личные политические убеждения которых играют значимую роль при выборе заказчика. Даже создатели финансовых пирамид в случае необходимости проведения собственной избирательной кампании не испытывают особых затруднений с поисками имиджмейкера. Последний находится быстро. Выборы ведь представляют собой квинтэссенцию демократии, а демократия — это такая форма государственного управления, при которой совесть, порядочность, принципиальность и другие следствия ролевых отношений часто не являются востребованными. Происходит столкновение технологов, поддерживающих законодателей, с имиджмейкерами, борющимися на стороне губернаторов. Таковы правила игры. Таковы механизмы обеспечения демократического процесса. Но не будем за это ругать демократию. Право же, руководящая роль коммунистической партии выглядела не менее отвратительной. А уж как отвратительно полное отсутствие любой власти!

Попробую все же от субъективных оценок перейти к конкретике. Сложно сказать, кто прав, а кто виноват в процессе конструктивного противостояния ветвей. Но очевидно, что ни одна из сторон не должна выходить за пределы правил игры, установленных, с одной стороны, регламентирующими документами, а с другой —

все-таки сводом норм и правил цивилизованного общежития, принятого в обществе в данное время.

Избиратели однозначно негативно относятся к таким в последние годы получившим распространение избирательным трюкам, как продление срока полномочий или изменение правил ведения избирательных кампаний в интересах действующих руководителей. Зачастую это было главной причиной поражения руководителя, решившегося на это. Избиратели в массе не хотят участвовать в работе власти, но хотят сохранить за собой возможность успешного выбора.

Избиратели не любят, когда руководители используют служебное положение в личных целях, проявляют в быту нескромность.

Наконец, избиратели не терпят отступления избранников от норм, которые обязаны выполнять обычные рядовые граждане. Например, когда депутаты ЗакСа Санкт-Петербурга в течение двух лет не могли избрать себе председателя и почти год срывали кворум, не являясь на работу, общественное мнение практически единодушно осудило сей вопиющий факт нарушения трудовой дисциплины. Рейтинг депутатов упал ниже всех пределов. Механизм демократии в том и заключается, чтобы действия руководителей получали эмоциональную оценку народа, и те из них, чьи действия несовместимы с кодексом поведения руководителя во мнении народном, наказывались непереизбранием.

Порядочный политтехнолог обязан выбирать сторону, ориентируясь на соблюдение соперниками законодательства и следовании народным представлениям о справедливости. Последние дают возможность для маневра, так как подвержены изменениям.

Схема вмешательства политтехнолога в конфликт проста. Можно влиять на сами структуры, являющиеся сторонами конфликта, а можно контролировать связи между структурами. Возможны, разумеется, и любые сочетания приемов. Однако на практике не все они встречаются одинаково часто. Обычными являются комбинации, когда политтехнолог в интересах одной из ветвей власти воздействует на народ в пределах набора избирательных приемов, для того чтобы народ на выборах отказался от противника в пользу оппонента. Обычно задачу повлиять на противоположную сторону ставят губернаторы. И этому есть простые объяснения (рис. 29).

Губернатору легче принять решение, нежели группе депутатов договориться о совместном отстаивании своих интересов; губернаторы обладают необходимыми ресурсами, чтобы обеспечить ход вы-

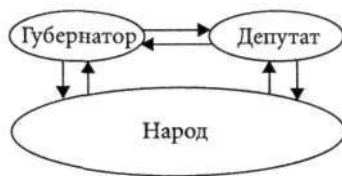

Рис. 29. Взаимодействие двух ветвей власти и избирателей.

боров; наконец, мотивация к борьбе у губернаторов выше, так как они видят в действиях депутатов помеху своей довольно трудной и часто неблагодарной работе, а депутаты возникающие конфликты зачастую считают нормой отношений законодательной и исполнительной власти, в контроле за действиями губернатора видят смысл своего труда, а разногласия выносят на суд общественности. Впрочем, бывают и иные ситуации, к примеру, в Иркутске, где областное Законодательное Собрание оказалось в состоянии выставить согласованную кандидатуру на пост губернатора области. К моменту выхода книги мы уже будем знать, чем закончились выборы в Иркутской области, но сейчас важно подчеркнуть, что и депутатский корпус способен выступать единым фронтом. Обычно за подобным фактом стоят интересы финансовых структур, имеющих большое влияние на депутатов, например, «Иркутскэнерго», руководитель которого является председателем Законодательного Собрания. Легко прогнозировать, что избирательная кампания не будет для иркутского губернатора легкой прогулкой.

Избирательная кампания в ее активной фазе — тема другой главы. А сейчас я хотел бы рассмотреть механизмы формирования общественного мнения в промежутках между активными фазами предвыборной борьбы, которая у нас в России, несмотря на все аргументы политтехнологов, непосредственно начинается лишь незадолго до дня голосования.

Прежде чем начинать собирать подписи и расклеивать листовки, следует подготовить и инструментарий, который можно использовать в острой фазе борьбы, и само поле боя, то бишь избирателей, а также провести определенную работу в стане противника. Сторона, не живущая по принципу «пока гром не грянет...», зачастую получает решающие преимущества.

Технология системного планирования, уж простите, является ноу-хау, и я не могу по секрету всему свету рассказать нашу главную военную тайну. Скажу лишь, что тут, как в «Алисе», «чтобы оставаться на месте, нужно бежать изо всех сил. А чтобы двигаться вперед, нужно бежать в два раза быстрее». Но поговорим об отдель-

ных приемах и трюках в плане иллюстрирования прикладных аспектов эволюционной теории поведения.

Следует рассмотреть вопрос, по какому принципу, в рамках какой системы координат будут мыслить избиратели во время голосования. Необходимо рассмотреть наиболее вероятные сочетания побуждающих мотивов. Одни из них окажутся для нас нежелательными, инициирование других может привести к успешному решению задачи. Затем исследуем, какая комбинация поведенческих регуляторов приводит к желательным и нежелательным для нас сценариям голосования. Разработаем механизмы подавления в интересующих нас социальных группах нежелательных и инициирования предпочтительных конфигураций. Подготовим инструменты, с помощью воздействия которых на электорат мы сможем легко и быстро переводить социальные группы из зоны действия одного набора коррелятов поведения в другие. Затем опустимся на более низкий уровень планирования и рассмотрим наборы приемов, которые помогут нашему кандидату получить решающее преимущество в рамках каждого сочетания групп поведенческих регуляторов.

Это делает нас полностью готовыми ко всем случайностям, но, конечно, нельзя недооценивать противника.

Давайте проиллюстрируем теорию примерами из избирательной кампании, прежде всего выборов Законодательного Собрания Санкт-Петербурга начиная с 1998 г., когда состоялись выборы, и далее, в процессе довыборов.

Первый тур голосования (а у нас в Петербурге выборы проходили в два тура. Победу в первом туре можно было одержать, набрав более 50% голосов избирателей. Если же такового не случилось, то два кандидата, набравшие большее число голосов, выходили во второй тур и боролись за простое большинство голосов, означавшее победу) отделил зерна от плевел. Те депутаты, которые по-настоящему работали в своих округах, набрали сразу более 50% голосов и подтвердили свои мандаты. Их было шестеро из 50. Жизнь — лучший учитель, и большинство вновь избранных депутатов стали в своих округах так же активно работать с избирателями, помогать бабушкам, т.е. заниматься всем тем, что и составляет перечень обязанностей депутата. Подобный рост самосознания депутатов радует, но, воздав должное шестерке победителей, обратим научный взор к оставшимся 44. Голосование проходило, как было видно невооруженным глазом, по партийным спискам. В большинстве случаев во второй тур, причем уверенно, вышли представите-

ли объединения «Яблоко». Многие наблюдатели поспешили поздравить «Яблоко» с победой — и как сглазили. Убедительную победу во втором туре, а значит и в кампании в целом, одержали сторонники Ю. Болдырева. Что же произошло? К моменту выборов город оказался разделенным на две неравные по численности группы: те, кто поддерживал губернатора, и те, кто хотел бы видеть на его месте другого человека. Мотивация недовольства традиционно сильна в России, и поэтому в голосовании принимали участие люди, поддерживавшие противников губернатора. В Петербурге это — сторонники прежде всего Явлинского, Болдырева (на тот момент), СПС и т. д. Но «Яблоко» вело кампанию неверно — и в отношении своих потенциальных союзников из демократического лагеря, и в отношении сторонников губернатора. Их негативный рейтинг был высок как никогда. И поэтому во втором туре избиратели голосовали, исходя из следующих соображений: 1) поддержка оппозиционеров губернатора; 2) поддержка тех кандидатов, кто при этом не принадлежит к негативно воспринимавшемуся «Яблоку» (сторонники же губернатора на выборы не пошли, довольные положением дел). В Петербурге на тот момент это были сторонники Болдырева. Болдырев охотно принимал в свой блок всех, кто давал ему определенную подписку: голосовать по его слову и т. п. Многие кандидаты в депутаты, понимая, что вступление в блок Болдырева — единственный шанс обыграть во втором туре яблочных конкурентов, дали такие подписки и победили. Затем почти все отозвали свои заявления, покинули блок Болдырева, который вообще перестал существовать. Как видим, ни одна организация не смогла, в конечном счете, использовать ситуацию к своей выгоде, уж не говоря о том, чтобы попытаться ситуацию создать. Но отдельные кандидаты смогли сориентироваться в меняющейся ситуации и победили. Так сработал социальный фильтр, приведя во власть группу расторопных, сообразительных, но не слишком принципиальных депутатов. Я уже писал, что демократическая процедура воспроизводства власти и обеспечения преемственности власти действует в противовес обеспечению доминирования морально-этических ценностей.

Добавлю только, что отсутствие грамотной работы со стороны какой-либо городской структуры во время выборов ЗакСа Санкт-Петербурга в 1998 г. никого ни к чему хорошему не привело. Достаточно сказать, что ЗакС в новом своем составе два года не мог выбрать себе председателя, а любимой демократичной процедурой, при

помощи которой меньшинство защищало свои позиции, был срыв кворума. Вся политическая Россия потешалась над ситуацией, и в итоге «Яблоко» окончательно изолировало себя в электоральной нише, позволяющей при самом удачном стечении обстоятельств набрать в Санкт-Петербурге не более 15% голосов избирателей, а блок Болдырева, распавшись, похоронил, и, похоже, навсегда, амбициозные планы своего лидера в нашем городе. Губернатор также, кроме неприятностей, ничего от такого положения дел в ЗакСе не получил. Главной причиной неудачи «Яблока» следует считать позицию партии, традиционно не идущую ни на какие объединения и компромиссы. Несколько лет подобной политики привели движение к изоляции в узкой электоральной трещине, к невозможности расширения своей электоральной базы. Как результат — лидер «Яблока» никогда не станет президентом России, а кандидаты партии никогда не станут губернаторами регионов. Участь яблочников — вечная оппозиция. Но, если посмотреть с другой стороны, может быть, это и нужно руководителям объединения? Тогда их действия следует признать правильными. Подобная бескомпромиссность мобилизует сторонников к активной политической жизни, и «Яблоко» вновь смогло перешагнуть барьер на выборах в Госдуму в 1999 г., а где, скажите, к примеру, «Дем. Россия»? «Дем. выборы России»?

Однако подобные действия яблочников привели к сокрушительному поражению на выборах губернатора Санкт-Петербурга 2000 г., когда главному конкуренту Яковлева Артемьеву удалось собрать лишь 16% голосов избирателей. Но и Яковлеву нервы потрепали изрядно, когда депутаты ЗакСа, оппозиционно настроенные к Смольному, за четыре дня до голосования смогли через суд отменить проведение выборов в декабре 1999 г. И губернатору пришлось еще полгода тратить свое время, нервы и ресурсы. В тех же регионах, где губернаторам удалось сформировать ЗакСы из своих сторонников (к примеру, в Москве), лидеры исполнительной власти оказываются избавленными хотя бы от этой головной боли, благо и других сложностей в работе у них хватает.

Одним из эффективных приемов избирательных кампаний является побуждение к участию в выборах или исключению из одного целых групп населения — избирателей, занимающих определенные электоратные ниши. Яркий пример применения подобной технологии дает кампания по выборам губернатора Красноярского края весной 1998 г. Группа поддержки действующего губернатора (на тот

момент) Зубова много сил уделила работе со студенческой молодежью, и в результате его рейтинг в возрастной группе от 18 до 25 лет в Красноярске оказался удельно выше. Но за несколько дней до голосования по вузам города пронесся слух, согласно которому все, кто придет голосовать, будут записаны и призваны в армию. Слух нелепейший, но степень нежелательности призыва для студентов очень высока, и поэтому на поведенческом уровне студенты предпочли не рисковать и на выборы не пошли. Явка этой группы населения оказалась значительно ниже ожидаемой, что сработало не в пользу Зубова. Справедливости ради отмечу, что перевес Лебеда был велик, и отсутствие на избирательных участках нескольких процентов молодежи Красноярска на итогах голосования не сказалось. Как, впрочем, и в избирательной кампании 2000 г. по выборам губернатора Санкт-Петербурга, когда были проведены мероприятия по привлечению на избирательные участки владельцев дачных участков, которые, хотя в большинстве поддерживали Яковлева, могли уехать за город в день голосования. В результате эта социальная группа все-таки приняла участие в голосовании, но особого значения это не имело в условиях многократного опережения Яковлевым основного конкурента Артемьева.

Верно, впрочем, и то, что разрыв в десятки процентов складывается из микропобед в ходе всей избирательной кампании. Примеров привлечения к участию и удаления групп населения от участия в голосовании множество, вплоть до таких экзотичных, как отправка на полевые учения воинских подразделений, базирующихся на территории округа, если там велик рейтинг нежелательного кандидата, или отключение лифтов в многоэтажных домах для того, чтобы бабушки не могли спуститься и проголосовать за того кандидата, который вел с ними работу. Все это, естественно, к законным способам ведения кампании отношения не имеет.

Процессы, получившие название перестройки, развиваются в промежуточном режиме: это еще не революция, но временами — на грани. Неудовлетворенность рядовых участников процесса высока, а возможности ротации власти, предоставляемые демократическим устройством общества, позволяют подводить итоги политической успешности курса данного руководителя каждые четыре года, тогда как во времена социализма сроки нахождения у власти были пожизненными. В избирательных кампаниях, проводимых в России с 1990 г. (именно этим годом датируется начало нашей ра-

боты в области политехнологий) по настоящее время, отчетливо видны несколько волн, или тенденций. Первоначально на губернаторских выборах избиратели голосовали за лидеров демократов романтического периода перестройки. Для претендента на победу было обязательным ругать КПСС, КГБ, бороться с коррупцией, провозглашать западные ценности и пересматривать нашу историю с критических позиций. Снижение уровня жизни, охватившее почти все слои общества, на каком-то этапе сделало лидеров демократической волны непопулярными, и на первые позиции вышли хозяйственники. Как правило, это были (и есть) люди, знающие производство, строительство, сельское хозяйство, т. е. в экономическом плане имеющие отношение скорее к миру изготовления вещей, нежели к виртуальному миру денег. Вышли из моды на губернаторских выборах юристы, банкиры, правозащитники. Волна эта прокатилась по всей России, а затем сменилась любопытным движением: на выборах губернаторов областей стали побеждать мэры столиц областей. По-видимому, не было единого принципа, обеспечивавшего такой ход событий. Можно говорить и об экономических причинах, концентрации ресурсов, необходимых для проведения избирательных кампаний, именно в городах; можно говорить и о снижении статуса губернаторов, целенаправленно проводимом федеральным центром; можно говорить также и о все более углубляющихся диспропорциях в уровне жизни сел и больших городов; при этом, естественно, в обнищании сельского населения обвиняют губернаторов, а в относительной стабильности и некотором улучшении жизни в городе видят заслугу мэров, и т. д. В условиях отсутствия одной доминирующей позиции, одного главного вектора, обуславливающего социальную привлекательность, ситуация в разных регионах начинает развиваться в зависимости от местной самобытности.

В тех регионах, где губернаторам удалось укрепить свою власть и авторитет, они побеждают на перевыборах с мало кому еще вчера представлявшимся возможным преимуществом. Кемеровская область, Татарстан — похоже, что лидеры этих и подобных регионов могут не бояться федерального центра.

В ряде областей поменьше с экономикой похуже, уровнем жизни ниже губернаторы подверглись сильному нажиму со стороны центра. После победы на выборах В. В. Путина увеличивается количество руководителей силовых структур, пробующих себя на ниве политики. Иногда они побеждают, иногда нет. Примеры —

избирательные кампании последнего времени в Ульяновской, Калининградской, Орловской, Курской областях.

Третий тип складывавшихся отношений — регионы, где центр демонстрирует слабость и политические ошибки, а население, похоже, окончательно потеряло способность адекватного политического мышления. Иллюстрацией могут служить выборы в Приморье и в Нижнем Новгороде летом 2001 г. Представитель президента по Дальнему Востоку практически не способен влиять на ход протекающих там процессов. Выборы на Камчатке, в Сахалинской области, выборы в Приморском крае, их ход и результаты — прямое тому подтверждение. Кириенко же, отвечающий за районы Поволжья, просто играет в свои игры, справедливо полагая, что его время еще придет. Конечно, нельзя всю вину за сумбур и невразумительность происходящего перекладывать на представителей президента: ограниченность их возможностей и нескорректированность круга обязанностей хорошо известны всем. Но если уж федеральный центр во главе с президентом взялся за гуж, то уж такие ключевые регионы, как Приморье, нужно тянуть до конца. Между делом получив президента управлению страной, перейдем к четвертому, и последнему, типу складывающихся отношений.

В регионах, где губернаторы достаточно сильны, но существуют организации или лица, также обладающие серьезными возможностями (олигархи, крупные предприниматели, большие политики), наблюдается жесткая борьба. Как правило, это ключевые регионы России: Санкт-Петербург, Екатеринбург, Красноярский край, Иркутская область, Тюменская область с двумя входящими в ее состав республиками-регионами, — борьба за пост губернатора в которых остра, а политтехнологии могут иметь решающее значение.

Разумеется, мы не можем отслеживать ситуацию во всех регионах России, но в целом ситуация с эволюционированием принципов, по которым проходят выборы, именно такова.

Отметим также еще одну ярко прослеживающуюся закономерность: на думских выборах всегда проигрывает партия власти. Так было с «Дем. Россией», с ДВР, с НДР, так будет с «Единством». Объединяйся оно с «Отечеством», не объединяйся... Избиратели все равно выразят недовольство властью в целом, отыгравшись на депутатах.

Трудно вести избирательную кампанию против волн, против тенденции. Это требует огромных затрат финансового, организационного и интеллектуального характера. Однако и это возможно, а уж простор для маневра, если удастся «оседлать» волну, как говорят серфин-

гисты, огромен. Вот, к примеру, ни одной командой политтехнологов сознательно не используемый прием, который может в некоторых случаях быстро перевести избирателей из поля действия массовидных регуляторов в ролевое, что может коренным образом изменить схему заполнения электоральных ниш применительно к процессу голосования. Способ этот называется «манипулирование психологическим временем». Базируется он на феномене цельности восприятия и, как следствие, цельности мировосприятия. Это понятие включает в себя и временную протяженность образа. Социум в процессе эволюции вырастил структуры, которые обеспечивают стабильность и изменчивость общества путем использования партии будущего (церковь) и прошлого, которое сохраняют аристократы и старшие члены семей и изменяют и трансформируют политики и историки. Религия заставляет человека задуматься о своем будущем, повышает значимость этого будущего (загробная жизнь), формирует стремление к достижению его успешности и тем самым влияет на поведение реалигента «здесь и сейчас». Политики, историки и хранители традиций избирательно напоминают людям о том, что происходило раньше, формируя тем самым как архетипические ноумены, так и довольно очевидные логические ценности кратковременного характера, которые также обеспечивают поведение людей в настоящее время. Аристократия же, по определению являясь категорией людей, для которых принципы и личные убеждения важнее общепринятых правил и законов, выступает в качестве хранителя моральных ценностей — не случайно Х. Ортега-и-Гассет беспокоится по поводу ее исчезновения.

В русле сказанного существуют два приема, которые можно использовать в кампании. Первый хорошо известен — это перевод электората в массовидное состояние. Механизмы реализации — прежде всего СМИ, потом компроматы, доведение до избирателей разноречивых сообщений, проведение массовидных акций: митингов, демонстраций. Все, как расписано в гл. 5: сформировать ощущение необходимости действия, но не дать информации, на основании которой можно было бы принять рациональное решение. Затем представить своего кандидата в качестве массовидного лидера — и готово дело! Прием этот широко использовался и на заре перестройки, и во время последней избирательной кампании по выборам президента В. В. Путина.

Но существуют и приемы выведения людей из массовидного состояния. Единственной серьезной проблемой тут является донесение информации до избирателей; использование СМИ в таком

случае не только не действенно, но и вызовет усиление механизмов перевода индивидуумов в толпу. Единственный известный мне путь — создание полевой структуры. Полевая структура основывается на ролевых регуляторах, и она способна в аморфной массе толпы выстроить пирамиду, построенную на ролевых же принципах. Это похоже на механизм редупликации ДНК: была одна цепочка — стало две. Различие лишь в том, что каждый участник полевой структуры способен вычленив в аморфной массе сразу несколько комплементарных партнеров (практика показывает, что около 10-15), как если бы он ставился лидером малой группы. Таким образом, ролевая структура в тысячу человек способна создать построенную по ролевым принципам группу численностью от 10 до 15 тыс. человек, что вполне достаточно для победы, скажем, на выборах депутатов Законодательного Собрания в Санкт-Петербурге. Главная сложность состоит в том, чтобы удержать эту структуру в рамках ролевого состояния в условиях, когда конкуренты активно переводят ее в массовидное. Вот здесь и помогают приемы манипулирования психологическим временем. В толпе резко снижается время планирования. В ролевом состоянии оно увеличивается, это неоднократно подтверждено экспериментально. Следовательно, необходимо постоянно строить планы будущего и вовлекать в них потенциальных участников голосования. Классический призыв к избирателю в массовидном состоянии: голосуй за нашего кандидата, он наш! не голосуй за другого — он не наш! Классический пример ролевого аргумента: голосуй за нашего, он предложил и выполнит план развития города, он это доказал предыдущими делами; не голосуй за другого — он ничего не предлагает, а то, что предлагает, не выполнит, как это с ним было и раньше. И, наконец, индивидуальный аргумент: голосуй за нашего, он повысит тебе пенсию, и ты сможешь к нему лично обращаться; не голосуй за другого — он тебя обманет, и тебе станет жить еще хуже.

Планирование совместных действий, успешность которых кажется электорату возможной с учетом предыдущего опыта, — большая сила. На какое-то время это позволяет контролировать действие массовидных регуляторов или даже, что является высшим пилотажем в ведении кампании, обеспечить действия электората в массовидном состоянии в русле заданных ролевых ценностей.

Данное умпостроение иллюстрирует процесс, заметный в Санкт-Петербурге, Екатеринбурге и в какой-то мере в Белоруссии. В двух словах: раньше главной движущей силой выборов были люди

старшего поколения — настолько, что некоторые кампании заслуживали названия «битвы за бабушек». Однако позже в некоторых регионах вошли в возраст, достаточный для успешности политической игры, новые, молодые лидеры. Они пытаются занять новую, малоразработанную социальную нишу — молодежную. И практика показала, что в ряде случаев удается раскачать молодежь и привести ее на выборы. А с людьми старшего поколения проводится работа в контексте расширения психологического времени. Подтягивание элементов прошлого, последующее отождествление со своими собственными образами времени молодости, реанимация незаслуженно забытого лозунга «все лучшее — детям» — и сегодня в перечисленных регионах старшее поколение все больше и больше начинает голосовать за молодежь. Вдобавок это еще и тенденция: пенсионерам так долго обещали улучшить жизнь, что они стали этому меньше верить. Но надо же во что-то верить! И вновь заработал механизм, дающий веру в светлое будущее — уже для своих детей.

Переходим к третьему примеру применения эволюционной теории поведения в практической политической деятельности. Тема рассуждения — партийное строительство. На изучение этого вопроса мы потратили очень много сил, но большая часть исследований все же представляла собой пассивное наблюдение, сбор информации, отслеживание ситуации — как угодно. Конечно, и это дает возможность проведения анализа и получения выводов, обладающих прогностической способностью. Но гораздо интереснее быть не свидетелем процесса, но его активным участником, экспериментатором, который моделирует развитие состояния структуры, проверяя на практике свои теоретические построения. В подобном полужэкспериментальном-полунаблюдательном режиме мы изучали процесс деградации так называемого демократического движения в Санкт-Петербурге, а также создания общероссийских партий в период политики укрепления государственности и «закручивания гаек». Исследованием закономерностей возникновения деятельности и распада партий занимались, впрочем, не только мы (т. е. сотрудники Социально-психологического центра). Коллеги, принимающие участие в исследованиях политической жизни страны, конечно, помнят Партию пенсионеров. Опыт, полученный при ее создании, был учтен. «Единство» было создано не в пример успешней. Но исследованию деятельности партии было уделено значительно меньшее внимание, и то же «Единство» сейчас плывет по

волнам без лощмана. Исход такого плаванья очевиден, но вернемся к теме. Поговорим подробно о распаде демократического движения в Санкт-Петербурге.

Следует изучить социальные фильтры, которые привели в демократическое движение людей определенного психологического склада. Фильтры эти довольно простые. В момент смены ориентиров и отказа от прежних ценностей общество оказалось в условиях вакуума идеологии. Новыми маяками идеологии стали люди, которые по различным причинам старую идеологию не разделяли и не поддерживали. Для них перестройка стала счастливой возможностью активно пропагандировать свои взгляды. Своеобразный эффект прорыва плотины: нельзя было говорить о рыночной экономике — а теперь можно. Так будем говорить о ней круглосуточно! Нельзя было вообще высказать свои взгляды — теперь можно. Так будем целыми днями высказывать! Социалистический способ существования не давал возможности людям с альтернативными взглядами заниматься работой в области управления, и поэтому руководить они так и не научились. Но социализм давал возможности культурного развития, и поэтому говорить они научились.

Столь долгое отторжение государством сформировало когорту упрямых людей, которые в течение долгого времени не делали, но говорили, выражая свой протест вербально. Однако это было небезопасно, и инстинкт самосохранения выработал в этих людях осторожность, замкнутость, тщательность выбора партнеров по общению.

И вдруг все то, за что раньше можно было съездить за казенный счет на лесоповал, стало официальной идеологией. «Мы были правы, ага!» — сказали эти люди и принялись наверстывать упущенное.

В период всеобщей растерянности их слова звучали единственным руководством к действию. И массы пошли за ними. Вот, кстати, пример действия массовидных регуляторов поведения: демократы первой волны выдавали яркие фразы, афоризмы. Они предлагали блестящие методы решения проблем. Беда лишь в том, что зачастую все предлагавшиеся ими способы невозможно было применить в одной системе. «Мы должны бороться с преступностью и победить ее!» Одновременно: «Мы должны упразднить институт прописки и уничтожить систему осведомителей!» Я лично двумя руками и за то, и за другое. Беда лишь в том, что одновременно это невозможно. Или — или.

Общество довольно быстро, за несколько лет, пришло к осознанию необходимости что-то делать. Пустые прилавки магазинов этому быстро научили. И тут выяснилось, что фильтр, о котором я бегло говорил выше, привел к власти людей, неспособных созидать. Как только это осознание охватило массы — судьба лидеров демократического движения была решена. Были востребованы и вышли из депрессии люди, которые умеют созидать и более системно мыслить. Часть из них принадлежала к старой номенклатуре, часть выдвинулась из демократических рядов и покинула их, когда жизнь потребовала прагматизма, а товарищи по демократическому движению — соблюдения идеологических догм. Электорат демагогов стремительно сокращался. И выяснилось, что на всех его не хватает. «Как будто кусок масла намазывают на слишком большой ломоть хлеба» — образное выражение Толкиена как нельзя больше подходит к данному случаю. Выход был один: консолидировать электорат (а это даже сегодня не менее 15% по стране в среднем), консолидировать все демократические движения и принимать мощной партией, со своей фракцией в Госдуме, участие в политической жизни страны. Но создать единую партию означало влиться в ряды иерархической структуры, основанной на ролевых принципах, с единым лидером во главе. Воспитанным, как всякий интеллигент, в сфере влияния индивидуальных поведенческих регуляторов, вкушившим сладость массовидных отношений на первом этапе, когда сторонники демократического движения оказались востребованными в качестве лидеров, демократам оказалось невозможным влиться в ролевую структуру, которую они так ненавидели в социалистические времена. Демократия — это сфера преимущественного действия индивидуальных и массовидных регуляторов. Она хорошо работает в условиях благополучия и благоденствия, в условиях высокотехнологичного общества, с высоким уровнем развития виртуальных механизмов. В условиях трудностей, необходимости мобилизовать усилия социума на достижение больших целей, в условиях наличия внешней опасности (т. е. в случае осознания всего этого) народ высказывается в пользу ролевой иерархической пирамиды власти. Таких же лидеров, как, например, Явлинский, поддерживают люди, которые либо получили высшее образование, но так и не научились системно мыслить, либо те, кто под воздействием великих произведений культуры предпочитают устраниваться от зла, даже если при этом не будет никакой возможности делать добро, и слеза ребенка для них иногда важнее жизни сотен людей. Впрочем, такие люди очень нужны, они не по-

зволяют прагматикам увлечься и впасть в крайности. Сам факт наличия людей с такими взглядами — основание для возникновения социального вектора, который направляет общество от дикости к цивилизации.

Очень трудно все же, дорогие товарищи, нам, пассионариям, даже пытаться быть научно беспристрастными! В Санкт-Петербурге процесс дробления демдвижения на все уменьшающиеся в численности и влиянии организации длился весь конец века. Разговоры же об объединении между «Яблоком», Демвыбором и СПС вызывали оскомину даже у самых преданных сторонников демократов. Увы, объединение так и не состоялось. Последнюю попытку предприняли создатели партии «Гражданская партия Санкт-Петербурга». Но выяснилось, что ни лидера, ни идеи, способной выполнить роль лидера, так и не нашлось. Данный опыт партстроительства следует признать неудачным.

Сегодня в Санкт-Петербурге до 30% избирателей продолжают голосовать за демократические партии, но не потому, что они разделяют их идеи, а потому, что считают необходимым быть в оппозиции губернатору (голосуют за демдвижение, поддерживавшее ранее А. А. Собчака) и в оппозиции президенту (голосуют за «Яблоко», СПС и иже с ними). Город трех революций, чего вы хотите! В то же время 70% поддерживают президента и губернатора, которые во мнении людей пока отождествляются с единым созидательным курсом. Пока руководители не перегибают палку, избиратели за них. Но стоит увлечься — и вот они, 30% — вступают в игру. В условиях, когда голосовать ходят 50% избирателей, ситуация может развиваться так, как показано на рис. 30, варианты 1 и 2.

Люди, которые при социализме находились в оппозиции, вновь вернулись в оппозицию. Но если власть будет вести себя так же глупо, как и коммунистическая партноменклатура, они могут вернуться.

Рис. 30. Варианты развития ситуации при 50%-ной явке избирателей на выборы.

На приведенных примерах я показал, что общественная и политическая жизнь государства зависит от конфигураций поведенческих регуляторов, задействованных в данный момент в данной социальной группе.

Искусственно конструируя эти конфигурации, можно добиться постановки и решения социумом запланированных экспериментатором задач.

Устройствами, позволяющими вводить и выводить из сферы действия группы поведенческих регуляторов, являются механизмы донесения информации до человека: СМИ, ролевые спецструктуры и иные пирамидальные социальные образования, а также плоды культурной деятельности — книги, фильмы и т. д.

Закономерности их функционирования в достаточной мере изучены, и сегодня мы уже имеем примеры их грамотного комплексного применения на внутригосударственном и общепланетарном уровне. Но проблема заключается в том, чтобы поставить цель, ради которой будет применяться вся эта пропагандистская мощь, и добиться долгосрочного воздействия при отсутствии искажения и трансформации самой цели, что обычно случается. И обратная проблема: как противостоять подобному воздействию противной стороны?

Рассмотрению этого вопроса будет посвящена последняя глава этой книги.

Глава 11

Структуры образования

Эволюция методов передачи знания в поколениях. Планетарное распределение интеллектуального потенциала. Российская школа как стабилизатор общественных процессов. Пути интегрирования российских специалистов в мировое научное сообщество. Образовательные программы

Феномен обучения, передачи навыков и знаний обеспечивает эволюционирование поведения. Процедура передачи информации в поколениях отработана: генетически передается биопредрасположенность к определенному виду поведения; затем дети получают знания и навыки от родителей, закрепляют в опыте полезные и отбрасывают те, которые на практике оказались неэффективными; обогащают свое поведение вновь найденными приемами и передают их, в свою очередь, по наследству. Такова схематично картина, а более точное и подробное рассмотрение темы вы сможете прочесть в книге «Физиология поведения: психобиологические закономерности», которая планируется к выходу в ближайшие годы. Работа над ней уже ведется.

На определенном этапе развития общества появляется группа людей, в чьи обязанности входит передача знания от поколения к поколению. К воспитательному процессу, обеспечиваемому родителями, добавляют свои услуги работники на ниве религий, мастера-ремесленники, руководители высших уровней. Но индивидуальные формы обучения имеют ряд недостатков. Количество обучаемых позволяет лишь воспроизводить численность носителей знания, компенсируя естественную убыль, тогда как с развитием уровня производительных сил возникает необходимость в ее увеличении.

Процесс обучения все более принимает ролевые формы. Каждый преподаватель начинает работать с группой учащихся. Каждый род занятий требует приложения специфических усилий. В процессе структурирования общества сначала преподавателями становятся всесторонне развитые люди. (Будем следовать общепринятой исторической классификации: Древний мир — Средние века — современность.) Затем востребованными оказываются узкие специалисты. С ростом численности населения механизмы отбора людей для преподавательской работы принимают статистический характер. Работа социальных фильтров и формирование преподавательского цеха способствуют приходу в образование людей определенного психического склада. Наконец, сегодняшний день демонстрирует нам возрастающую дифференциацию преподавателей по отраслям знания и увеличивающуюся по сравнению с последними столетиями социальную вовлеченность, т. е. постепенное снижение порогов, отделяющих преподавателей от других групп общества.

Количество накопленных человечеством знаний возрастает, и становится все сложнее передавать знания от поколения к поколению. Первоначально все знания передаются по наследству каждой особи (в стае, например). Однако и тут присутствуют различия, обуславливаемые половым и ролевым диморфизмом.

Затем, с увеличением общего количества знаний, выстраиваются цепочки передачи по отдельным направлениям, родам деятельности, дисциплинам и т. д. Наконец, происходит отрыв знания от их основ. Человек уже не может даже в рамках одного направления воспринять все. И он воспринимает лишь вершки, а огромные пласты накопленного знания уходят в никуда. Они записаны в книгах, которые никто не прочитает. Как в путеводителе по Франции: «Сначала были Меровинги, а потом — Каролинги», — вот и все, что осталось.

В ответ на осложнения мы вводим еще более дифференцированное обучение, увеличиваем сроки образовательного процесса, пытаемся внедрить более совершенные способы обучения и приемы совершенствования традиционных путей.

Сегодня легко встретить и традиционные формы обучения, и учебно-тренинговые группы, и игровое обучение, и дистанционное, опосредованное, компьютерное, и различные экзотические способы вроде гипнопедии. Социум ищет новые дороги развития.

Эти поиски проходят несколько различающимися путями в различных государствах, культурах и т. д. Представляется интересным

сравнить системы образования в Советском Союзе — России, с одной стороны, и в США — с другой. Такой выбор обуславливается тем, что именно противостояние этих центров в холодной войне во многом определило сегодняшнюю картину мира и обозначающиеся формы глобализации. Образование — отрасль, которая играет огромную роль во внутригосударственных и общепланетарных процессах. От простого понимания сего положения многие страны перешли к активным действиям в этой области.

Одной из ключевых позиций социализма было равенство. Понятие включало в себя равенство возможностей, т. е. применительно к данному случаю каждый человек имел право на получение образования. В большой степени эта идея была в СССР реализована, хотя на каждом этапе развития государства, естественно, были условия, делающие некоторых учащихся более или менее «равнее». На первых этапах важное значение имело происхождение учащихся, на последних, т. е. перед распадом СССР, принадлежность к семьям правящей элиты. Воспрепятствовать получению образования, а в дальнейшем — определенных видов высшего образования могло опять же происхождение, принадлежность к категории сельских жителей, а в дальнейшем проявилась некоторая дискриминация по национальному признаку. Евреям, к примеру, было сложно поступить на некоторые факультеты престижных вузов. В определенной степени это как бы компенсировало присущее людям этой национальности свойство создавать свои подструктуры в социуме.

В процессе перестройки возрастающую роль в социуме стали играть связи в поколениях. Каждому знакомо рассуждение, что на первом этапе накопления капитала успеха добиваются люди, склонные к нарушениям закона и достижению целей любыми средствами. Затем, когда все оказывается распределенным, они устанавливают порядок и обеспечивают своим детям хорошее образование. Дети, получив хорошее образование, ведут дела полностью в рамках конституционных и правовых полей. Это умозаключение, безусловно, верно отражает исторические процессы отношений поколений. Но все, конечно, несколько сложнее. В России понятие справедливости традиционно обладало большим весовым коэффициентом в сопоставлении с понятием законности, нежели в странах европейского Запада. Справедливость подразумевает равные возможности всех граждан, чем и привлекательна коммунистическая идея. Стремление дать все лучшее детям также сильно у нас в стране. Граждане готовы терпеть лишения, лишь бы дети жили хо-

рошо. В русле этих рассуждений невозможность для большинства взрослого поколения дать детям такое образование, как это могут позволить себе победители этапа первоначального накопления капитала, кажется несправедливой и вызывает мощное социальное течение. Оно, во-первых, направлено к борьбе за всеобщее бесплатное равное образование. Во-вторых, ориентирует и родителей, и детей на большие затраты в получении образования, сходного с тем, что доступно олигархам.

Лично мне представляется справедливым, что человек, заработавший деньги честным путем, имеет возможность дать своим детям лучшее образование, чем тунеядец и алкоголик. Но равно справедливо и то, что дети не должны отвечать за своих родителей. Оставим этот вопрос на рассмотрение гуманистических психологов, а проследим дальше последствия описываемой трансформации. Сделать это удобно на примере США, где период первоначального накопления капитала, который наша страна еще только проходит, завершился уже давно.

Этап первоначального накопления представляет собой социальный фильтр, позволяющий сосредоточить экономические ресурсы в руках людей, по своим биопсихологическим качествам наиболее для этого пригодным. С достижением результатов, с возрастом, с обзаведением наследниками, с достижением предела своей компетентности и прочая, и прочая эти люди направляют свою уменьшающуюся энергию на сохранение своего богатства, в том числе и в поколениях. Так как эти люди прошли суровый отбор, очевидно, что они смогут и тут добиться своего, а именно: таким образом выстроить правовое поле, чтобы в следующем поколении у пассионариев было меньше шансов добиться переустройства социума и перераспределения благ, нежели это было у них. Богатство должно сохраниться у наследников. Лидеры эпохи первоначального накопления, одержав победу в борьбе без правил, устанавливают протекционистские правила.

Редко бывает, чтобы организаторские, управленческие способности достаточно ярко проявлялись во втором поколении, тем более в третьем. Дело даже не в том, что в детях гениев «природа отдыхает». Скорее, в том, что снаряд в одну воронку дважды не падает. Распределение способностей — процесс вероятностный, тем более в том случае, когда для достижения успеха во втором и третьем поколениях последние должны обладать совершенно другими выдающимися качествами, нежели люди первого поколения.

Жизнь подтверждает эти рассуждения. Сегодня в странах Запада управленцами крупнейших фирм работают вовсе не потомки первых миллионеров, но владеют крупнейшими состояниями именно потомки. А пассионариям сегодняшнего дня приходится трудиться в качестве наемных работников. Деньги в одних руках, а умение работать — в других. Наследники обладают меньшей мотивацией к достижению, но большим стремлением избежать неудач. Они менее других стремятся обеспечить себе хорошее рабочее место, ведь и так их состояние превышает то, что смогут заработать претенденты, не имеющие богатых родителей.

Соединенные Штаты — государство, которое смогло обеспечить привилегированное положение своим гражданам на мировом рынке в период последнего передела мира и, если угодно, периода накопления первоначального капитала на межгосударственном рынке. Сегодня США стремится закрепить такое положение. Следовательно, сегодня граждане США меньше мотивированы к получению управленческих мест, чем граждане других стран. Мы видим, что интерес к получению высокого образования в США ниже, чем в Китае, России, Индии — странах, которые не согласны с ролью аутсайдеров планетарных процессов.

Их граждане сегодня получают высокое образование, работают руководителями и учеными в корпорациях, принадлежащих Западу, но рано или поздно положение наемных работников перестанет их устраивать. И назревающее противоречие разрешится эволюционным или революционным путем.

Подобные процессы движут историю. Дикие энергичные гунны завоевали культурный пресытившийся Рим. Сегодня ситуация еще более яркая. Культурные китайцы, индийцы, корейцы приходят в бескультурные США. Их уровень образования высок, мотивация высока. В США низко и то и другое, но они контролируют средства. Конфликт налицо.

Мы, русские, также образованны, культурны, но наш уровень притязаний обеспечивается не пассионарностью, а, скорее, униженным самолюбием, что совсем не одно и то же. Сложно предсказать, как это отразится на позиционировании России в планетарных процессах, но одно совершенно ясно: в России высока мотивация к получению образования, в России есть все возможности для получения образования. Период нашей истории, когда выпускники школ хотели быть рэкетирами и проститутками, к счастью, продлился совсем недолго. Сегодня все больше и больше школьников стремится

ся поступить в вузы. Этот процесс очевиден в больших городах, правда, пока не так явно проявляется в малых — впрочем, это вопрос времени.

В недалеком будущем это породит проблему, с которой однажды уже не смогли справиться руководители Советского Союза: несоответствие количества высокообразованных специалистов и их востребованности системой государства. Итог — пьянство, разочарованность. Мы должны постараться не наступить второй раз на одни и те же грабли. Способов несколько.

1. Интеграция в мировое сообщество позволит нашим специалистам применять свои знания в других странах.

2. Экономический подъем, которым нам угрожают премьер-министр со товарищи, рано или поздно разразится, и потребуется большое количество профи.

3. Общее повышение уровня жизни востребует новые специальности и поможет прокормиться специалистам-гуманитариям, которые, будем надеяться, в свою очередь, поднимут культуру.

Количество требующих высшего образования социальных ниш должно соответствовать количеству образованных людей. Но верно и то, что рост количества образованных людей должен обуславливать рост числа ниш. Желание людей получить образование давно уже стало самостоятельным фактором. Потребность в знаниях, в познании мира — одна из базовых потребностей человечества, и если многие психологи говорят о сомнительности данной позиции, то это свидетельствует лишь об ее не всеобщем распространении.

Мы должны таким образом развивать систему образования в России, чтобы не разрушить ее глупыми преобразованиями, как это сделали с экономикой, но и не оставить ее в блаженном состоянии, когда все средства в одних руках и когда нет стимула к развитию.

Что же представляет собой система образования в структуре государства? В российских условиях мне хотелось бы выделить две ее функции.

1. Функция стабилизатора внутригосударственных процессов имела в России периода перестройки огромное значение. Прежде всего отметим постоянство штатного состава преподавателей, обеспечивавшее преемственность в системе обучения. 60-70-80-е годы — время последовательного развития страны, отсутствие войн и потрясений. В педагогику пришли люди определенного склада, в меру консервативные и оптимистичные. Они окончили педагоги-

ческие вузы, готовившие специалистов по одинаковым программам на всей территории Советского Союза. Особенности экономики страны, демографическое положение и традиции России привели в систему образования преимущественно женщин, менее склонных к революционным преобразованиям и обеспечивающих тем самым дополнительный запас консерватизма.

На протяжении педагогической деятельности каждый учитель несколько раз разным поколениям учеников читает одни и те же курсы. Повторение — один из самых мощных механизмов внушения. Обучая детей, педагоги обучают и себя. Дети выросших учеников приходят в те же школы, прослушивают те же курсы, родители подкрепляют сказанное своим мнением, так как эти же курсы прослушали раньше. Механизм эффективен. Идеология, вносившаяся в гуманитарные предметы в нашей системе образования, приходила к родителям через детей. Тяжелое прошлое быстро забывается, и когда дети учат историю первых пятилеток, то родители, бабушки и дедушки получают напоминания о великих свершениях, что вызывает у них хорошие воспоминания, и не вспоминают о трудностях, так как в учебники это не вошло. История приукрашается, переписывается в соответствии с идеологическими догмами, и взрослые узнают это от своих детей, а не от партийных руководителей, которые вызывают недоверие как лица заведомо заинтересованные. Три поколения — дети, родители и деды — существуют в мире одних и тех же знаний, одних и тех же образовательных программ, получают от прошедших одинаковый отбор преподавателей трехкратное подтверждение знаний и идеологических норм — в детском, взрослом и старшем возрасте. Подобная система обладает большой инерционностью. Поэтому в период перестройки именно структура образования выполнила функцию сдерживания и не дала перестройке протекать в особо крайних формах. Разрыва времен не получилось — лишь трещина.

2. Школа представляет собой ролевую структуру, обладающую, однако, некоторыми специфическими свойствами. Схема ее, в упрощенном виде, такова: десять возрастных групп обучаемых, в каждой группе — по два-три класса. Единый педагогический коллектив, в котором иногда несколько обособлена группа преподавателей, работающих с начальными классами, не настолько, впрочем, чтобы это значимо разделяло коллектив преподавателей. Контакты учащихся параллельных классов значительно слабее взаимоотношений внутри одного класса, а взаимоотношения учащихся раз-

ных возрастных групп и вовсе редки. Они наблюдаются разве что в спортивных секциях, художественных кружках (например, театральных, когда для спектакля нужны и актеры-первоклашки, и десятиклассники). В старших классах отмечаются контакты между более старшими юношами и быстрее взрослеющими девушками; в группах правонарушителей, как правило, можно встретить школьников и средних, и старших классов; также следует упомянуть случаи обучения в школе братьев и сестер. Все эти контакты в силу быстрого взросления детей и перехода из одних возрастных групп в другие, обладающие специфическим набором ценностей, слабы и не играют значимой роли в существовании и развитии школьного коллектива. Подобное положение вещей в школах Советского Союза пытались исправить путем создания октябрятских, пионерских, а затем комсомольских организаций, сквозных структур, наполненных единым идеологическим содержанием. При этом идеология, персонифицируясь в своих носителях, представляла собой феномен массовидного коллективного лидера. В качестве ролевых лидеров выступали поддерживаемые преподавателями командиры октябрятских звездочек, пионерских отрядов, комсорги и другие формальные лидеры общественной жизни. Иногда формальными лидерами назначались и избирались (а процедура эта, безусловно, была контролируема педагогическим коллективом) лидеры неформальные. Это приводило к повышению статуса неформальных лидеров, и, соответственно, к понижению статуса педагогов. Поэтому закономерны случаи, когда педагоги инициировали назначение формальными лидерами послушных и контролируемых учеников. Подобному развитию событий способствовал механизм отбора преподавателей, который на протяжении десятилетий выводил и выводит лидеров из системы образования. Лидерам в Советском Союзе хотелось поднимать целину, строить БАМ, работать в сфере передовых технологий. Те немногие, которые все же поступали в пединституты, на определенном этапе своей деятельности зачастую уходили в систему РОНО и далее по ступеням административной лестницы, еще более оголяя, так сказать, тылы. В итоге на каждого неформального лидера-преподавателя приходилось в несколько раз больше нелидеров, чем в других отраслях деятельности. Поэтому, хотя коллектив преподавателей стандартной средней общеобразовательной школы и превышает численностью состав малой группы в 3-4 раза, феномен дробления его на группы наблюдается значительно реже, чем это следует из теории. Структура с уменьшен-

ной долей лидеров обладает большим запасом консервативности и в меньшей степени склонна отторгать идеологию, по крайней мере, в силу естественного эволюционного противостояния массовидных (в данном случае идеологических) и ролевых форм поведения. За победой идеологических норм дополнительно бдительно следили парторганизации. Таким образом, коллективы преподавателей были мощным фактором стабилизации общества. Но задачу передачи идеологии и закрепления ее у учащихся подобные педагогические коллективы выполняли все хуже и хуже. С годами все меньше лидеров шло в систему образования, тому были и экономические, и идеологические причины. Педагогам-нелидерам психологически трудно было иметь дело с неформальными лидерами-учениками, которых к конфликтам подталкивали и чисто возрастные поведенческие особенности, и накапливающееся несоответствие идеологии реальной жизни, видимое уже невооруженным глазом. Чтобы не усложнять себе жизнь, педагоги ставили формальными лидерами ведомых учащихся, и неформальные лидеры в противостоянии такому положению вещей вместе с негативным отношением к педагогам воспринимали негативно и идеологию. Это — одна из причин, приведших к распаду Советского Союза. Как видим, стабилизирующие структуры — вещь полезная для государства, но когда они превращаются в плотину на пути социального потока, поток рано или поздно разрушает их вместе с берегами.

Дальновидные руководители государства пытались противостоять этим намечающимся процессам путем усиления идеологической составляющей. Учителя на уровне массовидного поведения были включены в сферу все усиливающегося идеологического давления. Проявления механизмов массовидной идеологической регуляции в педагогических коллективах присутствовали в запретах критики государственного устройства, в обожествлении высших руководителей, в кампаниях по изучению материалов съездов, партконференций и т. п. Эта идеологическая мощь подавила все прочие проявления массовидных механизмов управления, и в соответствии с законами развития толпы данный фактор должен был перестать быть востребованным. И массы, в качестве которых выступали школьные коллективы, должны были или использовать регуляторы другого уровня, либо отказаться от их использования вообще. Каждая составная часть системы образования пошла своим путем: учителя отказались от идеологии, следствием чего стало снижение уровня идеологичности мышления, формализм в идеологическом

воспитании школьников. Учащиеся же перешли на более примитивный уровень массовидной регуляции — от коммунистических идеалов к грубому материализму, воплощенному в потреблении и накоплении. Противостояние, объективно существовавшее между преподавателями и учащимися, нарастало. Каждая из групп, собранных воедино самой структурой образовательного процесса, чтобы не доводить дело до конфликта, вытеснила его предпосылки. Педагоги отказались от идеологического воспитания учащихся, сконцентрировавшись на обучении, а школьники вынесли область идеологии за пределы процесса образования. Государство утратило элемент контроля за действием групп регуляторов массовидного поведения, который раньше оно осуществляло при помощи системы образования.

Промежуточный вывод: на внутригосударственном уровне система образования явилась мощной стабилизирующей силой, когда речь идет об образовательной составляющей, и силой, обеспечившей социальное течение, способствовавшее распаду Советского Союза, если речь идет о ее воспитательной составляющей. В результате действия этих механизмов идеологическая сущность государства в ходе перестройки видоизменилась, после чего центробежные тенденции начали сменяться центростремительными.

Многое из происходящего в нашей стране в последние десятилетия носит в себе отпечаток социального воздействия структуры образования.

Но главная задача школы — передача знаний в поколениях, перенос информации из мира науки и культуры к находящимися в стадии становления личности — ученикам.

Процесс передачи знаний подрастающему поколению, процесс его интеллектуального развития в значимой мере влияет как на внутреннее состояние государства, так и на его позицию во внешних отношениях. И наоборот: страны, занимающие определенное положение в системе межгосударственных отношений, вынуждены выстраивать и использовать соответствующую систему образования. А активное продвижение на мировой рынок своих систем образования является частью межгосударственной борьбы за получение или сохранение некоторых привилегий.

Каким образом сегодня определяется место государства на мировой арене? Это очень и очень широкий вопрос. В комплексе определяющих факторов одним из главных является военный. Легко

подсчитать количество ракет и пулеметов. Но практика показывает, что иногда их соотношение у воюющих сторон определяет исход войны, а иногда — нет. Второй фактор — экономическая мощь. Существует множество различных показателей экономики государств. Кто экономически более развит: США, Китай, Россия или, может быть, Швейцария? В Швейцарии, допустим, больше денег в пересчете на одного вкладчика. Лет пятьсот назад это было бы лишь поводом для скорейшего ее захвата, а сегодня служит гарантом нейтралитета. США сами печатают деньги, и бюджет их, я уж не говорю о капитале граждан, велик. Но что они имеют в вещах, а не в их стоимости? Возможно, и тут они опережают Китай, но, уверен, что Китай опережает США, если говорить о суммарном потреблении лишь вещей первой необходимости. Мы обладаем огромными запасами полезных ископаемых, огромными территориями, Китай — людскими ресурсами, США — деньгами — чья экономика более развита? На каком временном отрезке? В условиях какого состояния мира делаются подсчеты? Чьими специалистами?

Когда место государства на мировой арене определяет очень большое количество параметров, оценка которых носит зачастую субъективный характер, огромное значение приобретает позиционирование государства. Механизмов позиционирования множество. Это и СМИ, и культура, и уже упомянутая экономика, военные и иные показатели.

Рассмотрим систему образования России как механизм позиционирования страны в рамках межгосударственных отношений.

Важность такого подхода впервые осознали англичане, а утерю привилегий, с доминированием в этой области связанных, — французы. В России эта закономерность иллюстрируется тем, что сто пятьдесят лет назад считалось хорошим тоном держать французскую гувернантку для обучения детей языку, а сегодня — отдавать детей в языковые английские школы и посылать их обучаться в английские институты. Россия также много потеряла в результате англизированнойности мира. В области науки: около 40% мирового объема публикаций было на русском языке, а теперь их доля снизилась в десятки (!) раз. Русский перестал быть языком научного мира, и это говорит о нашей деградации ярко и беспощадно. Русская культура утрачивает свои позиции. Однако и в случае с наукой, и в случае с культурной процесс является обратимым. И подтверждающий пример тому — та же англоязычная цивилизация. Распад Британской империи сопровождался не меньшими потрясениями, чем

распад Советского Союза и мировой системы социализма. Но англичане, передав эстафетную палочку США, преодолели кризис и позиционировали себя в современном мире еще более убедительно. Сделать это удалось (помимо благоприятной экономической и политической ситуации, сложившейся в результате Второй мировой войны, что уже рассматривалось исследователями многократно) благодаря использованию в науке и культуре возможностей, связанных с описанными Х. Ортега-де-Гассетом процессами исчезновения аристократии, с приходом в мир науки и культуры масс. Позитивные и негативные последствия этого огромны. Позитивные заключаются в том, что общий уровень цивилизованности человечества возрастает, и это в дальнейшем даст возможность нового культурного и научного прорыва — ведь процесс формирования новой аристократии уже в разгаре. Негативные последствия также очевидны: если уровень цивилизованности масс вырос, то, соответственно, снизился уровень культурных и научных достижений отдельных представителей человечества.

Что способствовало формированию англоязычной культуры в мире?

1. В области культуры массы востребовали англоязычную кинопродукцию, кинофильмы голливудного производства, которые удовлетворяют низменным потребностям обывателя. Американская кинопродукция — мощный инструмент продвижения американских ценностей. Эти фильмы помогали в холодной войне с СССР, показывая русских как Имерию Зла (до сих пор в голливудских фильмах мы — злобные дикари, а они — герои). Эти фильмы сглаживают внутренний конфликт США между белыми и неграми. Эти фильмы рекламируют американский образ жизни, делают привлекательным все американское и англоязычное. В эволюционно-поведенческом подходе их фильмы значительно лучше усваиваются массами, так как отправной их точкой является индивидуализм, и просмотр фильмов — дело индивидуальное, а зритель, находясь в сфере воздействия индивидуальных регуляторов, значительно лучше воспринимает героев-индивидуалов и гораздо хуже — более сложные российские и французские фильмы с противоречивыми героями и сложностью выстроенных отношений. Таким образом англоязычная культура овладевает массами.

2. Именно англоязычное общество впервые породило слой людей, создавших оторванную от реальностей мира псевдокультуру. Впрочем, в России нашлось немало ее последователей. Это группа

людей, не способных к науке, производству и творчеству, но считающих себя элитой мира культуры, обладает огромной деструктивной силой. В СССР подобная псевдокультура находилась под запретом или, по меньшей мере, не поддерживалась государством. На Западе — напротив. Не удивительно, что эта деструктивная сила, существующая на границе нормы и патологии, получила антироссийскую ориентацию.

Таким образом, у нас в СССР культура была направлена государством на развитие масс, а проявление деятельности неадекватной части интеллигенции подавлялось; на Западе же, в англоязычном мире, существовала культура, удовлетворявшая интересам масс, энергия различных модернистов была направлена против идеологического врага. Подобное положение вещей привело к доминированию в мире англоязычной культуры, использующей, вдобавок ко всему, англоязычные каналы СМИ.

Подобное рассуждение проводится с точки зрения политико-центризма, но культура имеет, как и каждая вещь или явление, и самодостаточную ценность. Можно говорить, что в СССР культура создала шедевры, превышающие англоязычные аналоги XX в. Произведения Платонова, Булгакова, Набокова; поэзия Бродского; кинофильмы Тарковского, театр Товстоногова, балет — я называю лишь лучшее и лучших. Если рассматривать культуру как совокупность гениальных произведений, то в Советском Союзе ее уровень значительно превышает западные аналоги. Если говорить о культуре как об условиях жизни людей, являющихся или причисляющих себя к создателям — творцам, то на Западе они, безусловно, выше. Сегодня, т. е. после перестройки и распада Советского Союза, условия жизни людей культуры поднялись на более высокий уровень, а уровень произведений культуры снизился.

Похожая ситуация и в науке. США предоставляют возможность заниматься наукой всем желающим. Дрейф научных работников всего мира в США переводит науку в англоязычную зону. В большинстве стран-доноров это негативно характеризуется утечкой мозгов. На самом деле задача состоит не в том, чтобы препятствовать этому процессу, а в том, чтобы использовать его во геополитическое благо. Мы видим здесь повторяющуюся в очередной раз, но на ином уровне, эволюционную процедуру смены лидера. Схема проста: какое-то государство достигает преимуществ; затем оно почищает на лаврах, а не имеющие сравнимых экономических благ соседи постепенно ослабляют его и захватывают лидерство. Мы, безус-

ловно, заинтересованы в том, чтобы наши ученые жили хорошо в экономическом плане. Россия должна тратить свои деньги на поднятие уровня жизни и создание возможности трудиться лучших своих специалистов, обеспечивающих научный прорыв и первенство в наиболее перспективных областях: аэрокосмоса, биотехнологий, социальных технологий. Необходимо развивать математику, компьютерное моделирование, другие подобные отрасли, обеспечивающие НТР. И мы должны способствовать проведению большинства гуманитарных и естественнонаучных исследований за чужие деньги. Наши специалисты, уезжая на Запад, поневоле привлекают туда фрагменты менталитета и культуры России. Необходимо создать условия для возвращения этих специалистов на родину после нескольких лет или десятков лет работы за рубежом. Для этого можно создать и экономические, и политические, и психосоциальные предпосылки. Россия должна стать экспортером носителей знания, причем действовать нужно приблизительно так же, как в области экспорта оружия: самые лучшие разработки оставлять себе, а экспортировать им уступающие, но находящиеся выше мирового уровня товары. Рассмотрим этот вопрос более подробно.

Государство, обязанное прежде всего обеспечивать свое существование, интересы граждан государства и всех социальных слоев и групп, а также частные лица, влекомые стремлением получать экономическую выгоду и прочие преимущества, могут для достижения своих целей эффективно формировать и использовать систему образования и науки. Кроме запасов угля и руды Россия располагает огромными интеллектуальными запасами. Следует лишь грамотно использовать их. Механизм приблизительно таков.

1. Спрос на специалистов высокого уровня за рубежом касается прежде всего:

- а) выпускников имеющих известность вузов России;
- б) кандидатов и докторов наук, зарекомендовавших себя публикациями или работой в известных российских научных центрах.

Государство должно обеспечивать и контролировать подготовку специалистов такого уровня на стадиях, предшествующих получению ученых степеней и рабочих мест в современных исследовательских центрах.

2. Самим носителям знания должна быть, безусловно, выгодна помощь государственных и частных фирм и организаций подобного рода. Сегодня существуют западные структуры с российскими филиалами, обеспечивающие процесс перехода российских уче-

ных на Запад в той форме, как это выгодно Западу. Любой специалист в практически любой области науки в России, достигнув некоторых успехов, может получить предложение работать за рубежом. Мы научились с выгодой продавать нефть и газ; с выгодой торгуем хоккеистами и другими спортсменами. И лишь ученые уходят за гроши. А ведь денег на подготовку ученого тратится не меньше, чем на подготовку того же хоккеиста, от продажи которого федерация получает прибыль.

Должен быть разработан закон, обеспечивающий права государства при переходе исследователя на работу в другое государство. Причем закон этот должен быть выгоден исследователю. Помощь в решении юридических, организационных вопросов; возможность продолжения карьеры на родине — областей возможного сотрудничества ученого и государства множество.

3. Должна быть создана система отбора наиболее талантливых людей в школах, на предвыпускном институтском уровне, а также по итогам реальной научной работы. Эта система должна выявлять лучших специалистов и самых перспективных обучающихся с тем, чтобы им было предложено место для работы в России. Люди, попадающие в государственную систему отбора, должны иметь лучшие условия для работы. Разумеется, это касается специалистов в стратегически важных областях. Сегодня уровень развития психологии и социологии таков, что позволяет довести погрешность при отборе одаренных обучаемых и специалистов до экономически выгодного уровня.

4. Должна быть проведена мощная рекламная кампания по продвижению на мировой рынок наших специалистов. Для этого кроме общепринятых следует использовать некоторые специфические способы. Научные контакты всех уровней — между школами, институтами, научными центрами, с выдачей совместных дипломов и аттестатов; научные стажировки; участие и проведение международных конкурсов в различных областях и т. д. Следует ввести практику кредитования обучения. Да, с момента выдачи кредита до момента его возврата пройдет много времени. Это не так выгодно, как прокручивание бюджетных денег! Но мне кажется справедливым создание системы обучения, в которой при всеобщем равном бесплатном школьном образовании учащиеся, продемонстрировавшие определенный уровень знаний, получали бы государственные дотации на образование в вузах. Это решило бы множество проблем, прежде всего позволило бы нашим вузам улучшить условия образовательного процесса, что, в до-

бавление к традиционно высокому уровню собственно преподавания, сделало бы наши вузы не просто конкурентоспособными, а имеющими преимущество на мировом рынке.

Вполне очевидная мысль: если сегодня во главу угла ставится экономическое благополучие человека, то отрасль (система образования), позволяющая человеку достичь этого благополучия единственно цивилизованным путем — не получить в наследство, не украсть тем или иным способом и т. д., — должна стать процветающей. Так обстоят дела за рубежом. А мы только-только начинаем задумываться о промышленной разработке наших интеллектуальных залежей, которые сегодня вывозятся от нас, как слоновая кость из Индии, пряности во времена Колумба или золото из Мексики времен Конкисты. Я уже писал, что у России две высочайшие ставки в будущем: территория и интеллект. Но территории не возобновляются, а интеллект — вещь воспроизводимая. Так что образование — перспективнейшая отрасль экономики.

Сегодня во мнении Запада, сформированном еще во времена холодной войны, Россия — страна моржей и белых медведей, где гнусно убивают маленьких, но гордых чеченцев. Эти взгляды активно поддерживаются специалистами НАТО, которые совершенно справедливо полагают, что без Империи Зла их существование в глазах западного обывателя ничем не оправдано. Продвижение нашей науки как в страны Запада, так и на другие континенты может изменить это мнение. И, в конечном счете, продвижение наглей науки в Китай, Индию, Корею, страны Южной Америки и Африки гораздо важнее контактов с Западом. Именно жители стран, не принадлежащих к англоязычной цивилизации, должны иметь возможность пройти в России обучение. Именно на установлении контактов со странами третьего мира должна быть основана политика нашего государства в области образования, если мы хотим превратить нашу систему образования в высокорентабельную область. Именно в этих странах наша политика может достичь успехов в противостоянии политике Запада. А противостояние это неизбежно, его никто не отменял. И главные столкновения в системе Запад — Восток, увы, еще впереди.

Следующее, о чем следует вести речь, рассуждая о роли системы образования в России, — это обеспечение социодинамических процессов внутри России.

Система образования — фактор стабилизации нашего общества. Но оно также является механизмом, причем находящимся в

сфере государственного контроля, позволяющим манипулировать психосоциальными факторами в стране таким образом, чтобы сформировать мощные социальные течения, направленные на компенсирование того ущерба, который Россия понесла в ходе перестройки. На получение трансгосударственных и транснациональных преимуществ.

Примером работы в этом направлении является реализация проекта психолого-педагогической работы с интеллектуально одаренными подростками, проводящиеся в Санкт-Петербурге начиная с 1990 г. нашим Социально-психологическим центром. Некоторые элементы программы я описывал в «Психотренинге», вышедшем в свет в 1996 г. С тех пор программа развивалась, дополнялась, трансформировалась. Надеюсь, что когда-нибудь мне удастся убедить коллег по реализации проекта Д. И. Ежова и И. Г. Большакову написать книгу, так как в процессе работы получены очень интересные материалы и по зависимости форм интеллектуальных проявлений школьника и его отношений в семье, и по специфическим способам поведенческой адаптации интеллектуально одаренных подростков, и по особенностям существования феномена интеллекта в его наивысшем проявлении в социальной группе школьников и студентов. Но они (коллеги) слишком увлечены прикладной стороной вопроса, а мне самому публиковать результаты совместной работы представляется неэтичным. Так что ограничусь рассмотрением вопроса о работе с интеллектуально одаренными старшеклассниками и студентами в рамках этой главы.

Любая система образования направлена на то, чтобы в определенной мере стандартизировать интеллектуальные проявления обучаемых. Любое общество занимается тем, что стремится канализировать и синхронизировать поведение своих членов. Таким образом обеспечивается возможность социальной формы существования людей. Стандартизируя поведение, отсекая крайние его проявления, государство обеспечивает стабильность своего существования. Стабильность, разумеется, ограниченную временными рамками планирования государства. Отметим, что временные рамки планирования в условиях демократической формы управления уменьшаются до одного-двух сроков конституционно разрешенного времени нахождения у власти руководителей государства. Диспропорции, накапливаемые за более продолжительное время, могут разрушить стабильность, если этому будут способствовать объективные обстоятельства.

История демонстрирует нам примеры глубоких потрясений, охватывающих государство, в случаях как с недостатком носителей интеллекта, так и с его избытком. В качестве примера можно привести злоупотребление алкоголем в Советском Союзе, что было связано с несоответствием высокого уровня интеллектуального развития населения и низким уровнем востребованности этого ресурса. Обратный пример — ЮАР, где в результате исчезновения интеллектуального системообразующего фактора — белого населения — возникли большие проблемы. Множество ярких примеров дают наши бывшие союзные республики, прежде всего азиатские; Афганистан с его талибами, ряд стран Африки. Но угроза, связанная с недостатком интеллектуальных кадров, реальна не только для стран третьего мира. И Австралия, и США, и Канада, а в последнее время и страны Европы поощряют приезд на работу хорошо подготовленных научных специалистов из других стран. Происходит носящее планетарный характер перераспределение интеллектуальных ресурсов. Параллельно с ним, отчасти обуславливая его, а отчасти будучи обуславливаемым, происходит и планетарное разделение труда: в странах с высокой концентрацией интеллектуальных ресурсов — высокотехнологичное производство, прежде всего управленческие функции; деятельность, связанная с виртуальной реальностью, и т.д. В государствах более отсталых — производство и сельское хозяйство, обеспечивающие базовые жизненные потребности. Процесс перераспределения интеллектуальных ресурсов планеты с их концентрированием в определенных регионах обеспечивается многими экономическими и психосоциальными факторами, а также общим усложнением научных исследований.

В рамках темы каждое государство может рассматриваться как поставщик на мировой рынок интеллекта, персонифицированно — в его носителях. Россия в данный исторический момент, а особенно в последние годы существования СССР производила высокоинтеллектуальные кадры. Сегодня мировые рынки открылись для нашего экспорта в этой области, но и государственная система в целом, и система образования в частности перестраиваются в должном направлении крайне медленно, практически никак. И экспорт интеллекта остается либо личным делом его носителей, либо плодом активности зарубежных импортирующих структур.

В рамках программы работы с интеллектуально одаренными учащимися старших классов мы проводили тестирование школьников всех возрастных групп батареями тестов, что, помимо всего

прочего, позволило выявить статистику затухания интеллектуальных и креативных функций учащихся.

Среди старшеклассников статистически значимо снижается количество учащихся с превышением средних значений интеллекта от 1,5а, а особенно этот процесс виден в лонгтюдитальных исследованиях выборки от 2ст и выше. Основных причин две: усредняющее влияние школы и внешние воздействия, воспринимаемые учащимся в соответствии с принципом доминанты Ухтомского, находящимся в основе целенаправленного активного характера поведения. Приношу извинения за неряdochположность приведенных причин, одна из которых относится к педагогике, а вторая, скорее, к нейрофизиологии и уже через нее к психологии и далее. Приходится анализировать и делать выводы, опираясь на исследования в различных областях, и не всегда просто свести их воедино в рамках одного подхода. Эти две причины, проявляясь во многих микро-воздействиях, представляют собой социальный фильтр, ограничивающий количество интеллектуально одаренных людей до социально приемлемого уровня. Сегодня, т. е. в начале III тысячелетия, предприняты некоторые попытки воздействовать на систему образования в плане индивидуализации обучения, но политическая и экономическая составляющие государственной жизни привели к трансформации этих начинаний: гуманизация обучения вылилась в отказ от математики и во введение ряда странных предметов и курсов, а желание находить индивидуальный подход к каждому ученику разбилось о снижение мотивации преподавателей в связи с ухудшающимися условиями труда. Что же касается целенаправленного активного характера поведения, то первые годы перестройки недвусмысленно показали в качестве областей, в которых можно добиться успеха, рэкет, проституцию, наркоторговлю и т. д.

Процесс утраты интеллектуальных и креативных качеств в большинстве случаев протекает в связи со сложностями социальной адаптации на новом возрастном этапе ученика. По мере взросления возникает необходимость решения материальных проблем, проблем контактов с людьми противоположного пола и т. д. Часть интеллектуально одаренных приходит к мысли, что интеллект не способствует решению этих задач.

Если мы (я имею в виду государство) хотим развиваться опережающими темпами, то мы должны предпринять ряд усилий, препятствующих факторам, вызывающим снижение интеллектуального потенциала учащихся и студентов. А его избыток следует пред-

ложить на планетарном рынке, что будет способствовать нашему позитивному позиционированию.

В современных условиях в качестве механизмов, призванных в некоторой степени решить эту задачу, я предлагаю программу работы с интеллектуально одаренными старшеклассниками, с одной стороны, и использование методов планирования карьеры — с другой.

Первая сводится к проведению с отбираемыми в 9-х классах общеобразовательных школ интеллектуально одаренными учащимися специальных занятий в двух формах:

1) социально-психологический тренинг, направленный на развитие интеллектуальных и креативных способностей учащихся, на повышение уровня их коммуникативной компетентности, на обучение навыкам самоконтроля в эмоционально-волевой сфере;

2) лекционно-семинарские занятия, в ходе которых специально подготовленные преподаватели читают лекции на темы, находящиеся на переднем крае научного мышления, сформировавшие современное научное мышление: теория вероятности; теория относительности; эволюционная теория; современные физические представления; современные социальные представления; биология; астрономия и т. д.

Все занятия и тренинги являются дополнительными к обычному школьному курсу обучения, что позволяет и сформировать среду, требующую от учащихся предельного напряжения интеллектуальных сил, и не впасть в крайность изолированного элитарного обучения со всеми его негативными чертами, вытекающими из разрыва с естественной социальной средой.

Метод планирования карьеры воплощается, с одной стороны, в психологическом давлении с целью максимального увеличения времени планирования учащихся, а с другой — в предоставлении им соответствующих возможностей, для чего создаются крепкие связи между участниками программы, высшими учебными заведениями, фирмами, имеющими возможность предоставить интеллектуально одаренным учащимся интересную работу по избранной специальности.

Планирование карьеры — перспективная область менеджмента. В настоящее время используется преимущественно в фирмах высокотехнологичных отраслей и сводится к заключению между отделом кадров фирмы и работником соглашения о тех условиях и достижениях, которые должен выполнить и продемонстрировать работник для того, чтобы фирма выполнила свои заранее оговари-

ваемые обязательства по увеличению зарплаты, продвижению по служебной лестнице, предоставлению определенных преференций.

Большинство людей даже в России, где традиционно стремление к вольнице, страдает из-за отсутствия уверенности в завтрашнем дне. Целесообразно разработать и предоставить гражданам несколько десятков (в плане эксперимента) или сотен сценариев, где государство честно ставило бы ряд требований к человеку и брало на себя гарантию по выполнению ряда условий. В сущности, это и делается уже давно во всех странах, но в самой общей форме. Так, гарантируется право на образование, право на труд, право на пенсионное обеспечение. В некоторых же отраслях позиции прописаны четче. В армии, например, существует практика присвоения званий по выслуге лет, существует понятие соответствия звания должности, существует известная всем зависимость между званием и зарплатой и т. д.

Следует осуществить сценарий:

1) определить направления деятельности, наиболее необходимые России в современных условиях с учетом специфики протекания планетарных процессов;

2) провести исследования, позволяющие с определенной степенью точности дать ответ на вопрос, какова должна быть степень подробности предлагаемых планов карьеры для того, чтобы формировалась адекватная мотивация к достижению, но не подавлялась инициатива и активность работника;

3) создать структуры и механизмы, обеспечивающие выполнение долгосрочных договоров между государством и человеком.

Таким образом, мы сможем выделить три следующие подсистемы, квалифицированные по интересам государства и психосоциальным качествам граждан.

1. Зона свободного предпринимательства и рыночных отношений, где мало что гарантировано, а инициатива и активность граждан регламентируются со стороны государства законами.

2. Перечень необходимых государству отраслей, где требуется следовать правилам и гарантируется набор социальных и экономических благ.

3. Все остальные области.

Сегодня важно, чтобы продвижение людей по службе зависело не от родственных связей или умения угождать начальству, а от выполнения некоторых, заранее прописанных и поддающихся гласной проверке условий и заданий.

Механизм планирования карьеры должен начинать работать в школе и связывать воедино школу, вуз или иное учебное заведение, госучреждение или иного работодателя, должен предусматривать периодическое прохождение сотрудником курсов повышения квалификации. В рамках плана должны быть учтены и вопросы здравоохранения, и проблемы демографической ситуации. Многое из того, о чем я говорю, существовало в той или иной форме в социалистическом Советском Союзе, и поэтому главное возражение потенциальных оппонентов в том, что все это уже было и привело к печальному результату. Отчасти это верно, но задача решается по пути оптимального сочетания рынка и плана. Отказавшись от планирования, мы можем оказаться захлестнутыми стихией рынка в условиях, когда плановая деятельность капиталистических стран идет по нарастающей. Возможности планирования сегодня значительно выросли с достижениями в экономической науке, в математике, в кибернетике. Математическое моделирование во многих отраслях стало адекватной заменой реальности. Степень спонтанности и непредсказуемости рынка должна быть спланирована заранее.

Современная система образования России должна сохранить в себе все то хорошее, что накоплено в педагогике, но не быть чуждой умным и своевременным новациям.

Глава 12

Средства массовой информации

Становление средств массовой информации как фактора, обеспечивающего массовидную регуляцию социума. Деформирование доносимой посредством СМИ информации. Методы психологической защиты тележурналистов; личностные деформации, обусловленные их профессиональной деятельностью. Конфликт на НТВ весной 2001 г. в свете следствий эволюционной теории поведения

В последние десятилетия первенство среди двигателей социального прогресса явно переходит от реальных стимулов к виртуальным.

Умные головы обнаружили посредника между каждым человеком и любой социальной конфигурацией, с одной стороны, и окружающим миром с его реальными материальными благами или их отсутствием — с другой. Этот посредник — наша психика со всеми особенностями ее функционирования. В дополнение к обычным средствам воздействия, применявшимся до эпохи диалектического материализма, появились новые, не зависящие от всяких мелочей и глупостей вроде реально существующих предметов и событий. Конечно же, я говорю о средствах массовой информации. СМИ оказались в роли принципиально новой управляющей силы неожиданно для самих себя; зародившись в недрах старого мира, уже затем они отряхнули его прах со своих ног.

Первоначально СМИ в форме газет были приспособлены для достижения двух целей: развлечения почтеннейшей публики и информирования ее. В плане эволюционной теории поведения СМИ коренным образом деформировали ролевую структуру государства.,

Если прежде информация от руководителей до подчиненных доводилась через многоступенчатую структуру передаточных звеньев, то теперь, с появлением газет, осталось лишь одно промежуточное звено: издатель газеты. Классическая схема передачи информации с участием СМИ выглядит лаконично (рис. 31).

Рис. 31. Схема передачи информации с участием СМИ.

Преимущества такой схемы несомненны: во-первых, информация доходит от руководителя до обывателя гораздо быстрее; во-вторых, она не подвергается воздействию «испорченного телефона». И это очень важно. Те из вас, уважаемые читатели, кто имеет отношение к психологии, принимали участие, вероятно, в этой игре, которая часто используется в тренингах либо в разминке, либо, в тренинге ведения переговоров, например, в основной фазе занятий. Но и те, кого судьба уберегла от участия в подобных мероприятиях, вспомнят, наверное, как играли в детстве в такую игру. Испорченный телефон — это игра, когда один из ее участников говорит другому на ухо какую-то фразу так, чтобы никто не слышал. Этот второй участник, в свою очередь, передает ее следующему, но своими словами, и так далее, пока фраза вновь не вернется к ее пославшему. И далеко не всегда он способен узнать свою первоначальную фразу, трансформировавшуюся в процессе 10-15 передач в цепочке. Информация имеет тенденцию к искажению. Существует огромное количество вариантов этой игры; очень интересные результаты удастся получить в условиях, когда каждый последующий участник цепочки должен передавать не ту же самую фразу, а прямо противоположную по смыслу. В зависимости от параметров передаваемой информации и методов оценки тождественности цепочки участников, насчитывающая в стандартной тренинговой группе 12-15 человек, от начала игры до того, как первоначальная фраза полностью исчезает, сокращается зачастую более чем наполовину. А иногда уже третий играющий слышит такое, что не имеет к ис-

ходной информации ни малейшего отношения. Именно такая разновидность игры в испорченный телефон является реальным аналогом передачи информации от руководителя (царя, императора, президента и т. д.) до рядового гражданина, ведь многочисленные сановники, помощники, чиновники и др. в очень значимой степени отличаются друг от друга и в личном отношении к информации, передаваемой во фразе, и в интеллектуальном отношении, и по многим другим параметрам психики/^оме^БЕ^и сами слова не являются абсолютно точными аналогами предметов, явлений и действий, с ними отождествляемыми, и при передаче накапливается чисто механическая ошибка.

^появлением газет «испорченный телефон» должен был бы практически исчезнуть. Ноша смену бессознательным, объективно возникающим при передаче информации ошибкам, в сумме имеющим зачастую большую величину, постепенно приходят ошибки сознательные, сознательные искажения, которые способны достигать не меньших значешшЛЧздатель начинает осознавать, что именно он один заменяет всю многочисленную рать чиновников, что именно он один несет слово руководителя в массы, W в' результате появляется огромное количество способов и приемов сознательного искажения первоначальной информации. Кроме того, личность издателя в силу занимаемого им определенного положения подвергается некоторым деформациям, которые вносят в информацию искажения непреднамеренные, но тенденциозные. И тенденцию эту можно просчитать, изучив психологические особенности издателя и специфику его включенности в триаду «руководитель—издатель—потребитель».

Издатель получает возможность эффективно и целенаправленно изменять информацию, получаемую от руководителя. Естественно, в ряде случаев это используется. И, как показывает практика, чем дальше, тем больше.

Но это только первая стадия эволюционирования способов передачи информации посредством СМИ. Далее картина значительно усложняется.

—Я-уже писая-, -чте-гееударство деформирует лежащую в его основе ролевую управленческую структуру, прежде всего лишая лидеров малых групп их ролевых ниш. Лидеры либо приобретают новые качества (вместо абсолютно лидерских — умение встраиваться в иерархическую структуру и демонстрировать также навыки подчинения), либо борются за возможность реализации своих лидерских потребностей. А так как число рождений лидеров — вели-

чина приблизительно постоянная, то любое иерархически организованное государство испытывает давление ролевых лидеров снизу приблизительно одинаковое.

Промежуточный вывод: сила государственных структур должна превышать силу воздействия лидеров, направленную на получение свободных лидерских ролевых ниш, в ином случае государство разрушается. Государство пользуется в данном случае двумя основными приемами: увеличивает давление на лидеров (путь тоталитарных режимов) или предоставляет лидерам адекватные ролевые ниши (демократические режимы). Имеются в виду ниши избираемых депутатов, частных предпринимателей, бандитов и т. д.

В любом случае лидеры не могут оставить без внимания тот факт, что есть такие люди (издатели), которые фактически могут присвоить себе роль говорить от имени руководителя.

Существует несколько способов, которыми лидеры, противостоящие государству, используют возможности СМИ. Например, можно получить влияние на редактора или самому стать редактором и говорить все, что считаешь нужным, от имени руководителя. И таким способом воздействовать на потребителя в достижении своих целей. Можно самому создать газету и от своего имени доносить до потребителя все, что считаешь нужным, ведь при использовании СМИ никакая многоступенчатая государственная структура для донесения информации практически не нужна. Наша первоначальная схема приобретает усложненный вид (рис. 32).

Государство, понимая опасность потери монополии в донесении информации до рядового потребителя, вводит звено цензоров,

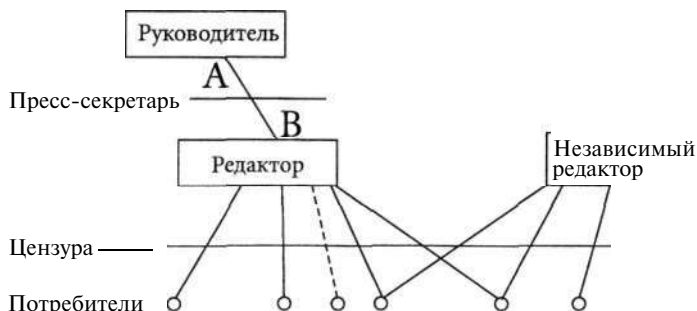

Рис. 32. Схема передачи информации через СМИ с включением звена цензоров.

имеющих право разорвать поток информации на отрезке между издателем и потребителем, а также аппарат пресс-секретарей, которые передают издателю от имени руководителей информацию, определенным образом подготовленную. Также государство пытается установить личностный контроль за издателем, материально заинтересовывая его, приближая к руководителю (т. е. сокращая расстояние АВ — см. рис. 32), вводя систему наказания за искажение информации (если оно направлено против интересов государства); пытается установить ролевой контроль над издателями, объединив их в ассоциации, различные союзы журналистов и т. д. Лидеры, в свою очередь, пытаются обеспечить им финансовую и иную независимость, воспрепятствовать силовому воздействию на них государства. Государство создает контролируемые системы доставки газет к читателю, лидеры пытаются создать свои структуры донесения и т. д. Структура донесения информации до потребителя при помощи СМИ очень усложняется, но вместе с тем очевидно, что СМИ — это совершенно иной, альтернативный государственно-структурному способ донесения информации. И если в основе государственного способа лежат ролевые отношения, то в основе способа СМИ лежат массовидные отношения, когда большое число потребителей получает одновременно одинаковую информацию. И -Эддц-ОЧ€Ъ-важно.

Позиция издателя является ключевой не только потому, что именно он определяет, какую информацию донести до потребителя, но и потому, что руководитель получает по системе обратной связи мнение народное не непосредственно, а читая газеты, которые, как принято считать, его наиболее адекватно отражают. На деле это, конечно же, не так, но подобная точка зрения все же имеет распространение, ведь СМИ затратили колоссальные усилия для того, чтобы убедить всех: и руководителей, и потребителей — в своей объективности и беспристрастности. С момента выхода первой газеты ситуация значительно изменилась и сегодня выглядит следующим образом.

При прохождении информации снизу вверх она претерпевает несколько этапов коррекции. Отметим, что в силу ряда очевидных причин в газеты обращаются люди определенного психологического склада. Как правило, это люди с преобладанием эмоций над логикой; с интеллектом, достаточным для написания статьи, но недостаточным для системного видения ситуации. Зачастую обратиться в газету их побуждает обида, неудача, проблемная ситуация, в которую они попали. Как правило, эти люди недовольны действия-

ми государственных структур, поэтому и обращаются в газету в поисках защиты со стороны четвертой власти. Это первая фаза искажений при сборе и передачи информации снизу вверх. Вторая фаза — журналисты. Они занимаются прежде всего теми вопросами, которые считают более значимыми, что является свойством каждого человека. Но сами журналисты, ОЧ«*тподройнг-^и[Bl,eIde.асажем, обладают преимущественно определенным, далеким от среднестатистического психологическим профилем личности, что делает подаваемую ими информацию тенденциозной.

Редактор зачастую обладает возможностями определения позиции своей газеты в целом, но чаще он вынужден выполнять волю владельца газеты, от которого в условиях рыночной экономики и демократии зависит само существование газеты и всех связанных с ней людей. В настоящее время владельцы газет рассматривают сей печатный продукт как орудие в борьбе за достижение иных своих целей, помимо правдивого освещения событий. В том же редком случае, когда газета является независимой, редактору приходится призывать своих сотрудников ориентировать свои материалы на интересы какой-либо определенной социальной группы, члены которой подписываются на газету, покупают ее в розничной торговле и тем самым обеспечивают ее экономическое выживание.

Руководитель, не способный до конца избавиться от воздействия внедренной СМИ легенды о правдивости и объективности публикуемых материалов, пытается ввести фильтры, отсеивающие недостоверную и незначительную информацию, с тем чтобы изучать лишь сухой остаток. Для этого существуют специальные группы людей, которые при помощи контент-анализа и других более или менее известных приемов готовят для руководителя обзоры прессы. В России сегодня по таким обзорам можно лишь сделать вывод, какая группа информационных олигархов какую тему общественной жизни муссирует для достижения собственных целей.

В прессе так называемых развитых стран Запада ситуация аналогичная, только методы несколько более тонкие, так как информация тенденциозно подается в интересах не только государственных, но и планетарных структур. Масштабнее объемы — изощреннее приемы. Однако ничего совершенно нового мы здесь не видим. Германская пропаганда периода Второй мировой войны ничем принципиально не отличается от информационной компании США во время их агрессии против Югославии. Но различия в технологиях конечно, значительные.

Сегодня картина искажения информации по линии обратной связи через СМИ такова.

1. Появление авторов из числа потребителей информации не является их репрезентативным срезом.

2. Дополнительные искажения вносят журналисты в силу особенностей своего характера.

3. Информация определенным образом формируется в интересах владельцев газет.

4. Руководители при помощи аналитических служб пытаются отфильтровать основные затрагиваемые различными СМИ темы.

5. Руководитель получает обзор, из которого можно сделать вывод о том, какую тему выгодно затронуть той или иной финансово-информационной группе.

Кроме того, конечно же, ведется борьба за влияние на аналитиков, которые готовят информацию руководителю, с целью управления потоком информации и на этой стадии. Борьба эта сегодня в России ведется с переменным успехом.

Конечно же, государство пытается на всех уровнях снизить влияние редакторов и владельцев изданий на СМИ, заменив его своим, а информационные империи пытаются воздействовать на государство. Полученная сложная динамичная сеть представляет собой хитросплетение векторов и сил, в которой специалисты, однако, разбираются сегодня достаточно хорошо. И ни одно важное государственное мероприятие, равно как и акция лидеров против государства, не обходится без информационной войны^{^^^} _____[^]_____^{'''}

Любопытно отметить, что газеты, как структуры, призванные демократизировать общество, сегодня объединились в информационные империи (никогда не слышал термина «информационные парламентские республики», например), немало способствовав превращению ряда империй в демократии. Руководители же государств, вынужденные определенным образом изменить формы своего управления с учетом наличия СМИ, получили дополнительный механизм, позволяющий управлять подчиненными с помощью использования регуляторов массовидного поведения.

Однако добавлю, что в настоящее время газеты, вынужденные все дальше и дальше уходить от правды и объективности в силу нарастания манипулятивной деятельности их владельцев, теряют своих подписчиков, так как людей можно обманывать лишь до какого-то предела.

Работы над тем, как отодвинуть этот предел или преодолеть его вовсе, ведутся. На смену газетам пришло телевидение. На смену ста-

ть и листовке пришли заказные клипы, спектакли. О кинофильмах я уже не говорю! Интересы государств оказываются в этом грандиозном манипулятивном потоке в ряде случаев вторичными перед интересами глобальных финансово-информационных структур. Коммунисты могли бы радоваться реализации ленинского тезиса об отмирании государства, но они не в такой форме это себе представляли. Сегодня мы видим как попытки государства противостоять натиску информационных магнатов, так и негативное восприятие СМИ все более значительной частью населения, т. е. потребителей информации. Очень похоже на большинство исторических процессов: СМИ возникли как контрольно-пропускной пункт между государственной властью и населением, научились и стали все мощнее влиять на оба этих лагеря и встретили противодействие обоих. Двое дерутся — третий не мешай. Впрочем, картина безусловно сложнее, и эти три силы и противодействуют, и вступают в локальные временные союзы; схватки распадаются на миллиарды и миллиарды поединков — словом, все как всегда в историческом эволюционном процессе.

В России периода перестройки произошла интереснейшая трансформация прессы, от анализа которой невозможно удержаться. Рассмотрим лишь основную линию с минимумом примеров.

Журналисты доперестроечных времен были весьма уважаемыми людьми. Их фамилии были на слуху, они были вхожи в высокие кабинеты. Ни одна статья не оставалась без пристального рассмотрения партийных и советских органов, и зачастую опубликованные корреспондентом материалы были основанием для расследования дела компетентными органами, стимулировали сильную реакцию руководящих структур и т. д.

Люди видели действенность газетных выступлений и часть заслуги за это возлагали, и совершенно справедливо, на смелых и принципиальных корреспондентов. Газеты выходили огромными тиражами, о которых сегодня карликовые издания могут лишь мечтать, и все равно на некоторые, наиболее популярные издания подписаться было трудно.

На самом деле случаи, когда корреспондент на свой страх и риск публиковал материалы, идущие вразрез с основной линией партии, можно по пальцам пересчитать. Это было практически невозможно. Цели для смелых обличающих статей и вдумчивого анализа корреспондентам подсказывали совсем иные люди. Они же удерживали работников пера от затрагивания nereкомендуемых тем. Таким

образом, сами корреспонденты с жизнью не сталкивались, не изучали ее во всех аспектах. Главное для них было — взять тему и облечь ее в слово. И связка «реалии — корреспондент» была гораздо слабее, чем устойчивая единица «корреспондент — слово». Корреспонденты, понимая такую ситуацию, имели по этому поводу ряд различных мнений.

Некоторые считали, что они являются звеном единой цепи, и их дело — качественно и грамотно освещать предлагаемые руководящими органами темы. Такая позиция позволяла людям, искренне ее исповедующим, сохранять самоуважение и совершенствовать свое профессиональное мастерство. К сожалению, количество таких корреспондентов стало уменьшаться вместе с разрастанием другого процесса: не подходящий к условиям новой реальности механизм отбора людей во властные структуры стал генерировать на должности партийных руководителей, работавших со СМИ, людей, не способных исполнять свои обязанности или сильно смещавших акценты от государственных к личным. И корреспонденты, привыкшие уважать себя за работу на общее дело, вновь разделились на: а) тех, кто терпел; б) тех, кто пытался бороться; в) тех, кто решил, что он-то уж в любом случае справился бы лучше с самостоятельной разработкой и выбором тем, чем те дебилы, которые им руководят.

Терпеливые сегодня работают в некоторых коммунистических газетах, вынужденные довольствоваться жалкими крохами своего прежнего величия. Те, кто пытался бороться, были вычищены из партии, из газет и либо изменили свою профессию, либо перешли в стан демократов, либо... впрочем, ответ этой группы корреспондентов на вызов столь диффузен, что все вероятные реакции трудно рассмотреть. И наконец, те, кто решил самостоятельно выбирать себе темы, составили ту славную когорту, которая и обеспечила перестройку. «Известия», «Огонек», «Комсомолка» разнесли на куски наше прежнее представление о прессе. Они стали зубастыми, они стали интересными. Они заговорили о темах, которые столько лет оставались под запретом. И корреспонденты выбирали себе темы не хуже, чем цензоры из партийных органов, так как многие из них были образованнее, энергичнее их и уж, конечно, менее зашоренными. Но было одно различие и не в их пользу. И различие это привело к роковым последствиям. Цензура социалистических времен состояла из: а) работавших в единой системе идеологического руководства; б) людей не пишущих самостоятельно, т. е. принадлежавших к классу людей, на которых меньше воздействует вирту-

альный мир слова. И поэтому работа прессы в социалистический период была системной. А корреспонденты, дорвавшись до свободы, были лишены этой системности и созидательности в работе. Для них главным были литературно-корреспондентские ценности. Если раньше был девиз «сначала было дело», то стал — «сначала было слово», форма начала одерживать верх над содержанием. Слово! Сенсация! Жареный факт! Но жизнь — не литература. И корреспонденты, будучи лишенными знания жизни, начинают отодвигать газеты от реального к виртуальному. Отсутствие системности в работе приводит к тому, что один и тот же корреспондент с пылом и жаром защищает порой взаимоисключающие точки зрения, именно это широтой взглядов и плюрализмом, хотя в психиатрии это именуется иначе. Одни и те же работники пера агитируют за повышение пенсий и за снижение налогов, за победу над преступностью и за запрещение использования информаторов и т. д. Государство, привыкшее реагировать на публикации в СМИ, так как они когда-то им самим и были инициированы, оказалось в растерянности: невозможно такой огромной и реальной структуре быть несистемной настолько, насколько это позволяют себе отдельные корреспонденты, влекомые виртуальной идеей! И государство перестает реагировать на публикации в СМИ. Теперь корреспонденты могут сколько угодно сообщать о преступлениях и взрывах — милиция и КГБ не спешат проверять факты и принимать меры, тем более что у них своих проблем достаточно. Читатели, т. е. потребители информации, понимают, что газеты из части государства превратились в не представляющую реальную силу структуру, и отношение к корреспондентам меняется. Их перестают уважать, перестают уважать. Корреспонденты это чувствуют и реагируют определенным образом. Значительная часть еще советских специалистов уходит из информационного бизнеса, и туда приходит так называемое поколение тридцатилетних, те, кого В. Пелевин назвал «Поколение П.». Они молоды, энергичны, они плевать хотели на уважение со стороны читателей, у них другой кумир: не социальный статус в народе, а социальный статус в референтной группе, который определяется в новой системе ценностей прежде всего наличием денег, которые являются виртуальным аналогом материальных ценностей. Разрыв между народом, живущим в мире вещей, и корреспондентами, живущими в мире виртуальных ценностей, возрастает еще раз.

Одновременно государство перестает финансировать СМИ, потому что не видит необходимости поддерживать нелояльные изда-

ния. И издания оказываются перед необходимостью изыскивать средства к существованию. Удар по СМИ силен, и на какое-то время корреспонденты даже вынуждены из виртуального мира денег вернуться в мир реальных вещей, потому что не на что купить хлеба и, скажем, молока. Тиражи рушатся. Бывшие миллионники вынуждены ставить фальшивые тиражи в 50 тыс., имея реальные 10 тыс. Обозначаются очередные социальные векторы. Так называемая свободная пресса начинает еще активнее нападать на государство, считая его источником всех своих бед, одновременно пытаясь заставить его выплачивать какие-то средства. Пресса пробует найти источник финансирования в подписчиках, но те, разочаровавшись в далеких от интереса народа журналистах, подписываться согласны только на «СпидИнфо», где интересы отчасти совпадают и где журналисты, будучи расположены в профессиональном рейтинге рядом с другой древнейшей профессией, могут читателей, воспитанных в классике, поучить кое-каким модернистским приемам. В борьбе за подписчика и покупателя газеты идут на разработку новых тем, пытаясь интуитивно нащупать те из них, которые читателю интересны, которые читателем востребованы. Речи о какой-либо сверхзадаче прессы, о системном воздействии уже нет... А это парадоксально: инструмент, созданный для системного воздействия на социум, таковым делом не занимается. Все это говорит о глубокой государственной депрессии, о невозможности государства, его руководства выполнять свои прямые функции.

Темами, интересными читателю, оказываются секс (изобилие порноизданий!), насилие (поток «чернухи») и «как украсть миллион». Кроме этого — юмор и развлекуха вообще. Эти темы всерьез и надолго вытесняют со страниц газет успехи нашего балета и повышение надоев с одновременной уборкой сахарной свеклы. На самом деле эта расчлененка интересна в газетном исполнении не большинству читателей постсоветского пространства, а тем, кто готов платить за это деньги. Большинство живущих в реальном мире хлеба, одежды и квартплата газеты не получает и не читает. Но есть группы, которые готовы платить. Эти группы представляют собой людей божемного характера, интеллигенцию в плохом смысле этого слова. Они так же, как и новые СМИ, далеки от государства, обвиняя его в недостаточном внимании, в необеспечении того уровня жизни, которого, по их мнению, они заслуживают, они едины со СМИ в неумении системно мыслить, в ряде комплексов, в неспособности создавать. Естественно, что они находят друг друга в этом мире.

Классическая схема сработала: пресса возомнила себя не посредником между народом и властью, а реальным участником игрового процесса. И государство, т. е. власть, и народ отвергли прессу, и она, утратив свои функции системного коммуникатора, в силу вышеописанных причин заключила союз с псевдоинтеллигентной частью населения и запуталась в этих отношениях. Государство при этом потеряло массовидный способ управления, а народ потерял указующую силу, идеологию и смысл бытия. Календарно нарисованная картина ложится на 1992-1995 гг.

Народ, представляя собой, по обыкновению, феномен, который удобнее исследовать в терминах не игрока, но игрового поля, безмолвствовал, тая и накапливая в себе силы. И пресса, и государство вынуждены были, чтобы выжить, перейти к действиям.

Пресса пошла следующим путем.

1. Перестав получать деньги от нашего государства, она стала получать их от других. В кратчайшее время появились зарубежные фонды поддержки свободы СМИ, развернули свою деятельность представители Европарламента, ЦРУ и иже с ними и не дали умереть нашей прессе, предложив ей в обмен на деньги выражать их интересы, находящиеся в противоречии с интересами и нашего государства, и нашего народа. Большинству изданий было легко пойти на такую сделку, потому что и на государство, и на свой народ журналисты имели огромный зуб.

2. Пресса решила заставить государство платить ей деньги, и для этого активно приняла участие в выборах, которые помогли делегировать во власть людей, в подкармливании прессы видящих источник своего политического долголетия. В народе еще была сильна вера в печатное слово, и правильным образом позиционированные имиджи легли на электоральное поле не без успеха. Однако газеты были вынуждены стать ближе к народу, вновь начать отражать интересы не только диссидентов и гомосексуалистов, но и обычных людей.

3. В условиях ослабления государства его нишу в управлении прессой взяли на себя сильные лидеры, возглавившие возникающие пирамидальные структуры. Отметим, что пирамидальные властные структуры заинтересованы в наличии демократического общедиффузного государства, не встраивающего их в свою пирамиду. И потому пирамидальные структуры, приносящие своим руководителям в условиях всеобщей деструкции достаточный доход, с удовольствием поделились этим доходом с газетчиками, ориенти-

руя их на дальнейшее развитие демократии. Ситуация устроила всех: газетчики под жестким руководством лидеров, обеспечивавших защиту и финансирование, развивали либеральные ценности и демократическое устройство общества, позволявшее пирамидальным структурам выкачивать из него деньги. Поколение тридцатилетних, прочно заполнившее места в редакциях большинства газет, не чувствовало себя психологически уязвленным сложившейся ситуацией, когда под жестким контролем эти журналисты были вынуждены петь либерализм. Одни из них достаточно глупы, чтобы не понимать этого, другие достаточно циничны. И вообще, тот же гениальный Пелевин отметил, что «в области радикальной молодежной культуры ничто не продается так хорошо, как грамотно расфасованный и политически корректный бунт против мира, где царит политкорректность и все расфасовано для продажи».

Государство также нашло свои способы заполнения вакуума.

1. Научилось играть со СМИ, уязвывая предоставление средств с лояльностью газетных выступлений.

2. Приступило к созданию своих собственных правительственных СМИ. В большей степени это относится к телевидению, потому что именно телевидение, по мнению государства, может оптимально обеспечить преемственность власти. А газеты, будучи слишком просты в изготовлении и транспортировке, могут легко использоваться лидерами против государства. И поэтому целесообразно не уделять развитию полиграфической базы особого внимания.

3. Попыталось контролировать не целые оппозиционные издания, а отдельных, наиболее ярких журналистов. Палитра методов тут, сами понимаете, обширнейшая — от денег до чистой психологии.

Как только государство получило возможность заполнить тот вакуум управления идеологией, который образовался в романтический период перестройки, потребовалась и сама идеология. Идеология эта должна была обеспечить материально лидеров властных структур, которые уже на самых ранних этапах перестройки поняли, что демократией сыт не будешь.

Первое дело при сплочении толпы — обозначение внешней угрозы. Ситуация для перехода к массовидному реагированию под государственным управлением в России сложилась замечательная: жесткая реальность, сменившая эйфорию первых лет перестройки, когда каждый ожидал появления собственного коттеджа с двумя «волгами» на каждый ваучер, а получил необходимость собирать бутылки по мусорным бачкам, вызвала у всех без исключения рас-

терянность. Нужно что-то делать, но что? Непонятно. Ясно, что так жить нельзя. Люди хотят в годы испытаний быть ближе друг другу, быть «на миру». Появление внешней угрозы ускорило процесс объединения в толпу. Благо внешнюю угрозу и придумывать не надо, она есть. Оказались востребованными такие критики гегемонизма США и политики двойных стандартов, как телеведущий Леонтьев, зазвучала тема патриотизма.

Выборы нового президента показали, что методы управления толпой через СМИ, прежде всего телевидение, действуют замечательно, следовательно, люди на территории России вновь находятся в сфере действия массовидных регуляторов поведения. Но если в конце 80-х управление массовидными регуляторами попало в руки демократов, то сейчас оно в руках действующей власти.

Появилась возможность установления жесткой централизованной власти. Почему в США СМИ способствуют упрочению демократической, по общему мнению, системы управления, а в России в 2000 г. способствуют приходу авторитаризма? Потому что в США существует до определенной степени независимость СМИ от государства, а у нас газеты и телевидение не сумели сами прокормить себя, и государство смогло подчинить их вновь. Отсюда, кстати, вывод: у них журналисты поддерживают друг друга, для них интересы цеха очень важны. У нас журналисты более встроены в госструктуру или в информационно-финансовые структуры оппозиционных лидеров, и поддерживают они прежде всего своих патронов, чувство принадлежности к клану у них слабее. В США государство и СМИ договорились: государство поддерживает независимость СМИ, последние воспевают политическую систему Америки. У нас же — не договорились!.. Сначала СМИ выиграли раунд у государства, а теперь пришла обратная волна.

Ограниченный рамками книги, я вынужден вести лишь основные линии социального развития отношений государства, прессы и народа, опуская интереснейшие следствия и потенциально перспективные ответвления. Об этом позже — может быть, в других книгах. А сейчас следует перейти к очень интересной теме: каким образом психологические особенности журналистов определили направление взаимоотношений прессы, государства и народа в период приблизительно с 1985 г. по настоящее время.

С усложнением социальной структуры общества, с переходом в качестве определяющих движение истории таксонов от классов к более мелким социальным структурам с одновременной принад-

лежностью каждой личности к нескольким из них складывается многоячеистая структура общества, и каждый человек, занимающий какую-либо социальную нишу, принадлежащий тому или иному социальному потоку, развивает в себе те психологические качества, которые оптимизируют его пребывание в данной роли и в данном состоянии. Но и наоборот: психологические качества человека, находящегося в стадии развития, во многом определяют стремление занять ту или иную нишу. Если раньше сын крестьянина становился крестьянином с вероятностью 99,9%, то сегодня передачи профессии по наследству мы практически не наблюдаем. Прозрачность сословных перегородок, прозрачность стен социальных ниш — особенность нашего времени. Человек имеет возможность выбрать себе профессию по вкусу. В случае рационального выбора школьник руководствуется своими не очень точными представлениями о профессии. Все больше и больше узнавая о профессии в ходе обучения в институте, он не меняет избранного поприща даже в том случае, если вновь открывшиеся аспекты оцениваются им негативно. В той мере, разумеется, насколько количество затраченных к данному моменту усилий превышает открывшийся негатив.

Каков же психологический портрет учащихся старших классов, решивших стать журналистами, и абитуриентов факультета журналистики СПбГУ? Наскоро составленный опросник не выявил ничего такого, что противоречило бы логике и элементарному здравому смыслу.

Врожденные интеллектуальные способности (то, что Кэттелл называл кристаллическим интеллектом) выше среднешкольного уровня. Приобретенные интеллектуальные способности (соответственные субтесты Фланагана, Амтхауера) на среднем уровне среди всех школьников, но ниже среднего среди абитуриентов. Активность — выборка разделилась на очень активных и малоактивных. Ну и остальное: несколько завышенная самооценка, стремление решать проблемы конфликтным путем, эмоциональная нестабильность.

Любой практикующий психолог легко узнает психологический портрет, широко распространенный среди выпускников школ: человек с хорошими способностями в силу недостаточных для него школьных требований, ориентированных на среднего¹ учащегося, недорабатывает в ходе обучения, поэтому уровень знания точных наук снижен, но за счет подвижности мышления, некоторых социальных навыков получает хорошие оценки. По рассуждению он делает выбор в пользу факультета журналистики; так как (наиболее типичные ответы):

1) на матмех с низким уровнем знания математики можно не поступить;

2) в школе издавал стенгазету;

3) нравится работа с людьми;

4) их (журналистов) все знают.

В ходе обучения некоторые студенты расстаются с иллюзиями и начинают относиться к своей будущей работе с заметным отвращением, а некоторые, особенно малоактивные, вдруг получают возможность громко заявить о чем-то и быть выслушанными, что для них непривычно, приятно. Некоторые, подрабатывая в газетах, сталкиваются с крайне негативным к себе отношением, ведь профессия журналиста не относится сегодня к наиболее уважаемым в нашем обществе. Чтобы продолжать свою деятельность, корреспондент вынужден защищаться от негативного отношения. Методов поведения в конфликтной ситуации (а в данном случае конфликтная ситуация налицо, зачастую вплоть до избиения!) не так много, и все они используются журналистами.

Некоторые начинают избегать контактов с людьми. Но работа есть работа, и появляются статьи просто придуманные, а не взятые из жизни. Некоторые предпочитают конфликтовать, наживая себе кучу врагов, а потом сводят с ними счеты в своих статьях. Наконец, некоторые практикуют политику двойных стандартов: втереться в доверие, а затем написать какую-нибудь гадость. Есть и другие модели поведения журналистов, и множество. В своих исследованиях мы выделили десять подобных моделей, которые охватывают 95% профессионального поведения журналистов, и отработали методику манипулирования их деятельностью с учетом классификации. Но здесь мне не хотелось бы подробнее говорить об этом.

Отметим два интересных феномена. Первый. В результате накапливающихся противоречий между журналистами и потребителями информации журналист в процессе своей деятельности получает устойчивую склонность негативно освещать события, о которых он дает информацию. Мы сформировали блок из 100 новостей, 40 из которых оценивались экспертами как нейтральные, 30 как негативные, 30 как позитивные. Мнение экспертов совпало с мнением случайной выборки. Затем высказать отношение по поводу этих ситуаций было предложено 50 журналистам и студентам старших курсов факультетов журналистики вузов Санкт-Петербурга. Практически все испытуемые продемонстрировали сдвиг оценок в сторону негатива, причем, с одной стороны, наиболее высокие корре-

ляции были установлены между высокими негативными оценками и степенью желтизны газет, в которых работали испытуемые, а также их личной профессиональной успешностью. С другой стороны, высокую корреляцию дало сопоставление негативного оценивания фактов журналистами с 4-5-летним стажем профессиональной деятельности. С дальнейшим увеличением стажа работы корреляция несколько уменьшается.

Вывод: журналисты склонны оценивать жизнь в более черных тонах, нежели потребители СМИ.

Второй феномен: в поведении журналисты демонстрируют сплоченность, если кто-либо из них вступает в конфликт с нежурналистским миром, и индивидуализм, если речь идет об отношениях внутри цеха.

Описанное своеобразие включенности журналистов в социум, а также социальные фильтры, обеспечивающие приток в журналистику людей с определенными личностными особенностями, зачастую приводят работников СМИ к глубоким личностным и поведенческим деформациям, что проявляется в их профессиональной деятельности, чему каждый из нас, хоть иногда читающий газеты и смотрящий телевизор, был свидетелем.

Негативное отношение большинства населения к журналистам, свойственное как россиянам, так и жителям стран Запада, объясняется тем, что работники СМИ, первоначально благосклонно воспринимавшиеся как передатчики информации между государством и народом, постепенно стали претендовать на роль особого вида власти. Но различия между властью государства и властью СМИ в том, что руководители государства избираются населением, а работники СМИ — нет. Народ их туда не делегировал, не передавал им властные полномочия и поэтому их претензии на руководство общественным мнением считает нелегитимными.

Еще более интересным представляется анализ ситуации в главном СМИ — телевидении. Если в прессе общение журналиста и читателя настолько опосредованно, что не воспринимается последним как прямой контакт, то телеведущие вступают в непосредственное отношение с парой миллионов зрителей в прямом эфире здесь и сейчас, как говорит Любимов. И потребление информации, которое в случае с газетой носит отчасти индивидуальный характер, в случае с телевидением является уже примером массовой коммуникации. Причем коммуникации своеобразной, когда присутствует масса (телеаудитория), соответственным образом подготов-

ленная, и вождь — телеведущий, но отсутствует непосредственная обратная связь толпы и вождя. Отсутствие этой связи позволяет диктору-вождю не считаться с мнением масс по тому или иному рассматриваемому вопросу, а навязывать им свою точку зрения в течение нескольких передач, не опасаясь воздействий возмущенной толпы. Подобный механизм, конечно же, ставит телеведущего в гораздо более выгодное положение в сравнении, скажем, с оратором на митинге, который должен говорить вещи, не слишком отличающиеся от мнения толпы, если не хочет, чтобы его закидали испорченными фруктами.

Телевидение долгое время существовало вне зоны действия психологической науки. На Западе, в условиях демократии, СМИ представляются этакой священной коровой, на незыблемый авторитет которой не смеют посягнуть ни ученые, ни тем более политики. Кара будет страшной, примеров тому множество.

В России подобные исследования также не проводились, но по иной причине. Считалось, что у строителей развитого социалистического общества не может быть профессиональных деформаций.

Проводилось большое количество работ, изучающих воздействие СМИ на потребителя, прежде всего в области рекламы. Специалисты Запада в деле телеобольствования сограждан добились больших успехов, мы в последние годы ни в чем им не уступаем, а зачастую и превосходим. Вот уж, воистину, гордиться бы нам чем-нибудь другим. Отдельные труды специалистов направлены даже и на критику методов работы телевидения, но к ним мало кто прислушивается. К примеру, ученые предупреждали о возможном негативном последствии демонстрации печально известного сериала «Покемон», в результате чего сотни детей получили серьезные психические расстройства. Но сегодня этот сериал пришел в Россию и транслируется на государственном канале телевидения. По-видимому, финансовые выгоды владельцев канала и возможность идеологической обработки детей России в интересах продавцов сериала превышают в глазах владельцев канала опасность возникновения психических расстройств у детей.

Удивляться доброжелательной лояльности большинства ученых к СМИ не приходится: у телевидения и тех, кто использует его в решении своих системных глобальных целей, большие средства, и они бестрепетной рукой вкладывают их в науку. Поэтому деятельность ученых имеет протелевизионное направление.

Но мне хотелось бы повести речь не о воздействии СМИ на потре-

бителя, хотя мы рассмотрели этот вопрос во всех деталях и результаты этих исследований используем в работе по организации выборов, а в плане изучения личности в профессиональной деятельности. СМИ в процессе функционирования представляют собой классический пример силы, деформирующей поведение участников этого процесса вследствие преобладания регуляторов массовидного поведения. В главе, посвященной поведенческим деформациям, я обещал поговорить о телевидении отдельно. Этим и займемся.

Личность в профессиональной деятельности изучается давно. Например, в 1921 г. в Москве собралась 1-я Всероссийская инициативная конференция по научной организации труда и производства, где под руководством В. М. Бехтерева и В. Н. Мясищева началась комплексная разработка психологических, физиологических и медицинских аспектов организации труда. В 1930 г. С. Г. Геллерштейн писал о необходимости синтетического подхода к изучению личности профессионала. В. Д. Шадриков, К. К. Платонов, Ю. А. Цагарелли, В. А. Трошихин, Е. П. Ильин, М. А. Дмитриева, К. А. Абульханова-Славская, конечно же, Б. Ф. Ломов и многие другие подробно рассматривали вопросы, связанные с профессиональной деятельностью. Детально проработаны вопросы воздействия на результаты профессиональной деятельности утомления, монотонии, иных стрессовых факторов. Моей первой научной работой было рассмотрение воздействия стресс-факторов трудовой деятельности в условиях полярной ночи на зимовщиков Арктики. К сожалению, все материалы утонули вместе со снегоходом в Белом море. То есть научная их ценность оказалась невелика, а жаль!

Ирина Андрейченко, которая по моей просьбе изучала литературу, посвященную данному вопросу, нашла лишь одну работу С. П. Безносова 1983г., где к факторам, способным вызвать профессиональную деформацию личности, были отнесены такие феномены, как угасание позитивных установок, потеря видения перспективы и т. д. Рассмотрение подобных вопросов тесно связано с исследованиями в области психологии времени, которые еще только предстоит провести. Серьезных же работ, касающихся профессиональной деформации журналистов, ведущих политических программ, обозревателей и других работников СМИ, в отечественной психологии просто нет, а в зарубежной практически нет. Вскользь тема упомянута в работе Ф. Зимбардо и М. Ляйппе «Социальное влияние», вышедшей в 2000 г. в Санкт-Петербурге, но и тут о про-

фессиональных деформациях работников масс-медиа написано крайне мало.

Рассмотрим проблему, как ее видят российские и зарубежные специалисты. Е. М. Борисова делает вывод, что каждая профессия формирует сходные интересы, установки и черты личности, манеру поведения, внешний вид, традиции и т. д. Этот процесс получил название «идентификации личности и профессии». В высшей степени такой идентификации особенности, приобретенные человеком в профессиональной деятельности, начинают проявляться и в других жизненных сферах. В ходе освоения личностью профессии личность приобретает новые качества и теряет прежние — для того, чтобы идеально соответствовать ролевой нише, сформированной профессией. «О профессиональной же деформации личности можно говорить тогда, когда профессиональные привычки, стиль мышления, общение и особенности личности резко заостряются, огрубляются и переносятся вовне, осложняя взаимодействие человека с другими людьми, часто делая его поведение неадекватным обстановке» (*Грановская Р.М. Элементы практической психологии. Л., 1977*).

К психотравмирующим факторам традиционно относят отрицательные факторы рабочей среды: шум, вибрацию, высокие и низкие температуры, освещенность и т. д. О воздействии этих факторов написано практически все.

Существуют также факторы, которые, скорее, можно отнести к самой личности. Их удобно распределить на две группы.

1. Объективные, порождаемые условиями самой работы, ее неправильной организацией (переутомление, чрезмерная психическая напряженность, высокий уровень ответственности, отрицательный социально-психологический климат в коллективе, изменение требований к профессиональной деятельности и т. д.).

2. Субъективные. К ним можно отнести особенности личности, которые создают предпосылки чрезмерной чувствительности к естественным трудностям данной профессиональной деятельности. Отрицательное воздействие таких субъективных факторов может даже в объективно благоприятных условиях деятельности привести к расстройствам психическим.

Мы наблюдаем, что на персоне телеведущего, политобозревателя, как в фокусе, сходятся ряды факторов, действующих на личность весьма значимо. Перечислим их.

Во-первых, сам телеведущий, прежде чем стать тем, кем он является, т. е. владельцем дум миллионов телезрителей, лидером амор-

фной массивной структуры огромной численности, прошел строгий отбор, фильтр, в котором остались многие и многие претенденты на ту же должность. Среди категорий отбора кроме чисто профессиональных есть и наиважнейший — фактор личной преданности. Доренко, например, был выпущен на телеэкран во всей мощи телекиллера во время президентской избирательной кампании против Примакова и Лужкова только после того, как заказчики убедились в его безусловной преданности. Ведь невозможно давать такое серьезное оружие, как центральный канал СМИ, ни в чьи руки, кроме абсолютно преданных, особенно когда на карте стоит пост президента России. Такая личная преданность, безусловно, тяжелым грузом ложится на личность телеведущего, ведь она идет вразрез с завышенной самооценкой и другими качествами, вырабатывающимися в результате причастности к цеху работников СМИ.

Во-вторых, телеведущий такого уровня, задействованный в мероприятии столь сомнительной нравственности, не может не испытывать страха. Защитить его от влиятельных врагов могут только влиятельные хозяева, следовательно, действие фактора личной преданности усиливается.

В-третьих, телеведущий испытывает тяжкий груз ответственности за свои действия, которые в итоге приводят к событиям государственного масштаба, и здесь очень значимой является возможность перекладывания ответственности на руководителей.

Прибавьте к этому стресс-факторы, которые во многом определяют работу телеведущего. Например, довольно часто интересы хозяев, обусловленные логикой закулисных игр, телезрителям неизвестных, меняются. И телеведущий вынужден говорить с экрана вещи, зачастую совершенно противоположные тем, что сообщал еще вчера, не имея возможности объяснить причины такой трансформации своих взглядов. Кроме этого хватает и обычных стресс-факторов, связанных со спецификой организации труда. С точки зрения эволюционной теории поведения телеведущий испытывает дискомфорт от очень сильной включенности сразу в несколько референтных групп, находящихся в поле действия различных поведенческих регуляторов, требующих от него прямо противоположных реакций.

Телеведущий включен в ролевые отношения со своими хозяевами. Это либо владельцы телеканала, либо политические лидеры, олигархи, криминальные структуры — кто угодно. Причем в этих

ролевых отношениях он занимает нишу ведомого, подавляемого, подчиненного. Ролевые лидеры дают возможность работать, дают деньги, защищают от внешних опасностей. Телеведущий демонстрирует личную преданность, зависимость, умение не просто выполнять поставленные задачи, но выполнять их творчески. Он должен научиться принимать чужие мнения, т.е. мнения своих вождей, как свои собственные, иначе он не сможет качественно работать, иначе его разорвут внутренние противоречия.

Одновременно телеведущий втянут в сферу ролевых отношений в коллективе, членами которого являются его помощники, все те, кто обеспечивают непосредственно его деятельность. Здесь ситуация ровным счетом противоположная: он ролевой лидер, придерживающийся авторитарного стиля поведения — во-первых, потому что без этого невозможно сработать в экстремальной ситуации (а хозяева требуют от него работы именно в экстремальной ситуации, в других он не нужен), во-вторых, потому что он компенсирует этим свое унижительное, по его мнению, зависимое положение в отношениях с хозяевами.

Однако главной формой профессиональной деятельности телеведущего, политобозревателя является общение с телезрителями. Несколько раз в день он появляется на экране в качестве вождя толпы, лидера телеаудитории, находясь полностью в сфере действия массовидных поведенческих регуляторов. И все здесь противоречит друг другу. Начнем с того, что само понятие — «общение», вызывает множество споров у психологов. Одни считают, что общение — это вид деятельности (А. А. Леонтьев, М. И. Коган, В. Н. Сагатовский). Другие придерживаются точки зрения, что общение не относится к деятельности (Б. Ф. Ломов, Л. П. Боева и др.), поскольку связывает не субъект с объектом, а субъект с субъектом. Присоединяюсь к Г. М. Андреевой и М. И. Лисиной, предлагающих рассматривать общение и как одну из сторон деятельности, и как самостоятельный феномен. Оба партнера в процессе общения выступают и субъектом, и объектом в одном лице. Отношения, следовательно, могут быть или уважительными, или манипулятивными. Ангажированный телеведущий должен рассматривать телеаудиторию как объект манипулирования, ибо именно такая задача поставлена его хозяевами.

Состояние лидера масс не приходит к телеведущему лишь на время прямого эфира, но присутствует постоянно, ведь настоящий лидер масс (а именно за это умение телеведущий получает день-

ги) — поведенческое состояние очень устойчивое. Обычно оно сохраняется на всю жизнь. И вот бедный телеведущий в течение полугода (время телекомпании против кого-то) существует одновременно как вождь масс, ролевой лидер авторитарного типа и человек, занимающий самый низкий пост в другой ролевой группе. И это все наваливается на человека, прошедшего все фильтры социального отбора и, следовательно, обладающего рядом личностных качеств, характеризующихся словами «нестабильность», «неустойчивость». Личность буквально разрывается на части! Личность деформируется. При длительном нахождении в описанном состоянии эти деформации становятся видны невооруженным глазом. Это начинают замечать телезрители. И тогда хозяева убирают сделавшего свое дело мавра за кадр, как это произошло, например, с тем же Доренко. У телеведущего, который на всю жизнь в одной из своих ипостасей остается вождем масс, исчезает все то, что заставляло его гордиться собой, что, по его мнению, ставило его в один ряд с вершителями судеб мира сего. А остается все негативное, что пришлось принять во имя возможности быть вождем. Это очень сильное противоречие. Зачастую психика такого не выдерживает. Интересно отметить, что мужчины более подвержены негативным воздействием, главным из которых является одновременное нахождение в зонах действия различных регулятивных факторов, требующих взаимоисключающих поведенческих реакций. Доренко, Невзоров, в меньшей степени Леонтьев демонстрируют гораздо более яркие примеры поведенческой деформации, нежели, скажем, Сорокина, Миткова или Буратаева. В нашей цивилизации женщины, даже занимая номинально место вождя масс, не обременяют себя всеми теми психологическими свойствами и качествами, которые вкладывают в это понятие мужчины, демонстрируют большую мягкость поведения в роли лидера малой группы, поэтому их внутренние конфликты менее антагонистичны. А те из них (Е. Андреева), которые имеют возможность не участвовать (или почти не участвовать) в грязных политических кампаниях, демонстрируют адекватное поведение. А вот Киселева в некоторой степени спасает то, что он действительно является одним из телеруководителей, во многом он сам себе хозяин и поэтому в значительно меньшем числе случаев вынужден перестраиваться в роль подчиненного в малой группе. И его внутриличностные конфликты, проистекающие из-за противоборства различных поведенческих регуляторов, менее сильны, чем в случае с Доренко. Но так как Киселев оказывается менее тре-

нированным в принятии поз социального подчинения, то его поведение заметно дрейфует в сторону осознания личного величия. Никаких экспериментов по установлению этого проводить не надо, можно просто посмотреть заставку «Итогов».

Редкий случай сохранения психического здоровья (впрочем, я сужу лишь по анализу продукта профессиональной деятельности!) демонстрирует Любимов. Следовало бы подробно изучить его личностные качества, особенности социальной включенности, формы организации труда с тем, чтобы выработать рекомендации, которые позволили бы уберечься от психологической деструкции другим работникам телевидения. Но не думаю, чтобы он, как человек с нормальной психикой, отдал себя нам в руки на предмет препарирования. И в этом он совершенно прав.

Какими методами телеведущий снимает стресс от описанных противоречий? Опустив традиционные российские, останемся у старого корыта, заполненного классическим фрейдистским.

Отрицание. «Отрицание — стремление избежать новой информации, несовместимой со сложившимися представлениями о себе и о мире. Отрицание — своеобразный барьер, расположенный прямо на входе воспринимающей системы. Защита при помощи отрицания работает так, что человек игнорирует ту информацию, которая повышает его тревогу и усиливает внутриличностный конфликт, он уклоняется от такой информации» (*Карвасарский Б.Д. Неврозы. М., 1980*).

Внимание становится избирательным и переориентируется так, что человек не замечает тех событий, которые чреватые для него неприятностями, могут его психологически травмировать.

Ангажированный работник СМИ должен в какой-то мере верить в то, что он делает для хозяина. А это бывает сложно, так как все время приходит информация, противоречащая той реальности, которую ведущий выстраивает по указанию заказчика. И он вынужден отгораживаться от такой информации и ее носителей, в том числе и людей. Он избегает говорить и даже задумываться на определенные темы. В случае с телеведущим, выступающим в роли вождя масс, являющимся важной составной частью механизма, запускающего массовидное реагирование, это приводит к тому, что он разрывает обратную связь, принципиально не интересуясь мнением народа. Спор о «субъектах» и «объектах» решается в пользу А. А. Леонтьева со товарищи, а Б. Ф. Ломов выступает в роли прекраснодушного оптимиста, что совершенно на него не похоже. Общение

телеведущего и зрительной массы — деятельность. Отношения — «субъект—объект».

Подавление. Вновь цитирую по уважаемому Б. Д. Карвасарскому. До чего приятно все-таки, что есть вопросы, в которых ничего не надо придумывать, так как другие уже сделали это очень хорошо. Итак: «Подавление блокирует неприятную, нежелательную информацию при ее переводе из воспринимающей системы в память либо при выводе из памяти в сознание». Причем подавление действует лишь тогда, когда нежелательная тенденция достигает определенной силы. Негативная информация все-таки попадает в память, но ее следы маркируются в памяти определенным образом.

«Когда человек усилием воли старается нечто подавить, забыть о чем-то пережитом или мысленно отталкивает это от себя, то возникает деформация соответствующих психических актов, то есть разделение следов в памяти на разрешенные к произвольному воспоминанию и неразрешенные. Таким образом, из общей картины прошлых событий что-то оказывается воспринимаемым к воспроизведению!» (Н. Макиавелли).

Подавленные сведения в некоторые моменты прорываются в сознание в виде разнообразных симптомов, таких как обмолвки, описки, ослышки, неровные движения, навязчивые состояния. Такие симптомы в символической форме отражают связь между реальным поведением и подавленной травмирующей информацией.

Если проанализировать весь этот психоанализ наших телеведущих и, в особенности, публичных политиков, то картина получается красочнейшая! Но не дождемся мы этого от фрейдистов, так как они привыкли работать неспеша: берешь одного пациента — и кормишься от него пятнадцать лет! А в социальной жизни, да еще в условиях демократии, да еще в эпоху перемен, информация стареет очень быстро. Поэтому, хотя последователи Фрейда и не чужды новациям и ветры времени дуют и в их паруса (вспомним объявление на остановке автобуса: «За 1 неделю готовим парикмахеров и психоаналитиков» (!)), мы будем применять для изучения социально-психологической жизни управленческих государственных и СМИ-структур более совершенные методы, которые впрочем, могут иметь в основе и психоаналитическую подоплеку.

Рационализация. Наиболее свойственна она работникам СМИ. Рационализация — это защита, связанная с осознанием и использованием в мышлении только той части воспринимаемой информации, благодаря которой собственное поведение представляется

хорошо контролируемым и не противоречащим объективным обстоятельствам. При этом неприемлемая часть ситуации из сознания удаляется, особым образом преобразовывается и после этого осознается, но уже в измененном виде. Защита осуществляется с помощью убедительных доводов для оправдания своих личностных или социально-неприемлемых качеств, желаний и действий. Главная особенность рационализации состоит в попытке постфактум создать гармонию между желаемым и реальным положением и тем самым предотвратить потерю самоуважения [^]*Грановская Р.М.* (Элементы практической психологии). Пассивный говорит, что его уступчивость — следствие душевной деликатности, хитрый называет себя дальновидным стратегом, равнодушный — независимым, а ангажированный говорит, что он просто дружит с влиятельными людьми, которые его очень ценят, и не отказываться же ему от такой дружбы, даже если это кому-нибудь не по вкусу. Рационализация может выглядеть достаточно разумно и логично, но ее иррациональность заключается в том, что объявленный мотив не является подлинным. «Осознаваемые (после вторжения рационализации) причины поведения представляют собой смесь из ложной информации (предубеждений, предрассудков), т. е. трансформированных мотивов, в которые включены островки истины (т. е. констатация самого события). Наличие в этой смеси элементов истины придает человеку ложную уверенность, будто истинна и вся смесь» (Там же).

Вытеснение. Вытеснение, по Фрейду, представляет собой активное выталкивание из сознания болезненных воспоминаний, чувств и импульсов. Вытеснение он связывал с избеганием внутреннего конфликта путем активного исключения из сознания не информации о случившемся в целом, а только истинного, но неприемлемого мотива своего поведения.

События и мотивы, вытесненные в бессознательное, постоянно вносятся обратно в сознание по каналам памяти. И это субъективно ощущается человеком как состояние тревоги, беспричинного страха. «Это провоцирует повышение общей эмоциональности и тревоги, которые, в свою очередь, побуждают человека менять логику. В этом случае, под давлением вытеснения, используется особая — аффективная (черно-белая) логика, с предпочтением крайних вариантов в оценке действительности», — пишет Грановская.

Вспомним авторские программы Невзорова, Доренко, Сванидзе времен президентской кампании 2000 г. [^]неполностью выстроены в подчинении законам черно-белой логики. Если речь идет о

тех, кого хозяева приказали топить, или людях, их поддерживающих, то практически используется лишь негативная информация. Если речь идет о «наших», в терминологии Невзорова, то все они — святые герои. Кому выпадает роль героев, а кому негодяев, зависит от хозяев телеканала. Сфера бессознательного телеведущих подвергает их психику соответствующей деформации.

Общение с аудиторией строится в строгом соответствии с канонами ввода в действие регуляторов массовидного поведения. Телевидение обеспечивает одновременное донесение одинаковой информации до слушателей. При помощи определенного набора приемов, коих великое множество, взгляды слушателей и зрителей приковываются к голубому экрану. Затем ведущий создает видимость крайне тяжелой ситуации, когда кругом голод, холод, разруха и бандитизм, вызывая ощущение необходимости что-то делать. Информации для того, чтобы начать действовать разумно, у человека явно недостаточно. Включается массовидное поведение. Ведущий дает установку: этот плохой, этот хороший. Делай выбор! Массы реагируют синхронно. Кроме того, состояние телеведущего, с его деформированной всеми видами защиты психикой, передается, транслируется миллионом зрителей. И в этом — главная опасность. Большая психика телекиллера передается, навязывается миллионам зрителей. Как это там у Доренко? — «Добрый вечер! И хватит о добром!» Страна послушно погружается в депрессию.

Проекция. Термин этот также ввел Фрейд. Человек неосознанно отвергает свои неприемлемые мысли, установки, желания и приписывает их наличие другим людям. Так он перекладывает ответственность за то, что происходит внутри его «Я», на окружающий мир. Для злого мир полон злобы. Приворочивающий не верит, что кто-то не ворует. Цель этих маневров мышления — ослабление чувства вины. У ангажированных журналистов и ведущих программ механизм проекции весьма развит. В глубине своей защищенной и одновременно истерзанной отрицанием, подавлением, рационализацией, вытеснением и проецированием души они понимают истинную цену своим поступкам. Но, стремясь поддерживать психологическое равновесие, они переносят свои пороки и слабости на других. Многие авторские программы, освещающие на нашем телевидении политические и общественные проблемы, служат иллюстрацией механизма проекции их авторов. Л^аспомним тех же Доренко, Невзорова, Леонтьева: все вокруг продажные, нерадивые и эгоистичные, презирающие свой народ и свою страну. Впрочем, я

говорю «вспомним», а вспоминается очень трудно. Удача в том, что у нас с вами также хорошо работают механизмы защиты, которые не пускают, хотя бы частично, в сознание всякую гадость.

Этими и другими способами телеведущие предохраняются от разрушающей психику социальной ниши, которую им приходится занимать, ниши в перекрестье действия массовидных лидерских, ролевых лидерских и ролевых аутсайдерских регуляторов одновременно, в ситуации, отягощенной наличием определенного набора личностных качеств, обеспеченных работой социальных фильтров, сквозь которые телеведущий смог пройти к своему креслу перед телекамерой. Предохраняет все это плохо, и когда психика телеведущего перестает, с точки зрения работодателей, обеспечивать выполнение телеведущим своих обязанностей, то хозяева отлучают его от эфира.

Дополнительную сложность и специфичность в отношении телеведущего и зрительской аудитории вносит отсутствие в их общении обратной связи. Рассмотрим классическую толпу. Вождь вкладывает немалые силы в выступление. Он обеспечивает контакт с толпой не только смыслом своих слов, но и передачей своего эмоционального состояния при помощи мимики, жестов, интонации, тембра, акцентирования, определенного строения фраз. Он расплачивается за влияние на толпу потерей критичности мышления, упрощением своей психики, сведением сложной картины целей к одной, простой и понятной всем мишени. Он вводит себя в зону действия всех видов психологической защиты, он выводит себя из сферы действия регуляторов ролевого поведения, расплачиваясь за власть над толпой личным одиночеством. И он получает компенсацию в виде обожания миллионов, ликующих криков, внимания к себе СМИ и прочая, и прочая. И это примиряет его с жизнью.

В случае же с телевизионной толпой ситуация обстоит иначе. Обратной связи нет. Попытка ввести интерактивное телевидение ни в коей мере эту связь не обеспечивает. Вождю, в данном случае телеведущему, нужны не диаграммы в углу экрана, показывающие степень поддержки его идей зрителями, на самом деле им самим же и транслируемые, а чувства, эмоции. Но их интерактивная связь не передает. Телеведущий вещает для миллионов. Но говорит он в пустоту. И поневоле вынужден воображать себе зрителя, иначе общения не получится. Не случайно телеведущие любят и часто ведут различные круглые столы и конференции. Это помогает им чувствовать зрителя. Телеведущий принимает на себя обязательства

говорить по воле заказчика неправду. По принципу проекции он приписывает стремление его обмануть всем окружающим. А так как общее состояние его психики тревожно-депрессивное, то в положительных отзывах на свои программы он склонен видеть неискренность, в отрицательных — происки конкурентов. Ни тому ни другому верить нельзя, тем более что он знает, как организуются подобные отзывы. Ощущение отсутствия естественной обратной связи погружает его в вакуум. Массовидные отношения, в которые он втянут в качестве вождя, оказываются незавершенными. Возникает диссонанс, стремление завершить гештальт. Поэтому часть телеведущих стремится уйти в политику. Депутаты Госдумы Невзоров, Буратаева, многие известные телеведущие — участники и симпатизирующие партиям и движениям — тому подтверждение. Еще больше обостряет желание самим прийти во власть зависть к хозяевам, по отношению к которым они вынуждены занимать ролевую нишу подчиненного, хотя одновременно с этим лидируют в своем рабочем коллективе и являются вождями масс. Зачастую это приводит к конфликтам телеведущих с заказчиками и хозяевами, что, как правило, плохо кончается для первых.

Ощущение отсутствия обратной связи вынуждает вождей-телеведущих эту связь воображать, домысливать. Нуждаясь в положительной оценке своей деятельности, в поддержке своих поступков, телеведущие не в состоянии вообразить адекватную обратную связь; она бывает искажена в сторону завышения оценки их деятельности. Эта ошибка накапливается, и рано или поздно наступает момент, когда скорректированное с учетом воображаемой объективной связи политическое шоу перестает встречать поддержку у зрителей. Этому способствуют и чисто технические причины. Например, эфирное время стоит больших денег. В ходе, скажем, президентской избирательной кампании было выгодно предоставлять дорогой эфир Доренко, который не зря ел свой хлеб. Но затем, когда дело было сделано, тратить такие суммы на эфир для Доренко никто не собирался. А влияние телеведущего на свою аудиторию находится даже не в прямой, а, может быть, в квадратичной зависимости от объема вещания. Время воздействия уменьшается, настройка телеведущего и аудитории сбивается, а ведь все происходит не в пустом пространстве, а в условиях действия политических противников хозяев телеведущего, в условиях реальной жизни, окружающей зрителей. В один прекрасный момент рассогласование переходит невидимую черту, и телезрители выпадают из об-

ласти действий регуляторов массовидного поведения, вновь обретают способность критически воспринимать реальность. Этот момент является концом ангажированного тележурналиста, так как неадекватность его поведения становится всем очевидной. Кроме того, телезрители упрекают себя в том, что могли верить всем гадостям, которые им говорили по телевизору. Массовидные регуляторы уже не подавляют индивидуальных, и личности обманутых телезрителей начинают оправдывать свое поведение, используя методы психологической защиты. Ответственность за свои несправедливые поступки и мнения о поливаемом телеведущим грязью персонаже зрители возлагают на телеведущего, так как именно он, а вовсе не заказчики, является для прозревших зрителей персонифицированным олицетворением лжи на телевидении. После этого хозяева ищут другого телеведущего, чтобы использовать его в грядущих битвах за умы; зрители, вновь превратившись из толпы в личности, получают определенный иммунитет от подобных воздействий, а телеведущий оказывается между двух огней.

В настоящее время, когда я пишу эту главу книги (начало апреля 2001 г.), происходит весьма иллюстративное и очень интересное с точки зрения исследователя психосоциальных процессов событие: финальный раунд выяснения отношений между двумя социальными структурами, выставившими в качестве поединщиков с одной стороны А. Коха и Б. Йордана со товарищи, а с другой — коллектив журналистов НТР под управлением Е. Киселева.

Благодаря схеме управления конфликтом, используемой НТВ, мы получили возможность увидеть событие своими глазами в прямом эфире. Существует, конечно же, два уровня развития конфликта: истинный, который происходит где-то в глубинах высоких кабинетов, и демонстрируемый, выставляемый напоказ, инициированный работниками и руководителями НТВ для того, чтобы использовать в своих интересах общественное мнение вопреки стремлению Коха решить вопрос закулисно. Сильная сторона Коха и стоящих за ним структур Газпрома и, в конечном счете, президента РФ — в использовании аппаратных методов борьбы, дающих возможность руководить судебной властью, экономическими структурами и т.д. Сила владельцев НТВ — в возможности обращаться к многомиллионной аудитории без посредников, лишая подобно права противную сторону. Государство, безусловно стоящее за структурами Газпрома, хочет победы над НТВ с установлением кон-

троля над идеологией канала, но победа эта не должна быть одержана любой ценой. Открыто выступать против свободы слова государство весной 2001 г. еще не может, а от демократических времен осталось мнение, что свободу слова аккумулируют в себе так называемые независимые СМИ. Это все связывает Коху и Йордану руки и в некоторой степени уравнивает шансы сторон.

Чисто по-человечески жаль и работников НТВ, многие из которых искренне верят в мессианство своего журналистского дела; и А. Коха, который вынужден выслушивать с каменным лицом в прямом эфире, что лицо это противно какому-то демократу, которому Сорокина с удовольствием и под аплодисменты предоставляет слово (вечер 6 апреля 2001 г., НТВ, прямой эфир). Жалко Коха, который вынужден врать про чисто экономические интересы к НТВ Газпрома, чьи позиции Кох отстаивает, во что не верит ни один здравомыслящий человек. Жалко Киселева, который должен стоять во главе сопротивления, понимая истинные причины конфликта и зная, чем это все закончится.

Но для нас сложившаяся ситуация — возможность еще раз проверить и экспериментально подтвердить тезисы о профдеформациях работников СМИ. Особенно ярко эти профдеформации становятся видны, когда камеры канала показывают нам, как выразилась одна сотрудница канала вечером 6 апреля в студии Диброва, «кишки наружу», т. е. закулисную жизнь НТВ. Заранее скажу, что все происходящее соответствует положениям, прописанным в этой главе и главе о деформациях поведения, вызванных несимметричной востребованностью индивидуальных, ролевых и массовидных групп регуляторов поведения. По-другому быть и не могло, ведь все наблюдения и исследования, на основании которых и была построена теория, были сделаны в ходе исследования аналогичных конфликтов, происходящих в СМИ Санкт-Петербурга, Красноярска, некоторых московских каналов. А события, связанные с взаимоотношениями НТВ и Газпрома или, если говорить о корнях, двумя государственно-олигархическими структурами, находящимися в разных фазах своего развития, происходят на глазах у всех, по крайней мере та их часть, которая дает нам представление о профдеформациях тележурналистов. Мы можем вообразить себя присутствующими на открытом социально-психологическом эксперименте, аналогичном, скажем, хирургической операции, которую проводит знаменитый хирург в центре амфитеатра, заполненного студентами медицинского факультета. Я попробую примерами собы-

тий 5-7 апреля 2001 г. проиллюстрировать свои утверждения, а каждый из вас, вспомнив то, что он видел своими глазами, согласится или получит возможность аргументированно возразить, предложив свою трактовку событий.

Начнем с рассмотрения тезиса о том, что особенности профессиональной деятельности телеведущего, а именно, осознаваемое обращение к огромной аудитории, отсутствие обратной связи, достаточно тесные контакты с властью имущими и деньги имеющими, т.е. всеми теми, чьи достижения, с точки зрения журналистов, достойны быть освещены многомиллионной аудитории, вкупе с системой социального отбора, который прошли тележурналисты, прежде чем заняли свое место перед камерами, приводят их к снижению способности адекватно оценивать ситуацию и события. Приведу некоторые высказывания тележурналистов НТВ (а мог бы — любого другого канала с тем же успехом) и — в соседнем столбце — то, как обстоят дела на самом деле.

НТВ утверждает

1. Мы — блестящая команда журналистов, замены которой нет. (В беседе лидеров журналистского корпуса НТВ с Кохом, продемонстрированной в прямом эфире в ночь с 5 на 6 апреля 2001 г., товарищ, сидевший слева от Коха, неоднократно спрашивал последнего, неужели тот взаправду надеется делать канал без них, сотрудников НТВ? Другие тележурналисты, например М. Максимовская, также неоднократно высказывали мысль о незаместимости коллектива.)

2. Огромное количество людей выступило в нашу поддержку. «У входа в НТВ собрались люди, мы просим их разойтись, так как митинг несанкционированный», — говорит Е. Киселев. «В Санкт-Петербурге собрался митинг в поддержку НТВ», — из новостной передачи и т. д. (Лишь одна девушка из Томска с грустью высказала мысль, что НТВ сегодня

В реальности дело обстоит так

Коллектив творческих работников НТВ по уровню мастерства ничем принципиально не отличается от коллективов других каналов. Во всяком случае, рейтинги их передач в целом такие же, как на ОРТ и РТР, — некоторые выше, некоторые ниже. Это показывают исследования Гэллаппа и других занимающихся данным ремеслом фирм.

НТВ не получило реальной поддержки потребителей информации. Митинги были сняты камерами снизу, чтобы было видно только несколько близстоящих человек и чтобы было невозможно определить численность собравшихся. В Санкт-Петербурге на митинге присутствовало человек до 100, что очень мало. Поддержку НТВ оказали, во-первых, яблочники, которые являются частью

поддерживает явное меньшинство. — Передача Сорокиной вечером 6 апреля 2001 г.).

3. Мы, журналисты, неподкупны и неангажированны по определению. Мы говорим правду, и нас сегодня бьют за то, что эта правда не нравится Коху, Газпрому и государству с президентом во главе.

той проигравшей государственно-олигархической пирамиды, к которой принадлежит и НТВ, и демократы, которые сегодня в явном меньшинстве.

Конфликт развернулся из-за того, что журналисты телеканала формировали свои телевыступления таким образом, чтобы отстаивать интересы проигрывающей государственно-олигархической группы и препятствовать действиям государственно-олигархической группы, находящейся сегодня у власти. При этом некоторые журналисты сознательно использовали манипулятивные технологии, а другие в результате действий механизмов психологической защиты поверили в собственную правдивость.

Приведенные примеры иллюстрируют нарушение адекватности восприятия, которые также наблюдаются у людей других профессий, попавших в другие ситуации. Вспомним например, как уверены в свое время в победе на выборах были «Демвыбор», а затем и «Наш дом» и чем это обернулось. Сегодня в случае проведения думских выборов столь же жестокое разочарование ожидает «Единство», но это к слову. Или хорошо известное каждому политтехнологу высказывание кандидата, что «все за меня». Типичный пример выдавания желаемого за действительное.

А о том, что «журналисты говорят правду», хотелось бы поговорить еще и проиллюстрировать дополнительными примерами. Все высказывания взяты из передач второй половины дня 6 апреля на канале НТВ, прежде всего из новостей Осокина, передачи Сорокиной и передачи из студии Диброва поздно вечером.

1. Е. Киселев предлагает обратиться к президенту, с тем чтобы тот направил в Верховный суд просьбу рассмотреть отношения Газпрома с НТВ. С моей точки зрения, здесь попытка, во-первых, повысить весовой коэффициент конфликта, включив в него президента, во-вторых, нанести ответный удар Газпрому, который как бы дал повод обвинить президента в удушении свободы слова в слу-

чае, если он не обратится в суд, что уже и будет его участием в конфликте на стороне НТВ.

Киселев преподносит это предложение как поиск компромисса. На самом деле это хитрость, которая призвана на срок рассмотрения дела в Верховном суде отбить все попытки Газпрома ввести на НТВ свое управление. А за этот срок (около 3 месяцев, по словам сторон) многое может случиться, например, придет помощь от Тернера и т. д.

Элементы психологической деформации в том, что Киселев и вся компания НТВ считают происходящее с ними настолько важным, что этим должен заниматься сам президент и Верховный суд. Сочувствую работникам НТВ и считаю, что в стране идет планомерное наступление на гласность и свободу слова, но важность и трагедийность происходящего представляются явно преувеличенными.

2. С. Сорокина предлагает всем, кто поддерживает в конфликте НТВ, позвонить по одному телефону, а кто поддерживает Газпром — по другому. Это называется интерактивным голосованием и призвано выяснить уровень поддержки населением той или иной позиции.

Как социолог легко назову причины, по которым результаты таких опросов являются ложными. В опросе участвуют лишь те, кто смотрит данную передачу, а смотрят передачу в поддержку НТВ те, кто поддерживает НТВ. Итоги голосования «совершенно понятны», как говаривал Немцов в программе «Куклы». И второе. Мы пытались дозвониться по указанному телефону с четырех разных мобильных телефонов и нескольких обыкновенных, установленных в нашем офисе в Санкт-Петербурге и в домах сотрудников. Набирали все возможные варианты. Увы, дозвониться так и не смогли, хотя обращались и в 09 (справочная), и в 070 (справочная по междугородному телефону). Там нам помочь не смогли, хотя и искренно старались. Так что, скорее всего, телефонные номера — фикция, необходимая для придания соответствующего антуража происходящему. Впрочем, оставляю какой-то процент вероятности на то, что ни я, ни сотрудники нашего центра, ни работники междугородного телефона просто не умеем им пользоваться.

Объективности ради стоит сказать, что неправда присутствует и со стороны Коха, Йордана и стоящих за ними структур.

1. А. Кох неоднократно заявлял (вечер 5 апреля 2001 г.), что его единственной целью является получение финансовой прибыли. Ложь совершенно очевидна, даже не надо комментировать.

2. А вот ложь другого рода (6 апреля, новостная передача по НТВ, новости других каналов). Автор говорит: «Единственное, что нам нужно, — это встретиться с трудовым коллективом. И вы не поверите! — (драматичнейшая пауза!) нам в этом отказано». Насчет единственной цели — ложь. И потом — почему не поверить? Помоему, это очевидно. Да и никто из присутствующих журналистов всех каналов и газет не выразил ни малейшего удивления. Цель Йордана и К° — попробовать расколоть коллектив НТВ, а задача Киселева — не допустить этого. А то ведь люди всякие бывают. И, между прочим, опасения Киселева не напрасны. Парфенов уже ушел с канала, и по этому поводу они поругались в студии у Диброва в ночь с 6 на 7 апреля. Дибров — верный и порядочный, Парфенов — умный.

Подчеркну еще одно различие в позиции Газпрома и НТВ. Газпром в лице Коха и Йордана считает, что незачем привязывать к конфликту общественное мнение, потому что вопрос замечательно решается административно-юридически-финансовым путем. Позиция с учетом места работы и жизненного опыта Коха со товарищи адекватная. Киселев и К° считают необходимым вынести конфликт на суд миллионов, надеясь, что, говоря правду (читай — используя манипулятивные технологии), смогут заставить потребителей информации играть на их стороне. Эта вера в свою способность готовить кушанье из определенным образом приготовленной правды с дозированной приправой лжи также представляет собой результат профдеформации, вызванной долгим нахождением в сфере деятельности регуляторов массовидного поведения в роли вождя, не получающего от массы корректирующих сигналов по системе обратной связи. И мы, и многие другие социологические организации, редакции газет провели исследования, результаты которых с редкостным единодушием говорят об одном: потребители информации считают, что в этом конфликте все хороши. В смысле — все выглядят достаточно неприглядно. Ошибка работников НТВ в том, что манипулировать зрителями можно лишь до определенного предела и что наличие информации с противоположной стороны резко снижает манипулятивные возможности.

Профдеформации, к рассмотрению которых мы еще вернемся, конечно же, не единственная тема, которую следует рассмотреть в данном конфликте. Эволюционная теория поведения направлена на то, чтобы с учетом знания психологических механизмов, обуславливающих поступки, получить возможность прогнозировать по-

ведение отдельно взятых социальных групп и потоков, выявить движущие и управляющие силы. В данном случае классический пасьянс социальной эволюции разложен еще раз: НТВ в лице своих сотрудников всегда было глашатаем либерализма, приверженцем рыночных отношений, сторонником строительства правового государства. И сегодня на полностью законных основаниях (опираясь на решение российских и зарубежных судов), в соответствии с правилами рыночной экономики (акционеры должны получать прибыль и имеют право сменить неэффективных руководителей компании), право собственности на НТВ должно перейти в другие руки. Оказавшись в столь неприятной ситуации, и Киселев, и другие последовательные руководители канала демонстрируют элементы поведения, вызывающие чувство уважения. Очень хочется (и это многократно прорывалось в репликах тележурналистов НТВ в период с 5 по 7 апреля) потребовать для себя не правосудия, но справедливости; не равенства перед законом, но исключительности; не выполнения экономических законов рыночной экономики, но возможности за чужие деньги высказывать свои взгляды. Но Киселев не позволил себе этого ни разу за описываемые три дня. Не знаю, что будет дальше (принципиально ограничусь рассмотрением конфликта 5-7 апреля 2001 г.), но Киселев требует лишь юридического рассмотрения дела, пытается найти спасение лишь в Конституции и юридической казуистике. Это последовательная позиция. Разумеется, Кох и Йордан также последовательны.

В процессе перестройки мы создали такое общество, которое, в соответствии с принципами демократии, на первое место выводит не базовые первичные ценности, а ценности виртуальные, вторичные. Не материальные блага, а деньги. Не события и факты, а информацию о них. Не справедливость как свод инстинктивно воспринимаемых и переписанных на культурном уровне в процессе становления сознания правил совместного проживания людей, а свод законов, составление и написание которого представляет собой сложный процесс, поддающийся манипулятивному воздействию на любой стадии: от написания статьи УК до исполнения приговора. Телевидение и другие СМИ представляют собой структуры, призванные обеспечить функционирование общества на уровне взаимодействия виртуальных ценностей. Оно по определению не может быть независимым, так как независимость сродни абсолютно твердому или абсолютно черному телу физиков. Журналист может говорить правду, хотя в жизни мы сталкиваемся с этим достаточно редко. Но даже его правда будет использована

руководителями канала для достижения какой-либо цели. Это есть манипулирование общественным мнением.

Я призываю относиться к этому ни хорошо, ни плохо, а как к объективной реальности, данной нам в ощущении. Раньше, чтобы довести до окружающих свои мысли, нужно было лишь высказать их. В эпоху СМИ следует либо купить телеканал и собрать коллектив, который будет озвучивать твои мысли, либо, если нет таких денег, найти то СМИ, взгляды владельца которого приблизительно совпадают с твоими, и там с удовольствием предоставят тебе слово за сравнительно небольшую плату.

То же приблизительно можно написать о судах и других структурах юридического обеспечения социума. Неправильно требовать от суда справедливости. Правильно требовать разумного соотношения при принятии решения и вынесении приговора воздействия вышестоящих органов и соблюдения норм закона. Конечно, такой подход всех возмутит, но если встать на позицию исследователя, а не гражданина с активной жизненной позицией, мы сможем найти все подтверждения моему тезису.

Положению журналистов можно только посочувствовать. Причем совершенно искренне. Каждый из нас может оказаться в их ситуации. Но не случайно 5 апреля вечером ни один работник НТВ не смог дать ответ на грамотный вопрос Коха, из всех сил пытавшегося развернуть дискуссию: «Если вам не указ решения наших и зарубежных судов, если не указ решение акционеров, то чье же мнение будет для вас авторитетным?» Причины такого молчания просты: в виртуальном пространстве НТВ полностью неправо, и сотрудники это понимают. А в реальном мире следовало бы выбрать в качестве арбитра народ, тем более постоянно звучала точка зрения, что НТВ взяло грязные деньги Газпрома, который отнял их у народа, для того чтобы выражать интересы народа. Но слово «народ» в качестве кандидатуры арбитра не было произнесено. Отчасти из-за демагогичности подобного заявления, отчасти из-за того, что это противоречило бы идеологии всей их восьмилетней работы, и, наконец, из-за психологической неготовности возвести народ из объекта манипулирования в статус высшего судьи. Лидер не может поменяться с массой местами. При этом происходит полная смена отношений, выход из массовидной группы регуляторов поведения. В данном случае это означает конец НТВ.

Как всегда, в тех случаях, когда стандартные способы реагирования не могут обеспечить адекватную реакцию, на помощь при-

ходит интеллект, который эволюционно сформировался как способ решения не имеющих прямых аналогов задач. И уже 6 апреля ответ был найден. В качестве верховных арбитров были избраны президент и Верховный суд. Зачем и почему — я уже писал.

Обращу ваше внимание на неудачу Коха в попытке провести какие-либо переговоры, на аналогичную неудачу Йордана на следующий день, на явный провал круглого стола Сорокиной 6 апреля. Наконец, обсуждение в студии Диброва в ночь с 6 на 7 апреля также дискуссией назвать никак нельзя. Дискуссии нет. Причин несколько. Отметим, что дискуссии нужны Коху и К⁰, чтобы внести раскол в НТВ, Киселев это понимает и на обсуждение не идет. Отметим, что и Кох, и Киселев понимают, что настоящие переговоры должны вестись никак не между Максимовской и Йорданом, например. Но есть и причины невозможности дискуссии между тележурналистами и системными управляющими, такими как Кох, лежащие в сфере рассмотрения нашего исследования.

В попытке завязать разговор вечером 5-го числа Кох, который лично мне был на начало конфликта глубоко неприятен (а такой образ создали СМИ во время приснопамятного скандала вокруг издания Чубайсом и К⁰ книги о приватизации, а также нескольких других известных мне фактов), произнес фразу, которая на следующий день была тиражирована всеми остальными СМИ: «Вы сами всегда были за рынок — так вот он, рынок, и коммунизма на отдельно взятом канале НТВ не будет!» Более дальновидная Миткова молчала, совсем умный Киселев вообще держался в стороне. А камера была установлена так, что главными участниками события стали Максимовская, сидевшая во главе стола, и журналист, расположившийся слева от Коха. Именно эти два работника СМИ наиболее ярко продемонстрировали причины невозможности дискуссии между тележурналистом и управленцем (я имею в виду психологические причины, связанные с профессиональными деформациями).

Сама работа журналиста, чей хлеб — новости, носит фрагментарный характер. Найти новость — рассказать о ней, дать краткий комментарий. Рано или поздно этот процесс канализируется. Журналист знает, что можно говорить в эфире, а что — не надо бы. Обрабатываются каналы поступления новостей. Вырабатываются стереотипы. Формируется мышление. Атрофируются или, как минимум, не развиваются способности к системному анализу. В бизнесе же — напротив, необходимо одновременно учитывать связи между многими и многими направлениями. В результате контакт Коха

и Максимовской — контакт системного и фрагментарного мышления. Дискуссия невозможна в принципе.

Вторая бросающаяся в глаза деталь — эмоциональность работников СМИ. Новость вызовет интерес у зрителя только в том случае, если будет подана ярко, эмоционально. В итоге — устоявший примат эмоций над логикой. У Коха — примат логики. Иначе невозможно вести дела в мире финансов, законов и других сложно выстроенных систем. Дискуссия невозможна.

Перейдем от Масимовской к Сорокиной, к продолжению попытки дискуссии 6-го вечером. В зале сидят Кох и Венедиктов, амфитеатром — участники предполагающегося обмена мнениями; на телеэкране — Лесин, министр СМИ. В центре — Сорокина, ведущая телепередачи. Я смотрел не с самого начала, поэтому не понял, в каком качестве присутствовал Э. Сагалаев.

Любая дискуссия, с точки зрения «правильного» демократа, должна начинаться с хорошего оскорбления. В соответствии с правилами жанра С. Сорокина предоставляет слово одному из присутствующих, который высказывается в том смысле, что какое приятное лицо у нас, демократов, и какие отвратительные физиономии у Коха и других уродов газодобычи. Бедный охаянный Кох в ходе всей дискуссии еще много узнает о себе. При этом Сорокина будет всячески одергивать всех, кто хочет сказать что-либо против НТВ, и предоставлять все возможности говорить своим сторонникам. Допускаю, что Светлана делала это неосознанно, искренне пытаюсь сохранить объективность как ведущая дискуссии. Профдеформация называется: «нетерпимость к точке зрения, отличающейся от собственной». Причина ее возникновения — привычка к отсутствию возражений, выработанная в течение многолетнего диодного общения с телезрителями, завышенная самооценка, вызванная постоянным высокопоставленным окружением, другие причины, действовавшие в процессе становления ведущей как тележурналиста.

«Но если хочешь довести людей до горьких слез,
Их безопаснее всего по радио дразнить!» (Г. Остер).

Привычка к безнаказанности провоцирует на грубость Бенедиктова, которой ведет себя презрительно и вызывающе. Может быть, просто плохо воспитан? По ходу передачи молчаливый обиженный Кох с его короткими логичными репликами становится все более и более симпатичен.

Грубость за грубостью. В новостях Осокин, почти дословно: «Йордан хочет говорить со мной? Пожалуйста, я открыт к диалогу.

У меня постоянно включен автоответчик, он с ним поговорит». Миллионная аудитория молча слушает, как Осокин перед всеми оскорбляет инакомыслящего. Аудитория также не может ответить. Она идентифицирует себя с командой Коха.

Далее — ряд высказываний, приведенных в произвольном порядке.

Журналисты НТВ — Коху, многократно: «Вы выполняете заказ!» (Как будто сами не выполняли заказов! Вспомним, как раздвигались с Примаковым или, что мне особенно близко к сердцу, с губернатором Яковлевым в ходе его выборов в 2000 г. Мы как раз вели его кампанию, и поэтому каждое его оскорбление дикторами НТВ я помню очень хорошо.)

Е. Киселев: «Мы не принимаем решения судов, потому что у нас есть сомнения в беспристрастности судей. Мы не принимаем решение собрания акционеров, потому что сомневаемся в его законности». (Если сомневаетесь в законности — выполните это решение, ведь это решение собрания акционеров. А потом обжалуйте законность в суде. Именно такую последовательность действий предполагает демократическая процедура.)

Кох: «Мы хотим встретиться с коллективом, и только!» (На самом деле: мы хотим встретиться и попытаться расколоть или уговорить его.)

Киселев: «Мы предлагаем — суд! Встречи с коллективом не будет!» (Подтекст: рассмотрение дела в Верховном суде — долгая песня. Мы выиграем время. А встреча с коллективом нежелательна — вдруг найдутся ренегаты?)

Йордан: «Я родился и вырос в демократической стране» (имея в виду США). (Нашел пример истинной демократии!)

Лесин: «Нам нужны зарубежные инвестиции в телевидение».

Кох, Киселев, Сагалаев и др.: «Нам очень интересны переговоры с Тернером о продаже части акций».

Вот и договорились: 1. Вот приедет Путин — Путин нас рассудит. 2. Вот приедет Тернер — Тернер нас рассудит.

Заметьте, что «Вот приедет народ ...» в строку не ложится.

В качестве высшего арбитра выбран барин, а не народ. Что-то мне это напоминает. Где-то это уже было. Меня, как петербуржца, особо радует, что барин в конце концов и «уехал в Питер». Именно в Питер, а не, скажем, Нью-Йорк или Лондон. Но подобные патристические взгляды были бы участниками конфликта отмечены с неодобанием.

Да, все описанное и, тем паче, все виденное мало напоминает дискуссию. Все это вызывает в памяти фразу из пелевинской «Генерации П.», из разговора оцифрованных Березовского и Радужева: «Вот и давай как два европейца перетрем, без этих волчьих понтов!»

Многие люди опечалены самим фактом исчезновения оппозиционного сегодняшнему президенту канала, ведь президент настолько окружил себя лизоблюдами, что того и гляди заразится манией величия. Многим представляется неприятной возможность смены каналом НТВ идеологии в связи с приходом новых владельцев. Но никто не рассматривает этот конфликт как сражение душителей свободы слова с борцами за правду. Это всего лишь конфликт двух групп, использующих свободу слова для манипулирования обществом с целью достижения политико-экономических преимуществ.

В недалеком будущем (а к тому моменту, когда эта книга выйдет в печать, в прошлом) конфликт «Газпром и НТВ» забудется практически всеми. НТВ станет чаще высказываться в поддержку президента, заменит слова «война в Чечне» на «проведение операции по упрочнению правопорядка в Чеченской республике». Возможно, что некоторые журналисты останутся на этом канале, легко сумев пережить смену парадигмы, но сохранив зарплату, возможность интересной работы и донесения своего мнения и изображения до миллионов потребителей, что для журналистов очень привлекательно, так как повышает самооценку. Часть уйдет на реформирующий канал ТВ-6, где в какой-то форме продолжит критику правительства, не решаясь говорить о президенте. Наконец, часть просто будет выкинута с телевидения, как уже упоминавшийся Доренко, который хорошо сделал свое киллерское дело, и теперь среди порядочных людей, сделавших ему заказ, неприличным считается подавать руку человеку со столь сомнительной репутацией. Как видите, политика двойных стандартов свойственна не только США, мировому жандарму (от мирового зла — наше вам с кисточкой! — *Автор*), так сказать, но и любой системе демократии. Демократия — это такая форма, когда противоречия, существующие в реальном мире, сводятся к минимуму путем замены реальности на виртуальность, которая обладает более размытыми очертаниями с менее острыми краями. В результате получившееся общество имеет шанс жить в худо-бедном внутренней согласии, а претензии отдельных его членов, не разглядевших в тумане виртуальности острых углов

реалий и набивших шишки, во внимание не принимаются. Общество лишается жестких конфликтов, но также и периодического очищения путем задействования сильных эмоций. Базовые понятия ролевой поведенческой функции «добро—зло», «правда—ложь», «благородство—подлость» тускнеют, и общество становится одинаково серым, и это опасно. Что лучше — система либеральных ценностей и рыночного капитализма или развитого социализма и коммунизма? Боюсь, что мы этого никогда не узнаем.

Радует то, что все мы защищены могучим инстинктом, который, собственно, не инстинкт даже, а способ существования белковых тел, — стремлением к правде. Если говорить в терминах эволюционной теории поведения — стремлением к адекватному отражению реальности. Особь, которая отражает реальность неадекватно, просто умирает, так как принимает за мамонта скалу, а за ягненка — саблезубого тигра. И результаты деятельности в подобных условиях оказываются для личности фатальными.

Перезапись поведенческих коррелятов в символическом поле, происшедшая в период становления сознания человека, несколько расширила диапазон приемлемого отклонения от адекватного отражения действительности, но величина этой дельты не бесконечна. И как только количество лжи превышает некоторый уровень, нас выручает здравый смысл. Задача специалистов в области манипулирования общественным сознанием в том и заключается, чтобы заменить виртуальной действительностью реальность, отключить механизм, обеспечивающий адекватную оценку ситуации. И тогда можно будет говорить о стопроцентной управляемости социумом. На сегодня эта задача не достигнута, хотя впечатляющие успехи у специалистов, работающих в этой области, уже есть. Лучшее на сегодня, что я могу предложить для борьбы со всем этим огромным механизмом психологического воздействия, который представляет из себя телевидение в частности и СМИ в целом, — это совет как можно меньше смотреть телевизор. И никогда не читать газет! Ничему хорошему там не научат.

Глава 13

Избирательные кампании

Выборы как искусство манипулирования поведением избирателей с применением методов индивидуальной, ролевой и массовой регуляции. Элементы стратегического планирования избирательных кампаний

Избирательные кампании, в той или иной форме проводимые практически во всех странах планеты, представляют собой пространство испытания новейших манипулятивных технологий, полигон для отработки прежде всего психосоциальных методик, позволяющих трансформировать материальные ресурсы во власткг1ТсГгордостью можно отметить, что за смехотворный исторический период в 15 лет мы догнали в этом вопросе специалистов таких стран, как Франция или Соединенные Штаты, где искусство идеологической обработки собственных граждан всегда было на высоте. Догнали и перегнали, так что Никита Сергеевич мог бы быть доволен. Сегодня, рассматривая перипетии избирательных кампаний в США, отмечаешь как примитивизм тактических приемов ведения агитации, так и кризис стратегических замыслов. Это понятно сегодня не только политтехнологам в России, не только нашим психологам и социологам, но и чиновникам, и администрации. Не случайно на губах непроницаемого Вешнякова, эмоции демонстрирующего очень скупое, по возвращении из Америки во время их грандиозного скандала с президентскими выборами 2000 г. была заметна тень иронической улыбки. Не вдаваясь в подробный анализ причин возникновения в этом вопросе нашего безусловного приоритета, отмечу, что в России пространство маневра в ходе избирательной кампании для политтехнолога значительно шире, чем то же пространство в США. Они ограничены в своих возможностях зако-

ном, устоявшимися традициями, более четким разделением материальных и духовных ценностей общества на доминирующие и второстепенные, а также некоторой косностью мышления специалистов, делающих свой бизнес в этой области.

Уровень некоторых наших политехнологов значительно выше, прежде всего потому, что американцы играют на поле, ограниченном некоторыми четко прописанными и признанными обществом правилами, а у нас специалисту по выборам можно не только играть по правилам, но и манипулировать самими правилами, что, естественно, на порядок сложнее и интереснее.

Жёсткая конкурентная борьба во время избирательных кампаний, когда в регионах постоянно сталкивается в бескомпромиссных соревнованиях несколько ведущих специалистов в этой области, способствует быстрому развитию и совершенствованию методов и приемов классической российской кампании по выборам губернаторов и мэров крупных городов. Сегодня у специалистов первой десятки выработался узнаваемый стиль.

Многие из них пишут книги на тему выборов. Книги эти бывают двух видов: для внутреннего пользования и для собственного позиционирования на рынке PR-услуг. Как правило, книги для внутреннего пользования представляют собой четко сформулированные и профессионально грамотно составленные инструкции по проведению избирательной кампании, используемые при обучении рядовых работников, привлекаемых к кампании на местах: агитаторов, пикетчиков и т.д. Кроме того, привлечение к написанию подобных работ помогает руководителю фирмы держать в тонусе своих специалистов в различных областях: социологии, психологии, телевидения, прессы, полевых работ и т. д.

Книги для массового и адресного распространения по потенциальным заказчикам представляют собой списки тактических приемов и трюков, которые автор при необходимости может использовать в ходе краткосрочной, как это обычно бывает, избирательной кампании, к примеру, на выборах губернатора. Обычно на заказчика наличие книги производит хорошее впечатление. Но ирония заключается в том, что перечислить тактические приемы вам с легкостью может любой бригадир группы агитаторов, любой журналист, который хотя бы раз принимал участие в выборах, да просто любой человек, который читает газеты, смотрит телевизор и при этом имеет неистребимую привычку российского интеллигента пользоваться собственными мозгами.

Тактические приемы знают все. Но, во-первых, далеко не все умеющих применять. Во-вторых, совсем мало кто может из тысячи тактических уловок выбрать 8-10 нужных в данный момент в данной кампании, а ведь больше за 2-3 месяца скоротечных боев провести невозможно. В третьих, по пальцам двух рук можно перечислить специалистов, которые из этих 8-10 приемов умеют сплести цельную композицию, идеально ложащуюся на ситуацию, соответствующую ожиданиям избирателя, учитывающую не только состояние электората в данный момент, но и тенденции его подвижек с учетом возможных действий конкурентов. И, наконец, лишь единицы специалистов в России (да и во всем мире они редки!) способны играть на порядок глубже, при помощи того же набора тактических приемов выстраивая стратегию долгосрочного развития электоральных предпочтений. Многие способны громыхнуть по всей клавиатуре, да еще и нажать на педаль, чтобы избиратель услышал рев и гром. Но очень важно нажать на нужные клавиши в нужной последовательности, и тогда избиратель услышит правильную мелодию.

Использование эволюционной теории поведения, знание механизмов, которые обеспечивают поведение людей в той или иной ситуации, позволяет планировать избирательную кампанию таким образом, чтобы конкуренты просто за голову хватались, не понимая, почему их действия приводят к совершенно не тем результатам, на которые они рассчитывали. Планирование подобной стратегии и претворение ее в жизнь доставляет политтехнологу истинное удовольствие.

Для того чтобы спланировать избирательную кампанию на основе эволюционной теории поведения, следует в качестве объектов для рассуждений и анализа выбрать следующие величины.

1. Основные слои, группы населения, с которыми можно работать в ходе кампании. Количество таких групп определяется в компромиссе между стремлением максимально учитывать особенности реагирования на внешние стимулы самых мелких групп и реальной возможностью делать это в ходе кампании, которая определяется временем ее протяженности, финансовыми возможностями, наличием коммуникативных средств и средств точечного воздействия и т. д.

Обыкновенно в ходе кампании выделяют группы избирателей, структурированные по следующим показателям:

- а) по политическим взглядам;
- б) по имущественному состоянию;

- в) по профессиональной принадлежности;
- г) по возрастным особенностям;
- д) с учетом участия в предшествующих выборах значимых событиях;
- е) по религиозным взглядам;
- ж) с учетом исторически сложившихся отношений в избирательном округе;
- з) по производственному принципу;
- и) по степени контролируемости поведения административным ресурсом и знаковыми личностями;
- к) по уровню образования и уровню интеллектуального развития.

Этот перечень групп можно продолжать очень долго, доходя в степени дробления до особенностей конкретной компании из трех бабушек, которые собираются по вечерам на скамейке у данного конкретного подъезда. Но эта информация не может быть использована в процессе стратегического планирования кампании, а найдет свое применение в ходе тактических агитационных мероприятий, которые в хорошей кампании должны охватывать каждый дом, каждую квартиру.

2. Основные способы донесения информации до каждой группы населения или до существующих конфигураций групп, перекрываемых одним информационным источником.

К методам и источникам доведения информации относятся:

- а) СМИ (телевидение, радио, газеты);
- б) слухи;
- в) информация, которая напрямую доносится агитаторами до каждого избирателя;
- г) информация, которая доносится агитаторами до лидеров микрорайонов общества;
- д) встречи кандидата и его доверенных лиц с избирателями;
- е) информация, которая по тем же каналам доводится до избирателя противниками;
- ж) информация, доносимая в виде материалов уличной агитации (плакаты, билборды, перетяжки, стенды и т. д.);
- з) информация, доводимая в ходе проведения избирательных митингов, демонстраций, субботников, мероприятий по строительству детских площадок, ремонту подъездов и т. д.

Если бы мы имели возможность использовать все способы донесения информации до каждого человека, входящего в каждую рассматриваемую группу, то вероятность того, что мы смогли бы по-

будить его к желательным для нашего заказчика действиям и выбору, была бы очень высока. Но сделать это невозможно по ряду причин, среди которых к важнейшим относятся действия конкурентов и небезграничность финансовых ресурсов. В разговорах часто упоминают еще одну причину, говорящую не в пользу применения всех методов по отношению ко всей целевой группе сразу: что, де, можно перекармливать рынок информацией и все это вызовет отторжение у избирателя. На практике же мне ни разу не пришлось встретиться с ситуацией негативных последствий, вызванных переполнением рынка правильно подготовленной информацией, так что подобные опасения сильно надуманны. Но, тем не менее, кампании, разумеется, не сводится к тому, чтобы завалить избирателя листовками. Необходимо, во-первых, подготовить информацию, во-вторых, знать психологические законы, согласно которым избиратель воспринимает нашу информацию не как досадный шум, а как руководство к действию.

Очень многие избирательные кампании проигрываются и выигрываются именно на этой стадии. Опытный политтехнолог всегда сделает попытку спровоцировать конкурентов на использование в агитации таких информационных тем, которые могут противнику казаться значимыми и интересными, но отталкивать при этом избирателя. Яркий пример тому — Белоруссия. Нам удалось навязать оппозиции дискуссию на тему судеб распущенного несколько лет назад Верховного Совета Белоруссии. Напомню, так как, конечно же, никто этим не интересовался в здравом уме, что первоначально оговоренный срок полномочий Верховного Совета должен был окончиться в 2001 г. Так как жизнедеятельность большинства членов оппозиции была так или иначе связана с работой Верховного Совета, то при помощи сравнительно несложной системы донесения информации до лидеров оппозиции удалось утвердить их во мнении, что на дискуссии вокруг темы роспуска Верховного Совета можно набрать очки в ходе кампании по выборам президента Белоруссии. И им оказалось легко поверить в это, так как они ошибочно отождествляли себя с избирателями; легко сделать вывод, что раз это значимо для них, то значимо и для избирателей. Такой тип ошибки называется проекцией. В итоге в течение нескольких месяцев оппозиция тратила выделенные американцами гигантские ресурсы, свои возможности в СМИ, доступные для них трибуны европейских организаций на обсуждение этой темы, абсолютно безразличной народу Белоруссии. Как следствие, их рей-

тинг оставался на прежнем уровне, а мнение избирателей о том, что «страшно далеки они от народа», укрепилось. Решив ковать железо, пока оно горячо, мы спланировали еще одну тему для обсуждения: взаимоотношения внутри многочисленных оппозиционных движений. И страницы белорусских газет заполнили аббревиатуры названий многочисленных оппозиционных партий и движений.

Статьи получались столь неудобочитаемыми, что вызывали возмущение даже сторонников этих карликовых партий, которые поневоле сравнивали написанные простым и ясным языком материалы пропрезидентских СМИ с абракадаброй оппозиции и делали вывод не в пользу последней.

Здравомыслящий человек в Белоруссии, равно как и в России, не способен и не обязан ориентироваться в десятках аббревиатур, и чувства, которые вызывали у избирателя подобного рода статьи, были какие угодно, но только не желание голосовать за все эти ННД, ДНДР и т.д. Подобные ошибкам белорусской оппозиции поступки в ходе избирательных кампаний совершали многие российские политики и партии. Это и «Яблоко», чьи избирательные кампании последних 2-3 лет представляют собой буквально нагромождения нелепостей, и СПС, который силами своих лучших представителей Хакамады и Немцова играет и поет на стадионах в присутствии обнаженных девиц. Да и других примеров этой ошибки можно привести множество. Однако мы сами не должны допускать подобной ошибки и не травить байки из истории проведения разных кампаний, а по возможности строго рассуждать на темы планирования избирательных кампаний с использованием принципов эволюционной теории поведения.

^ - Итак, мы готовим информацию с учетом наших знаний об округе, т. е. сводим весь массив к 4-5 основным темам, которые включают в себя позитивные аспекты позиционирования нашего кандидата, и 2-3 темам, служащим для постановки конкурентов в выгодное для нас положение, дискредитирующее их, вытесняющее на невыгодное электоральное поле. Теперь нужно зашифровать эти темы в довольно ограниченном количестве носителей. Не буду останавливаться на том, что в психологии давно известны и хорошо изучены законы получения и переработки информации человеком, приемы, которые позволяют сделать информацию наиболее убедительной, наиболее запоминающейся. Но посвящу несколько абзацев рассмотрению вопроса, на который подавляющее большинство политтехнологов совершенно напрасно не обращает внима-

ния, говоря об адресном донесении информации. Принято считать, что, какие бы формы агитации ни использовались, человек всегда голосует, оставаясь с глазу на глаз с урной и избирательным бюллетенем. В законе предусмотрена статья, по которой всякая агитация прекращается за сутки до голосования, с тем чтобы избиратель сделал свой выбор осознанно. «Осознанно» в данном случае означает: «находясь в сфере деятельности индивидуальных поведенческих регуляторов».

На деле это не совсем так. Стремление добиться того, чтобы человек голосовал как личность, внедрено в практику западными демократиями, жидущимися на утверждении примата прав человека перед правами общества. Агрессивная идеология западного мира справедливо полагает, что применение подобного способа в выборе руководителей поможет привести мир к западной системе общественного устройства, и потому активно и успешно насаждает свои методы где только может. Но парадокс заключается в том, что, исходя из тех же приматов личности над социумом, личность вправе, находясь в рамках законодательного поля, как это принято говорить, разрабатывать и применять приемы, позволяющие воздействовать на человека, находящегося в одиночестве в кабине для голосования.

Из сферы влияния одной группы регуляторов в другую человек проходит не мгновенно. В одной из глав я уже говорил о поведенческих деформациях, которые являются устойчивыми во времени, если человек значительную часть жизни находится в сфере воздействия определенного вида поведенческих регуляторов. При различных условиях инерционность действия массовидных и ролевых групп регуляторов, используемых для агитации в ходе избирательной кампании, может значительно перекрывать те сутки, которые отводятся законом для очищения избирателя от воздействия избирательной кампании. Какие же параметры следует учитывать, чтобы рассчитать необходимую мощность воздействия массовидных и/или ролевых регуляторов с тем, чтобы они определяли поведение человека в течение двух суток (суток информационной паузы и суток голосования) по инерции? Их множество, и ситуация осложняется тем, что разные люди в разной степени восприимчивы к разным формам информации, подаваемой на различных носителях и воздействующей в сфере индивидуальных, ролевых и массовидных групп регуляторов. Кажется, задача усложнилась до бесконечности. Но выручает то, что все параметры, увеличивающие

неопределенность, могут быть описаны в заданном приближении, в заданной дискретности, и тогда мы будем иметь дело с ограниченным количеством сочетаний приемов воздействия и объектов воздействия, временная протяженность которых определяется продолжительностью избирательной кампании.

Эмпирическим путем установлено, что при планировании в ходе эволюционной теории поведения удобно представлять электоральное поле в виде мозаики таксонов, именуемых социальными течениями. Слово «течение» представляется более уместным в сравнении с «группой», так как эти социальные образования находятся в непрерывном изменении, и параметры, определяющие их самодостаточность, кажутся константами лишь на протяжении сравнительно небольших отрезков времени.

На первом этапе планирования избирательной кампании следует установить, к каким социальным течениям относит себя электорат, с какими нишами он себя идентифицирует. Следует помнить, что количество вакантных ниш значительно, во много раз превышает численность избирателей. Утром, перед уходом на работу, мы находимся в нишах, где наше поведение определяется группой индивидуальных и семейных регуляторов, которые, возможно, представляют собой частный случай ролевых, затем, перемещаясь по городу в общественном транспорте, попадаем в сферу действия масквидных, на работе в институте оказываемся в сфере охвата ролевых регуляторов. Вечером все возвращается на круги своя. Таково, к примеру, одно из социальных течений, социальных потоков, которое необходимо держать в памяти.

В пятницу человек реагирует как рабочий, в субботу - как дачник. И реакции бывают весьма различающимися. Социологи знают, что исследования, позволяющие выявить рейтинги кандидатов на тот или иной пост, следует проводить в воскресенье, так как выборы также проходят в выходные дни. Опрос общественного мнения, проведенный в будничныи день, даст результаты, далекие от действительности. Почему так? Потому что мы в пятницу исследуем людей, находящихся в совершенно иной социальной нише, нежели они окажутся в воскресенье. Огромные массы людей переходят из одних электоральных ниш в другие, и делают они это в строгом соответствии с общественными правилами и традициями, порядком жизни, микро- и макрополитическим и экономическим воздействием. Информация, доносимая в одной и той же форме одинаковым носителем, может совершенно различным образом оп-

ределить поведение одного и того же человека, перенесенного социальным потоком из одной ниши в другую.

Методики, позволяющей учесть все вышесказанное и составить безошибочный, дающий стопроцентную гарантию план избирательной кампании, в настоящее время не существует. Но наши методы стратегического планирования электорального поведения позволяют иметь преимущество перед работой групп, ведущих кампании, отталкиваясь от своего технического багажа. Мое мнение совпадает здесь с мнением товарища и коллеги по работе А.В. Шустова, который давно уже говорит и пишет о необходимости стратегического планирования власти, психологического сопровождения деятельности власти в условиях демократического общества. Рассмотрению этого вопроса, т.е. вопроса о функционировании долговременно существующих механизмов социального управления и обеспечения власти, я посвятил одну из следующих глав.

В ходе избирательной кампании следует избрать один из двух способов работы с электоратом. Один применяется преимущественно в том случае, когда претендент на пост не является действующим главой администрации и не обладает административным ресурсом. Другой — когда необходимо провести выборы в интересах губернатора, стремящегося сохранить за собой место на следующий срок.

И в первом и во втором случае необходимо сделать следующее.

1. Изучить электоральное поле, его социальные ниши и течения.
2. Определить стартовое состояние поля, учитывая параметры, описанные выше.
3. Определить желаемое финальное, предвыборное состояние поля, конфигурацию социальных групп в день голосования.
4. Определить в этой весьма динамичной структуре те пространственным и временным образом локализованные точки, в которых оптимально будет проведение информационного воздействия с учетом наших знаний психологических механизмов убеждения.
5. Определить пошаговую схему донесения информации, которая включает в себя определение: а) информационных тем; б) способов кодировки; в) типов носителей. Конечно, информация должна доноситься по многим каналам одновременно.
6. Определить пути проведения конкурентов по электоральному полю таким образом, чтобы на выходе, т.е. в финале кампании, они оказались в весьма ограниченном сегменте электорального поля. Кстати, ярким примером такой работы может служить изби-

рательная кампания «Яблока» на выборах в Законодательное Собрание Санкт-Петербурга. В первом туре «яблочники» заняли первое место в подавляющем большинстве округов. Но во втором туре проиграли в таком же массовом порядке, хотя уже готовились формировать в ЗакСе большинство. Причиной всему — неправильное планирование. На финише кампании они оказались в сегменте электорального поля, неприемлемом для всех остальных избирателей, кроме тех, что голосовали за них в первом туре. В итоге — поражение. Та же проблема возникла на президентских выборах в России у коммунистов: уверенно-вторые — но не первые.

7. Учесть, в сфере воздействия какого типа поведенческих регуляторов находятся избиратели, влекомые социальным потоком из одной ниши в другую в момент информационного воздействия, и сформировать это воздействие соответствующим образом.

8. При необходимости изменить направление социальных потоков так, чтобы применение информационных технологий стало наиболее эффективным.

9. Учесть в планировании степень инертности состояния, вызванного тем или иным коррелятом поведения.

10. Постараться учесть возможные действия противников и связать им свою игру. Эта часть избирательной кампании, впрочем, находится вне сферы охвата эволюционной теории поведения.

В первом случае следует больше внимания уделить поиску собственного пути претендента на пост.

Во втором — препятствовать конкуренту манипулировать процессами, происходящими в электоральном поле, вытеснить его в неудобные, неперспективные сегменты этого поля¹

Последнее нам очень хорошо удалось сделать в Санкт-Петербурге на выборах губернатора в 1999-2000 гг., когда все усилия конкурентов В. А. Яковлева И. Артемьева, В. И. Матвиенко и других, при массовой поддержке всех центральных СМИ, при огромных объемах финансирования кампаний, просто провалились в песок. Избирательная кампания В.А. Яковлева, которую мы провели в 2000 г., представляет собою объект моей профессиональной гордости и подтверждение высокой эффективности использования прикладных аспектов эволюционной теории поведения в проведении избирательных кампаний.

Естественно, используется эта теория не только при стратегическом планировании. Рассмотрим вопрос обеспечения функционирования каналов донесения информации в условиях административного противостояния. В качестве примера приведем кампа-

нию по выборам губернатора Красноярского края в мае 1998 г., когда я работал с А.И.Лебедем против действовавшего в то время губернатора Зубова, чью кампанию возглавлял А. Кошмаров.

Стартовый рейтинг Лебеда составлял 12%, а Зубова 62%, и все местные СМИ, естественно, поддерживали действующего губернатора. В этих условиях необходимо было выстроить структуру донесения информации до избирателей в виде групп полевой поддержки. Именно полевые структуры способны успешно противостоять массированному воздействию СМИ, потому что человек в качестве носителя информации превосходит изображение на экране или текст в газете. Полевая структура была создана в кратчайший срок (около 7-10 дней), количество вовлеченных в нее людей в пиковые моменты составляло до 12 тыс. человек. В ходе ее подготовки применялись два принципа: использование параллельных структур и базирование на ролевых регуляторах поведения. Подобная конфигурация полевой структуры была выбрана, во-первых, из-за целесообразности вовлечения в кампанию партиячек «Чести и Родины» — партии, поддерживавшей Лебеда. Руководитель этой партии в Красноярском регионе Игорь Захаров, человек упрямый, волевой, умеющий работать сам и добиваться этого от других, свою партструктуру создал с элементами использования принципов воинской дисциплины, что позволило партиячкам продемонстрировать и хорошую управляемость, и стрессоустойчивость. Основная же агитационная структура была создана нашими специалистами (около 90% численности участвовавших в кампании людей). Социальная ниша, занимаемая этой полевой структурой, с одной стороны соприкасалась с параллельно существующим отделением «Чести и Родины», что формировало на уровне рядовых исполнителей замотивированность типа «друзья — соперники», с другой стороны контактировала с избирателями, транспонировав общение в миллионах межличностных контактов и контактов типа «личность — малая группа», а также жестко противостояла ролевым структурам конкурентов (образ внешнего врага) и, в ряде регионов Красноярского края, а прежде всего в самом Красноярске, «играла в разведчиков» с местными органами внутренних дел, которые в целом больше обозначали активность в поддержку действующего губернатора, и лишь в отдельных акциях переходили границу политкорректности.

По своей структуре наша полевая команда представляла собой типичную пирамиду, в которой каждые 10-12 человек имеют свое-

го руководителя. Эти руководители, в свою очередь объединенные в десятки, подчиняются вышестоящим начальникам, а те — лидерам регионов, например, Канского, Ачинского и т. д. Таким образом, у руководителя полевой структуры региона в подчинении находилась пирамидальная структура численностью около 1000 человек. Руководитель региона контактировал с центральным штабом полевых работ, начальник которого непосредственно работал с руководителем кампании, в данном случае с вашим покорным слугой. Руководители регионов также имели выход на руководителя кампании, а руководители десятков — на руководителей регионов. Таким образом достигалось прохождение прямой и обратной связи и по инстанции, и через ступень. В целом структуру можно изобразить так, как показано на рис. 33 (см. вклейку).

Каждый агитатор замотивирован:

- 1) наличием дружеской конкурентной структуры;
- 2) наличием враждебной полевой структуры соперника;
- 3) включенностью в пирамидальную ролевую структуру;
- 4) вовлеченностью в свою малую группу;
- 5) нахождением в общем поле административно-правового воздействия;
- 6) отношениями с избирателями, что на рисунке никак не отражено.

Для достижения успеха в работе следует формировать оптимальные мотивационные сочетания у исполнителей с учетом противодействия этому процессу со стороны конкурентов, которые в рассматриваемом случае включали в себя и административные структуры.

Для выстраивания оптимальной конфигурации следует использовать возможности воздействия всех групп поведенческих регуляторов. Индивидуальная заинтересованность достигается путем повышения материального благосостояния работников, предоставления постов и рабочих мест и сразу, и после успешного окончания кампании, и т.д. В ряде случаев при помощи психологического воздействия проводится определенная личностная коррекция, проводятся элементы тренинга повышения коммуникативных способностей, уверенности в себе, что представляет собой использование одновременно и индивидуальных и ролевых регуляторов.

Массовидные формы оптимизации работы заключаются также в проведении некоторых трюков и приемов. Агитаторы и руководите-

ли нижних ступеней подвергаются воздействию общего потока информации через СМИ, и перед специалистами в области телевидения, радио и прессы руководитель кампании ставит задачу, чтобы сегмент потока СМИ, создаваемый и контролируемый нами, учитывал необходимость вовлечения пирамидальной, т. е. жестко зафиксированной, структуры полевиков в массовидные отношения. Через СМИ, а также по каналам прямой связи формируется образ вождя с присущими ему качествами: решительностью, знанием пути, способностью и покарать, и наградить. Воспитывается также чувство причастности к тайне: разрабатывается и рассылается каждому агитатору специальная литература с более подробными планами кандидата, нежели в общедоступных СМИ, более подробная информация о кандидате. Это позволяет агитаторам, помимо всего прочего, получать некоторое психологическое преимущество в общении с избирателями и с агитаторами противников. Также формируется ощущение необходимости позитивных изменений, что в совокупности с подчеркиванием неполной ясности, что же именно нужно делать, вызывает желание переложить часть ответственности на кандидата.

Апофеоз — личное выступление кандидата в районе. Приезд кандидата обставляется соответствующим образом. В графике из нескольких встреч, запланированных в данном районе, обязательно одна — со своими агитаторами. Кандидат говорит с ними как с единомышленниками, как с членами одной команды, которым предстоит делать одно большое хорошее дело. Это сплачивает. Это формирует массовидные отношения, это продуцирует массовидное поведение, которое, обладая определенной инерционностью, позволяет снизить воздействие на агитаторов пропаганды соперников, компенсировать негативные факторы, определяемые усталостью, отсутствием видимого результата, а также естественными причинами, обуславливающими разрушение сложных структур в условиях отсутствия формализованных в законах и традициях отношений.

Трудно определить, какая группа поведенческих регуляторов более важна в деле оптимизации деятельности полевых структур, но все же мне представляется главенствующим формирование правильных ролевых отношений в малых группах, которые и представляют собой главную ударную силу полевых структур. Именно знание законов эволюционирования малых групп позволяет пересчитать, перепланировать соперников в решении задач по оптимизации работы агитационных структур. И именно это преимущество может стать в кампании решающим.

Первоначально, в кампаниях 93-95 гг., когда мы находились на ранних стадиях разработки эволюционной теории поведения и еще не проводили базовых экспериментов по массовидной регуляции поведения, мы даже пробовали в обязательном порядке в каждую малую группу вводить психологов для оптимизации ее работы. К сожалению, выяснилось, что сложно найти и десятую часть того необходимого количества психологов, которые могли бы профессионально сопровождать деятельность группы агитаторов. После нескольких конфликтов, произошедших из-за неумения и нежелания ряда гуманистически ориентированных психологов работать в условиях полувоенной дисциплины и не идеально чистых рук, мы отказались от этой практики. Психологи должны участвовать в подготовке лидеров малых групп, но сами в работе малых групп участвовать не должны. И лучшие результаты демонстрируют те из работников нашей профессии, которые прошли армию, поработали и на производстве, и в сельском хозяйстве, и в сфере обслуживания. Только тогда они смогут дать по-настоящему ценные советы (при наличии глубоких знаний, разумеется). Только тогда их работа не оттолкнет от них лидеров малых групп. Такие специалисты редки, и они составляют золотой фонд любой фирмы, занимающейся проведением избирательных кампаний.

Рольевые отношения — а именно к сфере деятельности рольевых регуляторов относятся такие положительные качества людей, как самоотверженность, самопожертвование, героизм, дружба, ответственность, — в среде отношений массовидных развиваются и поддерживаются при личной заинтересованности в результатах работы и ее итогах, позволяют обеспечить высокую работоспособность полевой структуры в течение всей кампании, противостоять факторам внешних негативных воздействий. Практика показывает, что даже в условиях подавления правовыми структурами и администрацией, поддерживающими конкурентов, руководящих органов нашей кампании низовые звенья полевой структуры самостоятельно продолжают работать в течение значительного времени, до одного-двух месяцев, что делает бессмысленными акции противников против руководителей кампании. И те препятствия, которые администрация противника чинит в районах агитаторам, лишь повышают мотивацию их к работе, приводя к созданию некоего аналога партизанского движения. А народ, выразивший свое мнение в форме партизанского движения, как правило, непобедим!

Проведение избирательных кампаний на основе дифференциации населения по социальным группам, являющимся элементар-

ными кирпичиками социума, не является чем-либо принципиально новым. Что-то подобное было, к примеру, в США в 20-30-х годах. Постольку, поскольку мы решили повторить их путь, можно предположить, что и чередование избирательных парадигм будет аналогично штатовскому, и основные электоральные процессы развернутся аналогично. Во многом такое допущение подтверждается практикой. Так, в качестве основной формы донесения информации выступают СМИ, которые имеют по сравнению с полевым способом ряд отличий, делающих их предпочтительными с точки зрения заказчика. СМИ в классической форме - это непосредственный контроль над информацией, а полевая структура - опосредованный. До сегодняшнего дня мы повторяли эволюционный путь избирательных кампаний США, наполняя его своим содержанием и обогащая, пользуясь преимуществом русской пытливой мысли. Но сейчас на рынке сложилась такая ситуация, что классические методы работы с электоратом посредством СМИ перестают давать желаемые результаты. И вся сложнейшая структура социального гомеостаза начинает генерировать импульсы, призванные обеспечить динамику социума в условиях снижения эффективности СМИ. Пути, которые использует эволюция, как всегда, ведут во всех направлениях, может быть, наиболее перспективным окажется один из них, но скорее всего принимать во внимание нужно будет целый ряд факторов. Какие же пути можно увидеть сегодня в России?

Прежде всего, это попытка отказаться от демократической процедуры выборов, которая обладает рядом недостатков, чему, равно как и ее достоинствам, мы уделим внимание в следующей главе. Выражается эта попытка в настоящее время в разговорах о необходимости продлить срок президентских полномочий, отменить выборы губернаторов, в создании альтернативных властных структур в виде института представителей президента, Государственного совета и т.п. Реализуется закономерность более высокого порядка: когда происходит разрушение общественно-государственной формации, то на авансцену выходят как элементы той формации, которая должна сменить разрушающуюся, так и ей предшествовавшей. Фактический переход к наследуемой пожизненной власти, который совершился в ряде республик бывшего СССР, есть реставрация монархии в определенной форме. Тот поток подбострастия и низкопоклонства по отношению к президенту РФ, который демонстрирует подавляющее большинство политических деятелей России, подтверждает теоретическую возможность реставрации авторита-

ризма и у нас. И если монархии или диктатуры все же не будет, то лишь в том случае, если сам президент этого не захочет. А политические деятели, да и народ - только «за»!

На тот же случай, если система выборов будет сохранена в прежней или несколько видоизмененной форме, совершаются попытки найти новые системы управления избирательным процессом. Или вернуться к старым. Старые в условиях снижения доверия со стороны электората к СМИ еще много лет смогут обеспечивать реальные преимущества своим пользователям. Прежде всего к ним можно отнести методы, построенные на основе действия ролевых групп регуляторов (полевые структуры) и индивидуальных (попытки донесения информации до человека без вовлечения его в зону действия массовидных регуляторов).

К новым приемам следует отнести использование в качестве агитационного материала произведений культуры и искусства. В использовании такого способа преуспели прежде всего американцы, создавшие мощную голливудскую киноиндустрию, генерирующую законченные и проработанные до мелочей образы американской мечты и Империи Зла в виде СССР.

Технология создания положительных голливудских героев столь совершенна, что сами киношники смеются над ней в фильмах-пародиях боевиков, а народ отреагировал на появление вереницы Рокки и Рэмбо созданием замечательного анекдота: «Как отличить американца? Очень просто: в конце он убивает злодеев и целует жену, после чего по нему идут титры!»

В Советском Союзе также был создан цикл фильмов о людях труда, прославлявших социалистический образ жизни. Но непосредственно в ходе избирательных кампаний творческий продукт не использовался, потому что практиковался другой метод воспроизводства власти. Тем не менее специалисты отфиксировали целенаправленную деятельность США по развалу системы социализма при помощи киноподделок Голливуда, финансовых вливаний в бюджеты различных радиоголосов, а также финансирования потока чернухи, создававшейся российскими светочами культуры эпохи начала перестройки.

Сегодня этот прием используется непосредственно в избирательных кампаниях. В 1995 г. снял первый рекламный фильм об одном из губернаторов М.Г. Чирков. Приблизительно в те же годы А. Караулов запускает свою серию публицистических передач «Момент истины». А. Гера к выборам губернатора Красноярского края

пишет книгу о А.И. Лебеде «Набат». Эти работы дали старт другим произведениям жанра, и менее удачным, и находящимся на столь же высоком художественном уровне.

К примеру, у нас в Санкт-Петербурге вышла антигубернаторская серия книг «Бандитский Петербург» и прогубернаторская «Бомба для губернатора». Авторы — одни и те же люди! Ни та ни другая, впрочем, на сыграли большой роли в кампании по выборам губернатора Санкт-Петербурга в 2000 г., так как произведения искусства являются оружием стратегическим, а использовалось оно как тактическое.

^Сравнительно новой отраслью в России является использование /в ходе кампаний административного аппарата. В своем обычном режиме деятельности чиновничий аппарат в большинстве случаев больше вредит своему кандидату, нежели помогает. (Как пример, чтобы не быть голословным: сбор подписей по административной линии дает хороший результат в смысле количества собранных автографов, но вызывает неприязнь к кандидату людей, которых заставляют подписываться в его пользу под угрозой невыплаты зарплаты.) Но при правильном управлении административным ресурсом, при учете форм мотивации чиновников можно получить солидную прибавку к голосам, обеспеченным работой команды политтехнологов со СМИ, ролевыми структурами и иными способами воздействия.

Количественные изменения — увеличение сумм денег, потраченных на кампанию, повышение количества привлеченных СМИ и ролевых работников. Возможны и широко применяются подкуп избирателей и юридическое воздействие на конкурентов и на команду конкурента. Эти пути иногда представляются перспективными, но наибольшую пользу приносит усложнение схем ведения кампании, увеличение продолжительности времени планирования, использование математики и психологии в процессе проведения кампании. Совокупность применения всех этих приемов, объединение в одной кампании всех этих направлений дает значительные преимущества кандидату, которого поддерживают люди, умеющие все это организовать.

Планирование кампании невозможно без знания механизмов регуляции поведения избирателей, союзников и конкурентов по выборам. Для того чтобы правильно спланировать и провести выборы, необходимо хорошо изучить особенности предыдущих кампаний у нас и за рубежом (область деятельности политологов), использовать метод деления электората на социальные группы, занимающие определенные социальные ниши и перемещающиеся по

ним в форме социальных потоков (область социологии), и использовать знание психологических закономерностей формирования поведения избирателей, что дает эволюционная теория поведения, а также конфликтология, психоанализ, когнитивная психология, исследования в области психологии стресса и т. д.

Противопоказана лишь приверженность к гуманистической психологии, потому что она на словах отрицает допустимость манипулирования людьми. Подобный моральный запрет, вкупе с постоянным закамуфлированным использованием манипуляций адептами гуманистически направленной психологии, либо свидетельствует о недостаточности умственной деятельности, либо приводит к принятию политики двойных стандартов. И то и другое не красит человека, но вполне распространено в эпоху построения демократического общества. Можно сказать, что принятие психологических принципов гуманистической психологии, возникшей в современном западном мире, приводит к искажению адекватного отражения реальности и выработыванию механизмов автоподавления логики, мыслительных процессов и, вероятно, других психических параметров, примиряющих человека в его внутреннем расхождении с правдой. Мы, жители постсоциалистического лагеря, поведение в котором в большей мере строилось на доминировании ролевых функций, с большим трудом адаптируемся к принятию политики двойных стандартов, потому что искренность, открытость, прямота — производные действия ролевых регуляторов. Нам труднее привыкать к этому. Да и не нужно.

Мне, практикующему психологу, значительную часть своего не посвященного науке времени уделяющего проведению избирательных кампаний, не пристало, по мнению многих, говорить о правдивости. Но на самом деле избирательные кампании наиболее удачно проводятся тогда, когда политтехнолог доводит до людей правду. Это давно уже поняли все хорошие специалисты в данной области. А ложь и обман в виде выставления партий-двойников и кандидатов-однофамильцев никаким образом не помогает кандидату, на которого работает такой, с позволения сказать, специалист. И служат эти трюки лишь для произведения впечатления на заказчика с целью выманивания денег. Настоящий специалист — это тот, кто может, зная способы формирования поведения избирателей, говорить правду о кандидате наиболее выигрышным способом. А это требует глубоких теоретических знаний и отточенных навыков управления.

Глава 14

Современное мироустройство

Типы государственных и социально-экономических формаций как производная превалирования различных групп поведенческих регуляторов. Глобализация и другие тенденции развития человечества с точки зрения эволюционной теории поведения

Современное мироустройство в политическом смысле этого слова сложилось в ходе противостояния двух систем — социалистической и капиталистической. Доказав свою эффективность в первой половине XX в., социализм был втянут в холодную войну, которая окончилась его поражением в 80-х годах и всем тем, что за такими поражениями следует: выплата огромных контрибуций, понижение в международном политическом статусе, потеря территорий. Конечно, на дворе стоит не XIV столетие, когда с побежденных брали мешками с золотом и рабами. Мы живем в условиях примата общечеловеческих ценностей и прав человека, поэтому методы победителей сейчас по форме принципиально отличаются от обычаев варварских веков. Тем не менее эволюцию способов взимания дани можно проследить. Например, деньги. В свое время США смогли добиться колоссального успеха, сделав долларovou систему гарантом мировой финансовой деятельности. И сегодня в международном разделении труда Корея и Гонконг собирают бытовую электронику, Китай и Турция шьют кожаные куртки, мы добываем нефть и газ, а американцы производят доллары. Старый закон, который мы, с лег-

кой руки наших юмористов, полагали имеющим отношение только к стране победившего развитого социализма, работал везде: «Кто где работает, тот то и имеет». США имеют огромную возможность влиять на прохождение денежных потоков во всем мире, и поэтому по их кредитам расплачиваются страны, находящиеся на периферии этого долларowego гейзера. Наличие системы социалистических стран представляло собой помеху работе этого финансового механизма. И социализм был разрушен. Американцы ввели свои структуры на открывшиеся территории и организовали денежные потоки таким образом, что все, что мы зарабатываем экспортом горюче-смазочных материалов, возвращается на Запад в виде вывезенного капитала и выплат по огромным долгам, которые были сделаны на глазах у изумленной публики за какие-то 5-10 лет. Суммы этих займов, кстати, также давно вернулись за границу, ведь американцы и другие товарищи по НАТО поняли одну важную вещь, которая дала им преимущество: деньги лучше давать не всем, а лишь руководителям. Тогда можно тратить неизмеримо меньше, а уж сами руководители должны будут разбираться со своим народом, который, как всегда было в истории, прошел мимо. Итак, первым итогом поражения в холодной войне можно считать такое изменение в правилах финансовой игры, которое позволило Западу создать механизм выкачивания средств из бывшего СССР. Но так как сами деньги, как бумага с рисунками, никому не нужны, то платим мы ресурсами, а денег получаем столько, чтобы обеспечить добычу этих ресурсов и предотвратить бунт с применением ядерного оружия, которого опасаются. Выданные деньги тут же выводятся из страны, чтобы мы, боже упаси, не наловчились заниматься еще чем-нибудь, кроме «добычи нефти», как говорят в Газпроме. Если у вас есть по этому поводу сомнения, то рекомендую долететь до Франкфурта, например, и, посмотрев на великолепные небоскребы, сопоставить время их строительства с процессами вывода российских войск из Германии. Все помнят, как проходил этот вывод, на каких условиях. А теперь мы должны Германии изрядную сумму денег. Или наложите временную схему экономического бума в США на график последовательности распада Советского Союза.

Система производства денег в полной мере способна раскрыть свой потенциал в условиях отсутствия противоборства. Тут прямая аналогия со СМИ, когда в ходе избирательной кампании всего

один телеканал способен свести на нет совокупность усилий нескольких суммарно во много раз превышающих его по мощности. США не собираются терять свою монополию, добытую в трудной борьбе с СССР. Как только Европа выпустила евро, так сразу была проведена гуманитарная акция по бомблению Югославии, что создало или, точнее, подкрепило очаг напряженности в центре Старого континента, сделав на какое-то время евро менее привлекательным. Приверженность идеалам среднего пути позволила Китаю не дать в обиду свой кровный юань. И это стало или скоро станет серьезной проблемой для США. Будем следить за развитием конфликта.

Вторая позиция в списке подлежащих захвату ценностей в любой порядочной древней войне — рабы. Соответственно, технология изменена. Из стран социализма уезжают добровольно молодые женщины и специалисты высокого уровня. Добровольность же, естественно, вызвана искусственно. Для этого просто были созданы соответствующие условия.

С развитием информационной технологии появился и иной способ. Программисты, к примеру, часто работают на западные фирмы, не вставая из-за своего компа на территории России. Они производят программный продукт, который уходит за рубеж по телефону или через спутники. И только с территориями все обстоит по старинке. Это одна из немногих ценностей, которая не поддается виртуальной замене. Попытки поискать пути решения этой проблемы в виртуальных путях международного законодательства ни к чему не приведут, и поэтому не выдать Японии нашего Кунашира! Но механизмы, приведшие к распаду Советский Союз, уже свели на нет усилия многих поколений наших предков, стремившихся к Черному морю. Севастополь по-человечески жалко. Ну да бог с ним. Исследовать психологические, социологические, исторические процессы тем и трудно, что иной раз не удержаться от высказывания личного отношения к событиям. Но эмоции — плохой помощник исследователя.

Конечно, никакого особого заговора против России не существует. Все те же веками проверенные и отработанные системы межгосударственных отношений: проигравший войну должен расплатиться. Да, выступают против нас различные разведструктуры стран блока НАТО. Да, есть полутайные международные организации, которые способствовали распаду СССР. Но ведь и у нас есть разведка и тайные организации (Коминтерн,

например). Почему же проиграли мы, а не наоборот? Вот вопрос, ответ на который следует поискать среди следствий эволюционной теории поведения.

Исторически сложилось так, что США представляют собой место действия индивидуальных регуляторов поведения или, точнее, группы индивидуальных поведенческих регуляторов представлены здесь в большей степени. Сам механизм заселения США, когда на совершенно новое место приезжали по своей воле люди для того, чтобы начать все сначала, привел к этому. Белые расселялись по просторам Америки, в меньшей степени гонимые историческими событиями, в большей степени привлекаемые возможностями. Желание устроиться, достичь цели, разбогатеть было у этих людей подкреплено активностью, стремлением работать, самостоятельностью, решительностью. Согласитесь, немалая решительность нужна, чтобы бросить все и уехать за океан. Это ведь был не конец XX — начало XXI в., когда перелет на «Конкорде» через Атлантику занимает три часа! Понятно, что лентяи и трусы, а также люди устроенные, т. е. лишённые стимулов к достижению благополучия, большей частью оставались в Европе. Сам процесс заселения территории США был социальным фильтром, который обеспечил новому континенту большой процент активных людей, с большой мотивацией к достижениям. В ходе экспериментов подтвердилось, что такие качества некоторое время сохраняются в потомках.

Оказавшись в сложных условиях, в условиях стресса — а подобное переселение для любого стресс, — новоиспеченные американцы стали решать свои проблемы радикальным образом, ношение оружия там всегда было разрешено. В условиях, когда на любой акт несанкционированной агрессии можно получить немедленной ответ, не дожидаясь окончания многолетней судебной процедуры, появилась необходимость выработки правил поведения: ведь в ином случае само существование населения было бы под угрозой. Все это также способствовало развитию индивидуальности в ущерб коллективности, ведь эволюционно закрепившаяся привычка выживать в составе мелких групп возникла в том числе и благодаря возможности более успешно защищаться от внешних угроз. При наличии же огнестрельного оружия этот стимул к объединению в группы не действует, что снижает возможность развития групповых процессов, требующих ролевого поведения. На момент образования США как государства многие положения, обус-

ловленные доминированием индивидуальных поведенческих матриц, оказались включенными в Конституцию. Иначе просто невозможно было бы создать государство. В то время американцы не поддерживали бы государственную власть, если бы им предложили отказаться от свободы слова, например, от частной собственности, от права на самооборону и ношение оружия и т.д. Итак, возникло государство, которое в большей мере, чем страны Старого Света, опиралось на людей, руководствующихся системой индивидуальных ценностей в ущерб ролевым и массовидным. Зафиксируем этот пункт рассуждений.

Россия — пример ролевой цивилизации. Становление государственности происходило очень медленно, на протяжении многих веков. Огромная территория обеспечивала автономность наших предков, уровень технологии и преимущественно лесной образ жизни делали оптимальным выживание в составе мелких групп. Ролевые отношения совершенствовались веками и передавались в воспитании, в традициях, в культуре и вере. Свое значение в формировании преимущественно ролевых отношений внес и климат. С нашим коротким летом следует в сжатые сроки сажать, в сжатые сроки убирать урожай. Это возможно лишь при четком распределении обязанностей. Очень важно прожить всю долгую зиму, справедливо распределяя полученное в ходе кратковременной, очень напряженной летней работы. Распределение продукта возможно только в условиях наличия ролевых отношений.

Общинность нашей жизни, описанная всеми без исключения специалистами, обусловлена, в конечном счете, малой вероятностью выживания отдельного человека в условиях Древней Руси. Подавление индивидуальных групп регуляторов, использование которых могло привести к летальному исходу, также повышало удельный вес ролевых групп регуляторов. Эта общинная форма существования очень долго сохранялась в нашей истории. Не говорю даже о сельских жителях, которые так далеко отошли от индивидуального, что некоторые авторы считают, будто крестьяне на Руси вообще не воспринимали себя как личности, как «я», а только как «мы», «мир». Но и в городах долго, на протяжении веков, люди держались слободами, цехами; гончарными, ткацкими и т. д. концами. Традиционно большие семьи также были важным источником ролевых отношений. Здесь следует отметить, а то я как-то все забываю об этом написать, что

ролевые отношения формируются не только в составе классических малых групп, но и в семьях. Передача опыта и знаний по наследству, распределение обязанностей в силу возрастных различий, правила совместной жизни и перераспределение прав и обязанностей с течением времени — все это воздействия, вызывающие к жизни ролевые регуляторы.

Россия всегда жила достаточно изолированно. Можно зафиксировать лишь небольшой по численности приход иностранцев в петровские времена и позже да отметить два процесса: угон полона монголо-татарами и заселение Сибири. Монголо-татары угоняли всех без разбора, поэтому социальным фильтром это не назовешь. Заселение Сибири в чем-то сходно с заселением Америки, но сходство это неполно. Во-первых, оно не было столь массированным. Во-вторых, принцип добровольности выдерживался, скажем прямо, далеко не всегда. И наконец, о создании нового государства речи не шло. Поэтому хотя сибиряки сегодня и отличаются от жителей европейской части России, но различия эти далеко не столь велики, как между жителями Америки и Европы, скажем, на рубеже XVIII — XIX вв.

Зафиксируем, что в силу ряда причин Россия на протяжении тысячелетия была местом, образ жизни в котором был основан в большей степени на принципах ролевого поведения. События начала XX в. привели к Великой Октябрьской социалистической революции, провозглашению новой системы ценностей, обозначению новых путей развития. Эти цели были чужды планам США и стран Европы, и негативное отношение к главному было перенесено на все формы и проявления политической и общественной жизни социалистической России. Конечно, мы тоже негативно относились к идеям США в целом и к механизмам их реализации в частности.

Столкновение было неизбежным, оно продолжалось весь XX век, и конца ему не видно и сегодня. И это есть столкновение систем. Системы, базирующейся на индивидуальных ценностях, — США и системы, отстаивающей ролевые интересы, — СССР.

Поговорим более подробно, что это означает и как оно все эволюционировало с 1917 г. по сей день.

И США, с их превалированием индивидуальных отношений, и Россия, с более весомой ролью ролевых, при создании своих стран не могли обойтись без задействования групп регуляторов массовидного поведения. США к этому вынуждали большие раз-

меры территории, разношерстный состав граждан, отсутствие традиций и культуры. Во время такого масштабного мероприятия, как создание государства на новом материке при наличии коренного населения, невозможно избежать действий, мало совместимых с допускаемыми официальной моралью Старого Света. Необходимо было оправдать и уничтожение индейцев, и варварское отношение к неграм. В рамках индивидуальных групп регуляторов это сделать было легче, так как, напоминая, индивидуальные поведенческие регуляторы эволюционно сформировались как механизм обеспечения выживания особи. До других особей им нет дела. «Каждый сам за себя» и «Бей первый, Фредди» — вот их девиз боевой. Кто из переселенцев так не делал — получал стрелу. Ролевые отношения, склонность к использованию которых и так была усечена в силу прохождения переселенцами отбраковывающего фильтра, отбрасывавшего людей на пути из Старого Света в Новый, вновь оказывались менее востребованными, следовательно, создание государства на ролевых принципах построения управленческой вертикали было маловероятно. В качестве объединяющей силы выступили протестантская церковь и так называемая система американских ценностей. Все, что в Европе было отдано на откуп силам подавления в интересах сохранения государства, побудило наиболее пассионарную часть населения к иммиграции и провозглашению именно этих ценностей в качестве базовых. Свобода слова победила цензуру. Наличие сословных перегородок было заменено равенством. Америка привлекала людей тем, что каждый мог добиться успеха, начав с нуля. Любой чистильщик сапог мог стать миллионером. Первоначально это было правдой. В некоторые моменты наиболее ускоренного течения эволюционного потока меняются принципы действия конвекционных потоков, которые обеспечивают перенос человека из одной социальной ниши в другую. Такое было в период создания США, такое было в 1917 г. у нас, подобное происходило и в эпоху перестройки, когда никому не известные люди приходили к управлению государством. У большинства россиян даже сложилось мнение, что наши младо-реформаторы и олигархи выдвигались благодаря своим деловым качествам. Впрочем, качества тоже имели место быть. Различие в том, что в США эти возможности, возникшие с момента заселения континента, уменьшались относительно медленно. Механизм, отсекающий возможность прихода во власть людей со сто-

роны, создавался в течение десятилетий. У нас же (я говорю сейчас о российской перестройке) дверь захлопнулась очень быстро — в силу доминирования ролевых отношений с их четкими правилами разделения на свои—чужие, поддержки своих и негативного отношения к чужим. У американцев раздел своих и чужих прошел не по ролевым правилам, а на ином уровне обобщения. Свои — это белые переселенцы, а чужие — краснокожие и черные. Все возможности, за которыми иммигранты плыли за океан, успели оформиться в виде американской мечты. Мечта — это святое. Это тот самый когнитивный гештальт, к которому никто не должен прикасаться грязными руками. В течение многих веков, да и до сих пор еще в США есть возможность ее осуществления, такие случаи у всех перед глазами (Билл Гейтц, например). При этом у штатников не возникала чисто ролевая привычка валить все на других, а, как и каждый индивидуал, они склонны были ответственность за ошибки возлагать на себя. Поэтому идея американской мечты получила такое развитие и такие долгие годы жизни. Сегодня она находится в расцвете лет и не менее привлекательна для миллионов наиболее активных жителей планеты. Итак, первая стадия формирования государства США прошла под эгидой упорядочивания системы индивидуальной регуляции поведения наложением массовидных структур. И система самого государства (в виде шерифов, судей, первых президентов) была скреплена не вертикальными управленческими связями, а связями, скорее, идейными, духовными, выразившимися в протестантстве и американской мечте.

На карте времен, на карте истории описываемому периоду в жизни США в России соответствует эпоха Великой Октябрьской социалистической революции. Но, естественно, различия в ходе протекания процессов велики. Эмигранты, побуждаемые противоречиями, возникшими в процессе развития классического капитализма, уехали из Европы и создали страну, где некоторые противоречия удалось свести к минимуму. Недовольные условиями жизни в царской России предпочли эмиграции путь вооруженного восстания и гражданской войны. Почему это произошло? Отмечу две причины. Во-первых, к моменту созревания противоречий не оказалось под рукой свободного незаселенного континента. Во-вторых, подобный способ реагирования предусмотрен правилами ролевых отношений. В рамках индивидуальных — успех кого-то из знакомых оценивается как независимое событие. В рамках ролевых —

этот человек обязан распределить свой успех между членами малой группы. Капиталистические отношения, с их практикующими на ранней стадии правилами элементарной конкурентной борьбы, не ориентируют владельцев средств производства на справедливое в ролевом смысле распределение прибавочной стоимости, что у партнеров по ролевому общению может вызвать ненависть: ведь по ролевой справедливости следует все разделить поровну. Отсюда — мотивационные предпосылки в обществе к началу гражданской войны.

Революция есть способ уничтожения системы государственной власти. Были отвергнуты как иерархические управленческие структуры: система городской — обер-полицмейстер — министр, так и идеологические: стратегическая триада «Православие — самодержавие — народность». На какое-то время все смешалось. Индивидуальные поведенческие регуляторы зачастую не обеспечивали самые базовые потребности, ролевые идеи справедливости вызвали могучую потребность обеспечения этой самой справедливости, которую одна половина россиян понимала совершенно иным образом, нежели другая. Раскол цивилизации на два лагеря породил два мощных блока массовидных регуляторов, действие которых привело к резкому обособлению блоков. Гражданская война окончилась победой красных, и белые были вынуждены бежать из страны. Справедливость была восстановлена: способ распределения материальных благ при социализме в гораздо большей степени соответствует ролевому принципу — выживанию в составе малых групп как структур, оптимально способствующих решению типовых значимых задач. Слово «значимый» я подчеркнул не случайно. Об этом речь впереди.

Победившие вынуждены были пытаться остановить наступивший в стране хаос. Иного способа достижения этого, кроме как создания государства, человечество пока не знает. За основу были взяты ролевые отношения. Задачи обеспечения продовольствием решали созданием колхозов и совхозов, во главе населенных пунктов и государства находились советы, как организации с ролевым типом регуляции поведения. Они были четко вертикально структурированы в кратчайшее время, на стадии же создания процесс этот обеспечивали массовидные регуляторы. Идеи Ленина, сам факт наличия Ленина в качестве вождя был могучим фактором, провоцирующим массовидное поведение. Все элементы, вызывающие массовидное поведение, создающие

толпу, налицо: ощущение необходимости что-то делать, недостаток информации для анализа, доведение до участников информации, побуждающей к действию, причем информации в простой форме (листочка или личный пример), призывающей к простому действию (все отнять и разделить), лежащему в рамках традиционно сильных ролевых представлений. Механизм донесения информации — партия. Именно партия должна была обеспечить план создания социалистического общества. Именно партийная организация играла особо важную роль на производстве, в армии — т.е. в тех местах, где коллективное руководство не очень возможно и где как раз и существует вероятность создания альтернативной по отношению к государственной управленческой пирамиды, а следовательно, появления альтернативных лидеров. Все лидеры в этой системе правил должны быть включены либо в управленческую государственную, либо в контролирующую партийную пирамиду. Мы получаем общество, все лидеры которого должны быть или включены в иерархическую управленческую структуру, или подавлены. Сама же структура призвана быть лидером в системе массовидных отношений «гражданин государства — государственный аппарат».

Идеология, обеспечивавшая массовидные отношения в России, формировалась в условиях борьбы, гражданской войны, интервенции. И поэтому она включала в себя победительность, наступательный дух, негативное, если не сказать более, отношение к иным формам структурирования. Коммунизм должен был победить путем вооруженного восстания во всем мире — вот чего боялись на Западе, и никого не успокоило учение о возможности победы революции в одной отдельно взятой стране. Управление ведущих стран Запада ощущало необходимость противостояния этой не сегодня-завтра грядущей мировой революции. Выяснилось, что условия для ее проведения назрели, особенно в странах Старого Света, в меньшей степени в США, где новое общество было создано с учетом ошибок старого. В этой ситуации лидеры стран Европы:

- а) консолидировались перед общей угрозой;
- б) приняли меры по снижению уровня эксплуатации рабочих и повышению уровня их жизни;
- в) спланировали и осуществили ряд проектов по уничтожению системы социализма;
- г) изменили соотношение удельного веса форм регуляции по-

ведения путем создания специальных механизмов демократического управления и СМИ.

Мы им, со своей стороны, ответили:

а) прорывом дипломатической блокады;

б) попыткой создания мировой политической партии с целью подготовки революции;

в) созданием системы стран социализма.

Ряд причин привел к тому, что их система аргументов оказалась в данный момент весомей нашей. К сожалению, на страницах одной книги нельзя рассказать и сотой части причин, приведших мир к сегодняшнему состоянию, но я остановлюсь на главных с точки зрения эволюционной теории поведения.

Первое, о чем следовало бы упомянуть, — что система власти в России, т. е. в Советском Союзе, создавалась как система удержания власти. Следовательно, важным было не дать возможности противной стороне изменить курс, сменить строй. Система социализма обеспечивалась руководящей и направляющей ролью партии. Важным было допустить в эту партию только людей с определенными взглядами, соответствующими замыслу. Исходя из тезиса, что бытие определяет сознание, с чем трудно не согласиться, был создан механизм отбора в партию людей, удовлетворявших ее задачам. Сначала коммунистами становились преимущественно рабочие, затем, с провозглашением общенародного государства, увеличили свое представительство люди иных социальных слоев. Проблема заключалась в том, что баланс между потребностью сохранения статус-кво и возможностью эволюционирования был сдвинут в пользу первого, что полностью, повторяюсь, объясняется онтогенезом. В первое десятилетие социализма мы выстояли, уцелели, создали мощную экономику. Мы вынудили конкурентов — противников из блока капитализма измениться. И они смогли сделать это. Затем они воздействовали на нас этой измененной структурой. И мы не смогли ответить адекватно. Наша перестройка, на первый взгляд казавшаяся именно таким ответом, оказалась капитуляцией. Но об этом позже. А пока подчеркнем, что социалистическая система не смогла проявить достаточную пассионарность в изменившихся условиях, когда система удержания власти в стране привела к старению управленческих кадров и лишению лидеров свободы маневра. Количество лидеров превысило количество соответствующих ролевых ниш, пожилые лидеры не смогли обеспе-

чить подавление молодых, которые победили в борьбе за создание оптимальной системы отношений, отвергнув вместе с идеологами и идеологию.

Второе — структурные изменения, во многом обусловленные необходимостью реагировать на ситуацию, приведшую к социалистической революции в России, и на факт появления социалистической системы, были дополнены изменениями в правилах игры. Столкновение общественно-экономических формаций, народов, культур, этносов никогда не бывает столкновением всех их членов со всеми, но бывает схваткой между какими-то структурными их частями, какими-то группами. Все остальные социальные образования втянуты в конфликт в меньшей степени. Конфликт между социалистическими и капиталистическими системами начался как продолжение конфликта между рабочими и буржуазией внутри одной отдельно взятой страны. Постепенно, в ходе социальных преобразований, процесс этот трансформировался в столкновение правящих верхушек систем на фоне все более активных эволюционных попыток возникновения планетарных структур. Конфликт, перешедший из области противостояния владельцев орудий труда и наемных рабочих, поменял систему измерения, поменял систему ценностей. Важными стали не вещи, а деньги как мерило их стоимости; не справедливость, а законодательство; не реальная ситуация, а информация о ней, должным образом подготовленная и донесенная; не военная сила, а ее форма, позволяющая проводить демонстрацию ее применения. Соответственно, на линию конфликта вышли с той стороны не производители, а финансисты; не аристократы и элита в прежнем понимании этого слова, а прокуроры и адвокаты; не ученые, а работники СМИ; не командиры, а политики, использующие армию определенным образом. По каждой из этих шкал в капиталистическом мире произошли большие подвижки в сравнении с Советским Союзом. Мы не проиграли в военном отношении. Но наши юристы, финансисты, работники СМИ, а в последнее время и военные, фактически принимая на себя выполнение не свойственных им ранее функций, не получали от государства того вознаграждения, которое получали их западные коллеги. Мы не проиграли в производстве. Тут настолько все зависит от системы подсчета, что даже смешно: стоимость всего нашего промышленного комплекса, к примеру, оценивается по новым правилам в три раза меньше

стоимости аналогичного комплекса Финляндии. Мы держим вполне сопоставимый с американским уровень потребления продуктов, не хуже одеваемся, наши жилищные условия в сравнении с американскими выглядят далеко не так ужасно, как это принято думать. Достаточно съездить в США и посмотреть, как они там живут в фанерных домиках и едят свои ужасающие гамбургеры (конечно, это не в деловых районах Нью-Йорка, а в ста километрах от города). Но мы не сможем приехать к ним и посмотреть на их жизнь своими глазами, потому что все то же самое стоит у них в десять раз дороже. И жизнь дороже, и денег больше. На свои деньги у нас они могут прожить в несколько раз дольше, чем у себя. Говорит ли это о том, что у них больше вещей? Нет, лишь о том, что у них больше денег. Почему? Прежде всего потому, что они их сами печатают.

Третье, о чем я хотел бы сказать, — это технологические изменения, последствия НТР. С усложнением технологии стало хуже работать соотношение кнута и пряника, установленное в Советском Союзе оптимальным образом под требующую меньшей квалификации грубую физическую работу. Можно заставить людей копать траншеи. Но очень сложно заставить их собирать компьютеры. Здесь, если мы хотим получить качественный продукт, то должны попытаться рабочего заинтересовать. Материально мы этого не делали, исходя из ложно толкуемого ролевого понимания справедливости. Сделать это идеологическим путем стало сложно в силу ряда причин, и прежде всего такой работы системы отбора власти, когда среди руководителей оказывались малопригодные для этого люди. Истинные лидеры, не способные встроиться в структуру, подавлялись, и до вершины доходили те, кто: а) потерял умение принимать важные решения в процессе движения по ступеням управленческой вертикали, требующей от человека прежде всего умения угождать вышестоящему; б) в силу пожилого возраста растерял былую пассионарность.

В результате идеологическая борьба потеряла наступательность. Мы перешли в защиту, затем, естественно, проиграли.

Если подвести итог сказанному, то можно написать так: при социализме слабые защищены лучше, а сильные за свою работу получают меньше. Эта ситуация приемлема в случае нахождения и сильных и слабых в сфере действия групп ролевой регуляции, но менее приемлема в зоне действия групп индивидуальной регуляции. С переходом от реального мира к виртуальному возросло зна-

чение СМИ, продуцирующих массовидное поведение. В результате сильные получили возможность занимать свободные лидерские ниши, и система индивидуализма приобрела большую ценность и в том и другом обществах. Это означало поражение России в холодной войне и переход к западным системам ценностей. Кроме того, получила развитие другая тенденция: «Сильные всего мира, объединяйтесь!» Если ролевые отношения подавлены, то нет смысла кормить голодных и защищать слабых. Сильные должны объединиться, создать мировую управленческую структуру, а остальные — как хотят. Или, вернее, как им прикажут. С нашей точки зрения, это ужасно. А с их, обусловленной доминированием матриц индивидуального поведения, вроде как ничего...

Конечно, на тему, рассмотренную в этой главе, можно говорить и говорить, писать и писать. Вспомним, к примеру, объем «Капитала» Маркса. Но мне интересно дать направление рассуждений, открыть дискуссию, что, собственно, уже несколько лет пытаются сделать и А. Кара-Мурза, и Г. Почепцов, и А. Дугин, и другие авторы.

Давайте все-таки попробуем экстраполировать все происходящие события, дать прогноз развития на ближайшие десятилетия. А затем перейдем к ответу на классический вопрос: «Что делать?» Это будет уже другая глава, а сейчас займемся прогнозами. К чему стремится человеческая цивилизация в целом и Россия в частности?

Основные контуры развития человечества на ближайшие десятилетия обозначились достаточно четко. В истории есть периоды, когда все застыло в неустойчивом равновесии — в какую сторону толкни, в ту и покатится. Они получили названия точек бифуркации. И есть периоды, когда векторы сил ясно обозначены и изменение социальной конфигурации происходит в заданном режиме. Должно пройти какое-то время, прежде чем накопившиеся противоречия приведут к взрыву или поставят общество на грань его.

Глобализация — первая из отчетливо обозначившихся тенденций. Создаются надгосударственные структуры преимущественно экономического характера, для обеспечения их деятельности — международные судебные органы. Лидеры, возглавившие финансовые империи, не хотят больше использовать государства как посредников в деле управления людьми. На смену руководству с помощью аппарата принуждения приходит управление с помощью манипулятивных технологий. К ним можно отнести создание с по-

мощью финансовых и юридических инструментов определенных социальных ниш, в которые помещаются целые народы, организацию социальных потоков и фильтров, обеспечивающих перемещение людей по определенным правилам. Управление поведением производится с помощью мощного аппарата СМИ, действующего в области массовидной регуляции, и системы образования, использующей индивидуальные регуляторы поведения. На пути глобализации, с ее перспективой однополярного мира во главе с США, стоит много препятствий. Среди них главные:

1) наличие альтернативных центров сил (прежде всего, это Китай и потенциально объединенная Европа);

2) наличие внутренних противоречий, которые могут привести США к деструкции;

3) непригодность СМИ как метода обеспечения массовидного поведения в интересах США в ряде регионов планеты в силу культурных особенностей населения этих регионов (мусульманский мир, беднеющие регионы, Китай, Индия и т. д.);

4) неразработанность механизмов, обеспечивающих дифференциацию людей по признаку активности и по уровню интеллектуального развития (эти механизмы лишь начинают создаваться в форме общепланетарной системы обучения);

5) неадекватность созданного виртуального мира миру реальному. Накапливающиеся противоречия могут привести к взрыву.

Все перечисленные причины, а также те, которые я упустил, могут остановить и повернуть вспять процесс глобализации только временно. Единственная альтернатива глобализации — продолжение экстенсивного развития, которое возможно при создании доступных способов межпланетного сообщения и мощной космической экспансии человечества. Однако вероятность того, что попытка установления однополярного режима на Земле будет сорвана, высока. Сложности, стоящие перед США, описаны в сотнях книг. Правда, большинство из них явно преувеличены. Маловероятна, к примеру, долларовая катастрофа, которую многие исследователи предрекают чуть ли ни в этом году. Скорее всего, окончательная ясность с успехом или провалом первой попытки достижения именно мирового господства наступит в 2020-2030 гг.

Многополярный мир. Мечта М. Горбачева. Существует вероятность кратковременного возникновения такого мира в случае краха первой попытки глобализации. Вероятность его прихода всерьез и надолго невысока, так как не видно мощных истори-

ко-социальных сил, которые могли бы удерживать конфигурацию, состоящую из нескольких центров, в устойчивом состоянии. Обычно возникающие в таких структурах диспропорции накапливаются и нарушают равновесие. Процесс разбалансировки лавинообразно растет, что приводит систему к гибели. Существование ее возможно лишь при наличии внешних стабилизирующих сил или при наличии возможности сброса противоречий вовне. В данном случае это могут быть локальные войны или, опять же, экстенсивное развитие в форме космической экспансии.

Еще одна возможность — в доминировании массовидных регуляторов поведения при практическом отсутствии индивидуальных. Такой набор обеспечивающих поведение регуляторов свойствен государствам ислама. При определенных условиях биполярный мир вновь может возникнуть на планете, только сменив географическую ось противостояния — с «восток—запад» на «юг—север».

Глобализация — результат активизирования индивидуальных и массовидных поведенческих регуляторов. Многополярность — все возможные сочетания. Биполярный мир «север—юг» — столкновение форм поведения, обеспеченных сочетанием массовидных и индивидуальных групп регуляторов с преимуществом массовидных.

Как видим, ни в одном из этих раскладов ролевым регуляторам не отводится определяющей роли. Это, во-первых, свидетельствует о снижении в целом роли государств, ведь сила классического государства определяется прежде всего силой его управленческой вертикали. Во-вторых, свидетельствует о резком снижении удельного веса ролевого поведения в мире, его привлекательности, случившемся с поражением Советского Союза в холодной войне. Да, набор «индивид — масса» оказался для современных людей более привлекательным, чем «малая группа — масса».

Есть ли у России, т. е. у нас, шансы? Конечно, да. Для того чтобы их оценить, следует понять, что мы хотим. Если мы хотим, как это следует из нашего сегодняшнего поведения, принять американские правила игры, обогнать американцев в этой игре и занять их место в главе однополярного мира — то шансов никаких нет. В этом мироустройстве наше место на окраине. Распад государственности, превращение в контролируемой извне сырьевой регион. Если мы хотим вернуться к старому, т.е.

восстановить коммунистическую систему, то столкнемся со всеми теми противоречиями, которые однажды уже разрушили такую систему. Только на этот раз у нас не будет ни социалистического лагеря, ни мощной экономики, ни других признаков супердержавы, которые, однако, однажды уже не смогли удержать империю от распада.

Если мы хотим, подавив на территории страны деятельность ролевых регуляторов и стимулируя индивидуальные, увеличить пенсии, всех накормить и дать всем жилье и одежду, то это свидетельствует лишь о нашей глупости. Жизнь полностью подтверждает мои слова. Бедные у нас беднеют, богатые — богатеют. Если же попытаться все отобрать и поделить, то богатые просто уедут, так как в нашей стране их не удерживает даже идея, которая раньше была, поскольку сейчас ее нет.

Тот путь, которым мы идем сейчас, при президенте Путине, весной 2001 г., — это попытка залатать дыры и найти себе место в вагоне западного однополярного мира, который категорически против, по всем своим глубинным интересам, по всем привычкам, предоставления нам такого места. Некоторым из нас — да! Тем, кто молод, умен, образован, кто может принять их сторону в борьбе за установление однополярного мира — добро пожаловать в США! Тех же, кто отстаивал интересы России, кто стар, слаб, малообразован, Запад обеспечивать не собирается. Да и не обязан. Понимают ли это сегодняшние руководители? Вероятно, да, так как тут нет какой-либо особой тайны. Какой путь предлагают они? Трудно сказать, есть ли у них план. Была программа Явлинского «500 дней», есть «программа Грефа», другие программы. В основном это несерьезно. Настоящая программа вывода из кризиса лишь частью должна быть последовательным планом. Другой же частью, и значительной, это должна быть управленческая система, импровизирующая на заданную тему в противоборстве с другими аналогичными системами, представляющими противников. Может ли в качестве такой системы выступать президент со своей командой? Нет, потому что четыре года — это время лишь нескольких ходов в этой игре, которая длится значительно дольше. Но продление срока полномочий президента недопустимо, так как в этом случае мы теряем стимул, побуждающий и президента, и других людей к активным действиям. Президент должен отлично выполнить свою часть игры, однако вести эту игру должны другие люди. Для достиже-

ния успеха во внутренней и внешней деятельности необходимо создание институтов долгосрочного планирования, стратегического развития, а также создание механизма, увеличивающего возможности воздействия этих структур на каждого вновь избранного президента — при полной самостоятельности последнего, разумеется. При наличии подобной структуры, при обеспечении сохранения мотивации ее членов в процессе работы, при преодолении огромного количества сложностей, о чем речь пойдет в следующей главе, возможно разыграть те козыри, которые у России есть. А они есть. И немалые.

Глава 15

Институты стратегического планирования

Эволюционно обуславливаемая потребность создания структур долгосрочного планирования развития социума. Необходимость совмещения планирования и деятельности в работе подобных организаций. Шансы и перспективы России

Для того чтобы исправить положение, в котором Россия оказалась по результатам XX в., положение, оцениваемое большинством граждан как крайне неудовлетворительное, мы должны прежде всего определить, что же именно мы хотим получить в результате предстоящей работы. И кто это «мы». Начинать нужно с анализа наших возможностей, анализа сильных и слабых сторон.

К факторам, позволяющим нам с оптимизмом смотреть в будущее, можно отнести полную обеспеченность ресурсами. Изобилие полезных ископаемых всех видов, лесов, воды, земель. Дает ли это нам преимущество в сравнении с другими государствами? Теоретически да, но в современных условиях — нет. Запад нашел способ противодействия нашим попыткам зарабатывания денег при помощи экспорта сырья. Способ прост: в добавление к миру вещей был создан мир денег, который призван служить эквивалентом. Затем искусственно, с использованием методов политики, политэкономии, военной силы, методов психосоциального манипулирования и т. д., эквивалентность была нарушена. Сегодня сырье стоит намного дешевле, чем конечный продукт. Жители всего мира готовы платить за автомобили и дачи, но не готовы за прокат и кирпич. Следовательно, деньги получает то государство, которое предлага-

ет на продажу готовый продукт. А уж потом оно передает часть прибыли тем, кто помог ему произвести этот финальный продукт, т.е. поставщикам сырья и энергии.

В самых же выгодных условиях находятся государства, которые изготавливают хорошие, имеющие спрос деньги. На этом производстве базируется сегодня благополучие США, именно поэтому объединяющаяся Европа стремится производить евро, а США ей мешают путем разжигания балканских войн, что никак нельзя признать рыночным экономическим приемом. Экономика в межгосударственных делах присутствует во все уменьшающейся степени в сравнении с политэкономией.

С точки зрения политэкономии необходимо считать деньги не только в своем, но и чужом карманах. Поэтому наших заокеанских друзей-товарищей не могут не волновать судьбы нескольких миллиардов долларов, вырученных Россией за нефть и газ. Запад устривает то, что эта сумма частично идет на поддержание в рабочем состоянии и некоторое развитие инфраструктуры отрасли, а частично возвращается за рубеж.

Запад за свои деньги получает от нас нефть и газ, который, хотя и невидим, но вполне веществен. Деньги текут естественным путем оттуда, где их много, в те места, где за них предоставляют нужный товар. Если же они хотят, чтобы деньги к ним возвратились, то следует позаботиться, чтобы люди у нас были заинтересованы в том, чтобы вести их туда — как бы против течения. Я бы выделил три основные формы мотивации данного процесса.

1. Деньги вывозятся теми, у кого их много, потому что в условиях нестабильности в России хранить их опасно, опасно и вкладывать их здесь в дело.

2. Западные товары массового спроса в ряде случаев качественные российских аналогов, и деньги идут на их покупку.

3. Деньги вывозятся за границу для получения там услуг: для проведения летнего отдыха, для оплаты за обучение в западных вузах и за лечение в западных клиниках. Давайте считать: ежегодно около 5 млн. россиян уезжает на кратковременный отдых за рубеж. Если каждый оставляет там хотя бы \$1 тыс., то общая сумма составляет \$5 млрд., что превышает все наши поступления от экспорта оружия, например.

Образно говоря, деньги притекают к нам из-за рубежа, омывают нашу сырьевую отрасль, растекаются как бы по венам и капиллярам и уходят вновь за границу, туда, где бьется их финансовое сердце.

Что может помочь нам изменить направления потоков, чтобы это выглядело более привлекательным образом? Можно отметить один путь задействованный и несколько потенциальных. Прежде всего, это пересмотр принципов разделения прибыли между странами-производителями сырья и государствами, производящими товары массового спроса. В условиях относительного мира и стабильности страны-производители конечного продукта имеют преимущество перед сырьедобывающими странами. Но в условиях конфликта или условиях согласованных действий последних баланс смещается в их сторону. В прошлом году цены на нефть повысили в три раза. Безусловно, классический рынок не может дать таких резких скачков. Все дело в волевых политических решениях. Итак, первый способ — повышение цен на те виды экспорта, которые наиболее традиционны для России. И это требует наличия государственной воли, а значит, и силы.

Россия обладает продуктом, который представляет собой огромную ценность, а в ближайшие десятилетия его ценность и привлекательность, несомненно, лишь возрастут. Я говорю о неосвоенных территориях. Сегодня таковых практически не осталось на планете, за исключением мест, малопригодных для проживания: пустыни севера Африки, центр Австралии, льды Антарктиды. И там можно построить город-сад, но это вылетит в такую копеечку! Единственные привлекательные территории, где еще не ступала нога человека, находятся в России, прежде всего в Сибири. Допустим, что отлаживаемый в настоящее время финансовый механизм ограбления обеспечит возобновляемое сосредоточение денег в руках представителей «золотого миллиарда». Рано или поздно им захочется вложить эти деньги в покупку и обустройство территорий, где в реках осталась рыба, которую можно ловить на спиннинг и не отпускать, как этого требуют в Канаде, а в лесах водятся звери и птицы и никто не мешает тебе наслаждаться тишиной и покоем в радиусе 5 километров. Если к тому времени мы не распродадим все по дешевке, если не придем к положению страны-саттелита, не имеющей возможности принимать самостоятельные решения, если окажемся в состоянии обеспечить покупателям безопасность, если, если, если... то, обладая монополией на сверхвостребованный продукт, можно многое получить и на многое повлиять. Наш главный потенциальный сырьевой ресурс — • не нефть и газ, а территория.

Менее очевидным, но полностью находящимся в рамках нашего менталитета способом перераспределения в нашу пользу денеж-

ных потоков планеты является создание мощной международной системы образования. Спрос на образование в мире будет расти. Сегодня полный курс обучения в английском университете встает бедному студенту в сумму около 300 тысяч долларов США. В эту сумму кроме стоимости самой учебы входят цена учебников, аренда (обязательно) общежития при университете, наличие некоторых сумм на питание, транспорт и т. д. Образование, которое студент получает там, ничем не лучше, а по ряду предметов и уступает нашему, либо бесплатному, либо получаемому по средней цене в 30 раз (!) меньше. Вспомним, как писал Ильич: дайте, мол, капиталисту 300% прибыли — и нет такого преступления, которого он не совершил бы. Разница стоимости образования в России и в странах Запада как раз и составляет эти 300%. Чем же привлекает студентов западное образование? За счет чего формируется предпочтение? Причин несколько. Во-первых, мода и престижность обучения в западных вузах. Во-вторых, значимость обучения на английском языке. В-третьих, возможность приобретения хороших знакомств, которые могут помочь в дальнейшем трудоустройстве. В-четвертых, мнение о России как о стране, непригодной для проживания западному белому человеку. Как минимум два из этих акцентов — вопрос лишь рекламы. Другие — решаемы, с учетом, что наше образование, если его трактовать как способ получения передовых научных знаний, преподаваемых оптимальным образом, лучшее в мире.

Второе, о чем следует думать, рассуждая о перспективах и возможностях стран, — это качество населения. К минусам положения дел в России можно отнести плачевную демографическую ситуацию. Вымирание нации идет всеубыстряющими темпами. Ухудшается качество населения. Мы болеем, стареем, мы подвержены дурным привычкам, причем последние годы к традиционным водке и табаку добавились наркотики. В плюс можно поставить высокий образовательный уровень населения и наличие древней могучей культуры. Мы побеждаем во всех студенческих конкурсах по программированию, математике и иным точным наукам. Бедному Западу только и остается говорить о необходимости гуманизации образования, ведь есть же пословица: «Если ты где-то ничего не можешь, то там не должен ничего хотеть». Наши студенты и школьники, возвращаясь со стажировки и обучения в Англии, США, с удивлением рассказывают о том, какие «там все дураки». И то, что большинство нобелевских премий получаем не мы, имеет главной причиной то, что выдаем их не мы.

Конечно, не будем забывать тот факт, что инструментарий в области физики, астрономии дает ученым Запада некоторые преимущества. Убежден, что нам не следует экономить на синхрофазотронах и космосе. В серьезную науку должны идти большие деньги, если мы действительно хотим чего-то достичь.

В области культуры мы впереди планеты всей. Наш балет вне конкуренции, полотна наших художников идут на «ура». Их стихи, кроме, может быть, Шекспира, близко не стояли с нашим Пушкиным и Бродским, и что они могут выставить против Чайковского и Рахманинова? Разве что Моцарта и Баха! Правда, в последние годы у нас возникли сложности в кинематографе. Но, несмотря на свидетельствующих о вырождении «Молоха» и «Тельца» Сокурова, есть и «Брат» и «Брат-2» Балабанова. Энтузиазм, с которым зрители встречают «ментов», говорит о том, что здоровое кино, в меру патристичное, в меру ироничное, повествующее не о воровках и извращениях, а о нормальных, положительных героях, имеет спрос. Зритель охотней идентифицирует себя с защитниками справедливости, чем с олигархами и создателями финансовых пирамид.

Культура — это не только искусство. По части генерирования архетипов с большим диапазоном допустимого поведения, что чрезвычайно важно в эволюционном смысле, мы не уступаем Западу, а сложность и многозначность социальных инстинктов россиян, возникшая в результате всей нашей истории, обеспечивают востребованность интеллектуального и эмоционально-волевого развития.

Наши наука и культура могут быть и являются востребованными жителями планеты, и мы имеем лучшую в мире систему образования, если только в ближайшие годы не испортим ее глупейшими нововведениями.

Третья область анализа в рассмотрении вопроса о наших перспективах — психология. Россияне привыкли считать себя, и во многом оправданно, лидерами или одними из лидеров человечества. В этом нас убедили успехи науки и культуры, первенство в космических и океанических программах, победы в спорте, в великих войнах и многое другое. И вдруг мы терпим поражение в холодной войне. Мало кто из россиян верит и убежден, что нас победили честным путем. Большинство считает, что нас предали свои же руководители и обманули американцы, прикинувшись друзьями. Предательство и обман — самые страшные из возможных преступлений во мнении россиян. И это побуждает самую мощную мотивацию к противодействию. Такая мотивация может побудить народ к большому напряжению сил.

История знает примеры подобного рода. Униженная и растоптанная Германия, например, поднялась после Первой мировой войны и развязала Вторую. Япония и Германия, проиграв Вторую мировую, смогли войти в тройку экономически лидирующих стран и составляют США конкуренцию, которую те не выдерживают настолько, что вынуждены использовать неэкономические методы борьбы.

Русские обладают качеством, которое следует учитывать при возрождении государства. Нам трудно в продолжение больших промежутков времени заниматься монотонной рутинной работой, но мы в состоянии, если это необходимо, работать круглосуточно в течение небольшого временного отрезка. Словом, все как в песне: «Здравствуй, страна героев, страна мечтателей, страна ученых!» В простой, не требующей сверхусилий будничной работе мы проигрываем. В борьбе, в прорыве, на баррикадах мы победим.

Очевидно, наши потенциальные возможности велики, и анализ ситуации позволяет рассчитывать на успех в состязании с развитыми странами планеты и, как говорят, в «интеграции в мировую семью народов».

Да, мы можем добиться успеха. Но одно мы должны помнить твердо: мы не добьемся успеха в зарабатывании денег. Никакой Запад нам тут не поможет и помогать не собирается. Это их путь, их правила игры, созданные для того, чтобы обыгрывать нас! Оттепель в сражениях холодной войны ни в коем случае не означает, что противник отдаст нам свое самое мощное оружие. Мы должны обеспечить россиянам возможность заниматься любимым делом, обеспечивать базовые потребности, вести насыщенную культурную и научную жизнь, причем уровень всего этого должен быть сопоставим с западным или превышать его. В такой постановке вопроса шансы наши на успех велики. Но они равны нулю в попытках заработать столько денег, сколько они. Они их не только зарабатывают, но и печатают — и в этом главные наши различия.

Существуют два принципиально различающихся способа регуляции сложных систем, к которым относятся государства и цивилизация в целом. Способы управления изнутри и извне, саморегуляция и управление. В чистом виде они не встречаются, но рынку ближе понятие саморегуляции, а управлению — планирование. Сегодня мы наблюдаем постепенный дрейф к планированию даже в тех государствах, которые называют рыночные отношения основой своего устройства. Преимущества в условиях планируемого со-

циально-экономического развития получают те государства, чьи планы лучше, т. е. учитывают большее количество факторов, точнее оценивают их, дают план действий с оптимальным сочетанием мероприятий, директивно закрепленных и обусловленных инициативой исполнителей, обеспечивают оптимальную мотивацию, предоставляют возможность адекватного контроля и рассчитаны на более продолжительный срок.

В условиях демократии мы сталкиваемся с противоречием: с одной стороны, время нахождения у власти избираемых руководителей не должно превышать 4-5 лет, с другой — план развития общества должен быть составлен на максимально возможный срок. Следовательно, исполнение плана возлагается на вереницу следующих друг за другом руководителей. Но и один долгоиграющий лидер не может обеспечить выполнение плана большой временной протяженности, так как в своем жизненном пути каждый человек проходит определенные этапы, характеризующиеся различной активностью, различным набором ценностей, различным набором потребностей, формирующих мотивации действий.

Следовательно, эволюционно целесообразно наличие структур, обеспечивающих преемственность власти, приход к управлению людей, гарантированно продолжающих дела своих предшественников. Или же структур, обеспечивающих продолжение курса любым избранным на высший государственный пост, какие бы он мнения по вопросу преемственности ни имел. Но это лишь одна сторона вопроса. За время действия плана изменяется и сам народ. Если мы хотим, чтобы план, принятый населением на «ура», этим же населением не был отвергнут через 30-40 лет, когда взгляды людей претерпят сильную трансформацию в силу даже простых возрастных изменений, мы должны создать механизм, обеспечивающий ключевую роль в деле передачи власти одному и тому же слою населения, для которого план мышления приемлем. Население входит в этот слой, получает возможность воздействовать на государственные события, а выходя за определенные возрастные пределы, лишается таких возможностей, получая что-то взамен. Такой механизм уже много раз был опробован историей, и называется он неравным избирательным правом. Сейчас оно действует во всех странах демократии. Так, у нас в России к голосованию не допускаются люди моложе 18 лет. В сущности, всеобщего равного избирательного права не существует. В подавляющем большинстве стран демократии молодежь реже ходит на выборы по сравнению с людь-

ми пожилого возраста. Можно говорить о равных возможностях, но это вопрос дискуссионный. Можно защитить точку зрения, что молодежь не ходит голосовать, потому что не видит для себя выгоды от участия в подобном способе воспроизводства власти. Следовательно, ее возможности ущемлены, и есть среди равноправных избирателей социальные группы, так сказать, еще равнее. Эти рассуждения я привожу для того, чтобы показать, что при ближайшем рассмотрении вопрос о неравных избирательных правах не представляется таким уж кошунственным.

Почему же об этом следует говорить? Да очень просто. Сегодня США стремится переделать мир по своему образу и подобию. Они лидируют в гонке и хотят, чтобы все имели в лучшем для них случае машину такой же мощности, одинаково относились к дорожным знакам, одинаковое количество времени проводили за рулем. В этом случае они гарантируют себя от потери лидирующего положения. Если мы примем эти правила игры, то останемся на отводимом нам сегодня месте среди стран третьего мира. Воля ваша, я этого не хочу.

Эволюция заполняет свободные ниши. Этот процесс отслеживается сегодня во многих странах мира, в том числе в США и России, в двух интересующих нас в рамках данной книги процессах:

- а) создание структур, обеспечивающих долгосрочное планирование, их развитие и укрепление, увеличение их роли в управлении;
- б) разделение населения государств на две неравные части, выделение управленческой элиты и снижение уровня самостоятельности остальной части населения.

Если эти процессы развиваются, а не выбраковываются эволюцией, значит, они приносят какие-то преимущество в социально-поведенческой борьбе. Однако с увеличением плотности, возрастанием количества участников этой борьбы целесообразность деятельности особи или социальной структуры определяется все чаще, и чаще; итоги, по которым проводится выбраковка, подводятся чаще, чем прежде. Следовательно, мы можем сказать только, что стихийным путем, рыночным, так сказать синергетическим, возникают структуры, ориентированные на кратковременное планирование. Мы же столкнулись с проблемой нехватки институтов, обеспечивающих именно долгосрочное планирование и преемственность поведения особей и социальных структур. К счастью, эволюция социума осуществляется не только нашими социальными институтами, но и сознанием, в котором не только перезаписаны наши поведенческие инстинкты, но и существуют во всей огромной слож-

ности их производные. И поэтому возникали и возникают структуры, обеспечивающие такое долгосрочное планирование. Они в какой-то мере изолированы от эволюционных процессов в массивной их форме; подведения итогов деятельности поквартально с проверками целесообразности использования бюджетных денег не проводится. Это позволяет теоретически учитывать в реализации долгосрочных планов такие ценности, как совесть, честность, доброта, благородство, но одновременно создает опасность возникновения чувства исключительности, опасность возомнить себя демиургом, решающим судьбы плебса. Опасность и шанс — они всегда в эволюции, да и вообще в деятельности, шагают вместе.

К подобным структурам сегодня можно отнести следующие.

1. Финансовые империи, корпорации, чья деятельность носит планетарный характер. Они в долгосрочном аспекте обеспечивают сохранение правил политической игры, оптимальной для обеспечения их функционирования.

2. Религиозные организации. Они также пытаются обеспечить свою жизнедеятельность, не только путем централизации финансов, но и путем монополизирования права говорить о вечных ценностях. В последнее время в развитых странах церковь теряет вес, так как паства видит, что у многих пастырей, призывающих к умеренности, скромности в быту и другим морально-нравственным началам, слова сильно расходятся с делом. Потому возникает множество религиозных сект, некоторые из них распространяются по всей планете, имеют бюджеты, сравнимые с бюджетом России, а практика использования в разговоре между руководителями секты и неофитами методов психологического манипулирования позволяет формировать группы фанатиков, готовых во имя своих учителей буквально на все. Попытки же госструктур создать свои, не связанные с религией источники моральных ценностей, терпят неудачу. У нас в России отслеживаются как минимум три попытки такого рода. Первая — это создание института уполномоченных представителей по правам человека. Апофеоз сего процесса — деятельность С. Ковалева, передавшего народу весь свой запас нравственности и оставшегося ни с чем. Академик Д. С. Лихачев, пользовавшийся глубоким уважением подавляющего большинства знавших его и о нем людей, к сожалению, уже не с нами, но зато живут и здравствуют люди, которые пытались использовать его имя как индульгенцию для своих довольно-таки испачканных дел. Телевизионные же высказывания Солженицына хотя и напоминают мне

лично об огромных заслугах этого человека, о его мужестве и мученичестве, однако его советы, «как нам обустроить Россию», несколько домотканны.

3. Тайные общества. (Рассмотрению подобных организаций будет посвящена одна из последующих книг, примерно половина которой уже написана.) Некоторые из них ставят задачей захват власти, некоторые стремятся руководить из-за кулис. Отметим, что эти общества стараются использовать структуры государств для достижения своих целей путем контроля, устанавливаемого над ключевыми сотрудниками госструктур. Это вовсе не бабушкины сказки-страшилки, а реальность, с которой мы часто сталкиваемся сегодня в политической жизни. Иногда их деятельность, как, например, история с ложей «П-2», делается достоянием масс, но очень редко.

4. Тайные общества, находящиеся в состоянии военных действий с государствами. Это террористические организации различного вида, это наркокартели, иные организованные преступные сообщества. Многие из них также обладают подразделениями, внедряющими своих представителей в официальную власть. Чтобы убедиться в обоснованности моих слов, достаточно внимательно проанализировать состав любого из депутатских корпусов. И вообще: «Все крупные состояния нажиты преступным путем».

5. Тайные общества, создаваемые самими государствами. Они делятся на две группы: на предусматриваемые конституциями и существующие действительно тайно. К конституционным относятся органы разведки всех видов, институты стратегических исследований, специальные подразделения, которые обязаны разрабатывать долгосрочные программы и давать прогнозы. К непредусмотренным конституцией можно отнести кланы, группы по интересам, группы, связанные семейными отношениями, и т. д. Все это в значимой мере влияет на политический курс руководителей. Есть и другие виды подобных организаций, более четко структурированные, с полувойскальной дисциплиной.

6. Экологические организации: Гринпис и иже с ними. Многие из них действительно ведут борьбу за чистоту окружающей среды и побеждают. Их планы просты: прекратить засорять планету. Двумя руками голосую в их поддержку.

7. Официально сформированные надгосударственные структуры. Прежде всего это ООН, ЮНЕСКО, Интерпол, военно-политические блоки, различные союзы и т. д. Сегодня это — реализация генеральной линии на глобализацию процессов управления.

8. Международные общества, составленные по, так сказать, отраслевому принципу. Врачи без границ, полицейские без границ. Особняком стоит организация, созданная и много лет возглавлявшаяся Матерью Терезой. Пожалуй, это единственный пример, о котором я знаю, истинно милосердной, без второго плана, организации.

Все эти структуры давно находятся в тесном переплетении и взаимодействии, причем нормой взаимодействия являются тайные отношения. Большинство организаций используются разведками и иными аналогичными структурами государств в своих интересах. В сущности, процесс возникновения и функционирования структур долгосрочного планирования и воздействия зашел так далеко, что возник целый социальный пласт со своими законами, принципами отношений. Конечно, большинство подобных обществ сохраняет определенную самостоятельность.

Мне интересно говорить, исследовать и принимать участие в создании организаций, относящихся к пункту пятому данного перечня: «Государственные структуры долгосрочного планирования и системного воздействия». Проблема вся в том, что у России сегодня нет возможностей, а точнее, ощущения первоочередной необходимости создания таких структур. Хотя, впрочем, так категорично говорить я не стал бы. Ведь существует, из общеизвестных, и яблочный «Эпицентр», и Центр Грефа, и Институт США и Канады, другие аналогичные организации. Однако эти организации сделаны под конкретного руководителя, под конкретный курс. При смене курса или руководителя организации фактически перестают действовать. Необходимо создать структуру, которая существовала бы независимо от политической конъюнктуры, обеспечивала бы эту конъюнктуру.

Одновременно с созданием управленческих структур стратегического планирования происходит и второй вышеупомянутый процесс: расслоение общества и выделение класса новой аристократии. И то и другое — реакция на перевод системы госуправления с ролевых принципов на массовидные. Дистанция между лидерами и заполняющими другие ролевые ниши участниками малой группы значительно меньше, чем дистанция между лидером толпы и управляемой им массой. В структуре малых групп в последние столетия обозначилась тенденция к снижению степени уникальности и незаменимости лидера, к выявлению ситуативных лидеров. Особенно ярко это проявляется в группах с высоким уровнем интеллектуального развития участников. В массовидных же отношениях подобное сближение и взаимозаменяе-

мость фиксируются значительно реже и практически не наблюдаются в толпе с виртуальным массовидным лидером. Высокий уровень интеллектуального развития препятствует вовлечению человека в массовидные формы отношений, следовательно, для демократических форм управления государством оптимальным следует признать разделение общества на две части: массу и лидеров. Причем масса должна обладать невысоким уровнем интеллектуального развития, узким кругозором для того, чтобы легче можно было вводить людей в такое состояние, когда ощущается невозможность бездействия, но для принятия решения не хватает информации. Интеллект можно определить применительно к данному случаю как умение принимать решение, базируясь на меньшем объеме поступающей информации о ситуации, дополняя ее оценением с использованием широкого кругозора. В то же время та часть социума, которая определяет деятельность массовидных и особенно виртуально-массовидных лидеров, должна быть скреплена иными связующими нитями. Оптимальна для выполнения подобных функций структура, построенная на сочетании индивидуальных и ролевых принципов поведения, а это не что иное, как аристократия.

Формирование аристократии имеет свои негативные и позитивные стороны. Ко второй я бы отнес неизбежное использование членами этого сообщества для обеспечения его существования определенных нравственных ценностей. К негативной — то, что эти ценности используются только для внутрискруктурного пользования, а для массы приготовлены манипулятивные технологии, с нравственностью и моралью не имеющие ничего общего. Так же неоднозначно можно оценить выделение категории «масса». С одной стороны, снижение уровня интеллектуального развития уменьшит диспропорцию между количеством знаний, получаемых человеком в ходе образовательного процесса, и количеством знаний, которые оказываются востребованными в процессе деятельности. Человеку, который всю жизнь занимается канцелярской работой, или, скажем, работой в сфере услуг, или работой на конвейере, опасно знать произведения Шекспира, так как он может задуматься на тему «быть или не быть». Но, с другой стороны, именно наличие этой диспропорции служит стимулом для социального развития человека. История учит нас, что негативно воспринимается не то, что одни люди занимают высокие посты, а другие находятся на низком уровне социальной лестницы, а то, что сословные перегородки не позволяют достичь желаемого при должном напряжении сил. Снижая уровень

интеллектуального и культурного развития, мы получаем внутренне менее противоречивое общество, но проблема в том, что это лишь часть общества, и называется она — «масса».

Подобное развитие событий неприемлемо в России. Для этого высок уровень развития граждан, для этого высок культурный уровень возникающей аристократической верхушки. Наш Социально-психологический центр много лет работает с интеллектуально одаренными старшеклассниками в различных регионах России, и мы видим, что уровень развития школьников по-прежнему высок. Конечно, существуют и проблема наркомании, и другие сложности, вызванные процессами перестройки, но я бы не стал драматизировать ситуацию настолько, как это делают иные газеты и каналы телевидения. Молодежь не даст себя оболванить. А складывающийся высший класс неминуемо делегирует из своих рядов борцов за интересы народа в случае попытки государства перевести управление с ролевых принципов на массовидные со всеми вытекающими отсюда последствиями. Форма демократического управления, складывающаяся на Западе, не сможет действовать эффективно в российских условиях.

Институты, призванные обеспечить долгосрочное развитие России, должны:

а) сформировать приемлемые всеми слоями общества цели на ближайшие 90-100 лет;

б) способствовать созданию и оптимальному функционированию систем воздействия;

в) обеспечивать формирование аристократии общества таким образом, чтобы она не выделилась в антагониста по отношению к народу;

г) обеспечить наличие диспропорций определенного уровня, которые, с одной стороны, обеспечивали бы возможность представителям народа преодолевать сословные перегородки и вступать в ряды аристократии, а с другой — не допускать их роста выше определенного предела, что может повлечь за собой либо их непроходимость, либо уничтожение.

Все это возможно в случае создания структуры, которая сможет составить определенную конкуренцию СМИ в донесении информации до населения. Информация эта должна проходить по ролевым каналам, которые обеспечивают существование моральных ценностей.

Подведя итоги всему сказанному, сформулирую это следующим образом.

В условиях демократической формы управления с использованием СМИ происходит разделение общества на массу и лидеров массы. Для того чтобы предотвратить накопление негативных тенденций, с этим связанных, следует создавать действующие на ролевых принципах структуры, которые обеспечивали бы прохождение информации через зону разрыва между массами и массовидными лидерами. В силу того что государство при демократии подвергается кадровым переменам и, как следствие, возможна смена курса, вышеупомянутые ролевые структуры должны носить негосударственный характер. Таких структур должно быть несколько, чтобы социуму был предоставлен весь спектр возможностей выбора, что защищает наше общество от возможных ошибок изначального выбора. Создание мира виртуальной реальности мы скомпенсируем социальными структурами, построенными на индивидуальных и ролевых принципах.

Это должны быть структуры, являющиеся агентами влияния той группы населения, которая принимает стратегический план развития и обеспечивает движение на пути его выполнения. Они должны быть созданы во всех социальных нишах, чтобы можно было доносить информацию в форме, отличной от той, которую предусматривают приведшие к созданию этой ниши конфигурации поведенческих коррелятов. Это позволит увеличить степень цельности общества, с одной стороны, и вариативность поведения — с другой, что следует позитивно оценивать в эволюционном смысле. Проиллюстрируем эту теорему.

Первое — это партийное строительство. То, чем активно занимается сегодня руководство страны, причем идет по более грамотному пути, чем администрация предшествовавшего президента. Тогда дело было пущено на самотек, что само по себе не так и плохо в данном вопросе, но все же следовало бы свободное творчество масс ввести в определенные рамки. Единственное, чем занималась администрация в вопросах партстроительства, — это создание и поддержание партии власти. Каждый раз это оканчивалось провалом, что не прибавляло власти авторитета и уверенности в своих силах.

Сегодня все политические силы живут ожиданием перегиба в другую сторону. Закон о партиях, который рано или поздно будет принят, должен внести упорядоченность в ту мозаику, которую мы сейчас наблюдаем. Но некоторые шаги вызывают настороженность. Разговоры о введении в России двухпартийной системы вредят нормальному течению политической жизни страны. Партий должно

быть больше, для того чтобы люди считали, что у них есть выбор. Иначе получившийся политический режим в этом вопросе ничем не будет отличаться от нашего предыдущего строя с обилием негативных черт, неприемлемых для большинства населения.

Партий должно быть несколько, и их количество должно учитывать реальные водоразделы нашего общества. Раздел первый: коммунисты и некоммунисты. Коммунистическая партия должна существовать, запрещение ее было бы грубейшей ошибкой. Раздел второй: некоммунисты делятся на поддерживающих правительство и не поддерживающих его. Сегодня же, когда все центральноориентированные партии готовятся к слиянию в экстазе поклонения пред фигурой непогрешимого президента, самая большая часть населения оказывается лишенной выбора. С точки зрения этой электоральной группы, голосовать за коммунистов не хочется, а за демократов — тем более. Должна быть хотя бы одна альтернативная президенту кандидатура в поле предпочтения людей центристских взглядов. Это прекрасно понимают люди, готовящие партийную реформу, и именно этого они хотят избежать в попытке оказать и обществу, и президенту очередную медвежью услугу.

Довольно значительная часть некоммунистов придерживается антикоммунистических взглядов, и они хотят иметь возможность голосовать за своего кандидата. Идеальным следовало бы признать вариант с объединением всех демократических партий в одну, но это представляется маловероятным по причине принципиальной неблокируемости Г. Явлинского. Конечно, ни в коем случае не стоит запрещать «Яблоко» или СПС. Демократическое крыло — та область, где проходят процессы сродни американским, которые оставили в борьбе лишь две партии. Оптимально, если американская двухпартийная модель утвердится в демократической части нашего общества. Еще одна часть населения считает, что вся власть в целом — это плохо. Они либо не ходят голосовать, что есть их право, либо должны иметь партию. Сегодня это — либерально-демократическая партия В.Жириновского, которая уже много лет объединяет маргинальные группы населения и удерживает их в рамках, как было модно говорить, правового поля. Итак, пять партий определяются пятью основными мотивациями выборов, существующими в России. Есть еще несколько возможных способов разделения общества на части, желающие иметь свою партию, но это разделение находится уже в другом измерении мотивации, а в рассматриваемом — нерядоположно. Город — село, мужчины — женщины,

молодые — пожилые. Особняком стоят экологи, потому что не понятно, кого им поставить в пару — загрязнителей? Существуют партии — выразители интересов групп, стоящих в парах последними. Аграрная партия, женщины России и партия пенсионеров. Были попытки создать и партию по экологии, не знаю, что сейчас с этими партиями («Кедром», например). Все они не набирают пяти процентов голосов избирателей, что доказывает: в момент голосования избиратели не позиционируют себя по этим категориям. Думаю, что эти партии смогут также создать структуры, удовлетворяющие проекту нового закона о партиях, привлечь необходимое для регистрации число сторонников. Остальные партии, которые до сих пор существуют как проявления амбиций их лидеров участвовать в большой политической жизни, распадутся, волеются в число более крупных. Неудовлетворенная политическая активность их лидеров частично перейдет в потенциальную энергию, направленную против государства. Но государство может это себе позволить, так как его положение достаточно прочно на сегодня. И, наконец, можно говорить об экстремалах каждой из названных партий, а также о людях, ориентированных в своем выборе на объективно существующее противоречие «регион — центр».

Партийная избирательная реформа должна продвигаться эволюционным путем и вести в ближайшей перспективе к созданию в России 5-8-партийной системы. Таким образом, каждый избиратель сможет реализовать свое право участия в определении направления, в котором движется страна. Либо к коммунизму, либо к демократии, либо нашим срединным путем, поддерживая или отвергая действующую власть, либо не желая рассуждать и действовать в рамках данной системы координат. В дальнейшем, когда выбор направления движения не станет столь актуальным, повысится привлекательность партий, созданных исходя из наличия менее крупных таксонов населения.

Наш печальный опыт распада СССР показал, что без контроля снизу, без даже интриг в борьбе за власть, в которых, однако, приходится опираться на народ, а значит, и в какой-то степени учитывать его интересы, в условиях отсутствия потрясений, имеющих внешние (войны) или внутренние (сталинские чистки) причины, рано или поздно формируется механизм, приводящий в единственную партию людей с набором черт личности, ведущих к ухудшению качества власти, к деградации управленческой верхушки власти, что приводит к серьезным социальным потрясениям. Следовательно,

если мы стремимся к обеспечению качественности власти, мы должны учитывать интересы всех основных групп народа, предоставлять им возможность влиять на формирование элементов власти. Власть должна стремиться не перекрыть направления народных предпочтений, но сделать более привлекательными те, которые способствуют продлению сроков ее полномочий.

Такое положение вещей следовало бы считать оптимальным с точки зрения народа, но власть, как и любая социальная структура, обеспечена вопросами самосохранения, отстаивания тех социальных ниш, которые достаются с таким трудом. Страна сегодня вновь находится перед выбором. Либо власти важны интересы страны в целом, либо власти важнее интересы только власти. В первом случае все в порядке, во втором следует ожидать партийных реформ, направленных на то, чтобы голосование стало реально безальтернативным, на подавление свободы слова и т. п., благо механизмы достижения всего этого еще не заржавели. Однако при коммунистах в добавлении к этим кнутам был и пряник — ясно декларируемая цель, идеология, которая устраивала большинство населения, перспективы. Все это позволяло сознательно относиться к некоторому ограничению свобод. Сегодня идеологии нет, высоких планов нет — ведь, согласитесь, между задачей стать во всем лучшими в мире и задачей войти в большую семерку есть разница, и трудно человеку, ставившему перед собой первую, воодушевиться второй. Поэтому в случае закручивания гаек страна отреагирует совершенно предсказуемым образом. Никто не пойдет на баррикады в поддержку так называемых свободных СМИ, потому что все давно знают степень их независимости. Кто может — уедет за рубеж, кто не успеет — затихарится, чтобы не привлекать к себе излишнего внимания. Страна лишится в очередной раз инициативы огромного количества людей и вновь окажется в сфере действия тех векторов, которые разорвали Советский Союз, но при гораздо худших начальных условиях.

Вероятно, это понимают все умные люди. Но, тем не менее, неуправляемый разгон к авторитаризму начался. Все эти бюсты Путина, которые с истинно медвежьей неуклюжестью придумали руководители «Единства» у нас в Санкт-Петербурге, все эти партийные слияния с «медведями», все эти состязания чиновников всех уровней в изъявлении верноподданнических чувств являют собой опасный симптом.

На исходе первого года пребывания у власти президент В. В. Путин оказался в довольно сложной ситуации. Экономический рост в

стране замедляется, а вывоз валюты за рубеж — нет, благосостояние страны по-прежнему зависит от экспорта нефти и газа, что ненадежно и не может гарантировать устойчивость страны в связи с предполагаемыми большими выплатами долгов. Международное положение дел также оставляет желать лучшего. Американцы, решающие свои нешуточные проблемы, сделали худшее, что могли сделать для нас, исключая развязывание третьей мировой: перестали обращать на нас внимание. Вместо полного и окончательного построения общества развитого социализма — полное и окончательное поражение в холодной войне; это удар по нашему оставшемуся еще самолюбию. Первоначально, т. е. на момент выборов, Путин поддерживали так называемые простые люди, а более образованные, интеллигентные и маргинальная часть населения отнеслись к выдвижению чекиста и резидента настороженно. Мощная избирательная кампания с применением всех возможных подоплек и ударов ниже пояса дала победу 53% голосов, часть из которых (правда, весьма малая) явно сомнительного происхождения. Нуда Бог с ними — если бы и был второй тур, то Путин победил бы в нем вне всяких сомнений. Сегодня же ситуация меняется. Интеллигенция меняет свое отношение к президенту с настороженного на негативное, а простой народ — с одобрительного на настороженное. Ничего удивительного в этом нет, это обычная эволюция отношения к власти. Помните анекдот? Когда в социалистические времена увольняют одного руководителя, на его место приходит молодой и получает в наследство от предшественника несколько запечатанных конвертов с рекомендацией вскрывать их последовательно, когда ситуация будет казаться тяжелой. Через какое-то время ситуация осложняется, новый руководитель вскрывает первый конверт, и читает там совет 1: «Все обещайте». На какое-то время ситуация исправляется. Затем снова проблемы. Совет 2: «Валите все на меня». Опять ситуация усложняется, и последний, третий конверт содержит рекомендацию: «Пишите письма». Сегодня В. В. Путин между первым и вторым конвертами. Обещания даны, а с выполнением — сложности. Давайте рассмотрим, что можно поставить президенту в плюс, а что в минус за первый год его правления. Что остается в памяти избирателей к следующим выборам? О чем услужливо напомним избирателям конкуренты Путина?

1. Сомнения в легитимности избрания.
2. Негативно оцениваемая всеми группами населения история с «Курском».

3. Негативная оценка правой частью электората истории с запретом НТВ.

4. Неумение решать ситуации в сложных регионах: в Чечне порядок не наведен, в Приморье — безобразия.

5. Неудачная работа представителей президента в регионах.

6. Провальная ситуация во внешней политике, выражающаяся в выходе США из ПРО и в вынужденном отступлении нашего президента с позиции безусловного сохранения ПРО на позицию «хорошо, что они с нами проконсультируются по этому вопросу».

7. Процесс объединения с Белоруссией идет недостаточно быстро.

8. Вообще процессы интеграции на постсоветском пространстве не получают должной поддержки администрации России.

9. Рост пенсий не компенсирует роста цен.

В. В. Путин, безусловно, работает изо всех сил, и все эти сложности и неудачи носят объективный характер, но и законы формирования электоратных предпочтений объективны. Может возникнуть ситуация, когда перед президентом встанет вопрос, что для него важнее: интересы государства, состоящие в свободе выбора, или интересы властных структур, состоящие в постоянном нахождении у власти одного лидера. Что решит он в условиях, когда свобода выбора может привести к утере личной власти? Очень непростой вопрос.

Для того чтобы никогда перед президентами такие вопросы не возникали, чтобы государство не балансировало между либерализмом и диктатурой, следует создавать структуры, которые ролевыми нитями скрепляли бы трещину между массой и властью — трещину, объективно существующую в условиях применения массовидных способов управления обществом.

Рассмотрим несколько способов создания и обеспечения жизнедеятельности подобных структур.

Во-первых, структура должна быть долговременной, следовательно, она должна функционировать преимущественно на основе ролевых поведенческих регуляторов.

Во-вторых, должны сохраняться цели, задачи структуры, не изменяясь в соответствии с естественными возрастными трансформациями мотивационной сферы.

В-третьих, структура должна быть подвязана к объективному процессу, обеспечивающему материальное благополучие, дающее возможность плодотворной работы.

Этим условиям удовлетворяет структура в форме института, я имею в виду институт как образовательное заведение. Действитель-

но, соотношение численности студентов и преподавателей в институте, университете таково, что вызывает к деятельности регуляторы ролевого поведения; и преподаватели и студенты объединены в пирамидальные структуры, тесно взаимодействующие между собой на всех уровнях.

Задача обучения и получения знаний стоит перед человечеством столько лет, что можно без особой натяжки предположить, что она останется актуальной еще лет сто-двести (закономерное время существования подобных организаций). Цикличность в смене студенческого состава, обеспеченная пятилетним сроком образования, разумно дополняется более длительной работой преподавательского состава, продолжительность которой, впрочем, можно сознательно менять с помощью устава университета.

Практика показывает, что университет практически всегда имеет возможность зарабатывать, обеспечивая свою деятельность.

Университет такого рода позволяет учитывать еще несколько важных задач. Я уже писал о формировании аристократии как системы людей и групп, являющихся массовидными лидерами или обеспечивающих ими общество в условиях демократизации. Привлечение студентов из разных регионов позволяет создавать сеть носителей норм и ценностей, прививаемых во время обучения; репутация и элитарность университета позволяют привлекать к обучению в нем выпускников местных лучших школ и детей из семей местных лидеров, что повышает вероятность последующего участия выпускников университета в политической и общественной жизни страны в качестве лидеров общественного мнения.

Мы не проводили системных исследований, но убеждены, что большинство согласится с мыслью, что студенческие годы запоминаются надолго, и выпускники много лет несут в себе те принципы и те способы решения задач, которые были заложены на студенческой скамье. Время студенчества — время окончательного формирования норм и взглядов человека; следующий возрастной барьер пересмотра ценностей — около 40 лет. Таким образом, налги выпускники около 15 лет будут находиться в сфере влияния норм и правил, заложенных во время обучения, и это годы наибольшей активности человека.

Привлечение студентов из различных регионов к их совместной деятельности в студенческие годы повышает возможность установления в дальнейшем дополнительных экономических связей между регионами. Действительно, представители аристократии регионов с высокой долей вероятности смогут взаимно использо-

вать знакомства студенческих лет. Подобные прецеденты наблюдаются, например, в Англии среди выпускников престижных вузов.

Совместное обучение студентов из различных регионов повышает прочность государственного устройства страны, сшивая ее нитями дополнительных отношений. Конечно, не стоит преувеличивать силу этих связей — ведь, к примеру, во времена распада СССР просто резали по живому. Но в менее экстремальных условиях наблюдаются другие примеры. Был период, когда регионы Поволжья захлестнула волна молодежных банд: драки район на район, улица на улицу, разделение городов на враждующие территории. В Пензе подобного не было или было в значительно меньшей степени, потому что власти города взяли курс на перемешивание детей еще на доподростковом возрастном уровне. Хорошо работала сеть подростковых клубов, кружков, секций, и дети ездили на занятия по всему городу. Конечно, это неудобно в транспортном отношении, но зато не допустило создания территориальных группировок. Наблюдается некоторая аналогия между деятельностью таких подростковых клубов и нашим гипотетическим институтом.

Пока все, что я написал, говорит в пользу создания долгосрочных управленческих структур в форме элитных университетов. Какие же существуют слабые места в схеме? Основное возражение, которое можно выдвинуть, — то, что схема отношений общество — группа выпускников университета несет в себе те же противоречия, что и группа студенты — преподаватели. Мы придумали удачную структуру для оптимального развития общества. Но преподавательская структура не является идеальной для создания постстуденческой управляющей структуры. Вопрос в том, кто будет управлять преподавателями. Где тот механизм сохранения целей и моральных основ создаваемого университета, который бы обеспечил временную протяженность их существования у преподавателей?

Тут все не так гладко, но поводы для оптимизма есть. Во-первых, сама цикличность периодов обучения стабилизирует взгляды и убеждения преподавательского состава, хотя, конечно, его ценность и нормы меняются с возрастом. Во-вторых, большинство преподавателей находится, в силу высокого уровня интеллектуального развития, в зоне действия индивидуальных поведенческих регуляторов (и ролевых, конечно), а лидеры масс, складывающихся в новую аристократию, т. е. те самые люди, формировать мировоззрение которых должны преподаватели университета, скорее, используют массовидные регуляторы, причем лидерские (и ролевые, ко-

нечно). Таким образом, устойчивость норм и ценностей преподавателей выше, чем лидеров масс, хотя, конечно, численное значение этой устойчивости не обеспечивает неизменности планов университета на протяжении ста лет, а лишь способствует этому.

Способствуют сохранению идей и норм стабильные условия жизни преподавателей. Достаточная зарплата, которую можно обеспечить в случае платного обучения представителей среднего и высшего класса; система льгот; традиции, которые следует создавать в подобном вузе и всячески поощрять, — все это говорит в пользу идеи. Подобные структуры уже существуют в России. Можно назвать, к примеру, МГИМО. Но там наблюдается большое влияние государства, а мы планируем создать университет, который находился бы в частных руках и обеспечивал стабильность государства. Другой пример — Санкт-Петербургский университет профсоюзов. Его ректор А. Запесоцкий, поставив перед собой несколько иные задачи, смог воплотить в жизнь ряд идей, ценных для создания структуры, о которой мы говорим.

И все же опасения по поводу возможности многолетнего обеспечения стабильности взглядов преподавателей до конца не развеяны. И все тут зависит, в конечном счете, от одного человека — руководителя института. Он должен обеспечить оптимальный климат среди преподавательского состава, используя психологические и административные методы. И он должен передать руководство институтом, находясь в здравой памяти и рассудке, тщательно отобранному преемнику. Гарантий тут никаких быть не может, наоборот, ряд сильных социально-психологических факторов способствуют изменению взглядов руководителя и увеличению возможности ошибки при передаче управленческих функций. Основные надежды здесь — на светлую голову и сильную волю.

В случае неудачи или ошибки созданная структура остается простым университетом, который будет продолжать выполнять важную социальную функцию — передачу знаний новым поколениям, и никакого ущерба никому нет. В стране ежегодно подрастает, округленно говоря, около миллиона потенциальных студентов. При численности учащихся в 3 тыс. человек можно говорить о 3 тыс. вузов. Огромное количество их уже действует, но если найдутся в России 10–15 человек и создадут подобные учебные заведения, а затем половина из них превратится из долгосрочных стратегических структур планирования в обычные вузы, то все равно мы насчитываем около 20 тыс. ежегодно выпускаемых специалистов, прошедших воздействие и влияние нашей гипотетической структуры.

Несколько пирамид, существующих независимо, введенных в социум и несущих всей стране принципы, заложенные создателями вузов, — огромная сила. Создание подобных структур возможно как отдельными личностями, так и под патронажем государства. Причем как своего, так чужих, поскольку подобные структуры хороши и для сплочения, и для развала государств.

На мой взгляд, сегодня следовало бы создать четыре университета рассматриваемого вида:

- 1) математики, физики и вообще точных наук;
- 2) регионоведения и регионального управления;
- 3) подготовки госслужащих;
- 4) подготовки специалистов в области массовых коммуникаций, психологии, социологии и т. п.

Прежде чем проанализировать каждое из направлений, следует сформулировать несколько задач и целей, которые, по моему мнению, заслуживают того, чтобы Россия в лице и государства, и частных лиц стремилась к их осуществлению.

1. Обеспечить развитие и увеличение представительства российской культуры, науки и ролевой системы ценностей в условиях доминирования англо-американской цивилизации.

2. Не допустить дальнейшего расхождения государств планеты по шкале экономического развития.

3. Способствовать созданию и функционированию институтов планетарного управления, предусматривающих возможности равноправного развития всех народов, социальных групп и личностей.

4. Препятствовать созданию и функционированию планетарных институтов, направленных на обеспечение диспропорций и подчинения одних стран, народов и групп личностей другим.

5. Обеспечить лидирующее положение России в области науки и техники.

6. Обеспечить высокий уровень жизни россиян.

Первое — университет математики и физики. Он готовит один из востребованных на Западе, т. е. в том обществе, в невольном противоречии с которым мы находимся, продуктов российского экспорта — специалистов высокого уровня. Чем лить горькие слезы по поводу утечки умов, не лучше ли использовать ситуацию в своих интересах? Наладить систему подготовки математиков и физиков, заключить договоры со странами их потенциального трудоустройства, наподобие договора между лигами хоккея в Европе и

НХЛ о поставке хоккеистов или системы трансфертов в баскетболе и футболе. Создать условия для проживания в России тем, кто заработал деньги в США и хочет вернуться. Дом на Кипре стоит 500 тыс. долларов, а такой же у нас должен стоить 50, с хорошим участком земли на берегу красивого озера или Черного моря. Таким образом мы выстраиваем противовес существующей сегодня системе, когда деньги зарабатывают в России, а тратят за рубежом. Необходимо развивать образовательный бизнес в России, ведь наш научный потенциал, наша система образования лучшая в мире, что подтверждается высоким спросом на наших специалистов во всем мире.

В университете, готовящем математиков и физиков, должны доминировать ценности русской культуры. Специалисты, уезжающие работать по контрактам за рубеж, представляют собой, хотя бы они этого или нет, носителей систем моральных и нравственных ценностей, сформированных Чеховым и Достоевским, Шолоховым и Булгаковым, Платоновым, Астафьевым, Бондаревым, воспитанных Джеком Лондоном, Дюма, Стругацкими периода своей плодотворной деятельности, пока они еще не связались со своими ущербными учениками, извратившими их творчество. Специалисты по международным отношениям могут использовать этот огромный потенциал для внесения необходимых изменений в идеологию Запада, причем делать это на индивидуальных и ролевых уровнях, в противовес их массовидному воздействию. Те же специалисты, которые должны остаться в стране и работать в интересах оборонного комплекса или стратегических направлений, таких как космос, биотехнологии, компьютеры, должны получать хорошую по российским меркам зарплату и прочие материальные блага. Традиционный вопрос — где взять деньги — отпадает сам по себе, стоит лишь взять в руки калькулятор. Предположим, нам нужно 10 тыс. специалистов высокого класса. Пусть каждый из них получает зарплату по 2 тыс. долларов в месяц и льготы в виде земли, квартир, элементов гособеспечения. Зарплата составит \$240 млн. ежегодно. И пусть экономисты не убеждают меня, что это огромная сумма. Для государства это пустяк. Было бы желание.

Второе — подготовка специалистов по регионоведению и региональному управлению. Сегодня их катастрофически не хватает. Равно как и грамотных, квалифицированных работников госуправления (пункт 3). В условиях, когда работа госуправленца низкооплачиваема и подвержена нападкам со стороны СМИ, лучшие кад-

ры уходят в бизнес, в другие области, а остаются те, кто своими непрофессиональными действиями и равнодушием утверждают людей в правоте мнения об антагонизме народа и власти. В сложившихся условиях чиновники платят народу за негативное отношение презрением, а свои финансовые проблемы решают сами, что называется, взяточничеством и коррупцией. Сказанное не означает, впрочем, что я хочу присоединить свой голос к стройному хору СМИ, обвиняющему госуправленцев во всех грехах. Я считаю, что чиновников нужно беречь, создавать им условия для плодотворной спокойной работы, ведь в противном случае какого управления от них можно ждать? Беречь и проводить мероприятия по улучшению кадрового состава. Необходимо стремиться, чтобы в науку и в управление шли лучшие силы общества, а следовательно, и условия в этих областях должны быть лучшие.

Обучение специалистов госуправления и регионоведения в созданной в форме университета структуре долгосрочного планирования даст возможность синхронизации убеждений и целей деятельности управленцев всех регионов, что способствует цельности страны, достижению возможности синтонного реагирования.

Специалисты в области СМИ сегодня активно востребованы в стране. В России конца XX — начала XXI в. интенсивно проходит процесс раздела информационного пространства. Президент Путин задал направление на постепенное вытеснение нежелательных олигархов из сферы управления СМИ. Это и необходимый, и в то же время опасный процесс. С одной стороны, я не стал бы говорить о том, что канал НТВ, например, пострадал за то, что говорил правду. Скорее, за то, что выражал интересы определенных структур, чьи взгляды и действия не соответствовали политике нового президента. С другой стороны, после смены владельцев НТВ и сопутствующих структур в стране мало осталось СМИ, которые критикуют действия сегодняшней власти и лично президента. А это, безусловно, плохо, так как подталкивает президента к созданию авторитарной формы управления. Оптимальным следовало бы признать вариант, когда существуют официальные каналы СМИ, выражающие мнение действующей власти; существуют каналы либерально-демократической оппозиции, к которым сегодня все еще можно отнести и реструктурированный НТВ, и ТВ-6, и огромную развернутую в последнее время сеть малых каналов; и, наконец, в добавление к СМИ патристической ориентации, контролируемых коммунистами (их число стремится к нулю), должны появиться пророссийские, но без шо-

винизма, телеканалы и газеты, развивающие идею патриотизма вне коммунистической идеологии. Можно предположить, что в недалеком времени такие каналы появятся, причем как при поддержке государства (посмотрите, как изменился принцип формирования новостных блоков на 1-м и 2-м каналах! Раньше говорили об их достижениях и о наших катастрофах, сейчас — почти наоборот), так и в результате инициативы частных лиц.

Для того чтобы повысить эффективность действия структуры долгосрочного планирования, следует применять два принципа.

1. Так как сохранение системы ценностей и взглядов в условиях наличия противоборствующих социальных векторов требует системной подпитки носителей этих взглядов, следует проводить слеты, курсы переподготовки, телеконференции и другие мероприятия, собирающие выпускников университета вместе в различных сочетаниях каждые несколько лет.

2. Так как в формировании и охране наших моральных ценностей главную роль играет наша деятельность, то университет не должен быть чисто образовательным учреждением, но должен быть образовательно-деятельностным. Еще на стадии обучения необходимо проводить большие программы, участие в которых являлось бы обязательным для студентов. Необходимо стимулировать совместные бизнес-проекты студентов, в которых могли бы найти образ будущие межрегиональные связи, и т. д. Университет должен быть по форме обучения в чем-то сродни втузам, где занятия в аудиториях чередуются с производственной практикой. Однако если задачей втузов является введение студента в производственную среду, то задачей университета описываемого вида является формирование среды жизнедеятельности.

Сегодня те жители регионов России, что смогли в период перестройки занять руководящие позиции или стать пресловутым средним классом, готовы или вот-вот будут готовы озаботиться проблемой обеспечения будущего своих детей, проблемой передачи статуса по наследству. Это мощная социальная волна может предоставить университету, правильно ею воспользовавшемуся, огромные возможности, а участникам течения обеспечить выполнение их планов. Таким образом, все стороны заинтересованы в сотрудничестве, что дает высокий прогноз успешности в создании и обеспечении деятельности структур долгосрочного планирования и управления.

К одной из важных особенностей нашего народа следует отнести успешное выполнение выдающихся дел при прохладном отно-

шении к будничной работе. «Русские долго запрягают, да быстро ездят», «Пока гром не грянет — мужик не перекрестится» — это о том или почти о том. Государство заинтересовано в положительной оценке своей деятельности народом, но не получает ее или получает в малой степени. В странах с устоявшимся балансом политических сил снижение темпов роста экономики на 2-3% может служить причиной смены руководителей, а у нас то упадет на 30, то вырастет на 10 по одним источникам, на 2 по другим — никому нет никакого дела. Одна из причин в том, что 10% — это для нас уровень будничной работы. Наблюдаемые сегодня медленный (и даже десятипроцентный!) подъем промышленности не заметен глазу простого россиянина. Он жаждет великих дел. Но при этом невозможно так же скачкообразно поднять уровень жизни, как его опустили за время перестройки. Следовательно, необходимо совмещать планомерную кропотливую работу по постепенному подъему всей экономики и сельского хозяйства и яркие, эпохальные прорывы в отдельных областях. Для сохранения наших традиционных ролевых ценностей нам нужны положительные примеры мужества, дружбы и добра, и озаботить себя созданием таких примеров должны и государство, и частные лица, желающие принимать активное участие в стратегической игре. История дает примеры использования подобных методов. Первый полет в космос и образ Гагарина, а впоследствии Королева; спасение челюскинцев, стройки века — примеров множество. Убежден, что целесообразно создать узкий круг людей, подобных кризисным управляющим, которые занимались бы проведением больших проектов с обеспечением их госресурсами, властью и т. д. Впрочем, в некоторых случаях нет необходимости привлечения гигантских ресурсов под гигантские проекты, так как сами проекты все равно выполняются или будут выполняться. Освоение крупных месторождений, создание авиахолдинга, способного конкурировать с «Боингом», строительство тоннеля под Татарским проливом, походы флота — все это нужно лишь позиционировать определенным образом. Кое-что в этом направлении делается. Звучат имена путешественника Конюхова, спасателя Шойгу. Нужно не стесняться брать пример с американцев. Столкнулись они с проблемой роста преступности среди черного населения. Совершенно справедливо определили социальные причины феномена. И попытались создать условия, канализирующие энергию негритянской части жителей в законоприемлемое русло. Черные осознавали, что им не достичь успеха в американском понима-

нии этого слова, но получили шанс в виде создания целых областей, где они могут проявить свои сильные стороны: бокс, баскетбол, легкая атлетика. Пусть лишь очень малая часть их станет чемпионами, но дорога открыта каждому, и это снижает социальную напряженность. Практика последних лет показывает, что в России не стали менее популярными и притягательными летние лагеря труда и отдыха, стройотряды. Необходимо дать эту возможность максимально большему числу молодежи. Польза очевидна: канализация энергии в социально приемлемых целях, с одной стороны, создание ролевых структур, с другой, экономическая польза всем — с третьей.

Заключение

Эволюционная теория поведения (ЭТП), с основными положениями и некоторыми следствиями которой вы познакомились, является составной частью и продолжением дарвинской теории биологической эволюции в ее поведенческой части.

Биология и психология в научном мире все еще достаточно разведены, и ЭТП — попытка войти в общую теорию эволюции именно со стороны психологии и социологии, поэтому теория выглядит достаточно самостоятельной. Пишу это я не для того, чтобы попытаться занять место рядом с Дарвином, а чтобы отметить возможное сходство судеб обеих концепций.

Дарвин закрыл тему становления биологического мира. Конечно, еще ведутся споры между приверженцами его взглядов и противниками, но прежнего жара уже нет. Не то чтобы спорщики пришли к общему мнению во всех деталях, просто идея эволюции стала столь очевидной, что спорить тут не о чем.

И интересы биологов сместились в другие области науки: генетику, экологию, — которые ориентированы не только на познание мира, но и на изменение его.

ЭТП позволяет в большом количестве случаев объяснить причины поведения групп людей, позволяет прогнозировать поведение и отдельных особей, и масс. После необходимой доработки, на которую, возможно, потребуется несколько лет, ситуация с поведенческой эволюцией окажется столь же ясной, что и с эволюцией биологической. Сегодня я могу сформулировать большинство вопросов, ответ на которые придаст ЭТП законченность и цельность. Вопросы эти никак нельзя отнести к неразрешимым, но лишь к сложным, требующим

масштабного экспериментирования. Рано или поздно все необходимые исследования будут сделаны, и лучшие специалисты займутся тем, что более интересно и актуально: созданием на основе элементарных положений ЭТП методов воздействия на социум. Собственно говоря, этим занимаются уже давно.

От попыток объяснить мир мы переходим к переделке его по своему усмотрению, и так как у нас нет в запасе других миров, кроме того, в котором мы живем, эти попытки суть экспериментирование над собой. В условиях отсутствия методической базы такие эксперименты чрезвычайно опасны. Не менее опасны они и при наличии такой базы, но угроза в этом случае имеет другой источник. В первом случае опыты, проводимые государствами, социальными структурами и личностями, сталкиваются с противодействием других государств и структур; столкновения носят хаотический характер, т.е. являются частью естественного био-психо-социально-эволюционного процесса. Опасность является реализацией положения: «Дети играют с огнем». Во втором случае опасность можно отнести к категории: «Пожарные играют с огнем», причем пожарные появляются тут со страниц знаменитого брэдбериевского «451° по Фаренгейту».

Моделирование социума на строго научной основе — благо это или зло? Моделирование поведения отдельного человека — это худшая из форм рабства или позитивный процесс, единственный, позволяющий сосуществовать на планете людям различных взглядов, культур, религий? Вопросы, как будто сошедшие со страниц научно-фантастических романов, требуют практического решения, и мы уже давно находимся в эпицентре работ по контролю поведения.

Это как с атомной бомбой: сама по себе она — чудовищной силы оружие, но в структуре цивилизации — гарант мира на планете.

Рассуждения, которые я собираюсь привести ниже, были малопопулярными в Советском Союзе во время борьбы за мир во всем мире, были непопулярны и в странах западных демократий до тех пор, пока в самом центре США не прогремели взрывы, объявившие миру о начале новой эры, когда противостояние «демократия — коммунизм» сменилось на «демократическая тирания — терроризм». Борьба систем государств трансформировалась в столкновение типа «единый центр сил — диффузный ответ», и, может быть, это отчасти следствие наличия на Земле ядерного оружия. Мы пропустили третью мировую войну, но социальные противоречия, которые снимаются войнами, не получили своего разрешения и

привели систему государственного взаимодействия, составляющую основу существования человеческой цивилизации, к подрыву изнутри. На смену институту государственности идет глобализация со всеми ее составляющими и различного рода секты, религии, корпорации и другие альтернативные слабеющим государствам системы управления, построенные на ролевых принципах.

В условиях такого противостояния глобализация может не состояться, и тогда весьма вероятен возврат к системе сильных государств, возможно, на основе религиозных принципов. Чтобы глобализация свершилась, необходимо задействовать новые методы управления социумом, прежде всего СМИ, при помощи которых для смягчения противоречий, накопившихся в результате отсутствия большой войны, создается и развивается виртуальный мир, где справедливость заменена законностью, получение объективной информации — правом на доступ в Интернет, материальные ценности — их финансовыми эквивалентами и т. д.

Все это достаточно отвратительно для человека, воспитанного на Толстом и Тарковском, но альтернативой была бы третья мировая война. Виртуальный мир долгое время смягчал противоречия реального, пока они не достигли, накапливаясь, такого предела, что сделали непопулярными сами институты виртуального мира, и следующая стадия, в которую придется вступить для сохранения мира в условиях становления господства единой англо-американской системы ценностей, — это прямое управление поведением людей с помощью манипулятивных технологий.

Тут следует оговориться, что на самом деле те последовательности, что я выписываю уже две страницы, выглядят несколько иначе. Каждая ступень в макросоциальных процессах, скорее, имеет вид облака, которое не соприкасается с предшествующим по четкой оконтуренной границе, а перекрывает его в большей части в многомерном мире параметров, описывающих социальные структуры и явления. Методы программирования поведения людей появились не сегодня и не вчера, но в течение последних десятилетий приобрели доминирующее положение в мире регуляторов поведения.

Процесс глобализации не остановить, и глупо пытаться остановить колесо истории. Но глобализация в происходящий форме не устраивает миллиарды человек, меня в том числе, потому что «даже и тогда, когда по всей планете пройдет вражда племен, исчезнут боль и грусть, я буду воспевать всем существом в поэте шестую часть земли с названьем кратким Русь». Для того чтобы отвоевать место

России в глобализирующемся мире под управлением США (надеясь, что его предоставят просто так, могут только дебилы), необходимо повернуть пресловутое колесо в нужную сторону — процедура, которую наши предки неоднократно выполняли. Задачу можно сформулировать так: в складывающемся американоязычном глобализированном обществе отстоять принципы многополярного мира, а это значит интересы и России, и Китая, который сам за себя постоит лучше нашего, и Берега Слоновой Кости, и Пакистана, и Югославии, и так далее, по каталогу стран и народов планеты.

Альтернатива этому — западное полицейское государство на всей планете. Альтернатива альтернативе — всеобщий хаос, когда противоречия, сдерживаемые созданной Западом виртуальной системой, вырвутся наружу при крахе первой (как это обычно бывает в истории) попытки глобализации.

Третий вариант — сдерживать и тормозить развивающиеся глобальные процессы, и тогда тяжесть основных решений будет перенесена на плечи будущих поколений. Для России это, возможно, будет благом, если решать придется не сегодняшнему больному и слабому народу, проигравшему холодную войну и лишившемуся целей и желаний, а тем, кто придет нам на смену. Последние годы внушают в отношении молодежи осторожный оптимизм, так как старшеклассники уже не хотят стать бандитами и проститутками, но хотят стать инженерами, учеными, предпринимателями, даже космонавтами!

ЭТП дает методы, позволяющие противостоять манипулированию общественным сознанием, проводимым Западом в виде насаждения западных систем ценностей при помощи доминирующих на планете западных СМИ; дает знания, позволяющие самим планировать и проводить информационное воздействие.

Именно технологии воздействия и защиты станут еще более интенсивно развиваться, когда в рамках ЭТП или другой аналогичной системы подходов мир психосоциального эволюционирования будет окончательно объяснен.

Перспективными направлениями представляются отработка механизмов перевода групп людей с одного эволюционно сложившегося способа регуляции поведения на другой, усовершенствование способов подготовки и донесения информации. Приведенные в книге механизмы запуска массовидного поведения и механизмы запуска ролевого поведения, которые я описал 7 лет назад в «Психотренинге», будут дополнены и чисто психологическими приема-

ми, и, возможно, химическими и физическими методами воздействия, позволяющими делать то же с максимальной эффективностью.

Очень большое значение следует придать разработке методов долгосрочного планирования.

Все это сильно изменит мир 22-го века по сравнению с нашим сегодняшним днем, но ведь и наше время отличается от века 19-го, и ничего, живем, и большинство счастливо!

Высказывание, которое в сердцах бросают партнеру по ссоре наши китайские товарищи, звучит так: «Чтоб тебе жить в эпоху перемен». Но не все они так думают в глубине своей загадочной азиатской души. Тем более мы, азиаты наполовину, не считаем, что жить в эпоху перемен так уж плохо. Перемены — замечательно! Когда народ стремится к переменам — у него появляются цели. У народов, которые остаются в истории как великие, — цели великие. Не будем же мешать будущим поколениям россиян ставить и решать великие задачи ни своим нытьем об утерянных нацией идеалах, ни заимствованием в исторической растерянности западной системы нравственных ценностей, измеряемых в долларах и центах. Вспомним, что есть две настоящие вещи: «звездное небо над нами и нравственный закон внутри нас». И про дивиденды тут ничего не сказано.

Давайте работать и смотреть в будущее с оптимизмом. Именно это и советуют гуманистические психологи, которых я, правда, ругал за розовые очки, но — мир сложен!

28 октября 2001 г.

Afterword

The evolutionary theory of behavior which main principles and some consequences you've learnt is a component and a continuation of Darwin's theory of biological evolution in its behavioral part.

Biology and psychology in the scientific world still remain quite distinct, and the ETB serves as an attempt to enter the general theory of evolution just from the side of psychology and sociology, that's why the theory seems rather independent. I write it not because I try to occupy a place close to Darwin but to mark possible similarity in the fate of both conceptions.

Darwin closed the topic of the biological world evolution. It's clear that there still exist some arguments between the adherents of his point of view and its rivals, but the former ardor has vanished. It's not that the debaters reached the same opinion on all the details, just the idea of evolution became so clear that nothing can be debated on.

So biologists' interests shifted to another fields of science — genetics, ecology that are oriented not only at studying the world but also at its change.

The ETB enables us to explain the reasons of people's masses behavior in a great number of cases, enables us to forecast the behavior of separate species and of masses, too. After a needed refining that can possibly take several years, the situation with the behavior evolution will turn out to be as clear as it is with the biological evolution. Now I can articulate most part of the questions answers to which will give the ETB completeness and integrity. These questions are by no means insoluble, but only difficult, demanding mass-scale experiments. Sooner or later all the necessary experiments will be carried out and the best specialists will be engaged in

what is more interesting and urgent: the creation of methods of influencing a society basing on the elementary principles of the evolutionary theory of behavior. As a matter of fact, the matter has been worked on for a long time.

From attempts to explain the world we turn to its alteration up to our own wishes, and as in store we don't have any other worlds besides the one we are living in these attempts are our experiments on ourselves. In the environment of any methodological base absence such experiments are extremely dangerous. They aren't less dangerous even if such a base does exist, but the threat has different source then. In the first case experiments carried out by states, social structures, and individuals confront counteractions from other states and structures; collisions are chaotic in character, i.e. are a part of natural bio-psycho-socioevolutionary process. The danger is the realization of the situation "Children play with fire." In the second case the danger could be related with the category "Firemen play with fire," while the firemen appear here from the pages of the famous "Fahrenheit 451" by Bradbury.

Society modeling on strict scientific basis — is it good or evil? Modeling of an individual behavior — is it the worst form of slavery or a positive process, that is the only one that makes people with different views, of different culture and religion coexist in our planet? The problems that look similar to those we read about in science-fiction novels demand practical solution and we have been in the epicenter of the actions on behavior control for a long time.

It's similar to the atomic bomb — by itself it's a weapon of enormous power, but in the structure of the civilization its a guarantor of peace on the planet.

The reasoning I'm going to list below was enjoying little popularity in the Soviet Union during the struggle for peace in the whole world, wasn't popular in the Western Democracies until in the very center of the USA there were the explosions that declared the beginning of the new era to the world, when confrontation "democracy — communism" was replaced by "democratic tyranny — terrorism." The fight of the states' systems transformed into a collision like "The united center of forces — diffusive answer" and it can partly be a consequence of the nuclear weapons presence on the Earth. We've avoided a third world war, but social antagonisms that are eliminated by wars didn't get their solutions and made the system of state interaction that serves as a basis of the human civilization existence undermine itself; state institutions are being replaced by globalization with all its components and by various kinds of sects,

religions, corporations, and other systems of management alternative to the failing state ones that are based on role principles.

In the environment of such confrontation the globalization can fail to take place and then the move back to the system of strong states is quite possible, maybe on the basis of some religious principles. For the globalization to happen new methods of the society management should be used, and first of all, the mass media, with the help of which a virtual world is created and developed to alleviate the contradictions that are in store as a result of the absence of a big war; the world where lawfulness takes place of justice, objective information is substituted by access to Internet, material values are substituted by their financial equivalents, and soon.

It all is rather repugnant for a person who was brought up on Tolstoy and Tarkovsky but the alternative could only be a third world war. The virtual world has for a long time softened the contradictions of the real one till they reached, accumulating, such an extent that they made the very institutions of the virtual world unpopular, and the next stage that we have to go through to keep peace when a united Anglo-American system of values comes to dominate the world, is a direct management of people's behavior with the help of manipulative technologies.

I should make a reservation here that the consecution I've been writing about for two pages in reality looks rather different. Each stage in macrosocial processes has rather the form of a cloud that doesn't adjoin the preceding one by a definitely outlined edge but overlaps its greater part in a many-dimensional world of parameters that describe social structures and phenomena. Methods of people's behavior programming didn't appear today or yesterday, but during last decades have gained a dominating position in the world of behavior regulators.

The process of globalization can't be stopped and it's silly to try to stop the wheel of history. However, the globalization in the given form doesn't suit billions of people, including me because "even when the feud of tribes disappears from the whole planet, when pain and grief disappear, I'll sing with all my heart of a poet one sixth of the Earth that has a short title Rus'." To fight for the place of Russia in the world that globalizes under the USA leadership (only morons can think that it'll be given just for the sake of it) we should turn the notorious wheel in the needed direction. Our ancestors carried out the procedure quite a number of times. The task could be formulated as follows: in the forming American-language globalized society we should uphold the principles of a multipolar world, and it means of Russia, and of China, that can stand for

itself even better than we do, and of Cote d'Ivoire, and Pakistan, and Yugoslavia, and so forth according to the catalogue of countries and peoples of the planet.

An alternative to this is a western police state on the whole planet. An alternative to the alternative is a universal chaos, when the contradictions that are held in check by the virtual system created by the West erupt at the failure of the first attempt of the globalization (as it usually happens in history).

The third variant is to suppress and impede the developing global processes, then the burden of main decisions will fall onto the shoulders of future generations. For Russia it's likely to be good, as not the ill and weak people who lost the Cold War and were deprived of all aspirations and wishes will have to decide, but their successors. Last years give some cautious optimism about our youngsters, as senior students no longer want to be bandits and prostitutes, but engineers, scientists, businessmen, even cosmonauts!

The evolutionary theory of behavior provides methods that enable us to stand against the manipulation of the masses' consciousness that is carried out by the West in the form of propagation of the western system of values with the help of the western mass media that dominates the planet; gives knowledge that lets us plan by ourselves and carry out our own informational impact.

It is the technology of influence and protection that will develop more rapidly when within the framework of the ETB or some other similar system the world of psycho-social evolution is finally defined.

Working out of the mechanisms of the groups of people transition from one evolutionary formed way of behavior regulation to another, refining of the ways of preparation and spreading of information seem to be perspective trends. The mechanisms of enacting mass-like behavior and the mechanisms of enacting role behavior that are listed in the book and that I described seven years ago in "Psychological Training" will be filled up with purely psychological techniques, and possibly with chemical and physical ways of exerting influence, that let us do the same with a maximum effect.

The development of long-term planning methods should be considered of great value.

This will all greatly change the world of the 22-nd century in comparison with the present day but our time also differs from the 19-th century, and it's quite fine, we keep on living and most of us are even happy!

A phrase that our Chinese comrades say in temper to the one they argue with is as follows "I wish you lived in the times of changes." But not all of them think the same at the depths of their mysterious Asian soles. All the more, we, only half Asians don't think that it's very bad to live in the times of changes. Changes are wonderful! When a nation strives for changes it has goals. Nations that remain in the history as great ones have great goals. Let's not impede future generations of the Russians pose and solve great tasks neither by moaning over some ideals that our nation has lost, nor by borrowing in the interim of historical confusion the Western system of moral values, measured in dollars and cents. Let's remember that there are two real things: "starred sky above us and moral store within us." And about dividends nothing is said there.

Let's work and look at the future with optimism. That is exactly what psychologists-humanists recommend, and though I criticized them for their pink glasses, but... the world is very complex!

October 28, 2001

Литература

На русском языке

1. *Авцинова Г. А.* Политическое лидерство // Государство и право. 1993. № 5.
2. *Адорно Т.* Исследования личности. М., 2001.
3. Альманах / Отв. ред. А.В.Шустов СПб.: Лик, 2001.
4. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968.
5. *Андреева Г.М.* Социальная психология. М.: Аспект-пресс, 1998.
6. *Аронсон Э.* Общественное животное: Введение в социальную психологию. М., 1999.
7. *Багрецов С.А., Оганян К.М., Львов В.М., Наумов В.В.* Диагностика социально-психологических характеристик малых групп с внешним статусом. СПб.: Лань, 1999.
8. *Баталов Э.* Философия бунта. М., 1973.
9. *Бенис У., КанусБ.* Лидеры. СПб., 1995.
10. *Бердяев Н.А.* Русская идея; Судьба России. М., 1997.
11. *Бехтерев В.М.* Коллективная рефлексология. Петроград: Колос, 1921; М., 1994.
12. *Бехтерев В.М.* Объективная психология. М.: Наука, 1991.
13. *Бехтерев В.М.* Основы учения о функциях мозга. СПб.: Брокгауз и Ефрон, 1903.
14. *Бехтерева Н.П.* Нейрофизиологические аспекты психической деятельности человека. Л.: Медицина, 1971.
15. *Бжезинский З.* Большой провал. Нью-Йорк, 1989.
16. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. М.: Междунар. отношения, 1999.

17. *Блум Ф., Лейзерсон А., Хофстедтер Л.* Мозг, разум, поведение. М.: Мир, 1988.
18. *Блуммер Б.* Коллективное поведение. Самара, 1998.
19. *Болл Т.* Власть // Полит, исслед. 1993. № 5.
20. *Большаков В.Ю.* Психотренинг: Социодинамика, упражнения, игры. СПб.: Социально-психологический центр, 1996.
21. *БурдьеП.* Социология политики. М., 1993.
22. *Буреш Ян, Бурешова О., Хьюстон Дж.П.* Методики и основные эксперименты по изучению мозга и поведения. М.: Высшая школа, 1991.
23. *Вебер Г.* Всеобщая история: В 15 т. М., 1890.
24. *Вебер М.* Избранное: Образ общения. М.: Юрист, 1994.
25. *Веккер Л.М.* Психика и реальность: единая теория психических процессов. М.: Смысл. Per Se, 2001.
26. *Веккер Л.М.* Психические процессы: В 3 т. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974.
27. *Вернадский В.И.* Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988.
28. *Витте С.Ю.* Избранные воспоминания. М.: Мысль, 1991.
29. *Водовозова Е.Н.* Жизнь европейских народов: В 3 т. СПб., 1899.
30. *Вселенная и человечество: В 5 т. / Отв. ред. Ганс Кремер.* СПб.: Просвещение, 1903.
31. *Вундт В.* Основания физиологической психологии: В 2 т. СПб., 1880.
32. *Вундт В.* Проблемы психологии народов. М.: Космос, 1998.
33. *Выготский Л.С.* История развития высших психических функций. М.: Педагогика, 1983.
34. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934.
35. *Гаджиев К.С.* Геополитика. М.: Междунар. отношения, 1997.
36. *Гайдар Е.Т.* Государство и эволюция. М.: Евразия, 1995.
37. *Гамезо М.В., Домашенко И.А.* Атлас по психологии. М.: Просвещение, 1986.
38. *Ганди М.К.* Моя жизнь. М., 1959.
39. *Гегбельс Й.* Последние записи. Смоленск: Русич, 1993.
40. *Гегель Г.В.Ф.* Философия истории. СПб.: Наука, 1993.
41. *Гозман Л.Я., Шестопал Е.Б.* Политическая психология. Ростов-н/Д: Феникс, 1996.
42. *Грановская Р.М.* Элементы практической психологии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988.

43. *Грановская Р.М., Никольская М.М.* Защита личности: психологические механизмы. СПб., 1999.
44. *Гринштейн Ф.* Личность и политика // Соц.-полит. науки. 1991. № 6.
45. *Грушин Б.А.* Массовое сознание. М., 1987.
46. *Гумилев Л.Н.* Бремя страстей // Наука и религия. 1996. № 5.
47. *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989.
48. *Даллес А.* Искусство разведки. М., 1992.
49. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. СПб., 1895.
50. *Данилина В.Н., Шилов Ю.А.* Начало цивилизации. Екатеринбург: Деловая книга; М.: Раритет, 1999.
51. *Дейтон Л.* Вторая мировая. Ошибки, промахи, потери. М.: Изд-во ЭКСМО, 2000.
52. *Диалектика живой природы* / Отв. ред. В. Н. Дубинин, Г. В. Платонов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.
53. *Дневник Алексея Сергеевича Суворина.* М.: Изд-во «Независимая газета», 2000.
54. *Донцов А.И.* Психология коллектива. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.
55. *Доценко Е.Л.* Психология манипуляции. М.: ЧеРо, 1997.
56. *Дугин А.* Основы геополитики. М.: Арктогея-центр, 1999.
57. *Елинек Я.* Большой иллюстрированный атлас первобытного человека. Прага: Артия, 1982.
58. *Жириновский В.В.* Идеология для России. М., 1997.
59. *Жириновский В.В.* О судьбах России. М., 1993.
60. *Жириновский В.В.* Очерки по геополитике. М., 1997.
61. *Залысин И.* Оправданность насилия как политического средства // Соц.-полит. журн. 1995. № 5.
62. *Зимичев А.М.* Психология политической борьба. СПб.: Сайта, 1993.
63. *Иваницкий А.М., Стрелец В.Б., Корсаков И.А.* Информационные процессы мозга и психическая деятельность. М.: Наука, 1984.
64. *Ильин Е.П.* Психология воли. СПб.: Питер, 2000.
65. *Ивченко Б.П., Мартыщенко Л.А., Монастырский М.Л.* Теоретические основы информационно-статистического анализа сложных систем. СПб., 1997.
66. *Историки античности:* В 2 т. М.: Правда, 1989.
67. *Йегер О.* Всеобщая история: В 4 т. СПб.: Изд-во Маркса, 1904.

68. *Кабанес О., Пасс Л.* Революционный невроз. М.: Изд-во КСП, 1998.
69. *Калинина В.Ф., Куркова Г.Ю.* Тоталитаризм как общественное явление // Кентавр. 1993. № 1.
70. *Канетти Э.* Масса. Самара, 1998.
71. *Каница СП.* Общая теория роста человечества. М., 1999.
72. *Каста Дж.* Большие системы: Связность, сложность, катастрофы. М.: Мир, 1982.
73. *Киссинджер Г.* Дипломатия. М.: Ладомир, 1997.
74. *Клике Ф.* Пробуждающееся мышление. М.: Прогресс, 1983.
75. *Ковалевский П.И.* Психиатрические этюды в истории // Диа-лог. 1991-1993.
76. *Колмогоров А.Н.* Основные понятия теории вероятности. М.: Наука, 1974.
77. *Комар Ю.И.* Демократия и авторитаризм в третьем мире в конце XX века. М., 1995.
78. *Крамник В.В.* Социально-психологический механизм политической власти. Л.: Изд-во ЛФЭИ, 1991.
79. *Кретов Б.И.* Современные западные концепции лидерства // Соц.-гуманист. знания. 2000. № 4.
80. *Лазарев И.М.* Терроризм как тип политического поведения // Социол. исслед. 1993. № 2.
81. *Ламберт Д.* Доисторический человек: Кембриджский путеводитель. Л.: Недра, 1991.
82. *Липицкий ММ.* Взаимоотношение масс и власти // Эконом, политика и идеология. 1998. № 4.
83. *Лебедь А.И.* За державу обидно. М., 1998.
84. *Лебон Г.* Психология народов и масс. Самара, 1998.
85. *Лебон Г.* Психология социализма. СПб., 1998.
86. *Левин К.* Разрешение социальных конфликтов. СПб.: Речь, 2000.
87. *Левин К.* Теория поля в социальных науках. СПб.: Речь, 2000.
88. *Ленин В.И.* Материализм и эмпириокритицизм. М.: Полит, лит., 1986.
89. *Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
90. *Макдугалл Дж.Д.* Краткая история планеты Земля. СПб.: Амфора, 2001.
91. *Макиавелли Н.* Государь; Рассуждения о первой декаде Тита Ливия; О военном искусстве. М.: Мысль, 1996.

92. *Макиндер Х.Ф.* Географическая ось истории. М., 1997.
93. *Маклей Ч.* Наиболее распространенные заблуждения и безумства толпы. М., 1998.
94. *Малакарте К.* Техника государственного переворота. М., 1998.
95. *Маслоу А.* Мотивация и личность. СПб., 1999.
96. *Матвеев Р.Ф.* Теоретическая и практическая политология. М.: Изд-во РОССПЭН, 1993.
97. *Мельников В.М., Ямпольский Л. Г.* Введение в экспериментальную психологию личности. М.: Просвещение, 1985.
98. *Ментальность россиян* / Отв. ред. И.Г.Дубов. М., 1997.
99. *Механизмы памяти* / Отв. ред. Г.А.Вартанян и др. Л.: Наука, 1987.
100. *Милграм С.* Эксперимент в социальной психологии. СПб.: Питер, 2000.
101. *Михайловский Н.К.* Герои и толпа // Полн. собр. соч. СПб., 1907.
102. *Мишле.* Директория; История XIX века. СПб., 1882.
103. *Моисеев Н.И.* Сумерки России // Полис. 1993. № 1.
104. *Моль А.* Социодинамика культуры. М.: Прогресс, 1973.
105. *Московичи С.* Век толп. М.: Центр психологии и психотерапии, 1998.
106. *Московичи С.* Машина, творящая богов. М.: Изд-во ИСП, 1998.
107. *Мятлева Т.П.* Происхождение русской народности. СПб., 1911.
108. *Налимов В.В.* В поисках иных смыслов. М.: Прогресс, 1993.
109. *Налимов В.В.* Власть и противостояние ей // Полит, исслед. 1993. № 3.
- ПО. *Налимов В.В.* Спонтанность сознания. М.: Прометей, 1989.
111. *Николов Т.* Долгий путь жизни. М.: Мир, 1986.
112. *Обермайер Г., Биркнер Ф., Шмидт В., Гестерманн Ф., Штратманн Т.* Человек в его прошлом и настоящем: В 3 т. СПб.: Брокгауз и Ефрон, 1913.
113. *Общество и политика* / Отв. ред. В. Ю. Большаков. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000.
114. *Одарник В.* Психология политики. СПб.: Ювента, 1996.
115. *Ольшанский Д.В.* Массовые настроения переходного времени // Вопр. филос. 1992. № 4.
116. *Ольшанский Д.В.* Паника // Диалог. 1991. № 9.
117. *Орбели Л.А.* Вопросы высшей нервной деятельности. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.

118. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс // *Вопр. филос.* 1989. № 3; 4.
119. *Ортега-и-Гассет Х.* Камень и небо. М.: Грант, 2000.
120. *Панарин А.С.* Глобальное и политическое прогнозирование. М., 2000.
121. *Панарин А.С.* Искушение глобализмом. М.: Русский национальный фонд, 2000.
122. *Панарин А.С.* Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М., 1998.
123. *Парыгин Б.Д.* НТР и динамика социальных потребностей. Тбилиси, 1974.
124. *Парыгин Б.Д.* Социальная психология. СПб.: Изд-во СПбГУП, 1999.
125. *Петросян Л.А., Зенкевич П.А., Семина Е.А.* Теория игр. М.: Высшая школа, 1998.
126. *Пиболи Д., Шмелев А.Г., Андреева М.К., Граменицкий А.Е.* Психосемантический анализ стереотипов русского характера: Кросс-культурный аспект // *Вопр. психол.* № 3.
127. *Платонов Ю.П.* Народы мира в зеркале геополитики. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000.
128. *Пойа Д.* Математика и правдоподобные рассуждения. М.: Наука, 1975.
129. *Пойа Д.* Математическое открытие. М.: Наука, 1970.
130. *Померанц Г.С.* Иррациональное в политике // *Вопр. психол.* 1992. № 4.
131. *Помякин А.А.* Правовое регулирование выборов в России. СПб.: Изд-во СПбУ МВД России, 2001.
132. *Понделков А.В.* Политическая элита: Генезис и проблемы становления в России. Ростов-н/Д: Изд-во СКНЦ ВСИ, 1995.
133. *Поппер К.Р.* Открытое общество и его враги: В 2 т. М.: Культурная инициатива, 1992.
134. *Поршнев Б.Ф.* Социальная психология и история. М.: Наука, 1979.
135. *Почепцов Г.Г.* Информационные войны. М.: Рефл-бук; Ваклер, 2000.
136. *Почепцов Г.Г.* Теория и практика информационных войн. Ровно, 1999.
137. *Пратусевич Ю.М., Сербиненко М.В., Орбачевская Г.Н.* Системный анализ процесса мышления. М.: Медицина, 1989.
138. *Преториус Р.* Теория конфликта // *Полит. исслед.* 1991. № 5.

139. *Прибрам К.* Языки мозга. М.: Прогресс, 1975.
140. *Пригожий И.* От существующего к возникающему. М.: Наука, 1985.
141. *Психология масс:* Хрестоматия. Самара: Барах, 1998.
142. *Психофизика* дискретных и непрерывных задач / Отв. ред. Ю. М. Загородин, А. П. Пахомов. М.: Наука, 1985.
143. *Райх В.* Психология масс и фашизм. СПб.: Университетская книга, 1997.
144. *Ранке И.* Человек: В 2 т. СПб.: Просвещение, 1903.
145. *РатцельХ.* Земля и жизнь: В 2 т. СПб.: Просвещение, 1905.
146. *РатцельХ.* Народоведение: В 2 т. СПб.: Просвещение, 1903.
147. *Реклю Э.* Человек и Земля. СПб.: В 6 т. Брокгауз и Ефрон, 1906.
148. *РозенбергА.* Миф XX века. Таллинн: Shildex, 1998.
149. *Рокмэн Б.* Политическое лидерство // Сов. государство и право. 1991. № 5.
150. *РомекВ.Г.* Тренинг поведения: теория и практика. Ростов-н/Д: ЮРГИ, 1999.
151. *Рубин Дж., КлотД.* Психологические подход к процессам международных переговоров // Психол. журн. 1990. Т. 2. № 2.
152. *Рубинштейн С.Л.* Принципы и пути развития психологии. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
153. *Румянцева Т.Г.* Агрессия и контроль // Вопр. психол. 1992. № 5-6.
154. *Свенцицкий А.Л.* Социальная психология управления. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986.
155. *Санистэбан Л.* Политика и идеология // Диалог. 1993. № 8-9.
156. *Севастьянов Б.А.* Курс теории вероятностей и математической статистики. М.: Наука, 1982.
157. *Северцов А.Н.* Эволюция и психика. М., 1922.
158. *Сергеев Б.Ф.* Ступени эволюции интеллекта. Л.: Наука, 1986.
159. *Сержантов В. Ф.* Коллективное бессознательное и президентские выборы 1996 года. СПб., 1997.
160. *Сеченов ИМ.* Элементы мысли. М.: Изд-во АН СССР, 1952.
161. *Сигеле С.* Преступная толпа. М., 1998.
162. *Сидоренко Е.В.* Методы математической обработки в психологии. СПб.: Социально-психологический центр, 1996.
163. *Сикорский И.А.* Всеобщая психология. Киев, 1912.
164. *Собчак А.А.* Хождение во власть. М.: Новости, 1991.
165. *Солсо Р.Л.* Когнитивная психология. М.: Тривола, 1996.

166. *Сорокин К.Э.* Геополитика современность и геостратегия России. М., 1996.
167. *Сорос Дж.* Кризис мирового капитализма. М., 1999.
168. *Сорос Дж.* Новый взгляд на открытое общество. М.: Магистр, 1997.
169. *Сорос Дж.* Советская система: К открытому обществу. М., 1991.
170. *Социальная компетентность* / Отв. ред. А. А. Крылов, С. А. Маничев. СПб.: Детский кризисный фонд Гумерова, 1998.
171. *Спенсер Г.* Личность и государство // Коммунист. 1991. № 13.
172. *Сперанский А.* Конфликт в обществе // Соц.-полит. журн. 1996. № 2.
173. *Стюарт Ян., Джойс В.* Современная транзактный анализ. СПб.: Социально-психологический центр, 1996.
174. *Сунгунов А.* Становление политических партий и органов государственной власти в Российской Федерации. СПб.: Стратегии, 1994.
175. *Тайлор Э.Б.* Первобытная культура. М.: Полит, лит., 1989.
176. *Тард Г.* Законы подражания. СПб., 1892.
177. *Тард Г.* Личность и толпа. СПб., 1903.
178. *Тард Г.* Публика и толпа. СПб., 1899.
179. *Тард Г.* Социальная логика. СПб.: Социально-психологический центр, 1996.
180. *Тартаковский М.* Историсофия. М.: Прометей, 1993.
181. *Тейяр де Шарден Л.* Феномен человека. М., 1987.
182. *Тихомиров О.К.* Поппер и психология // Вопр. психол. 1995. № 4.
183. *Тинберген Н.* Социальное поведение животных. М.: Мир, 1993.
184. *Тойнби А.Дж.* Постижение истории. М.: Прогресс, 1991.
185. *Тойнби А.Дж.* Цивилизация перед судом истории. СПб.: Ювента, 1996.
186. *Торндайк Э., Уотсон Дж.Б.* Бихевиоризм. М.: АСТ-ЛТД, 1998.
187. *Тоффлер А.* Футурошок. СПб., 1997.
188. *Тыщенко В.П.* Введение в теорию эволюции. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1992.
189. *Учение И.П.Павлова и философские вопросы психологии:* Сб. ст. М.: Изд-во АН СССР, 1952.
190. *Федоров Б.Г.* Заметки об очевидном. М.: Роза Мира, 1995.
191. *Физиология поведения: Нейробиологические закономерности* / Отв. ред. А. С. Батуев. Л.: Наука, 1986; 1987.
192. *Фокс Р.* Энергия и эволюция жизни на Земле. М.: Мир, 1992.

193. *Франкл Б.Г.* Человек в поисках смысла. М., 1990.
194. *Фрейд З.* Психология масс и анализ человеческого «Я». М., 1998.
195. *Фромм Э.* Бегство от свободы. М., 1989.
196. *Фромм Э.* Душа человека. М., 1992.
197. *Фромм Э.* Из плена иллюзий. М., 1992.
198. *Фромм Э.* Концепция человека у К. Маркса. М., 1992.
199. *Фроянов И.Я.* Погружение в бездну. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999.
200. *Фулье А.* Психология французского народа: «Революционный невроз». М., 1998.
201. *Хекхаузен Х.* Мотивация и деятельность: В 2 т. М.: Педагогика, 1986.
202. *Холландер П.* Антиамериканизм. СПб.: Лань, 2000.
203. *Хорни К.* Невроз и личностный рост. СПб., 1997.
204. *Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности. СПб., 1997.
205. *Цуканов Б.И.* Время в психике человека. Одесса: Астропринт, 2000.
206. *Человек, политика, психология (материалы круглого стола) //* Вопр. филос. 1995. № 4.
207. *Чижевский А.Л.* Космический пульс жизни. М.: Мысль, 1995.
208. *Чижевский А.Л.* На берегу Вселенной. М.: Мысль, 1995.
209. *Шестопал Е.Б.* Восприятие образов власти: Политико-психол. анализ // Полит, исслед. 1995. № 4.
210. *Шестопал Е.Б.* Личность и политика. М., 1988.
211. *Шпакова Р.* Типы лидерства в социологии М. Вебера // Социол. исслед. 1988. № 5.
212. *Шмелев А.Г.* Психология политического противостояния: тест социального мировоззрения // Психол. журн. 1992. Т. 13. № 5.
213. *Шмитт К.* Понятие политического // Вопр. социол. 1992. Т. 13. № 5.
214. *Шпенглер О.* Закат Европы. М.: Мысль, 1993.
215. *Эбенштайн В.* Государство и «Я» // Знание — сила. 1990. № 10.
216. *Элькин Д.Г.* Восприятие времени. М.: АПН РСФСР, 1962.
217. *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг. М.: Полит, лит., 1951.
218. *Энгельс Ф.* Диалектика природы. М.: Политиздат, 1982.
219. *Юнг К.Г.* Психология бессознательного. М., 1994.
220. *Юнг К.Г.* Психология и алхимия. М., 1997.

- 221. Юнг К.Г. Сознание и бессознательное. СПб.: Университетская книга, 1997.
- 222. Юрьев А.М. Введение в политическую психологию. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1992.

На иностранных языках

- 223. Balandier G. *Anthropologic politique*. Paris, 1967.
- 224. Barnes B. *The Nature of Power*. Gamburg, 1988.
- 225. Bergson A. *Two sources of morality and religia*. S.I., 1935.
- 226. Brzezinski Z. *The premature partnership* // *Foreign Affairs*. 1994. Vol. 73. N 2.
- 227. Click B. *The American Science of Politics: Its Origins and Conditions*. Westport (Conn.), 1982.
- 228. Freedman J.L. *Crowding and behavior*. San Francisco, 1975.
- 229. Huntington S.P. *If not civilization, what? Paradigms of post-cold war period* // *Foreign Affairs*. New York. 1993. Vol. 72. N 5.
- 230. Huntington S.P. *The clash of civilization* // *Ibid*. N 3.
- 231. Huntington S.P. *The third wave: Democratization in the late twentieth century*. London, 1991.
- 232. load C.E. *Guide to the phuosophy of morals and politics*. S.I., 1938.
- 233. Lasswel H. *Psychopathology and Politics*. Chicago, 1931.
- 234. Lasswel H.D. *Word Politics and Personal Insecurity*. New York, 1935.
- 235. Mackinder H. *The geographical pivot of history* // *Geogr. Journ*. 1904. N 23.
- 236. Rassel B., Starr H. *Word Politics: The Menu for Choice*. 3rd ed. New York, 1989.
- 237. Schwarzenberger G. *Power Politics*. London, 1964.
- 238. Simmel G. *The philosophy of money*. Londres, 1978.
- 239. Spykman N.I. *America's strategy in world politics*. New York, 1942.
- 240. Strauss-Hupe P. *Geopolitics: The struggle for Space and Power*. New York, 1942.
- 241. *The Collected works of C.G. Jung*. New York, 1964.

Оглавление

Предисловие 5

Глава 1. Исторический обзор //

Краткое описание развития науки о толпе. Определение места науки о толпе среди других областей знания. Этапы становления, цепочки последовательностей и трансформации взглядов исследователей явлений в области психологии масс

Глава 2. Литературный обзор 23

Изложение взглядов лидеров четырех волн исследований феномена толпы. Определение ключевых идей, принципов систематизации, сильных и слабых мест теорий, объясняющих массовидное поведение и его следствия

Глава 3. Типы регуляции повеления 163

Поведение человека как результат действия трех групп регуляторов поведения, сложившихся в ходе единой биосоциальной эволюции. Сознательный и бессознательный виды регуляции. Некоторые гипотезы и эксперименты

Глава 4. Эволюционная теория повеления 181

Подходы к вопросам эволюционирования психики. Единство и особенности биологической и поведенческой эволюции. Единицы, действующие силы поведенческой эволюции; факторы, обеспечивающие ее течение. Индивидуальные, ролевые и массовидные способы регулирования поведения

Глава 5. Поведенческие деформации 199

Особенности поведения людей, находящихся в условиях устойчивого доминирования определенных сочетаний групп поведенческих регуляторов. Особенности работы анализаторов в группах людей различной численности. Алгоритмы, запускающие массовидное поведение

Глава 6. Современная толпа 233

Феномен массовидного поведения в современных условиях. Возникновение социальных структур, предрасположенных к массовидному поведению. Потребность в механизмах массовидной регуляции поведения, обусловливаемая процессом глобализации

Глава 7. Классификация толпы 245

Виды толпы, собираемой по потребностям различного уровня. Толпа, собранная по низшим потребностям. Совместная толпа людей и животных. Использование методов провоцирования массовидного поведения для формирования коллективного бессознательного. Феномен обратной связи поведенческой и биологической эволюции

Глава 8. Методы изучения толпы 269

Концептуальные основы изучения феномена. Описание экспериментов, позволяющих изучить особенности протекания памятных, эмоционально-волевых и других процессов в толпе. Саморазгон целенаправленности поведения в толпе. Социальные последствия развития виртуальных структур. Методы исследования толпы

Глава 9. Связи общества 295

Информационные и пространственно-временные связи. Элементарные коммуникативные структуры общества. Экспериментальные попытки исследования прохождения информационных потоков

Глава 10. Органы государственного управления 311

Государственные структуры в свете эволюционной теории поведения. Взаимодействие ветвей власти; уровни власти. Закономерности эволюционирования властных структур в эпоху перестройки

Глава 11. Структура образования 341

Эволюция методов передачи знания в поколениях. Планетарное распределение интеллектуального потенциала. Российская школа как стабилизатор общественных процессов. Пути интегрирования российских специалистов в мировое научное сообщество. Образовательные программы

Глава 12. Средства массовой информации 363

Становление средств массовой информации как фактора, обеспечивающего массовидную регуляцию социума. Деформирование доносимой посредством СМИ информации. Методы психологической защиты тележурналистов; личностные деформации, обусловленные их профессиональной деятельностью. Конфликт на НТВ весной 2001 г. в свете следствий эволюционной теории поведения

Глава 13. Избирательные кампании 405

Выборы как искусство манипулирования поведением избирателей с применением методов индивидуальной, ролевой и массовидной регуляции. Элементы стратегического планирования избирательных кампаний

Глава 14. Современное мироустройство 423

Типы государственности и социально-экономических формаций как производная превалирования различных групп поведенческих регуляторов. Глобализация и другие тенденции развития человечества с точки зрения эволюционной теории поведения

Глава 15. Институты стратегического планирования 441

Эволюционно обусловливаемая потребность создания структур долгосрочного планирования развития социума. Необходимость совмещения планирования и деятельности в работе подобных организаций. Шансы и перспективы России

Заключение 469**Литература 479**

Contents

Preface 5

Chapter 1. Historical Review //

Brief description of the science of crowd development. Determination of the science of crowd place among other fields of knowledge. Stages of formation, chains of consecution, and transformation of the views of the masses psychology phenomena researchers

Chapter 2. Literary Review 23

Presentation of the leaders' of the four waves of researches views on crowd phenomenon. Definition of key ideas, systematization principles, strong and weak points of the theories explaining mass-like behavior and its consequences

Chapter 3. Kinds of Behavior Regulation 163

Person's behavior as a result of work of the three groups of behavior regulators that have formed in the course of common bio-social evolution. Conscious and unconscious kinds of regulation. Some hypotheses and experiments

Chapter 4. Evolutionary Theory of Behavior 181

Approaches to the issues of psychology evolution. Common and peculiar traits of biological and behavioral evolution. Units, working forces, and factors providing for the behavior evolution. Individual, role, and mass-like ways of behavior regulation

Chapter 5. Behavior Deformations 199

Distinctive features of the behavior of people who are in the environment of constant domination by definite combinations of groups of behavior regulators. Peculiarities of analyzers' work in groups made of different number of people. Algorithms that set mass-like behavior working

Chapter 6. Modern Crowd 233

The phenomenon of mass-like behavior in modern conditions. Emergence of social structures that are predisposed to mass-like behavior. Necessity in the mechanisms of mass-like behavior regulation that is caused by the process of globalization

Chapter 7. Crowd Classification 245

Kinds of crowd gathered because of necessities of different levels. Crowd gathered because of the lowest necessities. A joint crowd of people and animals. Usage of mass-like behavior provoking methods to form collective unconscious. Phenomenon of feedback of behavior and biological evolutions

Chapter 8. Methods of Crowd Studying 269

Conceptual grounds to study the phenomenon. Description of experiments that let us study the peculiarities of memory, emotional and volitional, and other processes passing in a crowd. Self-dispersion of behavior purposefulness in a crowd. Social consequences of the development of virtual structures. Methods of crowd studying

Chapter 9. Society Links 295

Informational and time and space links. Elementary communicative structures of the society. Experimental attempts to research the passing of informational flows.

Chapter 10. Bodies of Government 311

State structures in the light of the evolutionary theory of behavior. Branches of power interaction; levels of power. Patterns of powerful structures evolution in perestroika epoch.

Chapter 11. Structure of Education 341

Evolution of the methods of knowledge transition in generations. Planetary distribution of the intellectual potential. Russian school as a stabilizer of social processes. Ways of Russian specialists integration into the world scientific community. Educational programs

Chapter 12. Mass Communication Media 363

Mass media formation as a factor providing for the mass-like regulation of the society. Deformation of the information received via mass media. Methods of TV journalists psychological protection; personality deformations caused by their professional activities. Conflict at the NTV in spring 2001 in the light of the evolutionary theory of behavior consequences

Chapter 13. Election Campaigns 405

Elections as an art of manipulating voters' behavior by applying methods of individual, role, and mass-like regulation. Elements of electoral campaigns strategic planning

Chapter 14. Structure of the Present World 423

Types of state systems and of socio-economic formations as a derivative of different groups of behavior regulators prevalence. Globalization and other humanity development tendencies from the point of view of the evolutionary theory of behavior

Chapter 15. Institutions of Strategic Planning 441

Evolution-caused necessity of the creation of the structures of long-term society development planning. Necessity of combining planning and activities in the work of such organizations. Russia's chances and perspectives

Afterword 469**Bibliography 479**

Научное издание

В. Ю. Большаков

ЭВОЛЮЦИОННАЯ ТЕОРИЯ ПОВЕДЕНИЯ

Администратор издания *В. Н. Журков*

Редактор *И. А. Богданова*

Художественный редактор *Е. А. Соловьева*

Технический редактор *Е. И. Егорова*

Корректор *И. В. Лутц*

Верстка *Т. В. Семеновой*

Лицензия ИД № Q5679 от 24.08.2001.

Подписано в печать 07.12.2001. Формат 60х90¹/₁₆.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 31 + 1,125 печ. л. вкл. Тираж 3000 экз. Заказ № 2343.

Издательство СПбГУ. 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Отпечатано с диапозитивов в ФГУП «Печатный двор» Министерства РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

Тематика исследований социально-психологического центра

Наша работа условно может быть подразделена на три направления.

1. Исследование ролевого поведения, закономерностей существования малых групп; изучение масс, дальнейшее развитие эволюционной теории поведения.

2. Воздействие на общественные, научные и политические процессы в России путем публикации результатов исследований, художественных произведений, создания кино- и телематериалов, участия в общественно-политической жизни страны с использованием прикладных аспектов эволюционной теории поведения.

3. Попытка упорядочения систем научных знаний, создание плацдарма для дальнейшего развития науки; популяризация науки, противодействие распространению лженаучного мировоззрения.

В рамках первого направления планируется издание трех книг:

а) «Ролевые и массовидные процессы». Задумана как продолжение «Эволюционной теории поведения». Исследование в области биологии, психологии и социологии масс, рассчитанное на 8-10 лет, уже сегодня приносит интересные результаты, имеющие большое прикладное значение.

б) «Лекции по психологии массовидных явлений». Попытка создать в области психологии толпы произведение, аналогичное в подходе знаменитым «Фейнмановским лекциям по физике».

в) «Математические методы в психологии». Автор Е.В. Сидоренко. Первая часть этой книги вышла в 1996 г. и была посвящена непараметрическим методам математической статистики. Книга оказалась очень нужной специалистам, выдержала ряд переизданий. В настоящее время ведутся переговоры с автором о написании второй части книги.

Второе направление в своей литературной части реализуется в подготовке и издании следующих книг.

а) «Аэрокосмическая деятельность». Рассматриваются варианты космического развития цивилизации, приводятся примеры нереализованных и перспективных космических программ. Книга носит научно-популярный характер.

б) «Альтернативные управленческие структуры». Книга готовится в рамках разработки эволюционной теории поведения. Авторы И.В. Андрейченко и В.Ю. Большаков. Ирина Витальевна отработала и подготовила к публикации информацию о сектах, тайных обществах и других альтернативных государствам структурах, а Владимир Юрьевич рассматривает вопросы эволюции социума.

в) «Планетарные процессы — Россия». Продолжение книги «Россия — планетарные процессы», в настоящее время время подготовленной к изданию весной 2002 г.

В рамках третьего направления готовятся к публикации следующие книги.

а) Учебник по психологии.

б) «Методы психологического манипулирования».

в) В более отдаленных планах — создание серии под названием «Экспериментальная психология».

Итогом же цикла работ, рассчитанного на 10-11 лет, должна стать книга «Вопросы психологии», содержащая в себе перечень проблем психологии и пограничных наук, которая в настоящее время не решены. Поставить нерешенные вопросы — это наиболее сложно и интересно.

Научный процесс поддается планированию, но не абсолютно. Не исключено, что мы примем решение опубликовать результаты каких-либо иных исследований, если те окажутся интересными, или откажемся от издания некоторых заявленных книг. Но в пользу указанной последовательности можно сказать многое, и мы постараемся выполнить все запланированное.

Приглашаем к сотрудничеству авторов интересных идей.

*Директор Санкт-Петербургского социально-психологического центра
доктор психологических наук В.Ю. Большаков*